

Санкт-Петербургский
государственный
университет

РОССИЯ

в глобальном мире: новые вызовы и возможности

*Сборник работ XI международной
студенческой научной конференции*

Санкт-Петербург
2023

УДК 316.42

ББК 60.56

Р76

Посвящается памяти Игоря Владимировича Иванникова

Редакторы:

Альмуков Т.М., Балавина Е.К., Белоусов В.Д., Боброва А.Ю., Габриелян М.О.,
Гулакова А.А., Ефимова А.А., Зайцев В.О., Зенков М.А., Карпушева В.А.,
Козлова К.В., Кондрин М.Д., Кузьмин И.А., Машенин А.В., Перова П.Д.,
Попов Д.И., Субботин И.А., Харин А.О.

Рецензенты:

Барынкин А.В., к.и.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ
Григорьева О.В., к.полит.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ
Голубев Д.С., к.полит.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ
Иванников И.В., к.и.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ
Колесников А.А., д.и.н., профессор кафедры международных гуманитарных связей
Конвалова К.А., к.и.н., ассистент кафедры мировой политики СПбГУ
Портнягина М.Д., к.и.н., доцент кафедры международных гуманитарных связей
Сбойчакова А.В., к.полит.н., ст. преподаватель кафедры мировой политики СПбГУ
Ткаченко С.Л., д.э.н., профессор кафедры европейских исследований СПбГУ
Тулунов Д.С., к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отноше-
ний СПбГУ
Фёдоров Н.В., к.и.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ
Цветков И.А., к.и.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ
Чихачёв А.Ю., к.полит.н., ст. преподаватель кафедры европейских исследований
СПбГУ

Р76 Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности:

Сборник работ XI международной студенческой научной конференции. — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023. — 627 с.

ISBN 978-5-00197-106-1

Сборник содержит доклады участников Одиннадцатой международной студенческой научной конференции «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности», проведенной на базе Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета с 6 по 8 апреля 2023 г. Представлены результаты работы 13 секций, сформированных по региональному и проблемному принципу и объединённых целью осмыслить место России в политических, экономических и социокультурных процессах современности.

УДК 316.42

ББК 60.56

Р76

ISBN 978-5-00197-106-1

© Коллектив авторов, 2023

© Санкт-Петербургский

государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И АРКТИКА»

Давыденко Роман Евгеньевич

Потенциал Северного морского пути как альтернативного маршрута транспортировки углеводородов 8

Ненашева Анастасия Евгеньевна

Российское присутствие на Шпицбергене в XXI веке: вызовы и перспективы 21

Перова Полина Станиславовна

Международное научное сотрудничество в арктических исследованиях на примере отношений России и Сингапура 32

Шанина Ксения Александровна, Фроловская Виктория Дмитриевна

Сотрудничество в освоении Арктики как основа для выстраивания конструктивного диалога между Российской Федерацией, Республикой Корея и Японией. 47

Kitov Vladislav Nikolaevich, Kondrin Maksim Dmitrievich

Comparison of models of interaction between extractive companies and the autochthonous peoples of the Russian Far North and the indigenous people of the Canadian Arctic 59

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА»

Алексеева Елена Олеговна

Сравнительный анализ использования понятия «информационная война» на стратегическом уровне в США и РФ в XXI веке 71

Габриелян Максим Олегович

Феномен нарратива о фронтире как категории внешнеполитического дискурса США (на примере российско-американских отношений в период администрации Дж. Байдена) . . . 83

Кузнецов Алексей Геннадьевич

Применение концепции «RtoP» («Ответственность защищать») как международной нормы по обеспечению международной безопасности. 95

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»

Бокарева Татьяна Александровна

Опыт и перспективы сотрудничества России с Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК). 107

Некрасова Анастасия Александровна

Эволюция взаимоотношений между Россией и МЕРКОСУР в области сельского хозяйства на современном этапе. 118

Росуцан Александр Сергеевич, Семижонов Владимир Александрович

Торговые отношения Бразилии и России при администрации Ж. Болсонару (2019–2022). 131

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК»

Балавина Ева Константиновна

Сравнение подходов России и Турции в достижении лидирующих позиций в странах Сахеля. 142

Грачева Алиса Максимовна, Паптинен Иван Евгеньевич

Ядерная программа Ирана в контексте российско-иранских отношений. 155

Машенин Андрей Владиславович

Перспективы развития сотрудничества России и исламских стран в рамках БРИКС. 166

Николаева Ольга Денисовна

Курдский фактор в ближневосточной политике России по отношению к сирийскому конфликту. 179

Пряникова Алина Алексеевна

Взаимодействие России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки в сфере продовольственной безопасности в условиях продовольственного кризиса. 191

Daniyal Ranjbar Meshkin

Влияние санкций на ирано-российские отношения: сравнительное исследование до и после санкций. 203

СЕКЦИЯ «РОССИЯ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ»

Баранов Илья Николаевич

Роль России в современной внешнеполитической стратегии Турции. 215

Ефимова Анна Александровна

Региональные державы на Ближнем Востоке: сравнение турецкого и российского подходов к развитию отношений с Ливаном. 228

<i>Мильдзихова Элиза Иосифовна</i>	
Общие и конфликтующие интересы Российской Федерации и Турецкой Республики на современном этапе.	239
<i>Яковлева Елена Сергеевна</i>	
Рост нестабильности в Черноморском регионе с 2014 года: влияние военного присутствия НАТО.	252

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

<i>Евстигнеев Никита</i>	
Русская община Латвии в период современных вызовов: проблема самоидентификации.	262
<i>Харламова Екатерина Максимовна</i>	
Польша и концепция Новой Восточной Европы: роль и перспективы геополитического влияния в регионе.	275

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА»

<i>Кузнецов Егор Тимофеевич</i>	
Россия в повестке парламентских партий Великобритании: современность и перспективы.	285
<i>Субботин Илья Александрович</i>	
«Политика ценностей» и «политика интересов» как элементы внешнеполитического курса ФРГ по отношению к России на современном этапе (2005–2023 гг.).	296
<i>Чепурнаева Ольга Юрьевна, Смирнова Анастасия Николаевна</i>	
Российско-австрийские отношения как фактор внешнеполитической стратегии Австрии.	310
<i>Vilchinskii Anton Sergeevich</i>	
Russia — EU sanctions war: impact on Spanish political process.	323

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА»

<i>Акимочкин Дмитрий Сергеевич</i>	
Особенности сотрудничества России и Фарерских островов после 2014 года.	334
<i>Давыдов Денис Александрович</i>	
Экономические отношения Российской Федерации и датской автономии Фарерские острова в 2014–2022 гг.	348
<i>Карпушева Виктория Алексеевна</i>	
Фактор России в финско-шведском сотрудничестве в области безопасности в 2014–2023 гг.	359
<i>Козлова Кристина Васильевна</i>	
Роль языковой политики как части интеграционной политики Королевства Швеция и Российской Федерации.	371
<i>Морозова Дарья Александровна</i>	
Перспективы обеспечения энергетической безопасности Германии. Способна ли Норвегия заменить Россию?	384

<i>Simonova Valeriia, Popov Dmitrii</i>	
Perception of the Nordic Brand beyond the Norden: the Case of Scandinavia Club	397

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»

<i>Саликова Айша Бауыржановна</i>	
Проблемы сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в сфере высшего образования	409
<i>Шегирбаев Ожет Амирбекович</i>	
Влияние санкций на казахстанско-российские отношения в торгово-экономической сфере в 2022 году	420

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»

<i>Алексеева Елена Витальевна</i>	
Российская мягкая сила глазами китайских ученых	429
<i>Бирюков Никита Валерьевич</i>	
Внешняя культурная политика России и Японии: различия в подходах и перспективы сотрудничества в сфере массовой культуры	443
<i>Блажевич Артем Валерьевич,</i>	
Сотрудничество России и Мьянмы в вопросах обороны и атомной энергетики в контексте актуальных позиций России в Юго-Восточной Азии	453
<i>Зайцев Владислав Олегович</i>	
Историческая память в отношениях Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации	466
<i>Кислицина Вероника Михайловна</i>	
Атомная энергетика как перспективная сфера сотрудничества России и Индонезии	477
<i>Николаева Алиса Александровна</i>	
«Тенденции российско — китайского сотрудничества в ИТ — секторе в 2022–2023 гг. в контексте санкционной политики Запада».	490
<i>Турцева Анна Владимировна, Погорелая Екатерина Владимировна</i>	
Влияние создания оборонного альянса AUKUS на внешнюю политику России	501
<i>Фокин Ярослав Павлович, Юрова Маргарита Александровна</i>	
Концепции Индо-Тихоокеанского региона Японии и Индии: сравнительный анализ и импликации для России	513

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»

<i>Кровицкая Анастасия Витальевна</i>	
Холокост и другие геноциды в медийном дискурсе России и Германии	525

Мифтахов Тимур Джалилеви

Преодоление коллективной культурной травмы: на примере суда над А. Эйхманом (опыт для осмысления советского прошлого) . . . 537

Скидан Ольга Алексеевна, Трофимова Анна Сергеевна

Эволюция представлений о роли СССР во Второй мировой войне в западноевропейском обществе XXI века на примере Германии и Италии. 550

Fayzeeva Milana, Popov Dmitrii

Memory of the USSR in the Contemporary Estonian Cinema: the Case Study of the Movie “The Little Comrade” (2018) 563

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА»

Абахтимова Дарья Олеговна

Будущее развитие проекта «Северный поток» в эпоху газового перелома. 575

Глухова Анастасия Сергеевна

Отражение теории экономических циклов Кондратьева в современной политэкономической ситуации 587

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

Чепурнаева Ольга Юрьевна

Влияние современных международных конфликтов на политику нейтралитета некоторых европейских держав. 599

Фокин Ярослав Павлович, Юрова Маргарита Александровна

Основные черты сотрудничества России и БРИКС в рамках взаимодействия с латиноамериканскими странами в начале XXI века. 612

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И АРКТИКА»

Давыденко Роман Евгеньевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Факультет гуманитарных и социальных наук
Бакалавриат

Потенциал Северного морского пути как альтернативного маршрута транспортировки углеводородов

The potential of the Northern Sea Route as an alternative
hydrocarbon transportation route

Аннотация: В условиях возрастания роли Северного морского пути (далее — СМП) в качестве транспортной артерии России в Арктике становится актуальным рассмотрение потенциала СМП по увеличению транзитных перевозок танкеров с нефтью и СПГ в сравнении с крупнейшими мировыми морскими маршрутами: Суэцким и Панамским каналами, Ормузским и Малаккским проливами. Автором был сделан вывод о том, что СМП может в будущем интегрироваться в мировую систему транспортировки углеводородов, но не станет полноценной альтернативной по объективным природным причинам и связанными с этим издержками. Результаты, основанные на статистических данных из первоисточников, позволяют сделать достоверные выводы относительно перспектив развития СМП как альтернативного маршрута транспортировки углеводородов.

Ключевые слова: Северный морской путь, углеводороды, Суэцкий и Панамский каналы, Национальная арктическая транспортная линия, Ормузский и Малаккский проливы, каботажные перевозки, транзит.

Abstract: As the increasing role of the Northern Sea Route (hereinafter — NSR) as the transport artery of Russia in the Arctic, it becomes relevant to consider the potential of the NSR to increase the transit traffic of oil and LNG tankers in comparison with the world's largest maritime routes: Suez and Panama Canal, the Straits of Hormuz and Malacca. The author concluded that the NSR can be integrated into the global hydrocarbon transportation system in the future but will not become a full-fledged alternative due to objective natural reasons and related costs. The results, based on statistical data from primary sources, allow us to draw reliable conclusions regarding the prospects of the NSR development as an alternative route for the transportation of hydrocarbons.

Keywords: Northern Sea Route, hydrocarbons, global maritime routes, National Arctic Transport Line, cargo transportation, short sea shipping, transit.

В Морской доктрине Российской Федерации, утверждённой Указом Президента 31.07.2022 г., Арктическая зона (далее — АЗ) и СМП были определены как приоритетные направления вследствие своего возрастающего значения в системе мировых транспортных коммуникаций [1]. Ввиду того, что географические особенности подводного рельефа российской АЗ создают сложности при транспортировке жидких углеводородов, то предпочтение отдаётся арктическому танкерному флоту, способному обеспечить бесперебойность находящейся в неблагоприятных климатических условиях трассы. В то же время эффективная и безопасная транспортировка жидких углеводородов является одним из важнейших аспектов экономического развития нефтедобывающих стран. Так, по приблизительным оценкам экспертов, добываемые запасы углеводородов континентального шельфа Арктики составляют 98,7 млн. тонн топлива. На шельфе сосредоточено 25% запасов нефти и газового конденсата и 70% газа России, а по совокупному нефтегазовому потенциалу осадочные бассейны российского сектора Арктики сравнимы с крупнейшими нефтегазовыми регионами мира [2, с. 99]. Говоря о каботажных перевозках, нужно отметить, что зачастую для арктических нефтегазовых месторождений, сильно отдалённых от трубопроводной инфра-

структуры, наиболее рациональной является именно транспортировка углеводородов по морю.

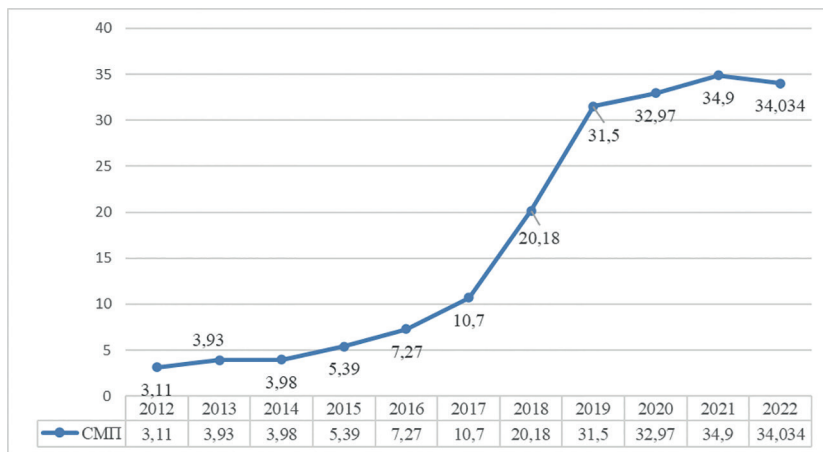
В ближайшие несколько десятилетий в условиях увеличения объёмов морской транспортировки углеводородов становится важной роль СМП. В этой связи значение СМП, соединяющий и отечественные, и западные порты, будет усиливаться вследствие следующих факторов:

- Расстояние между портами Мурманск и Иокогама (Япония) через СМП составляет 5,8 тыс. морских миль, а через Суэцкий канал — 12,8 тыс. морских миль и, как следствие, существенная экономия до \$500 тыс. на топливе и на оплате труда экипажа вследствие сокращения времени рейса [3, с. 189];
- В летний период стоимость перевозки одного контейнера по СМП в среднем на 33–35% ниже аналогичной доставки через Суэцкий канал [4, с. 237];
- Отсутствие длительных очередей и дополнительной платы за проход, а также риска нападения пиратов.

Однако как на внутренних, так и на транзитных перевозках через СМП чрезвычайно важно соблюдать правила безопасной транспортировки нефти и СПГ, учитывать ледовую обстановку и подводный рельеф на допустимую скорость судна, а также особенности судовождения в высоких широтах (70–75°), где есть высокая вероятность выхода из строя даже современных радиоприёмников и средств навигации и т. д. [5, с. 153].

За последние 11 лет грузопоток по СМП отметился стремительным ростом. Однако впервые за рассматриваемый период по итогам 2022 г. показатели упали примерно на 0,8 млн. тонн (Диаграмма 1). Это объясняется усугублением украинского кризиса и введением беспрецедентных санкционных ограничений против Российской Федерации, что спровоцировало отказ иностранных компаний от использования СМП, мотивируя это тем, что существует высокий риск попасть под вторичные санкции. В этих условиях видится невозможным достижения прогнозируемых показателей «Росатома» как к 2024 (80 млн. тонн), так и к 2030 гг. (150 млн. тонн).

Диаграмма 1. Общий объём грузоперевозок по СМП за 2012–2022 гг., в млн. тонн

Источник: ФГКУ «Администрация Севморпути», ФГУП «Росатомфлот», ЕМИСС — Росстат и Минцифры России.

В зависимости от ледовой обстановки СМП подразделяется на Западный сектор — от Мурманска до Дудинки, протяжённостью около 2500 миль, и Восточный сектор — от Дудинки до Чукотки, протяжённостью около 2800 миль [6, с. 151]. В каждом секторе находятся ключевые порты и перевалочные пункты, наиболее важными из которых являются: Архангельск, Мезень, Сабетта, Анадырь, Мурманск, Варандей, Нарьян-Мар, Витино, Онега, Дудинка, Певек, Игарка, Провидения, Кандалакша и Эгвекинот. В основном они ориентированы на перевалку внешнеторговых грузов. В то же время лишь порты Мурманска и Сабетты отвечают всем требованиям безопасности плавания в полярных широтах и обладают современной инфраструктурой. Тем самым необходимость в обновлении портов Крайнего Севера достигает критических 85%. [7, с. 277–278]. Главными внутренними пользователями СМП являются «Норильский никель», Газпром, Лукойл, Новатэк, Роснефть, Росшельф и некоторые другие [8, с. 92], которые, помимо всего прочего, выделяют финансирование для обновле-

ния портовой инфраструктуры, но непосредственное целостное управление СМП находится в сфере деятельности Росатома, который также контролирует проведение Северного завоза для обеспечения товарами жителей Крайнего Севера [9, с. 132].

Вдобавок, сейчас наблюдаются положительные изменения структуры арктического флота России: вводятся новые крупнотоннажные суда высокого ледового класса Arc7, предназначенные для увеличения объёма морских грузоперевозок по арктическим маршрутам, прежде всего по СМП [10, с. 1229]. Строительство новых ледоколов «Якутия», «Чукотка», «Лидер» вдобавок к уже существующим «50 лет Победы», «Таймыр», «Ямал», «Вайгач» и др. значительно усиливает российский ледокольный флот, который должен без задержек и очередей обеспечивать возросший спрос на ледовую проводку отечественных судов.

Другим важным аспектом является анализ реального спроса отечественных и зарубежных компаний на транзит через СМП по сравнению с Суэцким и Панамским каналами. Разница в 239 раз с Суэцким каналом и в 154 раза с Панамским каналом по максимальным показателям за рассматриваемый период (Таблица 1) позволяет сделать промежуточный вывод о том, что во-первых, рост грузоперевозок по СМП увеличивается по большей части за счёт именно российских компаний, во-вторых, использование СМП как транзитного пути между Юго-Восточной Азией и Европой не пользуется на данный момент широким спросом у иностранных компаний, а сложившаяся международная обстановка, как видится, лишь ухудшит показатели по итогам текущего 2023 г.

Таблица 1. Количество судов, прошедших транзитом через СМП, Суэцкий и Панамский каналы за 2012–2022 гг., в ед.

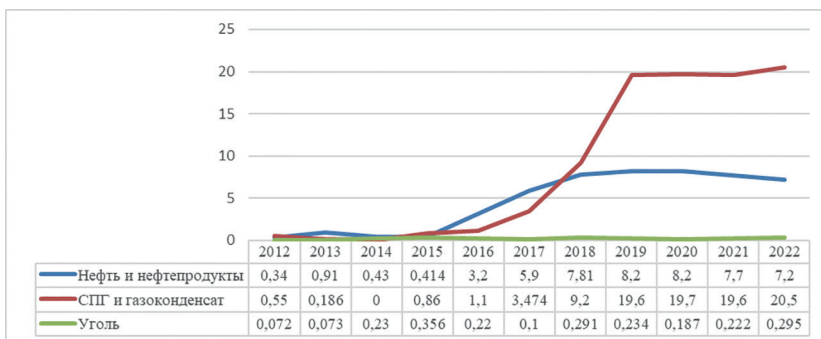
СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ										
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
46	71	22	18	19	27	27	37	64	92	н.д.
СУЭЦКИЙ КАНАЛ										
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
17.224	16.596	17.148	17.483	16.833	17.550	18.174	18.880	18.830	20.649	22.032

ПАНАМСКИЙ КАНАЛ										
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
12.862	13.660	13.481	13.874	13.114	13.548	13.795	13.785	13.369	13.342	14.239

Источник: Общественный совет СМП, ФГКУ «Администрация Севморпути», Росморречфлот, CHNL, Suez Canal Authority, Panama Canal Authority.

В глобальном энергобалансе доля углеводородов составляет 80% [11, с. 184], что даёт основание полагать, что именно от них зависят темпы развития мировой экономики. Существуют оценки, по которым мировой спрос на СПГ к 2035 г. удвоится и составит около 600 млн. тонн за счёт повышенного спроса со стороны стран Азиатского-Тихоокеанского региона [12, с. 79]. В то же время транспортировка энергоресурсов по СМП составляет более половины всех перевозок, а с учётом Баренцева моря — не менее 75% [13, с. 121], что особенно ярко видно при сравнении Диаграммы 1 и 2, где из-за резкого роста транспортировки углеводородов в 2017 г. резко начали увеличиваться и общие показатели грузопотока.

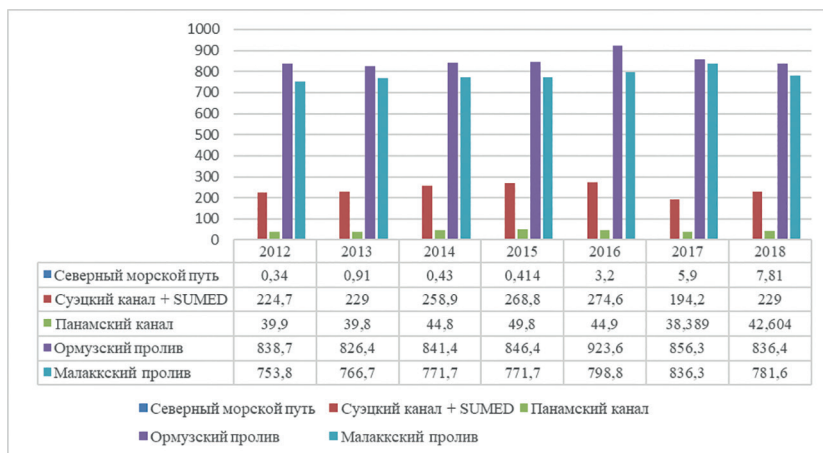
Диаграмма 2. Объёмы грузоперевозок угля, нефти и нефтепродуктов, СПГ и газоконденсата по СМП за 2012–2022 гг., в млн. тонн

Источник: «Росатом», ФГКУ «Администрация Севморпути», CHNL.

Но, к сожалению, на данный момент СМП скромно представлен на карте международных морских транзитных перевозок. По статистическим показателям (Диаграмма 3) он значительно уступает Малаккскому и Ормузскому проливам, Суэцкому и Панамскому каналам, что подтверждает тезис о том, что несмотря на многие надежды, возлагавшиеся на СМП в 2010-х гг., ситуация на 2023 г. кардинально изменилась: уже очевидно, что он не станет альтернативной ключевым южным морским маршрутам как минимум в ближайшие десятилетия.

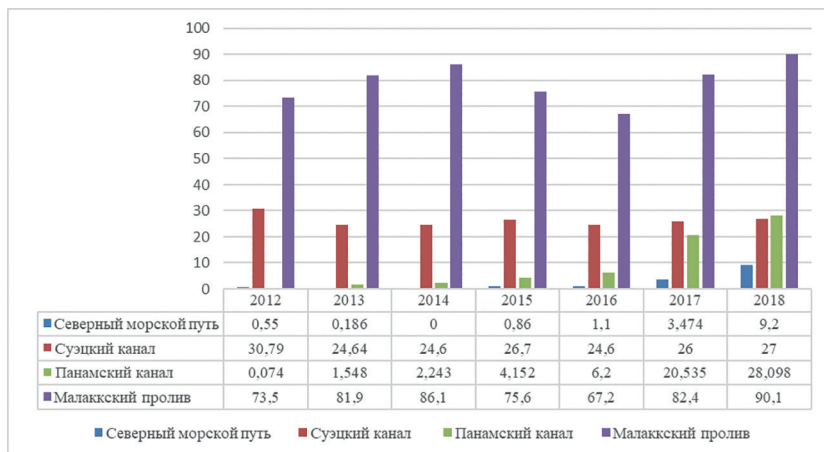
Диаграмма 3. Объёмы грузоперевозок нефти и нефтепродуктов за 2012–2018 гг., в млн. тонн

Источник: «Росатом», ФГКУ «Администрация Севморпути», US Energy Information Administration (EIA), OPEC, Autoridad del Canal de Panamá, Suez Canal Authority, Marine Department of Peninsular Malaysia.

То же самое мы видим касательно объёмов грузоперевозок газа и газоконденсата за 2012–2018 гг. на основных мировых морских маршрутах в сравнении с СМП (Диаграмма 4). По транспортировке газа и газоконденсата СМП значительно уступает даже Панамскому и Суэцкому каналам, не говоря о Малаккском проливе.

Диаграмма 4. Объёмы грузоперевозок газа и газоконденсата за 2012–2018 гг., в млн. тонн

Источник: «Росатом», ФГКУ «Администрация Севморпути», US Energy Information Administration (EIA), ОПЕС, Autoridad del Canal de Panamá, Suez Canal Authority, Marine Department of Peninsular Malaysia.

Это объясняется наличием явно негативных факторов, нивелирующих вышеперечисленные преимущества СМП:

- Низкая пропускная способность из-за короткого периода автономного плавания (от 2 до 4 месяцев) без использования ледокольной проводки, стоимость которой в рыночных условиях постоянно возрастает, что отрицательно сказывается на рентабельности рейса;
- Тяжёлые природные условия и доминирование низких температур. Например, в акватории моря Лаптевых в летний период средняя температура не поднимается выше +1 °С, что обуславливает угрозу ледового сжатия и последующего повреждения судов, что может привести к простоям и дополнительным страховым расходам;
- Себестоимость транспортировки одного контейнера в зимний период навигации на СМП при лёгких ледовых условиях в среднем на 25–27% выше, чем по южному пути;

- *Беспрецедентное санкционное давление* свело к минимуму иностранные инвестиции и участие крупных зарубежных энергетических корпораций в процессах восстановления арктической транспортной инфраструктуры и строительства нового ледокольного флота;
- *Высокий уровень геомагнитной активности* в полярных широтах, провоцирующий высокий процент помех и сбоев в работе навигационных систем;
- *Преобладание «малой глубины»* (в среднем 25–70 метров) почти на всём протяжении СМП, что практически минимизирует проводку современных крупнотоннажных контейнеровозов и предполагает крайне высокий уровень затратности дноуглубительных работ для прокладки глубоководных высокоширотных маршрутов с последующим поддержанием акватории СМП в рабочем состоянии;
- *Использование судов арктического класса*, более дороги в производстве и требующими больше топлива, со специально подготовленной командой [14, с. 280];
- *Низкая средняя скорость плавания* (13 узлов) по сравнению с неарктическими водами на южном маршруте (19 узлов);
- *Нестабильность и непредсказуемость сроков навигации* из-за резких изменений погодных условий;
- *Недостаточная модернизация портовой инфраструктуры*, существенно уступающая таким крупнейшим портам по пути следования южного коридора, как Сингапур, Марсель, малазийский Порт-Кланг, Александрия и другие [15, с. 122].

Особую тревогу вызывают притязания КНР либерализовать правовые аспекты транзитных перевозок через СМП с целью транспортировки товаров китайского производства на европейские рынки, совокупный объем которых планируется увеличить примерно на 20% к концу 2025 г. [16, с. 17]. Более того, инициатива Пекина по созданию «Полярного Шёлкового пути» базируется на его стратегических интересах: утвердиться в Арктике на законных основаниях, используя в этом помощь и поддержку со стороны России. В этой связи, оценивая союзнический харак-

тер отношений России и Китая, необходимо помнить о прагматизме внешней политики последнего.

В то же время вызывают беспокойство односторонние дестабилизирующие действия Вашингтона в рамках Арктического Совета, направленные на восстановление деятельности Совета без участия России, а также американская концепция интернациональной принадлежности богатств Арктики, предусматривающая использование СМП в качестве международного транспортного маршрута. Здесь, однако, стоит отметить экономический и прагматический расчёт США, поскольку такие же требования они предъявляют и своему союзнику Канаде насчёт пользования Северо-Западным проходом.

Для увеличения роли СМП в мировом энергетическом балансе России необходимо совершенствовать разработанный в 2016 г. собственный инфраструктурный проект по интеграции СМП в мировую сеть транспортировки углеводородов между АТР, Европой и Западным побережьем Америки: Национальную арктическую транспортную линию (НАТЛ), включающую в себя две ключевые крайние точки входа — выхода: Мурманск и Петропавловск-Камчатский, а также опорные порты. В результате востребованность арктической линии в будущем может вырасти за счёт перераспределения грузопотока с существующих маршрутов, прежде всего, между Азией и Европой [17, с. 37]. Однако нужно учитывать сложившуюся международную обстановку и политическую конъюнктуру: против Российской Федерации введено беспрецедентное количество санкций, вследствие чего европейские компании, как основные пользователи СМП до начала специальной военной операции, вообще перестали пользоваться этой транспортной магистралью.

В таких условиях следует и далее интенсифицировать каботажные перевозки российских компаний, улучшать действующие порты, создавать эффективные спасательные службы, так как в арктических морях постоянно присутствует риск ледового сжатия судна. Безусловно, отсутствие иностранного транзита лишает СМП звание международного морского маршрута и создаёт дополнительные трудности для достижения целей, утверждённых федеральном проекте «Развитие Северного морского пути»,

но несмотря на всё вышеперечисленное, нужно и далее развивать потенциал СМП по увеличению внутренних перевозок внутри акватории этого транспортного коридора.

Таким образом, необходимы долгосрочные инвестиции и государственные вложения в развитие СМП. В нынешних условиях его потенциал, прежде всего, следует использовать для интенсификации развития арктических территорий России, их индустриализации. Для функционирования в качестве возможной альтернативы южным транспортным коридорам через Суэцкий и Панамский канал, Ормузский и Малаккский проливы необходимо существенно модернизировать портовую инфраструктуру, усилить арктический флот новыми атомными ледоколами, способными обслужить без долгих задержек суда, курсирующие вдоль российского побережья и из ЮВА в Европу и обратно, ликвидировать бюрократическую волокиту с оформлением проездных документов и сократить время ожидания получения разрешения на проезд через СМП от Администрации СМП, например, с 15 до 5 суток. Но, к сожалению, несмотря на все возможные преимущества этого морского пути перевозки углеводородов, СМП не станет серьёзным конкурентом или заменой южным маршрутам из-за объективных природных причин: мелководье арктических морей является существенной преградой для крупнотоннажных судов, осадка которых с грузом на борту может достигать нескольких десятков метров, опасная ледовая обстановка и часто меняющиеся природные условия и т.п.

Так или иначе, умалять статус и важность СМП как национальной транспортной артерии для перевозки энергоресурсов с российского шельфа не приходится. Он, действительно, играет стратегически важную роль в обеспечении национальной энергетической безопасности. В глобальном аспекте, как видится, СМП останется важным морским путём, но не станет общемировым в контексте его использования как основного маршрута перевозки энергоресурсов, хотя бы потому, что мировые рынки добычи и потребления углеводородов находятся в более южных широтах, а не в Арктике. Наконец, комплексное развитие СМП — это надёжный способ доказать легальность единоличного владения Россией этой транспортной артерией и отбросить возможные

попытки других стран либерализовать основы правового регулирования его использования, что противоречит национальным интересам России в Арктике.

Библиография

1. Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.08.2022, № 31, ст. 5699.
2. Шавина Е. В., Прокофьев В. А. Потенциал развития арктических регионов России // Геоэкономика энергетики. 2020. № 2. С. 96–116.
3. Ботнарюк М. В. Анализ состояния и перспективы развития Северного морского пути // Вестник государственного университета морского и речного флота им. Адмирала С. О. Макарова. 2013. № 4 (20). С. 186–194.
4. Фисенко А. И. Геополитические и транспортно-экономические аспекты развития Северного морского пути в России // ТДР. 2013. № 4. С. 235–238.
5. Кубрин С. С., Решетняк С. Н., Алешин А. А. Моделирование безопасной транспортировки жидких углеводородов с учётом ледовой обстановки на основе методов массового обслуживания // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2017. № 11. С. 151–157.
6. Загородников М. А. Ледокольное обеспечение круглогодичного регулярного судоходства по трассам Северного морского пути // Управленческое консультирование. 2017. № 9 (105). С. 149–156.
7. Сазонов С. Л., Вавилов О. К., Лозинский А. Н. Взгляды китайских экспертов на арктический транзит // Сборник статей III научно-практической конференции «Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России» (9 декабря 2021 г.). — М.: Издательский дом «ИМЦ», 2022. С. 271–285.
8. Селин В. С. Движущие силы и проблемы развития грузопотоков Северного морского пути // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 87–100.
9. Белов С. В. Пространственная организация национальной экономики при освоении месторождений твёрдых полезных ископаемых в западной части российской Арктики // Лузинские чтения — 2022: Материалы XI Международной научно-практической конференции (Апатиты, 22–23 сентября 2022 г.) — Апатиты: Изд-во ФИЦ КНЦ РАН, 2022. — С. 131–132.
10. Ольховик Е. О. Исследование изменения структуры транспортного флота в акватории Северного морского пути // Вестник государственного университета морского и речного флота им. Адмирала С. О. Макарова. 2018. № 6. С. 1225–1233.

11. *Медведева Л. М.* Траектория развития Северного морского пути в изменяющихся условиях последних десятилетий // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 180–187.
12. *Харнutowa И. А.* Особенности транспортировки сжиженного природного газа по Северному морскому пути // Глобальные и региональные исследования. 2022. Т. 4. № 2. С. 77–87.
13. *Волков Г. Ю.* Перспективы использования Северного морского пути в международной транспортной системе // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 2. С. 117–123.
14. *Груздева Е. В.* Потенциал грузоперевозок по Северному морскому пути // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 4 (24). С. 278–282.
15. *Журавель В.* Развитие Северного морского пути: национальный и международный аспекты // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 2. С. 119–124.
16. *Кубрин С. С., Решетняк С. Н., Алешин А. А.* Геоинформационное обеспечение транспортировки углеводородов с месторождений на шельфе Арктики // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2017. № 12. С. 14–20.
17. *Пегин Н. А.* Национальная арктическая транспортная линия: проблемы и перспективы // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 32–40.

Ненашева Анастасия Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

Российское присутствие на Шпицбергене в XXI веке: вызовы и перспективы

Russian Presence on Svalbard in the 21st Century: Challenges
and Prospects

Аннотация. Присутствие на Шпицбергене является крайне важным направлением арктической политики Российской Федерации. Сегодня деятельность России на архипелаге сталкивается со множеством проблем как технического, так и политического характера. Особенную озабоченность вызывает санкционная политика в отношении Российской Федерации, которая отражается на российской деятельности на Шпицбергене. В статье предпринята попытка установления вызовов и угроз присутствию России на архипелаге, а также перспектив дальнейшего российско-норвежского взаимодействия в этом направлении. Автор приходит к выводу, что в будущем возможен пересмотр Парижского договора, что было бы не в интересах России. Кроме того, необходимым условием сохранения присутствия России на Шпицбергене является диверсификация хозяйственной деятельности на архипелаге.

Ключевые слова: Шпицберген, арктическая политика России, санкции, Арктикуголь, арктический туризм.

Abstract. The presence on Svalbard is an extremely important area of the Arctic policy of the Russian Federation. Today, Russia's activities in the archipelago face many problems, both technical and political. The sanctions policy towards the Russian Federation causes particular concern, as it reflects on Russian activities in Svalbard. The article attempts to identify the challenges and threats to Russia's presence in the archipelago, as well as the prospects for further Russian-Norwegian cooperation in this sphere. The author comes to the conclusion that the revise the Paris Treaty in future is possible, which would not be in the interests of Russia. In addition, a neces-

sary condition for maintaining Russia's presence in Svalbard is the diversification of economic activities in the archipelago.

Keywords: Svalbard, Russian Arctic policy, sanctions, Arktikugol, Arctic tourism.

Введение

В XXI веке роль Арктики в общей повестке международных отношений существенно возросла. Особенно эта тенденция становится заметна в последние годы, когда к очевидным экономическим преимуществам присутствия в регионе прибавились вопросы военной безопасности. Россия является традиционным, историческим игроком в арктическом регионе, и Арктика всегда играла важную роль в развитии России. В этой связи в настоящее время Арктика имеет огромное значение в экономической, военно-стратегической, гуманитарной и природной областях. Помимо особого стратегического положения, арктический регион имеет колоссальную ресурсную значимость. Комбинация этих интересов России в регионе создает предпосылку для укрепления и наращивания своего присутствия, в том числе, на архипелаге Шпицберген.

Актуальность данного исследования состоит в том, что Арктика перестаёт быть территорией политической стабильности и успешного развития многостороннего международного сотрудничества [1]. Украинский кризис оказал негативное влияние и на сотрудничество стран в Арктике: антироссийские санкции сказались на перспективах освоения российскими компаниями шельфа Арктики, диалог по военной линии был приостановлен. Кроме того, Норвегия, формально не являясь членом Европейского Союза, присоединилась к санкциям против России, введенным после начала специальной военной операции в феврале 2022 года. Так, например, в рамках этих санкций в июне 2022 года Норвегия отклонила заявку России на пропуск грузов для российских посёлков на Шпицбергене через единственный пропускной пункт на российско-норвежской границе «Стурскуг» [2]. Присутствие на Шпицбергене рассматривается

Россией как стратегическое, а обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Норвегией на архипелаге обозначено в качестве одной из целей Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [3], и его потеря совершенно недопустима. Санкции лишь обострили существующие проблемы, и сегодня совершенно очевидно, что их решение в непростой политической обстановке в мире является критически важным для нашей страны в Арктическом регионе. Таким образом, шпицбергенский вопрос представляет собой большую значимость для политики России в арктическом направлении.

Итак, целью исследования является определение основных проблем, возникающих перед Россией в ходе осуществления ее присутствия на Шпицбергене и их влияния на перспективы дальнейшей деятельности на архипелаге.

Для выполнения исследовательской цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить особенности международного статуса Шпицбергена;
- 2) обозначить основные направления деятельности России на архипелаге;
- 3) выявить текущие проблемы и вызовы российского присутствия;
- 4) рассмотреть перспективы присутствия РФ на Шпицбергене с учетом текущих политических условий.

Международный статус Шпицбергена

В начале XX в. Шпицберген никому не принадлежал. На нем свободно вели хозяйственную деятельность промышленники разных государств. В 1907 г. правительство независимой Норвегии предложило упорядочить статус архипелага. Первая мировая война прервала поиски дипломатического решения вопроса о его статусе. Шпицберген остался «terra nullius». Обсуждение этой проблемы было возобновлено по инициативе Норвегии в 1919 г. на Парижской мирной конференции. 9 февраля 1920 г. в Париже представители Великобритании, Голландии, Дании, Италии,

Норвегии, Франции, США, Швеции и Японии подписали договор о передаче Шпицбергена под суверенитет Норвегии. Он получил официальное название «провинция Свальбард». Это была компенсация за потери, которые Норвегия понесла в войне, несмотря на свой нейтралитет [4].

Сегодня Парижский договор является основным документом, по которому сегодня осуществляется хозяйственная деятельность на архипелаге. СССР присоединился к договору в 1935 году, и с тех пор Россия присутствует на Шпицбергене в соответствии с его положениями. Уникальность документа заключается в том, что стороны признали суверенитет Норвегии над сухопутной территорией Шпицбергена (ст. 1), но при этом получили право на равный доступ к архипелагу, на осуществление охоты, рыболовства, добычи угля и других видов экономической деятельности (ст. 2,3), облегченный налоговый режим (ст. 8), гарантии неразмещения Норвегией военно-морских баз и использования Шпицбергена только в мирных целях (ст. 9). Норвежские власти обязывались бесплатно предоставлять государствам-участникам и их компаниям земельные и водные участки на острове и в акватории на неограниченный срок. Во всем этом участники договора имели равные права на архипелаге и в прилегающих к нему водах, норвежцы не имели преимуществ [5]. И сегодня формально применять регулятивные и природоохранные меры Норвегия может только на недискриминационной основе. Однако в настоящее время на Шпицбергене остались лишь два игрока — сама Норвегия и Россия. В первую очередь это связано с тем, что осуществление хозяйственной деятельности на Шпицбергене, как правило, убыточно, и главным образом обеспечивает политические интересы государств.

31 декабря 1997 года президент РФ Б. Н. Ельцин подписал указ «О концепции политики Российской Федерации на норвежском архипелаге Шпицберген». Во исполнение этого указа Минэкономразвития России была разработана комплексная программа оптимизации и повышения эффективности деятельности российских организаций на архипелаге, главной целью которой являлось обеспечение в районе архипелага государственных ин-

тересов РФ на основе сохранения и укрепления постоянного российского присутствия.

Ввиду того, что Шпицберген является зоной особых государственных интересов РФ, в целях обеспечения российского присутствия на архипелаге постановлением правительства от 10 апреля 2007 года № 216 образована правительственная комиссия по обеспечению российского присутствия на архипелаге Шпицберген во главе с заместителем председателя правительства России С. Е. Нарышкиным [6].

Сегодня российско-норвежское взаимодействие на Шпицбергене урегулировано, в том числе, Российско-норвежский договором о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010 года.

Вызовы деятельности России на Шпицбергене

Наша страна внесла существенный вклад в освоение архипелага, в течение многих веков занимаясь там зверобойным, рыболовным промыслом, а также добычей угля. Сегодня Россия представлена на Шпицбергене поселком Баренцбург, в котором находится действующая угольная шахта, а также законсервированными поселками Грумант и Пирамида. В Баренцбурге проживает около 400 человек. Вся хозяйственная деятельность с российской стороны осуществляется трестом Арктикуголь, который является стратегическим градообразующим предприятием.

Основным направлением хозяйственной деятельности, безусловно, является добыча угля и полезных ископаемых. Однако перспективы этой деятельности весьма неопределенны. С одной стороны, угледобыча является обоснованием присутствия России на Шпицбергене. С другой стороны, запасы угля стремительно сокращаются, а высокая стоимость добычи не дает возможности говорить о его экспорте в серьезных масштабах. По данным официального сайта компании Арктикуголь, оставшихся запасов угля при объеме добычи 120.000 тонн в год хватит до 2024 года [7]. Возникает вопрос с обоснованием дальнейшего пребывания России на Шпицбергене. Сворачивание угольной отрасли не сыграло бы большой роли с экономической точки зрения, но создало

бы определенные трудности в отстаивании своих интересов на архипелаге. Учитывая тот факт, что Норвегия и теперь все чаще говорит о необходимости «полного» суверенитета над всеми территориями, прекращение добычи угля может стать предложением для новых претензий по пересмотру Парижского договора со стороны Норвегии. 19 мая 2023 года на коллегии Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики директор Арктикугля заявил о том, что добыча будет планомерно снижаться в ближайшие 5 лет, а старую ТЭЦ планируется заменить на новую современную технологию. Также в выступлении он упомянул о том, что сегодня в сферу деятельности компании входит не только добыча полезных ископаемых, но и социокультурная деятельность и туризм [8]. Это утверждение звучит обнадеживающе, так как расширение экономической активности в разных направлениях окажет исключительно положительное влияние на укрепление присутствия на Шпицбергене.

На Шпицбергене Россия также осуществляет рыболовную и рыбоперерабатывающую деятельность. В начале 2010-х годов была озвучена идея строительства рыбоперерабатывающего завода на архипелаге, однако вопросы вызвала экономическая рентабельность проекта и возникли трудности с поиском инвесторов. Кроме того, существует препятствие в виде национального законодательства Норвегии.

Стоит отметить, что в силу того, что договор о статусе Шпицбергена был заключен в 1920 году, чуть более ста лет назад, международное морское право претерпело значительные изменения, да и политическая ситуация на данный момент представляется совершенно иной по сравнению с той, которая существовала на момент заключения договора. Норвегия уже довольно продолжительное время предпринимает попытки пересмотреть условия договора, вводя такие национальные законодательные акты (например, одностороннее введение 200-мильной рыбоохранной зоны в морском районе Шпицбергена в 1977 году и установление природоохранных зон с запрещением хозяйственной деятельности), которые идут вразрез с положениями договора. Кроме того, в 2020 году министр иностранных дел России направил послание в МИД Норвегии, в котором отмечается, что «Озабоченность у нас,

в частности, вызывают введенные ограничения на использование российского вертолёта, направленный исключительно против наших граждан порядок депортации со Шпицбергена, неправомерность установления Норвегией так называемой «рыбоохранной зоны», искусственное расширение природоохранных зон для ограничения экономической активности на архипелаге, ряд других проблем» [9]. Норвежское правительство утверждает, что оно обладает исключительными правами на шельф вокруг архипелага в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву. Российская сторона не оспаривает суверенитет Норвегии над Шпицбергеном, который был закреплен Договором о Шпицбергене от 1920 г., но настаивает на том, что договор устанавливает особые права на контроль Норвегии над территориями архипелага, которые не распространяются на акватории вокруг него [10]. Кроме того, Норвегия строго придерживается всех международных обязательств, взятых на себя в сфере охраны природы, и России приходится с этим считаться при осуществлении хозяйственной деятельности.

Российская сторона регулярно проводит научные исследования на Шпицбергене. Реализуются геофизические, гидрологические и геологические проекты, а также проводятся археологические раскопки. В 2014 г. постановлением Правительства РФ был организован научный комплексный консорциум в форме Российского научного центра на Шпицбергене по изучению экологических проблем Севера, климатических особенностей региона, биологического разнообразия, влияния Арктики на человека, геологических особенностей архипелага и прилегающих акваторий. При этом была начата деятельность Российской арктической экспедиции под кураторством Арктического и антарктического гидрометеорологического института в Санкт-Петербурге. В последние годы на архипелаге становится все больше экологически ориентированных исследований. Это отражает общий рост интереса в мире к вопросам экологии [11]. Наряду с научными исследованиями Россия также занимается природоохранной деятельностью в Арктике и на Шпицбергене, в том числе.

Наконец, на Шпицбергене в последнее время развивается туристическая отрасль. На архипелаге действуют 2 туристско-информационных центра — в Баренцбурге и Лонгйире. Туристы

могут получить всю необходимую информацию о туристском продукте региона, а также о погодных условиях, чрезвычайных ситуациях, действующем законодательстве. Во всех населённых пунктах Шпицбергена навигация выполнена минимум на 2 языках: английском, русском и/или норвежском. Стоит отметить, что навигация для туристов в российских посёлках выполнена на более высоком уровне, чем в Лонгйире несмотря на то, что его посещает больше туристов, а сама структура потока более интернациональна. Особенно это касается портовой зоны, куда в первую очередь попадают круизные туристы [12]. На данный момент основные проблемы связаны с введением санкций против России. В случае со Шпицбергом они проявляются в увеличении сроков оформления шенгенской визы для россиян, а также в невозможности расплачиваться картами российских банков за пределами российских поселков. И наоборот, иностранные туристы избегают посещения наших населенных пунктов по той же причине.

Перспективы российского присутствия на Шпицбергене

В текущих геополитических условиях присутствие России на архипелаге является крайне важным, однако все более трудновыполнимым. Перечисленные сферы деятельности российской стороны на Шпицбергене испытывают на себе давление санкций и находятся под угрозой в результате политики Норвегии по «выталкиванию» России с этой территории. На наш взгляд, единственно возможным способом обеспечения своего присутствия на архипелаге Россия может обеспечить только сохранением деятельности на его территории. Учитывая стремление Норвегии отстоять 200-мильную зону в качестве исключительной экономической зоны, а также иные меры, направленные на утверждение своего суверенитета, следует ожидать в будущем попыток пересмотра Парижского договора 1920 года. По нашему мнению, в ближайшем будущем не стоит ожидать потепления российско-норвежских отношений. Напротив, в последнее время появилась идея пересмотра демилитаризованного статуса Шпицбергена. Шпицберген имеет для России прежде всего геополитическое значение. Основные принципы российского подхода

к международно-правовому статусу Шпицбергена на протяжении всего столетия оставались неизменными: архипелаг должен быть демилитаризован, и ни одно государство не должно иметь преимуществ перед другими в праве вести здесь экономическую и научную деятельность. Расширение российского присутствия на архипелаге позволит эффективно контролировать сохранение его демилитаризованного статуса. Это тем более важно для Москвы, что в Осло уже заявляли о планах включения Шпицбергена в общую систему военной инфраструктуры НАТО в западном секторе Арктики. Таким образом, укрепление российских позиций на Шпицбергене прямо связано с обеспечением национальной безопасности России на северном направлении [4].

Говоря о возможностях России на Шпицбергене, следует подчеркнуть, что существует необходимость расширения присутствия не столько с помощью традиционной добычи полезных ископаемых, сколько путем расширения научно-исследовательской деятельности, развития туризма и сферы услуг. Шаги в этом направлении уже сделаны, однако предстоит еще много работы. Также крайне важно сохранить на архипелаге российскую инфраструктуру в рабочем состоянии, так как норвежское законодательство устанавливает максимальный срок заброшенности объектов. Для этого необходима широкая поддержка государства. Следует, однако, понимать, что в настоящих условиях сложно однозначно предсказать действия Норвегии, и необходимо быть готовыми к недружественным действиям на Шпицбергене, направленным против Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, сегодня Россия сталкивается на Шпицбергене со значительными вызовами и угрозами своему присутствию на архипелаге. Они связаны как с давним стремлением Норвегии пересмотреть статус Шпицбергена, так и с волной санкций после 2022 года. Для преодоления возникающих трудностей необходимо диверсифицировать присутствие России на архипелаге.

У РФ имеются долгосрочные планы укрепления, диверсификации и модернизации хозяйственной и научной деятельно-

сти на Шпицбергене (добыча угля в ограниченных объёмах (для своих нужд), рыболовство, совершенствование инфраструктуры Баренцбурга, проведение комплексных исследований по поиску полезных ископаемых и изменению климата). Развитие туризма позволит создать благоприятные условия для дальнейшего социально-экономического развития, а также внесет свою роль в обоснование экономического присутствия России на архипелаге [1].

После присоединения Финляндии к НАТО и подачи заявки Швеции на вступление в Альянс Россия остается в Арктике один-один с Североатлантическим Альянсом. В результате укрепления НАТО в регионе Норвегия может настойчивее выступить за пересмотр демилитаризации Шпицбергена. Для России критически важно этого не допустить.

Сегодня перспективы российского присутствия на Шпицбергене являются неоднозначными. Во многом они зависят от действий властей Норвегии. Но и умелая и конструктивная политика России на архипелаге является необходимым условием ее будущего на этой земле.

Библиография

1. Журавель В. П., Тимошенко Д. С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105–124.
2. Норвегия отказала России в пропуске грузов для российских поселений на Шпицбергене. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1019786-norvegiya-otkaz-rossi-produkty-shpicbergen> — 10.03.2023.
3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года.
4. Порцель А. К. Шпицберген или Свальбард? Проблемы присутствия России на архипелаге в XX — начале XXI веков // Вестник МГТУ, том 13, № 2, 2010 г. стр. 261–264.
5. Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г.
6. Порцель А. К. Россия остается на Шпицбергене // Арктика и Север. 2012. № 9.
7. История добычи угля. URL: <https://arcticugol.ru/index.php/rudniki/barentsburg/35-shahta> — 15.04.2023.
8. Коллегия Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, доклад по теме архипелага Шпицберген. URL: <https://arcticugol.ru/index.php/novosti/novosti-kompanii/379-kollegiya->

- ministerstva-rf-po-razvitiyu-dalnego-vostoka-i-arktiki-doklad-po-teme-arkhipelaga-shpitsbergen — 20.05.2023.
9. О послании Министра иностранных дел России С. В. Лаврова Министру иностранных дел Норвегии И. М. Эриксен Сёрэйде по случаю 100-летия подписания Договора о Шпицбергене. URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4019093–10.03.2023.
 10. Арктическая политика России: международные аспекты [Текст]: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2021 г. / С. А. Караганов (рук. авт. кол.), А. Б. Лихачева, И. А. Степанов, Д. В. Суслов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 56 с.
 11. Евдокимов А. Н., Сироткин А. Н., Крюков Я. В. Россия на Шпицбергене: история изучения, проблемы освоения недр и перспективы на будущее // ЭКО. — 2018. — № 4.
 12. Валькова Т. М., Шумков Д. С. Арктический туризм на Шпицбергене: современное состояние, перспективы развития // Географическая среда и живые системы. 2022 / № 1.

Перова Полина Станиславовна

СПбГУ, факультет международных отношений, бакалавриат

Международное научное сотрудничество в арктических исследованиях на примере отношений России и Сингапура

**International scientific cooperation in Arctic research on the
Russian-Singapore case**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определения перспектив развития научного диалога в Арктическом пространстве между Российской Федерацией и Республикой Сингапур. Автор рассматривает различные аспекты взаимодействия между государственными и негосударственными акторами в системе арктических исследований и даёт оценку возможным перспективам в продолжении научных проектов с привлечением участия академических деятелей с обеих сторон. Проанализировав с помощью качественного контент-анализа причины России и Сингапура совместного участия в проектах, автор делает вывод, что дальнейшее развитие академического диалога в арктических исследованиях принесёт выгоду как в экономическом, так и политическом плане и России, и Сингапуру.

Ключевые слова: международное научное сотрудничество; арктические исследования; научно-технический прогресс; устойчивое развитие; АЗРФ; научная дипломатия Сингапура.

Abstract. This article aims at defining development prospects of scientific dialogue in the Arctic between Russian Federation and the Republic of Singapore. The author examines various aspects of interaction between state and non-state actors in the Arctic research system and assesses possible prospects for the continuation of scientific projects with the participation of academics from both sides. Having analysed with the help of qualitative content analysis the reasons of Russia and Singapore joint participation in projects the author concludes that the further development of academic dialogue in Arctic research will benefit both Russia and Singapore economically and politically.

Key words: international scientific cooperation; Arctic research; scientific and technological progress; sustainable development; Russian Arctic; Singapore scientific diplomacy.

Введение

Арктическое пространство — нейтральная зона для научных исследований, реализации итогов соглашений о концепции устойчивого развития. Но сегодня, ввиду активного желания государств показать себя на международной арене как значимых акторов в мировой системе, занять собственную позицию в текущих конфликтах и извлечь максимальную выгоду из сотрудничества, политическая повестка определяет характер участия в международном научном сотрудничестве государств, определяющих исторически в национальных интересах исследование Арктики.

В настоящем исследовании автор подробно рассматривает двусторонние отношения арктической державы и государства, которое получило статус наблюдателя в Арктическом совете только в 2013 году. Тем не менее это сотрудничество в сфере развития научно-технической базы для арктических исследований является перспективным и продуктивным для обеих сторон. На данный момент Россию как союзника в вопросе научного освоения Арктики расценивают страны Юго-Восточной Азии, обеспечивая привлечение инвестиций в наукоемкие отрасли [1].

Сегодня, ввиду эскалации конфликта между РФ и Украиной с Западными странами, Россия остро нуждается в новых связях, которые смогли бы обеспечить техническую базу для дальнейших освоений и исследований Арктических территорий, что соответствует национальным интересам РФ. Также катализатором для сближения двух государств является изменение климата, провоцирующее глобальное изменение климата. Данный расклад является фатальным для островного государства Сингапур, которое рискует уйти под воду из-за повышения уровня моря ввиду таяния ледников; также под угрозой и Российская сторона: реки, связывающие Арктику и водные транспортные артерии, могут

нести неизвестные бактерии, которые оттаивают вместе с ледниками. Следовательно, актуальность исследования подтверждается текущей политической повесткой, которая закрепила азиатский вектор сотрудничества, а также стремительными изменениями в климате, в противоборстве с последствиями которых заинтересованы наиболее подверженные им стороны.

Мы нацелены выяснить новые перспективы в научном сотрудничестве РФ и Сингапура в Арктических исследованиях как способа развития международного диалога. Для достижения цели в процессе исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) Рассмотреть основные тенденции в арктической политике РФ и Сингапура;
- 2) Рассмотреть текущие совместные проекты Сингапура и РФ;
- 3) Оценить возможные дальнейшие перспективы сотрудничества Сингапура и РФ в области научных исследований и их роль для развития Арктического региона.

Методологическую базу исследования представляет качественный контент-анализ. В ходе работы с источниками (исследовательскими статьями, высказываниями уполномоченных лиц, официальной документацией) были выделены отдельные смысловые единицы содержания темы и их роли и частоты использования среди общего вопроса научного международного сотрудничества для получения новых выводов и прогнозирования дальнейшей деятельности России и Сингапура [2].

Основные тенденции арктической политики РФ и Сингапура

Для прогнозирования перспектив развития международного научного сотрудничества России и Сингапура, необходимо понимать, какие сферы являются приоритетными для обеих сторон в развитии Арктического направления.

Рассматривать тенденции в арктической политике двух государств необходимо неотрывно, обращая внимание на общие точки соприкосновения интересов в изучении Арктики России и Сингапура, формируемые исходя из национальных интересов

каждого актора. Необходимо отметить, что объявленная государством Арктическая стратегия имеется только у Российской Федерации, у Сингапура нет структурированной на государственном уровне арктической политики; она является продолжением политики в развитии морской промышленности на международном уровне.

Так как Сингапур не имеет арктических территорий и акватории, а является лишь постоянным наблюдателем в Арктическом совете с 2013 года, его полем действия для реализации амбиций и продвижения интересов, связанных с Арктическим регионом, есть Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ). Следовательно, правительство Ли Сяньлуна будет курировать действия частных сингапурских кампаний в Арктическом вопросе на территории, принадлежащей «арктическому партнеру» — России. Министр труда Республики Сингапур Сэм Тан признал сотрудничество с Россией эффективным как в терминах развития научного потенциала, так и в вопросах стратегической выгоды и безопасности, отдельно обсуждавшихся на встрече заместителя министра национальной безопасности Сингапура Тео Чи Хином и секретаря Совета безопасности Николая Патрушева [8].

Тенденции арктической политики государств необходимо рассматривать в системе, элементы которой связаны между собой тесным способом, и главным связующим элементом выступают научные исследования как поле для международного сотрудничества между Сингапуром и Россией, которое активно продолжается несмотря на конфронтацию и санкционную войну последней с Западом. Научное сотрудничество является комфортной и спокойной сферой для интеграции опыта и капитала двух государств, которые не стремятся поделить сферы влияния в мировой системе, подверженной геополитическому кризису.

Интерес российских и сингапурских ученых прикован к Арктическому региону ввиду потенциальных угроз, которые вызывают климатические изменения. Однако последствия динамичных изменений могут быть не только негативными. Из-за глобального потепления, которое ввиду уникальности экосистемы в Арктике характеризуется повышением на несколько

градусов, данный регион становится более доступным не только для стран, части территорий которых располагаются непосредственно за полярным кругом, но и для неарктических государств, которые стремятся укрепиться в популярном регионе и обрести арктических партнёров. Сокращение ледовых покровов упрощает проведение исследовательских экспедиций и расширяет возможности для подробного изучения Заполярья, что порождает не только активную конкуренцию в плане хозяйственном, но и создаёт условия соперничества за «пальму первенства» в вопросе исследовательском. Изменение климата стало предпосылкой острой конкуренции между США, Китаем и Россией, что крайне невыгодно для последней с учётом текущей политической ситуации. Вследствие этого Российские ученые стремятся сотрудничать с крупными сингапурскими корпорациями для увеличения количества инвестиций. РФ старается быть привлекательным партнёром для сотрудничества в совместных исследовательских и образовательных проектах для тех государств, которые так же подвержены влиянию климатических изменений, и предоставлять им возможность участвовать в исследованиях в АЗРФ [11].

Ввиду динамики климатических изменений многие государства, которые не имеют собственной территории за полярным кругом, но изъявляют желание активнее развиваться в богатом ресурсами регионе и утвердиться как мировые державы, поддерживают риторику об изменении международного морского права в целях сделать Арктику «достоянием всего человечества» и решать проблему резких климатических изменений на глобальном уровне. Россия же заинтересована в сохранении норм международного морского права, которое подтверждает многолетний вклад государства в исследования и развития региона, подчёркивает легитимность стратегических претензий России на Арктику через её активное освоение и изучение. Однако необходимо отметить, что обосновать научно претензии на контроль над арктическими территориями Россия не может ввиду отсутствия целостного представления о процессах, которые изучают квалифицированные климатологи и океанологи. Следовательно, России наиболее выгодно привлечение азиатских квалифициро-

ванных специалистов, которые посодействуют формированию научной базы для модернизации системы климатических и экологических исследований. Сингапур рассматривает возможность участия в разработке новой законодательной базы для регулирования международных отношений в сфере добычи энергоресурсов и развития логистики, амбиций полностью «глобализировать» Арктику и уменьшить влияние определённых акторов на этой территории государство не преследует. Сингапуру наиболее выгодно развиваться в Арктическом пространстве, поддерживая значимую роль России в регионе, тем самым обеспечивая себе стабильное поле для действий. «Азиатский тигр» сохраняет и развивает амбиции приобретения статуса признанного эксперта в области международного права, ответственного за сохранение ресурсов мирового океана [4].

Вопрос о развитии и финансировании Северного Морского пути также остаётся актуальным в арктической политике обеих сторон. Академические деятели являются проводниками к российско-сингапурскому диалогу с точки зрения укрепления логистических связей, нацеленных на использование новых торговых перспектив, коммерческого использования транспортной артерии. На международные форумы выносятся вопросы о становлении СМП как нового мирового транспортного коридора. СМП связывает европейские и азиатские судоходные маршруты, что существенно сокращает затраченное время и средства на преодоление расстояний торговыми судами по Суэцкому каналу. Несмотря на активное формирование планов по развитию использования Северного Морского пути, на данный момент очевидно препятствие, которое мешает прогрессу в этом деле, а именно, дисбаланс — АЗРФ богата сырьевым и территориальным потенциалом, в то время как из-за недостатка финансирования и практически полного отсутствия условий для инвестиций со стороны частных Российских корпораций, транспортно-логистическая инфраструктура не даёт возможность интегрировать новые инновационные виды транспорта для участия в активных исследованиях, что тормозит всю систему. Государственные стратегии по модернизации инфраструктуры должны быть подкреплены частным сектором в экономике, что говорит о не-

обходимости согласования интересов государства, ресурсных корпораций. Инвестиционная политика Сингапура может способствовать упрочению логистических связей в Российском Заполярье, что ускорит повышение рентабельности и активности использования СМП.

Одной из целей, прописанных в арктической стратегии РФ, является сохранение культуры и быта северных народов. Сингапур изъявил желание содействовать этому социально-культурному аспекту политики. Формирование устойчивого числа традиционных населенных пунктов с перманентно проживающими резидентами является активно финансируемой программой. Привлечение прямых иностранных инвестиций в социальную сферу является такой же необходимостью, как и налоговые преференции для развития поселений с комфортными жизненными условиями за полярным кругом. На данный момент в Сингапуре набирает популярность арктический туризм, что свидетельствует о просвещенности населения и возрастанию интереса к важнейшему геополитическому региону у масс. Граждане Сингапура интересуются возможностью лично посетить Арктический регион, тем более со смягчением климата Заполярья такие перспективы кажутся более чем реальными. Для России это прекрасный шанс привлечь больше инвестиций азиатских компаний в развитие добывающей отрасли, в модернизацию инфраструктуры через непосредственное участие сингапурских исследований, рассчитанных на открытие новых сфер, из которых Сингапuru можно извлечь прибыль и установить благодаря ним больше крепких связей с мощной арктической державой. Исходя из этого, Сингапур поддерживает арктический экотуризм и изъявляет желание поддерживать российские программы по охране традиционного быта и уклада жизни коренных северных народов с образовательной точки зрения [7].

Следовательно, в своей арктической политике Российская Федерация придерживается самостоятельности и стремится поддержать свой международный статус полноправного «владельца» своей части Арктического региона, ставит своей целью, защищая национальные интересы и достижения предков, недопущение пересмотра принципов международного права по во-

просам изменения статуса арктических территорий как достояния всего человечества. Привлечение на свою сторону экономически развитых союзников, отношения с которыми выстраиваются на мягкой и неконфликтной почве совместных научных исследований, обеспечит устойчивое развитие АЗРФ, улучшит логистическую ситуацию в Российской Арктике и позволит извлечь максимальную выгоду из переданного азиатским государством опыта в технологической модернизации. Сингапур стремится получить статус технологического эксперта в исследованиях, посвящённых добыче углеводородов, и продолжить активную инвестиционную политику в совместные с РФ научные проекты.

Текущие совместные проекты РФ и Сингапура:

На данный момент двусторонние отношения РФ и Сингапура находятся в стадии развития, их нельзя назвать статичными или вынужденными; государства преследуют обоюдные цели. Уполномоченные лица активно ведут переговоры, во время которых на обсуждение выносятся вопросы о технической и экономической составляющей международного научного сотрудничества. Отношения России и Сингапура развиваются быстрыми темпами в международной публичной сфере: пресс-конференции, семинары и форумы по проблемам в Арктике.

В январе 2020 года прошли переговоры между советником Президента РФ А. Кобяковым и послом Сингапура П. Садасиваном. В процессе встречи делегированные лица обсудили участие Сингапура в следующих международных мероприятиях, организатором которых выступает Россия: Санкт-Петербургский экономический форум, Восточный экономический форум, Международный арктический форум. На переговорах было подчеркнуто, что основной движущей силой развития отношений между двумя государствами является сотрудничество в сфере инноваций, применимых к нефтегазовой сфере. Отдельно было отмечено, что участие Южно-Азиатской стороны в Санкт-Петербургском экономическом форуме позволит ее научным и политическим деятелям представить инновационные технологии

шельфовых добывающих платформ мировому сообществу и станет почвой для развития дальнейших крупных исследовательских проектов с Россией в АЗРФ [9].

Научно-техническое сотрудничество с Сингапуром стимулируется на государственном уровне. Крупнейший научно-исследовательский центр «Сколково» провёл совместно со Школой международных исследований им. С. Раджаратнама при Наньянском технологическом университете Арктический диалог при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации и Посольства Республики Сингапур в России. Эксперты обсудили уже имеющиеся инновационные решения, возможные пути сотрудничества и дальнейший потенциал развития арктического направления. Ведущие участники проекта по развитию Северного морского пути смогли произвести обмен идеями и сформировать коллективную научную базу.

Совместный научный проект «ARYSTC 2022» направлен на укрепление и демонстрацию сотрудничества России и государств АСЕАН в области науки, технологий и инноваций. Было объявлено о серии мероприятий и плане действий ARYSTC-2022, которые были частично реализованы в течение 2022 года. Эти мероприятия охватывали широкий спектр областей, включая экономику, социальную сферу, естественные науки, математику, медицину, промышленность, бизнес, продовольственную безопасность, технологии и инновации. ARYSTC 2022 еще больше укрепил двустороннее стратегическое партнерство и сотрудничество в научно-технических обменах и наращивании потенциала, в том числе в вопросах продовольственной безопасности и здравоохранения. Партнерство России и АСЕАН стимулируется путем взаимного сотрудничества в области цифровизации. На данном примере научно-технического сотрудничества можно увидеть, как исследовательские проекты создают благоприятную атмосферу для дальнейшего внешнеполитического сотрудничества.

Формируя главную мысль о совместных научных исследованиях двух государств, автор делает вывод, что основным интересом сингапурских кампаний является инвестирование в инновационные проекты РФ, которые одобряются обоими сторонами на госу-

дарственном уровне. Дискуссии между уполномоченными лицами базируются на расширении научно-технического потенциала и модернизации логистических систем. Сингапур содействует организации встреч в российском Технопарке «Сколково»: взаимодействие инновационных секторов экономики обеспечивается регулярным проведением бизнес-форумов; на встречи выносятся вопросы о возможности применения искусственного интеллекта в арктических исследованиях [3]. Российские деятели активно идут на встречу сингапурским в формировании исследовательских центров, обучении высококвалифицированных кадров в университетах как РФ, так и Сингапура [11]. Близость методов реализации проектов обеспечивается преимущественной долей государственного сектора в арктических исследованиях: и в России, и в Сингапуре основными акторами системы арктических исследований является правительство, а также государственные фонды, министерства, специальные комитеты. Тем не менее в инновационные проекты должны вовлекаться частные компании, которые умеет быстрее приспосабливаться к изменяющимся условиям и проводить активную инвестиционную политику. Россия привлекает через Арктические проекты дополнительное финансирование в свои университеты с целью превратить их в центры научных исследований, тесно связав их с непосредственным высшим образованием россиян, переняв эту методику у азиатских коллег.

Перспективы сотрудничества РФ и Сингапура

В контексте проведённого анализа автор делает прогноз о дальнейших путях и программах международного научного сотрудничества России и Сингапура.

Перед российскими исследователями Арктики стоит вопрос — каким образом возрождать «умирающую» инфраструктуру заполярных городов и поселений: вахтовым методом или же способствовать притоку населения на постоянное место жительства и мотивировать коренное население возвращаться в качестве обученных специалистов после получения образования в научных центрах России. Для восстановления и поддержания инфраструктуры и эксплуатации технологий нужно сохранять количество

людей в городах за полярным кругом. Российские исследователи заинтересованы в том, чтобы перенимать опыт развитых стран в собственных инфраструктурных проектах, создавать привлекательную почву для иностранных инвесторов. Россия должна наращивать экспорт сырья, привлекая азиатских инвесторов в сырьевые активы в Заполярье, вкладывая полученные деньги в развитие инфраструктуры и улучшение человеческого капитала. Сингапур готов поделиться имеющимися разработками, которые уже применены на практике, непосредственно касающимися социально-экономического аспекта исследований. В Стратегии развития Арктики до 2035 года сохранение быта и традиций коренных народов Заполярья является одной из приоритетных целей, и Сингапур готов финансировать проекты по сохранению и восстановлению Российской заполярной инфраструктуры.

Российская Федерация накопила достойный историко-культурный опыт в освоении Арктического пространства: активно развиваются отечественные проекты по повышению осведомленности в ситуации в Арктике среди студентов и школьников, создаются волонтерские организации, которые получают финансирование от корпораций, а также государственную поддержку. Тем не менее хорошие экономические перспективы региона должны обеспечиваться более активным участием негосударственных акторов, следовательно, привлечение капитала не только Российских, но и зарубежных корпораций является необходимым условием для интенсивного развития и изучения Арктики. Азиатские страны не имеют исторической и культурной связи с Заполярьем, что «отрезает» их от статуса постоянного члена Арктического Совета в отличие от России, Норвегии, США и др. Сингапур может обеспечить интеграцию дополнительных акторов развития территории через инвестиции, акцентируя внимание на свой технический потенциал и сочетая с ним исторический опыт российских партнеров.

Потенциальное сотрудничество России и Сингапура может развиваться в области разработок проектов по использованию Арктических ледников как глобального ресурса питьевой воды. Российский проект «Чистая вода» включён в международную программу «Человек и океан. Глобальная инициатива». Так как в ближайшей перспективе таяние арктических льдов

неизбежно, азиатские государства стремятся извлечь выгоду из этого. Тем не менее Сингапур активнее будет содействовать исследованиям по методике борьбы с радикальными климатическими изменениями, что является для государства одной из приоритетных целей [12].

Российская сторона заинтересована в создании международной технологической платформы, связанной с последними достижениями в области робототехники, на чём и делает акцент в научных разработках Сингапур. Объединение представителей государств, корпораций, науки и образования вокруг общего видения научно-технического развития и общих подходов к разработке соответствующих технологий составит монолитную платформу, формирующую единое информационное пространство для изучения Арктического региона.

Сегодня на передний план выходит технологическая безопасность в регионе, который многие государства хотят склонить к статусу «всемирного достояния», пренебрегая национальными интересами России. Разработка технологий по добыче золота, углеводородов, редкоземельных металлов требует формирования нового оборонительного комплекса, оснащённого технически [3]. Но в отличие от других постоянных членов Арктического совета, в России нет возможности равноценного обмена опытом в сфере инновационных технологий между регионами, потому что каждый развит по-своему и не всегда одинаково достойно. В Сингапуре же высока доля интеллектуальной собственности в корпорациях и арктическом оборудовании технологии беспилотников, цифровых двойников, искусственного интеллекта. Из-за отсутствия единого стандарта разработок технологический потенциал сингапурских корпораций более гибок и открыт к обсуждениям с российскими партнёрами.

Необходимо отметить, что желаемые перспективы сотрудничества получают своё развитие при условии большего сближения интересов арктической державы и неарктического государства. При прогнозировании дальнейшего сотрудничества России и Сингапура в научно-технической сфере обязательно учитывается опыт текущих совместных проектов, а также роль правительств обоих акторов в данных проектах, т.к. от данного фактора в боль-

шей степени зависит дальнейший прогресс в арктических исследованиях. Государство остаётся главным субъектом в развитии совместных исследовательских проектов, что не всегда способствует качеству и разносторонности их реализации. Привлечение частного капитала должно стать одним из основополагающих принципов международного научного сотрудничества. Частные предприятия быстрее адаптируются к модернизации, за счёт чего они эффективнее формируют конкурентную среду в наукоемких отраслях.

Заключение

Международное сотрудничество в сфере науки и инноваций всегда подкрепляется экономической и политической выгодой, которая формируется из национальных интересов определённых государств. Научная дипломатия выступает в качестве катализатора дальнейших политических соглашений, поддерживает текущие международные режимы, обеспечивает экономический рост за счёт притока инвестиций, скрепляя связь государств на международной арене. Несмотря на то, что наука имеет статус аполитичной сферы, в совместные исследовательские проекты, посвящённые насыщению ресурсами региону, на который активно проецируются последствия геополитического кризиса, государства привлекают наиболее перспективных партнеров в соответствии с политической повесткой.

Наиболее перспективными отраслями для интеграции опыта каждой страны в совместные научные разработки является транспорт, технологии для добычи углеводородов, экотехнологии и информационно-коммуникационные технологии. Конструктивность сотрудничества обеспечивается развитием культуры дискуссии в вопросах нового оборудования, применения возможностей искусственного интеллекта и постепенной реализации долгосрочных перспектив.

Арктическое пространство — «витрина» для экономически развитых государств. К этой территории приковано внимание мировых держав, и плодотворное сотрудничество в сфере науки укрепляет мягкую силу государства, позволяя реализовывать национальные интересы. Обмен данными, материально-техническая поддержка

и исследовательская деятельность государств с отличным друг от друга опытом должны стать общепринятой практикой в терминах повышения рентабельности инфраструктуры, эффективности получения знаний об Арктическом регионе, профессиональности кадровой подготовки и вовлечённости молодых исследователей.

Библиографический список

4. Антюшина Н. М. Арктика: новый формат международного сотрудничества // ИЕ РАН. 2014. С. 91–119.
5. Боришполец К. П. Методы политических исследований // Аспект Пресс. 2005. С. 51–63.
6. Гриняев С. Н., Шевченко А. В., Онищук С. М., Медведев Д. А., Волков А. Г., Аньшина Е. В. Страны-наблюдатели в Арктическом союзе: позиция и мотивы деятельности // АНО ЦСОиП. 2014. С. 57–59.
7. Горячева Е. А. Интересы и политика стран Юго-Восточной Азии в Арктике // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interes-y-i-politika-stran-yugo-vostochnoy-azii-v-arktike/viewer>
8. Криворотов А. К. Международные условия реализации Арктической стратегии России // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2020. С. 36–40.
9. Подоплёкин А. О. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. С. 40–44.
10. Пятачкова А. С. Научное измерение арктической политики России // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. С. 41–52.
11. Россия и Сингапур заключат партнёрство по Арктике // Mir24.tv. URL: <https://mir24.tv/news/14052629/rossiya-i-singapur-zaklyuchat-partnerstvo-po-arktike> — 15.03.2016.
12. Россия и Сингапур обсудили укрепление экономических связей // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/pressrelease/2020/01/21/singapur/> — 21.01.2020.
13. Сингапурская кампания не намерена выходить из проекта «Восток Ойл». URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/02/17366581.shtml> — 02.03.2022.
14. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред.12.11.2021) // «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».
15. Tahira Khan/ARYSTC 2022: Russia — ASEAN Collaboration/Tahira Khan. URL: <https://thediplomaticinsight.com/arystc-2022-russia-asean-collaboration/> — 14.02.2022.

16. The odd one out? Singapore in the Arctic // Overthecircle. URL: <https://overthecircle.com/2017/11/07/the-odd-one-out-singapore-in-the-arctic/> — 7.11.2017.
17. Singapore — the Arctic institute // The Arctic institute. URL: <https://www.thearticinstitute.org/country-backgrounders/singapore/> — 1.08.2022.
18. What is the connection between Singapore and the Arctic region? // Polarconnection.org. URL: <https://polarconnection.org/connection-singapore-arctic-region/> — 24.05.2016.

Шанина Ксения Александровна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Фроловская Виктория Дмитриевна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Сотрудничество в освоении Арктики как основа для выстраивания конструктивного диалога между Российской Федерацией, Республикой Корея и Японией

Cooperation in Arctic exploration as a common ground for
effective dialogue between the Russian Federation, the Republic
of Korea and Japan

Аннотация. Данная научная статья анализирует отношения России, Кореи и Японии в контексте их интересов в Арктике с учетом напряженной политической обстановки. В условиях, когда политические причины препятствуют переговорам, авторы предлагают исследовать возможности расширения пространства для диалога через реализацию экономических и экологическо-исследовательских инициатив. В данной работе поиск путей для дальнейшего диалога рассматривается исходя из национальных интересов трех стран и их пересечений. Данная работа призвана способствовать дальнейшей дискуссии о перспективах развития отношений между указанными странами в Арктическом регионе.

Ключевые слова: российско-японские отношения в Арктике; российско-корейские отношения в Арктике; Арктический совет; Северный морской путь; сжиженный природный газ; экологические проблемы в Арктике.

Annotation. This article examines the relations between Russia, Korea, and Japan in the context of their interests in the Arctic, taking into account ongoing political tension. In situations where political reasons impede negotiations, the authors propose exploring the possibilities of expanding the space for dialogue through the economic and environmental research initiatives. This study approaches the search for pathways to further dialogue based on the national interests of the three countries and their convergence. The purpose of this work is to contribute to ongoing discussions on the prospects of developing relations among the mentioned countries in the Arctic region.

Key words: Russian-Japanese relations in the Arctic; Russian-Korean relations in the Arctic; Arctic Council; Northern Sea Route; liquefied natural gas; environmental problems in the Arctic.

Введение

На фоне возрастающей напряженности в международной политике, вызванной украинским кризисом, отношения России с рядом стран заметно ухудшились. Это касается не только Западных стран, но и стран Восточной Азии. Так, и Республика Корея, и Японии в 2022 приняли ряд экономических санкций против России, задачей которых было отсечение российских компаний от международной торговли и запрет на экспорт высокотехнологичных товаров и технологий [1]. Отношения между Россией и указанными странами осложнились также из-за неопределенности Южной Кореи в вопросах поставок вооружения для Украины и выхода России из переговоров по мирному договору с Японией. В данных условиях видится необходимым поиск альтернативных сфер, помимо политики и военной сферы, для поддержания контактов и отношений между странами. Одной из таких сфер может стать сотрудничество в освоении Арктики и защиты ее экосистемы.

Между тем, Арктика — регион с крайне суровыми климатическими условиями, нуждающийся в чрезвычайно бережном отношении. Согласно последним исследованиям, в Арктике изменение климата из-за глобального потепления происходит быстрее, чем где-либо еще [2]. Таким образом, решение проблем,

связанных с климатическими изменениями и сотрудничеством в Арктическом регионе требует международной кооперации. Однако деятельность межправительственной организации, направленной на это — Арктического Совета — сейчас фактически заморожена из-за текущей международной обстановки. В данных условиях России требуется искать альтернативные варианты для продвижения и поддержания своих интересов в Арктике. Одним из них и является установление связей с наблюдателями Арктического совета, среди которых Южная Корея и Япония.

Таким образом, **актуальность** данного исследования обосновывается необходимостью изучения перспектив двусторонних и трехсторонних диалогов между Россией, Южной Кореей и Японией в рамках Арктического региона в условиях ухудшения политической ситуации в мире.

Целью данное исследование ставит перед собой определение возможных направлений для диалога в отношениях между Россией, Кореей и Японией на основе анализа текущих интересов и инициатив данных стран в Арктическом регионе.

Что касается научной разработанности данной темы, основные отечественные исследования относятся к анализу национальных стратегий и арктических политик Республики Корея и Японии в отдельности, а также к сотрудничеству данных стран в Арктике совместно с Китаем как их восточным партнером. Данные вопросы исследуют Журавель В. П. [3], Алмазова-Ильина А. Б. [4], Галимов М. В. [5] и другие. Более того, существует школа исследований арктической проблематики, представленная работами исследователей СПбГУ Коньшева В. Н., Сергунина А. А. [6], Лагутиной М. Л. [7] и т.д. Данное исследование же в первую очередь призвано рассмотреть сотрудничество в Арктике между Россией, Японией и Южной Кореей в качестве основы для улучшения общей кооперации и налаживания отношений в свете нарастания политической напряженности, в этом и заключается его новизна.

Методологическая основа исследования базируется на комплексном подходе при изучении поставленной проблемы. Тем не менее, в рассмотрении перспектив сотрудничества России с Кореей и Японией делается упор на прикладном аспекте; приводится всеобъемлющий комплекс факторов, необходимых для по-

нимания исследуемого явления. Для сбора и интерпретации информации, связанной с темой работы, а также изучения политики указанных государств относительно Арктического региона использован метод анализа документов, а также метод «кейс-стади» в анализе политики указанных стран в Арктическом регионе. В рамках исследования основным методом выступает сравнительный анализ, который использован в сопоставлении и анализе интересов, стратегий и инициатив Южной Кореи, Японии и России в Арктике.

Положение России в Арктике

Современная Россия заинтересована в развитии Арктической зоны, а также в усилении своего присутствия в Арктике. К списку основных интересов России в Арктике следует отнести: поддержание политического влияния в регионе, развитие торгово-хозяйственной деятельности, разработку ресурсного потенциала Арктики и сохранение экосистемы.

Россия является одной из восьми арктических стран, которые входят в Арктический совет. Это обеспечивает ей политическое влияние в регионе, которое она стремится сохранить и увеличить. Большое внимание уделяется перспективам добычи полезных ископаемых. Однако стоит отметить, что при реализации данного интереса основную сложность составляет низкая рентабельность добычи. Налоговые льготы на добычу нефти, газа и твердых полезных ископаемых рассматриваются в качестве решения данной проблемы. Так, планируется, что одна только газохимическая отрасль позволит получить дополнительные 1,5 триллиона рублей госбюджету[8].

Главным проектом, направленным на реализацию целей России в Арктике, является развитие Северного Морского Пути [9]. СМП на 40% короче аналогичного морского пути из Европы в Азию через Суэцкий канал, а его проходимость растет с каждым годом из-за глобального потепления. Также СМП является более безопасным морским путем: он помогает избегать проблем связанных с обострением военных конфликтов на ближнем востоке и пиратов в Индийском океане. Объем грузоперевозок по СМП

за 2019 год составил 31,5 млн. т. планируется увеличить этот показатель к 2024 году до 80 млн.т. [9], и хотя с учетом сложившейся политической ситуации этих показателей едва ли удастся достичь, СМП все еще является перспективным направлением для России в Арктике.

Не менее важны для России проекты по экологической защите Арктики, поскольку этот регион обладает хрупкой экосистемой. Изменение климата и таяние арктических льдов будут иметь негативное влияние не только в Арктической зоне РФ, но и по всему миру. Среди проблем, требующих внимания, примечательными являются вопросы, связанные с деградацией водных ресурсов и сокращением численности арктической фауны и флоры. Глобальное потепление представляет потенциальную угрозу для местных жителей, поскольку таяние вечной мерзлоты делает почву нестабильной и возведенные на ней постройки могут легко разрушаться, подвергая опасности жизни людей.

Интересы Южной Кореи в Арктике

История политического и экономического интереса Кореи к Арктике начинается с 1990-х. В 2002 году Корея открыла свою первую научно-исследовательскую базу в арктическом регионе, в 2009 году спустила на воду первый ледокол, а в 2013 году стала постоянным наблюдателем Арктического совета.

Интерес Южной Кореи к данному региону обусловлен несколькими факторами. Во-первых, Южная Корея находится на полуострове, имея сухопутную границу только с Северной Кореей, и фактически единственным доступным средством внешней торговли, является морской транспорт. Для Кореи на морской транспорт приходится около 99,7% всей внешней торговли [10]. В связи с этим Корея заинтересована в возможности судоходства по СМП. Во-вторых, Корея заинтересована в возможностях добычи топливных и сырьевых ресурсов в Арктике. Не обладая собственными энергоресурсами, она занимает седьмое место в мире по потреблению энергии (на 2021 год)[11], при этом Южная Корея импортирует 97% необходимых ей энергоносителей. Она является одним из главных импортеров сжиженного природного газа.

Более того, у Кореи есть ледокол для перевозки сжиженного газа и порт в Пусане, оборудованный для приема и хранения данного ресурса [12]. Несмотря на то, что сейчас основным поставщиком СПГ в Корею является Катар, Россия также входит в число экспортеров газа в Корею. Однако на данном этапе для Республики Корея сложно реализовывать свои интересы по добыче полезных ископаемых в Арктике, не являясь арктической страной, она не обладает правом голоса в Арктическом совете и соответствующими квотами на разработку арктических ресурсов.

Отдельно стоит отметить тот факт, что Корея уделяет значительное внимание научным исследованиям в Арктике, а также проблемам глобального потепления и другим экологическим угрозам, поскольку из-за таяния льдов часть корейских территорий может оказаться под водой. Кроме того, правительство Кореи обеспокоено переселением популяций рыб, вылавливаемых в Кореи в более холодные широты.

Интересы Японии в Арктике

Интересы Японии касательно Арктического региона могут быть разделены на четыре основные группы. Первой является заинтересованность в энергетических и природных ресурсах, которыми обладает данный регион, поскольку Япония, как и Республика Корея, является одним из главных импортеров сжиженного газа. В 2022 году Япония продемонстрировала увеличение импорта сжиженного природного газа (СПГ) из России на 4,6%, при этом отмечается значительный рост доли СПГ в общем объеме импорта данного вида топлива [13]. В дополнение к этому, Япония заинтересована в вопросе регулирования рыбной ловли — она стремится к свободному доступу рыболовных судов к Северному Ледовитому океану. Однако на данный момент, в соответствии с соглашением о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике, заключенном между США, Канадой, Россией, Данией, Японией и другими странами, эти воды закрыты для рыболовства, пока не будут установлены квоты.

Тем не менее, в последнее время Япония более заинтересована в экологических и исследовательских проектах в Арктике, чем в ре-

сурсодобывающих. Приоритет отдается проведению политики разумного использования добываемых ресурсов и сокращению выбросов углекислого газа (политика zero emission wastes) с целью регулирования темпов климатических изменений в Арктике [14], а также предполагается внедрение устойчивого развития данного региона с вовлечением японских компаний. Между тем, важным достижением японской дипломатии в Арктическом регионе является стимулирование научно-технического сотрудничества между арктическими и не арктическими странами. Примером реализации научных интересов Японии в Арктике создание океанографического исследовательского судна Mirai [15] и проведение на нем исследований совместно с Исландией.

Япония также рассматривает Арктику как возможность для увеличения своего политического влияния. В то время, как Арктический Совет не может функционировать должным образом, Япония использует открывшееся окно возможностей и организует дискуссии на альтернативных площадках. Так, крайний форум в рамках Arctic Circle, который посетили более 300 участников, проходил в Токио в 4–6 марта 2023 года [16].

Взаимодействие России, Южной Кореи и Японии в Арктике

На основании указанного ранее материала, можно заключить, что все три страны проявляют интерес к региону Арктики и признают его политическую и экономическую значимость. Между тем, некоторые интересы указанных стран в этом регионе пересекаются, другие же — вступают в конфликт. Так, и Япония, и Южная Корея, и Россия заинтересованы в развитии торгово-экономической деятельности, логистики и ресурсного потенциала региона. Не менее важным является для стран, в особенности для России и Японии, решение экологических проблем и нивелирование последствий изменения климата, а также стимулирование сотрудничества в научных изысканиях в рамках Арктического пространства.

Такое сходство интересов задает в некоторой степени условия для сотрудничества, в первую очередь, научного. Так, например, в 2018 в рамках российско-корейских научных связей было организовано исследование арктической флоры при поддержке ла-

боратории KOPRI. Также регулярно проводятся совместные научные семинары между российскими и японскими учеными по различным аспектам арктических исследований. В 2021 году один из таких семинаров состоялся в формате онлайн и был организован Центром арктических исследований Университета Хоккайдо и Платформой подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. [17]

Что касается торгово-экономической деятельности и логистики, со стороны Южной Кореи и Японии прослеживается некоторая заинтересованность в экономических проектах России, несмотря на ряд политических сложностей и административных ограничений со стороны России. Например, заинтересованность Японии отражается в деятельности властей Хоккайдо, которые несколько лет назад начали исследовать потенциал использования порта Томакомай в качестве перспективного транспортного терминала для Северного морского пути.

В контексте японо-корейских отношений в Арктике стоит отметить, что при множестве пересекающихся интересов взаимодействие стран характеризуется во многом смещением сотрудничества и конкуренции, поскольку обе страны стремятся защитить свои интересы в регионе. Тем не менее, несмотря на некоторые политические и исторические разногласия, в рамках Совместной декларации мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии (2015 г., Сеул) между Южной Кореей и Японией организован трехсторонний диалог с участием Китая по арктическим вопросам, имеющий целью исследование совместных проектов и поиск способов развития сотрудничества в регионе.

Тем не менее, Россия, Южная Корея и Япония имеют разные представления о модели управления Арктикой. В то время как Россия придерживается концепции, согласно которой данный регион является естественной частью ее территории и она имеет особые права и ответственность за ее развитие и использование, Южная Корея и Япония видят Арктику в контексте глобального интереса. Они поддерживают идею международного сотрудничества и многостороннего управления в Арктике.

Данное противоречие становится особенно острым в контексте проблем в работе Арктического Совета, который тради-

ционно считался площадкой для выстраивания диалога относительно Арктики между арктическими державами и внерегиональными игроками. Однако в свете сложившейся напряженной политической обстановки члены организации совместно выразили отказ участвовать в заседаниях и мероприятиях, проводимых под председательством Российской Федерации. В частности из-за данного отказа был отменен международный арктический форум «Арктика — территория диалога», который должен был пройти в апреле в Санкт-Петербурге. С другой стороны, страны, отказавшиеся от участия в Арктическом Совете под председательством России, развивают свои альтернативные пути взаимодействия. В данном контексте государства, не являющиеся членами арктической восьмерки, выступают в качестве основных выгодоприобретателей, получая возможность гибкого маневрирования и уравнивания своих интересов среди различных сторон в условиях отсутствия консенсуса между арктическими государствами[18]. Таким образом, вопрос политического влияния в Арктике становится предметом сложного и многогранного переплетения интересов различных игроков.

Три уровня ведения диалога

Результатом проведенного исследования стало выделение трех основных уровней возможного межгосударственного сотрудничества: политический, экономический и экологическо-исследовательский. Из-за международной напряженности диалог в рамках Арктического совета и принятие значимых решений и соглашений, что соотносится с политическим уровнем сотрудничества, фактически прекратился. На примере нынешней работы Арктического совета можно наблюдать, как национальные интересы стран крайне редко полностью совпадают, что делает невозможным достижение консенсуса, так как при любой неудаче правительство рискует потерять свой политический имидж.

Вторым уровнем по сложности достижения согласия являются проекты в области экономического сотрудничества. К договоренностям в рамках экономического сотрудничества прийти

несколько легче, так как сотрудничество выгодно каждой стороне, а главное разногласие, как правило, заключается в соотношении выгоды себе и противоположной стороне, которое правительство страны готово принять. Примерами таких проектов является Северный Морской Путь и торговля сжиженным природным газом.

В рамках Арктического региона наиболее эффективным представляется диалог, связанный с экологией и научными исследованиями. Вопрос защиты окружающей среды крайне актуален, кроме того его невозможно решить в одиночку. Как правило страны легко приходят к договоренности по вопросам проектов защиты окружающей среды, поскольку они популярны среди общественности, положительно сказываются на политическом имидже правительства и достижение консенсуса в этой сфере не требует существенных затрат или усилий.

Выводы

Таким образом, можно прийти к заключению: если переговоры стали невозможны по политическим причинам, следует расширить пространство для диалога посредством включения в повестку экономических и экологическо-исследовательских инициатив. Экологические и научные инициативы могут служить крепкой основой для укрепления отношений, а также реализация экономических проектов и развитие инфраструктуры в энергетическом и логистическом секторах могут способствовать сотрудничеству и созданию взаимовыгодных условий для всех сторон.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в его потенциале стать основой для научной дискуссии о перспективах расширения переговорного пространства в отношениях между Россией, Кореей и Японией в контексте Арктики. Расширение пространства для диалога и укрепление взаимопонимания между этими странами может способствовать эффективному решению общих проблем и достижению взаимной выгоды как в арктической сфере, так и в рамках российско-корейский и российско-японский отношений в целом.

Библиография

1. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: Дынкин А. А., Барановский В.Г.; отв. ред.: Мачавариани Г. И., Кобринская И. Я. — Москва: ИМЭМО РАН, 2022. — 130 с.
2. The Arctic in a changing climate. Arctic Council [Электронный ресурс] (URL: <https://arctic-council.org/explore/topics/climate/> Дата обращения: 11.03.2023)
3. Журavelь В. П. Стратегия и политика стран-наблюдателей Арктического совета в Арктике: проблемы и достижения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2–2.
4. A B Almazova-Ilyina et al 2020 IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Volume 539, 5th International Conference “Arctic: History and Modernity” 18–19 March 2020, Saint-Petersburg, Russia. Ser.: Earth Environ. Sci. 539 012048
5. Галимов М. В., Парубочая Е. Ф. Перспективы сотрудничества Китая, Японии и Республики Корея в арктике // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. № 4
6. Конышев В. Н., Сергунин А. А., Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 3.
7. Лагутина М. Л. Влияние международного кризиса на международное сотрудничество в Арктике // Аналитический вестник Совета Федерации РФ, 2016, № 5 (604). С. 26–36.
8. Козлов А. Россия определила национальные интересы в Арктике // RG.ru, 25 ноября 2019. [Электронный ресурс] (URL: <https://rg.ru/2019/11/25/rossiia-opredelila-nacionalnye-interesy-v-arktike.html> (Дата обращения: 19.05.2023).
9. Северный морской путь. Инвестиционный портал арктики. [Электронный ресурс] (URL: <https://arctic-russia.ru/northsearoute/> Дата обращения: 11.03.2023)
10. Ким М., Марченков М. Л. Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 69–81. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69
11. Общее потребление электроэнергии. Enerdata [Электронный ресурс] (URL: <https://docs.google.com/document/d/1WmKkcqA1EhOpw6A3vKj6PiUjNgDj0WUAfo3s-7gHH1Q/edit#> (Дата обращения: 19.05.2023).
12. Есвинцова Е., Neftegaz.ru. Южная Корея активно скупает спотовые партии СПГ. [Электронный ресурс] (URL: <https://neftgaz.ru/news/>

- spg-szhizhennyu-prirodnyy-gaz/746300-yuzhnaya-koreya-aktivnoskupayet-spotovyye-partii-spg/ Дата обращения: 11.03.2023)
13. В Японии в 2022 году увеличился объем импорта СПГ из России. ТАСС // 19 января, 2023 (URL: <https://tass.ru/ekonomika/16832899>) (Дата обращения: 19.05.2023).
 14. Sakiko H. “Japan’s Arctic Policy: Status and Future Prospects.” *Asia Policy*, vol. 30 no. 1, 2023, p. 20–28. Project MUSE, doi:10.1353/asp.2023.0004.
 15. Research opportunity to join the ECS R/V Mirai 2023 Arctic Cruise. Association of Polar Early Career Scientists. [Электронный ресурс] (URL: <https://www.apecs.is/news/apecs-news/5091-research-opportunity-to-join-the-r-v-mirai-2023-arctic-cruise.html>) Дата обращения: 11.03.2023)
 16. Arctic Circle Japan Forum. Arctic Circle. [Электронный ресурс] (URL: <https://www.arcticcircle.org/forums/arctic-circle-japan-forum>) (Дата обращения: 19.05.2023).
 17. Грибанова Г. И., Магдалюк А. В. Арктическая стратегия Японии и национальные интересы России. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022;16(2):148–157.
 18. Белухин, Н. Круглый стол «Итоги председательства России в Арктическом совете и будущее сотрудничества в регионе» 15.05.2023 [Электронный ресурс]. (URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/krugliy-stol-itogi-predsdatelystva-rossii-v-arkticheskom-sovete-i-budushtee-sotrudnichestva-v-regione>). (Дата обращения: 19.05.2023).

Kitov Vladislav Nikolaevich

Saint Petersburg State University
School of International Relations
Graduate student

Kondrin Maksim Dmitrievich

Saint Petersburg State University
Faculty of Political Science
Graduate student

Comparison of models of interaction between extractive companies and the autochthonous peoples of the Russian Far North and the indigenous people of the Canadian Arctic

Аннотация. На современном этапе Арктика представляет особый интерес для развития добывающей промышленности в связи со значительными запасами природных ресурсов. Эта отрасль в регионе является одним из основных драйверов социально-экономического роста для большинства государств Арктического региона. В данном исследовании авторы анализируют модели взаимодействия канадских и российских добывающих компаний с коренными народами обеих стран и оценивают их эффективность в контексте защиты прав коренных народов и поддержки устойчивого развития в регионе.

Ключевые слова: Россия, Канада, Арктика, коренные народы, добывающие корпорации.

Abstract. At the present stage, the Arctic is of particular interest in the development of the extractive industry due to its significant reserves of natural resources. This industry in the region is one of the main drivers of socio-economic growth for the majority of the states in the Arctic region. In this study, the authors analyze the models of interaction between Canadian and Russian extractive companies and the indigenous people in both countries, and assess their effectiveness in the context of protecting indigenous rights and supporting sustainable development in the region.

Key words: Russia, Canada, the Arctic, indigenous people, mining companies.

Introduction

According to the report about “Ranking Oil, Gas and Mining Companies on Indigenous Rights in the Arctic”, there are more than 90 oil, gas, and mining companies operating in the Arctic, located in seven states, such as the United States, Russia, Canada, Sweden, Finland, Denmark, and Norway [1].

The main objective of the study is to identify and compare the fundamental differences in the approaches of Canadian and Russian corporations to the local population.

To fulfill the purpose of the study, the authors took the experience of the following companies: Russian Lukoil, Gazprom and Polymetal, and Canadian Chevron, Baffinland, Imperial Oi. The authors found that in Canada, the partnership model allows extractive companies to cooperate more effectively with indigenous peoples and ensure their participation in decision-making processes, while in Russia, the consultation model has several shortcomings, including insufficient indigenous participation and insufficient protection of indigenous rights.

The relevance of the study lies in the fact that it identifies optimal models of interaction between extractive companies and peoples, which not only contribute to the efficient extraction of natural resources, but also preserve the interests of indigenous peoples who live in these territories.

The scientific novelty of our study is that it examines the interaction of extractive companies with the peoples of the Russian Far North and Canada from the perspective of the specific private companies mentioned earlier. Previous research on this topic has focused predominantly on the role of government organizations and authorities in relation to indigenous peoples, rather than on the role of the private sector. In addition, previous studies on this issue have not comprehensively compared the approaches of Russian and Canadian extractive corporations to engagement with the indigenous population.

It should be noted that the activities of corporations in the Arctic inevitably affect the interests of indigenous peoples with significant ethnocultural specificity. Based on these circumstances, corporations whose projects may be implemented in the territories of traditional residence and economic activities of the small peoples of the North face the problem of integration of these peoples in their industrial activities.

Russia and Canada are the two largest powers in the Arctic region, with similar geographic and climatic conditions. In addition, both countries' Arctic policies related to regional development and environmental protection have many points of convergence, and Russian and Canadian companies operating in the Arctic share similar patterns of behavior [2].

In considering the interaction of Russian corporations with the indigenous small peoples of the Far North, we turn to the experience of the following companies: "Lukoil, Gazprom, and Polymetal, whose core businesses are oil, gas, and ore extraction, respectively. We would like to review the Canadian experience of interaction with indigenous peoples on the basis of the corporations that most openly cover their activities in relation to the small peoples of the North: Chevron, Baffinland, and Imperial Oil. The choice of these corporations is motivated by the desire to look at the interaction models of companies from different spheres in order to increase the representativeness of the presented work.

Russian companies

Lukoil

For many years Lukoil has been engaged in oil production in the Arctic zone of Russia. In particular, in the Yamal-Nenets Autonomous District, the Nenets Autonomous District, the Khanty-Mansiysk Autonomous District [3]. These circumstances condition the corporation's interaction with indigenous peoples and the need to develop a strategy in this area.

Lukoil has such a strategy, and its main provisions are as follows: interaction with local authorities and residents in order to preserve the traditional way of life of indigenous minorities of the North and solve urgent problems. In addition, the corporation cooperates with the Federal Agency for Ethnic Affairs [4]. As part of this activity, Lukoil implements various measures of assistance to indigenous peoples ranging from direct financial support to organization of events designed to increase interest in the traditional lifestyle of indigenous peoples of the North and existing problems of Arctic residents. For example, Lukoil was one of the sponsors of the International Year of Indigenous

Languages of the Russian Federation in 2019 [5]. In the same year the company spent 386 million rubles for direct support of Arctic indigenous people and also about 2 billion rubles within the framework of agreements with local authorities to support the peoples of the North [6]. In 2020, 390 million rubles were allocated for direct assistance to the aboriginal population, an increase of 1.04% over the previous year [6], and in 2021, Lukoil allocated 370 million rubles for support of the indigenous minorities of the North [7].

Thus, to a certain extent, Lukoil pursues an independent socially responsible policy with respect to the indigenous minorities of the North, but in cooperation with the authorities of the Russian Federation.

Gazprom

Next, we will consider the interaction between Gazprom Corporation and the indigenous population of the North. Note that the geography of this company's activities in the Arctic is comparable to that of Lukoil Corporation. In addition, the sphere of resource interests partially coincides with "Lukoil" as "Gazprom" is an oil and gas production company [8].

The basic principles of the corporation's interaction do not differ from those of Lukoil. As for the issue of expenditures to support indigenous minorities of the North, such as Khanty, Mansi, Selkup and Nenets, the following can be noted: in 2019, 154 million rubles were allocated for this purpose [9], While in 2020 and 2021 the amount was 257 million rubles [10] and 295 million rubles [11]. Thus, within a couple of years Gazprom has almost doubled the costs of maintaining the traditional way of life and solving the problems of the indigenous population of the Arctic. In addition, Gazprom, like Lukoil, contributes to organizing various events related to drawing attention to the traditional way of life of indigenous minorities of the North. For example, Reindeer Herder's Day and Fisherman's Day, national holidays of the indigenous population of the Arctic [11].

Based on the above, we can conclude that Gazprom Corporation pursues a relatively independent policy, defining the forms of interaction with the indigenous inhabitants of the North and constantly strengthening this interaction by increasing the amount of support for Arctic residents.

Polymetal

Unlike the companies discussed above, Polymetal's core business is the extraction of precious metal ores [12]. The main region of activity in the Russian Arctic is the Magadan region and the Chukotka Autonomous District, which is the place of ancestral residence of the Chukchi. Like the two previous companies, Polymetal is implementing its engagement with the indigenous peoples of the North through numerous projects (76 projects as of 2020) [13]. Regarding Polymetal's expenditures on supporting the indigenous peoples of the North, we note the following: in 2019, the corporation allocated \$334,000 to Polymetal [14], in 2020, the amount of support was \$315,000 [13], and in 2021, about \$419,000 [15].

Thus, we can conclude that Polymetal Corporation is relatively independent in its choice of forms of interaction with the indigenous peoples of the North, and that Russian mining corporations share common principles of support for aboriginal people.

Having analyzed the activities of the three resource extraction companies, we can note the following. The corporations under consideration are independent in the forms and amounts of assistance to the indigenous peoples of the North, depending on the available opportunities and needs of the aboriginal population. However, support of the indigenous peoples of the North is not an independent initiative of Russia's extractive companies, but occurs within the framework of the goals set forth in several legal acts of the Russian Federation, such as the Federal Law "On territories of traditional nature management of scanty indigenous populations of the North, Siberia and the Far East,," as recently amended [16] and Russia's Arctic Strategy through 2035 [17].

As a consequence of the above, we can come to the thesis that Russian corporations have the following generalized model of interaction with the indigenous peoples of the North. As part of the costs of social projects, corporations set aside a certain percentage to support the indigenous peoples of the North. In addition, there is cooperation with local authorities in the implementation of large-scale projects aimed at improving the quality of life of aboriginal people, which is mutually beneficial for regional administrations and extractive corporations [18]. Also in recent years, corporations have increased spending

to support indigenous people of the North as part of the principle of sustainable development and corporate social responsibility, as demonstrated above.

However, it should also be noted that in their sustainability reports, Russian companies tend to emphasize financial support for indigenous peoples of the North rather than the social projects they implement in the areas of education, healthcare, preservation of cultural heritage and strengthening the social infrastructure of indigenous peoples.

Canadian companies

Baffinland

The Baffinland Corporation of Canada is a mining company with its main operations in one of the northern territories of the country (Nunavut), which is also home to the autochthonous Inuit tribe. For this reason, the corporation's core business will inevitably overlap with the interests of this ethnic group.

According to the company's official website statements, cooperation and consultation with the Inuit tribe is one of Baffinland's fundamental objectives [19]. In support of this principle, the corporation and the Inuit entered into the Inuit Certainty Agreement in June 2020 [20]. Under the deal, the company plans to deepen its cooperation with the Kikitani Inuit Association, conduct its mining operations under the supervision of local indigenous representatives to protect the environment, and increase investment to involve Inuit in Baffinland activities [20]

Based on the above facts, we could argue that the Baffinland Mining Corporation seeks to take indigenous interests into account when carrying out mining activities. In recent years, however, the relationship between the actors has begun to deteriorate. In early 2021, in response to the corporation's plans to expand the mining area and increase production from 6 to 12 tons per year, there were a number of protests among the Inuit population [21]. As a result of these events, the company has not abandoned its plans to expand production, ignoring the interests of indigenous people.

Thus, we can observe a decrease in the interest of Baffinland Iron Mines Corporation in the opinion of the indigenous population. The

above thesis can be supported by the weak involvement of such influential indigenous associations as Nunavut Tunngavik Incorporated and Inuit association Qikiqtani Inuit Association in the development of the company's recent industrial projects. Indigenous peoples are also poorly represented in the development of the Mary mine, where the company is currently conducting its main operations [22]. Based on the above, we can assume that Baffinland would not be able to take the lead from Canadian companies in the 2021 Arctic indigenous rights rankings that it had in 2016 [1].

Imperial Oil

The next corporation under consideration is oil and gas company Imperial Oil, ranked 10th in the 2016 Arctic Indigenous Rights Rankings [1]. In addition, the company itself employs more than 1,100 representatives of the peoples of the North [23]. A rather high position in the ranking can be associated with a large number of social programs specifically aimed at cooperation with indigenous peoples. Examples of such programs are: Cold Lake Indigenous Internship Program, Norman Wells Northern Development Program, Indigenous Student Employment Program [24]. There are also scholarships and grants for indigenous students.

We can add to the above that, according to the company's CEO Brad Corson, Imperial Oil's main objectives in working with indigenous people are to conduct activities that are not harmful to the environment, the rights and culture of indigenous peoples; to hold ongoing consultations with representatives of northern peoples; to provide employment opportunities for them within the corporation, etc. [25]

In addition, it is worth noting the amount of spending by the corporation in question to support the indigenous population of the North. According to the 2020 Sustainability Report, the corporation's total investments from 2008 to 2020 amounted to more than \$3 billion [26].

Thus, we can conclude that since 2016, Imperial Oil has made significant progress in strengthening relations with indigenous peoples, and as a result, the corporation can now be considered one of the leaders in its work and cooperation with the peoples of the Far North in the region.

Chevron Corporation

The last company under consideration is Chevron Corporation, a large multinational energy corporation, including a number of projects in Canada.

According to representatives of the corporation, Chevron Corporation's policy on engagement with indigenous people is based on the following principles: recognition of indigenous rights as enshrined in the Canadian constitution and other legal and regulatory acts; striving to interact and cooperate with indigenous communities and respecting their culture, history and customs [27].

Company representatives say that in order to comply with these principles, the corporation provides jobs for indigenous people, carries out trade with them, makes investments, and carries out activities to protect the environment. As proof of this, the corporation's website lists many collaborative projects, both with indigenous peoples of the North and with other aboriginal communities [27].

However, despite the corporation's positive policy toward indigenous peoples, conflicts periodically arise between them. One recent example is the events of 2019–2020, when the indigenous people of Alaska and northern Canada, as well as a number of environmental organizations, launched an active social movement against Chevron, which was interested in buying a site on the Arctic National Wildlife Refuge for the purpose of subsequent drilling and oil production [28]. In total, the movement gained tens of thousands of supporters and about 14,000 signed petitions sent to Chevron's chief executive [29]. As a result of these events, Chevron withdrew from bidding for the land on January 6, 2021 [30].

General conclusions

In the course of our study of the interaction of extractive corporations with the indigenous peoples of the North, we came to the following conclusions. The relationship models of Canadian and Russian companies with the autochthonous peoples of the Arctic are quite similar at the level of principles and forms of cooperation. Thus, corporations in both countries establish a dialogue with indigenous people on equal terms; listen to the opinion of aboriginal peoples; allocate funds to solve the

pressing problems of northerners; pay scholarships to indigenous people studying at universities; support indigenous organizations, etc.

This similarity is due to several factors. First, the indigenous peoples of the North, like, say, Chukchi and Inuit, have similar traditional lifestyles, and consequently, similar problems for which corporations use the same type of solutions. In addition, the mentioned traditional way of life of aboriginal peoples generates similar problems in relations with corporations, which cause similar reactions of economic agents. Secondly, Russian and Canadian companies are relatively independent actors in choosing the forms and scope of interaction with the indigenous peoples of the Far North, but corporations support the autochthonous peoples of the Arctic within the framework of obligations imposed by Canadian and Russian legal and regulatory acts, which contradicts the basic postulates of the neoliberal approach discussed above.

However, there are also differences in interaction. According to sustainability reports, Russian corporations focus their engagement models on financial issues, while Canadian corporations pay more attention to social projects. In addition, Canadian corporations are more interested in the employment of indigenous people, which is due to the very low population density and the degree of development of northern territories, while Russian companies hire local people more for reasons of prestige and to facilitate the development of new territories. Thus, we can conclude that the models of interaction between Canadian and Russian corporations with indigenous peoples have similarities on a fundamental level, while the differences are evident in specific details.

References

1. 2016 Overland I. Ranking oil, gas and mining companies on Indigenous rights in the Arctic // Indigenous Peoples and Resource Extraction in the Arctic: Evaluating Ethical Guidelines. URL: <https://nupi.brange.unit.no/nupi-xmlui/bitstream/handle/11250/2451729/2016+-+Arctic+indigenous+us+ranking+Arran.pdf?sequence=1>—20.05.2023
2. Charron A. Common Ground: Why Russia and Canada Should Cooperate in the Arctic // Carnegie Moscow, 2021. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85034>—20.05.2023
3. 2020 Россия // «ЛУКОЙЛ». URL: <https://lukoil.ru/Business/Upstream/traditional-regions> — 20.05.2023

4. 2020 Коренные малочисленные народы Севера // «ЛУКОЙЛ». URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/Society/IndigenousminoritiesoftheNorth—20.05.2023>
5. 2019 LUKOIL Group Sustainability Report. URL: https://www.responsibilityreports.com/HostedData/ResponsibilityReportArchive/p/LSE_LKOD_2019.pdf — 20.05.2023
6. 2020 Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ». URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/555493.pdf> — 20.05.2023
7. 2021 Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ». URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/592424.pdf?dl=1> — 20.05.2023
8. О «Газпроме». URL: <https://www.gazprom.ru/about/> — 20.05.2023
9. 2019 Отчет Группы «Газпром» о деятельности в области устойчивого развития. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/77/885487/sustainability-report-rus-2019.pdf> — 20.05.2023
10. 2020 Отчет Группы «Газпром» о деятельности в области устойчивого развития. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/57/982072/sustainability-report-ru-2020.pdf> — 20.05.2023
11. 2021 Отчет Группы «Газпром» о деятельности в области устойчивого развития. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/57/982072/sustainability-report-ru-2021.pdf> — 20.05.2023
12. 2023 Профиль // Полиметалл. URL: <https://www.polymetalinternational.com/ru/about/at-a-glance/> — 20.05.2023
13. 2020 Polymetal International. Sustainability Report. URL: https://www.polymetalinternational.com/upload/iblock/b02/Polymetal_Sustainability_Report_2020.pdf — 20.05.2023
14. 2019 Polymetal International. Sustainability Report. URL: https://www.polymetalinternational.com/upload/iblock/051/Polymetal_Sustainability_report_2019_web.pdf — 20.05.2023
15. 2021 Polymetal International. Данные об устойчивом развитии. URL: <https://www.polymetalinternational.com/upload/iblock/1a2/Polymetal-Sustainability-Performance-Data-2021-rus.pdf> — 20.05.2023
16. Федеральный закон от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16897> — 20.05.2023
17. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfXN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf> — 20.05.2023

18. Сморчкова В. Развитие взаимоотношений ресурсных компаний с коренными народами в Арктической зоне России // Пути к миру и безопасности, 2021. № 1 (60). С. 181–196.
19. Who We Are // Baffinland. URL: <https://www.baffinland.com/about-us/who-we-are/> — 20.05.2023
20. 2020 Inuit Certainty Agreement between Baffinland and Qikiqtani Inuit Association. URL: <https://www.qia.ca/wp-content/uploads/2020/07/6172020-Executed-Inuit-Certainty-Agreement-for-website.pdf> — 20.05.2023
21. Inuit voices grow louder in fight over Nunavut mine expansion // Aljazeera, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/2/27/inuit-voices-grow-louder-in-fight-over-nunavut-mine-expansion-canada> — 20.05.2023
22. Loxley J. Assessment of the Mary River Project: Impacts and Benefits // University of Manitoba, 2019. URL: <https://oceansnorth.org/wp-content/uploads/2019/02/Assessment-of-the-Mary-River-Project-Impacts-and-Benefits-final-draft.pdf> — 20.05.2023
23. Indigenous engagement // Imperial Oil. URL: <https://www.imperialoil.ca/en-CA/Sustainability/Indigenous-engagement> — 20.05.2023
24. Indigenous internship and scholarship programs // Imperial Oil. URL: <https://www.imperialoil.ca/en-CA/Careers/Careers/Indigenous-internship-and-scholarship-programs#Internshipopportunities> — 20.05.2023
25. Our commitment to Indigenous communities // Imperial Oil. URL: <https://www.imperialoil.ca/-/media/Imperial/Files/Our-commitment-to-Indigenous-communities.pdf?la=en-CA&hash=D5D8EA820F6AB7C26F4CA8339B22AA06FBDB174E> — 20.05.2023
26. 2021 Corporate sustainability report // Imperial Oil. URL: https://www.imperialoil.ca/-/media/Imperial/Files/Publications-and-reports/IMP-0020-Sustainability-Report_final_web_March-29.pdf — 20.05.2023
27. Indigenous relations policy // Chevron. URL: <https://canada.chevron.com/community/indigenous-partnerships/indigenous-relations-policy> — 20.05.2023
28. Hardin S. The Companies With the Best Kept Secret in the Arctic Refuge // American Progress, 2019. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/green/news/2019/07/11/471985/companies-best-kept-secret-arctic-refuge/> — 20.05.2023
29. Environment America delivers more than 14,000 petitions to Chevron opposing drilling in the Arctic National Wildlife Refuge // Environment America, 2021. URL: <https://environmentamerica.org/news/ame/environment-america-delivers-more-14000-petitions-chevron-opposing-drilling-arctic-national> — 20.05.2023

30. Arctic refuge lease sale goes bust, as major oil companies skip out // Alaska Public media, 2021. URL: <https://www.alaskapublic.org/2021/01/06/long-awaited-arctic-refuge-oil-lease-sale-attracts-little-interest/> — 20.05.2023

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА»

Алексеева Елена Олеговна

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
Факультет международных отношений и политических исследований
Магистратура

Сравнительный анализ использования понятия «информационная война» на стратегическом уровне в США и РФ в XXI веке

Comparative analysis of the use of the term “information warfare” at the strategic level in the USA and the Russian Federation in the XXI century

Аннотация. В данной статье предпринята попытка провести сравнительный анализ документов стратегического планирования США и России для выявления особенностей использования понятия «информационная война» на стратегическом уровне в XXI веке. Для осуществления поставленной цели были проанализированы документы, отражающие наиболее приоритетные направления государственной деятельности США и России в области национальной и информационной безопасности. Стоит отметить, что государства на стратегическом уровне используют термин «информационная война» не только с разной степенью частотности, но и наделяют его различным смыслом, что свидетельствует о существовании нескольких подходов к рассмотрению проблематики.

Ключевые слова: информационная война, США, Россия, национальная безопасность, информационная безопасность.

Abstract. This article attempts to conduct a comparative analysis of US and Russian strategic planning documents to identify the specifics of using the term “information warfare” at the strategic level in the XXI century. In order to achieve this goal, the documents reflecting the most priority areas of state activities of the USA and Russia in the field of national and information security have been analyzed. It is worth noting that states at the strategic level use the term “information warfare” not only with varying degrees of frequency, but also give it different meanings, indicating that there are several approaches to addressing the issue.

Key words. Information warfare, U.S., Russia, national security, information security.

Введение

На сегодняшний день происходит существенный пересмотр не только характера ведения военных действий, но и самой сущности войны, что связано с развитием вооружения, военной и специальной техники, информатизацией общества в целом и военного дела в частности, принятием на вооружение оружия, основанное на технологических принципах. В связи с развитием информационных технологий, быстрым совершенствованием телекоммуникационной инфраструктуры и средств связи, информация становится не просто важным ресурсом, а основополагающим инструментом, позволяющим государствам достигать военного превосходства. Вместе с тем, зачастую информационные технологии используются для транслирования заведомо ложной, искаженной информации, призванной нанести ощутимый ущерб международному престижу страны, повлиять на общественное мнение граждан, вызвать сильную эмоциональную реакцию людей, а в худшем случае привести к разжиганию вражды внутри общества и провоцированию международного конфликта. Осознание государствами важности применения информационно-коммуникационных технологий как инструмента достижения военного превосходства, а также постепенное смещение театра военных действий из физического в информационное про-

странство, способствовало концептуализации понятия «информационная война» и закреплению его на стратегическом уровне в США и России.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественных и западных исследованиях не существует единства мнений относительно трактовки понятия «информационная война», а также степени и особенностей использования термина в стратегических документах США и России на современном этапе.

В качестве эмпирического материала исследования были взяты документы США: Стратегии национальной безопасности (2000 г., 2006 г., 2010 г., 2015 г., 2017 г., 2021 г., 2022 г.), Стратегии национальной обороны США (2005 г., 2008 г., 2018 г., 2022 г.), Стратегия кибербезопасности (2023 г.), а также стратегические документы РФ: Доктрины информационной безопасности (2000 г., 2016 г.), Стратегии национальной безопасности РФ (2009 г., 2015 г., 2021 г.), Военные доктрины РФ (2000 г., 2010 г.), Концепции внешней политики РФ (2016 г., 2023 г.), отражающие различные подходы к пониманию термина «информационная война» и обеспечению информационной безопасности. В работе используется метод анализа официальных документов.

«Информационная война»: концептуальное значение термина

Для проведения сравнительного анализа концептуализации понятия «информационная война» на стратегическом уровне в США и РФ необходимо выявление концептуального содержания данного термина. В США долгое время «информационная война» рассматривалась в качестве дополнительного средства обеспечения национальной безопасности, наравне с обычными военными возможностями. В связи с возникновением информационных угроз, которым было неподвластно ни время, ни расстояние, ни географическое пространство, военные теоретики из США стали проводить системные исследования по использованию информации в качестве средства ведения войны. Мартин Либицки, один из зачинателей теории «информационной войны», рассматривал ее в качестве конфликта, главными задачами которого является защита собственной информации при уме-

лом манипулировании и искажении информации противника [1, р.2]. По его мнению, «информационная война» включает несколько компонентов: разведывательно-ударные операции (сбор секретных данных противника), электронная борьба (действия, направленные против электронных коммуникаций противника), командно-управленческая (разрыв связи командования врага с исполнителями), психологическая война (направлена на сознание людей и деморализацию вооруженных сил конкурента), хакерская и кибернетическая борьба (диверсионные действия в компьютерных сетях) или экономическая информационная борьба (информационная блокада и перекрытие коммерческих электронных каналов).

С появлением Интернета информационное пространство стало восприниматься американскими исследователями информационной безопасности в качестве наиболее вероятного театра возникновения конфликта между государствами. Профессор Джордж Стейн в 1995 году приводит следующее определение «информационной войны»: конфликт на общественном уровне или между странами, ведущийся, в частности, с помощью всемирного интернета и взаимосвязанных средств информации и коммуникации [2, р.32]. Информационные возможности стали рассматриваться как средство противодействия дезинформации и подстрекательству, предотвращения и смягчения этнических конфликтов, содействия циркуляции свободного потока информации, транслируемой СМИ, главным образом в вопросе продвижения демократии и демократического образа жизни. Таким образом, концепция освобождается от сугубо военных коннотаций.

Комплексные исследования концепта «информационной войны» в России начали проводиться только на рубеже XX и XXI веков, что в значительной степени связано с необходимостью защитить информацию от внешних деструктивных угроз, а также избавить информационные системы от чрезмерного объема некачественной и противоречивой информации. С российской точки зрения, «информационная война» — это деятельность, направленная на то, чтобы повлиять как на оценку противником военной ситуации, так и на поведение общественного мнения. Один

из самых известных ученых Манойло А. В. «информационную войну» определяет как процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня, путём воздействия на гражданское население, власти и (или) вооружённые силы противостоящей стороны, за счет распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов, и, противодействия таким воздействиям на собственную сторону [3, с.307].

Отражение понятия «информационная война» в стратегических документах

Степень включенности понятия «информационная война» в стратегические документы США достаточно невысокая. На стратегическом уровне термин закрепился в таких документах, как: «Стратегия национальной обороны США» (2008 г., 2018 г. и 2022 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2017 г.) и трактуется как одна из угроз, совершаемых государственными и негосударственными субъектами в информационном пространстве для подрыва американской экономической, политической или военной мощи, их дискредитации среди союзников и лояльных им международных институтов.

В стратегиях начала XXI века появляются первые упоминания об угрозах информационной и кибернетической безопасности, которые представляют для США такой же большой вызов, как потенциальное использование и распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, международный терроризм, распространение стрелкового оружия и легких вооружений, незаконная международная миграция и торговля людьми, незаконные оборот наркотиков. Для отражения возникающих вызовов в информационном пространстве, США должны обладать информационным превосходством, подразумевающим способность собирать, обрабатывать и распространять непрерывный поток информации, используя и/или лишая противника возможности выполнять аналогичные действия,

а также пресекать подрывную деятельность, которая может осуществляться с использованием кибер-технологий.

В «Стратегии национальной безопасности» 2017 года впервые используется термин «информационная война» в значение одной из угроз, совершаемых государственными, а также негосударственными акторами в киберпространстве. Составной частью «информационной войны» являются кибератаки, которые проводятся с целью подрыва доверия к демократическим институтам и глобальной экономической системе, а также для расширения государственного влияния и защиты политического режима. Главными мишенями кибератак, согласно документу, выступают активы правительства США, критическая инфраструктура, данные и информация. В Стратегии неоднократно упоминается об информационной оружии, которое используется конкурентами США, в частности, Россией для достижения геополитических задач: «Россия использует информационные инструменты в попытке подорвать легитимность демократий. Целью противников являются СМИ, политические процессы, финансовые сети и персональные данные» [4].

В Стратегиях национальной обороны США киберпространство рассматривается американскими военными в качестве важного направления операционных возможностей военного ведомства США, а информационные операции как ключевую компетенцию, от которой зависит защищенность информационных систем и данных. Термин «информационная война» используется в качестве дополнительного средства обычных военных возможностей [5]. В Стратегии 2022 года понятие употребляется в контексте развития Китаем своих космических, противокосмических, электронных, информационных возможностей для нанесения ущерба США и их союзникам в условиях кризиса или конфликта [6]. В других стратегических документах термин «информационная война» не конкретизируется и используется намного реже, нежели такие понятия, как кибератаки (cyber-attacks), информационные операции (information operation), кибер-операции (cyber operations), иррегулярная война (irregular warfare), атаки вымогателей (ransomware attacks), что приведено на Рисунке 1.

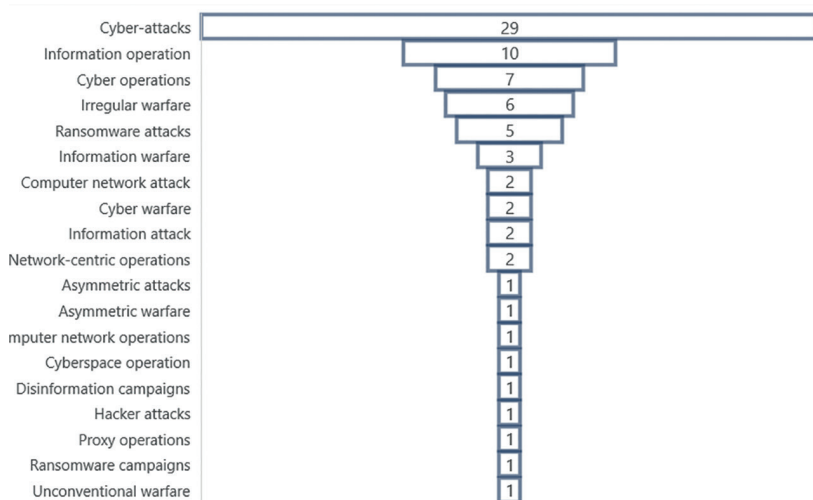

Рисунок 1. Частотность использования понятий в документах США

Таким образом, «информационная война» представляет для национальных интересов США прямую угрозу и используется, по мнению американского руководства, государственными и негосударственными субъектами для подрыва американской экономической, политической или военной мощи, их дискредитации среди союзников и лояльных им международных институтов, что осуществляется за счет проведения кибератак. Факт того, что термин встречается в современных документах стратегического планирования, свидетельствует о сохраняющемся интересе США к проблематике.

В России понятие «информационная война» нашло отражение в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» 2000 года для обозначения использования геополитическими противниками средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира, нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним [7]. Согласно Доктрине, «ин-

формационная война» является одной из главных угроз национальной безопасности РФ. В документе «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве» от 2011 года среди целей «информационной войны» можно отметить следующие: «нанесение ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критическим структурам; подрыв политических, экономических и социальных систем; массовые психологические атаки; психологическое манипулирование населением с целью дестабилизации государства и общества; принуждение государства к принятию решений, выгодных противнику» [8]. Несмотря на редкое упоминание термина в стратегических документах России, в них приведена более подробная характеристика «информационной войны», которая включает, в отличие от американской версии, психологическое манипулирование общественным мнением и массовые психологические атаки.

Более часто на стратегическом уровне в России используется понятие «информационное противоборство», которое в большей степени сконцентрировано на информационно-психологическом воздействии и направлено на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации и подрыв суверенитета. Термин «информационное противоборство» упоминается в следующих документах: «Военная доктрина РФ» (2000 г., 2010 г.), «Стратегия национальной безопасности РФ» (2009 г., 2015 г., 2021 г.), «Доктрина информационной безопасности РФ» (2016 г.) в контексте необходимости России оснащать Вооруженные Силы новым вооружением, военной и специальной техникой, а также развивать силы и средства информационного противоборства [9]. Информационная безопасность выделяется в качестве одного из девяти важных стратегических приоритетов, выполнение которого требует от федеральных и местных органов государственной власти скоординированной деятельности по устранению угроз вмешательства во внутренние дела, нарушения территориальной целостности, подрыва суверенитета, пресечению компьютерных атак на информационные ресурсы и объекты критической информационной инфраструктуры.

В «Концепции внешней политики» 2023 года появляется новый термин, который ранее не фигурировал в документах стратегического планирования — «гибридная война нового типа». В отличие от «информационной войны» гибридная является более широким понятием и включает комбинацию силовых, экономических и технологических возможностей для «ограничения суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности» [10]. В связи с этим одним из основных национальных интересов России является защита от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия, особенно в военных целях.

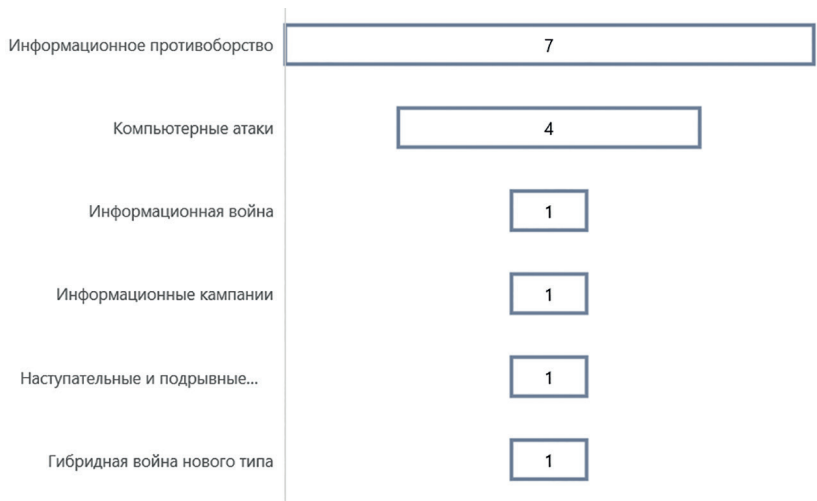

Рисунок 2. Частотность использования понятий в документах РФ

Таким образом, термин «информационная война» практически не задействован в стратегических документах России. Вместе с тем он относится к активным действиям в информационной сфере, направленным на достижение политических, военных и иных целей. В контексте стратегических документов России, «информационная война» рассматривается как важный инструмент ведения современных конфликтов. Она объединяет различ-

ные формы воздействия, такие как массовая пропаганда, дезинформация, манипуляции в социальных сетях и другие информационные операции. Целью «информационной войны» является формирование и контроль над общественным мнением, воздействие на политические процессы и противников, а также дестабилизация внутренней ситуации в стране. Однако стоит отметить, что в зависимости от контекста может быть рассмотрен по-разному. Его использование в стратегических документах России отражает признание значимости информационных операций и подчеркивает стремление к активному использованию информационных ресурсов в современных конфликтах.

Выводы

Подводя итог сравнительного анализа, хочется отметить, что в США и России сложились различные подходы к трактовке термина «информационная война». США считают, что «информационная война» — это прежде всего борьба за информационное превосходство. Американский подход больше сконцентрирован на технической составляющей и роли применения кибератак и хакерских операций в нарушении нормального функционирования информационных систем, критически важной инфраструктуры и сетей. Зачастую он фигурирует в контексте использования информационных технологий конкурентами США, в частности, Россией и Китаем для достижения своих геополитических задач. Несмотря на то, что термин нашел отражение в таких стратегических документах, как: «Стратегия национальной обороны США» (2008 г., 2018 г. и 2022 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2017 г.), он используется гораздо реже, чем кибер-атаки, информационные операции, кибероперации, иррегулярная война, атаки вымогателей. При этом степень включенности понятия «информационная война» в стратегические документы США выше, чем в России.

В России термин «информационная война» закрепился только в «Доктрине информационной безопасности» 2000 года для обозначения использования геополитическими противниками средств деструктивного воздействия на информационные сферы, системы

и ресурсы других стран мира. В других рассмотренных документах используется понятие «информационное противоборство», предполагающее концентрацию внимания на информационно-психологическом воздействии. Российский подход ориентирован на психологическую составляющую информационного влияния, где важное значение занимает манипулирование общественным сознанием, направленное на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации, подрыв суверенитета, которые создают первоочередную угрозу государственным интересам.

Несмотря на то, что США и Россия с разной степенью частотности используют понятие «информационная война» на стратегическом уровне и имеют разный подход к рассмотрению проблематики, оба государства признают, что «информационная война» является одной из главных угроз национальной безопасности, не ограничивается только военными аспектами и включает набор инструментов, начиная от пропаганды и дезинформации до проведения кибератак и выведения из строя критически важной инфраструктуры.

Все это свидетельствует о том, что США и Россия признают факт ведения «информационной войны» на высшем уровне и стремятся к достижению преимущества в информационном пространстве. В условиях геополитической конкуренции государства будут не только усиливать свои информационные возможности, но и укреплять киберзащиту, развивать сотрудничество в сфере информационной безопасности с другими заинтересованными странами, а также разрабатывать новые стратегии, направленные на предотвращение и противодействие современной «информационной войне».

Библиография

1. Libicki M. What is Information Warfare// National Defense University. ACIS paper 3. — 1995.
2. Stein G. Information Warfare // Air Power Journal. — 1995.
3. Манойло А. В. Технологии современных информационных войн // Политическая наука. — 2017.
4. United States. The National Security Strategy of the United States of America. [Washington]: President of the U.S. — 2017. — URL: <https://>

- trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf — 12.04.2023.
5. United States. The National Defense Strategy of the United States of America. [Washington]: Department of Defense. — 2008. — URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2008NationalDefenseStrategy.pdf> — 07.04.2023.
 6. United States. The National Defense Strategy of the United States of America. [Washington]: Department of Defense. — 2022. — URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3201683/departement-of-defense-releases-its-2022-strategic-reviews-national-defense-strat/> — 08.04.2023.
 7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ от 09.09.2000 г. N Пр-1895). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> — 14.04.2023.
 8. Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве. URL: <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074%40cmsArticle>
 9. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015 № 683 // Президент России. — 2015. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> — 14.04.2023.
 10. Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс] / Сост. Д. В. Кузнецов. — Б.м.: Б.изд., 2023. — 122 с.
 11. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 // Президент России. — 2021. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank> — 28.02.2023–03.04.2023.
 12. United States. National Cyber Strategy of the United States of America. [Washington]: The White House. — 2018. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> — 01.04.2023–03.04.2023.
 13. United States. National Strategy for Critical and Emerging Technologies. [Washington]: The White House. — 2020. — URL: <https://www.hsd.org/?abstract&did=845571> — 01.04.2023.
 14. United States. Summary of the irregular warfare annex to the national defense strategy [Washington]: Department of Defense. — 2020. — URL: <https://media.defense.gov/2020/Oct/02/2002510472/-1/-1/0/Irregular-Warfare-Annex-to-the-National-Defense-Strategy-Summary.PDF> — 09.04.2023.
 15. United States. The National Security Strategy of the United States of America. [Washington]: President of the U.S. — 2021. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> — 10.04.2023.

Габриелян Максим Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Магистратура

Феномен нарратива о фронтире как категории внешнеполитического дискурса США (на примере российско-американских отношений в период администрации Дж. Байдена)

The Phenomenon of the Frontier Narrative as a Category of the US Foreign Policy Discourse (on the Example of Russian-American Relations during the J. Biden Administration)

Аннотация. В рамках данной работы рассматриваются основные подходы, которыми внешнеполитическое руководство США определяет различные географические пространства и наделяет их собственными коннотациями и категоризирует. В качестве примера проводится анализ дискурса в отношении европейского пограничья России и то, в какой степени США навязывают данному пространству понятие «фронтира свободы», отражая собственную политическую культуру и идентичность. На основании концепции «критической геополитики» рассматривается дискурс США о географических пространствах как в области «формальной», так и «практической» геополитики. В результате анализа рассмотренных речевых актов мы приходим к выводу о том, что нарратив о «фронтирах свободы» остаётся ключевым способом «рутинизировать» кризисные ситуации для США в рамках собственной дискурсивной силы.

Ключевые слова: США; Россия; «фронтир свободы»; онтологическая безопасность; «критическая геополитика»; дискурсивная сила.

Abstract. Within the framework of this work, the main approaches by which the US foreign policy leadership defines various geographical spaces and endows them with their own connotations and categorizes are considered. As an example, an analysis is made of the discourse regarding the European borders of Russia and the extent to which the United States imposes the concept of “freedom frontier” on this

space, reflecting its own political culture and identity. Based on the concept of “critical geopolitics”, the US discourse on geographical spaces is considered both in the field of “formal” and “practical” geopolitics. As a result of the analysis of the considered speech acts, we come to the conclusion that the narrative about the “frontiers of freedom” remains the key way to “routinize” crisis situations for the United States within the framework of its own discursive power.

Keywords: USA; Russia; «frontier of freedom»; ontological security; «critical geopolitics»; discursive power.

Введение

Данное исследование посвящено проблеме осмысления географических пространств как одной из составляющих национальной идентичности государства и её проекции во внешней политике. Вопрос формулирования основы онтологической безопасности и того, каким образом она может проявляться во внешнеполитических действиях требует также особого внимания как возможного отражения исторической памяти государства и её взаимосвязанности со стратегической культурой [12].

Пример США представляет особый интерес, где одним из наиболее дискуссионных аспектов национальной идентичности видится проблема осмысления опыта освоения пространств «Среднего Запада» в XIX веке, известного как географическое явление «фронта» (под фронтом подразумевается категоризация географически неопределённого пространства в терминах «поля борьбы» и места столкновения «цивилизации» и «варварства») [2]. Данная дискуссия берёт начало с момента публикации работы Ф. Дж. Тёрнера «Фронт в американской истории», где автор ввёл в оборот идею о массовом освоении западной части современных США как фундаментального источника политических практик и дизайна общественных институтов [2].

Многие исследователи отмечают значительное сохранение «тезиса Тёрнера» как сегмента американской национальной памяти во внешней политике через идею «фронта свободы» [3; 11]. На примере речевых актов внешнеполитического руковод-

ства можно заметить перенос логики фронта как инструмента оправдания идей «американской исключительности» и экспансионизма через выстраивание ментальных границ противостояния демократии и авторитаризма [15]. Обращение к нарративу носит внепартийный статус и прослеживается в речевых актах различных администраций [11; 15].

Представляется интересным рассмотреть отражение идей о фронтире во внешней политике США на современном этапе. Тенденции к ревизии международного порядка со стороны КНР и РФ обостряют дебаты о нарративном потенциале данных держав и возможностях дискурсивной силы США [12; 15]. В связи с продолжающимся украинским кризисом данная проблематика обретает особенную актуальность.

Целью данного исследования является выявить специфику обращения к идее «фронтира» как нарративной конструкции на примере стратегии США по сдерживанию России. В качестве примера необходимо обратиться к подходам, используемым администрацией Дж. Байдена преимущественно для стран Восточной Европы. В качестве основных хронологических рамок берётся период после 24 февраля 2022 года, однако мы также обращаемся к ранним периодам для формулирования контекста.

Основополагающей для доклада является концепция «критической геополитики», разработанная Дж. О'Толом и Дж. Эгнью [14]. Авторы предлагают рассматривать воображение географических категорий и их применение в политике с точки зрения социального конструктивизма, разделяя основной пласт геополитических дискурсов в качестве основ «формальной геополитики» (комплекса высказываний в академических и общественно-политических дебатах) и того, как они перетекают в область «практической геополитики» (конкретные действия и решения) [1; 14].

Непосредственно проблеме обоснования внешней политики США в нарративах «фронтиризации» обращается О. Тёрнер, предлагающий рассматривать речевые акты о «фронтирах свободы» через призму трёх направлений: «пространства» (признание приоритета идей о территориях над их реальными физико-географическими особенностями), «самости» (необходимости учитывать взгляд отдельных авторов и их точки зрения как «рас-

сказчиков» о территориях), «времени» (нарративы не являются исключительно ретроспективными для оценки событий прошлого, но также предоставляют «навигацию» для выполнения внешнеполитических задач) [15].

В качестве основы источниковой базы будут использованы речевые акты правящей администрации касательно конкретных решений, лежащих в области «практической геополитики», а также дискуссии американской «формальной геополитики» (преимущественно, дебаты академического и экспертного сообщества о характере политики в отношении России).

Контекст повествования о границе с Россией

Рассматривая эволюцию восприятия пограничного с Россией пространства со стороны США, то представляет особый интерес период после 2014 года, отметившийся началом нарративного присвоения за Украиной статуса «фронтира свободы». Об этом свидетельствовали высказывания администрации Б. Обамы (к примеру, речь вице-президента США Дж. Байдена в Верховной Раде 2015 года), когда Украиной наделялись образы столкновения зарождающейся демократии с российским авторитаризмом [8]. В частности, Дж. Байден заявлял о необходимости США «продолжать стоять вместе с Украиной против российской агрессии, полагая что остальной мир сплотился на стороне Украины» [8]. Происходила апелляция к конкретной географической территории как месту борьбы за свободу, но с учётом обращения к мировому сообществу и необходимости объединения остального мира в противоборстве.

Тем не менее, на данном этапе наибольший акцент делался на определении в качестве «фронтира свободы» пространства «Новой Европы», а именно государств бывшего социалистического пространства, интегрированных в евро-атлантические институты [15]. В данном подходе особый акцент делался на наделянии «фронтирностью» таких государств как Польша, Румыния, Эстония, Латвия и Литва. К примеру, о «границе свободы» заявлялось в высказываниях во время визита вице-президентов Дж. Байдена в Румынию в 2014 году и М. Пенса в Эстонию в 2019 году [15].

Тем не менее, за период 2014–2021 гг. прослеживается трансформация «фронтиризации», о чём в особенной степени свидетельствуют события 2021 года. Вывод американского контингента из Афганистана (который также определялся Д. Трампом в качестве «бастиона свободы») [15] сопровождался с усилением напряженности вокруг Тайваня и Украины. Помимо изменения перераспределения материальных мощностей США, происходило смещение акцентов в нарративах. Украине, как и Тайваню стал в большей степени наделяться образ пространства потенциального места столкновений демократий с авторитаризмом, усиливая взгляд на расширение «фронтира свободы», охватывая не только государства, вовлечённые в НАТО, но и вне альянса.

Таким образом, на основании корпуса текстов и высказываний со стороны администрации Дж. Байдена и общественных и академических дебатов за период 2022–2023 гг., можно сделать несколько выводов касательно категоризации пограничья вокруг России.

1. Логика фронтира изначально «сужала» переговорный потенциал в отношениях с Россией

Значимость нарратива о «границах свободы» проявлялась изначально через этап переговоров между США и Россией по безопасности. В частности, период переговоров декабря 2021 — февраля 2022 гг. можно обозначить в качестве провального из-за дискуссий о категоризации географических пространств. В то время как российская сторона выдвигала требования об отводе инфраструктуры НАТО на границы 1999 года (проецируя свою идентичность о восприятии включения бывших социалистических государств НАТО в качестве неприемлемого шага), со стороны США данные требования воспринимались в качестве неприемлемых и принципиально невозможных.

Нежелание воспринимать российское понимание географических пространств, показывает «самость» США, заключающуюся в трансатлантизме и идее в нерушимости единства с Европой. «Методология» переговоров США с Россией изначально предполагала невозможность уступок в отношении территорий, воспринимаемых в качестве евроатлантического сообщества. Переговоры показали определённую «иерархизацию» стран со стороны США,

когда Украина воспринималась в качестве пограничья интересов, а пространство «Новой Европы» в качестве непосредственной части единого пространства.

2. *Изначальная проекция «фронтира свободы» как перманентной реакции на начало СВО*

Как показывает первоначальная реакция руководства США, язык «фронтира» стал изначальным способом «рутинизировать» конфликт и соединить онтологическую и физическую безопасность США. В первой официальной реакции на начало СВО президент Дж. Байден использовал целый ряд тропов, отсылающих к идее «фронтирности» американской нации [4]. В частности, президент несколько раз апеллировал к статусу США в качестве «мирового полицейского» и «пастыря наций», в чьи задачи входит сдерживание «нарушителя правопорядка» [6]. В наибольшей степени данный тезис проговаривается в следующей цитате: «На протяжении всей нашей истории мы усвоили этот урок: когда диктаторы не расплачиваются за свою агрессию, они вызывают еще больший хаос; они продолжают двигаться; а затраты, угрозы для Америки — и Америки для всего мира — продолжают расти» [6].

Таким образом, случившийся кризис изначально предполагал восприятие событий в качестве столкновения «цивилизации» и «варварства». Особенностью данной риторики является ставка на усиление санкционного давления (как проекция действий «полицейского»), а также апелляция к мобилизации всех союзников США.

3. *Сохранение логики американской исключительности в воспроизводстве нарратива о фронтире*

Ещё одной спецификой «рутинизации» конфликта является апелляция к прошлому. Прежде всего, делается акцент на истории борьбы с диктаторскими режимами, проведение преемственности между военными конфликтами разных эпох в единую логическую цепь. К примеру, об этом свидетельствуют слова Дж. Байдена: «Мы вновь вышли в великую битву за свободу: битву между демократией и авторитаризмом, между свободой и репрессиями, между порядком, основанным на правилах, и порядком, управляемым грубой силой» [7]. Кроме того, Дж. Байден касался вопроса украинского кризиса в обращении «О положении страны» 2022 года, где сделал немалый упор на историю США: «мы – единственная

нация на Земле, которая всегда превращала каждый кризис, с которым мы сталкиваемся, в возможность, единственная нация, которую можно определить одним словом: «возможности» [9].

Конфликт в немалой степени отражается как защита американских ценностей свободы, а также сопровождается апелляцией к уникальности статуса США как державы, достигшей социально-экономического и политического успеха. Подобные суждения также могут отсылать к наследию XIX века, так как в данных речах Дж. Байден обращался к истории успеха миграции в США как источника процветания новой нации [4].

4. Нарративное переформатирование всего пространства европейского пограничья с Россией как единого «фронта»

Помимо упора на столкновение демократии и авторитаризма, и упора на американскую «историю успеха», внешнеполитический дискурс и последующие решения свидетельствуют о качественном изменении восприятия европейского приграничья с Россией.

Трансформация данного подхода проявляется в маргинализации идей о «финляндизации» Постсоветского пространства. Если обратиться к корпусу текстов, как в области формальной, так и практической геополитики, то можно отметить схожий тезис о том, что США «допускали» взгляд на государства, соседние с Россией в качестве буферной зоны [13]. Сейчас, данная идея изображается в качестве ошибочной и сопровождается тезисами о том, что данные территории перешли из разряда «буфера» в «пограничье борьбы» [13].

К примеру, данные высказывания проявляются в заявлениях и действиях внешнеполитического руководства США. Во время речи по случаю годовщины начала конфликта на Украине Дж. Байден заявил, что В. В. Путин «думал, что получит финляндизацию НАТО. Вместо этого он получил «натоизацию» Финляндии и Швеции» [5]. Вместе с этим, президент США также упомянул как «отважные лидеры оппозиции и народ Беларуси продолжают бороться за свою демократию», отметил, что «решимость народа Молдовы жить свободно принесла ему независимость и поставила его на путь членства в ЕС» [5].

Исходя из данного подбора, можно утверждать о переформатировании карты Центрально-Восточной Европы во взгляде

американского внешнеполитического руководства. Если ранее, государства, не входившие в НАТО, воспринимались в качестве неопределённой зоны, то теперь они интерпретируются в качестве пространства борьбы с российским влиянием, которое необходимо интегрировать [5]. Данный регион можно градировать на несколько групп стран в восприятии американского руководства. Во-первых, «старые бастионы» (Польша, Эстония, Латвия, Литва, Румыния), как устоявшиеся члены евро-атлантического сообщества, которые долгое время позиционировались в качестве пограничья. Во-вторых, «новые бастионы» в лице Финляндии и Швеции, которые воспринимаются как новая сфера сдерживания России. В-третьих — «источники нестабильности» в лице Белоруссии и Молдавии, как страны, где также происходит борьба между «цивилизацией» и «варварством», но она не носит открытого характера. И текущий «фронтир свободы» в лице Украины, где столкновение носит прямой характер.

Кроме того, Дж. Байден стремится отразить «бесконечность российской угрозы», но в то же время подчёркивает окружение России сообществом демократий. В частности, в упомянутой выше речи президент заявил об «Америке, Европе, коалиции наций от Атлантики до Тихого океана», что подтверждает стремление вообразить географическую карту с изолированной Россией [5].

Подобные речевые акты закладываются в основу политики «регионостроительства» и воображения новых пространств. В частности, в 2023 году в Конгрессе США была выдвинута инициатива о разработке и принятии отдельной «черноморской стратегии», где вводится термин региона Чёрного моря, как пространства сдерживания России. Аналогичный подход проявляется и в поддержке инициативы «Триморья» — в приветственных словах госсекретаря США Э. Блинкена по случаю форума 2023 года страны — участники данной инициативы напрямую называются «восточным флангом НАТО» [16].

5. Адаптация нарратива о «фронтире» к условиям стран, определяемых как пограничные

Помимо изменения восприятия географических пространств, стоит отметить действия США по формулированию «фронтирной» идентичности не только у себя, но и самих государств, со-

седствующих с Россией. В частности, особый акцент можно отметить на Польше и Украине, где происходит активная «адаптация» дискурса о фронтире [4]. В одной из речей, произнесенных в 2022 году в Варшаве, Дж. Байден практически не апеллировал к истории США, а обращался к истории Восточной Европы через конкретные фигуры или события. В частности, президент упоминал Варшавское восстание 1944 года, деятельность профсоюза «Солидарность», а также личности Иоанна Павла II, Леха Валенсы и Мадлен Олбрайт [7].

Таким образом, руководство США стремится перенести «самость» с себя на страны, непосредственно воспринимающие себя в качестве находящихся под «российской угрозой». Данный речевой подход служит для того, чтобы перенести столкновение с Россией в качестве сдерживания «на дальних подступах» на непосредственную территорию, вовлекая сами США и их союзников в качестве общего для всех дела. Аналогичные действия имеют место и в отношениях со странами Балтии, стремящихся изобразить себя в качестве «прифронтовых».

6. Попытка навязывания России мотиваций и поиска истоков внешней политики в «фронтирной логике»

Помимо наделения пограничных с Россией стран «прифронтовой» идентичностью, представляет интерес взгляд американского внешнеполитического и экспертного сообщества на саму политику Российской Федерации. В частности, можно проследить попытки проследить «фронтирность» в самом российском внешнеполитическом курсе и навязать схожие паттерны. Если обратиться к наследию «геополитических советников» (используемый в «критической геополитике» термин для определения авторов, формирующих основу геополитического дискурса) так как З. Бжезинский, Г. Киссинджер и С. Хантингтон, то все авторы стремятся к созданию «ментальной карты» России как государства с «плавающими границами», вынужденного «инерционно» стремиться к экспансии. Таким образом, России навязываются те же паттерны поведения, что и США, но с негативным оттенком.

В наибольшей степени данную тенденцию отразили дебаты, состоявшиеся в мае 2022 года, между Дж. Миршаймером и С. Уолта с М. Макфолом и Р. Сикорским [10]. Данные дебаты во многом сво-

дились к дискуссии о «пограничье» с различными трактовками «самости» и «времени». В то время как первые двое выступающих апеллировали к необходимости «встать на место» России и мыслить в её географических ментальных картах, противоположная сторона утверждала о важности приграничного статуса стран, вошедших в евро-атлантическое сообщество (или стремящиеся там быть) и необходимости защищать их интерес [10].

Выводы

Итак, на основании проведённого дискурс-анализа о восприятии внешнеполитическим руководством США пространства соседних с Россией государств в контексте украинского кризиса, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, действия США отвечают логике «рутинизации» конфликта, заключающейся в его адаптации под основы американской идентичности и восприятия безопасности. В наибольшей степени это проявлялось в обращении к образу «полицейского» и стремлении к изображению России в качестве нарушителя международного порядка. Одновременно с этим представляет интерес восприятие «времени» администрацией Дж. Байдена, заключающейся в выстраивании логической последовательности между военными конфликтами, где США принимали прямое или косвенное участие. В данном случае «время» содержит идею о том, что в каждом конфликте происходило столкновение с авторитарными режимами, результатом которого становилось географическое расширение демократического сообщества.

Во-вторых, американский подход к «рутинизации» конфликта показывает сохранение «фронтирной» идентичности и её проекции как во внутренней, так и во внешней политике. Внутри страны это проявляется в апелляции к успешному опыту построения процветающего, демократического общества и превосходства идей «американской мечты» (как результата удачного стечения факторов в конкретной географической точке). Во внешней политике продолжается реформирование пространства, через наделение новых категорий конкретным странам и регионам. В частности, можно отметить качественное изменение восприятия

ряда стран Северной и Центрально-Восточной Европы, а также Постсоветского пространства, заключающегося в интерпретации данных пространств в качестве «флангов» НАТО и потенциального столкновения между демократиями и авторитаризмом.

В-третьих, представляет интерес восприятие «самости» в данных речевых актах. В отличие от предыдущих конфликтов, внешнеполитическое руководство США не в полной мере изображает конфликт с «собственной» точки зрения, показывая Россию как угрозу, необходимую к сдерживанию «на дальних подступах». На примере различных высказываний наблюдается попытка к «адаптации» идей о прифронтовом статусе к идентичности ряда государств, пограничного с Россией пространства. Данные попытки позволяют говорить о модернизации нарратива и стремления переформатировать общий взгляд евро-атлантического сообщества на конфликт, как вызов для всех его членов. Кроме того, «самость» проявляется и в восприятии самой российской внешней политики, заключающейся в попытках навязывания аналогичной «фронтирной» логики и объяснений конкретных действий через данную оптику формальной геополитики.

Библиография

1. Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. № . 4 (17). С. 6–14.
2. Тёрнер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории — М.: Издательство «Весь Мир». 2009. С. 304.
3. Cronon W. Revisiting the vanishing frontier: The legacy of Frederick Jackson Turner // The Western Historical Quarterly. 1987. Т. 18. № . 2. pp. 157–176.
4. Ostrowski S. et al. American exceptionalism and historical themes in Joe Biden's selected 2022 speeches on war in Ukraine // Reality of Politics. Estimates-Comments-Forecasts. 2022. Т. 21. № . 3. pp. 76–92.
5. Remarks by President Biden Ahead of the One-Year Anniversary of Russia's Brutal and Unprovoked Invasion of Ukraine // The White House. 21.02.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/21/remarks-by-president-biden-ahead-of-the-one-year-anniversary-of-russias-brutal-and-unprovoked-invasion-of-ukraine/> (дата обращения 17.03.2023)

6. Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine // The White House. 24.02.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russias-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine/>
7. Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine // The White House. 26.03.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/>
8. Remarks by Vice President Joe Biden to The Ukrainian Rada // The White House. 09.12.2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>
9. Remarks of President Joe Biden — State of the Union Address As Prepared for Delivery // The White House. 01.03.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/01/remarks-of-president-joe-biden-state-of-the-union-address-as-delivered/>
10. Russia-Ukraine War // Munk Debate. 2022. URL: <https://munkdebates.com/debates/russia-ukraine-war>
11. Slotkin R. The fatal environment: The myth of the frontier in the age of industrialization, 1800–1890. University of Oklahoma Press. 1998. p. 850.
12. Subotić J. Narrative, ontological security, and foreign policy change // Foreign policy analysis. 2016. Т. 12. № . 4. pp. 610–627.
13. Tocci N. Europe's New Frontier // Foreign Policy. 14.03.2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/14/ukraine-russia-war-europe-nato-eu-expansion-buffer-states/> (дата обращения 17.03.2023)
14. Tuathail G. Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Т. 11. № . 2. С. 190–204.
15. Turner O. Frontiering International Relations: Narrating US Policy in the Asia Pacific // Foreign Policy Analysis. 2022. Т. 18. № . 2. pp. 1–20.
16. US Secretary of State Antony Blinken expressed US support for the Three Seas Initiative // Three seas. 2022. URL: <https://3seas.eu/media/news/us-secretary-of-state-antony-blinken-expressed-us-support-for-the-three-seas-initiative>

Кузнецов Алексей Геннадьевич

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет политологии,

Аспирантура

Применение концепции «RtoP» («Ответственность защищать») как международной нормы по обеспечению международной безопасности

The concept of “RtoP” (“Responsibility to Protect”) as an international norm for ensuring international security

Аннотация. В настоящей статье представлен теоретико-методологический подход концепции «Responsibility to protect» («Ответственность защищать»). Данная концепция рассматривается как механизм защиты гражданского населения суверенной страны от преступлений против человечества. В работе представлен обзор концепции и её применение в случае Ливии. Отсутствие правового регулирования использования доктрины «R2P» порождает активные дискуссии относительно ее содержания и применимости в современных конфликтных ситуациях. Статья отражает доктрину «R2P» как инструмента, при помощи которого выстраивается внешний и внутривнутриполитический вектор государств, а с другой стороны, необходимость всестороннего анализа того, какую позицию и какую роль доктрина R2P играет на международной арене

Ключевые слова: права человека, концепция «ответственность защищать»; конструктивизм, норма международного права, Совет Безопасности, международная безопасность.

Abstract. This article presents the theoretical and methodological approach “Responsibility to protect”. This concept switched to a mechanism for protecting the population from crimes against humanity. The paper presents reviews and its application in the case of Libya. The lack of legal regulation of the use of R2P methods gives rise to active discussions regarding its content and application in modern conflict situations. An article about the quality of the “R2P” document as a tool with which the external and domestic political vector of states is built, and on the other hand, a comprehensive analysis of

what position and what role the R2P doctrine plays in the international arena is supposed.

Keywords: human rights, the concept of “responsibility to protect”; constructivism, norm of international law, Security Council, international security.

Введение

На сегодняшний день доктрина «R2P» является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в современных международных отношениях в силу ее тесной взаимосвязи с проблемами соблюдения основополагающих прав человека, предотвращения и разрешения международных конфликтов и обеспечения международной безопасности.

Отсутствие правового регулирования использования доктрины «R2P» порождает активные дискуссии относительно ее содержания и применимости в современных конфликтных ситуациях. В связи с отсутствием четких критериев применимости доктрины «R2P», до сих пор остается ряд вопросов, на которые необходимо найти ответы. Гарет Эванс, один из инициаторов и создателей доктрины «R2P», выделяет целый ряд таких вопросов. У членов международного сообщества отсутствует четкое понимание того, какой кризис внутри государства можно расценивать как проблему, требующую их вмешательства. Из-за отсутствия точных ответов на данные вопросы, применение доктрины R2P, на практике, оказывается неэффективным, и даже губительным [8].

Каждый крупный случай международного вмешательства генерирует одну из крупнейших международных проблем, связанных с R2P: «как правило, слишком поздно, чтобы быть полезной, и всегда недостаточно, чтобы разрешить конфликт раз и навсегда». Поиск ответов на эти и многие другие вопросы крайне необходим, потому что иначе будет сохраняться разрыв между теоретической составляющей доктрины и ее применением на практике. Именно в силу различного восприятия и выборочного применения доктрины R2P международные усилия по защите гражданских лиц от насилия и убийств также в значительной степени потерпели неудачу.

Одним из таких примеров является ввод российских войск на территорию Грузии в 2008 году под эгидой защиты мирного населения. МИД РФ заявило о насильственных действиях по отношению к населению Южной Осетии со стороны грузинского правительства. Более того, Россия заявила об опасности, которая угрожала гражданам самой России, привязав это к одной из статей Конституции РФ. Неважно, кем была неверно истолкована доктрина: будь это российские военные действия в Грузии, или несанкционированные действия США в Косово или Ираке в 2003 году [8]. Важно понять, что эти и другие случаи подчеркивают, насколько опасно, когда государства по отдельности или в коалиции истолковывают нормы международного права, опираясь на свои личные интересы и мнение. Подобные действия могут существенно исказить оценку международных норм.

Теоретическая основа концепции «Ответственность защищать»

Международные отношения регулируются концепциями и доктринами, которые могут использоваться каждым политическим актором в своих интересах. Международные нормы становятся особым видом языка, на котором общаются представители международного сообщества. В связи с чем, очень важно посмотреть, как конструируется определенное понятие, определить, насколько оно является ценностно-нагруженным, а не нейтральным. Это в свою очередь позволит объяснить внешнеполитический вектор государств. На сегодняшний день доктрина R2P — это, по сути, норма морали. Она не закреплена конвенцией. Доктрина R2P находится в «подвешенном состоянии»: еще не является правом, но уже является одобренной идеей, которую согласились взять на вооружение все государства-члены ООН[3]. Такая ситуация может быть объяснена тем, что государства по-разному понимают и трактуют доктрину, в связи с чем происходит явление ее выборочного применения. Проблема заключается в том, что само понятие как таковое сложилось, а критерии применения доктрины четко не обозначились.

На сегодняшний день в российских научных кругах доктрина R2P и вопросы ее применения изучаются чрезвычайно мало,

о чем свидетельствует незначительное количество публикаций по данной тематике. Среди отечественных авторов можно выделить О.Бутевича[1], В.Котляра [2], А.Яковенко. Также, показатель употребления данного термина российскими политическими лидерами чрезвычайно невысок. Доктрина R2P- это плод западной мысли, под которой, однако стоит одобрительная подпись российской стороны. Именно поэтому существует потребность в научном изучении вопроса конструирования доктрины R2P. В будущем полученные результаты позволят лучше понимать и анализировать внутренний и внешнеполитический вектор стран-представителей международного сообщества.

Обращаясь к зарубежному опыту, стоит отметить, что на данный момент существует обширный пласт работ, касающихся предпосылок создания доктрины R2P, а также ее применения на практике. Изучением доктрины R2P, в первую очередь, занимается международная коалиция «Responsibility to Protect». На сайте коалиции публикуются отчеты панельных заседаний, изданные участниками коалиции статьи, а также имеется архив основных работ по теме «Responsibility to Protect». Наиболее представительными здесь являются работы G.Evans[8], K.Annan, Ki-Moon B, E.Luck, A.Bellamy, T.Dunn

Среди научных подходов первостепенной важности, которые могут быть использованы при анализе конструирования доктрины R2P, следует выделить конструктивизм в международных отношениях. Исследование норм — это предметная область, сформировавшаяся в рамках конструктивистской парадигмы теории международных отношений. Именно в центре конструктивистских исследований находятся вопросы появления, развития, диффузии или социализации международных норм, а также их непосредственно влияние на внешнеполитический и внутренний вектор государств.

Выделяется три поколения исследований норм. Первое относится к 1990-м годам и соотносится с такими исследователями как M.Finnemore, K.Sikkink, T.Risse [9]. В связи с преобладанием рационалистских теорий в тот период времени первое поколение стремилось доказать, что на поведение акторов на международной арене влияют не только их личные интересы и цели, но и такие институциональные ограничения как международные нормы.

В 2000-х годах зарождается второе поколение исследований. Основой для этого поколения стал доминирующий в этот временной промежуток интерес к вопросам европеизации и демократизации. В связи с этим, второе поколение исследований норм было сосредоточено непосредственно на процессах «социализации» (внедрения) норм, а также тактиках, которые использовались распространителями норм для достижения этой цели. Здесь важно выделить F.Shimmelfenning, J. T. Checkel, T.Flockhart.

Впоследствии расширилась тематика исследований, и в центре внимания, помимо вопросов «социализации» международных норм и их влияния на поведение акторов, оказалось формирование глобальных режимов безопасности и их взаимосвязь с международными нормами, особенно с теми, которые затрагивают права человека. Представителями третьего поколения являются R. M. Price, A.Acharya, D.Capie.

Помимо традиционного конструктивизма, при исследовании конструирования доктрины R2P представителями международного сообщества также важно принять во внимание работы в области критического конструктивизма. Эта теоретическая база является релевантной в связи с тем, что представители данного направления делают акцент на нормативном дискурсе и его трансформациях. Они изучают международные нормы как форму языка, на котором общаются представители международного сообщества. Здесь значимыми авторами являются: A.Wiener, E. Burai, K.Palonen, F.Kratochwil.

К сожалению, несмотря на накопленный научный материал, вопросы конструирования доктрины R2P, ее смыслового наполнения каждым политическим актором — практически не изучены. В этой связи наиболее целесообразным представляется критическое осмысление уже существующих теорий, касающихся изучения международных норм, а затем с их помощью проведение анализа конструирования отдельно взятой международной доктрины R2P. Таким образом, научная актуальность предлагаемой работы определяется с одной стороны, важностью политологического осмысления конструирования доктрины R2P как инструмента, при помощи которого выстраивается внешний и внутриполитический вектор государств, а с другой стороны, необхо-

димостью всестороннего анализа того, какую позицию и какую роль доктрина R2P играет на международной арене сегодня.

Обязанность защищать («RtoP») — это новая норма для предотвращения и пресечения геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности [12]. Когда государство не может или не желает защитить свое население от таких преступлений, ответственность за защиту людей лежит на международном сообществе. Предполагалось, что он заменит «международное вмешательство», но его применение вызвало многочисленные дебаты в случае с Ливией. С одной стороны, случай с Ливией был успешным случаем R2P, он был оправдан, как процитировал Гарет Эванс: «Юридически, морально, политически и в военном отношении у него есть только одно оправдание: защита народа страны» [8]. С другой стороны, «готовность НАТО вмешаться не только привела к эскалации гражданской войны в Ливии, но и спровоцировала ответные действия Каддафи» [13].

RtoP как норма международного права.

Доклад «Ответственность по защите», выпущенный в 2001 г. по инициативе правительства Канады и Международной комиссии по интервенциям и государственному суверенитету (МКВК), отразил идеологические тенденции, возникшие в рамках либеральной концепции суверенитета и теории «просто война». Суть доклада в том, что суверенитет — это не привилегия, а ответственность, которая лежит на государстве. Ответственность за защиту своего народа от таких рисков, как этническая чистка, массовые изнасилования, террор или изгнание с привычного места жительства. Если государство по каким-либо причинам не в состоянии защитить свое население от всех этих страданий, оно может стать объектом военной интервенции по резолюции ООН [11].

Согласно доктрине, Совет Безопасности должен обеспечить, чтобы государства, намеревающиеся участвовать в таком вмешательстве, соблюдали ряд принципов. Во-первых, это принцип благих намерений. Целью вмешательства должно быть предотвращение человеческих страданий, а не преследование политических целей. Во-вторых, вмешательство должно быть крайней мерой. Все

другие методы должны быть использованы, прежде чем проблема может быть решена таким радикальным образом. В-третьих, военное вмешательство должно быть соразмерно угрозе — масштаб, продолжительность и интенсивность военного вмешательства должны быть минимально возможными для достижения цели [10].

В 2004 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан учредил Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, которая подтвердила в своем докладе основные положения концепции, изложенные Комиссией. В 2005 году все государства-члены ООН договорились о следующем:

- Что каждое отдельное государство несет главную ответственность за защиту своего населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток. И это также ответственность за предотвращение этих преступлений
- Международное сообщество должно поощрять или помогать государствам выполнять эту обязанность.
- Международное сообщество обязано использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства для защиты населения, которому угрожают эти преступления. Когда государство явно не выполняет свои обязанности по защите, а мирных средств недостаточно, международное сообщество должно принять более решительные меры, включая коллективное применение силы, санкционированное Советом Безопасности в соответствии с Главой VII [12].

Однако существует недостаток правового регулирования применения доктрины «R2P. Необходимо понимать, что это только понятие, т.е. система взглядов. Любые его оценки как принципа, нормы, кодекса и т.д., исходят ли они — от Генерального секретаря ООН, лидеров государств, дипломатов или ученых — не имеют юридической силы. Юридически значимое здесь имеет лишь то, в каком документе закреплены основные положения этой концепции.

Еще одной причиной, которая может привести к ухудшению гуманитарной эмерджентности, являются критерии легитимности. Если «Совет Безопасности — согласно Уставу ООН единственный источник полномочий на применение военной силы, за исключе-

нием случаев законной самообороны, — просто не проголосует, чтобы разрешить это? Это был именно тот вопрос, с которым пришлось столкнуться в Косово в 1999 году, когда все элементы ужасной новой операции по этнической чистке встали на свои места, но Россия ясно дала понять, что наложит вето на любое военное вмешательство» [8].

RtoP в действии: случай Ливии.

Мировое сообщество не пришло к единому мнению о необходимости закрепления понятия в Уставе ООН в качестве обязательной правовой нормы; нет ясности в отношении того, какие ситуации являются законным основанием для его применения. Случай Ливии особенно актуален для изучения концепции RtoP, потому что он показал, как измененное определение права на гуманитарное вмешательство на обязанность защищать в сочетании со слабым обеспечением такой ответственности не может решить проблему широко распространенных нарушений прав человека [3]. Более того, случай Ливии показал, что концепция RtoP может служить инструментом для достижения собственных геополитических целей НАТО и США.

В мае 2010 г. была опубликована новая стратегия национальной безопасности США, в которой были обозначены ключевые приоритеты внешней политики государства на среднесрочную перспективу [14]. Согласно этому документу, США приняли и одобрили концепцию «ответственности по защите» и договорились содействовать ее реализации [14]. Более того, США признали, что основная ответственность за предотвращение геноцида и массовых злодеяний лежит на суверенных правительствах, но эта ответственность переходит к более широкому международному сообществу, когда суверенные правительства сами совершают геноцид или массовые зверства или когда они оказываются неспособными или не желающими принять необходимые меры. действия по предотвращению или реагированию на такие преступления внутри своих границ. Принимая во внимание тот факт, что стратегия национальной безопасности является важнейшим руководящим документом в области внешней и оборон-

ной политики для действующей администрации, можно предположить, что проведение военной операции при наличии гуманитарных оснований является допустимым шагом.

17 марта 2011 г. Совет Безопасности принял резолюцию 1973 «Положение в Ливии», содержащую тезис о том, что «ситуация в Ливийской Арабской Джамахирии продолжает представлять угрозу международному миру и безопасности [16]. Резолюция также предоставила государствам-членам организации право «принимать все возможные меры для обеспечения защиты гражданских лиц». Для выполнения этой задачи была создана бесполетная зона [16]. В процессе обсуждения обеих резолюций США, представители которых были в числе проголосовавших за принятие обоих документов, заняли активную позицию в поддержку урегулирования ситуации. После утверждения «резолюции 1973» постпред США в СБ С.Райз выразил удовлетворение решениями, принятыми Советом Безопасности.

В целом официальные лица правительства США неоднократно заявляли на различных уровнях, что соответствующая военная операция необходима с точки зрения защиты гражданского населения в условиях гражданской войны. Таким образом, формально операцию «Одиссея.Рассвет», проходившую под командованием США с 19 по 31 марта 2011 г., можно считать как применение концепции «ответственности по защите», а «резолюция 1973» уже была названа исследователями первым в истории одобрением Советом Безопасности применения силы (Doyle, 2011).

Стоит отметить, что, как и в случае с другими военными операциями США (от Боснии до Ирака), действия против Ливии вызвали весьма неоднозначную реакцию как в мире, так и в самих США. Так, против того, чтобы государство взяло на себя основную тяжесть операции «Рассвет Одиссеи», выступил Конгресс США, который вынудил военно-политическое руководство страны инициировать передачу командования операцией НАТО [13]. Среди ведущих мировых держав военная интервенция в Ливии не нашла поддержки у РФ и Китая, тогда как основными сторонниками выступили Великобритания и Франция [15].

В мировых СМИ и аналитических изданиях стали появляться материалы, содержащие мотив действий США. Одни исследователи

говорили, что гуманитарная формулировка была лишь прикрытием экономических и геополитических интересов государств региона, другие же утверждали, что США ранее имели доступ к углеводородным запасам Ливии, а режим Каддафи не представлял угрозы для их безопасность. Если принять во внимание этот аргумент, то основной причиной интервенции США и их альянса в Ливии были концепция «ответственности по защите» и необходимость защиты мирного населения от регулярных ливийских войск.

В условиях политической нестабильности в стране продолжались столкновения между противниками и сторонниками новой власти, а также между различными группировками и кланами. Они носили различный характер — от мелких стычек до полномасштабных боевых действий, как в 2012 году в Куфре или Бени-Валиде. В районе Куфры несколько месяцев продолжалась активная фаза боевых действий, сотни людей погибли, тысячи были вынуждены покинуть город. Только за один день, 24 октября, когда правительство объявило о штурме города, было убито около 600 человек и около тысячи ранено. В сентябре 2012 года радикальные исламисты напали на здание консульства США в Бенгази, убив четырех американцев, в том числе посла США в Ливии Кристофера Стивенса. С 2014 года не прекращается вооруженное противостояние различных исламистских группировок и правительственных войск.

Международное вмешательство привело не только к обострению чрезвычайной гуманитарной ситуации, но и к экономическому спаду в стране. По данным Всемирного банка, конфликт в Ливии привел к экономическому коллапсу из-за падения доходов от экспорта нефти, составляющих основу экономики страны [17]. Добыча нефти сократилась в четыре раза, упав с 1,6 млн. барр./сут в 2010 г. до 400 тыс. барр./сут в 2015 г. Доля экспорта нефти в ВВП в 2010 г. составила примерно 60%; в 2015 году этот показатель снизился до 12%. ВВП на душу населения упал вдвое — с 11,9 тысячи долларов в 2010 году до 5,4 тысячи в 2015-м.

Заключение

Хотя концепция «ответственности по защите» является отнюдь не новой и, безусловно, спорной, ясно, что военная опе-

рация НАТО в Ливии скомпрометировала RtoP в той форме, в которой Генеральная Ассамблея ООН сформулировала эту концепцию в 2005 году, усугубила чрезвычайную гуманитарную ситуацию в Ливии и прилегающих к ней регионах» [3]. Вмешательство западных стран и смещение Каддафи имели разрушительные последствия для ливийского государства, населения и экономики. Ливия стала страной транзита международных преступлений, незаконных конфликтов и контрабанды оружия. Более того, концепция имеет шанс прочно войти в концептуальную основу внешней политики США и стать одним из основных компонентов стратегии сохранения глобального лидерства и смены режима [13]. В некоторых случаях R2P — это просто троянский конь для легитимации одностороннего вмешательства [3]. Таким образом, необходимо выделить наиболее конкретные и четкие правовые аспекты данного понятия, особенно те, которые связаны с военным вмешательством международного сообщества во внутренние дела государств под эгидой ООН или некоторых других структур.

Библиография

1. Бутевич, О. А. Концепция «ответственности по защите» во внешней политике США // Журнал международного права и международных отношений, 2012, № 1, С. 62–65
2. Котляр, В. А. Концепция «ответственности за защиту» как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // Международное публичное и частное право, 2005, № 3, С. 44–48
3. Bellamy A. J. The Responsibility to Protect and the problem of military intervention // *International Affairs*, 2008, Vol. 84, No. 4, pp. 615–639
4. Bellony R. The Tragedy of Darfur and the Limits of the Responsibility to Protect. *Ethnopolitics*, 5(4), 2006, pp. 327–346
5. Brudnick A. The Congressional Research Service and the American Legislative Process (CRS). 2011. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL33471.pdf>
6. Doyle M. Is Intervention Against Qaddafi's Regime Legal and Legitimate? *Foreign Affairs*. 2011. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/africa/2011-03-20/folly-protection> — 05.05.2023
7. Dunne T, Kurki M, Smith S. *International Relations theories: Discipline and diversity*. Oxford University Press, 2013, P. 393

8. *Evans G.* From Humanitarian Intervention to the Responsibility to Protect, *Wisconsin International Law Journal*, 24 (3), 2006, pp. 704–708
9. *Finnemore, M.* National Interests in International Society. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996
10. *Global Centre for the Responsibility to Protect* (2005), About R2P. URL: http://www.globalr2p.org/about_r2p — 05.05.2023
11. *ICISS (International Commission on Intervention and State Sovereignty)* (2001), The Responsibility to Protect. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> — 05.05.2023
12. *ICRtoP (International Coalition for the Responsibility to Protect)* (2005). A toolkit on Responsibility to Protect. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICRtoP%20Toolkit%20on%20the%20Responsibility%20to%20Protect%20high%20res.pdf> — 05.05.2023
13. *Kuperman J. A.* A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign, *International Security*, 38 (1), 2013, pp.105–136
14. *National Security Agency (NSA)* (2010), United States. White House Office. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf> — 05.05.2023
15. *Rubin, B.* Is U. S. Foreign Policy Made In The USA? *Eurasia Review*. 2011. URL: <http://www.eurasiareview.com/02052011-is-u-s-foreign-policy-made-in-the-usa-analysis/> — 05.05.2023
16. *S/Res/1973: Resolution 1973* (2011), Report of the Secretary-General on the situation in Libya. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/1973>—05.05.2023
17. *World Bank* (2015). Libya. URL: <https://data.worldbank.org/country/libya> — 05.05.2023

СЕКЦИЯ

«РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»

Бокарева Татьяна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Опыт и перспективы сотрудничества России с Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК)

Experience and prospects of cooperation between Russia and the
Community of Latin American and Caribbean States (CELAC)

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка наметить условия, которые должны быть созданы для возобновления работы диалогового механизма Россия — СЕЛАК. Автором были выделены недостатки существовавшего некогда формата встреч министра иностранных дел РФ с «квartetом» СЕЛАК, а также проанализированы обстоятельства, препятствующие выстраиванию диалога на современном этапе. Автор пришла к выводу, что у сторон существует противоречие в избранных ими методах пересмотра существующей иерархической мировой системы: СЕЛАК ориентируется на мультилатерализм и достижение целей развития, Россия же в одностороннем порядке приняла на себя роль ревизиониста. Возобновление диалога будет зависеть от способности РФ уйти от дискурса противостояния «коллективному Западу».

Ключевые слова: Россия — СЕЛАК, диалоговый механизм, «квartet», мультилатерализм, государство-ревизионист, «коллективный Запад».

Abstract. This article aims to examine the conditions that must be created for the resumption of work of the Russia-CELAC dialogue mechanism. The author highlights the shortcomings of the once existing format of meetings between the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation and the CELAC «quartet», and also analyzes the circumstances that impede building a dialogue at the present stage. The author comes to the conclusion that the parties have a contradiction in the methods they have chosen to revise the existing hierarchical world system: CELAC focuses on multilateralism and the achievement of development goals, while Russia unilaterally acts under the role of a revisionist. The resumption of the dialogue will depend on the ability of the Russian Federation to get away from the discourse of opposition to the “collective West”.

Keywords: Russia — CELAC, dialogue mechanism, «quartet», multilateralism, revisionist state, “collective West”.

Введение

Приняв решение начать специальную военную операцию (далее — СВО) на Украине в феврале 2022 г., Российская Федерация во второй раз после крымских событий 2014 г. проявила свою субъектность и стала ревизионистом существующей мировой политической системы, характеризующейся доминированием так называемого «коллективного Запада».

Ни одна страна не имеет возможности в одиночку сломить существующий мировой порядок, что означает необходимость поиска союзников/партнёров, имеющих схожие с государством-ревизионистом цели. Будучи, сама по себе страной, принадлежащей к полупериферии, РФ стала апеллировать к странам, находящимся за пределами центра существующей мир-системы, которые принято называть «Глобальным Югом» или, в соответствии с современным российским политическим дискурсом, «Мировым большинством». Этим объясняется возросший интерес России к странам Латинской Америки и Карибского бассейна (далее — ЛАКБ), объединённых в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (далее — СЕЛАК, Сообщество). У РФ и СЕЛАК с 2015 г. существует, но не действует Постоянный

механизм политического диалога и сотрудничества (далее — механизм Россия — СЕЛАК), предполагающий встречи министра иностранных дел РФ с «квartetом» (четвёркой представителей) Сообщества.

Актуальность исследования объясняется не только уже описанными в предыдущий абзацах обстоятельствами, но и недавним заявлением министра иностранных дел Сергея Лаврова от 18 января 2023 г. о предстоящем возобновлении работы механизма РФ — СЕЛАК [1]. В данном исследовании представлен анализ причин, по которым данный механизм так и не стал функционировать, а также намечены условия, которые должны быть созданы для возобновления диалога РФ — СЕЛАК.

Научная новизна исследования заключается в отсутствии на данный момент в научном сообществе работ, посвящённых современному состоянию отношений РФ и СЕЛАК (как площадки для диалога, а не синонима региона ЛАКБ).

Автор придерживается теории мир-системного анализа Валлерстайна, в соответствии с которой мировая система состоит из иерархически ранжированных государств, она уже сформировалась, и результатом ее прежнего существования является возникновение ограничителей для развития государств, экономически зависимых от ведущих игроков на мировой арене.

Динамика работы и попытки реактивации диалогового механизма Россия — СЕЛАК

Официально Россия и СЕЛАК создали Постоянный механизм политического диалога и сотрудничества в сентябре 2015 г., однако первая встреча министра иностранных дел России Сергея Лаврова с «тройкой» СЕЛАК состоялась ещё в 2013 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН. На следующих встречах формат был расширен до встреч С. Лаврова с «квartetом» СЕЛАК, происходящих как на площадке ООН, так и на территории РФ. В декларации о создании механизма Россия — СЕЛАК выражается стремление сторон способствовать установлению миропорядка на основе принципов Устава ООН, также упоминается о намерениях придать импульс росту и диверсификации торговли в целях

обмена товарами и услугами с высокой добавленной стоимостью и увеличения межрегиональных инвестиций, в том числе в области инфраструктуры, связи и энергетики [2].

Вторая цель так и осталась на бумаге, так как далее на встречах МИД РФ и СЕЛАК не поднималась в качестве основной. Не было создано ни бизнес-форумов, ни специальных инструментов, поощряющих взаимные инвестиции. Встречи РФ и СЕЛАК на министерском уровне происходили регулярно лишь до 2017 г. включительно, отсюда необоснованным является высказывание Лаврова о том, что виной тому была пандемия коронавируса [3]. Скорее причина заключалась в кризисе самого Сообщества и малом приоритете, отдаваемом Москвой развитию отношений с ЛАКБ. В соответствии с заявлениями МИД РФ, итоги встреч с СЕЛАК традиционно ограничивались обменом мнениями по ключевым вопросам международной и региональной повесток дня [4], что свидетельствует об отсутствии практических результатов работы диалогового механизма.

В сентябре 2022 г. на полях 77-й сессии ГА ООН состоялась встреча С. В. Лаврова с премьер-министром Сент-Винсента и Гренадин Ральфом Гонсалвесом. Повестка интенсификации взаимодействия по линии Россия — СЕЛАК стала одной из центральных и есть основания полагать, что для российской стороны она была ключевой, так как представителю Сент-Винсента и Гренадин предстояло занять пост временного президента Сообщества в 2023 г.. Данное событие является одним из многих, которые можно трактовать как сигналы, означающие стремление российской стороны возобновить диалог с СЕЛАК, особенно необходимый ей после начала СВО на Украине. Несмотря на молчание со стороны Сообщества, Москва продолжает подчёркивать своё намерение взаимодействовать именно с ним: в ходе февральской встречи с главами дипломатических миссий государств ЛАКБ, аккредитованных в Москве [5] и на каждой пресс-конференции по итогам переговоров с представителями Бразилии, Кубы, Никарагуа и Венесуэлы в рамках своей апрельской поездки С. Лавров [6] делал особый акцент на настрое РФ наращивать сотрудничество в многостороннем плане по линии Россия — СЕЛАК.

Некогда со стороны ЛАКБ также было желание возобновить диалог. После того как Аргентина заняла пост временного президента СЕЛАК, министр иностранных дел С. Кафьеро объявил о намерениях его страны от лица Сообщества возобновить взаимодействие с рядом партнёров, в том числе и с Россией, которая, однако, после начала СВО была удалена из списка раздела «Партнёры» сайта МИД Аргентины и перестала упоминаться в пресс-релизах и декларациях Сообщества. При этом С. Кафьеро встретился с С. Лавровым на полях саммита «Группы двадцати» в июле 2022 г.. В пресс-релизе аргентинской стороны умалчивается её роль в качестве президента СЕЛАК [7] и делается акцент на двустороннем формате встречи, в то время как российская сторона, наоборот, на своём сайте сделала акцент на позиции Аргентины в Сообществе [8]. Через полгода после данного события в ТАСС была опубликована новость от 18 января 2023 г. под заголовком: «Лавров анонсировал возобновление диалогового механизма министров РФ — СЕЛАК» [1], — желаемое выдавалось за действительное. Сигналы Москвы также транслировались такими зарубежными новостными изданиями, как венесуэльское «TeleSURtv.net» [9] и кубинское «Prensa Latina» [10], связанными со странами, с которыми Россия имеет стратегические партнёрские отношения, однако никакие другие латино-карибские новостные источники не включили в свою ленту призывы российского МИДа возобновить диалог с регионом.

Необходимые условия для восстановления работы механизма Россия — СЕЛАК

Существует ряд причин, по которым РФ стремится взаимодействовать с СЕЛАК. Во-первых, государства ЛАКБ определены МИДом как «дружественные» по отношению к России по причине неприсоединения к западным санкциям, хотя, как справедливо отмечено в статье В. Л. Хейфеца, «значительная часть бизнеса в этих странах санкционный режим так или иначе соблюдает» [11], но из данного положения следует, что существует и ряд компаний, продолжающих вести дело с россиянами, и он может быть пополнен при должном политическом взаимодействии со

стороны властей и выдвижении выгодных коммерческих предложений со стороны бизнеса. Однако присутствие на латиноамериканских рынках китайских, американских, европейских и в меньшей степени индийских компаний осложняет ситуацию для РФ. Уже существует пример экономического взаимодействия России с Африкой путём организации ежегодных саммитов. Существуют основания полагать, что Москва стремится перенести данную модель на ЛАКБ, в Концепции внешней политики РФ 2023 г. (далее — Концепция) отмечено в качестве приоритетной цель увеличения объёмов взаимной торговли и инвестиций с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, в том числе в рамках сотрудничества с Сообществом латиноамериканских и карибских государств [12]. Далее идёт перечисление остальных региональных группировок, СЕЛАК же находится на первом месте как платформа, объединяющая все государства региона и на данный момент функционирующая активнее всего.

Во-вторых, в политическом плане СЕЛАК воспринимается российскими властями как объединение, в той или иной степени противостоящее «коллективному Западу». Во время своего выступления в ходе открытых дебатов Совета Безопасности ООН на тему «Эффективная многосторонность через защиту принципов Устава ООН» 24 апреля 2023 г. С. Лавров отметил следующее: «Ещё не так давно США призывали возродить «доктрину Монро» ... Эта линия, однако, натолкнулась на решимость стран региона укреплять собственные многосторонние структуры, прежде всего Сообщество латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), отстаивая своё законное право утвердиться в качестве одной из опор многополярного мира. Россия всецело поддерживает такие справедливые устремления» [13]. Однако данное высказывание носит идеологический характер. СЕЛАК не создавалось непосредственно для борьбы с влиянием США. Сообщество не является, например, антитезой Организации Американских Государств [14], не обладающей инструментарием СЕЛАК, направленным на внерегиональную деятельность и сотрудничество по линии Юг — Юг.

В неправильном понимании повестки СЕЛАК и заключается причина, по которой России так и не удастся добиться согласия Сообщества возобновить работу диалогового механизма.

СЕЛАК основывается на соглашении о политическом сотрудничестве и межправительственной координации государственной политики [14], то есть первостепенен принцип мультилатерализма, на основе которого и должна строиться многополярность, Россия же продолжает делать акцент на конфликте с «коллективным Западом». Новая редакция концепции внешней политики РФ содержит фундаментальное противоречие: непосредственно за положением о развитии отношений с ЛАКБ «на прагматичной, деидеологизированной и взаимовыгодной основе» следует пункт о «поддержке заинтересованных латиноамериканских государств, подвергающихся давлению США ... [путём] расширения взаимодействия в сферах безопасности, военного и военно-технического сотрудничества» [12], который явно отражает современную российскую идеологию противостояния «Мирового большинства коллективному Западу».

СЕЛАК же делает особый акцент на неприемлемости односторонних мер, имеющих экстерриториальные последствия, что идёт вразрез с ревизионистской деятельностью РФ как актора международной системы. Главной целью Сообщества объявлено достижение ускоренного развития стран региона, в то время как для РФ на данный момент в рамках механизма РФ — СЕЛАК приоритетнее был бы политический диалог. Молчание СЕЛАК относительно венесуэльского кризиса или в ответ на призывы России реактивировать механизм диалога демонстрирует отсутствие общей позиции (ни одобрительной, ни осуждающей) у ЛАКБ по этим двум вопросам, имеющим последствия для региональной и мировой архитектур соответственно.

Ошибочно предположение Москвы, что у СЕЛАК есть серьёзный интеграционный потенциал, который возможно реализовать в скором будущем: «СЕЛАК как организация (в случае, если у неё будет консенсус), вполне может претендовать на самостоятельное постоянное участие в «Группе двадцати» на тех же условиях, на которых сейчас ... пригласили Африканский союз в это объединение» [15]. Есть все основания полагать, что Сообщество в ближайшие годы так и сохранит формат форума, именно из-за фундаментальных противоречий, не позволяющих ему перейти в статус «организации».

Можно выделить следующие цели, которые Россия хотела бы достичь в случае возобновления диалогового механизма:

Продемонстрировать всему миру и собственным гражданам, что «Мировое большинство» поддерживает ревизионистскую деятельность РФ. Стоит отметить, что встреча Ж. Борреля с министрами иностранных дел СЕЛАК, произошедшая в октябре 2022 г., также была нацелена на демонстрацию наличия солидарности «по обе стороны Атлантики» [16]. Члены СЕЛАК отказываются принимать чью-либо сторону, но с Европой идут на контакт, потому что она не является непосредственной стороной украинского конфликта (хотя участвует в нём опосредованно); также ЕС является третьим торговым партнёром ЛАКБ.

Ранее механизм Россия — СЕЛАК служил целям поддержания рабочих контактов и сверки повесток по борьбе с глобальными вызовами и угрозами. Возвращение к этому формату стало бы для России первым шагом к выстраиванию системного многостороннего взаимодействия с ЛАКБ. Однако, как показывает опыт Индии и России, встречи с «квartetом» СЕЛАК не позволяют достичь существенных результатов в экономической сфере, на которую в Концепции внешней политики сделан упор, поэтому логичным будет в долгосрочной перспективе перейти к формату Форума Россия — СЕЛАК, предполагающему одновременное участие в диалоге представителей всех стран-участниц Сообщества, а также систему подфорумов, включая встречи бизнес-сообществ.

На данный момент у Сообщества существует два внерегиональных форума: Китай — СЕЛАК и ЕС–СЕЛАК, первый является одним из основных инструментов повышения роли китайского бизнеса на латиноамериканских и карибских рынках. Ориентация на опыт Китая будет верным шагом на пути к запуску полномасштабного политического и экономического диалога по линии Россия — СЕЛАК. Опыт Евросоюза применим скорее к повестке взаимодействия в области развития, так как европейские страны делают акцент на запуске межрегиональных программ, способствующих снижению уровня преступности и препятствующих изменению климата — двух тематиках, непосредственно волнующих Латино–Карибскую Америку.

Что могло бы поспособствовать возобновлению работы механизма Россия — СЕЛАК? В первую очередь России необходимо выработать отдельную стратегию по отношению к странам СЕЛАК, ведь принимать решения «на месте» хоть и возможно, но когда речь идет о долгосрочных проектах и значительных инвестиционных суммах, то политическая линия должна быть спланированно-стабильной. Далее стоит обратиться к статье Т. В. Бордачёва [17], вышедшей за месяц до публикации Концепции внешней политики РФ. В ней делается акцент на выстраивании отношений с «дружественными» странами (то есть в том числе и с членами СЕЛАК) без контекста противостояния России и Запада. Очень немногие государства связывают свою безопасность и возможность реализовать внешнеполитические интересы с российской ревизионистской деятельностью, поэтому считать их «союзниками» по борьбе с «коллективным Западом» не стоит, а уж тем более, когда их территории располагаются в непосредственной близости от границ США. И наконец, мягкая сила должна реализовываться параллельно с увеличением открытости страны окружающему миру, так как России есть, чем гордиться в социальном, образовательном и культурном плане, обмен опытом со странами СЕЛАК и будет соответствовать их основной миссии — достижению целей развития.

Выводы

На данный момент российская сторона демонстрирует стойкое желание реактивировать Постоянный механизм политического диалога и сотрудничества Россия — СЕЛАК, действовавший с 2015 по 2017 гг. Положения Концепции внешней политики 2023 г. и официальные заявления министра иностранных дел С. Лаврова свидетельствуют о значимости для РФ как возобновления политического диалога, так и увеличения объемов взаимной торговли и инвестиций с государствами-членами СЕЛАК. Вторая задача, однако, требует расширения встреч с «квartetом» до полномасштабного Форума по типу Китай — СЕЛАК, ЕС–СЕЛАК.

После начала Россией Специальной военной операции на Украине Сообщество стало отвечать характерным для него ввиду

отсутствия консенсуса молчанием на призывы Москвы реактивировать работу Механизма. РФ воспринимает СЕЛАК как открытый вызов американской гегемонии в мире, что является ошибочным представлением идеологического характера ввиду нацеленности Сообщества на достижение целей развития и диверсификацию экономических партнёров (наблюдается зависимость не только от США, но и от Китая). Диалог с регионом ЛАКБ в целом можно выстроить только отказавшись от дискурса противостояния «коллективному Западу» и приняв концепт мультилатерализма.

Библиография

1. Лавров анонсировал возобновление диалогового механизма министров РФ — СЕЛАК. ТАСС. 18.01.2023. URL: <https://tass.ru/politika/16826685>—08.05.2023.
2. Joint Statement by the Russian Federation and CELAC on the establishment of a Permanent Mechanism for Political Dialogue and Cooperation between Russia and CELAC. CELAC. 2015. URL: <https://celacinternational.org/celac-russian-federation/> — 08.05.2023.
3. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова кубинскому информационному агентству «Пренса Латина». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1860706/ — дата доступа: 08.05.2023.
4. Лавров провел встречу с главами МИД стран СЕЛАК. ТАСС. 21.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170921/1505201369.html> — 8.05.2023.
5. О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова с главами дипломатических миссий государств Латинской Америки и Карибского бассейна, аккредитованными в Москве. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.02.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855002/ — 08.05.2023.
6. *Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам визита в Республику Куба.* Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.04.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1864716/ — 08.05.2023.
7. Cafiero con los cancilleres de Estados Unidos y Rusia pidió por un cese de hostilidades: “La paz es urgente». Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto de Argentina. 8 julio 2022. URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/es/destacados/cafiero-con-los-cancilleres-de->

- estados-unidos-y-rusia-pidio-por-un-cese-de-hostilidades — дата доступа: 08.05.2023.
8. О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова с Министром иностранных дел, международной торговли и культуры Аргентинской Республики С. Кафьеро. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.07.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1821136/ — дата доступа: 08.05.2023.
 9. Rusia destaca papel político de América Latina y el Caribe. TeleSURtv.net. URL: <https://www.telesurtv.net/news/rusia-canciller-Lavrov-destaca-revitalizacion-celac-geopolitica-20230302-0008.html> — дата доступа: 08.05.2023.
 10. Canciller ruso saluda espíritu de solidaridad regional en la Celac. Prensa Latina. 30.03.2023. URL: <https://www.prensa-latina.cu/2023/03/30/canciller-ruso-saluda-espiritu-de-solidaridad-regional-en-la-celac> — дата доступа: 08.05.2023.
 11. Хейфец В. Л. Визит Сергея Лаврова в Латинскую Америку: проверка связи. РСМД. 28.04.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-sergeya-lavrova-v-latinskuyu-ameriku-proverka-svyazi/> — 08.05.2023.
 12. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. Кремль. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/70811>—08.05.2023.
 13. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе открытых дебатов Совета Безопасности ООН на тему «Эффективная многосторонность через защиту принципов Устава ООН». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.04.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1865243/ — 08.05.2023.
 14. Хейфец В., Хадорич Л. Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 90–94.
 15. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова кубинскому информационному агентству «Пренса Латина». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1860706/ — 08.05.2023.
 16. Re-launching the partnership between the EU and Latin America and the Caribbean. The European External Action Service. 28.10.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/re-launching-partnership-between-eu-and-latin-america-and-caribbean_en — 22.03.2023.
 17. Бордачёв Т. В. Как России строить отношения с дружественными странами. Валдай. 24.02.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/stroit-otnosheniya-s-druzhestvennymi-stranami/> — 07.05.2023.

Некрасова Анастасия Александровна

Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа экономики»,
Факультет мировой экономики и мировой политики,
Магистратура

Эволюция взаимоотношений между Россией и МЕРКОСУР в области сельского хозяйства на современном этапе

The evolution of relations between Russia and MERCOSUR
in the field of agriculture at the present stage

Аннотация. В работе рассматривается эволюция сотрудничества России и МЕРКОСУР в АПК с 2006 года до настоящего времени и анализируются основные возможности и риски данного партнерства. В рамках данного исследования определяется специфика партнерства России и МЕРКОСУР в АПК в период антироссийских санкций 2014 года и проводится экстраполяция на настоящее время. В работе рассматривается наиболее современный этап, 2022 год, в феврале которого в отношении России были введены новые пакеты санкций. В связи с чем сотрудничество России и МЕРКОСУР в АПК приобретает все большую значимость.

Ключевые слова: Россия, МЕРКОСУР, торговые отношения, сельское хозяйство, АПК, санкции

Abstract. The paper examines the evolution of cooperation between Russia and Mercosur in the agro-industrial complex since 2006 to the present and analyzes the main opportunities and risks of this partnership. Within the framework of this study, the specifics of the partnership between Russia and Mercosur in the agro-industrial complex during the anti-Russian sanctions of 2014 are determined and extrapolated to the present. The paper considers the most modern stage, 2022, in February of which new packages of sanctions were introduced against Russia. In this connection, cooperation between Russia and Mercosur is becoming increasingly important.

Keywords: Russia, MERCOSUR, trade relations, agriculture, agribusiness, sanctions

Введение

В настоящее время система международных отношений и мирового хозяйствования претерпевает значительные изменения, на первый план выходят развивающиеся государства. Одним из переломных моментов данной трансформации можно считать начало проведения Россией специальной операции на территории Украины 24 февраля 2022 года, и дальнейшее введение Западными странами антироссийских санкций, ограничивших возможности сотрудничества для России. По этой причине чрезвычайно важным для России становится поиск новых партнеров, среди которых — страны Латинской Америки, а именно интеграционное объединение МЕРКОСУР, на чью долю приходится 41% ВВП региона Латинская Америка [25]. Сотрудничество в секторе сельского хозяйства (АПК) является приоритетным и представляет для России и МЕРКОСУР особый интерес, на его долю приходится 68% экспорта МЕРКОСУР в Россию в 2022 году. [25]

Целью данного исследования является выявление характерных черт и динамики развития сотрудничества России со странами МЕРКОСУР в сельском хозяйстве на современном этапе.

Гипотеза исследования состоит в следующем утверждении: Украинский кризис 2014 года и специальная операция России на Украине в 2022 году в краткосрочной перспективе сокращают взаимное сотрудничество России и МЕРКОСУР в АПК по причине влияния внешних факторов, таких как вероятность введения вторичных санкций, логистические издержки, перебои с финансовой системой, несмотря на нейтральную позицию МЕРКОСУР по отношению к действиям России во время конфликтных ситуаций. Однако МЕРКОСУР может выступить в роли альтернативного партнера России в долгосрочной перспективе при оптимизации условий торговли (создание ЗСТ, альтернативной платежной системы, следование курсу дедолларизации).

Обзор литературы и степень изученности темы

Согласно неолиберальной теории, негосударственные акторы, такие как интеграционные объединения, межправительственные организации, играют важную роль. [23]. До некоторого времени для из-

учения интеграции ученые использовали классическую пятиступенчатую модель интеграции Б.Баласса [16]. Однако с возвышением на мировой арене развивающихся стран (например, МЕРКОСУР) появилась теория «нового регионализма», предполагающая интеграцию между государствами по экономическим причинам, в рамках развития зон свободной торговли (ЗСТ) [1]. Партнерство России со странами Латинской Америки является значимым для обеих сторон, в том числе как фактор сдерживания влияния США в регионе [20]. Однако в силу географической удаленности Латинская Америка не была приоритетом внешней политики России [26]. После украинского кризиса 2014 года и последовавших антироссийских санкций Россия стала уделять все большее внимание латиноамериканскому вектору внешней политики [14], и рассматривать МЕРКОСУР как альтернативу торговым партнерам Запада. Таким образом, научная новизна работы состоит в определении перспектив и ограничений сотрудничества России и МЕРКОСУР в АПК с 2022 года в условиях новых пакетов антироссийских санкций.

Торговые отношения России и МЕРКОСУР в АПК до 2014 года

Рисунок 1. Экспорт МЕРКОСУР и России продукции АПК, 2006–2015 гг., млрд. долл.

Отношения России и МЕРКОСУР берут начало из 1990-х годов. В 2006 году стороны подписали *Меморандум о взаимопонимании* [5], создавший правовую базу их современных отношений. В 2006–2014 годах экспорт МЕРКОСУР продукции АПК значительно превышал экспорт России. На графике (рис. 1) [27] можно увидеть, что с 2006 года торговля между сторонами росла и достигла пика в 2008 году, затем сократилась после мирового финансового кризиса 2008 года.

Наибольший объем товарооборота в секторе АПК из стран МЕРКОСУР у России с Бразилией (рис. 2) [27]. В период с 2006 по 2014 годы сотрудничество России и Бразилии в секторе сельского хозяйства было сосредоточено на поставках Бразилией сахара (46,2% от общего объема экспорта) и мясной продукции (порядка 40%). В июне 2011 года Россия временно приостановила поставки мяса из трех бразильских штатов из-за нарушения санитарных норм [2], более того на поставки мяса в Россию действовали квоты, размер которых был сокращен в 2012 году для защиты национальных производителей [4]. Так, объем экспорта мясной продукции из Бразилии с 2006 года сократился почти в два раза (с 795 тыс. тонн до 435 тыс. тонн) к 2011 году [22].

Сотрудничество России и Аргентины в секторе АПК с 2006 до 2014 года было сконцентрировано вокруг поставок Аргентиной в Россию бобовых и фруктов (71,1% от общего объема экспорта), сахара (18,2%), молочной продукции (5,1%) [21].

Наибольшую долю экспорта Уругвая в Россию в секторе АПК в рассматриваемые годы составляла мясная продукция (более 80% от общего объема экспорта), молочная продукция (сыр, масло), соевые бобы и цитрусовые. В 2006 году 96,4% экспорта Парагвая (225 млн. долл.) составили поставки в Россию замороженной говядины. В 2013 году экспорт Парагвая в Россию (948 млн. долл.) составили на 58,3% поставки мясной продукции и на 41,1% — поставки соевых бобов. В 2013 году Россия временно приостановила поставки мяса из Парагвая из-за нарушения частью парагвайских компаний санитарных норм [9].

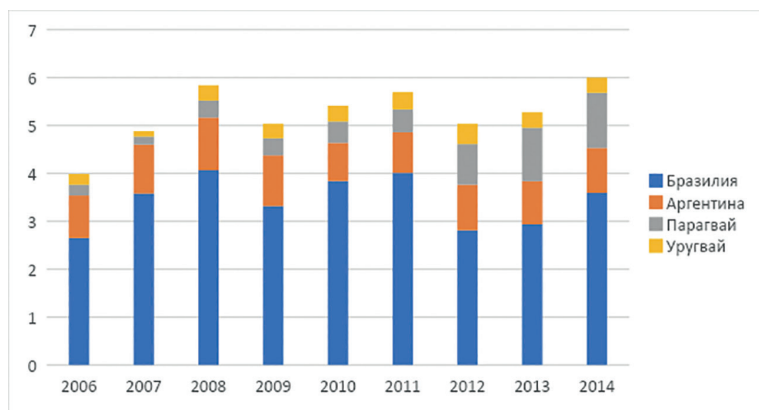

Рисунок 2. Экспорт продукции АПК стран МЕРКОСУР в Россию, 2006–2014 гг., млрд. долл.

Экспорт России в МЕРКОСУР продукции сельского хозяйства весьма невелик, большую его часть составляют зерновые и злаковые, а также мука (порядка 0,27%) [27]. При этом Россия является крупнейшим поставщиком удобрений, используемых для производства продукции сельского хозяйства в МЕРКОСУР. В связи с чем удобрения в данной работе будут также рассматриваться вместе с продукцией АПК, поскольку косвенно относятся к ее производству.

Крупнейшим импортером российских удобрений является Бразилия. Так, компания ПАО «ФосАгро» [12] обозначила стремление к созданию офиса в Латинской Америке. Также поставки в Бразилию в 2006–2014 годах осуществлялись АО МХК «ЕвроХим», ПАО «Уралкалий» имеющими в стране офис. Экспорт Россией удобрений в Уругвай составил более 80% от всего экспорта России, а экспорт удобрений в Парагвай вырос к 2014 году на 14,8% по сравнению с 2006 годом.

Торговые отношения России и МЕРКОСУР в сфере АПК после 2014 года

После украинского кризиса 2014 года Западными странами (ЕС, США, их партнеры) были введены антироссийские санкции.

Во время голосования 27 марта 2014 г. на Генеральной Ассамблее ООН по проекту резолюции № A/68/L.39 «Территориальная целостность Украины» [24] (по вопросу признания присоединения Республики Крым к России) все страны МЕРКОСУР воздержались от голосования, тем самым проявив гибкость и продемонстрировав нежелание ухудшать отношения с Россией.

Антироссийские санкции со стороны МЕРКОСУР не вводились, однако не исключалась возможность введения ЕС и США вторичных санкций в отношении МЕРКОСУР, что повышало напряженность отношений между странами. Экспорт продукции АПК из МЕРКОСУР в Россию в 2015–2022 годах постепенно снижался (рис. 3) [27]. Причиной подобного снижения можно считать рост логистических издержек из-за введенных санкций; вероятность возникновения вторичных санкций для МЕРКОСУР и, в связи с этим, более осторожная торговая политика; рост цен на товары МЕРКОСУР и, в связи с этим, снижение спроса России. Экспорт России в МЕРКОСУР оставался в прежних величинах и составлял небольшое количество.

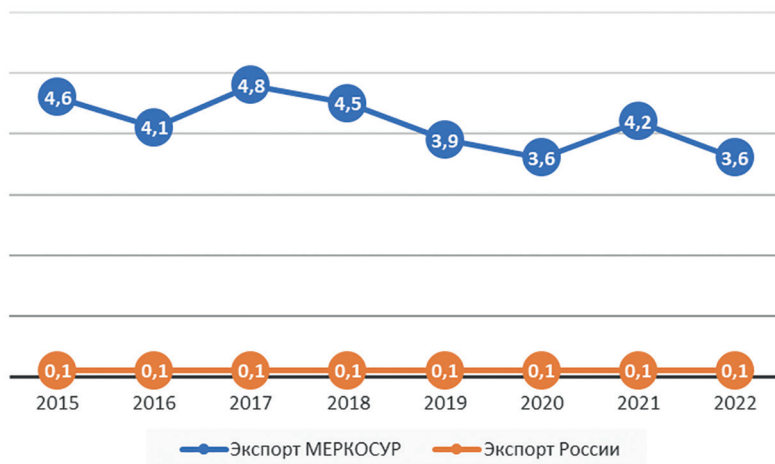

Рисунок 3. Экспорт МЕРКОСУР и экспорт России продукции АПК, 2015–2022 гг., млрд. долл.

С момента функционирования ЕАЭС (2014) обсуждался вопрос о развитии сотрудничества сторон в многостороннем формате. С 2015 года стороны обсуждали возможности дедолларизации и ослабления влияния США и ЕС в торговых и инвестиционных потоках стран. В 2018 году ЕАЭС и МЕРКОСУР подписали *Меморандум о взаимопонимании*[3] по расширению сотрудничества. МЕРКОСУР выразил надежду на быстрое заключение ЗСТ с ЕАЭС, проект ЗСТ неоднократно обсуждался, но переговоры по соглашению начаты не были.

После начала украинского кризиса в 2014 году президент России, В.В. Путин, подписал указ «*О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации*» [11], предусматривающий эмбарго товаров сельского хозяйства из стран, объявивших санкции России в 2014 году. Однако с 2015 года экспорт МЕРКОСУР сократился, несмотря на большие перспективы развития на российском рынке ввиду освободившихся ниш [7].

С одной стороны, важно учитывать опасения поставщиков МЕРКОСУР о вторичных санкциях при сотрудничестве с Россией. Важным фактором, ограничивающим сотрудничество сторон, являются строгие санитарные ограничения на ввоз продукции сельского хозяйства в Россию — в 2015 году Россельхознадзор временно запретил поставки с 10 предприятий Бразилии в Россию из-за нахождения в них запрещенного стимулятора роста (рактопамина), разрешенного в МЕРКОСУР [8].

Крупнейшим экспортером МЕРКОСУР в Россию в 2015–2022 годах является Бразилия. Аргентина является вторым поставщиком продукции АПК в Россию. Парагвай конкурирует с Аргентиной за второе место по поставкам продукции сельского хозяйства в Россию. Согласно статистическим данным, в 2021 году 32% объема всего экспорта из МЕРКОСУР в Россию составила продукция масличных семян и 19% — мясная продукция, на экспорт фруктов пришлось 6% экспорта и на молочную продукцию — 5%. Следовательно, порядка половины доли экспорта МЕРКОСУР в Россию составляют продукты АПК.

После начала проведения Россией специальной операции на Украине 24 февраля 2022 года ЕС, США и ряд стран ввели

антироссийские санкции, ограничивающие ее сотрудничество. Во время голосования по *Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1* [15] 2 марта 2022 года страны МЕРКОСУР проголосовали «за» (в отличие от 2014 года) осуждение специальной операции России на территории Украины и потребовали от нее полного вывода войск и отмены признания ЛДНР. Однако во время выступлений официальных представителей стран МЕРКОСУР были сделаны заявления о нейтралитете и осуждении Запада за провокацию военных действий на Украине, санкции также введены не были. Данная двойственность позиции МЕРКОСУР говорит о его нежелании прекращать торговое и политическое сотрудничество с Россией.

Риски и возможности развития торговли России и МЕРКОСУР после 2022 года

В условиях введенных Западом антироссийских санкций Россия может быть заинтересована в развитии отношений с МЕРКОСУР, особенно в секторе АПК. Для анализа перспектив развития дальнейшего сотрудничества России со странами МЕРКОСУР необходимо рассмотреть подробнее основные экономические и политические риски, препятствующие партнерству.

Итак, анализ будет начат с экономических рисков, первыми из которых являются логистические риски, состоящие из ограничения движения для российских грузов в связи с антироссийскими санкциями и прекращения обслуживания компаниями Западных стран самолетов, автомобилей, кораблей, находящихся в лизинге. С 16 апреля 2022 года, согласно Пятому пакету антироссийских санкций ЕС [17], судна под флагом России не имеют доступа в порты ЕС, через которые проходят значимые торговые пути. Также в качестве санкционной меры было закрыто воздушное пространство ЕС и иных стран для полетов российских самолетов, что увеличивает время полета и его стоимость.

Тем не менее, в настоящее время приоритеты России и МЕРКОСУР смещаются в сферу развития инновационного сотрудничества. Ввиду географической удаленности выгодной для сторон становится торговля услугами и электронная ком-

мерция для сокращения транспортных издержек. Онлайн маркетплейсы и ИТ-стартапы являются оптимальным решением проблемы транзакционных издержек, вызванных географической удаленностью России и МЕРКОСУР. Однако продукция сельского хозяйства не подлежит цифровой трансформации, в связи с чем есть вероятность уменьшения доли АПК в торговле сторон в будущем.

Еще одним экономическим риском сотрудничества России и МЕРКОСУР в АПК является повышение цены на продукцию вследствие увеличения транзакционных издержек. Несмотря на то, что на данный момент согласно пятому пакету санкций ЕС (ст. 1 п. 5b) товары сельского хозяйства и удобрения не входят в санкционный список, в будущем он может быть расширен. Необходимо отметить, что цена транзита продукции МЕРКОСУР, на разрешенные товары, в новых условиях может возрасти, и покупка окажется для России невыгодной.

Однако немаловажной возможностью для России и МЕРКОСУР в АПК является сотрудничество в многостороннем формате. В 2018 году ЕАЭС и МЕРКОСУР был подписан *Меморандум о взаимопонимании*, однако между сторонами до сих пор не было создано ЗСТ. Тем не менее, ЗСТ между ЕАЭС и МЕРКОСУР способствовало бы росту взаимной торговли ввиду либерализации таможенных пошлин и нетарифных барьеров между сторонами, и, тем самым, сокращению транзакционных издержек. Кроме того, ЗСТ могло бы стимулировать рост взаимных ПИИ, ускорить реализацию планирующихся проектов.

Важным аспектом сотрудничества России и МЕРКОСУР является осуществление международных платежей. На сегодняшний день ввиду санкций большинство российских банков были отключены от системы международных платежей SWIFT [18]. По этой причине платежи между Россией и МЕРКОСУР могут быть затруднены, а часть поставщиков не сможет осуществлять поставки.

Решением данной проблемы могла бы стать разработка альтернативной системы финансовых платежей, дискуссии о создании которой ведутся между ЕАЭС и МЕРКОСУР с 2015 года. С начала сотрудничества в формате ЕАЭС–МЕРКОСУР стороны обсуждают возможность разработки совместной платежной системы, позволившей бы сделать двусторонние транзакции ЕАЭС

и МЕРКОСУР безопасными и стабильными. Кроме того, постепенная дедолларизация могла бы ускорить торговые процессы и сделать инвестиционную среду сторон более привлекательной.

Более того важно учитывать квоты в рамках ЕАЭС на допустимый ввоз мясной и молочной продукции в Россию. Так, в 2022 году была установлена квота на ввоз замороженной мясной продукции на 407 тыс. тонн [6]. Более того несоблюдение правил санитарного характера в виде использования запрещенного в России стимулятора роста (рактопомина) уже не раз становилось причиной приостановки поставок из МЕРКОСУР. Следовательно, необходимо выработать единые санитарные правила ввоза продукции АПК в рамках ЕАЭС–МЕРКОСУР для упрощения процедуры ввоза товара.

Значительной возможностью для развития сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР являются саммиты, форумы и совместные проекты деловых кругов сторон. Так, в 2018 году на деловом саммите “Большой Двадцатки” прошел форум советов предпринимателей России и Аргентины, на котором было подписано соглашение о строительстве перегрузочного центра для речных и морских перевозчиков компаниями Middleburgo (Аргентина), Vela Development (Россия) и Global Trans Logistic (Международный Логистический Оператор), а также открыто торговое представительство компании «ФосАгро» в Аргентине [10].

Политическим риском для торговли в сфере АПК между Россией и МЕРКОСУР является распространение влияния США и Китая, приводящее к сокращению для российского бизнеса свободных ниш рынка МЕРКОСУР. Так, США являются крупнейшим экспортером в МЕРКОСУР и имеют на сообщество значительное влияние из-за ведущей роли во многих международных организациях, например МВФ, регулярно используемый Аргентиной для получения займов [13]. Главнейшим импортером МЕРКОСУР является Китай, имеющий преференциальное торговое соглашение с МЕРКОСУР и реализующий в Уругвае по инициативе «Один пояс, один путь» проекты по строительству автомагистралей [19].

В то же время политические выгоды от сотрудничества России и МЕРКОСУР весьма существенны. Так, тесное партнерство со странами МЕРКОСУР для России будет способствовать форми-

рованию более лояльной позиции МЕРКОСУР в международных институтах, таких как ООН, ВТО, G20. Также в силу географической близости МЕРКОСУР к США, сотрудничество с Россией могло бы странам МЕРКОСУР ослабить влияние США в регионе.

Выводы

Гипотеза исследования подтвердилась. Действительно, украинский кризис 2014 года и специальная операция России на Украине в 2022 году в краткосрочной перспективе препятствуют сотрудничеству России и МЕРКОСУР в АПК по политическим и экономическим причинам. Однако в долгосрочной перспективе перед Россией и МЕРКОСУР открываются дополнительные возможности сотрудничества и развития своего партнерства в рамках ЗСТ ЕАЭС–МЕРКОСУР и создания альтернативной платежной системы, цифровизации торговли, интенсификации сотрудничества деловых кругов, унификации санитарных правил ввоза продукции сельского хозяйства. Антироссийские санкции будут корректировать сотрудничество России с партнерами еще долгие годы, в связи с чем необходим поиск альтернативного партнерства в АПК, которым и представляется МЕРКОСУР. Более того важным становится рассмотрение политического сотрудничества России и МЕРКОСУР, поскольку лишь при нейтральной позиции МЕРКОСУР возможно дальнейшее сотрудничество, исключающее введение санкций. Однако позиции стран зависят и от внутривнутриполитических факторов, таких как смена власти, происходящая в МЕРКОСУР регулярно раз в 4–5 лет.

Библиография

1. Афонцев С. А. Новый регионализм. URL: <https://postnauka.ru/longreads/26527-12.05.2023>.
2. Бразилию выгоняют из мясного ряда. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1652589-29.04.2023>.
3. ЕЭК и МЕРКОСУР договорились интенсифицировать сотрудничество. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-12-3018-1.aspx> — 30.04.2023.

4. Заморской свинине урезали льготы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1688860-30.04.2023>.
5. Меморандум о взаимопонимании. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203001559&page=1&rdk=0&link_id=10#10-05.05.2023.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.11.2021 № 1995 «О распределении объемов тарифных квот в отношении мяса крупного рогатого скота и мяса домашней птицы в 2022 году». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111240011?index=0&rangeSize=1-10.05.2023>.
7. Продовольственное эмбарго: итоги 2015 года. URL: <https://web.archive.org/web/20161130135811/http://ac.gov.ru/files/publication/a/8972.pdf> — 30.04.2023.
8. Россельхознадзор запретил поставки мясной продукции с 10 предприятий Бразилии. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2015/05/26/593792-rosselkhoznadzor-zapretil-postavki-myasnoi-produktsii-s-10-predpriyatii-brazilii> –30.04.2023.
9. Россия запретила крупнейшему импортеру поставки свинины и говядины. URL: <https://www.rbc.ru/business/20/11/2017/5a1306589a7947f70a9de69ehttps://www.rbc.ru/business/20/11/2017/5a1306589a7947f70a9de69e> — 30.04.2023.
10. Советы предпринимателей России и Аргентины внесли значительный вклад в рост товарооборота. URL: <https://old.rspp.ru/viewpoint/view/1015-30.04.2023>.
11. Указ о применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46404-12.05.2023>.
12. «Фосарго» забирает экспорт в свои руки. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2330623-25.04.2023>.
13. Чувахина Л. Г. Международный валютный фонд как инструмент политики США // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 4–1. С. 3.
14. Яковлева Н. М. LATINOAMERIKANSKAYA INTEGRACIYA V ZERKALE MERKOSUR. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/latinoamerikanskaya-integratsiya-v-zerkale-merkosur/> — 20.04.2023.
15. Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly A/RES/ES-11/1. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039?ln=ru> — 22.04.2023.
16. Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market // The Economic Journal. 1967. Vol. 2. № 305. P. 69.

17. Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.111.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A111%3ATOC — 10.05.2023.
18. Council Regulation (EU) 2022/580 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.063.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A063%3ATOC — 10.05.2023.
19. Developing Global Free Trade: Linking China's BRI with Mercosur, South America. URL: <https://www.china-briefing.com/news/developing-global-free-trade-linking-chinas-belt-road-initiative-with-mercotur-south-america/> — 20.04.2023.
20. García P. Rusia y América latina: las agendas compatibles hacia el futuro // Oasis. 2013. Vol. 1. № 17. P. 77.
21. Informe Económico: Rusia. URL: https://cac.com.ar/data/documentos/9_iei-rusia-feb2011.pdf — 28.04.2023.
22. Intercâmbio Comercial do Agronegócio. URL: <https://www.gov.br/agricultura/pt-br/assuntos/relacoes-internacionais/arquivos-das-publicacoes/brazilianagriculturalforeigntrade2012-12.05.2023>.
23. Nye, J., Keohane, R. Power and interdependence. 2nd ed. Glenview: Scott, Foresman, 1989. P. 126.
24. Territorial integrity of Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/767565-29.04.2023>.
25. The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> — 30.04.2023.
26. Sanchez W. A. Russia and Latin America at the dawn of the twenty-first century // Journal of Transatlantic Studies. 2010. Vol. 8, № 4. P. 368.
27. Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> — 01.05.2023.

Росуцан Александр Сергеевич

Семижонов Владимир Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет мировой экономики и мировой политики,
Бакалавриат

Торговые отношения Бразилии и России при администрации Ж. Болсонару (2019–2022)

Trade relations between Brazil and Russia
under the administration of J. Bolsonaro (2019–2022)

Аннотация. В настоящей статье изучаются торговые отношения стран под влиянием различных кризисных событий (пандемия Covid-19, антироссийские санкции). Для реализации данной задачи авторы изучают особенности двусторонних торговых отношений России и Бразилии при администрации Жаира Болсонару. В работе используется парадигма неоклассического реализма, пространственная теория торговли, статистический анализ и визуализация в Python на основе библиотеки Matplotlib. Авторы приходят к выводу, что характер бразильско-российской торговли глобально не изменился, а кризисы еще больше закрепили характер их специализации. Несмотря на то, что отношения стран стали более тесными, а их объемы торговли увеличились, но происходит деградация структуры товарооборота.

Ключевые слова: торговые отношения, международная торговля, Бразилия, Россия, Жаир Болсонару, пространственная теория торговли.

Abstract. This article examines the trade relations of countries under the influence of various crisis events (Covid-19 pandemic, anti-Russian sanctions). To implement this task, the authors study the features of bilateral trade relations between Russia and Brazil under the administration of Jair Bolsonaro. The work uses neoclassical realism, spatial trading theory, statistical analysis and visualization in Python based on the Matplotlib library. As a result, the authors conclude that the nature of the Brazilian-Russian trade has not changed globally, and the crises have further consolidated the nature of their spe-

cialization. Despite the fact that the relations of the countries have become closer, and their trade volumes have increased, the structure of trade turnover is degrading.

Keywords: trade relations, international trade, Brazil, Russia, Jair Bolsonaro, spatial trade theory.

Введение

Динамика торговли — важная характеристика отношений между государствами. Развитие современных отношений Бразилии и России происходит под влиянием меняющегося миропорядка: увеличивается влияние новых полюсов силы, к которым относятся и Россия и Бразилия. Актуальность исследования данного периода связана с тем, что он отмечен знаменательными событиями, которые оказали влияние на торговые отношения: пандемия коронавируса, эскалация на Украине. Подведение итогов работы правительства Жаира Болсонару в двусторонних торговых отношениях позволяет наилучшим образом понимать взаимодействия мировой и региональной державы в данных условиях. Для обеих стран успешное выстраивание торговых отношений означает углубление сотрудничества в целом и в рамках БРИКС. Кроме того, для РФ экономические и торговые отношения с латиноамериканским регионом в целом и с Бразилией в частности могут выступать возможной альтернативой Западу.

Теоретическая значимость работы заключается в изучении феномена двусторонней торговли и того, как различные факторы системы (коронакризис, конфликт на Украине и санкции против РФ) влияют на экономические отношения, а **практическая** — в описании торговой стратегии взаимодействия и продвижения российских компаний на бразильском рынке. **Проблема исследования** — с одной стороны, РФ и Бразилия имеют крепкие торговые отношения и заинтересованы в расширении торговли определенными видами товаров, но, с другой стороны, давление стран Запада осложняет диалог двух стран, создавая новые кризисные условия для межгосударственного взаимодействия. **Новизна исследования** заключается в изучении динамики торговых отношений РФ

и Бразилии в 2019–2022 годах в условиях новой волны санкционного давления. **Цель работы** — выявить особенности торговых отношений России и Бразилии при правительстве Жаира Болсонару.

Основу методологии составили теория неоклассического реализма и пространственная теория торговли. Неоклассический реализм был выбран по причине учета обширного диапазона мотивов поведения государств (престиж и восприятие угроз). Кроме того, в ходе анализа необходимо уделять внимание ресурсам, которые страны могут использовать для реализации их внешней политики [1]. Большие диспропорции в торговле могут оказывать влияние на общую расстановку сил в двусторонних отношениях. Если переходить к пространственной теории торговли, то она позволяет изучать влияние торговых барьеров на экономическую активность и торговые потоки [2]. Согласно данной теории, возникновение международной торговли происходит тогда, когда регионы производства промежуточной продукции и регионы производства готовой продукции располагаются в разных странах [3].

Среди **методов** стоит упомянуть статистический анализ, сравнительно-исторический и идеографический методы, позволяющие в полной мере раскрыть особенности двусторонних торговых отношений последних лет. Кроме того, в работе используется язык программирования Python (библиотека Matplotlib) для визуализации данных и анализа торговой динамики. **Эмпирическая база** исследования представлена бразильской базой данных Comex Stat, The Observatory of Economic Complexity и Федеральной таможенной службой России.

Торговые отношения между РФ и Бразилией в XXI веке прошли долгую эволюцию. Бразилия оставалась ключевым партнером России в регионе. Однако отличительной чертой их отношений был обмен товаров химической промышленности России на сельскохозяйственную продукцию Бразилии. Еще в начале 2010-х высказывалось недовольство недиверсифицированной структурой торговли: экспорт минеральных удобрений Россией в обмен на мясо, тростник и сельскохозяйственное сырьё [4]. Кроме того, двусторонняя торговля Москвы и Бразилии подвержена конъюнктуре и очень зависима от волатильности цен и колебаний спроса и предложения [4]. Экспорт Бразилии переживает кризисный пе-

риод до президентства Болсонару. Так, общий экспорт в денежном эквиваленте перманентно сокращался со второй половины 2010-х годов. Если в 2014 году, экспорт составлял 3,9 млрд. долл., то уже в 2015 году — всего 2,55 млрд. долл., постоянно сокращаясь весь доковидный период [5]. Это было вызвано как антироссийскими санкциями, так и смещением левого антиамериканского курса после импичмента Д. Русеф. Таким образом, к приходу нового президента в лице правого политика Жаира Болсонару российско-бразильские торговые отношения характеризуются следующим образом: низкий уровень диверсификации структуры торговли, опора на химическую промышленность и сельское хозяйство в торговле, перманентное сокращение бразильского экспорта.

Если предоставлять краткий обзор приоритетов нового бразильского правительства, то в момент прихода администрации Болсонару была нацелена на сближение с развитыми странами, такими как США, Израиль, Япония, Южная Корея, Италия [6]. При этом, несмотря на смещение внешнеполитического интереса Бразилии, руководство страны рассматривало двусторонние отношения с Россией как благоприятные для национальных стратегических интересов [7]. Тем не менее, именно при правительстве Болсонару российско-бразильские отношения сталкиваются с рядом вызовов из-за новых условий функционирования мировой экономики, что связано с пандемией коронавируса, экономическим кризисом и антироссийскими санкциями со стороны западных стран. Во время эскалации конфликта на Украине бразильское правительство, несмотря на оказываемое давление, занимает нейтральную позицию, а Жаир Болсонару во время выступлений обходит стороной тему российско-украинского конфликта [8].

На первом этапе после прихода к власти Жаир Болсонару продолжает политику сокращения экспорта в Россию: в 2019 году упал доход от продажи в Россию соевых бобов (354 млн. долл. против 451 млн. в 2018), фактически отменяется продажа тракторов (всего 231 тыс. долл. за 2019 год), которая до этого была второй статьёй экспорта страны. При этом Болсонару взял курс наращивания продажи объемов мяса до 432 млн. долл. Данными действиями президент Бразилии оказывал поддержку представителям агробизнеса, в отношении которых предоставил ряд предвыборных обещания:

политика по открытию новых зарубежных рынков; обеспечение полевой безопасности; меры по улучшению транспортной и складской логистики; сокращение сроков выдачи экологических лицензий [9]. Социальные слои занятые в сельском хозяйстве оказали Болсонару большую электоральную поддержку во время выборов [10].

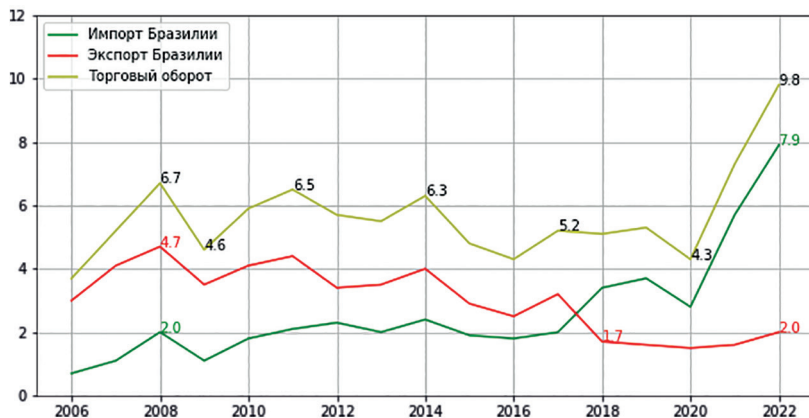

Рисунок 1. Динамика торговли РФ и Бразилии, млрд. долл. (2006–2022) [11, 12].

Коронакризис значительно повлиял на всю торговлю Бразилии в 2020 году, в том числе на экспорт. Бразильскому президенту пришлось изменить внешнеэкономический курс, чтобы сохранить стабильность страны. С одной стороны, увеличился экспорт товаров растениеводства (доля масличных культур выросла на 5% по сравнению с прошлым годом). Также стали заметны доли экспорта кофе и молотых орехов. С другой стороны, наблюдается незначительное падение поставок мяса (всего 304 млн. долл.), что всё ещё выше доболсонаровских показателей 2018 года. Можно отметить то, что бразильская экспортная политика была изменена, несмотря на факт сокращения денежного объема в целом (1,57 млрд. долл. против 1,74 млрд. в 2019 году).

Если говорить об импорте Бразилии, то здесь ситуация оказалась гораздо сложнее. В 2019 году из России было импортировано то-

варов общей стоимостью в 3,14 млрд. долл., а в 2020 году объем импорта сократился до 2,21 млрд. долл. Сократились продажи ввозимых удобрений и нефти. Фактически исчезла продажа российских кораблей Бразилии. Однако и здесь остались некоторые положительные аспекты, среди которых выделяются поставки угля. В 2019 году их поставили на сумму 122 млн. долл. (4% от общего импорта), а в 2020 году уже 184 млн. долл. (8,35%), обогнав ввозимую Россией нефть — 126 млн. долл. (5,71%). Не последнюю роль здесь сыграла возросшая цена на уголь: по сравнению с показателями на январь 2021 года в июле 2022 года рост составил 320%, а оценивая изменения цен с марта по июль 2022 года — на 27% [13]. Увеличение спроса на российский уголь показывает, что он прочно вошел в структуру бразильского импорта, и его поставки будут наращиваться и в последующие годы.

С 2021 года происходит рост бразильского экспорта. Он увеличивается сначала до 1,59 млрд., а в 2022 достигает 1,96 млрд. долл. При этом заметно некоторое сокращение продаж масличных культур (473 млн. долл.), мяса (321 млн. долл.). Несколько вырастают и продажи кофейных зерен (138 млн., в 2020—113 млн. долл.). В целом, пищевая продукция составила 72% от всего бразильского экспорта. Едва ли не впервые серьезной статьей торговли стали ядерные реакторы, которые выросли на 52% в сравнении с предыдущим годом до 140 млн. долл. Более тесное сотрудничество с Россией в сфере ядерной энергетики связано с решением бразильского правительства возобновить работу на ядерном реакторе Angra III [14]. В целом, мы видим, что Болсонару решил вернуться к политике своих внутривнутриполитических конкурентов по развитию торговых отношений с Россией. Однако уже на следующий 2022 год бразильский экспорт оказался менее разнообразен: выделились только товары пищевой промышленности (80% всего экспорта), особенно масличные культуры (их закупки Москвой увеличились более чем в два раза) и сахар (на 123% в сравнении с 2021 годом). Наблюдается сокращение доли вторичного сектора, что происходит в том числе из-за антироссийских санкций и обострения международной обстановки. Так, марте 2022 года бразильский авиапроизводитель Embraer заявил, что приостанавливает поставки в Россия запчастей для своих самолетов и обслуживание авиапарк российских компаний [15].

В 2021 году также происходит резкий взлет показателей бразильского импорта, которые выросли более чем в два раза на фоне ковидного 2020 года и достигли 5,58 млрд. долл. Этому способствовало восстановление торговли после кризиса, а также успешные сделки отдельных российских компаний по поставкам в Бразилию, где важнейшее значение получила компания «Еврохим», которая приобрела контрольный пакет акций бразильского дистрибьютора Fertilizantes Heringer S. A. [16].

Основная статья импорта — удобрения, выросла в доле до 71% от всего импорта к 2022 году. В 2022 году происходит скачок в объеме импорта из России, несмотря на новые вызовы. Так, объем импорта вырос в 38% по сравнению с результатами прошлого года. Это произошло, во-первых, из-за роста цен на ключевую статью импорта, а, во-вторых, из-за повышенного спроса на бразильские сельскохозяйственные товары (в особенности, сою) со стороны Китая [13]. Для бразильского импорта из РФ продолжают существовать препятствия, которые связаны с преодолением больших расстояний и осуществлением регулярных финансовых контактов: фрахтование и страхование судов, проведение межконтинентальных платежей и переводов. Таким образом, несмотря на общее недовольство со стороны России бразильской структурой импорта, диверсификация сталкивается со сложностями и не может быть преодолена на данном этапе.

В 2022 году бразильский экспорт окончательно вышел из зстоя, и достиг значения в 2 млрд. долл., что стало самым большим годовым значением за весь период президентства Жаира Болсонару. Анализируя торговлю по месяцам, можно отметить, что объемы торговли несколько сократились весной 2022 года (см. Рисунок 2). Однако уже к концу года месячные показатели экспорта достигли докризисных значений. Во-многом, росту бразильских товаров на фоне международных санкций способствовал визит президента Ж. Болсонару в Москву в феврале 2022 году с последующим подписанием соглашений в области экспорта сельскохозяйственных товаров [17]. Соглашение обеспечило рост более чем в два раза среди российских закупок сахара (287 млн. долл.) и масличных семян (983 млн.долл.). При этом важно отметить деградацию диверсификации экспорта Бразилии: масличные продукты стали занимать 50% от всего экспорта страны, еще по 15% составили мясная и сахарная продукции. Тем са-

мым ещё более укрепилось положение Бразилии при Болсонару в качестве поставщика сельскохозяйственных товаров.

В целом, мы видим, что за 2022 год объем торгового оборота почти достиг 10 млрд. долл., что стало рекордом для бразильско-российских отношений за всю историю. Этому способствовали цены на международном рынке и продолжение активной внешнеэкономической политики Бразилии. Характер восприятия Бразилией конфликта на Украине и отношений с Россией в первую очередь связано с её приоритетами в торговле, экономике и продовольственной безопасности [18]. Украинский конфликт не является прямой угрозой для Бразилии, так как военные столкновения происходят на другом континенте. В то же время Россия является главным поставщиком химических удобрений (моноаммонийфосфат, калий, карбамид и др.), которые составляют около 23% всего импорта удобрений в Бразилию, что делает РФ главным поставщиком [19]. Данная отрасль крайне важна для бразильского агропромышленного комплекса: во-первых, 59% бразильцев не обладают продовольственной безопасностью, во-вторых, в экспорте Бразилии крупнейшие категории связаны с сельским хозяйством (масличные культуры, чай, кофе, злаковые), что делает удобрения особенно важными для бразильской экономики.

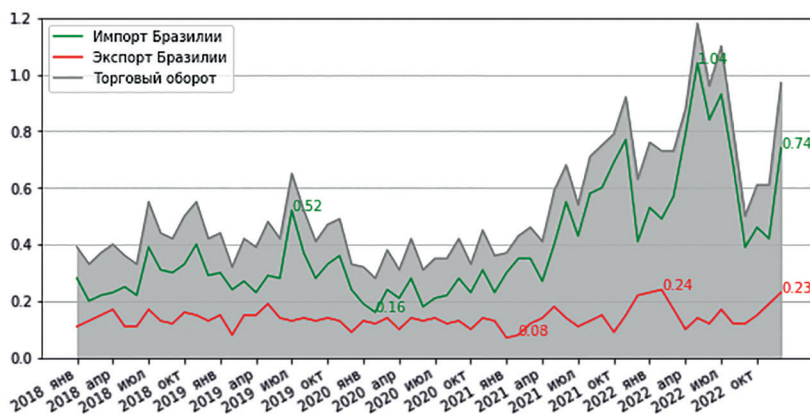

Рисунок 2. Динамика торговли РФ и Бразилии по месяцам, млрд. долл. (2018–2022) [11].

В большей степени торговый вектор Россия-Бразилия связан с группами товаров удобрения-сельское хозяйство, следовательно, для иллюстрации данных отношений подходит пространственная теория торговли. В данном случае РФ выступает производителем промежуточного товара (удобрение), а Бразилия производителем конечного товара (товары сельского хозяйства). Высокая степень специализации РФ, ограниченное количество конкурентов и высокий спрос сказываются на том, что даже в условиях существования множества барьеров (расстояние, политическая повестка), происходит рост товарооборота. Спрос на конечную бразильскую сельскохозяйственную продукцию связан с повышением спроса Китая, что, в свою очередь, повлияло на цены на мировом рынке в 2021–2022 годах, тем самым оказывая влияние на увеличение цен на самые значительные статьи бразильского импорта из России: удобрения и нефть.

Заключение

Подводя итог, структура бразильско-российской торговли глобально не изменилась к концу президентского срока Болсонару. Отношения стран стали более тесными, объемы торговли, как экспорта, так и импорта, увеличились, но в большей степени из-за роста цен на ключевые товары бразильского импорта: удобрения и нефть. Тем не менее наблюдается деградация структуры торговли. Период президентства Жаира Болсонару, который оказался насыщен кризисными ситуациями, только закрепил характер специализации стран: Россия — удобрения, Бразилия — сельское хозяйство. В краткой и среднесрочной перспективе торговые отношения стран сохраняют свою устойчивость, несмотря на внешние вызовы. Причина этого заключается в отсутствии восприятия РФ, как угрозы, и необходимость решать более важные национальные проблемы. Кроме того, Бразилия заинтересована в импорте удобрений для функционирования местного агробизнеса, что позволяет Москве пользоваться своим выгодным положением в двусторонних отношениях.

Библиография

1. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // *World politics*. 1998. Vol. 51. № 1. P. 152–153.
2. Rossi-Hansberg, E. A spatial theory of trade // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. № 5. P. 1466.
3. Олейнов А. Г. Теории международной торговли и внешнеторгового регулирования (Часть I) // *Мировое и национальное хозяйство*. 2020. № 2(51). С. 22.
4. Петров Г. Бразилия стала ведущим торговым партнёром России в Латинской Америке / Г. Петров // *Родина*. 2013. № 10. С. 91.
5. Brazil's trade statistics. // ОЕС. URL: <https://oec.world/en/profile/country/bra> — 20.05.2023.
6. O caminho da prosperidade. // *Proposta de Plano de Governo*. 2018. URL: https://divulgacandcontas.tse.jus.br/candidaturas/oficial/2018/BR/BR/2022802018/280000614517/proposta_1534284632231.pdf — 20.05.2023.
7. Iann M. Relações comerciais entre o Brasil e a Rússia: um estudo a partir dos acordos bilaterais.: Bacharelado em administração. João Pessoa, 2021. С. 27.
8. Яковлев, П. П. Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома. // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 3, С. 235–236.
9. Saiba mais sobre as propostas de Jair Bolsonaro e Fernando Haddad para a agropecuária. // *G1*. 26.10.2018. URL: <https://g1.globo.com/politica/eleicoes/2018/noticia/2018/10/26/saiba-mais-sobre-as-propostas-de-jair-bolsonaro-e-fernando-haddad-para-a-agropecuaria.ghtml>— 20.05.2023.
10. Jair Bolsonaro's Southern Strategy // *The New Yorker*. 01.04.2019. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/04/01/jair-bolsonaros-southern-strategy> — 20.05.2023.
11. Estatísticas de Comércio Exterior em Dados Abertos // *Ministério da Economia do Brasil*. URL: <https://www.gov.br/produtividade-e-comercio-exterior/pt-br/assuntos/comercio-exterior/estatisticas/base-de-dados-bruta> — 20.05.2023.
12. Статистика внешней торговли России. // *Федеральная таможенная служба России*. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-braziliey-v-2021-g/> — 20.05.2023.
13. Корольков А. Торговля РФ с Бразилией: чем хуже, тем лучше. // РСМД. 3.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-rf-s-braziliey-chem-khuzhe-tem-luchshe/> (дата обращения: 20.05.2023).
14. Brazil's Angra 3 nuclear reactor: a political undertaking, not a common good // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 16.02.2021. URL: <https://>

- thebulletin.org/2021/02/brazils-angra-3-nuclear-reactor-a-political-undertaking-not-a-common-good/ — 20.05.2023.
15. Embraer перестанет поставлять запчасти и обслуживать свои самолеты в России // ТАСС. 03.03.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13942885>—20.05.2023.
 16. Путь в Бразилию: зачем «Еврохим» расширяет присутствие в Латинской Америке // *Forbes*. 22.12.2021. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/450599-put-v-brazilii-zacem-evrohim-rassiraet-prisutstvie-v-latinskoj-amerike> — 20.05.2023.
 17. ‘Nobody Tells Him What to Do.’ Brazil’s President Bolsonaro Is Visiting Putin Despite U. S. Criticism // *Time*. 15.02.2022. URL: <https://time.com/6148311/bolsonaro-putin-visit-ukraine/> — 20.05.2023.
 18. Retorno do Brasil ao Mapa da Fome da ONU preocupa senadores e estudiosos Fonte: Agência Senado // *Agencia Senado*. 14.10.2022. URL: <https://www12.senado.leg.br/noticias/infomaterias/2022/10/retorno-do-brasil-ao-mapa-da-fome-da-onu-preocupa-senadores-e-estudiosos> — 20.05.2023.
 19. Guerra na Ucrânia: como é a relação comercial entre Brasil e Rússia. // *Exame*. 25.02.2022. URL: <https://exame.com/economia/guerra-na-ucrania-como-e-a-relacao-comercial-entre-brasil-e-russia/> — 20.05.2023.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК»

Балавина Ева Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Сравнение подходов России и Турции в достижении лидирующих позиций в странах Сахеля

Comparison of the Russian and Turkish approaches in achieving
leading positions in the Sahel countries

Аннотация. Россия и Турция считаются сравнительно новыми игроками на Африканском континенте, однако динамичность действий на данном внешнеполитическом направлении заставляет обратить внимание на будущее масштабное противостояние двух держав в борьбе за африканские рынки и, что немаловажно, за умы африканцев. Сахель является одним из самых нестабильных регионов мира, где вооруженные исламистские организации представляют большую опасность для национальной безопасности стран, попадающих в указанные географические рамки. Однако под флагом революции и мирового терроризма скрывается не до конца раскрытый потенциал, и в отношении Сахеля неоднократно используется выражение «тигр перед прыжком». Во-первых, это связано с неуклонным ростом населения, где Сахель превосходит другие регионы мира. Во-вторых, самые большие запасы кобальта, алмазов, урана и других ресурсов находятся именно в Африке к югу от Сахары. Относительно нетронутый в идеологическом

смысле Сахель становится уникальным инструментом в руках бизнеса и политических элит.

Ключевые слова: Сахель, российско-африканские отношения, турецко-африканские отношения, SWOT-анализ.

Abstract. Russia and Turkey are considered as relatively new actors on the African continent, however, the dynamism of actions in this direction makes us pay attention to the future large-scale confrontation between the two powers in the struggle for African markets and for the minds of Africans. The Sahel is one of the most unstable regions in the world, where terrorist organizations pose a danger to the national security of countries falling within specified geographic area. However, under the flagship of revolutions and world terrorism, there is not fully revealed potential, and the expression “tiger before the jump” is repeatedly used in relation to the Sahel. Firstly, this is due to the steady growth of the population, where the Sahel surpasses other regions of the world. Secondly, the largest reserves of cobalt, diamonds, uranium and other resources are located in sub-Saharan Africa. Relatively untouched in the ideological sense, the Sahel is becoming a unique tool in the hands of business and political elites.

Keywords: Sahel, Russian-African relations, Turkish-African relations, SWOT analysis.

Введение

Завершение в 2022 г. французской контртеррористической операции «Бархан» не только поставило под вопрос о состоятельности предпринимаемых Пятой республикой действий в Сахеле, но и подчеркнуло желание стран Африки к югу от Сахары развиваться в ином направлении. Действительно, военно-политическая ситуация в Сахеле стала неконтролируемой для Парижа, что снижает шансы Пятой республики восстановить былое величие в регионе, но в то же время открывает большие возможности для других акторов. Основной запрос Сахеля — это помощь в урегулировании кризиса в области безопасности, а также установление равноправных двусторонних отношений уже вне неокOLONиалистских принципов, которые продолжает использовать Франция. Россия

и Турция в свете последних событий считаются одними из привлекательных партнеров, способных занять лидирующие позиции и гарантировать стабильность в регионе.

Цель данного исследования — определить, чей подход в области усиления влияния в странах Сахеля является более выигрышным на текущем этапе. Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Дать общую характеристику российско-африканских и турецко-африканских отношений для выявления основных мотивов и тенденций действий двух держав в рамках заданного внешнеполитического направления.
2. Выявить основные сильные и слабые стороны двух держав, а также возможности и угрозы, с которыми сталкиваются Россия и Турция в решении задачи по достижению лидирующих позиций в регионе.

Методологическая база исследования представляется в виде одного из подходов в комплексном анализе — SWOT-анализа. Данный метод позволяет выявить влияющие на конкретный кейс факторы (strengths — сильные стороны; weaknesses — слабые стороны; opportunities — возможности; threats — угрозы), с помощью которых представляется возможным определить перспективы развития ситуации. В работе предлагается рассмотреть два кейса с применением SWOT-анализа: «Россия в Сахеле» и «Турция в Сахеле». Метод позволяет комплексно выделить не только общие контуры российских и турецких позиций в регионе, но и пути развития стран Сахеля с учетом достижения лидирующих позиций России или Турции.

Российский взгляд на сахельское направление внешней политики

Для понимания идеологической направленности российско-африканских отношений стоит начать с исторической части. В 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла инициированную СССР и США Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, которая напрямую затронула положение и статус африканских колоний. Борьба за континент стала

частью Холодной войны между блоками, где Советский Союз воспользовался возможностью реализовать риторику борьбы с западом и империализмом, предлагая взамен идеи марксистско-ленинского толка. СССР активно поддержал освободительные движения, сформировавшиеся задолго до их прихода к власти в молодых независимых африканских государствах, а там, где процесс деколонизации развивался особенно проблемно ввиду нежелания метрополий терять свои владения, держава расширяла зону влияния [16].

Постепенные приходы к власти в африканских странах ориентированных на запад лидеров и распад Советского Союза практически полностью перечеркнули существовавшую систему взаимоотношений между державой и Черным континентом. Однако главное, что осталось из опыта советско-африканских отношений — это понимание политических структур и тенденций развития стран континента и благосклонность нынешних государств по причине огромного вклада СССР в процесс деколонизации [8, с. 170].

Россия в Сахеле — сильные стороны

Особая активизация российско-африканских отношений произошла в конце 2014 г. в связи с Украинским кризисом, введением западных санкций по причине вхождения Крыма в состав РФ и началом военной операции в Сирии [12, р. 7]. Возвращение России в Африку стало большой неожиданностью для мировой общественности, а позиционирование в качестве преемницы СССР осуществило трансформацию оставшейся идеологической дружбы в инструмент масштабного геэкономического и геополитического влияния [13]. Действительно, старый **антиимпериалистический дискурс в новом обличье** с учетом естественного для современной российской политики выхода за рамки неолиберальных западных доктрин сформировал сопричастность и позитивное мнение у стран Африканского континента [1, с. 23–24], что впоследствии выразилось в серии военных переворотов в странах Сахельской группы пяти.

Важнейшим событием в современных российско-африканских отношениях стал саммит Россия-Африка 23–24 октября 2019 г.

Одной из основных повесток дня на мероприятии стала военно-политическая ситуация в Сахеле, чему президент В. Путин уделил особое внимание во вступительной речи. Главы государств Сахельской группы пяти также высказались на эту тему, подчеркивая, что рассматривают Россию в качестве экспортера безопасности в регионе [4]. Особое внимание на установление сотрудничества с Россией связано с **удачным опытом проведения военной операции в Сирии**. Российские силы успешно противостояли противникам в лице различных группировок, представлявших собой нестабильные образования. Наличие корреляции и сходства между военно-политическими ситуациями в Сирии и в Сахеле становится опорой для формирования определенного запроса со стороны сахельских партнеров — посредничество в урегулировании конфликтов и помощь в содействии в борьбе с терроризмом по сирийской модели [5, с. 8].

Со всеми странами Сахельской группы пяти Москва подписала **соглашения о военно-техническом и оборонном сотрудничестве**, предусматривающие поставки оружия и подготовку военных кадров с участием российских военных советников. Согласно оценкам, общая стоимость поставок тяжелого вооружения группе стран за 2017–2018 гг. превысила 80 млн. долларов [2]. Здесь же необходимо упомянуть **успешную деятельность российских частных военных компаний** (ЧВК), которые предоставляли помощь сахельским партнерам в борьбе с джихадистами, используя асимметричную тактику, направленную на ослабление противников в ходе боевых действий [15, р. 7]. Определенные успехи наблюдались и в области информационного обеспечения: благодаря ЧВК удалось начать сотрудничество с 622 новостными сайтами стран Сахеля, которые ретранслируют статьи из Russia Today и радио Sputnik с российским взглядом на актуальные события в Африке к югу от Сахары [15, р. 8].

Россия в Сахеле — слабые стороны

В первую очередь необходимо отметить, что у России **отсутствует четкая стратегия действий в регионе**. Лишь в Концепции внешней политики РФ 2023 г. уделено особое вни-

мание укреплению и углублению российско-африканского сотрудничества: в 57 пункте документа указывается, что Африка является приоритетным внешнеполитическим направлением, где Россия готова должным образом поддерживать суверенитет заинтересованных государств континента, в том числе посредством оказания содействия в сфере безопасности [10]. В предыдущей Концепции внешней политики РФ 2016 г. в российско-африканских отношениях было предложено лишь развивать диверсификацию сотрудничества. Таким образом, Россия подтверждает свое непосредственное участие в урегулировании конфликтов в Сахеле, но в то же время в данном контексте остается нормативно-правовой и стратегический «вакуум».

Экономическое партнерство с африканскими странами также пребывает в неоднозначном положении. Несмотря на то, что Африка является «целевым рынком» для России в силу высокого уровня лояльности и наличия конкурентных преимуществ в таких областях как оборонно-промышленное производство и научно-технические инновации [1, с. 9–10], сохраняется **непонимание ключевого экономического запроса**. Приоритетными сферами для России в инвестиционном сотрудничестве со странами Африки к югу от Сахары являются здравоохранение, энергетика и продовольствие, тогда как для партнеров определяющими отраслями выступают инфраструктура, транспорт и цифровые технологии [5, с. 12].

Россия в Сахеле — возможности

Учитывая слабые стороны, российской стороной была выбрана стратегия «безопасность в обмен на экономические выгоды» [12, с. 9]: если рассуждать глобально, то в современных условиях страна-экспортер безопасности не обязана отвечать за социально-экономическое развитие своих партнеров [5, с. 8], но имеет право получить **выгоду из взаимодействия в области безопасности через получение уникальных предложений**. Речь идет о геологоразведочных работах при поддержке российских ЧВК, где особенно выделяется партнерство с Мали по причине большого запаса ресурсов (уран, кобальт, золото, магний, а также

нефть на севере страны, которую удалось обнаружить алжирским исследователям). Последний визит министра иностранных дел РФ С. Лаврова в Бамако подтвердил намерения российской стороны: одними из обсуждаемых вопросов являлись освоение запасов минерального сырья, геологоразведка и энергетика. Мали интересна России как потенциальный энергетический коридор, через который будут проходить газо- и нефтепроводы, а Москве нужно присутствовать на этом возможном перекрестке будущих глобальных энергопотоков [3].

Предметом широкого обсуждения становится и *потенциальное российско-китайское сотрудничество в Сахеле*. В Совместном заявлении РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху уделено особое внимание усилению кооперации между державами в решении ключевых проблем континента [6]. По причине завершения операции «Бархан», наличия стратегических интересов и нормативной базы сотрудничества Сахель может превратиться в большое пространство для взаимодействия по центральноафриканской модели, где ранее российские и китайские частные компании при политической поддержке правительств начали добычу алмазов.

Россия в Сахеле — угрозы

Французская сторона в свете завершения операции «Бархан» позволяет в адрес действий России в Сахеле резко негативные высказывания. Согласно Стратегическому обзору по вопросам обороны и национальной безопасности Франции 2022 г., российские ЧВК совершают действия, не только противоречащие интересам Пятой республики, но и приводящие к ухудшению ситуации в области безопасности, к хищениям ресурсов и к злоупотреблениям [14, р. 15]. Э. Макрон в рамках общей политической повестки призывает не допускать усиление влияния России в Сахеле и объединить усилия для достижения этой цели. Таким образом, *международное противодействие* может стать серьезной угрозой для российских позиций в регионе.

Турецкий взгляд на сахельское направление внешней политики

Основной турецкий идеологический посыл заключается в принципах «неоосманизма» — в восстановлении своего политического влияния или даже доминирования на территориях бывшей Османской империи. Для мусульманской Африки используется тезис о возвращении ислама на политическую сцену, как это было во времена существования Порты, являвшейся, согласно официальной риторике, форпостом антиколониализма и защитницей африканских земель от посягательств европейцев [8, с. 22–24]. В случае с Сахелем наблюдается новаторский курс с целью объединения исламского мира и подверженных исламскому влиянию стран и народов под эгидой Турции. Анкара реализовывает свои интересы в Африке и как член НАТО, и как глобальный игрок, удачно воспользовавшись международными противоречиями: подчеркнутая поддержка антиколониализма и дополнительное одобрение со стороны Брюсселя [8, с. 25].

Турция в Сахеле — сильные стороны

Турция претендует на роль «проводника» интересов африканских стран на мировой арене, поэтому активно расширяет *нормативно-правовое и кооперационное сотрудничество*. Анкара получила статусы стратегического партнера Африканского Союза (АС) и наблюдателя в большинстве субрегиональных организациях, например, в ЭКОВАС. Благодаря тесной связи со структурами у Турции имеется ряд документов, оформляющие стратегию страны в Сахеле в определенную концепцию.

Основная сильная сторона Анкары — это *вовлеченность в дела исламского мира и применение мягкой силы*. В 2010-х гг. в Бамако была построена мечеть для Высшего исламского совета Мали, в Нигере были восстановлены Большая мечеть в городе Агадес и дворец султана Аира, а также были реализованы инициативы по массовому строительству больниц в сельской местности. Активно привлекая во взаимодействие религиозные общины,

Турция пользуется коммерческими возможностями и предлагает амбициозные проекты по улучшению инфраструктуры и транспортного сообщения [11]. Турецкая поддержка исламской идентичности позитивно рассматривается странами Сахеля.

Турция в Сахеле — слабые стороны

Однако отмечается, что поддержка ислама является лишь прикрытием для Турции в вопросе доступа к добыче ресурсов, что действительно является проблемной для державы сферой. Существует достаточное количество разведывательных отчетов, согласно которым Турция оказывает *поддержку террористическим группировкам*. В 2020 г. по некоторым сообщениям 229 высокопоставленных лидеров джихадистов были дислоцированы турецкими дипломатическими работниками из Нигера в Ливию с целью осуществления передислокации сил с последующим расширением зоны влияния террористов. В том же году, согласно данным разведки, Анкара направила 900 боевиков для присоединения к базирующемуся на севере Мали Исламскому Государству в Большой Сахаре¹ [11]. Таким образом, использование исламского дискурса способно негативно повлиять на образ Турции в Сахеле.

В целом Анкара не демонстрирует потребность в сотрудничестве с другими влиятельными в Африке к югу от Сахары акторами, как это наблюдается в случае с Россией и Китаем. Вместо этого Турция выбирает *путь конфронтации*, и особенное соперничество наблюдается с ОАЭ — с таким же новым игроком в Сахеле, использующим исламский дискурс. Ввиду низкого инвестиционного потенциала и внутривосточных проблем, из-за которых не представляется возможным реализовывать некоторые проекты, противостоянием Турция создает больше проблем для дальнейшего усиления влияния в Сахеле.

Турция в Сахеле — возможности

В 2020 г. Анкара заявила о *создании системы союзов с государствами, граничащими с Ливией*. В первую очередь оборонный пакт

¹ Организация, запрещенная в РФ.

о прямой оперативной поддержке был подписан с Нигером, следующими должны стать Алжир и Чад. Для Турции подобная система союзов выгодна с точки зрения влияния на военно-политическую ситуацию в Ливии и во всей Северной Африке, что должно позитивно повлиять на скорейшее получение экономических преференций [9].

Помимо этого, возвращаясь к теме принадлежности к НАТО, гипотетически для Франции наиболее **приемлемым приемником может стать именно Турция**. Последние официальные заявления Э. Макрона не содержат антитурецких высказываний, как, например, в случае с Россией, что открывает возможности для сотрудничества. Турция имеет шанс на установление кооперации с Францией по причине принадлежности к Североатлантическому альянсу с учетом предоставления выгодных условий для подобной политической сделки. В таком случае Турция может получить роль посредника в урегулировании конфликтов ввиду наличия особых связей с исламским миром.

Турция в Сахеле — угрозы

Основным препятствием в развитии турецко-сахельского торгового сотрудничества стало **признание Анкарой общественного движения «Хизмет» террористической организацией** после попытки последователей Ф. Гюлена совершить государственный переворот в 2016 г. Многие турецкие предприниматели и религиозные центры, основная деятельность которых разворачивалась в странах Сахеля, имели непосредственное отношение к гюенистам, и разоблачительная кампания в СМИ ставила цель дискредитировать «Хизмет», представив его как вредительское движение, не способствовавшее улучшению образа Турции на континенте. После такого поворотного события в политической жизни произошел тактический сдвиг в турецкой внешней политике в Сахеле: многие предприятия и проекты были либо закрыты, либо переданы под государственный контроль [8, с. 26–27], что на фоне общих внутренних экономических сложностей может навредить сотрудничеству в торговой сфере.

Другой аспект касается деятельности Турции в рамках НАТО. США наиболее активно стараются держать под контролем деятельность АС, убеждая африканских лидеров в повышении роли континента в глобальной американской стратегии и привлекая Турцию к формированию триумвирата США-Турция-Африка [7, с. 9–10]. ***Американские партнеры Анкары могут вмешаться в деятельность державы в Сахеле и наложить некоторые ограничения,*** так как Турция действительно выступает в роли «проводника» интересов Североатлантического альянса в регионе.

Выводы

Ослабление позиций Франции в Сахеле действительно расширяет пространство для маневра России и Турции. Турецкая стратегия отличается особой неоднозначностью ввиду использования исламского дискурса по обе противоборствующие стороны — среди стран Сахеля как элемент мягкой силы и среди группировок. Столь «непрозрачный» механизм взаимодействия и внутривосточные проблемы создают препятствия для появления полноценной зоны влияния Анкары. В случае с Россией появляется возможность в виде освоения новых «рынков безопасности»: завершение операции «Бархан» поставило под вопрос дееспособность и целесообразность французской стратегии, а российская сторона, в свою очередь, предлагает странам Сахеля выгодное сотрудничество. Успехи в ЦАР, Мали и Буркина-Фасо могут заинтересовать потенциальных партнеров в лице Нигера, Чада и многих других стран, выходящих за рамки региона. Учитывая опыт саммита Россия-Африка в 2019 г., можно предположить, что на саммите Россия-Африка 2023 г. в качестве одной из повесток дня будет военно-политическая ситуация в Сахеле, что представляет особенный интерес в условиях противостояния державы с недружественными ей странами. С большей долей вероятности на грядущем саммите будет предоставлена более точная российская стратегия в Сахеле, учитывающая пространство для маневра в регионе. В целом внешняя политика России в Сахеле находится более в выигрышном положении, что доказал проведенный SWOT-анализ.

Список источников и литературы

1. *Балытников В. В., Барабанов О. Н., Емельянов А. Л., Полетаев Д. В., Сидоренко И. О., Цайзер Н. Г.* Возвращение России в Африку: стратегия и перспективы. М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2019. 39 с.
2. *Корендясов Е. Н.* Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? [Электронный ресурс] // Институт Африки РАН. 22.01.2020. Режим доступа: <https://www.inafran.ru/node/2141> (дата обращения: 06.04.2023).
3. *Лакстыгал И.* Сергей Лавров впервые посетил Мали [Электронный ресурс] // Ведомости. 08.02.2023. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/08/962088-sergei-lavrov-vprervie-posetil-mali> (дата обращения: 06.04.2023).
4. *Лидер Чада назвал РФ ключевым партнером в борьбе с терроризмом и сохранении стабильности* [Электронный ресурс] // ТАСС. 24.10.2019. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7039328?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 06.04.2023).
5. *Лошкарёв И. Д., Чкония Л. Е., Никольская М. В.* Политика и безопасность в Африке: вызовы и возможности для России. М.: Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2022. 15 с.
6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России. 21.03.2023. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 06.04.2023).
7. *Ступаков Н. В.* Развитие российской доктрины международной и евразийской безопасности в контексте усиления векторов турецкого и американского влияния на ближневосточном и африканском направлениях // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 6–16.
8. *Троянский М. Г., Карпович О. Г., Сидорова Г. М., Шангараев Р. Н.* Африка: региональные проблемы безопасности. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2022. 267 с.
9. Турция создаст военную коалицию в Африке [Электронный ресурс] // Рамблер Новости. 26.07.2020. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/africa/44568472-turtsiya-sozdaet-voennuyu-koalitsiyu-v-afrike/> (дата обращения: 06.04.2023).
10. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. 31.03.2023.

- Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 06.04.2023).
11. *Armstrong H.* Turkey in the Sahel [Электронный ресурс] // International Crisis Group. 27.07.2021. Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/africa/sahel/turkey-sahel> (дата обращения: 06.04.2023).
 12. *Kalika A.* Le «grand retour» de la Russie en Afrique? Paris: Institut français des relations internationales, 2019. 30 p.
 13. *Panara M.* Arnaud Dubien: «La Russie s'intéresse également à la nouvelle Afrique» [Электронный ресурс] // Le Point. 25.10.2017. Режим доступа: https://www.lepoint.fr/economie/arnaud-dubien-la-russie-s-interesse-egalement-a-la-nouvelle-afrique-25-10-2017-2167405_28.php (дата обращения: 06.04.2023).
 14. *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale.* Paris: Direction générale des relations internationales et de la stratégie, 2022. 60 p.
 15. *Ronzon J.-B.* Russie — Afrique: une relation ancienne mise en lumière par l'intervention du Groupe Wagner au Mali. Paris: Fondation Jean-Jaurès, 2022. 14 p.
 16. *de Gliniasty J.* La Russie et l'Afrique: la stratégie du jeu de go [Электронный ресурс] // Institut des relations internationales et stratégiques. 08.08.2022. Режим доступа: <https://www.iris-france.org/169177-la-russie-et-lafrique-la-strategie-du-jeu-de-go/> (дата обращения: 06.04.2023).

Грачева Алиса Максимовна

Московский государственный институт международных отношений,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Паппинен Иван Евгеньевич

Московский государственный институт международных отношений,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Ядерная программа Ирана в контексте российско-иранских отношений

Iran's nuclear program in the context of Russian-Iranian relations

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить какое место ядерная программа занимает в отношениях России и Ирана. Для достижения поставленной цели авторы проанализировали характер ядерной программы Ирана, обозначили международное положение Ирана и определили позицию России по ядерной программе, а также проанализировали интересы России в отношениях с ИРИ. Изучив данные аспекты, авторы делают выводы о том, какое место ИЯП занимает в российско-иранских отношениях. Авторы приходят к выводу о том, что ИЯП для России отходит на второй план, однако красной линией по-прежнему остается создание Ираном ядерного оружия.

Ключевые слова: Иран, Россия, США, нераспространение, безопасность, региональное влияние, военное измерение.

Abstract. This article attempts to determine the place of the nuclear program in Russian-Iranian relations. To achieve this goal, the authors have analyzed the nature of Iran's nuclear program, outlined Iran's international position and defined Russia's position on the nuclear program, and analyzed Russia's interests in relations with Iran. Having studied these aspects, the authors draw conclusions about the place of the INP in Russian-Iranian relations. The authors conclude that the nuclear-weapon-free zone for Russia is receding into the background, but Iran's development of nuclear weapons remains a red line.

Keywords: Iran, Russia, United States, nonproliferation, security, regional influence, military dimension.

Введение

На протяжении последних двух десятилетий вопрос об иранской ядерной программе остается спорным, но значимым фактором в региональных и глобальных международных отношениях. Деятельность в ядерной области является важным аспектом внутренней политики в Иране, в то же время она в значительной степени определяет положение и имидж страны на международной арене. С одной стороны, Иран как подписант Договора о нераспространении ядерного оружия отстаивает своё право на развитие мирного атома. С другой — подозрения о военном характере ядерной деятельности ИРИ стали основанием для сильного политического и экономического давления на Иран со стороны многих стран, в первую очередь США.

Цель настоящего исследования — выявить, как наличие у Ирана ядерной программы влияет на развитие отношений Ирана и России. Для ответа на поставленный вопрос требуется решить следующие задачи:

1. проанализировать концептуальные основы внешней политики России в отношении Ирана;
2. рассмотреть риторику и действия России в связи с ИЯП;
3. определить характер и степень угроз, рисков и возможностей, вытекающих для России и для Ирана из потенциальной разработки Ираном ЯО;
4. сравнить значимость иранского ядерного досье с другими факторами и соображениями, принимаемыми во внимание в российско-иранских отношениях.

Основная часть

В случае, если ядерная программа Ирана имеет военное измерение, это ставит под угрозу один из столпов международной безопасности — режим нераспространения. Вследствие этого ИЯП зани-

мает стабильно высокое место в «рейтинге» наиболее обсуждаемых вопросов мировой политики и составляет стержень т.н. современного иранского кризиса. Проблема ИЯП, начинавшаяся с воинствующих заявлений Израиля о вероятном наличии военного компонента в ней, вначале вовлекла в свою орбиту Соединенные Штаты. Ядерная деятельность Ирана — наряду с вменяемой ему в вину поддержкой терроризма, ракетной программой и даже таким внутрисударственным вопросом, как нарушение прав человека — стала еще одним пунктом в перечне «грехов», под предлогом которых США наложили на Иран жесткие санкции. Далее, под влиянием нескольких разоблачений ИЯП институционализировалась (иранское ядерное досье было передано в СБ ООН) и приобрела международный масштаб.

На сегодня вопрос о военном измерении ИЯП на официальном уровне все еще остается открытым, так как иранское руководство последовательно отрицает военный характер программы и утверждает, что страна преследует исключительно мирные намерения в своей деятельности в атомной области. Однако, на взгляд авторов, ядерная программа имеет военное измерение; говоря точнее, Иран вряд ли занимается непосредственным созданием атомной бомбы, но наработал потенциал для создания ее в короткий срок. Подозрения в наличии военной составляющей в ИЯП отнюдь не беспочвенны: комплекс уязвимости, потребность в средствах сдерживания для сохранения режима, символ сильного независимого государства и претензии на региональное лидерство — все эти факторы и соображения могут служить мотивацией Ирана для того, чтобы создать и поддерживать потенциал, позволяющий в короткие сроки создать ядерное оружие.

Кризис вокруг иранского ядерного досье, с одной стороны, не является корнем противоречий между Тегераном и Западом — представляется, что геополитическая подоплека кризиса состоит в возвышении сильного Ирана с претензиями на региональное лидерство, что вступает в противоречие со стремлением США сохранять контроль над этим стратегически важным регионом. В то же время сама ядерная программа уже превратилась из фактора региональной политики в международную проблему, о чем свидетельствует вовлечение в попытки кризисного регулирования большого числа участников, передача дела в СБ ООН.

Перспективы разрешения иранского ядерного кризиса на сегодня не просматриваются, так как существующие международные механизмы кризисного регулирования («шестерка») неэффективны [5], Запад не демонстрирует готовность идти навстречу Ирану, а для последнего ядерная программа остается краеугольным камнем внутренней и внешней политики. Несмотря на стратегическую политику США по сокращению своего присутствия в ближневосточном регионе, Белый Дом продолжает жесткий курс давления на Иран, оправдывая это политикой «сдерживания» страны-якобы спонсора международного терроризма и источника региональной нестабильности.

США демонстрируют подчеркнутую неготовность идти на диалог с Ираном — напротив, после выхода из СВПД в 2018 г. США стали применять политику увязок в отношении ядерной программы. Так называемые «ультиматум Помпео» — новые переговорные условия, выдвинутые Соединенными Штатами Ирану — принципиально отличаются от ранее занимаемой Соединенными Штатами позиции, так как они впервые увязали ИЯП с другими вопросами безопасности в регионе. Помимо жестких ограничений в области развития атома (прекращение работ по обогащению урана и переработке плутония, неограниченный доступ экспертов МАГАТЭ в места ядерных разработок), они требуют от Ирана вывести все военные контингенты из Сирии, прекратить поддержку вооруженных формирований на Ближнем Востоке (Хамас, Хезболла, организация «Палестинский исламский джихад», Бригады мучеников Аль-Аксы и др.) и т.д. С одной стороны, такие требования носят заведомо неприемлемый и невыполнимый для суверенного государства характер и свидетельствуют о нежелании США восстанавливать СВПД. С другой — указывают на то, что на самом деле главным камнем преткновения в американо-иранских отношениях является не ИЯП, а более глубокие и существенные противоречия.

В этих условиях Россия, хотя и не является конечной инстанцией, ответственной за разрешение кризиса, — последнее слово остается за США, — но способна предложить Ирану широкие возможности партнёрства, которые не только позволят смягчить последствия санкций против Ирана, но и будут способствовать

уравновешиванию соотношения сил на мировой арене. Россия стала одним из государств, на которые Иран, оказавшись в относительной международной изоляции, сделал ставку как на своих внешнеполитических партнеров, причём кооперация в области ядерных технологий и инфраструктуры была одним из краеугольных камней сближения.

Что касается России, то ее заинтересованность в расширении отношений с Ираном резко возросла после 2014 г., проложившего раскол между РФ и Западом. Это привело к расколу в «шестерке» посредников, занимавшейся урегулированием международного кризиса вокруг ИЯП. Члены «шестерки» начали применять жесткие экономические санкции друг против друга, свернули почти все направления сотрудничества, вступили в небывалое за последние десятилетия военно-политическое противостояние, стали проводить угрожающие военные демонстрации друг против друга. Запад начал воспринимать Россию даже как более серьезную угрозу, чем Иран с его ядерной программой [4]. Таким образом, Иран и Россия, оказавшись в «чёрном списке» Запада, нашли объективную мотивацию для взаимовыгодного сближения. Что касается ядерной программы, то Россия вряд ли будет форсировать разрешение этой проблемы: частичная международная изоляция Ирана в нынешних условиях выгодна российскому руководству, так как подталкивает Исламскую Республику к более тесному взаимодействию с Россией.

Россия принимает деятельное участие в урегулировании иранского ядерного кризиса. Позиция России сводится к двум ключевым принципам разрешения проблемы: поэтапности и взаимности. В духе этих принципов выдержан и так называемый «план Лаврова», выдвинутый в 2011 г., который предполагает, что за каждым конкретным шагом Тегерана по выполнению требований МАГАТЭ будет следовать ослабление наложенных на него санкций. Руководство России безусловно признает право Ирана на развитие мирной атомной программы, однако подчеркивает, что ИРИ является участником Договора о нераспространении ядерного оружия, и нарушение установленного им режима может привести к непоправимым последствиям. В то же время Россия настаивает на том, что политика силы и жесткого давле-

ния на Иран бесперспективна и контрпродуктивна и что кризис должен быть разрешен исключительно за переговорным столом. Российские официальные лица признают, что за санкционным давлением на Иран наверняка стоит иная мотивация, нежели исключительно сдерживание военных ядерных разработок Ирана.

В целом, как отмечают эксперты, политика России на переговорах по иранской ядерной проблематике носит — точнее, до недавнего времени носила — «маневренный» характер. Она стремилась играть роль посредника или балансира между Ираном и Западом, и это была вполне прагматичная и во многом обоснованная линия [3].

Безусловно, в вопросе ядерной программы Ирана Россия имеет свои красные линии. Важнейшей из них является реальное создание Ираном ядерного оружия, что неизбежно привело бы к очень ощутимым последствиям для региона. Такой шаг иранского руководства означал бы решительное нарушение статуса-кво в регионе и — что еще хуже — вероятное пересечение точки невозврата в отношениях Ирана с США и Израилем. Если сегодняшнее международное положение Ирана можно охарактеризовать как неустойчивое равновесие, то в случае создания атомной бомбы оно было бы подорвано, и вероятность военного удара Запада по Ирану выросла бы очень значительно. Такой поворот событий был бы чреват началом американского присутствия на южных рубежах России, то есть существенно осложнил бы геополитическое положение нашей страны. Кроме того, вхождение Ирана в клуб ядерных держав нанесло бы сокрушительный удар по режиму нераспространения — одному из столпов современной международной архитектуры безопасности [9], и создало бы мотивацию для других стран региона (например, Саудовской Аравии) стремиться к созданию собственного ядерного потенциала. По этим причинам в российской официальной риторике рефреном проходит мысль о том, что Россия признает право Ирана исключительно на развитие мирного атома.

Россия видит в Иране перспективного партнера и стремится выстраивать долгосрочные отношения сотрудничества. По ядерной программе Россия твердо стоит на том, что «на карте мира не должна появиться ещё одна ядерная держава», а в вопросе урегулирования

кризиса исходит из принципов поэтапности и взаимности. В целом, внешнеполитический подход России в регионе Большого Ближнего Востока, в том числе в его отношениях с Ираном, характеризуется гибкостью, деидеологизированностью и прагматизмом. Российское руководство ориентируется на интенсивное взаимодействие с целевой страной/группой стран для решения конкретной проблемы на определенном отрезке времени и ориентация на вовлечение всех конфликтующих сторон без блокового разделения [8].

Несмотря на декларируемое стремление Москвы к разрешению международного кризиса вокруг иранской ядерной программы, в некоторой степени существующее положение ей выгодно. С экономической точки зрения, во-первых, ядерная программа сулит России грандиозные строительные проекты, первым из которых стала Бушерская АЭС. Учитывая, что в современных условиях участие западных стран в развитии иранской атомной инфраструктуры исключено, Россия является первоочередным партнером Ирана в этой отрасли. Во-вторых, если рассмотреть более широкий контекст, России выгодна частичная международная изоляция Ирана, которая ограничивает его присутствие на мировом нефтяном и газовом рынках. Это снижает конкуренцию и позволяет российскому бизнесу извлечь из этого выгоду [1].

С политической точки зрения, в первую очередь России выгодно жесткая линия Запада в отношении Ирана, так как она вынуждает иранское руководство в большей степени ориентироваться на Россию. Кроме того, России выгодно, чтобы ее южные рубежи были прикрыты от иностранного вмешательства «предъядерным» щитом Ирана. В условиях, когда Иран является ведущим региональным заслоном против влияния США, любое ослабление ИРИ и, соответственно, успехи Запада могут стать причиной более агрессивной линии поведения последнего в отношении Исламской Республики. Таким образом, «иранская ядерная карта» для России стратегически является одним из инструментов России в ее торге с Западом по региональным вопросам. Однако в нынешних условиях, когда на авансцену отношений России и Запад вышел силовой подход, «ядерная карта» Ирана едва ли способна сыграть даже незначительную роль в переговорном процессе по тематике Среднего Востока.

На сегодняшний день существуют объективные и очень веские основания для сближения Ирана и России. С позиции Ирана, Россия — это реальный противовес тем угрозам, которые исходят с Запада, от США и Израиля. Военно-техническое сотрудничество зарывает значительную часть потребностей Ирана в импорте вооружений; это касается главным образом систем противовоздушной обороны, а сейчас в российские поставки в Иран вошла также авиация. Более того, тесное взаимодействие двух ведущих в регионе военных держав существенно укрепляет позиции обеих, что особенно важно в современных реалиях, когда роль фактора силы в международных отношениях ощутимо возросла. С политической точки зрения, голос России в поддержку Ирана на мировой арене имеет большой вес для международного имиджа Исламской Республики Иран. Кроме того, что не менее важно, сотрудничество с Москвой в поддержании региональной безопасности, учитывая военно-политический и экономический потенциал двух стран, вполне результативно. Это касается урегулирования региональных конфликтов, в частности, Нагорно-Карабахского, борьбы с терроризмом (координация усилий в борьбе против ИГИЛ (организация запрещена в РФ)) и незаконным трафиком наркотических средств (совместная операция «Канал»). Россия и Иран успешно сотрудничают в астанинском формате по вопросу сирийского урегулирования — доказательством продуктивности такого взаимодействия служит восстановление членства Сирии в Лиге арабских государств в мае 2023 г. С точки зрения экономики, Иран рассчитывает на Россию прежде всего как на торгового партнера и источник прямых инвестиций, дефицит которых является сегодня острой проблемой для ИРИ.

В целом, самое главное для Ирана заключается в том, что Москва, будучи сильным и влиятельным международным игроком, не стремится — в отличие от Вашингтона — заставить Тегеран пересмотреть свой внешнеполитический курс и поддерживает существующий в Иране правящий режим.

С позиции России, Иран также представляется перспективным партнером. Развитие отношений с ним отвечает стратегии «Поворота на Восток», принятой на вооружение российской дипломатией и являющейся звеном в практической реализации

Россией многополярного видения мира [9]. Мотивация российского руководства здесь во многом перекликается с мотивами Тегерана. Развитие экономического, торгово-инвестиционного сотрудничества со странами Азии и Африки сулит уменьшение зависимости от экономического сотрудничества на европейском направлении, а также интенсификацию экономической интеграции на евразийском пространстве на базе многосторонних блоков: ШОС, ЕАЭС. Политическое сближение с лидерами на евразийском пространстве — Китаем и Индией, а также ведущими региональными игроками — Ираном, Турцией станет важнейшим шагом на пути превращения России в поистине глобальную державу, повысит ее авторитет по всей ее периферии: в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Восточной Азии. Обострение кризиса отношений России с Западом в 2022 г. Стало толчком к активизации переориентации Москвы на восточных партнеров, с которыми Москва рассчитывает не только получить политическую поддержку, но и расширить экономическое сотрудничество. Закономерно, например, что в 2022–2023 гг. наблюдается беспрецедентная активизация связей бизнес-кругов России и Ирана и существенное увеличение объема взаимной торговли.

Заключение

Подводя итог, отметим ряд ключевых моментов. Во-первых, Иран, скорее всего, балансирует на грани создания ядерного оружия. «Пороговый» ядерный статус является, во-первых, элементом обеспечения обороноспособности Ирана (сдерживание и баланс угрозы), во-вторых — инструментом внешней политики (для достижения статуса региональной державы), учитывая наличие постоянной угрозы военных действий и усиливающуюся нестабильность в регионе [5]. Во-вторых, позиция России по иранской ядерной программе находится — по крайней мере до недавнего времени находилась — в сильной зависимости от характера и динамики отношений России и Запада [4]. Следует принять во внимание использование российским руководством своего влияния на Иран как фактора на переговорах, с одной стороны, и ставка на развитие отношений с ним в условиях деградации отношений

с Западом, с другой. Сейчас, в ситуации практически полного разрыва с Западом, сотрудничество с ним по вопросу иранского ядерного досье отошло для Москвы на второй план, а непосредственное взаимодействие с Тегераном стало приоритетным. Другими словами, Россия постепенно отходит от конъюнктурного подхода к определению линии в отношении Ирана и переходит к сотрудничеству на прочной и постоянной основе.

И Иран, и Россию подталкивают к сближению веские аргументы, которые наличествуют у обеих сторон. Они сводятся к тому, что сотрудничество укрепляет внутренние, региональные и международные позиции двух государств, а также ограничивает свободу геополитического маневра США на пространстве Среднего Востока (а если принять во внимание растущее взаимодействие двух стран с Турцией и Саудовской Аравией — то в целом в регионе Большого Ближнего Востока). Отражением нового прогрессирующего качества российско-иранских отношений можно считать тот факт, что в последней редакции российской Концепции внешней политики от 2023 г. Иран первым назван в числе стран, с которыми Россия намерена выстраивать конструктивные отношения сотрудничества.

С учетом этих стратегически важных соображений, вопрос о ядерной программе Ирана отходит для России на второй план. Красной линией остается лишь реальное создание Ираном атомной бомбы, однако оснований для такого шага, по мнению авторов, у Ирана сейчас нет. Такой шаг означал бы, нарушив сложившийся статус-кво в международном положении Ирана, мог бы подтолкнуть оппонентов к пересмотру методов воздействия на Иран в сторону их ужесточения. А ввиду силового превосходства США, это обернулось бы тяжелыми — вплоть до военного вторжения — последствиями для Ирана. Авторы считают, что Ирану выгоднее поддерживать свой «пороговый» статус, обеспечивающий стране и безопасность, и рычаг регионального влияния.

Библиография

1. Арбатов А. Г. Ядерное соглашение с Ираном: феномен или прецедент? // Мировая экономика и международные отношения. 2016, том 60, № 3, сс. 5–15.

2. Маргоев А. Р. Ядерная программа Ирана: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2021, № 3.
3. Нури, Алиереза. Политика России по отношению к ядерной программе Ирана в XXI в.: геополитические аспекты / Санкт-Петербург, 2016. — 605: Россия и страны мира.
4. Рокнифард Ю. В. Внешнеполитический курс Исламской Республики Иран в контексте развития национальной ядерной программы: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.15 / [Место защиты: ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук], 2017.
5. Рябцев В. Н. Ядерная программа Ирана и Запад / В. Н. Рябцев. — Текст: электронный // Актуальные проблемы Европы. — 2012. — № 3. — С. 106–162. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadernaya-programma-irana-i-zapad> (дата обращения: 28.01.2023).
6. Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе. 2017. [URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2768104>].
7. Современные международные отношения, 1991–2020 гг.: Европа, Северо- Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка: учебник / под ред. Б. Ф. Мартынова, Ю. В. Боровского, О. В. Шишкиной. М.: Издательство АСТ, 2021.
8. Сучков М. А., Ходынская-Голенищева М. С. Сравнительный анализ российских стратегий сотрудничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика и геополитика. 2021, том 12, № 1. сс. 69–81.
9. Торкунов А., Стрельцов Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Russiancouncil.ru: сайт — 2023. — 10 апреля. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения: 25.01.2023)
10. Parsi T. Losing an Enemy: Obama, Iran, and the Triumph of Diplomacy / T. Parsi. — New Haven & London: Yale University Press, 2017.
11. Iran's nuclear policy: nature, ambition and strategy [Eneyo Violet B., etc.] // Journal of Liberty and International Affairs. 2022, vol. 8, № 2.

Машенин Андрей Владиславович

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

Перспективы развития сотрудничества России и исламских стран в рамках БРИКС

Cooperation prospects of Russia and Islamic countries
in terms of BRICS

Аннотация. В данной статье предпринята попытка оценить возможные перспективы сотрудничества в рамках БРИКС России и ряда исламских стран, которые заявили о своём желании присоединиться к данной структуре. Для осуществления поставленной цели автор использует концепции «альтернативного регионализма» и «глобального региона» в отношении БРИКС, оценивая гибкость этой структуры и её интеграционный потенциал. С помощью метода кейс-стади рассматриваются отдельно взаимоотношения Российской Федерации и отдельно взятой исламской страны, изъявившей желание присоединиться к БРИКС, оцениваются перспективы сотрудничества на данный момент, а также их возможное развитие в рамках БРИКС. Используя вышеперечисленное, автор делает выводы о том, в каких случаях сотрудничество в рамках БРИКС будет наиболее взаимовыгодным.

Ключевые слова: БРИКС, Россия, исламские страны, регионализм, поворот России на Восток, многополярность, расширение БРИКС

Abstract. The article attempts to assess the possible prospects for cooperation in terms of the BRICS between Russia and a number of Islamic countries that have expressed their desire to join this structure. To achieve this purpose, the author uses the concepts of «alternative regionalism» and «global region» in relation to BRICS, assessing the flexibility of this structure and its integration potential. Using the case study method, the relationship between the Russian Federation and a single Islamic country that has expressed a desire to join BRICS is considered separately, the prospects for cooperation at the moment are assessed, as well as their possible development within

the framework of the BRICS. Using the above-mentioned material, the author draws conclusions about the cases in which cooperation in terms of BRICS will be most mutually beneficial.

Keywords: BRICS, Russia, Islamic countries, regionalism, Russia's turn to the East, multipolarity, BRICS expansion.

Введение

В настоящее время приоритеты России в сотрудничестве, кооперации и партнёрстве с другими странами претерпели сильные изменения, причиной чему стала совокупность различных распределённых во времени факторов. С момента ухудшения отношений со странами Запада Россия стала более активно разрабатывать стратегии поэтапного переориентирования на Восток, что подтверждает приобретшая популярность внешнеполитическая концепция «разворота России на Восток». Важно отметить, что возрастающий интерес к восточному направлению не является внезапным явлением: Россия и страны Востока постепенно сближались в рамках ШОС, Российско-Арабского форума сотрудничества, немаловажной «реперной точкой» переориентации на Восток можно считать и участие Вооружённых сил Российской Федерации в военной операции в Сирии в 2015 г.

Ряд исследователей отмечает, что разворот на Восток является не выбором, а необходимостью в силу крайне резкого ухудшения отношений со странами Запада [1], в то же время всё чаще упоминается о появлении новых центров силы в претерпевающем изменения мировом порядке, и в контексте подобных изменений много внимания уделяется усилению роли такой структуры, как БРИКС. Связующим звеном между возрастающей ролью БРИКС, страной-участницей которой является Россия, и её интересами в отношении сотрудничества с странами Востока являются сделанные в январе 2023 года заявления исламских стран — Алжира, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна, Египта — о желании вступить в БРИКС [2]. На основании того, что именно эти шесть исламских стран официально подали заявки на вступление, в то время как ряд других стран только проявили инте-

рес, кандидатуры вышеперечисленных стран рассматриваются как «кейсы» данного исследования. Оценка перспектив такого потенциального формата сближения данных стран с Россией представляется крайне актуальным.

Теоретико-методологическая база исследования основывается на совокупности научных методов и теорий, в числе которых: составной кейс-стади, концепции «альтернативного регионализма» и «глобального региона». Для выявления особенностей и возможных перспектив сотрудничества с исламскими странами используется составной кейс-стади: последовательно анализируются устоявшиеся дипломатические отношения, потенциальные взаимные выгоды в разных сферах для России и отдельно взятой исламской страны. Для каждого такого «кейса» кратко рассматриваются факторы согласия других стран-участниц БРИКС, а также проводится анализ сдерживающих потенциальное сближение факторов. Концепция «альтернативного регионализма» Е. Б. Михайленко описывает БРИКС как внетерриториальную, динамичную, гибкую структуру [3, с. 71], что характеризует интеграционный потенциал БРИКС как крайне высокий. В то же время подход к рассмотрению БРИКС с помощью концепции «глобального региона» [3, с. 71], предложенный М. Л. Лагутиной, позволяет оценить перспективы сотрудничества в рамках вышеупомянутой структуры с точки функционального, трансграничного взаимодействия предполагаемых стран. Несмотря на активное внимание к возможному расширению БРИКС, форматам сотрудничества «БРИКС+» и БРИКС-«аутрич» достаточно мало исследований уделяют внимание непосредственно возможному сотрудничеству исламских стран и России в рамках БРИКС. Данная работа представляет собой попытку дать оценку перспективам такого возможного сотрудничества, в чём и заключается сама научная новизна работы.

Целью исследования является оценка перспектив возможного в рамках БРИКС сотрудничества ряда исламских стран, изъявивших своё желание присоединиться к данной структуре, и России, являющейся её членом.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) Определить важность переориентации России на Восток на уровне формирующихся внешнеполитических кон-

- цепций, а также её политических и экономических потребностей;
- 2) Отдельно рассмотреть позитивные и негативные факторы сотрудничества в рамках БРИКС России и отдельно взятых упомянутых исламских стран;
 - 3) Сделать предположения о механизмах для наиболее благоприятной интеграции новых стран в БРИКС.

Приоритеты России в области межгосударственного сотрудничества

Для более ясного понимания формирующихся контуров потенциального сотрудничества важно учитывать приоритеты России. Некоторые исследователи обозначают переориентацию российских приоритетов и отношения со странами Азии не как выбор, а как необходимость в современных условиях. Вместе с тем отмечается, что подобная необходимость, имея тактическое значение при постепенном смещении деловых центров в Азию, не должна полностью изменять наиболее важные ориентиры в национальной внешней и внешнеэкономической политике. Можно проследить ряд изменений в Концепции внешней политики от 31 марта 2023 г. В нынешней Концепции, например, в главе «Формирование справедливого и устойчивого мироустройства» в контексте наращивания сотрудничества, укрепления потенциала и повышения международной роли БРИКС упоминается дважды, в то время как в Концепции 2016 г. – один раз [4]. Помимо частоты упоминаний важно учесть и порядок упоминания: в то время как в предыдущей Концепции в рамках списка объединений, приоритетных для наращивания взаимодействия с партнёрами, на первом месте располагалась «Группа двадцати», после чего упоминались БРИКС, ШОС, РИК (Россия, Индия, Китай), в нынешней Концепции порядок изменился: «Группа двадцати» не упоминается вовсе, наибольшее внимание уделяется БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, РИК [5]. Подобные изменения могут свидетельствовать о возрастании интереса к БРИКС как к перспективной площадке для наращивания взаимодействия с партнёрами, можно также в целом отметить большую сосредото-

точность России на объединениях и межправительственных организациях регионального значения с отходом от более всеобъемлющего диалога с партнёрами, являющимися представителями западных стран.

С опорой на вышеупомянутую Концепцию внешней политики 2023 года можно также выделить другие общие приоритеты России в области межгосударственного сотрудничества. Так, внимание уделяется поощрению процессов региональной и межрегиональной экономической интеграции в рамках СНГ, Союзного Государства, ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Дополнительно в качестве цели интеграции ставится формирование Большого Евразийского партнёрства. В данном случае географическая диверсификация экономических связей осуществляется с переориентацией на государства, ведущие нейтральную или «конструктивную» политику по отношению к России, что, однако, не исключает открытости к «прагматическому сотрудничеству с деловыми кругами недружественных государств» [5]. Немаловажно упомянуть взгляды России на формирование мироустройства: акцент делается на «адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира». О сближении с Востоком свидетельствуют следующие обозначенные приоритетные направления: формирование на Ближнем Востоке и в Северной Африке всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности и сотрудничества на основе объединения потенциалов всех государств и межгосударственных объединений регионов, а также партнёрство со странами «дружественной исламской цивилизации» [5]. Последнее подразумевает нормализацию отношений внутри ОИС, так и между государствами-членами ОИС и их соседями.

Почему именно БРИКС?

Как уже было отмечено ранее, БРИКС привлекла достаточно внимания как обладающая неплохим потенциалом площадка для развития межгосударственного сотрудничества, при этом как таковую на данный момент её рассматривают как Россия, один из непосредственных членов БРИКС, так и исламские страны, рассматривающие возможность членства в данной структуре.

Одним из главенствующих принципов, разделяемых странами-участницами этого объединения, является идея многополярного, или полицентричного, мироустройства [6, с. 43]. Эта идея в том числе поддерживается и общим стремлением к реформированию устаревшей международной финансово-политической архитектуры. Предполагается, что БРИКС по мере реализации своего политического и экономического потенциала может действительно поспособствовать преобразованию нынешнего мироустройства.

На данный момент исследователями выделяется ряд преимуществ данной неформальной переговорной структуры. Так, например, отмечаются внушительные экономический и демографический потенциалы стран-участниц: на страны БРИКС приходится 41% населения мира, 46% мировой рабочей силы, 24% мирового ВВП и 16% мировой торговли [7, с. 281]. Высокий совокупный потенциал БРИКС в мировом ВВП, как и прочие упомянутые показатели, могут укрепить позиции экономик БРИКС в нынешнем глобальном экономическом ландшафте. Помимо этого, важно отметить, что экономики стран-участниц достаточно взаимодополняемы: Китай и Индия намеревались стать главными поставщиками промышленных товаров и услуг, а Бразилия и Россия — доминирующими поставщиками сырья в глобальной экономике. Экономическое сотрудничество пятёрки стран-членов получило и институциональное оформление с появлением в 2015 году Нового банка развития и Пула условных валютных резервов. НБР нацелен на финансирование инфраструктурных проектов стран БРИКС, Пул — на решение проблем с платёжным балансом. С момента запуска операционной деятельности Нового банка развития Советом банка было одобрено для финансирования более 75 проектов на общую сумму порядка 30 млрд. долл. США [8, с. 65].

Некоторые исследователи определяют БРИКС как «глобальный регион» в силу внетерриториальности объединения и функциональной природы интеграции. В рамках данной неформальной переговорной структуры проявляется отход от географического или территориального измерения взаимодействия к функциональному, что выражается в гибких, открытых формах сотрудничества, наличии трансрегиональных и межрегиональных инструментов и форматов взаимодействия. Помимо функциональных

особенностей, у стран-участниц на данный момент сложилось предпочтение относительно работы БРИКС в форме азиатского регионализма, характеризующегося негегемонистическим характером, «мягкими» и гибкими формами сотрудничества в рамках общей проблемной повестки дня [3, с. 72]. Рассмотрим более подробно имеющиеся в рамках БРИКС механизмы сотрудничества. Возникший в 2011 году формат БРИКС-«аутрич» подразумевает под собой взаимодействие между странами-участницами объединения и другими акторами, от правительств до бизнеса и гражданского общества, и нацелен на привлечение соседних по отношению к стране-председателю БРИКС государств [3, с. 68]. Уже в 2013 году ЮАР, будучи страной-председателем, реализовала данный формат, пригласив представителей африканских региональных организаций. Инициированный в 2017 г. китайской стороной более открытый формат «БРИКС+» позволил привлечь развивающиеся страны за пределами регионов БРИКС с акцентом на «диалог государств с формирующимися рынками и развивающихся стран по вопросам выполнения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и расширения партнерства в целях развития под девизом «Укрепление взаимовыгодного сотрудничества в целях общего развития». Впоследствии идея «БРИКС+» получила развитие и институциональное оформление.

Вместе с тем важно осознавать и сложности взаимодействия стран внутри БРИКС, а также те вызовы, которые стоят перед странами-членами данной организации. Одной из наиболее острых проблем является геополитическая конкуренция между странами БРИКС в ряде регионов, что порождает конфликты внутри группы. Одним из наиболее ярких примеров такого противостояния является конфликт интересов Индии и Китая, дестабилизирующий устойчивость объединения. В свою очередь, политические противоречия могут также сказаться и на принятии решений касательно присоединения новых государств: в то время как Китай и Россия стремятся добиться более быстрого прогресса в расширении БРИКС, Индия, Бразилия и ЮАР, опасаясь относительной утраты значимости, не проявляют поспешности, что можно объяснить в том числе нежеланием быть втянутыми в нарастающее противостояние глобального масштаба

США с Китаем и Россией. Политизация сотрудничества в рамках БРИКС дестабилизирует и формирование концепций, так, идея «БРИКС+» изменчива и подвижна постольку, поскольку, будучи в начальной стадии своего формирования, во многом зависит от председательства в тот или иной год определённой страны, которая и трактует данную идею [8, с. 66]. У «БРИКС+» отсутствует преемственность курса, несмотря на то что она отражает устойчивую тенденцию к консолидации Глобального Юга вокруг многостороннего формата БРИКС. Сам по себе региональный проект БРИКС не поддерживается такими основаниями для интеграции, как общность экономических, демографических и ценностных оснований, общая идентичность стран-членов, что придаёт искусственный характер межрегиональным связям стран-участниц.

Россия и исламские страны в рамках БРИКС

1. Арабская Республика Египет

Подтверждением качественного уровня партнёрских отношений может служить вступивший в январе 2021 году договор о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве от 17 октября 2018 года. Стоит также отметить активное экономическое и энергетическое сотрудничество, в котором с российской стороны заинтересованы крупные энергетические компании. Активное сотрудничество наблюдается и в других отраслях: Египет является крупнейшим потребителем российской пшеницы, в 2017 году по итогам переговоров были подписаны контракты на строительство в Египте атомной электростанции «Дабаа» и поставку ядерного топлива для данной АЭС [9].

Участие Каира в саммитах БРИКС в 2017 и 2022 гг. [9], а также официальное членство в НБР БРИКС показывают стремление Египта развивать сотрудничество в рамках данной структуры, вместе с тем даже с учётом участия в институтах БРИКС нельзя однозначно сказать, где национальные интересы Египта однозначно не пересекаются с желанием многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС. С учётом падения на данный момент национальной валюты — египетского фунта — и её обесцениванием, а также зависимости Египта от импорта, можно предполо-

жить, что государство, вероятно, воспринимает присоединение к БРИКС как способы поддержать экономику, остановить отток доллара и снизить давление на валютном рынке, что и объясняется в первую очередь присоединением к НБР. Важно отметить политическую нестабильность и в некоторой степени несамостоятельность Египта, являющиеся существенным препятствием на пути к членству.

2. *Алжирская Народная Демократическая Республика*

Дипломатические отношения России и Алжира активно развиваются, подписано 14 межправительственных соглашений, около 30 протоколов, меморандумов и программ сотрудничества, можно выделить также Декларацию о стратегическом партнерстве с Россией (2001 г.). В течение последних лет были заключены Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам, соглашения о предоставлении АНДР доступа к ГЛОНАСС и о сотрудничестве в области охраны интеллектуальной собственности [10]. С февраля 2019 г. действует Соглашение о безвизовых поездках для владельцев дипломатических и служебных паспортов.

Алжир — крупный экспортёр в сфере нефти и газа. Наиболее значимыми направлениями сотрудничества являются проекты в сфере энергетики, металлургической, железорудной и автомобильной промышленности. Российские компании заинтересованы в поставках машиностроительной продукции в Алжир, в том числе нефтегазовой и горнодобывающей промышленности, автомобильной, железнодорожной и специальной техники, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин. Для развития сотрудничества по линии бизнес-кругов функционирует Российско-Алжирский деловой совет [10]. Немаловажно отметить и партнёрство двух стран в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, примером может служить вышеупомянутое соглашение о доступе АНДР к ГЛОНАСС. В инфраструктуру Алжира инвестирует и другой член БРИКС — Китай, сотрудничая с АНДР в энергетическом и строительном секторах.

Алжир, вероятно, воспринимает БРИКС как отдельную структуру, дополняющую мировой рынок, что может расхо-диться с желанием стран БРИКС на концептуальном уровне при-

близиться к более полицентричному миру, в том числе при помощи наращивания независимой экономической силы. Алжир, между тем, будучи экспортёром углеводородов, нуждается в модернизации экономики и является политически нестабильным государством.

3. Государство Бахрейн

Несмотря на активное экономическое взаимодействие в рамках Российско-бахрейнского делового совета с 2007 г., существенный потенциал в реализации совместных инвестиционных проектов, успешное решение проблем информационного вакуума, а также интерес Бахрейна к российской авиапромышленности, расположение генерального штаба 5-го флота ВМС США и регионального передового пункта управления Сил спецопераций армии США может восприниматься странами БРИКС как политическая несамостоятельность, а также особо остро восприниматься Китаем и Россией в рамках противостояния держав [11, с. 205]. Вероятно, фактор присутствия США может оказаться решающим в вопросе членства Бахрейна в БРИКС.

4. Объединённые Арабские Эмираты

ОАЭ представляется наиболее перспективным партнёром в совместных проектах по добыче нефти и газа, происходит взаимное инвестирование по добыче нефти и газа и разработке месторождений [12, с. 85]. Наибольший интерес для ОАЭ, стремящихся к диверсификации своей экономики, представляет расширение экономического сотрудничества в рамках БРИКС, чему свидетельствует официальное членство в НБР БРИКС на данный момент. Вместе с тем важно учитывать остающуюся зависимость ОАЭ от цен на нефть, что ставит страну в зависимость от глобальных событий и восприятия в глобальном масштабе.

5. Королевство Саудовская Аравия

Саудовская Аравия активно оказывает помощь России в сближении с исламским миром, в том числе и за счёт влияния в ОИС и роли посредника между Россией и мусульманской уммой. Позитивному развитию отношений способствует и роль российского мусульманского общества [12, с. 84]. Существует ряд противоречий, необходимых для разрешения, в том числе необходимость проведения грани между противодействием религиоз-

ному экстремизму, а также расхождения по иранскому вопросу. Вместе с тем, благодаря инициативному содействию Китая, образовывается возможность воспользоваться стратегически выгодным восстановлением дипломатических отношений Ирана и Саудовской Аравии.

б. Исламская Республика Иран

Сближение России и Ирана описывается как «всеобъемлющее и доверительное» взаимодействие, происходящее на фоне схожего «военного-политического и экономического прессинга». В рамках многостороннего сотрудничества российско-иранской Межправительственной комиссией по торгово-экономическому сотрудничеству — акцент делается на энергетической и нефтегазовой сферах. Так, например, были проведены подготовительные работы по сооружению новых очередей Бушерской АЭС и ТЭС «Сирик» в провинции Хормозган [13]. Несмотря на активное сближение, агрессивная политика Ирана в отношении ряда стран Ближнего Востока может негативно повлиять на перспективы членства в БРИКС.

Выводы

Таким образом, при оценке перспектив вступления исламских стран в БРИКС важно учитывать факторы влияния на разных уровнях взаимодействия: дву- и многостороннем, региональном и глобальном. Гибкие механизмы «БРИКС-аутрич» и «БРИКС+» гибки и удобны, но не оформлены до конца и политизированы. Для реализации их потенциала необходимо дать им более точное, статичное трактование. Вместе с тем реализация данных механизмов может помочь БРИКС стать «агрегационной платформой», однако важно разработать критерии членства с учётом приоритетов стран-участниц БРИКС касательно того, какой характер БРИКС должна принять. На данный момент сотрудничество будет оформляться при столкновении идей о гибкости БРИКС и её постепенной политизации и институционализации, что говорит о возможном отходе от сформулированных изначально создателем акронима БРИК Джимом О'Нилом вероятных целей и приоритетов стран данной группы.

Необходимо воспользоваться позитивным импульсом, данным в отношениях Ирана и Саудовской Аравии при посредничестве Китая, для дальнейшего развития многостороннего сотрудничества и потенциальной интеграции в рамках БРИКС. Экономическая взаимодополняемость стран БРИКС — важный фактор экономической интеграции, при вступлении новых членов важно содействовать диверсификации национальных экономик новых стран-участниц, что будет взаимовыгодно. Несмотря на главенствующую тенденцию сохранения неформальности, важно разработать стратегии удобной институционализации объединения, а также окончательно оформить форматы сотрудничества «БРИКС+» и «БРИКС-аутрич». Интеграция исламских стран в БРИКС сделает объединение более инклюзивным, при реализации грамотно разработанных механизмов интеграции — более устойчивым, Россия приобретёт ещё одну важную площадку для комплексного взаимодействия с исламским миром.

Библиография

1. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povorot-rossii-na-vostok-mezhdu-vyborom-i-neobkhodimostyu/> — 19.03.2023
2. Расширение БРИКС — стержень нового мирового порядка? URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/imamedov/rasshirenje-briks-sterzhen-novogo-mirovogo-poryadka/> — 19.03.2023
3. Лагутина, М. Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. — 2022. — Том 13 (1). — С. 66–82.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2016 г. URL: <https://base.garant.ru/71552062/> — 04.04.2023
5. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/7081-04.04.2023>
6. Денисова Диана Эдуардовна БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Исаев Мурад Гусейнович, Газиева Лайла Руслановна, Магомадова Зарина Саидбековна БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире // Журнал прикладных исследований. 2022. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-strategii-razvitiya-i-mehanizmy-vzaimodeystviya->

- i-sotrudnichestva-v-izmenyayuschemsya-mire (дата обращения: 20.03.2023).
8. Буряков А. С. Специфика развития сотрудничества в рамках БРИКС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-razvitiya-sotrudnichestva-v-ramkah-briks> (дата обращения: 03.04.2023).
 9. Межгосударственные отношения России и Египта. URL: <https://ria.ru/20190426/1553009363.html> — 04.04.2023
 10. «Международная жизнь». Россия и Алжир намерены развивать сотрудничество по всем направлениям. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/39435-04.04.2023>
 11. Халед Мохамед Али А. Сотрудничество между Россией и Бахрейном в области обеспечения региональной безопасности. Вестник МГИМО-Университета. 2017; с. 194–209.
 12. Сурков Николай Юрьевич (2022). Россия и арабские монархии: поиск общих интересов и перспективы сотрудничества. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 6 (1), 81–90.
 13. А. Марьясов. Российско-иранские отношения в новых геополитических условиях. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-iranskie-otnosheniya-v-novykh-usloviyakh/> — 04.04.2023

Николаева Ольга Денисовна

Санкт-Петербургский Государственный Университет,
Факультет Международных Отношений,
Бакалавриат

Курдский фактор в ближневосточной политике России по отношению к сирийскому конфликту.

Kurdish factor in Russia's Middle East policy towards the Syrian conflict.

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме взаимоотношений сирийских курдов с Россией и влиянию, которое эти отношения оказывают на российскую политику, реализуемую в отношении сирийского конфликта. В статье кратко освещены исторические процессы развития курдского народа, проведён анализ причин, повлиявших на стратегию поведения, избранную курдами во время гражданской войны. В работе также подробно представлена мотивация России в участии в сирийском конфликте и в поддержании контактов с курдами. Автор статьи делает вывод о том, какую роль оказывает курдский фактор на выстраивание внешней политики России в отношении сирийского конфликта. Материал будет полезен широкому кругу читателей, интересующихся процессами, происходящими на Ближнем Востоке, и участием России в них.

Ключевые слова: курды, сирийский конфликт, ближневосточная политика России, мирное урегулирование в Сирии, курдский фактор, Курдистан, гражданская война в Сирии.

Abstract. This article is devoted to the problem of relations between the Syrian Kurds and Russia and the impact these relations have on the Russian policy implemented in relation to the Syrian conflict. The article briefly highlights the historical processes of development of the Kurdish people on the territory of Syria, analyzes the reasons that influenced the strategy of behavior chosen by the Kurds during the civil war. The paper also details Russia's motivation for participating in the Syrian conflict and maintaining contacts with the Kurds. The author of the article concludes about the role played by the Kurdish factor in building Russia's foreign policy towards Syria. The material will be useful to a wide range of readers interested in the processes taking place in the Middle East and Russia's participation in them.

Key words: Kurds, Syrian conflict, Russia's Middle East policy, peace settlement in Syria, Kurdish factor, Kurdistan, civil war in Syria.

Введение

Курды — крупнейший в мире этнос, не имеющий своего государства и разделённый между четырьмя странами: Ираном, Ираком, Сирией и Турцией. На территории Сирии проживает до 2.5 миллионов курдов, что составляет около 8% от общей численности населения. [5]

Долгое время курдский вопрос не привлекал внимание широкой общественности и находился в сфере интересов узких специалистов. Несмотря на то, что проблема самоопределения курдского народа существует с 1920-х годов и уходит корнями в ещё более далёкие исторические события, серьёзное значение для всего мира она приобрела только с началом сирийского конфликта в 2011 году.

Сирия стала местом, где столкнулись интересы нескольких государств, в том числе и России. После распада Советского Союза Россия в значительной мере утратила своё влияние на Ближнем Востоке и лишь с конца 1990-х годов начала восстанавливать позиции. Россию и Сирию связывает длительный период дружбы. Во второй половине XX века Сирия была одним из партнёров СССР в регионе и российское правительство желало сохранить такое положение дел в новом столетии, что стало одной из причин столь активного участия России в урегулировании сирийского конфликта. Кроме того, Россию также серьёзно затронула проблема ближневосточного терроризма, актуализовавшаяся в Сирии, так как усиление исламских радикальных организаций отрицательно влияет на настроения в северокавказских республиках. Существует проблема того, что значительное количество граждан этих республик, придерживающихся сепаратистских и экстремистских взглядов, находят центр притяжения в лице террористических организаций, выезжают в зоны конфликта, где проходят обучение и получают опыт, а затем возвращаются в Российскую Федерацию.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении влияния, которое курдский вопрос в Сирии оказывает на политику России, проводимую в отношении этой страны.

Для достижения указанной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Изучить историческое развитие проблемы курдского самоопределения на территории Сирии;
2. Выявить особенности политики Российской Федерации, проводимой в отношении проблемы урегулирования сирийского конфликта;
3. Определить, какую роль в российской стратегии урегулирования сирийского конфликта играет курдский вопрос.

Положение курдов до начала гражданской войны в Сирии

Отношения с курдским народом у России стали складываться ещё в XIX веке, когда курды были разделены между двумя империями — Сефевидской и Османской, — использовавшими их в своих целях. На территории государства османов курдским вождям была предоставлена некоторая автономия в обмен на их обязанность охранять границы империи. У курдов существовала местная племенная знать и традиционный уклад жизни, они занимались земледелием и скотоводством. Курдские племена воевали по большей части между собой, стравливаемые имперскими правительствами и раздираемые религиозными противоречиями и феодальными распрями. Большинство курдов — мусульмане-сунниты, однако есть и шииты, и алавиты, а также последователи зороастризма, иудаизма и езидизма. Несмотря на то, что курды считаются умеренно-религиозным народом, разногласия на религиозной почве коснулись и их.[3] Борьба курдского народа за самоопределение начала активно вестись в только в XIX веке. Тогда их естественными союзником стала Российская Империя. Российская дипломатия старалась привлечь курдов на свою сторону, обещая им подданство с сохранением прав и привилегий. Кроме того, курды становились подданными русского царя после масштабных территориальных приращений: в 1801 году в состав Российской империи вошли Грузия, Гянджинское, Карабахское и Шенкинское хан-

ство; по итогам русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1828 гг., и после Адрианопольского мира с Турцией в 1829 г. Россия так же получила часть территорий, населённых курдами; в состав России вошла Туркмения, исторически населённая курдскими племенами. Наконец в конце XIX века произошло массовое переселение курдов из Ирана и Турции по причине голода.

В XX веке, лишившись перспективы создания собственной государственности, курды оказались разделены между четырьмя странами. Положение сирийских курдов было тяжёлым. После получения Сирией независимости в 1946 году большую роль во власти стали играть арабские националисты, начавшие целенаправленную политическую кампанию по дискредитации курдов. В 1958 году образовалась Сирийская Арабская Республика, а курдские политические партии были запрещены. Курдов представляли сепаратистами, офицеров курдской национальности увольняли из армии. Запрещался курдский язык, курдская музыка и курдские газеты.

Следующим шагом стала проведённая в 1962 году перепись курдского населения. Причиной стала обеспокоенность значительной миграцией курдов с территорий Турции и Ирака. Сама процедура проведения переписи вызывает серьёзные вопросы. Во-первых, на неё отводился всего один день, во-вторых, жители курдских поселений зачастую не были даже уведомлены о ней, и тем более они не знали возможных последствий. Всё курдское население поделили на три категории [2]:

1. Лица с подтверждённым гражданством
2. Лица, лишённые гражданства и зарегистрированные как мигранты (большинство курдов в Джазире)
3. Незарегистрированные — все, кто по той или иной причине, не приняли участие в переписи и лишились гражданства, даже если уже имели его на момент проведения переписи

Так около 150.000 курдов лишились сирийского гражданства и перестали считаться этническим большинством в районе своего проживания, что было, безусловно, выгодно центральным властям, которых теперь нельзя было обвинить в притеснении крупного неарабского этноса на территории Сирии.[2] В период с 1965

по 1973 годы Партия Арабского Социалистического Возрождения сформировала Арабский Пояс — военный кордон на границах с Ираком и Турцией, в районах проживания курдов. Курдские семьи обязаны были переселиться в другие регионы страны, на которых исторически никогда не проживали. В то же время началось переселение арабов на территорию Арабского Пояса. Это существенно изменило демографическую ситуацию и размежевало курдов разных государств, что должно было помешать их возможному политическому объединению. Кроме того, теперь представители титульных наций проживали в экономически важных регионах (Джазира, район проживания курдов, — основной поставщик хлопка и пшеницы). В таком положении курдский народ встретил наступление XXI века.

В 2000 году президентом Сирии стал Башар Асад. Воодушевленное население возлагало на нового президента большие надежды, которые поначалу оправдывались: на государственных должностях появлялись представители религиозных и национальных меньшинств, в том числе курд Мухаммед Мустафа Меро, с 2000 по 2003 годы пребывавший на посту премьер-министра. В Камышлах была организована Курдская Культурная Ассоциация «Джеладет Бедрахан». Однако к весне 2001 года правительственный режим, видимо, начал опасаться, что ситуация выйдет из-под контроля. Культурная Ассоциация была закрыта, многие деятели, стоявшие у истоков гражданского общества, арестованы.

Влияние курдского фактора на внешнеполитическую стратегию России в отношении сирийского конфликта

Вступая в сирийскую войну, Россия, конечно, имела свои интересы, как внешние, так и внутренние. Стремление России присутствовать на Ближнем Востоке обусловлено экономическими и политическими причинами. Во-первых, Россия получает крупные рынки сбыта и возможность координировать цены на добычу природных ресурсов, от которой в серьезной степени зависит её экономика. Во-вторых, российское государство имеет возможность, влияя на события в наиболее конфликтном регионе мира, который является эпицентром развития многих политических

процессов, вернуть себе статус великой державы. На данный момент, в связи с неблагоприятной политической обстановкой, для России также актуален вопрос поиска политических союзников и экономических партнёров.

Участие в сирийском конфликте нельзя рассматривать вне контекста тогдашнего положения Российской Федерации на мировой арене. После ситуации в Украине и наложенных санкций России необходимо было решить следующие задачи.

Во-первых, поднять свой международный авторитет. Дестабилизация на Ближнем Востоке оказывала серьёзное влияние на положение во всём мире, миллионы сирийских беженцев создали проблему миграции в Европейском Союзе. Участие в урегулировании ситуации наравне с США и их союзниками должно было вернуть России статус мировой державы, с которой приходится считаться. Особенно выгодной стала возможность продемонстрировать военную мощь Российского государства. Территория Сирии стала фактически полигоном для демонстрации мощи российского вооружения, там использовались лучшие образцы российской авиации.

Во-вторых, Сирия стала удобной площадкой для того, чтобы вынудить США к диалогу. Введя санкции против России, Вашингтон выстроил преграду для двустороннего диалога, однако, когда военные обоих государств оказались на одной территории, правительства были вынуждены налаживать контакты друг с другом.

В-третьих, участие в сирийском конфликте должно было сыграть роль «маленькой победоносной войны», консолидирующей российское общество. Россия выступила в роли защитника от мирового терроризма и борца с цветными революциями, проводя совместные операции с сирийскими правительственными войсками.

В-четвёртых, Сирия была последним форпостом России на Ближнем Востоке. Все крупные и влиятельные государства региона, такие как Саудовская Аравия, Египет или Турция, являются союзниками США. Исторические связи сначала СССР, а затем Российской Федерации с Сирией способствовали тому, что Сирия, так или иначе, оставалась в сфере российского влияния, и Россия не могла позволить, чтобы эта региональная точка

опоры перешла под контроль западных держав. Кроме того, Сирия является импортёром российского вооружения, что делает важным продолжение экономического сотрудничества.[10]

И наконец, одна из основных причин — угроза распространения радикальной исламской идеологии на территории Российской Федерации и стран СНГ. Проблема религиозного фундаментализма актуальна не только для стран мусульманского востока или беднейших государств. По данным ТАСС со ссылкой на заявление первого заместителя директора ФСБ генерала армии Сергея Смирнова в 2015 году на стороне ИГИЛ (запрещённая в России террористическая организация) воевало около 2.5 тысяч граждан России.[9] Опасность заключается в том, что боевики обучаются на территории ближневосточных государств, а затем возвращаются туда, где были завербованы и применяют полученный опыт в своих целях.

С самого начала Россия сделала ставку на поддержку президента Асада, и контакты с курдами долгое время для неё были затруднительны. Безусловно, курды внесли значительный вклад в разгром террористической группировки ИГИЛ (запрещена на территории РФ), нельзя отрицать важность этого факта, учитывая приоритетность мировой борьбы с терроризмом. Существовали мнения, что успешные действия курдов на этом направлении приведут к тому, что международное сообщество станет активнее прислушиваться к их политическим желаниям. Помимо разгрома терроризма курдам удалось также захватить нефтеносные районы Сирии. Оба эти фактора резко повысили значимость курдов в процессе урегулирования сирийского конфликта. В том числе они повлияли и на решения, принимаемые Россией в отношении Сирии.

В вопросе послевоенного сирийского устройства существуют традиционный и альтернативный пути решения. Традиционный подход подразумевает необходимость бросить все разумно допустимые военные и экономические средства на поддержку одной стороны конфликта, официального правительства Сирии, с целью разгромить оппозицию и прекратить существование курдской автономии. Альтернативный путь предполагает строительство новой государственности на основе федеративного устрой-

ства и предоставления курдам широкой автономии. Отсутствие сплочённости среди самих курдов поначалу способствовало тому, что они не имели единого чёткого мнения относительно того, хотят ли они автономию в составе единого государства, независимости или просто уважения своих гражданских прав. Однако на данный момент, по прошествии более чем десяти лет с начала конфликта, становится всё более очевидно, что географическая и политическая ситуация в Сирии и в соседних государствах не позволит курдам создать своё независимое государство.[4] Потому наиболее реальным и перспективным становится сценарий, в котором курды ведут диалог с властью относительно уважения и соблюдения их прав, оставаясь при этом в составе единого государства.

Россия продолжает последовательно выступать за сохранение государственной целостности Сирии, а также в поддержку официального правительства. Из ответов министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году ясно, что российская позиция по курдскому вопросу заключается в том, чтобы полностью отдать его на откуп диалогу между курдами и Дамаском.[6] Вопросы внутреннего устройства должны решаться в соответствии с законодательством страны. Свою роль здесь играет и «нефтяной фактор». Сейчас большинство сирийских нефтяных месторождений контролируются курдами, которым в свою очередь покровительствуют США. Если курды получают автономию, есть вероятность, что на них могут оказывать влияние Соединённые Штаты, в интересы которых входит контроль за поставками нефти. Это так же влияет на позицию России относительно поддержания контактов с курдами и по вопросам послевоенного устройства страны.

Однако даже если Россия не берёт курдскую автономию за основу политической трансформации Сирии, курды всё равно дают в руки российского правительства инструмент воздействия на политическую ситуацию в их стране. Взаимодействие России и сирийских курдов началось после заявления в 2019 году американского президента Дональда Трампа о выводе военных с территории Сирии,[8] вследствие чего курды оказались перед угрозой

быть уничтоженными турецкой армией, так как в Турции курдский вопрос традиционно стоит достаточно остро и любая политическая активность курдов воспринимается турецким правительством крайне негативно. Турецкая угроза, нависшая над курдами в случае вывода американских войск, была вполне реальной. К тому моменту Турция уже осуществила две успешные операции и начала третью. Курды были вынуждены обратиться за помощью к сирийским правительственным войскам. Именно в этот момент впервые стало возможным говорить о том, как курдский фактор повлиял на выстраиваемую Россией внешнюю политику в отношении войны в Сирии. Москва выступила посредником во взаимодействии курдов и сирийских правительственных войск. Сирийская армия была размещена вдоль границы с Турцией, что позволило для начала обезопасить Сирийский Курдистан от непосредственной угрозы. В дальнейшем, благодаря переговорам Кремля и Анкары, к осени 2019 года удалось создать нейтральную зону протяжённостью в тридцать километров, которую курды должны были покинуть, и которая оказалась под совместным управлением России и Турции.[7]

В такой подвешенной ситуации Россия оказалась единственной реальной силой, единственным гарантом относительной стабильности. Это не могло не поднять российский авторитет и дать Кремлю моральное право и уверенность продвигать в отношении сирийского конфликта выгодную ему позицию.

Но преследуя свои цели, Москва не может не учитывать интересы Турции. Несмотря на временное урегулирование проблемы, турецкие власти остаются недовольны перспективой возникновения курдской автономии рядом с их границами. Это создаёт постоянную угрозу применения силы турецкими властями в отношении сирийских курдов, что случалось уже не раз после 2019 года. В то же время курдский фактор является рычагом давления, который можно использовать против Турции. Подобное уже происходило в 1980-е годы прошлого века, только со стороны сирийского правительства. Члены Рабочей Партии Курдистана получали убежище покровительство со стороны сирийских властей, пока те не наладили отношения с Турцией, после чего ситуация вернулась в привычное русло дискриминации курдов. Таким

образом в отношении Турции курдский фактор одновременно является и инструментом политического воздействия, и камнем преткновения в вопросе мирного урегулирования.

Выводы

Проанализировав сложную и многостороннюю политику России, можно сделать вывод, что в первое время после начала операции российских вооружённых сил в Сирии курды представляли для России мало интереса. Лишь с течением времени этот фактор стал влиять на формирование российской ближневосточной политики.

Российское правительство признаёт значимость курдов и тот вклад, который они могут внести в урегулирование конфликта, однако всё же оставляет вопрос о статусе Сирийского Курдистана на внутригосударственное урегулирование. На данный момент сами курды придерживаются такой же позиции. По мнению представителей курдского автономного района в Сирии, решение конфликта нужно искать внутри страны и в диалоге с режимом. [1]

Если подобный сценарий будет в результате реализован, это вполне может способствовать укреплению политического авторитета России в регионе, в качестве страны, оказавшей помощь притесняемому народу в реализации его прав наиболее гуманным и законным способом. Однако беря на себя такую роль, российское правительство вынуждено будет выстраивать очень тонкую и продуманную стратегию, чтобы не обострять ситуацию ни с Турцией, ни с Дамаском.

Кроме того, в последнее время в связи с обсуждением возможности проведения встречи между главами государств Сирии и Турции при вероятном посредничестве России нельзя отвергать перспективу использования курдского фактора в качестве «разменной монеты» для обеспечения вывода турецких войск с территории Сирии. Разумеется, такое решение — лишь один из возможных исходов подобных переговоров, однако, основываясь на предыдущих выводах о стратегии поведении российского государства в отношении сирийского конфликта, можно предположить, что Россия поддержит реализацию такого хода, хотя, возможно, и с некоторыми оговорками.

Подводя итог, следует сказать, что курды, на протяжении всей их довольно продолжительной истории, так или иначе являлись инструментом, который более крупные международные игроки применяли в своих целях. Курдский фактор, как один из элементов, формирующих политическую обстановку на Ближнем Востоке, возник после раздела Османской Империи. Сейчас курдская проблема является ниточкой, за которую можно дёргать, чтобы привести ситуацию к нужному исходу. Разные государства по-разному оценивают роль курдов и их значимость в гражданской войне в Сирии, однако выстраивание ближневосточной политики по отношению к сирийскому конфликту не обходится без учёта курдского фактора.

Библиография:

4. Amberin Zaman. Syrian Kurds make their own pitch as Arab states court Assad. Al-Monitor. 20.04.2023 URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2023/04/syrias-kurds-make-their-own-pitch-arab-states-court-assad> (дата обращения 01.07.2023)
5. Kerim Yeldiz. The Kurds in Syria: The Forgotten People. PlutoPress (October 20, 2005) P. 33–34
6. Ахмедов Т. А. Истоки курдского самоопределения в контексте обострения геополитической ситуации в Ближневосточном регионе // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2. С. 39–43
7. Жигалина О. И. Курдский вопрос — вновь на повестке дня. Россия в глобальной политике. 29.06.2013. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kurdskij-vopros-vnov-na-rovestke-dnya/> (дата обращения 01.07.2023)
8. Независимость сирийских курдов подошла к концу. Блог Научного Студенческого Общества МГИМО (Российский Совет по Международным Делах: официальный сайт. 11.11.2019) URL: https://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/nezavisimost-siriyskikh-kurdov-podoshla-k-kontsu/ (дата обращения: 01.04.2023)
9. Обстановка в Сирии и перспективы внутрисирийского диалога. Из выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году, Москва, 16 января 2019 года. URL: <https://www.mid.ru/obstanovka-v-sirii-i-perspektivy-vnutrisirijskogo-dialoga> (дата обращения: 30.03.2021)
10. Сирийская сделка. Информационное агентство ТАСС. 21.10.2019 URL: <https://tass.ru/opinions/7025434> (дата обращения: 30.03.2021)

11. Трамп объяснил вывод американских войск из Сирии. Российская газета. 07.10.2019 URL: <https://rg.ru/2019/10/07/tramp-obiasnil-vyvod-amerikanskih-vojsk-iz-sirii.html> (дата обращения 15.04.2023)
12. ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ (информационное агентство ТАСС, 18.09.2015) URL: <https://tass.ru/politika/2272750> (дата обращения: 30.03.2023)
13. Экспорт и импорт России по товарам и странам URL: <https://ru-stat.com/date-Y2015-2020/RU/trade/SY/19> (дата обращения: 25.03.2023)

Пряникова Алина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Аспирантура

Взаимодействие России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки в сфере продовольственной безопасности в условиях продовольственного кризиса

Interaction of Russia with the states of the Middle East and
North Africa in the field of food security in the context of the
food crisis

Аннотация: В настоящей статье предпринимается попытка оценки и анализа роли Российской Федерации в урегулировании продовольственного кризиса в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, обострившегося в 2022 году. Автор приводит основные причины продовольственного кризиса как в общем, так и в контексте рассматриваемых регионов. В статье предлагается подробное описание основных направлений продовольственного взаимодействия России с ближневосточными и североафриканскими государствами, на основе которого формулируется вывод о текущем состоянии и дальнейших перспективах этого взаимодействия.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственный кризис, Ближний Восток, Северная Африка, зерновая сделка, транспортировка продовольствия

Abstract. The article aims at assessing and analyzing the role of the Russian Federation in resolving the food crisis in the states of the Middle East and North Africa, which escalated in 2022. The author gives the main causes of the food crisis both in general and in the context of the regions under consideration. The article offers a detailed description of the main directions of Russia's food cooperation with the Middle East and North African states, on the basis of which a conclusion about the current state and future prospects of this interaction is proposed.

Keywords: food security, food crisis, Middle East, North Africa, grain deal, food transportation

Введение

Исчерпывающие исследования и обсуждения продовольственной безопасности стали появляться только во время Второй мировой войны, а институциональный характер рассматриваемое явление приняло с учреждением Продовольственной и сельскохозяйственной организация Объединённых Наций (ФАО) в октябре 1945 года.

Римская декларация по продовольственной безопасности» 1996 года, предлагает такое определение: «Продовольственная безопасность существует, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи для удовлетворения своих пищевых потребностей и пищевых предпочтений для активной и здоровой жизни» [1]. Именно его мы принимаем за основу в данном исследовании.

На основании определения формируется и соответствующая продовольственная политика (как внутренняя, так и внешняя), представляющая собой комплекс мер, направленных на системное и эффективное решение задач развития не только производства, внешней торговли, хранения и переработки, но и справедливого распределения основных продуктов питания, а также социального развития сельской местности.

Выбор темы обусловлен её возросшей актуальностью, связанной, в частности, с обострением проблемы продовольственной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, переросшей в продовольственный кризис в 2022 году. Интерес представляет совокупность факторов, влияющих на обострение кризиса: политические (российско-украинский конфликт), экономические (влияние пандемии COVID-19), климатические (засухи, наводнения, изменение климата). Кроме того, по мнению пресс-секретаря отделения Всемирной продовольственной программы ООН Абир Атифы, именно Ближнему Востоку и Северной Африке грозит наиболее острый продовольственный кризис [2].

По расчетам ФАО, в ближайший 2022/2023 сельскохозяйственный год число голодающих в африканских странах южнее Сахары, на Ближнем Востоке и в Северной Африке может увеличиться на 1–2% [3].

Научная новизна статьи состоит в попытке анализа взаимодействия РФ с рассматриваемыми регионами в сфере продовольственной безопасности в условиях продовольственного кризиса, начавшегося в 2022 году. Данная тема мало освещена в научной литературе, подробного рассмотрения механизмов и форм взаимодействия ранее не предпринималось.

Ключевым методом исследования выступил анализ документов. Эмпирической базой послужили выступления и высказывания российских и зарубежных политиков и экспертов в области продовольствия.

О причинах кризиса

Факторов, повлиявших на обострение продовольственного кризиса, несколько. Например, согласно данным Глобального доклада о продовольственных кризисах 2022 года, экономические потрясения стали катализатором кризиса во многих странах. В 2021 году мировые цены на продовольствие достигли новых высот в результате неравномерного восстановления мировой экономики после пандемии COVID-19 и широкомасштабных сбоях в цепочках поставок. Инфляция внутренних цен на продовольствие во многих государствах с низким уровнем доходов значительно выросла, особенно в странах со слабой валютой и высокой зависимостью от импорта продовольствия. В некоторых странах на нарушение торговых потоков повлияло закрытие границ. Эти макроэкономические факторы оказали серьезное влияние на покупательную способность беднейших домохозяйств, многие из которых теряли доходы из-за ограничений, связанных с пандемией. [4].

Одной из основных причин кризиса в рассматриваемых нами регионах также является экономическая маргинализация сельскохозяйственного сектора БВСА, который был принесен в жертву преимуществам промышленного развития и спекуляции недвижимостью.

Другая причина кризиса — климатическая. Так, ФАО ООН высказывала опасения насчет увеличивающейся нехватки воды на Ближнем Востоке, что в значительной степени влияет и на производство продовольствия. По мнению Жана-Марка Фора, научного сотрудника ФАО по сельскому хозяйству и специалисту по управлению водными ресурсами, именно продовольствие является одним из секторов, наиболее сильно страдающих от последствий климатического кризиса [5].

Помимо нехватки пресной и питьевой воды продовольственный кризис усугубляют и распространенные на Ближнем Востоке и в Северной Африке засухи и экстремально высокие температуры.

Структурные проблемы, такие как неустойчивые методы ведения сельского хозяйства и отсутствие развития сельских районов также оказывают влияние на состояние продовольственной безопасности в странах БВСА.

Однако основной причиной и главным катализатором вспыхнувшего в 2022 году продовольственного кризиса в государствах Ближнего Востока и Северной Африки стала ситуация на Украине. В первую очередь, влияние этих событий отразилось в значительном росте цен на продовольствие (так, цены на пшеницу резко возросли на 21% в период с 21 февраля по 15 марта 2022 года). Более того, закрытие портов и трудности в транспортировке продуктов питания также усугубили ситуацию.

Согласно пресс-релизу ФАО ООН, на долю России и Украины приходится 30% мирового экспорта пшеницы и 20% мирового экспорта кукурузы [6]. Значительная часть направлялась именно в страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Но почему именно эти регионы оказались наиболее подверженными продовольственному кризису? Ответ прост: ближневосточные и североафриканские страны являются одними из крупнейших импортеров продуктов питания, таких, как: пшеница, растительное масло, мука, кукуруза и так далее. И в значительной степени государства рассматриваемых регионов зависят именно от украинского и российского экспорта.

По данным Refinitiv, в 2021 году около 70% экспорта пшеницы из России пришлось на покупателей на Ближнем Востоке и в Северной Африке. А, например, Йемен почти полностью за-

висит от импорта продовольствия и покупал не менее 27% своей пшеницы в Украине и 8% в России. Египет — крупнейший в мире импортер пшеницы — импортировал до 90% всей своей пшеницы из Украины и России. Также на Украину и Россию приходилось более половины мировых поставок подсолнечного масла [7]. На Россию и Украину вместе приходится более 70% и 25% мирового объема экспорта подсолнечного масла и семян подсолнечника соответственно, а также 30% экспорта ячменя [6].

Очевидно, что в новых реалиях доля экспорта снизилась.

Так, например, Украина не способна производить столько же зерна, сколько было раньше, вследствие боевых действий и заминированных полей. Это делает процесс посева и сбора урожая крайне опасным для мирных жителей. Экспорт зерна ограничен 500 тысячами тонн в месяц, в то время как до начала российской спецоперации на Украине экспорт составлял 500 миллионов тонн [8].

Если, к примеру, подсолнечное масло при перебоях с его поставками можно заменить другими растительными маслами, то замены пшенице, которая является основным продовольственным продуктом более чем для 35% населения мира, нет.

Еще в начале февраля 2022 года Россия ограничивала экспорт зерна, а с началом российской спецоперации на Украине и введением санкций временно обнулила квоты. Киев также в марте сократил экспорт зерновых и мяса. Российский экспорт пшеницы, кукурузы и ячменя возобновился только в сентябре. Украина разрешила вывозить злаки в середине июля, когда и была подписана зерновая сделка. Эти меры смогли притупить и приостановить разрастание кризиса.

Российский фактор в продовольственном кризисе на Ближнем Востоке и в Северной Африке

Включение Российской Федерации в устранение проблемы продовольственного кризиса в странах БВСА происходит в контексте политики укрепления и развития разнопланового диалога и сотрудничества с каждой из стран региона, а также с функционирующими на ее территории региональными и международными объединениями, что входит в число безусловных стратегических приоритетов России.

Российская спецоперация на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 года, обострила сохраняющиеся разногласия между США и Европой, с одной стороны, и регионом БВСА — с другой. Это в какой-то степени пошло на пользу отношениям России с ближневосточными и североафриканскими государствами за счет США и Европы. Среди лидеров Израиля и арабских стран Персидского залива возросло недовольство, в частности тем, что озабоченность Штатов защитой Украины от России привела к меньшему вниманию с американской стороны к иранской угрозе для них. Более того, опасения вызвала и еще большая готовность США присоединиться к СВПД и ослабить экономические санкции против Ирана, чтобы увеличение экспорта иранской нефти могло заменить российскую нефть. Кроме того, большая готовность Запада принять и поддержать беженцев из Украины по сравнению с беженцами из Сирии, Ливии и других стран БВСА усилила общественное недовольство стран региона по отношению к Западу [9].

Стоит отметить, что, несмотря на кризисное положение, роль Российской Федерации в поставках продовольствия на Ближний Восток и в Северную Африку в 2022 году только возросла. Если годом ранее ближневосточные и североафриканские страны импортировали из Украины и РФ примерно поровну, то в 2022 году российская доля увеличилась.

Так, директор департамента Ближнего Востока и Северной Африки Александр Кинщак отметил, что к сентябрю 2022 года, после пиковой точки кризиса весной, «объемы поставок российского зерна в страны регионов, несмотря на санкции Запада, вернулись к росту». Он также отметил, что «благодаря своевременно принятым совместно с нашими партнерами в регионе мерам поставки российского зерна в страны Ближнего Востока и Северной Африки фактически не прерывались» [10].

Однако стоит отметить, что влияние на объемы экспорта оказал ряд факторов: проблемы с расчетами и страхование судов. Именно поэтому совокупный экспорт снизился: в январе-июле 2022 года экспорт пшеницы в Египет составил 1908 тысяч тонн, за аналогичный период 2021 года — 2719 тысяч тонн, в Судан — 288 тысяч тонн, в 2021 году — 297 тысяч тонн.

Важно подчеркнуть, что за 2022 год экспорт российской пшеницы в такие страны, как Алжир, Египет, Саудовская Аравия, увеличился и превысил показатели 2021 года.

Рынки стран Ближнего Востока и Африки, наряду с дружественными государствами Азии, определены сейчас как приоритетные направления для российского сельскохозяйственного экспорта. А российский экспорт продукции АПК в сопоставимых ценах в 2023 году запланирован в объеме 28 миллиардов долларов против почти 29 миллиардов в 2022 году. Но к 2024 году этот показатель запланирован вновь на уровне 29 миллиардов долларов, говорится в докладе о результатах деятельности Министерства сельского хозяйства за 2022 год [11].

Важным элементом решения продовольственной проблемы, о котором нельзя не упомянуть, является так называемая зерновая сделка («Инициатива по безопасной транспортировке зерна и продовольствия из украинских портов»). Она была заключена 22 июля 2022 г. представителями Турции и ООН, с одной стороны, и представителями России и Украины — с другой. Сделка представляет собой договор об организации безопасного морского коридора для сельскохозяйственных грузов с Украины, чьи морские порты были заблокированы (север Черного моря) [12].

Формальные и неформальные обсуждения возобновления поставок продовольствия с Украины начались ещё в марте 2022 года по инициативе лидеров Турции, Египта, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля и других государств региона БВСА. Два соглашения, формирующие единую зерновую сделку — между Украиной, ООН и Турцией и между Россией, ООН и Турцией — были подписаны 22 июля 2022 года.

В ноябре 2022 сделка продлевалась на 120 дней, а в марте 2023 — на 60. Зерновая сделка истекает 18 мая. На момент написания статьи окончательного решения по ее продлению не прозвучало, однако российская сторона заверила, что пока что готова согласиться на очередное продление «черноморской инициативы».

Сомнения в целесообразности продления у российской стороны вызывает тот факт, что «в рамках зерновой сделки Россия не смогла экспортировать ни одного зернышка», как заявил

на одной из пресс-конференций постоянный представитель РФ при ООН Василий Небензя.

«По меморандуму между Россией и ООН — второй части сделки — мы не экспортировали ни одного зернышка», — сказал он [13].

Помимо прочего, обновленная стратегия развития АПК (расчитана до 2030 года) предусматривает строительство более 40 судов для транспортировки продукции АПК. Объемы экспорта планируется наращивать в текущем сельскохозяйственном году (июнь 2022-июль 2023 гг.). В частности, необходимо вывезти 50–60 млн. тонн зерна.

Также, для реализации экспортного потенциала российской халяльной продукции «Агроэкспорт» инициировал разработку стратегии ее продвижения на рынки Ближнего Востока и Северной Африки, заявил руководитель направления стратегических коммуникаций и продвижения продукции Российского центра агроэкспорта Андрей Кучеров [14].

Более того, с июля 2022 года экспортная пошлина на пшеницу рассчитывается в рублях, а не в долларах, что является очевидным ответом на антироссийские санкции и позволяет самостоятельно регулировать цены на данный вид продукции. Да и в целом, возникновение российско-украинского кризиса конструктивно повлияло на активизацию перехода к взаиморасчетам в национальных или альтернативных валютах с государствами Северной Африки и Ближнего Востока.

Существуют современные и высокотехнологичные аграрные проекты, которые реализуются Россией в тех странах Ближнего Востока, которые не пострадали от продовольственного кризиса. Например, компания IFarm планирует построить для предпринимателей в Саудовской Аравии и ОАЭ вертикальные теплицы, в которых можно будет выращивать салаты, пряные травы, микрозелень. Суммарно они смогут выпускать около 28 тонн продукции в месяц. Правда, в этих странах функционируют государственные программы поддержки инновационного фермерства, а инвесторы охотно подключаются к подобным проектам [15].

При наличии достаточных инвестиций и обученного персонала, активной региональной или международной кооперации,

такие технологии можно было бы внедрять в тех государствах, где проблема нехватки продовольствия дала о себе знать вместе с обострением кризиса.

При этом влияние, оказываемой Российской Федерацией на продовольственный кризис в названных регионах не только экономическое, но и политическое. Во-первых, активное вовлечение в поставки продукции (помимо других ресурсов, например, топливно-энергетических) позволяет укрепить свой статус на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Во-вторых, более активный экспорт способствует развитию судостроения, что необходимо при более активной транспортировке грузов. В-третьих, со многими странами налаживается коммуникация, укрепляются дипломатические связи, а имидж компаний-поставщиков на их рынках возрастает.

Кроме того, уже сейчас можно видеть политические эффекты растущей кооперации. Так, правительства стран Ближнего Востока и Северной Африки в целом не желали присоединиться к осуждению Западом российской спецоперации на Украине или кампании западных экономических санкций против Москвы. Несмотря на то, что большинство правительств БВСА проголосовало «за» резолюцию ГА ООН, осуждающую вторжение Москвы в Украину, некоторые (Алжир, Иран, Ирак и Судан) воздержались, Марокко не голосовало, а Сирия проголосовала и вовсе «против» резолюции. Гораздо меньшую поддержку со стороны государств Ближнего Востока и Северной Африки получила резолюция генеральной Ассамблеи ООН об исключении России из Совета по правам человека — Израиль, Ливия и Турция проголосовали «за»; Алжир, Иран и Сирия проголосовали «против»; большинство других воздержались; Марокко снова не голосовало. ОАЭ, которые в настоящее время являются непостоянным членом Совета Безопасности ООН, воздержались при голосовании по резолюциям СБ ООН, осуждающим Россию [9].

Выводы

По словам директора департамента Ближнего Востока и Северной Африки Александра Кинцака, «несмотря на неле-

гитимные рестрикции Запада, Россия выполняла и будет добросовестно выполнять взятые на себя обязательства по поставкам продовольствия в Африку и на Ближний Восток. Однако для полной нормализации ситуации необходимо снять все транспортные и страховые ограничения на наш экспорт и обеспечить свободное проведение платежей» [16].

Кроме того, должен быть устранен перекоп в зерновой сделке, в рамках неё должен осуществляться беспрепятственный экспорт российских удобрений и продовольствия согласно второй части сделки. Реализация именно этой части до сих пор не началась.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что планируется наращивание (или, как минимум, сохранение на том же уровне) российского продовольственного экспорта на ближний Восток и в Северную Африку. При этом российская спецоперация на Украине и её сроки должны быть моментом, на который важно обратить внимание: если ситуация затянется и перебои с экспортом продовольствия продолжатся, это может подорвать экономическую и социальную стабильность многих государств БВСА. Тогда вопрос политической поддержки с их стороны может встать более остро.

При этом можно сделать вывод о том, что перспектив для более активной кооперации довольно много, но не все из них реализуются. Основными импортерами Российского зерна и иной сельскохозяйственной продукции все ещё являются Евросоюз, Турция, Китай, Беларусь.

Говоря о потенциальных формах взаимодействия, можно предложить расширять продовольственный ассортимент или же способствовать развитию сельского хозяйства внутри стран посредством научного и экспертного обмена опытом и инновациями. Снизить остроту кризиса в регионах возможно не только (и не столько) за счет более активного ввоза товаров, но и посредством экспорта оборудования, удобрений и так далее. Помимо этого, снятие сельскохозяйственных санкций в отношении России также могло бы способствовать более активному её участию в экспорте.

Кроме того, усиление роли Российской Федерации в продовольственном кризисе Северной Африки и Ближнего Востока будет способствовать и укреплению её политического имиджа.

Текущий кризис может подтолкнуть некоторые страны региона к самообеспечению, по крайней мере, в отношении товаров, считающихся стратегическими (например, пшеницы). Понятия продовольственной безопасности, самодостаточности и продовольственного суверенитета, вероятно, приобретут большее значение в общественных дебатах и даже во внутренней политике некоторых стран БВСА. Такое обострение продовольственного кризиса, как в 2022 году, продемонстрировало сильнейшую экспортную зависимость ряда государств региона. Обращая на это внимание, им следует сосредоточиться на увеличении своих внутренних мощностей по производству продуктов питания и эффективном использовании собственных ресурсов. Это потребует дополнительных инвестиций в сельскохозяйственные исследования и технологии, которые могут решить существующие проблемы.

Библиография

1. Rome Declaration on World Food Security 1996. FAO. URL: https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/Rome%20Declaration%20on%20World%20Food%20Security%201996.pdf
2. ООН: Ближнему Востоку и Северной Африке грозит продовольственный кризис. РИА Новости, 2022. URL: <https://ria.ru/20220331/krizis-1781181899.html>
3. Хлебная корзина Европы. Эконс. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/khlebnaya-korzina-evropy/>
4. 2022 Global Report on Food Crises. Food Security Information Network. URL: <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC%202022%20Final%20Report.pdf>
5. UN warns of food insecurity in Middle East due to water scarcity. URL: <https://www.trtworld.com/life/un-warns-of-food-insecurity-in-middle-east-due-to-water-scarcity-62640>
6. The Russia-Ukraine conflict and its impact on agrifood systems. ИКА Blog. URL: <https://blog.iica.int/en/blog/russia-ukraine-conflict-and-its-impact-agrifood-systems>
7. Обнуление экспорта украинского зерна грозит второй арабской весной. 2022. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-03-01/1_8382_grain.html
8. *Миронов Н. С.* Причины и последствия глобального продовольственного кризиса // Финансовые рынки и банки. № 5. 2022, с. 225.
9. Risk or Opportunity? How Russia Sees a Changing MENA Region. Italian Institute for International Political Studies. URL: <https://www.ispionline>

- it/en/publication/risk-or-opportunity-how-russia-sees-changing-mena-region-35706
10. В МИД заявили о росте поставок российского зерна на Ближний Восток. URL: <https://www.gosrf.ru/v-mid-zayavili-o-roste-postavok-rossijskogo-zerna-na-blizhnij-vostok/>
 11. Россия нарастит экспорт мяса и продуктов переработки зерна. 2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/25/burger-a-lia-rus.html>
 12. Злак вопроса: что нужно знать о зерновой сделке [Электронный ресурс] // Известия. — Режим доступа: <https://iz.ru/1426994/mariia-shaipova/koloss-voprosa-cto-nuzhno-znat-o-zernovoi-sdelke>
 13. Небензя: в рамках зерновой сделки Россия не экспортировала ни зернышка [Электронный ресурс] // Ведомости. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/04/03/969343-nebenzya-zernovoi-sdelki-eksportirovala>
 14. Russian Halal Exporters Eye Middle East Markets [Электронный ресурс] // Russia Briefing. — Режим доступа: <https://www.russia-briefing.com/news/russian-halal-exporters-eye-middle-east-markets.html/>
 15. Богатство и инновации. Перспективы сотрудничества России и стран Ближнего Востока в сфере АПК. 2022. URL: <https://sber.pro/publication/bogatstvo-i-innovatsii-perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-stran-blizhnego-vostoka-v-sfere-apk>
 16. Александр Кинщак: экспорт пшеницы из России на Ближний Восток растёт. URL: <https://ria.ru/20220902/kinschak-1813750923.html>

Daniyal Ranjbar Meshkin

Peoples' Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba

Department Theory and History of International Relations

PhD Student

Влияние санкций на ирано-российские отношения: сравнительное исследование до и после санкций

The Impact of Sanctions on Iran-Russia Relations:
A Comparative Study of Pre and Post-Sanction Era

Аннотация. В данной статье исследуется влияние санкций на ирано-российские отношения в период до и после санкций. Используя реализм и конструктивизм в качестве теоретических основ и сравнительный метод, он анализирует динамику изменений между двумя странами. Санкции подорвали экономику Ирана, углубив сотрудничество с Россией в различных сферах. Россия заполнила пустоту, оставленную западными странами, расширив экономические связи и усилив военное сотрудничество. Это развивающееся партнерство бросает вызов западным державам, влияя на глобальные альянсы и баланс сил. Результаты свидетельствуют о сложных и нюансированных отношениях, как с совпадением, так и с расхождением интересов.

Ключевые слова: Иран; Россия; Санкции; Сдвиг; Западные страны; вызовы; Возможности.

Abstract. This article explores the impact of sanctions on Iran-Russia relations in the pre and post-sanction eras. Using realism and constructivism as theoretical frameworks and a comparative method, it analyses the shifting dynamics between the two countries. The sanctions disrupted Iran's economy, deepening cooperation with Russia in various sectors. Russia filled the void left by Western countries, expanding economic ties and enhancing military collaboration. This evolving partnership challenges Western powers, influencing global alliances and the balance of power. The results suggest a complex and nuanced relationship, with both convergence and divergence in interests.

Keywords: Iran; Russia; Sanctions; Shift; Western Countries; Challenges; Opportunities.

Introduction

Iran and Russia have long-standing historical ties and shared interests that have shaped their bilateral relations. However, the imposition of sanctions on Iran has had a significant impact on not only Iran's economy but also its international relations, including its relationship with Russia. This article aims to explore the impact of sanctions on Iran-Russia relations, providing a comparative study of the pre-and post-sanction era.

Iran-Russia relations have a complex history, influenced by geopolitical considerations, energy partnerships, and shared regional interests. Prior to the imposition of sanctions, the two countries maintained a relatively friendly relationship characterized by political cooperation, economic interactions, and strategic collaboration. These ties were based on shared concerns, such as countering Western influence and addressing regional security challenges.

However, the imposition of sanctions on Iran by the international community, primarily led by the United States, changed the dynamics of Iran's relationship with the world, including Russia. The sanctions aimed to restrict Iran's nuclear program, its access to global financial markets, and its ability to engage in international trade. The impact of these sanctions on Iran's economy has been profound, leading to inflation, currency devaluation, and a decline in foreign investments. [1]

The objective of this article is to analyze the effects of sanctions on Iran-Russia relations and compare the dynamics before and after the imposition of sanctions. By examining the shifting dynamics between the two countries in the post-sanction era, we can gain insights into the extent to which Russia has filled the void left by Western countries and how Iran has turned to its eastern neighbor for economic and strategic cooperation.

Understanding the impact of sanctions on Iran-Russia relations is not only crucial for comprehending the bilateral dynamics but also for grasping the broader implications of regional and global geopolitics. As Iran and Russia deepen their cooperation in various sectors, it raises questions about the reactions of other countries, particularly those in the Middle East and the West. Furthermore, the strengthening of the Iran-Russia partnership may have significant consequences for the regional balance of power and the overall stability of the Middle East.

This study employs a comparative analysis approach, using data from various sources, including official reports, academic journals, and media sources. The analysis is based on a review of the literature on the impact of sanctions on international relations, as well as on the specific case of Iran-Russia relations. The study also draws on theoretical frameworks such as realism and neo-realism to analyze the impact of sanctions on Iran-Russia relations.

In the following sections of this article, we will delve into the pre-sanction era of Iran-Russia relations, explore the specific measures and restrictions imposed by sanctions, analyze the shifting dynamics between the two countries in the post-sanction era, and examine the challenges and opportunities they face. Additionally, we will assess the broader global implications of their evolving relationship.

Through this comparative study, we hope to shed light on the multifaceted impact of sanctions on Iran-Russia relations and provide insights into the future prospects of their partnership in a post-sanctions environment.

Pre-Sanction Era

Iran and Russia shared a historical relationship that was characterized by cooperation and shared interests prior to the imposition of sanctions. Before the imposition of sanctions, Iran and Russia had a history of cultural, diplomatic, and political exchanges that spanned several centuries. The two nations often found common ground in countering Western influence and addressing regional security challenges. For instance, in the early 19th century, Iran and Russia signed the Treaty of Gulistan (1813) and the Treaty of Turkmenchay (1828), which defined their borders and marked a significant milestone in their diplomatic relations [2].

During the pre-sanction era, political cooperation between Iran and Russia was evident in various domains. Both countries shared a similar perspective on key regional issues, such as the Israeli-Palestinian conflict and the stability of Afghanistan. They often aligned their positions in international forums, including the United Nations, to amplify their voices and protect their shared interests.

Economic interactions played a vital role in the pre-sanction era of Iran-Russia relations. Both countries recognized the importance of

economic cooperation and actively sought ways to enhance bilateral trade and investment.

Energy cooperation was a significant aspect of their economic partnership. Russia, as a major producer and exporter of oil and natural gas, found Iran to be a potentially lucrative market and a gateway to the energy-hungry regions of South Asia. Several energy projects were initiated, including the construction of oil and gas pipelines, joint exploration and production activities, and investments in Iran's energy infrastructure [3].

Additionally, Russia provided technical expertise and assistance to Iran in the development of its nuclear energy program. The Bushehr Nuclear Power Plant, constructed by Russia, stands as a notable example of their collaboration in the energy sector.

Beyond politics and economics, Iran and Russia identified areas of mutual interest where they could collaborate strategically. This collaboration was often motivated by their shared concerns about regional security and stability.

In the military realm, Iran and Russia engaged in defense cooperation, including arms sales, joint military exercises, and technology transfers. This collaboration allowed Iran to enhance its defense capabilities while Russia gained a valuable partner in the region. Moreover, both countries recognized the importance of countering narcotics trafficking and terrorism, which posed significant challenges to regional security. They cooperated closely in intelligence sharing, law enforcement, and border control measures to address these shared threats [4]. However, the relationship between both countries faced challenges through the imposition of sanctions and international pressures on Iran and, later, on Russia.

Imposition of Sanctions

The imposition of sanctions on Iran by the international community had a profound impact on the country's economy and its relations with other nations, including Russia. The international community, primarily led by the United States, imposed sanctions on Iran for several reasons. The primary concern was Iran's nuclear program, which raised suspicions about its intentions and the potential development of

nuclear weapons. The sanctions aimed to pressure Iran into complying with international non-proliferation agreements and ensuring greater transparency in its nuclear activities.

Furthermore, the West justified using sanction policy toward Iran because Iran's alleged support for terrorism, its regional influence, and its human rights record were also factors that contributed to the imposition of sanctions. The international community sought to curtail Iran's actions and influence at the beginning through economic and diplomatic pressures and later by covering more sections of Iran.

The sanctions imposed on Iran encompassed a wide range of measures targeting its economy, trade, finance, and energy sectors. The United States, the European Union, and the United Nations implemented various types of sanctions, including:

- Financial sanctions: Iran was cut off from the global financial system, making it difficult for Iranian entities to access international banking services and conduct transactions. Correspondent banking relationships were severed, and international financial institutions were prohibited from dealing with Iranian banks.
- Trade sanctions: The sanctions restricted Iran's ability to engage in international trade, limiting its access to vital goods, technologies, and services. Export controls and import restrictions were imposed on sensitive dual-use items that could potentially be used for military purposes.
- Energy sector sanctions: The sanctions targeted Iran's energy sector, which plays a significant role in its economy. Restrictions were placed on Iran's oil exports, limiting its ability to sell oil on the international market. This had a severe impact on Iran's oil revenues and its overall economic stability [5].

The sanctions had far-reaching consequences for Iran's economy and its people. The restrictions on financial transactions and access to international banking services hindered foreign investments, weakened the Iranian currency, and caused inflation. Iran's ability to attract foreign businesses and engage in international trade was severely curtailed.

The energy sector sanctions, particularly the restrictions on oil exports, dealt a significant blow to Iran's economy. Oil revenues, a major

source of income for the country, declined sharply, leading to budget deficits and reduced government spending on social welfare programs [6].

Moreover, the sanctions impacted various sectors, including manufacturing, agriculture, and transportation, as the Iranian economy became isolated from global markets and faced difficulties in procuring necessary inputs and technologies.

The sanctions also had social and humanitarian consequences. Access to essential medicines, humanitarian aid, and technological advancements for medical purposes became challenging. The Iranian population faced difficulties in obtaining necessary healthcare services and supplies, thereby affecting their well-being [7].

In the face of sanctions, Iran sought alternative partnerships and avenues for trade and investment. This led to a shift in its relations with Russia as the two countries explored closer cooperation to mitigate the impact of the sanctions.

The Shifting Dynamics

The imposition of sanctions on Iran led to a shift in the dynamics of Iran-Russia relations in the post-sanction era. The sanctions imposed on Iran created significant challenges for its economy, particularly in terms of trade and investment. Russia, recognizing the opportunities arising from Iran's isolation, intensified its economic cooperation with Iran in various sectors.

Trade between Iran and Russia experienced substantial growth in the post-sanction era. Russia became a vital trading partner for Iran, providing alternative markets for Iranian exports and sources of imports. Bilateral trade agreements were signed, focusing on areas such as agriculture, manufacturing, technology, and infrastructure development.

Additionally, Russia's engagement in Iran's energy sector expanded. Russian energy companies, such as Gazprom and Rosneft, forged partnerships with Iranian counterparts, enabling investment in oil and gas exploration, production, and infrastructure. Russia's involvement helped Iran mitigate the impact of reduced oil exports caused by sanctions [8].

The sanctions era witnessed an increase in military and defense collaboration between Iran and Russia. As Iran faced restrictions on acquiring advanced military technology and weaponry from Western countries, Russia emerged as a crucial partner in meeting Iran's defense needs.

Russia supplied Iran with military hardware, including air defense systems, fighter jets, and advanced missile technology. Joint military exercises and training programs were conducted, enhancing the interoperability of their armed forces. This collaboration enabled Iran to strengthen its defense capabilities despite the limitations imposed by the sanctions.

The sanctions on Iran led to a convergence of interests and diplomatic alignment between Iran and Russia on various regional and global issues. Both countries found common ground in countering what they perceived as Western hegemony and interventionism in the Middle East [9].

Iran and Russia aligned their positions on key regional conflicts, such as the Syrian civil war. Both countries supported the Syrian government, cooperating militarily and diplomatically to counter rebel groups and extremist organizations. This collaboration showcased their shared commitment to stability in the region and their opposition to external intervention.

Furthermore, Iran and Russia coordinated efforts in international forums, including the United Nations, to protect their shared interests. They worked together to resist measures that targeted their sovereignty and to counterbalance the influence of Western powers in shaping regional policies.

The shifting dynamics between Iran and Russia in the post-sanction era demonstrate how Russia stepped in to fill the void left by Western countries. Russia's deepening economic cooperation, military collaboration, and diplomatic alignment with Iran provided strategic benefits for both nations. However, there are challenges and opportunities for partnership between both countries that need to be mentioned.

Challenges and Opportunities

The post-sanction era brought both challenges and opportunities for Iran and Russia as they deepened their partnership amidst the sanctions regime. The sanctions imposed on Iran presented significant challenges for both Iran and Russia. Iran, as the target of the sanctions, had to contend with the economic repercussions, including reduced access to global financial markets, limited foreign investment, and restricted international trade. The sanctions created hurdles for Iran's economic growth and development.

For Russia, the challenges lay in balancing its strategic interests with the risk of antagonizing Western powers. The deepening partnership with Iran brought Russia closer to a country that was under international scrutiny, potentially straining its relations with Western countries. Russia had to carefully manage its engagement with Iran to avoid facing backlash and additional sanctions from the West. Although, imposing sanctions against the Russian Federation increased the cooperation between two countries [10].

The sanctions era provided opportunities for Iran and Russia to strengthen their strategic partnerships in various sectors. As Western countries retreated from the Iranian market due to sanctions, Russia stepped in to fill the void, capitalizing on economic opportunities and expanding its influence.

One notable opportunity arose in the energy sector. With Iran's reduced ability to export oil, Russia became an important partner in Iran's energy market. Russian companies invested in Iran's energy infrastructure, participated in joint exploration and production activities, and secured long-term agreements for oil and gas trade. This collaboration allowed Iran to diversify its energy partnerships and expand its reach beyond Western markets [10, p. 15]

Furthermore, the deepening military cooperation between Iran and Russia presented opportunities for both countries. Russia supplied Iran with advanced military technology, enhancing Iran's defense capabilities. This partnership allowed Russia to demonstrate its role as a reliable ally and strengthen its presence in the region.

The shifting dynamics between Iran and Russia in the post-sanction era had broader geopolitical implications. The deepening partnership between the two countries altered the regional balance of power and influenced the dynamics in the Middle East [10, p.57]

As Iran faced increased isolation from the West, it sought closer ties with Russia as a means of expanding its regional influence. The collaboration between Iran and Russia in addressing regional conflicts, such as the Syrian civil war, challenged Western dominance and shaped the geopolitical landscape in the Middle East [10, p.54]

The strengthened Iran-Russia partnership also prompted reactions from other regional and global actors. Western countries, particularly the United States and its allies, viewed the growing alliance

with concern, as it potentially diminished their influence in the region. Meanwhile, countries in the Middle East evaluated the changing dynamics and adjusted their own regional strategies in response.

Global Implications

The evolving Iran-Russia relationship in the post-sanction era carries significant implications for regional and global dynamics. The deepening alliance between Iran and Russia has led to a shift in regional dynamics, particularly in the Middle East. This partnership has challenged the traditional dominance of Western powers in shaping regional policies and has introduced an alternative power axis.

The joint efforts of Iran and Russia in addressing regional conflicts, such as the Syrian civil war, have altered the balance of power and influenced the outcomes of these conflicts. Their collaborative approach has provided support to governments and factions aligned with their interests, reshaping the geopolitical landscape in the region.

Furthermore, the growing Iran-Russia partnership has prompted other regional actors to reassess their alliances and strategies. Traditional allies of the United States in the Middle East, such as Saudi Arabia and Israel, have closely monitored and responded to the deepening Iran-Russia relationship. This has led to adjustments in regional dynamics and the formation of new alliances and partnerships [11].

The closer cooperation between Iran and Russia in the post-sanction era has had repercussions on international alliances. The alignment of Iran, a significant regional player, with Russia, has challenged the unity and consensus within international forums and created divisions among global powers.

The Iran-Russia partnership has strained the relationship between Russia and Western countries, particularly the United States and its European allies. Disagreements over Iran's nuclear program, regional conflicts, and human rights issues have strained diplomatic ties and affected broader international cooperation.

Furthermore, the Iran-Russia alliance has prompted re-evaluations of existing alliances and partnerships. Countries in the Middle East and beyond have sought to align themselves with either the United States-led Western bloc or the Russia-led alternative axis, depending on their

interests and regional dynamics. This has contributed to a complex and dynamic geopolitical landscape.

The evolving Iran-Russia relationship in the post-sanction era has implications for the global balance of power. The partnership between two significant players in the Middle East challenges the established power dynamics and introduces a new dimension to global politics.

The deepening Iran-Russia alliance provides an alternative power axis in the region, countering the influence of Western powers. This has the potential to reshape the balance of power in the Middle East and influence decision-making processes on regional and international issues [12].

Moreover, the collaboration between Iran and Russia demonstrates the strategic choices made by countries in response to the changing global order. It highlights the willingness of nations to seek alliances beyond traditional partnerships and diversify their sources of influence and support.

Conclusion

The impact of sanctions on Iran-Russia relations has been significant, reshaping the dynamics between the two countries in the pre and post-sanction eras. Through a comparative study, this article has explored the shifting nature of their relationship, examining the pre-sanction era, the imposition of sanctions, the shifting dynamics, challenges, and opportunities, and the global implications that arise from their evolving partnership.

The pre-sanction era witnessed a deepening of economic, political, and strategic ties between Iran and Russia. However, the imposition of sanctions on Iran by the international community disrupted this progress and posed severe challenges to Iran's economy and its relations with other nations. The sanctions regime compelled Iran to seek alternative partnerships, leading to a deepening of its cooperation with Russia in various sectors.

The deepening Iran-Russia relationship in the post-sanction era has presented both challenges and opportunities. Russia filled the void left by Western countries, expanding economic cooperation, enhancing military collaboration, and aligning their positions on regional and in-

ternational issues. This partnership has reshaped regional dynamics in the Middle East, prompted adjustments in international alliances, and influenced the global balance of power.

The research conducted for this article has revealed several key findings. Firstly, the imposition of sanctions on Iran had profound economic consequences, affecting various sectors of the Iranian economy and limiting its engagement with the international community. Secondly, Russia's engagement with Iran in the post-sanction era provided opportunities for both countries to deepen their economic ties, strengthen military collaboration, and exert influence in the region. Thirdly, the evolving Iran-Russia relationship has challenged the traditional dominance of Western powers, prompting adjustments in international alliances and influencing the global geopolitical landscape.

This study provides new insights into the impact of economic sanctions on Iran-Russia relations, highlighting the complex and nuanced nature of the relationship between the two countries. The results suggest that while sanctions have contributed to the deepening of Iran-Russia relations in some areas, they have also highlighted the divergent interests of the two countries in others.

Bibliography

1. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана // Аспект Пресс. 2018.
2. Karami J. Iran-Russia Relations: New Opportunities and Existing Problems // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4.
3. J. Persian dreams: Moscow and Tehran since the fall of the Shah // National Library of Australia. 2009. URL: <https://catalogue.nla.gov.au/Record/4548702>.
4. Sleiman R. Russia and Iran: Common Interests, Ongoing Differences and Growing Risks // Middle East Centre. 2018. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/05/07/russia-and-iran-common-interests-ongoing-differences-and-growing-risks/>.
5. UN Security Council Resolutions on Iran | Arms Control Association // Armscontrol 2022. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Security-Council-Resolutions-on-Iran#res1737>.
6. Yazdanfam M. International Sanctions and the Islamic Republic of Iran's National Security // *Strategic Studies Quarterly*. 2007. Vol.9. № 34. — URL: http://quarterly.risstudies.org/article_965.html?lang=en.

7. Duncan.A. The Iran (Sanctions) (Nuclear) (Eu Exit) Regulations // Report Under Section 2(4) Of The Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018. 2019. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/461/pdfs/ukxi0d_20190461_en.pdf.
8. Avdaliani E. Russia and Iran — 2023 Bilateral Trade and Investment Dynamic // Russia Briefing News. 2023. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-and-iran-2023-bilateral-trade-and-investment-dynamic.html/>.
9. Therme C. The Russian-Iran Partnership in a Multipolar World // Russia / NIS Center. 2022.
10. Belobrov Y. Y., Demidenko S. V., Sazhin V. I. Modern Russian-Iranian Relations: Challenges and Opportunities // Russian International Affairs Council. 2014.
11. Grajewski N. Russia and Iran in Greater Eurasia // INSIGHTS. 2020.
12. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges [Electronic resource] // Russia in Global Affairs. 2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/irans-eastern-policy/>.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ»

Баранов Илья Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Роль России в современной внешнеполитической стратегии Турции

Russia's role in Turkey's modern foreign policy strategy

Аннотация. Данная статья посвящена определению роли России во внешнеполитической стратегии Турции и перспективам современных российско — турецких отношений, а также причинам и внешним обстоятельствам, обуславливающим укрепление партнерских связей, налаженных при президентах Путине и Эрдогане. При детальном рассмотрении процесса эволюции внешней политики Турецкой республики с начала XXI в. были выявлены ее ключевые направления и наиболее актуальные проблемы. В результате анализа двусторонних отношений Турции с ее соседями и США был сделан вывод о известной неустойчивости внешнеполитического положения Турции в силу обострения отношений с соседними государствами, риска изоляции и растущей из этого потребности в поиске новых партнеров, наиболее значимым из которых стала Россия.

Ключевые слова. Российско — турецкие отношения, стратегическая глубина, мягкая сила, риск изоляции, Mavi Vatan, баланс сил, стратегическая автаркия, рациональный выбор.

Abstract. This article is devoted to determining the role of Russia in Turkey's foreign policy strategy and the prospects of modern Russian-Turkish relations, along with the reasons and external circumstances that determine the strengthening of partnerships established under Presidents Putin and Erdogan. A detailed examination of the evolution of the foreign policy of the Republic of Turkey since the beginning of the XXI century revealed its key directions and the most pressing problems. As a result of the analysis of Turkey's bilateral relations with its neighbors and the United States, it was concluded that Turkey's foreign policy situation is unstable due to the aggravation of relations with neighboring states, the risk of isolation and the growing need to find new partners, the most significant of which is Russia.

Key words. Russian — Turkish relations, strategic depth, soft power, risk of isolation, Mavi Vatan, balance of power, strategic autarky, rational choice.

Точка старта — кемализм

В третье тысячелетие Турецкая Республика вступила как государство регионального значения, являющееся в большей мере объектом чем субъектом международных отношений. В основе внешней политики Турции с 1920-х гг. лежал кемализм — специфическая идеология турецкого национализма.

Кемализм в сущности предполагает отказ от имперских амбиций и использования жесткой силы, поскольку такая политика, отвлекая большой объем ресурсов, тормозит социально-экономическое и культурное развитие молодой нации. Во 2-й половине XX в. Турция стала членом НАТО, что фактически избавило страну от многих проблем в области защиты от внешних угроз, поэтому фокус на внутренних проблемах представлялся целесообразным. Но с окончанием Холодной войны система международных отношений в корне изменилась, в частности, после распада СССР изменился расклад сил в Черноморском регионе и Центральной Азии, и перед Турцией встал вопрос «как выстраивать отношения с новой Россией и другими бывшими республиками СССР?». В то же время США обрели роль мирового

гегемона и в 1990-е гг. регулярно проводили военные операции в том числе и на Ближнем Востоке — в сфере непосредственных интересов Турции. Одно из важнейших последствий американских интервенций в регион — распространение международного терроризма: на рубеже тысячелетий он становится по — настоящему глобальной проблемой. Еще больше положение на Ближнем Востоке дестабилизировала «Арабская весна». В отношении политического курса Анкары исламистские правительства арабских государств были настроены скептически: демократизация, попытки участия Турции в евроинтеграции и сближение с США воспринимались резко негативно. Испортившиеся отношения с арабским миром были одной из главных проблем внешней политики Турции в XXI в.

Стратегическая глубина — первый шаг к трансформации

Первой попыткой исправить такое положение дел стала доктрина министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу, получившая название «Ноль проблем с соседями» (суть изложена в его работе «Стратегическая глубина»). Благодаря использованию выгодного геостратегического положения и инструментов «мягкой силы» Турция добилась значительных успехов в укреплении отношений с Грецией, Ираком, Ливией, Иорданией, Россией и даже Арменией. Также стоит отметить особую роль Турции в диалоге между Западом и Востоком. США и ЕС воспринимали Турцию как проводника либерально — демократических ценностей в исламской мире. Отчасти этим обусловлено то, что Анкара для налаживания отношений с соседями чаще применяла «мягкую силу». Так Турция постепенно решала свои внешнеполитические задачи: отношения с Египтом укреплялись за счет торговли природными ресурсами (Турция стала транзитером египетского газа); с Арменией — за счёт «футбольной дипломатии» и государственных визитов; с Грецией — благодаря общей интенсификации межправительственных взаимодействий (с 2010 г. действует Совет по стратегическому сотрудничеству высшего уровня); с Россией — за счет развития социально — экономических связей (в 2010 г. было подписано соглашение о взаимной отмене виз для граждан

России и Турции). Еще одним важным направлением внешней политики Турции в постбиполярном мире была Центральная Азия. В этом регионе Анкара руководствовалась идеями пантюркизма для распространения своего влияния на тюркоязычные народы. «Ритмичная дипломатия» по линии **США — ЕС — исламский мир** принесла свои плоды. Постепенно Турция отходила от роли «малого государства», набирая вес в мировой политике.

Однако политика «Ноль проблем с соседями» не могла коренным образом изменить роль Анкары в региональных и глобальных международных отношениях. В 2010-е гг. Турция столкнулась с новыми вызовами, преодоление которых потребовало новых инструментов внешней политики: теракты в турецких городах, осложнение отношений с соседями (Египтом, Сирией, Саудовской Аравией), обострившийся курдский вопрос, кризис евроинтеграции и отношений с США. Чтобы справиться с этими вызовами, Анкаре пришлось кардинально пересмотреть свой подход к проведению внешней политики. В 2013 г. в результате военного переворота в Египте был свергнут Мухаммед Мурси, поддержанный Турцией во время «Арабской весны»; неудачная ставка на поддержку сирийской оппозиции привела к разрыву отношений с администрацией Башара Асада; попытка прийти к взаимопониманию по сирийскому вопросу с суннитами Сирии и Ирака привела к осложнению отношений со стратегически важным партнером — Ираном; как никогда прежде остро встал курдский вопрос, о чем свидетельствует колоссальное количество терактов на территории Турции. Совокупность этих реалий турецкой внешней политики позволяет сделать следующий вывод: политика «Ноль проблем с соседями» перестала приносить плоды после радикальных перемен 2011–2012 гг., полностью поменявших характер международных отношений на Ближнем Востоке. Турция рисковала остаться в полной изоляции, однако смена режимов в арабских государствах, российское и американское вмешательство в Сирии подтолкнули Анкару к смене инструментов внешней политики. Так Турция под управлением Эрдогана и ПСР обратилась к «жесткой силе». Правительство взяло курс на стратегическую автаркию с целью обеспечить себе полную независимость от союзников по НАТО в вопросах обороны.

Российское направление в обновленной внешнеполитической стратегии Турции

2016 г. стал поворотным для внешней политики Турецкой Республики. Идеология неоосманизма прекрасно коррелировала с растущими амбициями правящих элит, что объясняло растущую заинтересованность Турции в наращивании влияния на территориях, когда — то входивших в состав Османской империи, а именно — в Ливии, Сирии, Йемене, Карабахе и, в каком — то смысле, даже в Украине. Кроме того, в 2016 г. в недавнем прошлом главный идеолог турецкой внешней политики, а также автор концепции «Стратегическая глубина», — Ахмет Давутоглу — ушел в отставку. Именно в этот переходный период интересы Турции сталкиваются с интересами мировых держав, в первую очередь — США и России. И если с Вашингтоном Анкару давно связывают союзнические отношения, то роль Москвы еще не была определена, но турецкие элиты в целом и Эрдоган в частности понимали, что курс на стратегическую независимость и повышение «ранга» турецкой державы невозможно без конструктивных отношений с Кремлем. Как наиболее значительные направления российско — турецкого сотрудничества стоит выделить сельское хозяйство, финансовый сектор, энергетическую отрасль (дешевый газ через газопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток»; строящаяся АЭС «Аккую») и оборонную промышленность (Турция приобретает экспортную модификацию системы ПРО российского производства — С-400 — даже под угрозой срыва сделки по покупке американских истребителей F-16, в разработку которых турецким правительством были инвестированы значительные средства). По итогам 2022 г. Турция стала шестым по объему торговли партнером России (+84% г/г. по данным ФТС). С обратной стороны, Россия — второй по объему импорта и десятый по объему экспорта партнер Турции. Вероятно, в 2023 г. положительная динамика в этом аспекте сохранится, поскольку Турция в определенном смысле стала «мостом» между Россией и Евросоюзом благодаря транзиту энергоносителей и т.н. параллельному импорту. В дополнение ко всему, Турция также получает огромную выгоду от ограниченных возможностей российских туристов выехать за рубеж: помимо курортных регионов Турция

предоставляет им пересадочный узел, позволяющий обойти, например, закрытое для российских самолетов европейское небо.

В то же время Россию и Турцию связывают некоторые стратегические интересы. В частности, обе страны заинтересованы в том, чтобы как можно сильнее сократить влияние США в Ближневосточном и Центральноазиатском регионах. Для этого Россия и Турция прибегают к активным контактам с Ираном, очевидно настроенным против агрессивной ближневосточной политики США. В будущем, возможно, Вашингтону придется противостоять тактическому альянсу Москвы, Анкары и Тегерана. Кроме того, даже несмотря на членство в НАТО, правящие круги Турции отказались от проамериканской позиции по украинскому кризису и приняли решение придерживаться роли «посредника» между Россией и Западом. Таким образом, Турция нужна обеим сторонам конфликта, что позволяет ей получать определенные бенефиты одновременно и от России, и от США, вследствие чего ее роль в международных отношениях постепенно растет. Политика «лавирования» и курс на стратегическую автаркию (Эрдоган заявил, что к 2023 г. Турция должна самостоятельно обеспечивать все свои оборонные потребности) определенно соответствуют региональным и глобальным амбициям Турецкой Республики.

«Ноль соседей без проблем», Mavi Vatan и угроза изоляции

Еще одной проблемой, с которой столкнулась Турция в результате вышеописанных перемен в своей внешней политике, стала угроза региональной изоляции. Политика «Ноль проблем с соседями» обернулась ситуацией, которую некоторые эксперты зачастую характеризуют как «ноль соседей без проблем». На сегодняшний день у Турции практически не осталось надежных союзников на Ближнем Востоке. Рассмотрим двусторонние отношения Турции и стран региона, представляющих, пожалуй, наибольший интерес для внешней политики этой страны.

Сирия. В корне противоречий — курдский вопрос, приведший к турецкому военному вмешательству, поддержке оппозиционных сил и фактическому отказу от диалога с президентом Башаром Асадом.

Иран. За тесным экономическим сотрудничеством скрываются стратегические противоречия: основной внешний враг Ирана — США — союзник Турции, и в случае кризиса в американо — иранских отношениях маловероятен исход, при котором Турция предпочтет поддержать Иран.

Ирак. Несмотря на то, что долгое время отношения Анкары с иракскими курдами складывались лучше чем с сирийскими курдами, военная операция «Коготь — замок» на территории Ирака сильно ударила по отношениям Анкары и Багдада. После этого вновь активизировались курдские террористы, что привело к нескольким терактам и огромным человеческим жертвам в Турции.

ОАЭ. Отношения между ОАЭ и Турцией неуклонно ухудшаются с того момента, как власти ОАЭ поддержали попытку военного переворота в Турции (согласно утечкам из электронной почты посла ОАЭ в США — Юсефа аль-Утайби). Кроме того, ОАЭ также стремятся к региональному лидерству, и поэтому резко критикуют турецкие операции в Сирии и поддержку Катара. Турция в свою очередь в 2018 г. осудила военное присутствие ОАЭ в Йемене без согласия правительства Йемена.

Саудовская Аравия. Напряженные отношения между Турцией и королевством окончательно испортились после жестокого убийства журналиста Джамалья Хашогги в саудовском консульстве в Стамбуле в 2018 г. В Эр-Рияде также как и в Абу-Даби с опаской смотрят на военную модернизацию Турции.

Греция. После некоторого потепления в греко — турецких отношениях наступила новая волна эскалации в связи с обострением территориальных споров в Восточном Средиземноморье: доктрина «Голубая родина» предполагает расширение исключительной экономической зоны Турции, в том числе в районах, богатых полезными ископаемыми. Греция опирается на морскую Конвенцию ООН, позволяющую расширить ИЭЗ благодаря обитаемым островным территориям, что противоречит интересам Турции, не ратифицировавшей данную Конвенцию

Кипр. До сегодняшнего дня крупнейший остров Восточного Средиземноморья остается разделенным надвое между греками — киприотами и турками — киприотами, что остается, вероятно, главным камнем раздора между Турцией и Европейским

Союзом. Процесс интеграции Турции в ЕС фактически обратился вспять в 2000-е гг. как раз по причине неразрешимости данного конфликта. На сегодняшний день стороны, по-видимому, даже не стремятся к конструктивному диалогу.

Армения. Важнейшей причиной межнационального армяно — турецкого конфликта является геноцид армян, организованный властями Османской империи в 1915 г. На данный момент ситуация остается сложной: «футбольная дипломатия» и встреча представителей властей в Москве в январе 2022 г., с одной стороны, демонстрируют стремление Еревана и Анкары поскорее преодолеть разногласия, с другой стороны, каких-то конкретных мер по нормализации отношений не предприняли ни те, ни другие. Предложения Эрдогана, касающиеся постройки новых железных дорог и автомагистралей с экстерриториальным статусом, получают однозначно негативную реакцию в Армении несмотря на личную готовность Пашиняна вести конструктивный диалог и совершать определенные шаги навстречу Турции.

Египет. Отношения Анкары и Каира испортились еще в 2013 г. после свержения Мухаммеда Мурси, поддерживаемого Турцией представителя исламистской организации «Братья-мусульмане», деятельность которой до сих пор официально запрещена на территории Египта. Суть современных египетско-турецких противоречий заключается в территориальных спорах, связанных с демаркацией морских границ в Восточном Средиземноморье. Египет при сотрудничестве с Грецией, Кипром и Израилем стремится к изоляции Турции в регионе и нейтрализации ее геостратегических преимуществ. Так вышеперечисленные государства приступили к реализации проекта газопровода «EastMed» в обход территории Турции.

Израиль. Отношения между Израилем и Турцией складываются в крайне непростую мозаику из множества важных элементов: объем торговли между странами растет ежегодно, высшие должностные лица обмениваются государственными визитами, дипломатические отношения восстановлены, однако в корне турецко-израильских противоречий лежат вопросы, имеющие огромное значение для обеих сторон. Во-первых, арабо-израильский конфликт, в рамках которого стороны, очевидно,

занимают противоположные позиции. Турция не готова идти на уступки, о чем свидетельствует отказ выдавать Израилю палестинцев из ХАМАС, находящихся на территории Турции, в силу того, что Анкара не признает ХАМАС террористической организацией. Во-вторых, Израиль еще в 2019 г. подписал с Грецией и Кипром соглашение о строительстве газопровода EastMed (маршрут газопровода обходит стороной турецкие территориальные воды). С одной стороны, это делает транзит газа более безопасным, поскольку Израиль не может делать такую большую ставку на Турцию, отношения с которой не отличаются стабильностью, тогда как Греция и Кипр кажутся более надежными партнерами.

Внешнее давление и необходимый противовес

Таким образом, на сегодняшний день Турция, набирающая политический вес как в ближневосточном и средиземноморском регионах, так и в масштабах глобальной системы международных отношений, очевидно вызывает недовольство у всех своих наиболее влиятельных соседей. В Анкаре четко осознают, какие возможности и какие риски несет трансформацию современной системы международных отношений, стремящейся к многополярности, и политические элиты Турции, безусловно, имеют определенные основания рассчитывать на то, что их страна, как максимум, станет одним из центров силы в новой глобальной системе или, как минимум, единоличным лидером в регионе, однако также Эрдоган и его ближайшее окружение ясно видят риск изоляции Турции и объединения всех заинтересованных в ее ослаблении игроков. Арабским государствам не нужен сильный и амбициозный конкурент в сфере энергетики, к тому же, с внутренним демократическим устройством (пусть и весьма далеким от эталона демократического общества), глубокие, уходящие корнями в далекое прошлое, противоречия, связывающие Турцию с Арменией и Израилем, судя по всему, не предполагают разрешения, которое удовлетворило бы все стороны; в то же время, США отнюдь не нужна активная, самостоятельная и, как следствие, непредсказуемая Турция: США нуждаются в «послушной» Анкаре

для сохранения своего влияния на Ближнем Востоке и, конечно, в Черноморском регионе для сдерживания распространения российского влияния. Все вышеперечисленные факторы заставляют турецкое правительство искать внушительный противовес, который смог бы компенсировать деструктивное влияние внешнего давления и хотя бы в краткосрочной перспективе сбалансировать отношение оппонентов и партнеров Турции на поле международных отношений.

Если мы принимаем такую логику, единственным подходящим партнером представляется именно Россия, поскольку в последние годы складываются благоприятные условия для конструктивного российско — турецкого сотрудничества. Обе стороны видят объективные выгоды, которые они путем поиска компромиссов могут извлечь из такого партнерства. Однако не стоит это воспринимать как неформальный союз или тем более дружбу, коей в большой политике, пожалуй, вовсе не существует. Российско — турецкие отношения носят сугубо прагматичный характер. Благодаря сотрудничеству с Москвой Анкара может нивелировать давление своих соседей и Вашингтона, недовольных самоуправством Турции в регионе, сразу в нескольких сферах. Во — первых, Россия готова поставлять Турции нужное ей вооружение. В 2017 г. был подписан до сих пор обсуждаемый контракт о поставке в Турцию экспортной модификации зенитно — ракетного комплекса С-400 «Триумф», что привело к отказу США от договоренности с Турцией по истребителям F-35. Тогда Россия попыталась пролоббировать собственные военные самолеты Су-35 и Су-57, а министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в интервью CNN Turk подтвердил, что альтернативные варианты по приобретению истребителей уже прорабатывается правительством. В 2020 г. начались активные переговоры по этому вопросу, однако сейчас о них ничего неизвестно. Во — вторых, важно помнить, что Россия — с большим отрывом первый экспортер сырой нефти и нефтепродуктов для Турции, что становится особенно значимым в нынешних обстоятельствах, поскольку в данный момент одна сторона остро нуждается в новых рынках сбыта, не требующих больших инвестиций в инфраструктуру, а другая — в дешевых энергоносителях для обеспечения стратегической автаркии,

которая должна гарантировать стране безопасность и независимость во внешней политике, и в таком случае российские ресурсы становятся более привлекательными, чем, например, арабские. В — третьих, в 2022 г. президенты Путин и Эрдоган договорились о создании в Турции газового хаба для Европы. Этот проект призван нивелировать ущерб, нанесенный в результате все еще нерасследованных терактов «Северным потокам» в Балтийском море и, как следствие, поставкам Российского газа в страны ЕС. Газовый хаб в Турции — крупнейший инфраструктурный проект, который затрагивает интересы множества сторон — интересы Турции, России и Евросоюза — напрямую, арабских стран, США — косвенно. Важно понимать, что реализация столь амбициозного проекта требует долгой и детальной предварительной проработки, анализа рисков и перспектив, а это значит, что, (если мы исходим из логики принятия заинтересованными акторами рациональных решений) лидеры государств, договорившиеся о создании газового хаба во Фракии, имеют основания считать, что их взаимоотношения достаточно надежные, а внешние обстоятельства достаточно благоприятные, чтобы брать на себя ответственность за известные риски при реализации столь масштабного и важного проекта.

Тем не менее, имеется известная вероятность обратного исхода: Россия на протяжении всего XXI в. стремится к упрочнению своего влияния в Европе за счет экспорта энергоносителей, и, безусловно, нефтегазовые доходы важны для Кремля не меньше, чем для Европы энергетическая безопасность, однако в последние годы мы имели возможность наблюдать за печальной судьбой Северного потока-2 — морского газопровода, позволяющего направлять природный газ прямо из страны — экспортера в страну-импортера — из России в Германию. Обе стороны заявляли, что СП-2 — важный шаг на пути к достижению энергетической безопасности благодаря отсутствию нестабильных транзитеров, и, в дополнение ко всему, экономически рентабельный проект. Однако в итоге всех его преимуществ оказалось недостаточно, когда между Россией и Евросоюзом обострились политические противоречия. Сперва под давлением США страны ЕС затягивали процесс укладки труб, а затем и сертификации Северного потока-2, вследствие чего в 2020 г. проект был фактически заморожен. Уже

следующий кризис в отношениях России и стран Запада окончательно доказал, что геополитические интересы и вопросы ценностей и идеологий имеют для обеих сторон большее значение, чем десятилетиями выстраиваемые инфраструктурные связи, энергетическая безопасность и экономическая стабильность. В марте и августе 2022 г. цена на газ в Европе приближалась к рекордно высоким 2 000 долларов за тысячу кубометров, а Россия в результате терактов на Северных потоках практически потеряла свой крупнейший рынок сбыта природного газа, что, кроме прочего, объясняет целесообразность создания газового хаба в Турции. Проект «Северный поток-2», в который суммарно было вложено около 9,5 млрд. евро, на сегодняшний день полностью парализован, и его будущее остается в высшей степени туманным.

Этот пример должен напомнить нам, что в международных отношениях нет четких и неопровержимых законов, поскольку за любыми процессами и событиями, изучаемыми нами, стоят люди — индивиды, далеко не всегда принимающие рациональные решения, и потому порой их действия могут быть совершенно непредсказуемыми.

Прагматичное сотрудничество

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: место России в современной стратегии внешней политики Турции в значительной степени уже определено. Стремясь к достижению статуса нового центра силы в региональном и даже глобальном масштабах, Анкара сталкивается с определенными издержками, связанными с недовольством других акторов, чьи интересы сталкиваются с интересами Турции. Вполне естественно, что Турция обращается к поиску балансера, который поможет компенсировать эти издержки, и в этом поиске Турция вполне ожидаемо обращается к сотрудничеству с Россией. Стороны, по — видимому, не питают иллюзий относительно характера своего двустороннего партнерства, однако все же продолжают прагматичное сотрудничество и даже берутся за реализацию масштабных совместных проектов, а значит рассчитывают на продолжение текущей линии их двусторонних отношений.

Библиография

1. Bakan Çavuşoğlu'ndan F-35 açıklaması // CNN Turk URL: <https://www.cnnturk.com/> (дата обращения: 22.04.2023).
2. Erdogan says Turkey in talks with US on sale of F-16 fighter jets // ALJAZEERA URL: <https://www.aljazeera.com/> (дата обращения: 22.04.2023).
3. GDP (current US\$) — Russian Federation // The World Bank URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 22.04.2023).
4. Mavi Vatan and Turkish-Greek ties // Hürriyet Daily News URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/> (дата обращения: 02.03.2023).
5. Russia (RUS) and Turkey (TUR) Trade // The Observatory of Economic Complexity URL: <https://oec.world/> (дата обращения: 22.04.2023).
6. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs URL: <https://www.mfa.gov.tr/> (дата обращения: 26.02.2023)
7. Думнова Е. С. Трансформация внешней политики Турции в XXI веке: дис. канд. полит. наук: Екатеринбург, 2014. — 103 с.
8. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).
9. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).
10. Турция и Израиль восстанавливают двусторонние отношения. Надолго ли? // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).

Ефимова Анна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Региональные державы на Ближнем Востоке: сравнение турецкого и российского подходов к развитию отношений с Ливаном

Regional Powers in the Middle East: comparison of Turkish
and Russian Approaches Developing Relations with Lebanon

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка сравнения подходов Российской Федерации и Турецкой Республики — двух региональных держав, к наращиванию влияния в Ливане как в одном из “хрупких” государств Ближневосточного региона. Данное исследование посвящено сравнению российского и турецкого подходов к выстраиванию билатеральных отношений с Ливаном на современном этапе, а также анализу роли данных держав в кризисе, который республика Ливан переживает последние несколько лет.

Abstract. This article attempts to compare the approaches of the Russian Federation and the Republic of Turkey, two regional powers, to increasing influence in Lebanon as one of the “fragile” states of the Middle East region. Using SWOT analysis, the author juxtaposes Russian and Turkish approaches to building bilateral relations with Lebanon at the present stage, as well as to analyzing the role of these powers in the crisis that the Republic of Lebanon has been going through for the past few years.

Ключевые слова: Россия; Турция; Региональные державы на Ближнем востоке; Российско-ливанские отношения; российско-турецкие отношения.

Keywords: Russia; Türkiye; Lebanon; Regional powers in MENA; Russia-Lebanon relations; Türkiye-Lebanon relations.

Введение

На сегодняшний день проблема ливанского кризиса остается одной из самых актуальных на Ближнем Востоке. По данным Всемирного банка, за последние несколько лет Ливан подвергся “самому разрушительному и длительному кризису в современной истории страны”. В 2022 году инфляция в стране достигла 171.2%, а после истечения срока полномочий Президента Мишеля Ауна в октябре того же года Ливан находится на пороге правительственного кризиса, будучи не в состоянии избрать президента и ожидая следующих досрочных выборов.

Нельзя отрицать, что страны, сочетающие в себе черты “хрупкости” (fragility), к которым на данный момент можно отнести Ливан [2], оказываются перспективными сферами влияния для вновь пришедших на Ближний Восток держав в виде образования вакуума в сфере безопасности и экономики. В проблеме Ливана важную роль играют региональная принадлежность к Ближнему Востоку и интересы различных государств к влиянию в данном регионе. И Россия и Турция являются странами, которые “вернулись” на Ближний Восток в результате смены вектора внешней политики и желания укрепиться как один из центров силы в регионе.

В связи с этим актуально провести комплексный **SWOT-анализ (Strengths, Weaknesses, Opportunities, Threats)** турецкого и российского присутствия в Ливане с момента вывода сирийских войск в 2005 году. Данный метод позволяет выявить сильные и слабые стороны проводимой в отношении Ливана политики, а также оценить потенциальные угрозы и возможности билатеральных отношений перечисленных стран с Ливаном. В ходе работы автор определяет место Ливана в концепциях внешней политики ТР и РФ и причину заинтересованности данных стран в сотрудничестве с ним, анализирует способы взаимодействия Турции и России с Ливаном, выявляет успехи и недостатки каждого из подходов и рассуждает о перспективах присутствия данных государств в Ливане.

Автор опирается на сформулированную Б. Бузаном **теорию комплексов региональной безопасности (КРБ)** [1], в которых

вновь пришедшие на Ближний Восток державы в лице Турции и России пытаются оказывать свое влияние.

Актуальность работы обусловлена и тем, что в условиях стремительно меняющегося миропорядка подвергается изменениям как внешняя политика Турции и России, так и ситуация на Ближнем Востоке в целом. Украинский кризис значительно развернул политику Российской Федерации в сторону ближневосточных стран, в результате чего открылись новые возможности в рамках билатерального сотрудничества. Санкционный режим, напротив, усложнил тонкости экономических отношений между РФ и государствами Ближнего Востока — в том числе и Ливаном. Турецкие выборы 14 мая 2023 года также имеют потенциал изменить турецкую политику в отношении Ливана и ближневосточного региона в случае победы лидера оппозиции Кемала Кылычдароглу. В связи с этим возникает необходимость оценки достигнутых Турцией и РФ результатов проведения внешней политики в Ливане.

Новизна исследования заключается в отсутствии в отечественной и зарубежной научной литературе качественного сравнительного анализа российского и турецкого присутствия в Ливане. Чаще всего авторы концентрируются на проблематике билатеральных отношений между странами, а также и на роли РФ и ТР в Сирийском кризисе как в поворотном событии для современного расклада сил в регионе. Между тем, часто опускается фактор борьбы за сферы влияния в Ливане.

Существуют значительные отличия между турецким и российским подходами к выстраиванию двусторонних отношений с Ливаном. В первую очередь они обусловлена целями присутствия обеих стран в регионе. При этом и РФ, и Турция имеют весьма комплексные отношения с про-иранской Хезболлой, не решаясь занять определенную позицию в отношении этого объединения.

Анализ турецкого присутствия в Ливане на современном этапе

Многие исследователи отмечают историческую важность Ливана в виду его многогранной идентичности, выгодного геополитического

положения и особого государственного строя — консоциальной демократии, который сосредотачивает власть в руках представителей различных религиозных меньшинств и открывает возможности для межгосударственного сотрудничества между ними.

Тем не менее, до прихода к власти Партии Справедливости и Развития (АКР) в 2000-х гг. и назначения Ахмеда Давутоглу министром иностранных дел Турецкой Республики Ливан считался второстепенным направлением внешней политики для страны. За назначением Давутоглу последовали визиты высокопоставленных турецких чиновников в Бейрут, результатом которых стал ряд совместных инициатив.

Огромную роль в изменении старой линии турецкой дипломатии сыграла работа будущего на тот момент министра иностранных дел А. Давутоглу “Стратегическая глубина” (Stratejik derinlik) [3]. В книге Турция была определена как “центральное государство”, которое должно стать “проактивным гарантом безопасности” на Ближнем востоке и в Северной Африке для того, чтобы усилить свое международное влияние. Одним из центральных понятий доктрины была политика “ноль проблем с соседями”, призывающая турецкое государство пойти на сближение с арабскими странами Ближнего Востока. Это стало отправной точкой в сближении Бейрута и Анкары.

Другой важной доктриной для понимания целей сотрудничества Анкары с Бейрутом является доктрина “Голубой родины” (Mavi vatan), направленная на защиту территориальных вод и месторождений в них. Действующая власть приняла ее во внимание после ряда потрясений на территории Турции в 2016 г.

Из вышеперечисленного вытекают следующие выводы по SWOT-анализу:

1) Strengths (сильные стороны)

В ходе анализа был выявлен преимуществ турецкого присутствия в Ливане. Безусловно сильной стороной турецкой политики является *people-to-people diplomacy* (дипломатия от людей к людям) и *мягкая сила*, направленная, главным образом, на суннитскую часть населения страны.

Особый упор Анкара делала на *гуманитарные инициативы*, главным образом охватывающие более бедные районы на севере

Ливана и в Триполи. За время нахождения у власти правящей Партии Справедливости и Развития был создан ряд инициатив по постройке инфраструктуры: дорог, ирригационных систем, больниц, университетов и школ. Отдельным элементом турецкой политики в Ливане стало предоставление ливанским гражданам стипендий для обучения в Турецкой республике. Сирийским беженцам, которые находились на территории Ливана, турецкая сторона также предложила свою помощь.

Турецкое правительство также показало себя в качестве надежного партнера в области репатриационной политики. Именно при нахождении ПСР у власти гражданам Ливана с турецкими корнями стали доступны программы репатриации.

Инструментом, который обеспечил преимущество турецкого влияния стали *государственные и негосударственные организации*, получившие новый толчок к развитию после прихода ПСР к власти. На территории Ливана успешно функционируют Фонд Юнуса Эмре, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации — ТІКА, турецкие стипендиальные программы (Türkiye Scholarships / Türkiye Bursları), турецкие СМИ (TRT World, Anadolu Agency).

Все вышеперечисленное успешно способствуют формированию позитивного образа Турции в сознании ливанцев.

2) Weaknesses (слабые стороны)

К слабым сторонам турецкого присутствия в Ливане можно отнести *слабые связи на уровне «government-to-government»* [11]. Как уже было отмечено, турецкое влияние было в основном ориентировано на суннитскую часть Ливана. Здесь стоит отметить, что в Национальном пакте 1943 года, заложившем основы политической системы Ливана, должность премьер-министра страны также отводилась мусульманину-сунниту, что могло бы дать преимущество для турецкого влияния на институциональном уровне. Тем не менее, возможности Анкары для распространения влияния на военный аппарат и политические институты (министерства, парламент) остаются весьма ограниченными, особенно в сравнении с институциональными возможностями Саудовской Аравии или Ирана в Ливане.

Очевидным недостатком турецкой политики в Ливане является *отсутствие четкой стратегии и зависимость от внутренних по-*

трясений и парадигмы власти. С 2002 по 2023 гг. турецкая внешняя политика претерпела ряд метаморфоз, от которых непосредственно зависит уровень влияния Турции на Ливанскую политику. После периода потепления между Анкарой и Бейрутом в 2010-х, турецкий имидж среди ливанских элит был заметно омрачен провалом инициативы Левантийского квартета в 2011 году. После отставки Ахмета Давутоглу в 2016 году и отказа от созданной им доктрины «стратегической глубины», турецкая сторона скорее реагировала на точечные изменения в ливанской политике, чем пыталась оказывать серьезное влияние на положение дел в стране. Стоит отметить и то, что за последние 20 лет Турция была вовлечена во многие региональные конфликты, и часто взаимоотношения с Ливаном становились второстепенным направлением для Анкары.

3) Opportunities (возможности)

Основной возможностью Турции в Ливане является *кризисная дипломатия*, которая позволит сформировать как институциональные связи с Бейрутом, так и поддерживать имидж страны при помощи мягкой силы. За последние годы усилилась роль *газовой дипломатии* в кооперации между двумя странами. Стоит отметить, что Турция и Ливан не являются участниками Средиземноморского газового форума, созданного в 2019 г. другими средиземноморскими державами. Это открывает им возможности для совместных инициатив в разработке углеводородов и отвечает целям Турции по уравниванию западного влияния на ближневосточные государства [9]. Стоит отметить, что перечисленные возможности открываются при любом исходе турецких выборов 2023 года. Данная тенденция отмечается как в Меморандуме турецкой оппозиции, так и в недавних заявлениях Эрдогана о продолжении разработок газовых месторождений в Средиземном море.

4) Threats (угрозы)

Наиболее серьезную и острую угрозу для турецкой политики в Ливане представляет *нестабильность на фоне предстоящих выборов 2023 года.* В Меморандуме, который в январе 2023 года представила объединенная турецкая оппозиция (Национальный альянс), внешней политике уделено второстепенное место. В то время как оппозиция признает заслуги администрации Эрдогана

в области мягкой силы (“мы будем стремиться к тому, чтобы наши граждане, проживающие за границей, и созданные ими НПО стали мягкой силой Турции и эффективными инструментами публичной дипломатии”), тем не менее, акцент делается на смене формы правления с президентской республики на парламентскую, а также на реформах миграционной политики. Исследователи сходятся на том, что оппозиционное правительство, в случае прихода к власти, будет слишком втянуто в решение внутренних проблем. Это значительно ослабит институциональные связи между Турцией и Ливаном. В случае победы Народного альянса, в состав которого входит правящая партия Справедливости и Развития ситуация для развития ливанско-турецких отношений будет более благоприятной, учитывая недавний ряд инициатив ТР по налаживанию отношений с соседями (Саудовской Аравией, Сирией и т.д.). Угрозой является и политическая нестабильность в самом Ливане — на данный момент в стране продолжается правительственный кризис, и Ливан формально не имеет президента.

Экономический кризис и инфляция в Турецкой Республике также оставляют проведение ряда инициатив в отношении Бейрута невозможным. Анкара всё чаще оказывается сосредоточена на решении внутренних проблем — например, ликвидации последствий землетрясения 2023 года, нежели чем на наращивании влияния в Ливане. Проблемой для Турции является и ее *неспособность противостоять влиянию Ирана, Саудовской Аравии и Франции* [4] — традиционных игроков на территории Ливана, институциональное влияние которых в разы превосходит турецкое.

Нельзя оставлять без внимания и османское наследие, которое в Ливане традиционно ассоциируется с турецким присутствием в стране и негативно сказывается на любых выдвигаемых Турцией инициативах. Президент Мишель Аун не раз негативно высказывался об османском наследии в Ливане — в частности, в 2019 году он заявил о том, что “государственный террор османов в годы Первой мировой войны в отношении ливанцев, их угнетение и созданный голод стали причиной сотен тысяч жертв”, а в 2020 публично признал и осудил геноцид армянского населения в Османской империи.

Анализ российского присутствия в Ливане на современном этапе

Серьезный сдвиг в сторону сближения России и Ливана на официальном уровне последовал только после отправки российских войск в Сирию в 2015 году и триумфального “возвращения” Москвы в регион. В концепции внешней политики РФ от 2016 года [7] Ливан не упомянут как страна, однако в 5 пунктах обозначено стремление России оказывать большее влияние на Ближний Восток. Концепция внешней политики от 2023 года [8] подчеркивает важность взаимодействия с исламским миром, а также подчеркивает необходимость “содействия формированию на Ближнем Востоке и в Северной Африке устойчивой всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности и сотрудничества на основе объединения потенциалов всех государств и межгосударственных объединений регионов”.

1) Strengths (преимущества)

Очевидным преимуществом российской стратегии в Ливане являются сильные связи на уровне “government-to-government”. Как отмечает Г. Меламедов [5], “у РФ две основные цели на Ближнем Востоке: перетянуть как можно больше стран из сферы влияния США в свою и добиться привилегированного положения, если не монополии, на региональном рынке вооружений. Обе эти цели включают Ливан”. Отчасти Ливан, как страна, подверженная кризисам и, соответственно, перспективная для распространения собственного влияния, рассматривалась российским руководством как “продолжение сирийской зоны конфликта”. Поэтому дальнейшее сотрудничество проходило в рамках дипломатии первого и второго трека — регулярные встречи на официальном и неофициальном уровнях были посвящены потенциальному включению Ливана в оборонительный зонт С-300, продаже танков Т-72 и комплексы «Корнет». Хоть подобные положения и были отклонены, армия Ливана принимала российское финансирование — поэтому очевидным преимуществом являются *связи в оборонном экспорте*. Продуктивным является и *сотрудничество бизнеса* [10] — совместных разработок нефтегазовых месторождений (месторождения в ливанских территориальных

водах разрабатывает, например, ПАО Новатэк), строительство нефтеперерабатывающих заводов и инфраструктуры. Другим преимуществом российского подхода является *ориентированность на ливанские элиты*. В то время как фактор лоббизма и попыток создания у ливанцев положительного образа России, в том числе — через Христианскую церковь, исключить нельзя, можно с уверенностью сказать о попытке РФ выстроить связи исключительно с “элитами” ливанского общества.

2) Weaknesses (слабые стороны)

Главным недостатком российской политики в Ливане является *отсутствие мягкосиловых инициатив*, которые помогли бы улучшить восприятие РФ на территории страны. Продажу российским компаниям прав на разработку или содержание нефтегазовых предприятий часть ливанского общества воспринимает как очередную “колониальный раздел ресурсов Ливана”.

3) Opportunities (возможности)

Принимая во внимание продовольственную ситуацию и экономический кризис в Ливане, можно предположить, что *поставки продовольствия*, главным образом, зерна, с российской стороны также могут увеличить влияние РФ в стране. *Совместные нефтегазовые инициативы* также представляют большой интерес как для ливанской, так и для российской стороны.

Одной из неочевидных возможностей для российского влияния в Ливане является *лоббизм через Христианскую церковь*, как на уровне населения, так и на среди политических институтов страны. Православная община составляет около 8% населения Ливана и является второй по величине христианской конфессией после маронитов. Согласно Национальному пакту, посты заместителя спикера парламента Ливана и заместителя премьер-министра Ливана должны быть заняты православными христианами. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. также уделено “повышенное внимание укреплению многопланового взаимодействия с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом, оказанию им практического содействия в проведении контртеррористических операций, в том числе в целях защиты христиан на Ближнем Востоке”, что делает лоббизм через православную церковь в Ливане еще более перспективным. Маронитский Патриарх

Бешара Бутрос, несмотря на традиционную близость христиан-маронитов к Франции, также обладает пророссийскими взглядами. Например, в феврале 2023 года он встречался с представителем РПЦ, а в прошлом приветствовал ввод российских войск в Сирию.

4) Threats (угрозы)

Одной из угроз для ливанско-российского партнерства является *зависимость Бейрута от Западных держав на современном этапе*. В 2022 году Министерство иностранных дел Ливана осудило проведение специальной военной операции на территории Украины. Представители Ливана в Организации Объединенных Наций также занимали антироссийскую позицию. Для Российской Федерации, которая до недавнего времени главным образом полагалась на взаимодействие с государственным аппаратом Ливана, в условиях санкционного режима проведение официальных встреч может быть затруднительным. Ситуация осложняется и тем, что Ливан *Россия находится в неясных отношениях “Хезболлой”*, и вынуждена балансировать между своими интересами, а также отношениями с Турцией и Ираном.

Выводы

С точки зрения автора российский подход оказался более успешен за счет прочных связей с действующим правительством — сказался сирийский опыт. На данный момент Ливан все еще оказывается заинтересован в российских инициативах по совместной разработке углеводородных месторождений, поставках зерна, проектах совместных электростанций и контрактах по электроэнергии, дефицит которой остро ощущается в Ливане в 2023 году.

В ходе анализа была выявлена существенная проблема ливанско-турецких отношений — зависимость от внутренних потрясений и парадигмы власти в самой Турецкой республике. Установка Кемаля Кылычдароглу на возобновление попыток вступления в ЕС и изменение политического строя Турции в сторону парламентской республики могут сделать ливанское направление внешней политики вновь второстепенным, ровно как и ближневосточное. Экономический кризис, вызванный прошедшими землетрясениями и инфляцией также не оставляет Турции ре-

сурсов, сопоставимых с саудовскими или иранскими для поддержания своего влияния в Ливане. В ближайшее время Турцию может ждать значительное ослабление влияния в Ливане за счет необходимости решения внутренних проблем и потрясений, хоть Анкара и останется одним из важнейших акторов регионального комплекса безопасности Леванта.

Таким образом, несмотря на большую, чем у РФ, заинтересованность в контактах с Ливаном, Турция пострадала от проблемы “перенапряжения” молодой державы.

Библиография

1. *Buzan B. et al. Regions and powers: the structure of international security.* — Cambridge University Press, 2003. — Т. 91.
2. *Hassan Z. Regional Geopolitical Conflict and the Fragile State: Foreign Influence and Lebanon's Sovereignty // Reconciliation, Heritage and Social Inclusion in the Middle East and North Africa.* — Cham: Springer International Publishing, 2022. — С. 443–462.
3. *Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu.* — 2001.
4. *Jabbour J. J. Turkey–France Political and Diplomatic Relations: Contemporary Issues and Future Perspectives // Turkish-French Relations: History, Present, and the Future.* — Cham: Springer International Publishing, 2022. — С. 117–150.
5. *Melamedov G. Why Russia Wants Lebanon // Middle East Quarterly.* — 2020.
6. *Akkoyun T. Türkiye'nin günümüz Doğu Akdeniz politikaları // Journal of Humanities and Tourism Research.* — 2020. — Т. 10. — № 2. — С. 414–431.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации от 2016 г. // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 18.03.2023)
8. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 24.04.2023)
9. *Estival J. P. La guerre du gaz en Méditerranée: géopolitique du partage de la mer-Indomptable Turquie, Europe humiliée: le jeu trouble des pays arabes et d'Israël // La guerre du gaz en Méditerranée.* — 2021. — С. 1–266.
10. *دلچسپ // یلودلا ذوفنلا ضرر فل ایسور تالواجمو قق اطلانم. یزوس داشر داصتقال او قس ایسلانم* — Т. 14. — № 13. — С. 1–26–2022
11. *رحبلاق رش یف زاغلا لوح عارصلان تاسالکعنا. یسوم، ریرصاق نب. د، عردوب یم یلقی الال انم الال ىلع طسوت مل اضیبالا* — 2022.

Мильдзихова Элиза Иосифовна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

Общие и конфликтующие интересы Российской Федерации и Турецкой Республики на современном этапе.

Common and conflicting concerns of the Russian Federation and the Republic of Turkey at the current stage.

Аннотация. Данная работа имеет цель исследовать влияние кризисных эпизодов в российско-турецких отношениях на темпы развития по общим вопросам. Для этой цели были поставлены следующие задачи: обозначить сферы сотрудничества и потенциально конфликтные области, изучить масштабы сотрудничества на конкретных данных, оценить перспективу дальнейшего двустороннего сотрудничества между странами. В новых реалиях международных отношений, когда страны реализуют многовекторную внешнюю политику, у исследователей появляется необходимость в более глубоком и детальном рассмотрении аспектов сотрудничества для актуальной и достоверной оценки происходящего.

Ключевые слова: современные российско-турецкие отношения, энергетическое сотрудничество, торгово-экономические отношения, «параллельный импорт».

Abstract. This work aims to investigate the impact of crisis episodes in bilateral relations on the pace of development on general issues. For this purpose, authors identified areas of cooperation and potentially conflict ones, studied the scope of cooperation on specific statistic data, assessed the prospects for further cooperation between the countries. In the new realities of international relations, when countries implement a multi-vector foreign policy, researchers need to be deeper and more detailed in consideration of aspects of cooperation for an up-to-date and reliable assessment.

Keywords: modern Russian-Turkish relations, energy cooperation, trade and economic relations, «parallel import».

Введение

Россию и Турцию, помимо долгой истории отношений, объединяют многие смежные направления сотрудничества. Страны активно работают над региональными проектами. К числу таких общих интересов можно отнести энергетическое сотрудничество, военные и торгово-экономические отношения [1]. Также тут можно отметить культурно-гуманитарное взаимодействие и образовательные программы.

Магистральные направления. Энергетическое сотрудничество

Одной из самых обширных и значимых областей сотрудничества стран является энергетика. Россия для Турции, как и для многих других стран, является источником сырья. Страны реализуют крупные проекты совместно: два газопровода «Голубой поток» [2] и «Турецкий поток» [3], а также АЭС «Аккую» [4]. Рассмотрим подробнее эти проекты.

Газопровод «Голубой поток» был сдан в эксплуатацию в 2002 году и запущен в 2003 году. Он является первым для современной России и Турции энергетическим проектом. Протяженность газопровода составляет 1213 км. Он включает сухопутный участок: г. Изобильный Ставропольского края и г. Самсун — г. Анкара. Проектная мощность — 16 млрд. м³/год [2] природного газа. Газопровод дополняет газотранспортный коридор из России в Турцию, который проходит по территории Украины, Румынии, Молдавии, Болгарии.

Газопровод «Турецкий поток» был сдан в эксплуатацию в январе 2020 года. Проект задумывался с целью поставки газа напрямую из Турции в Европу, тем самым лишая Украины статуса транзитного государства. Примечательно, что и переговоры начались в 2014 году. Проектная мощность почти в два раза больше «Голубого потока», но одна из линий поставляет газ в Европу. Речь идет о «Балканском потоке», который является частью «Турецкого потока» [3].

В свете взрывов северных газопроводов, руководство «Газпрома» в лице Алексея Миллера, заявило о перспективе строительства нового газопровода. По его словам, восстанавливать

разрушенные газопроводы экономически не выгодно и время затратно. Это произошло на встрече турецкого лидера Реджепа Эрдогана и Алексея Миллера в Турции, в декабре 2022 года[5]. Российская компания выразила желание не только создавать новый газопровод, но и поставлять газ непосредственно населению Турции. Подробности переговоров не были освещены в прессе, но, по некоторой информации, президент выдвинул требование об увеличении скидки на пригородный за, напомним, что сейчас она составляет 25%, и отсрочки платежей до 2024 года.

Другим крупным проектом России и Турции является первая в стране АЭС «Аккую» [4]. Этот объект является важной частью планов Республики по наращиванию возобновляемых источников энергии в стране. Генеральным инвестором и строителем проекта является российская госкорпорация «Росатом» [6]. Строительство реализуется на основании межправительственного соглашения о сотрудничестве, достигнутого 12 мая 2010 года. Предусматривается строительство 4 энергоблоков, мощность составит 1200 МВт. Важно отметить, что изначально проект планировали сдать к столетию Турецкой Республики, которое отмечается в 2023 году [1], но сроки сдвинулись. По заявлению президента Эрдогана, в апреле 2022 года ожидается заливка ядерного топлива в реакторы. Изначально, строительство этого объекта недопускалось законами о природоиспользовании, и даже сегодня, несмотря на то, что их пересмотрели, многие активисты высказываются против строительства АЭС в этом месте[7]. Среди доводов граждане приводят и тот факт, что прибрежные воды нагреваются до максимальной, для обитания в них живых организмов, температуры, а после запуска АЭС этот порог будет превышен. Также местные говорят, что давно используют солнечную энергию и дефицита не испытывают.

Сегодня сложно представить полный отказ Турции от использования российского газа, полный переход на СПГ или возобновляемые источники энергии. В 2022 году 40% всего газа, который поступил в Турецкую Республику, были проставлены из России. Объемы российских газопроводов превышают мощности Трансанатолийского газопровода (16 млрд.кубометров газа в год) и потока Тенгиз-Анкара (10 млрд. кубометров газа в год)[7]. Но, не-

смотря на это, в стране наблюдается тенденция к снижению зависимости от российского природного газа. В Турции потребляется и СПГ, который среди прочего поставляется из США и Алжира.

Торгово-экономическое измерение

Самой значимой и обширной сферой сотрудничества двух стран является экономика и торговля. Из года в год страны остаются важными партнерами в этой области, а численные показатели поступательно растут.

Для начала, следует определить, какие товары поставляют страны, какие компании производят экспортную продукцию, а также обозначить объемы этих продаж. Турецкий экспорт в Россию состоит из ряда товаров и услуг. Важными составляющими товарооборота стран являются следующие позиции: текстиль и одежда, автомобили и запчасти, медицинское оборудование, туристические услуги, строительные материалы и некоторые другие.[8] Экспорт России в Турцию состоит из природного газа, нефти, металлопродукцию, промышленное оборудование, пищевую продукцию (например, рыбу, пшеницу и проч.)[8].

Рассматривая численные показатели товарооборота стран можно заметить постоянный рост объемов. Исключением в этом наблюдении являются кризисные 2008–2009 и 2013 года, когда цены на энергоносители упали и, соответственно, показатели снизились. Так, за весь 2012 год российский экспорт составил 11,462 млрд.долл.США, когда в 2013 году эта цифра ровнялась 10,032 млрд.долл.США. В 2018–2020 годах российский экспорт держался на уровне чуть больше 10 млрд. долл. США, что также видно из статистической информации Федеральной таможенной службы Российской Федерации. За пандемийный 2021 год Российская Федерация поставила товаров на сумму 8,123 млрд.долл.США. [9]

Особого внимания требуют данные с февраля 2022 года, когда началась СВО России на Украине. Как отмечалось ранее, западные страны ввели экономические санкции против Российской Федерации из-за действий в Восточной Европе. Но этим положением, когда Россия нуждается в определенных товарах, воспользовалась Турецкая Республика, которая не присоединилась

к санкциям, ни в 2014 году, ни в настоящее время. Подробнее остановимся на таком явлении как «параллельный импорт». Закон о легализации в России этого процесса был подписан 22 июня 2022 года. Закон разрешает ввоз товаров в Россию без разрешения правообладателя. Ранее правительство России сформировало список товаров, являющиеся приоритетными для импорта. В их число вошли автомобили LandRover, Cadillac, Tesla, их комплектующие и некоторые другие марки; телефоны компаний Samsung, Apple, бытовая техника и некоторые другие позиции. Большое количество таких товаров поступает в Россию из стран ближнего зарубежья и Турции, что можно увидеть на данных Института статистики Турецкой Республики.[10] Если в июле 2021 года экспорт в Россию составлял 417 млн.долл.США, то ровно через год он составил уже 731 млн.долл.США, показав рост почти в два раза. За сентябрь-декабрь 2022 этот показатель не был стабильно больше 1,100 млрд.долл.США. С начала 2023 года экспорт также держится на уровне миллиарда долларов США, превышая показатели прошлых лет в два-три раза. [10]

Для более наглядного изучения данных предлагается рассмотреть следующие графики.

График 1. Российский экспорт в Турцию с 2015 года. (в млрд. долл.США, по данным ФТС РФ)[9]

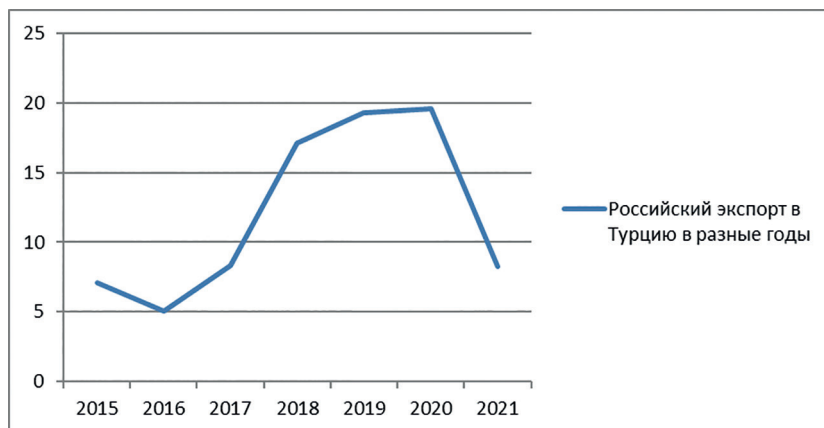
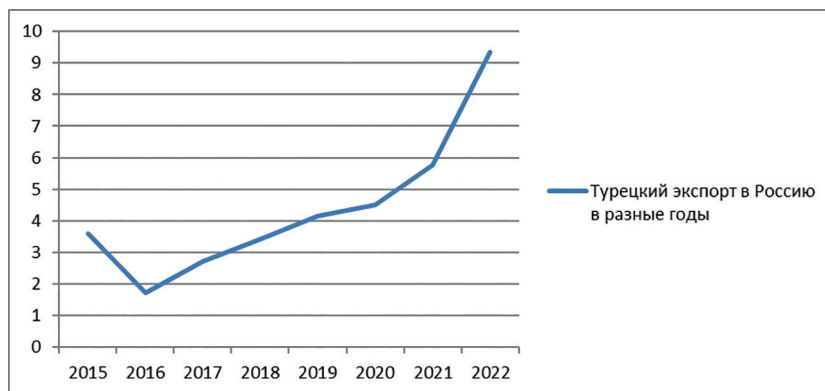

График 2. Турецкий экспорт в Россию с 2015 года (в млрд.долл. США, по данным Института статистики Турции)[10]

Военная плоскость взаимодействия стран

Самым ярким эпизодом взаимодействия Турецкой Республики и Российской Федерации в области военного сотрудничества на современном этапе явилось заявление президента Эрдогана о покупке российских зенитно-ракетных комплексов С-400 в 2017 году.

Отдельного внимания заслуживают реакции США и НАТО. В глазах Альянса такая сделка могла стать причиной, по которой Россия бы получила доступ к военной карте НАТО, но это предположение было опровергнуто турецкой стороной. В целом, причиной покупки оружия именно у России стала неуступчивая и категоричная позиция США, ведь изначально планировалась приобретение их комплексов Patriot.

Во время визита Владимира Путина в Турцию в апреле 2018 года. В рамках встречи лидеры обсудили поставку ракет и строительство АЭС «Аккую». Российский лидер пообещал ускорить доставку комплексов в Турцию, по просьбе коллег. Тогда же Эрдоган объяснил, что ракеты нужны стране для защиты воздушного пространства страны от террористов Сирии и Ирана.

Первые поставки по этой сделке начали поступать в Турцию в 2019 году, 12 июля начались поставки компонентов для сборки.

В декабре 2020 года Турция выплатила всю стоимость оружия. В 2021 году Эрдоган заявлял о том, что их сторона полностью довольна сделкой и подтвердил, что эта покупка была вызвала отказом США продавать свой аналог. Также президент Турецкой Республики положительно оценил перспективу закупки второго полка С-400, а в 2022 году произошло подписание соответствующего контракта.[11]

Отметим, что Турецкая Республика стала второй после Китая страной, которая приобрела этот комплекс. Сейчас Российская Федерация расширяет сотрудничество в военной сфере.[12] В 2021 году Индия начала получать первые партии С-400 и уже в этом году провела их испытания. В настоящий момент данные ПВО находятся на вооружении 5 стран (в т.ч. Белоруссия и Россия).

Несмотря на то, что военное сотрудничество между странами представляет собой только одну сделку, ее политическое значение крайне велико.[11] Представляется, что переговоры по второму дивизиону наверняка завершаться успешно, при сохранении Эрдоганом поста президента, а противном же случае военное сотрудничество между странами может быть прервано.

Кризисные и конфликтующие аспекты двустороннего взаимодействия

При изучении вопроса может показаться, что двусторонние отношения крайне благополучны и перспективны, но исследователи сталкиваются с целым набором противоречий, преодолеть которые представляется сложным. Речь идет о сирийском и украинском вопросе, о взаимодействии на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Невозможно упустить из внимания и кризис 2015–2016 года, который произошел после сбитаго турецкими ВВС российского Су-24 в небе над Сирией.

Украинский кризис

В 2014 году с возвращением Крыма в состав России, западные страны ввели экономические и политические санкции в отношении Российской Федерации. Турция, будучи членом НАТО

и страной-кандидатом ЕС, не присоединилась к этим мерам. Но власти страны не признают принадлежность Крыма России и высказываются о территориальной целостности Украины. [13] В 2022 году ситуация не изменилась: Турция продолжает отстаивать свое мнение по границам в Восточной Европе и не признает итоги проведенных народных референдумов. Турция с первых дней конфликта прилагала усилия для мирного урегулирования кризиса, предлагая свою территорию для мирных переговоров. Более того, Турция выступила одним из гарантов «зерновой сделки», которая помогает доставлять продовольствие в развивающиеся страны, стабилизируя цены на мировом рынке зерна. Таким образом, Турция заняла крайне выгодное положение: получая дешевый газ из России и реализуя совместные проекты, Турция не обременяет себя политическими заявлениями, выгодными Москве, поддерживая тем самым добрососедские отношения с Украиной. Напомним, что именно Турция входит в топ-3 стран, получающих наибольшее количество зерна по сделке, что можно увидеть по данным Организации Объединенных Наций. [14]

Турецкая помощь Украине также беспокоит Москву. Помимо гуманитарных товаров для беженцев, Анкара активно продает беспилотники, дроны и другие вооружения. Более того, генеральный директор компании «Bayraktar», Сельчук Байрактар, заявил [15] о планах строительства военного завода на территории Украины, на что получил негативную реакцию из Кремля. Представляется, что подобные меры нужны Анкаре для того, чтобы иметь рычаги политического давления, которых у страны не было во время кризиса 2015–2016 годов.

Очевидно, что российской стороне также не выгодно терять Турцию как экономического партнера, поэтому Москва также закрывает глаза на вопросы международных отношений, оставляя на повестке дня общие вопросы. Но в таких условиях сложно говорить о полноценном партнерстве и доверии.

Сирийский кризис

Аналогичная ситуация разворачивается на Ближнем Востоке. Интересы России и Турции в Сирии крайне полярны: если Россия

признает и поддерживает власть Башара Асада, то Анкара и западные страны считают его полномочия недействительными. Турция, как и Россия, ввела свои войска на север Сирии, разворачивая кампанию против представителей Рабочей партии Курдистана, которых в стране признают террористами. Выходит интересная ситуация: обе страны в Сирии для того, чтобы бороться с терроризмом, только определения ему даются разные — для России речь идет скорее об «ИГИЛЕ» или «Аль-Каиде», когда Турция особо подчеркивает террористическую деятельность Рабочей партии Курдистана. К слову, Россия не признает последних террористами, хотя Анкара много раз пыталась поднять этот вопрос на совместных переговорах.

Сейчас конфликт переходит в новую стадию, военные действия становятся менее активными и за работу приступают дипломаты и политики. Осенью 2022 года появилась информация о готовящейся встрече президентов Турецкой Республики, Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики. Инициатором встречи выступал президент Эрдоган, заручившись поддержкой российского лидера. 28 декабря в Москве состоялась встреча министров обороны и глав разведок трех стран. Пока сложно говорить о видимых успехах в переговорах, поскольку требования Анкары неприемлемы для Дамаска. Так, сирийские власти настаивают на выводе турецких войск с севера страны, на что Турция пока не готова пойти. По словам министерства обороны Турции, постоянные контакты по линии ведомств могут сформировать новые связи между странами. Пока встречи лидеров трех стран не ожидается, но дорожная карта уже появилась, и наличие диалога является большим успехом. [16]

Для России, после ослабления позиций США на Ближнем Востоке, сирийский кризис и его урегулирование может стать хорошей основой для закрепления в регионе. По существу, этот процесс уже запущен: роль Москвы в качестве медиатора в диалоге Анкары и Дамаска бесспорна. [16] Выгоды, которые таким образом получает Эрдоган, также понятны. Начав переговоры с Сирией, он лишил оппозицию пункта в предвыборной программе, показав способность завершить многолетний конфликт. Накануне выборов такое решение способствует укреплению его позиций и увеличению числа сторонников среди населения.

Инцидент со сбитым Су-24.

Отдельного внимания заслуживает кризис 2015–2016 годов, когда турецкая армия нанесла удар по российскому истребителю. По заявлениям турецких властей, самолет несколько раз нарушал воздушное пространство Турции и игнорировал предупреждения. Российская сторона отрицает это, обвиняя Анкару в преднамеренном нападении на истребитель. На следующий же день после катастрофы все контакты между военными ведомствами были прерваны, начали составляться списки запрещенных для ввоза турецких товаров, туроператорам рекомендовалось воздержаться от продаж путевок в Турцию, а нарушители наказывались. Основной пакет санкций вступил в силу 1 января 2016 года [17] и это можно четко проследить на объемах турецкого экспорта в Россию.

В НАТО заговорили о будущих военных действиях России против Турции и провели экстренное совещание. Мировая общественность строила самые пессимистичные прогнозы на развитие отношений стран. Но благодаря дальновидности дипломатов и политиков военного столкновения удалось избежать. Было принято более лаконичное и эффективное решения для нанесения удара по Турции, а именно об обширных экономических санкциях. Подробнее о последствиях этих мер можно узнать из пункта 2.2.

В представленной таблице можно наблюдать, как кризис повлиял на численные показатели турецкого экспорта в Россию.

Таблица 1. Объемы турецкого экспорта в Россию в 2015–2016 годах. (в млн.долл.США, по данным Института статистики Турецкой Республики)[10]

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
2015	317	288	312	297	307	322	283	317	276	351	301	228
2016	94	136	123	131	135	118	101	139	140	174	236	205

После принесенных президентом Эрдоганом извинений, отношения начали стабилизироваться, уже в 2018 году товарооборот начал восстанавливаться. Этот кризис показал, что у России есть гораздо более количество рычагов давления на Турцию и что принести ущерб противнику можно исключительно экономическими мерами.

Подводя итог, можно заключить, что отношения между странами не только претерпели большие изменения за последние десятилетия, но и достигли высокого уровня развития. Но важно учитывать и большой спектр внешнеполитических и региональных вопросов, преодолеть которые не кажется возможным в краткосрочной перспективе.

Выводы

Таким образом, можно с уверенностью заявить, что среди основных направлений сотрудничества между Российской Федерацией и Турцией энергетика и торговля являются ключевыми. Показатели, представленные в работе, подтверждают этот тезис и обосновывают его. При этом, в рамках энергетического взаимодействия наблюдается тенденция к снижению зависимости от российского природного газа в последние годы, но представляется, что отказ от сотрудничества в этой сфере в ближайшей перспективе не произойдет.

Более чувствительной, но при этом динамичной и масштабной сферой является торговля и экономика. Во время кризиса 2015–2016 годов именно этот аспект претерпел крупнейшие потрясения, хотя после оперативно восстановился. Сегодня, с учетом развития «параллельного импорта», растет и зависимость России от различных турецких поставок, что может привести к негативным последствиям в случае нового двустороннего кризиса.

Траектория для дальнейшего развития отношений между странами начинает формироваться уже сегодня. Турция планомерно снижает объемы энергетической зависимости от Москвы, развивая сотрудничество в сфере поставок СПГ из других стран. Представляется, что последнее слово в контексте будущего отношений между странами останётся за следующим лидером Турции, кото-

рый совсем скоро будет определен на выборах 14 мая. В случае победы оппозиции, отношения претерпят кардинальные изменения, похолодание и потеря Турции в качестве близкого партнера, поскольку «стол шести» имеет прозападную и проамериканскую ориентацию.

Библиография

1. Ульченко Н., Шлыков П. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности — Москва, ИВ РАН
2. «Голубой поток» // URL: <https://www.gazprom.ru/projects/blue-stream/> (дата обращения 13.03.2023)
3. «Турецкий поток» // URL: <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/> (дата обращения 13.03.2023)
4. «Аккую Росатом» // URL: <http://www.akkunpp.com/index.php?lang=ru> (дата обращения 13.03.2023)
5. Миллер и Эрдоган обсудили поставки российского газа в Турцию // Коммерсантъ // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5718430> (дата обращения: 14.04.2023 год)
6. Turkey 2021. Energy Policy Review // International Energy Agency. 03.2021. // URL: <https://www.iea.org/reports/turkey-2021> (дата обращения: 14.04.2023 год)
7. Россия и Турция: состояния и перспективы энергитического сотрудничества // Доклад РСМД // URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/rossiya-i-turtsiya-sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva/?ysclid=lgjpzhdmgc902195408> (дата обращения: 14.04.2023 год)
8. Оздемир, В. Торговые отношения России и Турции на современном этапе / В. Оздемир // — 2018. — № 1(2). — С. 46–51. — EDN ZYATKX. (дата обращения: 10.04.2023 год)
9. Федеральная таможенная служба РФ // URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2023 год)
10. Official website of Turkish Statistical Institute // URL: <https://www.tuik.gov.tr/Home/Index> (дата обращения: 10.04.2023 год)
11. Гасанов Рауф Натик Оглы Российско-турецкое военно-политическое сотрудничество в современную эпоху // АНИ: экономика и управление. 2021. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-turetskoe-voenno-politicheskoe-sotrudnichestvo-v-sovremennuyu-epohu> (дата обращения: 10.04.2023).
12. Военный «Триумф»: почему НАТО считает опасной поставку российских С-400 Турции // RussiaToday / URL: <https://russian.rt.com/world/article/489908-s-400-turciya-nato> (дата обращения: 10.04.2023 год)

13. FatmaAslıKelkitli «Turkish-Russian Relations: Competition and Cooperation in Eurasia». — London, 2017. –147
14. Официальный сайт ООН // URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 15.04.2023 год)
15. Производитель Bayraktar пообещал построить завод на Украине за два года // РБК// URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/10/2022/635b99c59a79476ec70c8f58> (дата обращения: 15.04.2023 год)
16. Семенов К. « Сирия и Турция в поисках компромисса: прагматизм против старых обид» // РСМД /URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-i-turtsiya-v-poiskakh-kompromissa-pragmatizm-protiv-starykh-obid/?sphrase_id=97709012 (дата обращения: 15.04.2023 год)
17. Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции// Официальный сайт президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50805> (дата обращения: 10.04.2023 год)

Яковлева Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений,
магистратура

Рост нестабильности в Черноморском регионе с 2014 года: влияние военного присутствия НАТО

Rising insecurity in the Black Sea region since 2014:
influence of NATO military presence

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию архитектуры безопасности Черноморского региона. В последнее десятилетие наблюдается все более активное военное участие нерегionalных акторов в черноморском региональном взаимодействии, а события 2022–2023 гг. неотъемлемо свидетельствуют о высокой геополитической значимости региона. При этом игроки на его пространстве взаимодействуют в соответствии с классической «дилеммой безопасности». И если рассматривать безопасность в Черноморском регионе согласно неореалистической парадигме, то главными оппонентами становятся два неравнозначных субъекта — военно-политический блок НАТО и Российская Федерация. Обе стороны при этом стремятся нарастить свою мощь и усилить региональное и глобальное влияние, что, в свою очередь, приводит к отсутствию доверия и, соответственно, к дилемме безопасности. Основой целью исследования было выявление факта роста небезопасности в регионе, начиная с 2014. Среди прочих факторов автор статьи предлагает к рассмотрению влияние военного присутствия НАТО как индикатор роста напряженности.

Ключевые слова: Черноморский регион, безопасность, Россия, НАТО, конфликты, Черное море, военное наращивание, угрозы, Турция

Abstract. This work is devoted to the study of the Black Sea region security architecture. In the last decade, there has been an increasingly active military participation of non-regional actors in the Black Sea regional interaction, and the events of 2022–2023 inherently testify to the high geopolitical significance of the region. At the same time, players in its space interact in accordance with the classic “security

dilemma". If we consider security in the Black Sea region according to the neorealist paradigm, then two unequal subjects become the main opponents — the NATO military-political bloc and the Russian Federation. Simultaneously, both sides seek to build up their power and increase their regional and global influence, which, in turn, leads to a lack of trust and, accordingly, to a security dilemma. The main purpose of the study was to identify the fact of growing insecurity in the region since 2014. Among various factors, the author proposes to consider one — rising military presence of NATO as an indicator of the growth of tension.

Key words: Black Sea region, security, Russia, NATO, conflicts, Black Sea, military build-up, threats, Turkey

Введение

В последнее десятилетие наблюдается все более активное военное участие внерегиональных акторов в черноморском региональном взаимодействии, а события последнего года неотъемлемо свидетельствуют о высокой геополитической значимости Черноморского региона. При этом акторы на его пространстве взаимодействуют в соответствии классической «дилеммой безопасности», которая была описана еще в 20 веке Джоном Херцем в работе «Политический реализм и политический идеализм» [1] и Кеннетом Уолтцом в книге «Теория международной политики». [2] И если рассматривать безопасность в Черноморском регионе согласно неореалистической парадигме, то главными оппонентами становятся два неравнозначных субъекта — военно-политический блок НАТО и Российская Федерация. Обе стороны при этом стремятся нарастить свою мощь и усилить региональное и глобальное влияние, что, в свою очередь, приводит к отсутствию доверия и, соответственно, к дилемме безопасности. Основной целью исследования было выявление факта роста небезопасности в регионе, начиная с 2014. Для этого были поставлены задачи теоретически определить границы региона, проанализировать рост военного присутствия США и НАТО в Черном море, количественно и качественно оценить рост числа инцидентов у российских границ, а также проанализировать конфликтный потенциал в регионе.

Теоретическое определение принадлежности к региону

Зачастую пространство находящееся одновременно на периферии Евроатлантики и Ближнего Востока исследователи выделяют частью большого Черноморско-Каспийского региона или же частью Восточного Средиземноморья (в особенности в контексте режима морских проливов и морской безопасности). Однако необходимо отметить высокую степень автономности данного региона. Учитывая действенность Конвенции Монтрё[3], мы получаем замкнутое геополитическое пространство, открытость которого зависит от степени политического доверия ведущих региональных держав.

Поэтому при рассмотрении проблем безопасности в регионе критически важно определить региональные границы. Можно предложить следующие условия принадлежности к региону. Региональными акторами являются в первую очередь прибрежные государства, те, которые в соответствии с международным морским правом и Конвенцией ООН по морскому праву имеют прямой выход к морю. Суверенитет прибрежных государств распространяется на воздушное пространство над территориальным морем, а также на его дно и недра[4]. В рассматриваемом регионе такими государствами являются: Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция и Украина. Они разделяют единую акваторию Черного моря, общие проблемы, связанные с логистикой, экологией, судоходством и ростом конфликтного потенциала. Помимо этого, к региональным акторам можно причислить и те государства, которые не имеют выхода к водному пространству, но находятся в непосредственной территориальной близости к Черному морю и входят в состав региона. Это так называемые *“land-locked states”* Молдова и Армения. Все вышеперечисленные государства являются полноправными суверенными государствами-членами Организации Объединенных Наций.

Кроме того, в регионе есть несколько непризнанных и частично признанных государств, как прибрежных, так и не имеющих доступа к морю: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия. Их нельзя назвать полноценными региональными игроками, однако они являются объектами особого инте-

реса великих держав. Как правило, их территория соответствует зонам конфликтов в замороженной или активной фазе, поэтому они попадают под геополитические расчеты как региональных, так и нерегинальных акторов.

Наряду с этим, следует упомянуть государства-членов Организации Черноморского Экономического Сотрудничества: Албанию, Армению, Азербайджан, Болгарию, Грузию, Грецию, Молдову, Румынию, Россию, Северную Македонию, Сербию, Турцию, Украину. ОЧЭС считается единственной региональной организацией, которая бы объединяла акторов с целью экономической кооперации и развития сотрудничества. Кроме уже упомянутых стран, здесь можно увидеть несколько Балканских стран, которые, однако, не несут большой геополитической нагрузки на Черноморский регион.

Наконец, особую группу акторов представляют нерегинальные игроки, не находящиеся в территориальной близости, но играющие жизненно важную роль в регионе. Это страны-члены НАТО: США, Великобритания и Франция. Регулярное присутствие их боевых кораблей в акватории Черного моря, наличие особо интереса в конфликтах и сложная сеть билатеральных отношений с некоторыми прибрежными странами характеризуют их значимость для региона.

Все вышеперечисленные игроки являются государственными акторами. Тем не менее, в рамках системного подхода негосударственные игроки — Европейский Союз и Организация Североатлантического договора — должны рассматриваться как независимые инфлюенсеры.

Учитывая различные форматы взаимодействия этих организаций и стран региона, можно констатировать, что они оказывают серьезное влияние на геополитическую ситуацию в целом. Например, многие экономические и политические инициативы Евросоюз реализует через программу «Восточное партнерство», где прямыми его партнерами являются Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Республика Молдова и Украина[5].

Также ЕС поддерживает региональное развитие в Юго-Восточной Европе с помощью инициативы «Черноморская синергия» (*Black Sea Synergy*)[6]. Поощряя сотрудничество между

странами, окружающими Черное море, инициатива предполагает гибкий форум для разработки практических общерегиональных решений для имеющихся проблем.

Кроме того, в соответствии со своим статусом отношений с НАТО, Грузия и Украина являются «Партнерами с расширенными возможностями», а Армения, Азербайджан и Молдова имеют «Индивидуальные планы действий партнерства» (IPAP), которые определяют цели и рамки для диалога и сотрудничества между обеими сторонами.

Учитывая уникальную политическую конъюнктуру особенностей взаимодействия акторов в Черноморском регионе, а также экономические и военно-технические выгоды, которые они могут получить от подобного рода кооперации, значение его как самостоятельного пространства становится очевидной. Широкая логистическая сеть, созданная в регионе для транспортировки энергоресурсов, является проявлением экономических интересов региональных держав, но одновременно с этим и превращает регион в пространство уязвимости. Гипотетическое развитие сценария Северных потоков теперь уже в Черном море чревато угрозами для энергетической безопасности не только стран региона, но и многих стран Южной Европы. Более того, свободное судоходство и логистика нарушаются в связи с активизацией конфликтов — часть портов и акватории блокируются, а дрейфующие боевые мины подвергают критической опасности стратегически важные водные артерии (к примеру, пролив Босфор). По этим причинам изучение вопросов безопасности заслуживает пристального внимания. Рост военных бюджетов причерноморских государств и нерегиональных акторов, а также закупки вооружений являются факторами усиления нестабильности, поскольку влекут за собой военное усиление тех или иных субъектов в акватории и на прибрежных территориях.

Безусловно, регион предстает самостоятельной геополитической единицей, все чаще попадает в фокус внимания исследователей. На высокую степень автономности данного региона указывает в первую очередь, возросший в последние годы конфликтный потенциал. Во-вторых, регион обладает непосредственной значимостью для национальной безопасности прибрежных государств

и других акторов, что обозначено во многих стратегических документах: например, в новой редакции Морской Доктрины РФ[7], новой стратегической Концепции НАТО[8] и т.п. Поэтому в качестве идейной композиции Черноморский регион представляет собой совокупность смыслов, которые разные акторы придают кооперации и обеспечению безопасности на его пространстве. Зачастую, они воспринимают друг друга в диаметрально противоположном ключе, как в случае с Россией и НАТО.

Следует подчеркнуть, что с учетом масштабов и уровней влияния, нерегionalные игроки, такие как ЕС и НАТО, становятся даже более значимыми в Черноморском регионе, чем некоторые региональные акторы. Учитывая сложность и многообразие подходов к определению региональных границ и принадлежности к региону отдельных стран, а также многоплановый характер сотрудничества, нельзя недооценивать их влияние на ситуацию в Черноморском регионе.

Военное присутствие НАТО

При этом рост нестабильности в регионе происходит в условиях сложной конъюнктуры геополитических ориентаций. Для США, например, важной составляющей реализации интересов в регионе является военно-техническое сотрудничество с региональными акторами. С этой целью Вашингтон активизирует деятельность соответствующих структур НАТО.

После воссоединения России с Крымом в 2014 году украинская сторона призвала НАТО усилить свое присутствие в Черном море.[9] Министры обороны стран НАТО в октябре 2014 года согласовали новый план поддержки Киева в случае обострения конфликта с Москвой, которая, в свою очередь, на протяжении многих лет продолжала настаивать на том, что действия НАТО создают риски в Восточной Европе. Наиболее ярким примером являются ежегодные украинско-американские военно-морские учения “Sea Breeze”.[10] Они проводятся в Украине с 1997 года на основе Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере обороны и военных отношений между двумя государствами.[11]. В рамках этих маневров по стандартам НАТО про-

водились совместные действия многонациональных сил в ходе морской операции по обеспечению безопасности в Черном море.

В рамках Sea Breeze 2017 в подобных маневрах приняли участие более 3000 военнослужащих из 16 стран, из них 800 — американцы. Материально-техническую поддержку оказывали 31 судно ВМФ и 29 самолетов ВВС. Помимо Украины и США в этих военных учениях также приняли участие Бельгия, Болгария, Великобритания, Греция, Грузия, Италия, Канада, Литва, Норвегия, Польша, Румыния, Турция, Франция и Швеция.

Учения 2018 года были меньше по масштабу, но также были призваны повысить оперативную совместимость участвующих подразделений и усилить взаимодействие за счет использования различных методов ведения боевых действий в многомерном сценарии. Многонациональные силы сторон прошли апробацию в широком диапазоне тактик ведения боевых действий с упором на региональную безопасность. Присутствие двух тактических военно-морских группировок НАТО в Черном море является частью общего повышенного внимания к Черноморскому региону, в результате чего присутствие постоянных морских групп НАТО в Черном море увеличилось примерно с 80 дней в 2017 году до 120 дней в 2018 году.

Более того, в 2018 году совместные учения «Spring Storm 18» под управлением ВМС Румынии провели Болгария, Грузия, Украина, Франция и США, всего в маневрах было задействовано около 1700 военнослужащих.[12] Вооруженные силы Российской Федерации в период проведения учений осуществляли тщательный мониторинг своих приграничных территорий.

Позднее, в 2021 г., страны НАТО направили в Черное море более 30 боевых кораблей, тем самым побив рекорд по количеству кораблей Североатлантического альянса в этом море с 2014 г.[13]. Все это свидетельствует не столько о повышенном внимании НАТО к региону, сколько о глубоком недоверии между Россией и Западом в целом. Все более активное военное участие нерегиональных акторов в региональном взаимодействии, было направлено на демонстрацию военной силы и отработку действий в случае возможного военного конфликта. Анализируя эскалацию 2022 года, напрашивается логичный вывод, что страны НАТО готовились к конфликту,

активно прорабатывая различные сценарии. А многочисленные инциденты и провокации у российских границ на протяжении последних десяти лет послужили своеобразной проверкой терпения российского руководства и степени жесткости ответных мер.

Выводы

В целом на протяжении всего исследуемого периода количество военно-морских инцидентов в регионе увеличивалось (с украинскими военными кораблями в Керченском проливе в 2018 г., британским HMS Defender и голландским фрегатом Evertsen у берегов Крыма в 2021 г., российским флагманом «Москва» в 2022 г., перекрытием Босфора из-за обнаружения дрейфующих мин в 2022 г.). Они служат многочисленными индикаторами растущей нестабильности. Взаимные обвинения конфликтующих сторон об установке мин имеют прямую корреляцию с возможными нарушениями международного права (международные соглашения разрешают установку мин в территориальных водах страны для береговой обороны, но Гаагские конвенции о законах и обычаях войны 1899 и 1907 годов запрещают размещение мин в нейтральных водах[14]). Это свидетельствует о неустойчивости ситуации и, следовательно, осложняет судоходство, ведь безопасность Черноморского региона также связана со свободным проходом судов по всей акватории.

В этой связи стоит обратить внимание на серьезные трудности в налаживании нормальной навигации с учетом боевых действий в ходе Украинского конфликта. По данным правительства США, военно-морской флот России эффективно контролирует все судоходство в северной трети Черного моря, что делает его небезопасным для коммерческого судоходства.[15] Западные лидеры обвинили Россию в том, что российские военно-морские операции в Черном море с февраля по май 2022 года намеренно нарушали мировые поставки продовольствия. В конце концов, эта ситуация была разрешена в рамках дипломатических усилий по заключению зерновой сделки.

В конечном итоге, военное присутствие НАТО в Черном море будет зависеть от Турции, которая могла нарушить положе-

ния Конвенции Монтрё, чтобы облегчить наращивание военноморского флота НАТО. Но, «учитывая относительно нейтральную позицию Турции в конфликте и ее нежелание ставить под угрозу отношения ни с Россией, ни с Западом, ограничения на транзит, скорее всего, сохранятся».[16] На практике же, планомерное наращивание военного присутствия и отсутствие эффективной коммуникации между противоборствующими сторонами ведут к дальнейшему росту небезопасности в Черноморском регионе.

Библиография:

1. Herz John H. Political Realism and Political Idealism. Chicago: University of Chicago Press, 1951.
2. Waltz, Kenneth. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
3. Convention on the Regime of the Straits (Including the Protocol) (Montreux, 07/20/1936) / Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. IX.- М., 1938. S. 61–78 Electronic resource // Electronic Library “Science of Law”. Access mode: <https://naukaprava.ru/catalog/159/286/11183?view=1> (Date of access: 03.03.2023)
4. United Nations Convention on the Law of the Sea. United Nations. — Electronic resource — Access mode: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (Date of access: 03.03.2023)
5. Eastern Partnership. The European External Action Service (EEAS) — Diplomatic Service of the European Union. — Electronic resource — Access mode: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eastern-partnership_en (Date of access: 01/21/2023)
6. Black Sea Synergy. EEAS website. — Electronic resource — Access mode: https://www.eeas.europa.eu/eeas/black-sea-synergy_en (Date of access: 02/11/2023)
7. Maritime Doctrine of the Russian Federation 2022. / Security Council of the Russian Federation. — Access mode: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document34/> (Date of access: 11/ 02/2022)
8. NATO 2022 STRATEGIC CONCEPT — Access mode: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (Date of access: 11/ 02/2022)
9. Ukrainian Foreign Minister Dmitry Kuleba wants to see more warships of NATO in the Black Sea. — Electronic resource — Access mode: <https://ru.krymr.com/a/news-kuleba-khochet-videt-bolshe-korabley-nato-chnoe-more/31495941.html> (Accessed: 02/25/2023)

10. Gordienko Y. “Sea Breeze-2017”: when dotted over i. // — Electronic resource — Access mode: <https://www.ritm Eurasia.org/news-2017-07-27-sibiriz-2017-kogda-rasstavleny-tochki-nad-i-31529> (Accessed: 02/08/2023)
11. Memorandum of Understanding and Cooperation on Defense and Military Relations between the United States and Ukraine // — Electronic resource — Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/8311128> (Date of access: 02/04/2023)
12. The Largest Training “Spring Storm 18” in the Black Sea with Bulgarian Participation. // — Electronic resource — Access mode: <https://bulgarianmilitary.com/2018/03/05/the-largest-training-spring-storm-18-in-the-black-sea-with-bulgarian-participation/> (Accessed: 02/05/2023)
13. Проверка на прочность: что делают корабли НАТО в Черное море? // РСМД. — Electronic resource — Access mode: <https://russiancouncil.ru/blogs/generation-shift/proverka-na-prochnost-chto-delayut-korablino-nato-v-chernoe-more/> (Accessed: 02/05/2023)
14. IX Hague Convention on Bombardment by Naval Forces in Time of War, 1907. Ministry of Defense of the Russian Federation. . — Electronic resource — Access mode: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911632@egNPA (Accessed: 02/25/2023)
15. Shane Harris. U.S. intelligence document shows Russian naval blockade of Ukraine. — The Washington Post. — Electronic resource — Access mode: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/05/24/naval-blockade-food-supply-ukraine-russia/> (Accessed: 02/24/2023)
16. How to Break Russia’s Black Sea Blockade. Foreign Affairs. . — Electronic resource — Access mode: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-07-01/how-break-russias-black-sea-blockade?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20230224 (Accessed: 02/24/2023)

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

Евстигнеев Никита

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Русская община Латвии в период современных вызовов: проблема самоидентификации

The Russian community of Latvia in the period of modern
challenges: the problem of self-identification

Аннотация: В настоящей статье автором был проведен анализ тенденций, характерных для русской общины Латвии в условиях вызовов XXI века. Оценка происходит по четырём наиболее выраженным аспектам — негражданство, русский язык, историческая память и отношение к России. Изучив данные четыре критерия, автор пришёл к выводу о том, что происходит постепенное размытие русской идентичности под постоянным давлением со стороны латвийского государства и пассивности части русскоязычного населения. Объединяющим фактором являются историческая память о Второй Мировой войне и СССР, а также русский язык. Непосредственная связь с Россией и принадлежность к ней постепенно уменьшается, уступая чувству привязанности к Латвии.

Ключевые слова: Латвия; русские Латвии; русский язык; негражданство; ассимиляция; историческая память; идентичность.

Abstract: In this article, the author has attempted to analyze the Russian community of Latvia in the context of the challenges of the 21st century. The analysis takes place on four most pronounced aspects — not citizenship, the Russian language, historical memory and attitude to Russia. Having studied these four criteria, the author came to the conclusion that there is a gradual blurring of Russian identity under constant pressure from the Latvian state and the passivity of part of the Russian-speaking population. The greatest cohesive role is played by the historical memory of the Second World War and the USSR, as well as the Russian language. The direct connection with Russia and the sense of belonging to it is gradually decreasing, giving way to a sense of attachment to Latvia.

Keywords: Latvia; Russians of Latvia; Russian language; non-citizens; assimilation; historical memory; identity.

Введение

После начала Специальной военной операции России на территории Украины вопрос о самоидентификации русских получил новое звучание в политическом дискурсе как Латвии, так и России. Оказание влияния на русское население и его политические взгляды является одним из ключевых интересов России и Латвии, от чего зависит безопасность обеих стран. Вопрос о статусе русскоязычного населения Латвии всегда был одним из основных в рамках двусторонних отношений между Латвией и Россией, определяющим их специфику и динамику. На самоидентификацию латвийских русских влияет множество факторов и процессов, происходящих как внутри, так и за пределами Латвии. Именно на основе данных событий можно проследить тенденции в русской общине Латвии, в качестве таких событий можно выделить: референдум о статусе русского языка как второго государственного (2012), начало Специальной военной операции и реакция на последовавший демонтаж памятников, реформы в отношении русского языка в латвийском законодательстве.

Целью данного исследования является выявление тенденций в развитии идентичности русской диаспоры в Латвии и определе-

ние влияющих на нее факторов. Эмпирическую базу исследования составляют латвийские нормативно-правовые акты, статистические данные, официальные сайты латвийских государственных структур, публикации опросов латвийских университетов, а также публикации в средствах массовой информации. Хронологические рамки исследования — с 1990-х гг. до 2022 г. включительно.

Факторный анализ используется для объединения большого количества исходных переменных в конкретные факторы, историографический анализ — для анализа исследований, которые связаны с темой, а ивент-анализ используется для выявления основных тенденций и анализа событий.

Проблема идентичности русского населения Латвии достаточно редко поднимается в научной литературе в качестве отдельной темы исследования, обычно исследователи рассматривают отдельные аспекты, касающиеся данной проблематики, такие как: образование, негражданство или языковой вопрос. Комплексные исследования проводились в основном исследователями из стран Прибалтики, стоит отметить весомый вклад, сделанный Вороновым В., Волковым В. и Апиной И., но также стоит отметить, что их труды были написаны в 2007 и 2009 гг. и не учитывают современные реалии [1, 2]. Научная новизна данной работы заключается, в первую очередь, в обобщении разрозненных данных о русской общине Латвии и разносторонний анализ, полученных данных 2022 г., после начала Специальной военной операции как важной и поворотной точки в истории Латвии и русской диаспоры в ней.

Вопрос негражданства

Русская диаспора в Латвии является одной из крупнейших в мире, 24% от населения страны являются русскими [3]. Она формировалась на протяжении нескольких веков, но основной приток русскоязычного населения пришелся на советский этап латвийской истории.

В качестве отправной точки проблемы негражданства можно считать 1995 год, когда в Латвии фактическое разделение на русских и латышей было закреплено на законодательном уровне за-

коном «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства», который разделит население Латвии на граждан и неграждан [4]. Данный шаг только обострил отношения между двумя большими группами населения страны — русскими и латышами, которые имели не только разный язык, но и разные трактовки своей истории и отношение к политическим процессам. На момент принятия данного закона в Латвии статус негражданина получили около 730–740 тысяч человек, но их количество неуклонно сокращалось, что было связано с постепенным процессом натурализации. Так количество неграждан страны на момент 2022 года насчитывало 182 375 человек, то есть 9,72% жителей Латвии [5]. Лишь в 2020 году был принят закон, позволяющий детям неграждан автоматически получать латвийское гражданство по праву рождения. До этого момента волны натурализации происходили хаотично, например, наибольшая волна натурализации пришлась на момент вступления в НАТО и ЕС в 2004 году и завершилась в 2007 году, после получения для неграждан Латвии права безвизового перемещения по территории стран Европейского Союза. Данный феномен доказывает стремление местного русского населения к смене своего места жительства в результате неудовлетворённости своим положением в обществе. Согласно исследованиям от Управления по делам натурализации в 2003 году в качестве причин, почему неграждане отказываются идти на натурализацию являлись: 34,2% — убеждение, что гражданство должно им полагаться по праву рождения, 23,2% — недостаточный уровень владения латышским языком, 20,5% — сдача экзамена по истории, а также 20,2% — размер пошлины [6, стр.71]. Важно отметить, что в 2010 году часть неграждан Латвии выбрала путь получения гражданства России, а не Латвии.

Разделение общества на граждан и неграждан играет ключевую роль в общей самоидентификации русских в Латвии и их пассивности в выражении своей гражданской позиции. Институт негражданства — это фактически узаконенное лишение прав людей, родным языком которых является русский. На территории Латвии неоднократно проходили протесты и митинги против данного статуса, также регулярно предпринимались попытки через публичные обращения и законодательные инициативы бо-

роться с данным явлением. Наиболее показательная и масштабная попытка была предпринята в 2012 году, когда больше 12 тысяч граждан Латвии собрали подписи и подали в Центральную Избирательную Комиссию Латвии законопроект, суть которого заключалась в том, чтобы после 2014 года предоставить гражданство Латвии всем, желающим того, негражданам. Но данная инициатива была отвергнута.

Партии нацменьшинств, в частности «Русский союз Латвии», неоднократно пытались изменить ситуацию, но из-за отсутствия должного представительства в законодательных органах и ограниченных ресурсов их инициативы зачастую не приводили к существенным изменениям. Немаловажную роль в ограничении прав неграждан играют правящие элиты и тем более националистические организации, которые публично заявляют о том, что возможности натурализации следует ограничить. Представители объединения «Отечеству и свободе» (*Tēvzemei un brīvībai*) в 2005 году внесли в законопроект с формулировками, которые явно представляли неграждан Латвии в качестве пережитка «оккупации» [7]. Столь негативное отношение и исключение весомой части населения из политической жизни страны, через ограничение права на голосование, и молчаливое одобрение этого со стороны Европы, привело к тому, что люди разочаровались в возможности внесения изменений в их жизнь в рамках закона. И как следствие этого следующие поколения унаследовали данную пассивность. Происходит постепенное сокращение неграждан как за счёт естественной убыли населения, так и за счёт натурализации.

Языковой вопрос

Основным элементом, связывающим русских Латвии с Россией и русской культурой, является русский язык. Статус русского языка в Латвии является болезненным и острым вопросом как для местного русскоязычного населения, так и для руководства страны. На 2021 год в Латвии русский язык считают родным 37%, при том что всего в Латвии этнических русских 24% [8].

В течении последних 20 лет русский язык пытаются убрать из латвийского образования, СМИ и бизнеса. Принятый в 1999 году

«Закон о государственном языке» постановил, что в Латвии единственным государственным языком является латышский [9]. Данный закон положил начало активному вытеснению русского языка. Латвийская политическая элита стремится полностью исключить русский язык из всех сфер жизни страны, она видит в нем угрозу своего существования и стабильности строя в стране. Так, в стране начиная с 2004 года идет школьная реформа, направленная на уменьшение доли русского языка в процессе обучения в школах нацменьшинств. В рамках этих реформ в 2017 году все школы Латвии перевели среднее образование на латышский язык, а в 2018 году были внесены изменения в законах «Об образовании» и «Об общем образовании», которые значительно уменьшали долю преподаваемых предметов на русском языке. Данные действия были встречены негодованием русского населения [10]. В крупных городах Латвии проходили протесты против данных решений, участники акций считали его целью ассимиляцию. Также неоднократно подавались иски в конституционный суд Латвии, которые каждый раз были отвергнуты. Несмотря на активные акции протеста и подачи исков в государственные структуры, в латвийской среде среди русских присутствует определенный пассивный элемент, который не идет на активную конфронтацию. Так, согласно заявлению депутата рижской думы Мирослава Митрофанова от Русского союза Латвии, что главная проблема в русском сообществе Латвии не только ассимиляция, но и равнодушное отношение части русскоязычного населения к своей судьбе, судьбе своей культуры и своих детей и непонимания влияния значения происходящих событий [11].

Поворотный момент наступил в 2012 году, когда был проведен референдум о русском языке как втором государственном. За русский язык как второй государственный проголосовало 24,88% от всего населения [12]. Несмотря на то, что данный референдум не достиг поставленной цели, он вызвал достаточно большой резонанс в обществе и показал, что за русский язык в Латвии выступает достаточно большое количество людей. Так после референдума мэр города Резекне А. Барташевич призвал власти парламента подумать о возможности предоставления русскому языку статуса регионального в городах и округах Латгалии, так как в этом регионе 56% населения проголосовала за русский язык

как второй государственный [13]. Но предложение мэра было отклонено центральными властями. В контексте анализа данного референдума нельзя не упомянуть заявление МИД России, которое в очередной раз подчеркнуло, что высокая активность на референдуме доказала важность русского языка и неготовность местного населения строить моноэтническое государство. Также итог референдума нельзя воспринимать как полноценное отражение настроений населения, так как свое мнение не выразило 319 тысяч неграждан. В свою очередь проведение референдума лишь укрепило стремление властей Латвии продолжить борьбу с русским языком под прикрытием лозунгами защиты латвийского языка [9]. В 2022 году были приняты поправки в закон об образовании, согласно которому до 2025 года все образовательные учреждения Латвии должны будут проводить обучение только на государственном языке [14]. Вопрос о статусе русского языка неоднократно поднимался в международных организациях, таких как ООН и ОБСЕ, но добиться сколь бы значимых изменений не удалось.

Параллельно с реформами образования происходит вытеснение русского языка из латвийских средств массовой информации. После 2014 года регулярно проходят обыски и задержания журналистов, которых власти подозревают в сотрудничестве с Россией [15]. Но данные точечные акции репрессий не встречают большой критики и массового возмущения со стороны русского населения, однако данные действия вносят определенный вклад в общую напряженность в стране.

Отношение к России

Русские Латвии имеют достаточно неоднозначную позицию в отношении России и ее действий на международной арене. Данные тенденции прослеживаются в социологическом исследовании Балтийского института социальных наук (Baltic Institute of Social Sciences) 2015 года и исследовании Латвийского Университета и Института социологии и философии 2017 года, а также в проведенных позднее опросах. Так, согласно исследованию, проведенному в 2015 году, 30% опрошенных представи-

телей русских Латвии чувствуют сильную или очень сильную принадлежность к России. Примечательно, что 44% чувствующих свою принадлежность к России являются людьми старше 65 лет [16, лрр. 162]. Важно отметить, что 24% от опрошенных русских заявили о своей принадлежности к Европе, 67% к Латвии. Но в 2017 году ситуация изменилась, количество людей, чувствующих сильную связь с Россией, сократилось до 25% в то время как количество людей, чувствующих принадлежность к Латвии, достигло отметки в 83%. Более высокую роль для жителей Латвии играет их принадлежность к этнической общине внутри государства: так, согласно данным 91% русских Латвии чувствуют принадлежность к своей этнической общине. Также 40–45% русских заявило, что национальная принадлежность для них очень важна. Опираясь на полученные данные, мы можем уверенно сделать вывод о том, что среди русских Латвии наблюдается расслоение и неоднозначность, но стоит отметить, что высокую роль играет чувство принадлежности к территории, на которой родился человек.

Неоднозначная позиция русских Латвии проявилась в полной мере во время 2022 года, когда происходил социальный опрос касательно Специальной военной операции России в Латвии. Так опрос показал, что 55% от нацменьшинств страны не поддерживает ни Россию, ни Украину, 20% выступают в поддержку России, 25% в поддержку Украины [17]. Опираясь на данные социальных опросов, можем сделать вывод, что в Латвии присутствует определенное количество населения, поддерживающее Россию, в то же самое время к единому консенсусу латвийские русские прийти не могут. Большой поддержкой Россия пользуются именно в среде пожилых людей, чья доля постепенно, но неуклонно сокращается.

Историческая память

Важным элементом самоидентификации является трактовка истории. Русские Латвии оставались солидарны с российской позицией о Второй Мировой войне, о героизме Красной Армии. Так, ежегодно 9 мая в Латвии проходили десятки шествий, и сотни тысяч местных жителей возлагали цветы к монументам, прославляющим победу и героизм РККА. Данные действия вполне

объяснимы: результаты опроса показывают, что 46% латвийских нацменьшинств отмечают 18 ноября — День провозглашения Латвийской Республики, а 73% отмечают 9 мая — День победы СССР и конец Второй мировой войны. Это свидетельствует о том, что в Латвии до сих пор не удалось создать сильную традицию празднования государственных праздников, в которых широко участвовали бы и нацменьшинства. [16, lpp. 162]. Столь позитивное отношение к празднику 9 мая можно объяснить высокой степенью положительной трактовки советского периода в истории Латвии. В опросе 2015 года 85% русских выразили положительное отношение к советской эпохе и 26% оценили положительно период независимой Латвии. В 2017 году число русских, положительно оценивающих СССР, было 73%. Также упало количество русских, отмечающих День победы до 56%. Данные изменения отражают постепенное перенимание и частично навязывание со стороны властей некоторых исторических нарративов, свойственных уже независимой Латвии. Так, несмотря на общую положительную оценку СССР, среди национальных меньшинств Латвии наблюдается достаточно однозначное мнение о ссылке (депортации) жителей Латвии в Сибирь с 1941 по 1949, 56% заявляют, что не может быть оправданий данным действиям и лишь 7% придерживаются противоположного мнения. [16, lpp. 162]

В контексте анализа стоит отметить, что в Латвии присутствует достаточно односторонняя и бескомпромиссная позиция по трактовке советского периода, которая имеет также законодательную базу. За отрицание советской «оккупации» грозит пожизненное заключение, штрафы и принудительные работы [18]. Также в рамках школьной программы происходит постепенное размывание границ между нацистской Германией и СССР, что влияет на восприятие молодыми людьми своей истории.

Серьезное обострение произошло в 2022 году, когда после начала Специальной военной операции власти Латвии несмотря на двусторонние договоры с РФ начали активную борьбу с советскими памятниками. Данные действия привели к негодованию местной русской общины. Наибольший резонанс был достигнут в Риге, столице Латвии, где был снесен самый крупный монумент в Прибалтике, посвященный победе во Второй Мировой войне.

Так, 24 августа 2022 года прошли массовые протесты, и на улицы вышли более сотни жителей, произошли массовые задержания, и полиция применяла силу [19]. По всей стране не наблюдалось массовых протестов, хотя местное население активно возлагало цветы к памятникам. Данный феномен доказывает не только важность своей истории для местного русскоязычного населения, но и способность к самоорганизации, пусть и в хаотической форме. Роль объединяющего элемента неоднократно пытались играть определенные политические партии, в частности «Русский союз Латвии», но из-за его малочисленности и отсутствия своего представительства в Сейме большинство запланированных акций регулярно отклоняется, в частности мирный пикет против сноса памятника, что и приводит к маргинализации борьбы русскоязычного населения за свою историю.

Еще одним косвенным проявлением важности исторической памяти для русскоязычного населения Латвии можно считать отказ местных компаний и рабочих, в частности, от участия в сносе региональных монументов, посвященных победе в Великой Отечественной войне и Красной Армии. [20] Хотя отсутствует статистика компаний и информация о национальном составе рабочих, отказавшихся участвовать в сносе памятников, есть данные о проведении в муниципалитетах конкурсов на их снос, в которых принимали и могли принимать участие различные компании, в том числе с большим количеством местных русских.

Исторический фактор играет достаточно серьезную роль в самоидентификации русских, несмотря на прошедшие 31 год со дня развала СССР, в Латвии продолжают отмечать День победы вопреки многочисленным ограничениям со стороны властей. На образовательном уровне предпринимаются попытки изменения представлений об истории у молодежи, что в будущем может серьезно отразиться на мировоззрении местного русского населения.

Выводы

В результате исследования автор приходит к выводу о том, что основными факторами, определяющими идентичность русских Латвии, является русский язык, историческая память,

а также частично связи с Россией. Для части русскоязычного населения, определяющую роль сыграл фактор негражданства, который в большей степени дополняет остальные факторы. Русские Латвии неоднократно в своем стремлении к самоидентификации и выражению своей воли пытались воздействовать на власти Латвии, но большинство попыток оказалось безрезультатно. Впоследствии данное явление выразилось в пассивности местного русского населения.

Также в течении последних тридцати лет происходило планомерное размывание русской идентичности в Латвии, что прослеживается через призму реакции русского населения на события как внутри, так и вне Латвии. В наибольшей мере это заметно в реакции населения на начало специальной военной операции и на реформы языка в 2022 году. Русское население Латвии живет в парадигме дискриминации, что приводит к потере собственной идентичности, пассивности и все приятию всего происходящего. На фоне этого происходит постепенное снижение чувства принадлежности к России у русской диаспоры. Наибольшую принадлежность к России ощущает пожилое поколение, в свою очередь молодые люди все чаще чувствуют свою связь с Латвией и Европой. Но, несмотря на это, в русской среде остается достаточно прочная и единая позиция в отношении трактовки исторических событий, таких как победа в Великой Отечественной войне, несмотря на все более активное давление стороны латвийских властей, которое проявляется как в сносе памятников в 2022 году, так и в изменении исторических нарративов на государственном уровне.

Библиография

1. Воронов В. В. Русские в Латвии: особенности социокультурной адаптации и идентичности // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 91–95
2. Apine I., Volkovs V. Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007. 263 lpp.
3. Iedzīvotāji pēc tautības gada sākumā — Tautība un Laika periods // Oficiālās statistikas portāls. URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START__POP__IR__IRE/IRE010/table/tableViewLayout1/ — 04.06.2023

4. Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības // Likumi.lv. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> — 04.06.2023.
5. Iedzīvotāju īpatsvars pēc valstiskās piederības un dzimuma reģionos, pilsētās, novados un pagastos, apkaimēs un blīvi apdzīvotās teritorijās gada sākumā (pēc administratīvi teritoriālās reformas 2021. gadā) — Valstiskā piederība un Laika periods // Oficiālās statistikas portāls datubāze. URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START__POP__IR__IRV/IRV031/table/tableViewLayout1/ — 15.04.2023.
6. Reģionālo aspektu nozīme pilsonības jautājumu risināšanā. Rīga: LR Naturalizācijas pārvalde, 2003. 71 lpp.
7. В граждане только арийцев?! // Delfi. 17.05.2005. URL: <http://rus.delfi.lv/archive/article.php?id=12810589&ndate=1132178400&categoryID=3513828> — 13.05.2023.
8. Population by ethnicity in regions, cities, municipalities and 21 development centres at the beginning of year 2011–2022 // Oficiālās statistikas portāls DATUBĀZE. URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/STARTPOPIRIRE/IRE030/table/tableViewLayout — 17.04.2023
9. Косачев: результаты референдума — это успех // Delfi. 19.02.2012. URL: <https://web.archive.org/web/20120419045213/https://rus.delfi.lv/news/daily/politics/kosachev-rezultaty-referenduma-eto-uspeh.d?id=42143126> — 21.04.2023
10. Izglītības likums // Likumi.lv. URL: <https://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums> — 21.04.2023
11. *Лешковский Е.* Русская кровь Латвии: как равнодушие губит культуру и будущее // Sputnik. 13.01.2022. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220113/russkaya-krov-latvii-kak-ravnodushie-gubit-kulturu-i-buduschee-19994306.html> — 14.04.2023
12. 2012. gada 18. februāra tautas nobalsošana par likumprojekta "Grozījumi Latvijas Republikas Satversmē" pieņemšanu Rezultāti. // Centrālā vēlēšanu komisija. URL: <http://www.tn2012.cvk.lv/> — 17.04.2023
13. Мэр Резекне призывает правительство Латвии дать русскому языку статус регионального. // Интерфакс. 19.02.2012. URL: <https://web.archive.org/web/20120221082533/http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=231692> — 19.04.2023
14. Stājušās spēkā normas par pāreju uz mācībām latviešu valodā // LV portāls. 25.10.2022. URL: <https://lvportals.lv/skaidrojumi/345951-stajusas-speka-normas-par-pareju-uz-macibam-latviesu-valoda-2022> — 21.04.2023
15. Москалькова получила обращение от журналистов Baltnews и Sputnik Латвия // РИА Новости. 28.01.2021. URL: <https://ria.ru/20210128/zhurnalisty-1594917263.html> — 19.04.2023

16. *Mieriņa I., Koroļeva I., Volkovs V.* Mazākumtautību līdzdalība demokrātiskajos procesos Latvijā. Rīga: Baltic Institute of Social Sciences, 2015. 162 lpp.
17. *Силиньш Р.* Правда ли, что 75% русскоязычных Латвии поддерживают Россию в войне? // Re: Baltica. 21.04.2022. URL: <https://ru.rebaltica.lv/archives/4032>–18.04.2023
18. Krimināllikums, 74.1 pants. Genocīda, nozieguma pret cilvēci, nozieguma pret mieru un kara nozieguma attaisnošana // Likumi.lv. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=88966>–25.04.2023
19. В Риге прошли массовые задержания во время сноса памятника Освободителям. // РИА Новости. 23.08.2022. URL: <https://ria.ru/20220823/riga-1811711659.html> — 30.04.2023
20. В Латвии рабочие отказываются сносить советские памятники // РИА Новости. 26.08.2022. URL: <https://ria.ru/20220826/pamyatniki-1812363409.html> — 30.04.2023

Харламова Екатерина Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений,

магистратура

Польша и концепция Новой Восточной Европы: роль и перспективы геополитического влияния в регионе

Poland and the “New Eastern Europe”: the role and prospects of geopolitical influence in the region

Аннотация. В настоящей статье обозначается проблематика политики Польши в отношении стран «Новой Восточной Европы» с оценкой ее роли в регионе и перспективами усиления геополитического влияния в регионе. Изучив исторические предпосылки и корни формирования особого взгляда на политическую карту Восточной Европы через геополитические концепции, автор делает выводы о том, какое место в регионе занимает Польша сегодня и какими могут быть последствия проводимой правительством политики.

Ключевые слова: Новая Восточная Европа; геополитика Польши; геополитические концепции Польши; Восточная политика Польши

Abstract. This article outlines the problems of Poland’s policy towards the countries of the “New Eastern Europe” with an assessment of its role in the region and prospects for strengthening geopolitical influence in the region. Having studied the historical background and roots of the formation of a special view of the political map of Eastern Europe through geopolitical concepts, the author draws conclusions about the place of Poland in the region today and what the consequences of the government’s policy may be

Keywords: New Eastern Europe; geopolitics of Poland; geopolitical concepts of Poland; Eastern policy of Poland

Введение

Географические, политические рамки «Восточной Европы» сегодня сталкиваются с весьма неоднозначными и противоречи-

выми объяснениями. С точки зрения классической геополитики этот субрегион воспринимается как буфер между Западом, с преимущественно атлантистским влиянием, и Востоком, с российским влиянием. Как писал классик геополитической парадигмы Х. Дж. Макиндер: «тот, кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд, кто контролирует Хартленд, тот контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой остров — управляет всем миром». Однако и внутри самой Восточной Европы сегодня происходят весьма неоднозначные процессы, которые могут привести к смене баланса сил, трансформации региона [1]. Традиционно Восточная Европа представляет собой сконструированный Западом концепт, где все, что на Востоке — недоразвитое, отсталое, устаревшее, нецивилизованное. Трансформация этого понятия в западном дискурсе и его оформление в целостный концепт с определенными стереотипными представлениями отражены в работах Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» и Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу» [2].

От такого восприятия современные государства региона всеми силами хотят отстраниться. Так, большинство европейских стран, которые раньше относились к «востоку», сейчас негласно относятся к центральноевропейским странам, страны Балтии все чаще упоминаются как страны Северной Европы, а для стран на востоке европейского континента был изобретен термин «Новая Восточная Европа». Само понятие разработано американскими исследователями центра трансатлантических связей при Университете Джона Хопкинса для разграничения сфер стратегического влияния США в Европе. К этому субрегиону относят Украину, Белоруссию и Молдавию и определяют как приоритетный для американского внешнеполитического курса и политики НАТО в Европе [1].

Страны «Новой Восточной Европы» традиционно со времен Холодной войны изучаются в контексте борьбы за сферы влияния между объединенным Западом и Россией, однако роли отдельных стран в этом противостоянии уделяется недостаточно внимания. В XXI веке в данном регионе существенно возросла роль Польши как инициатора интеграционных объединений и различных вариантов сотрудничества. Последнее десятилетия страна сохра-

няет уверенные экономические показатели роста, все активнее действует в рамках НАТО и ЕС. Политические силы Польши задействуют множество инструментов для расширения сферы влияния на соседние страны. Среди них различные механизмы мягкой силы, выгодные условия для миграции, государственные социальные программы, поддержка выгодных политических сил и помощь оппозиции в борьбе с «неудобным» правительством. Польша перестала быть государством «на периферии Европы» и последние десятилетия все чаще позиционирует себя как регионального лидера, а иногда и как новый «полюс силы» в Евросоюзе.

«Новая Восточная Европа» — стратегический интерес США или польская зона влияния?

Влияние Польши на страны «Новой Восточной Европы» — следствие продуманных геополитических стратегий. Так, с начала XXI в. Польша инициировала ряд попыток включения в Европейский Союз этих стран, активно участвовала в процессах внутренних политических трансформаций (особенно в случае с Украиной и Белоруссией), продвигала инициативы относительно их поддержки со стороны ЕС и НАТО. Создание «Восточного партнерства», в рамках которого выстраиваются особые отношения с обозначенными странами с перспективой их включения в Европейские структуры — также инициатива польского руководства. Польша сегодня является главным идеологом атлантизма в Восточной Европе, расширения влияния США и НАТО с одновременным ограничением влияния России и Германии в регионе [3].

В случае с Белоруссией активная деятельность польского правительства связана с поддержкой оппозиционного правительства (во главе с Л. Тихановской), запрещенных в Белоруссии новостных изданий и телеграмм-каналов (например, NEXTA), публичное осуждение внешней и внутренней политики нынешнего руководства во главе с А. Лукашенко и особая политика в отношении граждан этой страны. Недавнее выступление А. Дуды полностью подтверждает этот курс правительства: «В Белоруссии нет свободы, это государство авторитарное, без общественной леги-

тимации власти». Безвизовое соглашение позволяет гражданам страны приезжать в Польшу свободно, и при этом учиться, работать на особых, льготных основаниях [4]. Правительство не запрещает и даже поощряет демонстрацию альтернативного белорусского флага и протесты граждан против режима Лукашенко.

С Украиной ситуация обстоит еще сложнее: если с Белоруссией невозможно предпринять активных действий и повлиять на само руководство страны до смены власти, то с Украиной процесс сближения начался с момента оранжевой революции. Активизировался с началом Майдана и приходом к власти В. Зеленского и вышел на качественно новый уровень с началом СВО в 2022 г.

Польша все чаще выдвигает себя как активного участника не только европейских, но и мировых процессов. Так, последние выступления А. Дуды и М. Моравецкого свидетельствуют об озабоченности правительства общемировой проблематикой. Польша в данном случае выступает как главный союзник США и один из главных акторов в рамках НАТО. На последнем выступлении в Атлантическом совете в апреле 2023 г. Моравецкий помимо традиционной речи о важности поддержки Украины ради европейской безопасности и будущего Европы упомянул и важности союза с США ради общего противостояния Китаю: «Нам нужно бороться за Украину, чтобы и Тайвань стал независимым. Польша хочет быть фундаментом европейской безопасности» [5]. Очевидно, что с начала конфликта на Украине Польша намерена играть все более важную роль, при этом использовать ресурсы и силу НАТО как для продвижения американских интересов в регионе, так и для распространения собственного влияния на соседние страны. Еще Е. Гедройц делал ставку именно на независимости этих стран от российского влияния. Подчеркивал, что они являются буфером и гарантия их свободы от влияния с Востока — гарантия безопасности для самой Польши [6].

За внешнеполитическими решениями польского руководства в отношении соседних стран стоят не только общеевропейские или атлантистские идеи. По большей части восточный вектор политики Польши — это постоянная борьба пястовской и ягеллонской парадигм. Ягеллонская концепция, вдохновленная идеями Ю. Пилсудского, преследует целью возможность формирования

многонационального государства федеративного типа во главе с Польшей. Подразумевает объединение исторических земель в рамках Речи Посполитой, которые сегодня принадлежат Литве, Украине, Белоруссии — «Polska od morza do morza». Польша в этом случае выполняет цивилизаторскую функцию и основывает большое, суверенное, цивилизованное государство в центре Европы. Этот вариант государственности принципиально важен и для противостояния России и Германии. Пястовская концепция, сформированная под идеями Р. Дмовского, представляет собой основание моноэтничного государства, без присоединения этнических меньшинств, других народов и значительных земель на Востоке. Она менее «воинственная» и не подразумевает открытого противостояния, за что часто трактуется сегодня как «пророссийская». Однако, это не значит, что концепция следует идее партнерства с Россией. Пястовская идея больше сосредоточена на поддержке национальных государств на Востоке в роли буфера между Польшей и Россией, а также следовании тактике мирного сосуществования с соседом на Востоке. Обозначение «восточные кресы», т.е. восточные земли Польши или восточные окраины, занимают важное место в выстраивании внешнеполитического курса в целом [1].

Какой должна быть Польша? Сильным, моноэтничным национальным государством или большой многонациональной федерацией «от моря до моря»? На эти и другие вопросы относительно будущего польского государства можно попытаться найти ответ с помощью анализа речей, выступлений ведущих политиков, публикаций исследователей и официальных документов.

Анализ стратегии внешней политики на 2017–2021 гг. говорит о том, что правительство больше не делает ставку на ЕС и европейский комплекс безопасности. В качестве главного союзника и гаранта безопасности выделяют США [7]. Польша в данном случае выбрала стратегию *bangwagoning*, согласно которой как среднему государству в достижении своих целей ей проще присоединиться к альянсу с более сильным и влиятельным игроком. В своем выступлении по случаю празднования конституции 3 мая А. Дуда неоднократно отсылается к Западу: «Польша сегодня целиком с Западом, ведь мы и есть «Запад», и политически тоже. Что-то нас с США связывает, связывает свобода, которой хотели как аме-

риканцы, так и поляки». Однако помимо акцента на опору в лице США в речах президента все чаще делается ставка на суверенитет и независимость, недопустимость любого господства [8].

Восточная политика Польши сегодня представляет собой главным образом противостояние российскому влиянию в регионе. На сайте Министерства иностранных дел подробно объяснена приоритетность данного направления и важность противостоянию «агрессору». Также подчеркивается культурная, историческая связь с народами Украины и Беларуси, с которыми важно поддерживать связи на всех уровнях и помогать с процессами евроинтеграции [9]. Упомянуто и молдавское направление: в этой связи Польше нужно больше внимания уделить реорганизации административной системы Молдавии и продвигать идею сближения с ЕС. Схожие рекомендации выдает министерство и в отношении Азербайджана, Грузии, Армении и Казахстана. Такие акценты позволяют говорить об особой «миссии» Польши на Востоке, ее примере для успешной интеграции с западными институтами, альянсом НАТО, демократизации [10].

Страны на востоке от самой Польши на протяжении многих веков рассматривались в правящих кругах как зона польского влияния. Исторический контекст по-прежнему играет важную роль в определении внешнеполитического курса страны. Этот тезис особенно важен для рассмотрения с учетом сосредоточения власти в руках консервативной партии.

Мягкая сила и политика партии «Право и Справедливость» — отношения с соседями на новых условиях

Выстраивание особой политики в отношении мигрантов с Украины, поддержка оппозиции и оппозиционно настроенных граждан в Белоруссии, облегчение процедуры получения визы или гражданства, встречи с представителями этих стран, интеграционные проекты — факторы, которые позволяют говорить об особой роли Польши в формировании внешнеполитического курса целого региона.

С 2015 г. (с момента прихода к власти) политика партии была настроена на сближение с Украиной и Белоруссией, что подразу-

мевало на фоне общеевропейского миграционного кризиса особую миграционную политику. Правительство стало продвигать облегченную систему получения рабочих и учебных виз и помощь в ассимиляции мигрантов. Курсы польского языка, отдельные детские сады, группы в школах, стипендии студентам. Принятие мигрантов с Востока для Польши стало главным аргументом в процессе раздачи квот Евросоюзом. Эти страны рассматривались руководством как «безопасные» по сравнению со странами Ближнего Востока и Африки.

С 2015 г. на сайте Министерства иностранных дел публикуются отчеты о заседаниях «Польско-украинского форума партнерства». Он проходит ежегодно в одной из стран партнерства и ставит своей целью разработку новых инвестиционных проектов, усилению партнерства и сближение между государствами на разных уровнях. В 2023 г. форум прошел в Львове, с представительством дипломатов, экономистов, журналистов и политиков обеих стран. Генеральный консул во Львове Элиза Колоколькевич подчеркнула, что украинцев и поляков объединяет любовь к свободе, которая заложена в генетическом коде обоих народов, и заявила, что в качестве представителя Польши на Украине она будет способствовать постоянному укреплению экономических отношений между Украиной и Польшей. Только во Львовской области за последний год было реализовано 53 инвестиционные программы на сумму около 50 млн. евро. На последней встрече в рамках Форума участники также обсуждали инвестиционные планы и совместные инициативы до 2027 г. [11]

Эти новые реалии сотрудничества с Украиной, в которых Польша занимает роль «образца», «вдохновителя», «главного инвестора» и главной поддержки в ЕС и НАТО провоцируют серьезный перекося в двусторонних отношениях, с которым позднее придется, так или иначе, столкнуться обеим странам. Для Украины проблемы связаны с зависимостью от польских инвестиций, публичной политической поддержки, военной помощи. А для Польши в будущем такие отношения могут вести к пересмотру миграционной политики и внешней политики в целом. До конца вооруженного конфликта эта поддержка выглядит необходимой, оправдывающей и польский курс противостояния России

в целом. Но впоследствии правительству придется столкнуться с миллионами беженцев и связанными с этим экономическими издержками. Компенсировать необходимыми жилищными условиями, пособиями и выплатами (например, по программе 500+, которая к тому же может быть увеличена в ближайшие месяцы) содержание мигрантов. Гарантировать адаптацию и ассимиляцию посредством преподавания языка, оснащения государственных структур переводчиками, дополнительной помощи в поиске учебы или работы. Это настоящий вызов для польской экономики и испытание для общества, привыкшего к моноэтничности. О том, насколько эта ситуация экономически и политически выгодна для Польши, можно будет делать выводы только после окончания конфликта и периода экономического восстановления.

Если в случае с Украиной открытое сотрудничество можно реализовать практически в любой сфере, то в случае с Белоруссией ситуация сложнее. Однако последние годы в польском дискурсе, среди исследователей, аналитиков, тезис об актуальности «работы» с Белоруссией становится все актуальнее. Так, Марек Будчиш, аналитик, историк и автор нескольких публикаций о польской стратегической политике, в интервью Военной морской Академии говорит о приоритетности этого направления над украинским [12]. Выдвигается идея демократизации Белоруссии и необходимости строительства регионального комплекса безопасности под предводительством НАТО, с большой ролью Польши в регионе: «Польша — государство центральное, поэтому нам нужно обращать внимание и на соседей, на границы», — отмечает эксперт. Белоруссия особенно интересна как потенциальная зона польского влияния, поскольку пока она находится в пророссийской зоне влияния — это гарантирует наличие постоянной угрозы на границе [13].

В отношении Белоруссии польское правительство сегодня использует мягкие инструменты. Поддержка медиа и молодежи, католической церкви в западных территориях, культурные связи, продвижение польского языка (в том числе посредством проведения богослужений) и поддержку польской диаспоры. Так, организация Союз поляков была обвинена в подрыве государственной деятельности за участие в протестах 2021 г. Поддержка оппозиции и борьбы с существующей властью занимает важное место

и в стратегии национальной безопасности, где описано, что недемократическое государства на Востоке создает угрозу для безопасности всего Евросоюза. Для этих целей Польшей и финансируются оппозиционные телеграм-каналы, альтернативные политические программы, фонд «Солидарность» и «Восточно-европейский демократический центр» [14].

Организация Варшавского института в рамках своей деятельности разрабатывает аналитические записки, комментарии относительно стратегически важных для Польши стратегических направлений. Среди них выделяются Россия, влияние Китая на страны Вышеградской группы, США, Румыния, Украина, Белоруссия и страны Балтийского моря [15].

В настоящее время страны Восточной Европы проходят череду важных, структурных изменений. Белоруссия, Украина, Молдова становятся объектом для борьбы среди своих более влиятельных соседних стран [16]. Польша в данном контексте не останется в стороне, о чем свидетельствуют шаги правительства на протяжении последних лет. Анализ существующих среди разных политических сил в Польше точек зрения на восточную политику, изучение актуальных решений правительства и исторического контекста позволят сформировать целостное представление о роли Польши в Восточной Европе и спрогнозировать дальнейшие шаги руководства в отношении стран «Новой Восточной Европы». Анализ того, какой будет восточная политика Польши, какая роль в этой политике отводится США и России позволит сконструировать представление о стратегическом потенциале всего региона. Это, в свою очередь, поможет сформировать комплексное представление о российских интересах в регионе, что важно учитывать при выстраивании диалога со странами и разработке внешнеполитической стратегии.

Библиография

1. Бовдунов А. Л. Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 480 с.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 548 с.

3. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под ред. Д. С. Буневича. М.: Издательство «Кучково поле», 2020. 176 с.
4. Prezydent: Dzisiaj Białoruś walczy o to, by stać się państwem wolnym // *Do Rzeczy*. 07.03.2023. URL: <https://dorzeczy.pl/opinie/413545/duda-bialorus-walczy-o-to-by-stac-sie-panstwem-wolnym.html> — 20.04.23.
5. Morawiecki: Jeśli upadnie Ukraina, następny może być Tajwan // *Rzeczpospolita*. 13.04.2023. URL: <https://www.rp.pl/konflikty-zbrojne/art38316601-morawiecki-jesli-upadnie-ukraina-nastepny-moze-byc-tajwan> — 18.04.23.
6. *Mieroszewski J.* Rosyjski „kompleks Polski” i obszar ULB // Kowal P., Oldakowski J., Zuchniak M. Nie jesteśmy ukrainofilami. Polska myśl polityczna wobec Ukraińców i Ukrainy. Antologia tekstów. Wrocław: Kolegium Europy Wschodnie, 2002. 482 s.
7. Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej 2017–2021 // Ministerstwo Spraw Zagranicznych. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/strategia> — 20.04.23.
8. Uroczystość z okazji Święta Narodowego Trzeciego Maja // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ft_z4N_zHso — 20.04.23.
9. Polsko-Ukraińskie Forum Partnerstwa // Ministerstwo Spraw Zagranicznych URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/polsko-ukrainskie-forum-partnerstwa> — 18.04.23.
10. Polityka wschodnia // Ministerstwo Spraw Zagranicznych. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/polityka-wschodnia> — 18.04.23.
11. Forum Partnerstwa „Polska-Ukraina” we Lwowie // *Kurier Galicyjski*. 01.04.2023. URL: <https://kuriergalicyjski.com/forum-partnerstwa-polska-ukraina-we-lwowie/> — 18.04.23.
12. *Budzisz M.* Iluzja wolnej Białorusi. Jak walcząc o demokrację można utracić ojczyznę. Warszawa: Nowa Konfederacja, 2020. 344 s.
13. *Budzisz M.* Białoruś jest dla Polski ważniejsza od Ukrainy // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HGtgcNUm-0k> — 15.05.23.
14. *Li С.* Польская политика «мягкой силы» в отношении Республики Беларусь: концепции и практика // *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2022. Vol. 2. No. 1. P. 114–131.
15. Warsaw Institute. URL: <https://warsawinstitute.org/pl/programy/> — 18.04.23.
16. *Shapovalova N., Stępniewski T.* Poland and the Eastern Partnership of the European Union: a sustained commitment // *Yearbook of the Institute of East-Central Europe*. 2013. Vol. 11. No. 6. P. 81–95.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА»

Кузнецов Егор Тимофеевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Россия в повестке парламентских партий Великобритании: современность и перспективы.

Russia on the agenda of the UK parliamentary parties.
Modernity and prospects.

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить вероятность изменения внешней политики Великобритании на российском направлении в случае проведения внеочередных парламентских выборов. Для осуществления поставленной задачи автором были изучены партийные манифесты, публичные выступления. Для того, чтобы повестки партий не были выдернуты из контекста, был рассмотрен и проанализирован внутривнутриполитический контекст. Изучив основные направления и аспекты, автор делает выводы о возможных последствиях смены политического истеблишмента для российско-британских отношений.

Ключевые слова: политические партии Великобритании; внешняя политика Великобритании; партийно-политическая система Великобритании; российско-британские отношения.

Abstract. This article attempts to determine the probability of a change in the UK's foreign policy in the Russian direction in the event of early parliamentary elections. To accomplish this task, the author studied party manifestos and public speeches. In order for the parties' agen-

das not to be taken out of context, the domestic political context was considered and analyzed. Having studied the main directions and aspects, the author draws conclusions about the possible consequences of the change of the political establishment for Russian-British relations.

Keywords: political parties of Great Britain; foreign policy of Great Britain; the party and political system of Great Britain; Russian-British relations.

Кризис партийно-политической системы Великобритании.

Для Соединённого Королевства СВО стала очередным фактором ухудшения внутривнутриполитической обстановки. Партийно-политическая система страны была не готова к новым потрясениям после тяжелого Брексита и последствий пандемии COVID-19. На фоне обострения внутривнутриполитического кризиса актуальность приобретает попытка сравнительного анализа позиций парламентских партий относительно внешней политики России и взаимодействия Великобритании и Российской Федерации, благодаря проведению которого можно определить возможные сферы взаимодействия стран при различных лидирующих партиях, а также вероятность изменения внешнеполитического курса Соединённого Королевства и такого взаимодействия. Новизна работы обуславливается комплексностью исследования, а также перспективой возможных досрочных всеобщих парламентских выборов. В исследовании используется метод сравнительного анализа, метод анализа нормативно-правовой документации, партийных манифестов. При анализе были использованы статистические данные исследовательских центров, актуальные публикации СМИ и научная литература.

Партийно-политическую систему следует определять как систему устойчивых взаимоотношений политических партий, обеспечивающую представительство электората и реализацию его воли государственными органами власти. Исторически система двухпартийного типа строилась на борьбе двух сил, однако с 80-х годов прошлого века заметна редкая сменяемость (1979–1997 —

консерваторы, 1997–2010 — лейбористы, 2010-н.в — консерваторы), что уже может свидетельствовать о «нездоровом» состоянии системы. Мажоритарность системы, которая основывается на воле одной партии, которая находится у власти, требует стабильности. С момента начала Брекзита до настоящего момента Консервативная партия уже одержала победу на двух выборах, однако успех не характеризует ситуацию в целом: у руля партии сменилось уже пять кандидатов (с 2010 года), что свидетельствует о внутреннем кризисе лидерства. Лейбористская же партия не может навязать серьёзной борьбы своим оппонентам (с 2010 партия только теряет места в парламенте, за исключением 2015 года), а каждый лидер уходит в отставку после предвыборной кампании, что тоже говорит о том, что в партии нет лидера, который способен примерить все фракции и в то же время привлечь большинство электората [1]. Острые разногласия по Брекзиту раскололи обе главные партии страны, и во время референдума создавались специальные партии сторонников и противников «выхода», подобный феномен — новый в партийно-политической системе, который демонстрирует начало перехода партийной системы к плюральному состоянию, что отражают и НПА [2, с. 291]. Однако ППС — это не только партии, люди не имеют единого мнения касательно будущего своей страны, при этом нет стремления выбрать какой-то конкретный курс конкретной партии [3] Исходя из этого для сравнительного анализа были отобраны не только две «главные партии», но также Шотландская Национальная и Либерально-демократическая партии, как наиболее крупные третьи партии, однако они рассматриваются не как реальная оппозиция, а как альтернативная точка зрения.

Политическая партия характеризуется своими предвыборными обещаниями. Последние всеобщие парламентские выборы проводились в 2019 году, поэтому в манифестах партий нет реакции на СВО и последовавшие вызовы стабильности и безопасности Королевства. Однако в документе «консерваторов» [4] присутствуют недвусмысленные намёки на сдерживание «государств-изгоев... в т.ч. тех, которые вмешиваются в политику других стран и совершают убийства». Лейбористы же обвиняют оппонентов в сокрытии вмешательства РФ во внутренние дела страны

и выборы [5]. Заявления третьих партий достаточно контрастны: ШНП не освещает в своём документе [6] «российскую угрозу», которая встречается в манифесте [7] либерал-демократов чаще, чем у основных партий. Общий же тренд для манифестов — «новая Британия», с которой раньше обходились не так, как она заслуживает, а теперь надо встать с колен и принести в нестабильный мир спокойствие и порядок, через увеличение своей роли в международных организациях. Вышеупомянутые факты, однако, не точно характеризуют роль России в британской политике, поэтому следует также рассмотреть деятельность партий в последнее время.

Анализ позиций партий.

Консервативную партию СК как правящую следует оценивать исходя не только из публичных заявлений и встреч, но и из проводимой государственной политики. Официальная партийная позиция хорошо характеризуется высказыванием чрезвычайного и полномочного посла Великобритании в Украине Мелинды Симмонс: «У него [Сунака] есть достаточно важные внутренние экономические вопросы, на которые он должен обращать внимание, и он это делает. Но у меня нет ощущения, что он воспринимает это вторжение менее серьезно, чем Лиз Трасс или Борис Джонсон» [8]. Премьер-министр действительно оказался в трудном положении: согласно данным Всемирного Банка, объёмы ВВП Соединённого Королевства уменьшились на 9,3%, что более чем в два раза превышает спад 2009 года в время Мирового экономического кризиса [9]. Уровень ВВП удалось восстановить и увеличить, однако ценой дефицита бюджета — 14,5% ВВП в 2020 г. и 6% в 2021 г. Его финансирование осуществляется за счёт повышения налогов и внешних займов, которые достигли почти 98% от ВВП [10]. Наследие Трасс привело к падению курса фунта, оттоку иностранного капитала [11]. Несмотря на слабую зависимость от российских энергоносителей, подталкивание ЕС к санкциям на них [12] и агрессивная антироссийская политика спровоцировали рост цен на всём рынке энергоресурсов [13], что снизило реальную покупательную способность. Всё это не способствует росту общественной поддержки не только антироссийских санкций [14],

но и поставок вооружений [15]. Так, в линии консерваторов можно отследить некую «преемственность», выраженную в поддержке украинской стороны в политическом и экономическом плане, оставаясь вторым самым крупным «донором», выделив за год 2,3 миллиарда фунтов [16], без учёта затрат на беженцев, подготовку военных кадров и т.п. Несомненно, эти действия вытекают из обозначенного выше стремления занять более важную позицию в новом мировом порядке. Однако в выступлениях и публикациях консерваторов часто подчёркивается важность восстановления собственной экономики, также делается акцент на экономическом образовании премьер-министра. Из этого можно сделать вывод, что торгово-экономическая сфера, традиционно, может являться площадкой для контактов России и Великобритании.

Позицию Лейбористской партии оценить с точки зрения статистики и практики достаточно трудно, однако официальные заявления и визиты способны описать партийную позицию относительно новой политической реальности. Лидер и высокопоставленные члены партии наносили визиты как в Киев, так и в Вашингтон, во время которых выражали ясную антироссийскую позицию [17]. При этом подчёркивалась не только солидарность с Украиной, но и настрой на расширение сотрудничества внутри НАТО. В случае прихода к власти оппозиционная Лейбористская партия Великобритании продолжит поддерживать Киев и проводить жесткий курс в отношении РФ [18].

Почему внеочередные выборы возможны? В руках у лейбористов достаточно рычагов давления на электорат, чтобы добиться перераспределения мест [19]. Во-первых, социальная усталость. Британское общество расколото и измотано Брекситом, пандемией, падением доходов и социальных выплат. Во-вторых, слабая легитимность Риши Сунака. Премьер-министр не избирался народом и даже членами партии: не было конкурентов, поэтому, несмотря на сохраняющийся достаточно высокий уровень народной поддержки, премьер-министр вынужден будет предпринимать активные и действенные меры не только для приведения бюджета в порядок, но и для сохранения своего имиджа и поддержки [20]. Однако, важно отметить, что оценивать вероятность смены ведущей партии как высокую не стоит: при сохранении 356 мест из 650 за консерва-

торами трудно рассчитывать на проход порога в 2/3 голосов без серьёзного давления. Что важнее, исходя из анализа политических повесток партий, для России эта перемена мало что будет значить.

Россия во внешней политике «Глобальной Британии».

Несмотря на антироссийский настрой, Россия и Великобритания остаются торговыми партнёрами даже в условиях жёсткого противостояния [21]. Санкционная политика Великобритании как отдельного государства несопоставима с политикой Евросоюза и США, из-за возможных издержек и национальных приоритетов Лондон проявляет большую расчётливость и сосредотачивает удары на области страхования, что, разумеется, усложняет торговые транспортировки, также усложнён или остановлен экспорт товаров роскоши, технологий, услуг и инвестиций в РФ. Великобритания остановила импорт из России стали, других продуктов черной металлургии, товаров и технологий, необходимых для переработки нефти, и прочего. Кроме того, был запрещён импорт российского сжиженного природного газа. В конце 2022 г. Великобритания ввела запрет на прямую и косвенную морскую поставку российских нефти и нефтепродуктов. По оценкам экспертов, к настоящему моменту Лондон использует весь массив возможных ограничений в отношении России, которые предполагает текущее законодательство [22]. Это говорит о том, британская санкционная политика будет направлена на углубление, а не расширение. Представители британской промышленности заявляют, что бизнес сохраняет интерес к сотрудничеству с Россией даже в условиях санкций. Однако, возможное усиление оттока капитала из российских инвестиционных проектов в связи с турбулентностью на европейских рынках и рисками повышается. Кроме того, решение отказаться от рискованных активов и укрепление позиций доллара под влиянием Брекзита могут привести к снижению цен на нефть. Также стоит учитывать, что ослабление позиций Лондона как мирового финансового центра может снизить двустороннюю торговлю услугами, которая имеет большое значение для внешнеторгового оборота России и Британии. Следствием такой политики стало рекордное снижение товарооборота [23], однако остаются сферы, незатронутые санкциями, в кото-

рых товарооборот растёт, например, экспорт химикатов и лекарств [24]. Тем не менее, используя социологические опросы, уровень поддержки санкций обратно пропорционален росту цен на бензин, услуги ЖКХ и продолжительности конфликта.

Отдельным фактором, влияющим на внешнюю политику Соединённого королевства является её концепция. Б. Джонсон позиционировал Великобританию вне ЕС как идеологический антипод России. После выхода из ЕС большие надежды возлагались на поиск нового либерального пути развития, который бы опроверг критику со стороны России [25]. Брекзит разделил всё на этапы до и после. В устанавливаемом новом миропорядке Великобритания вынуждена находить своё место, акцентируя внимание на своей недооценённой исключительности и большой роли в соответствии с идеей «Глобальной Британии» [26,27]. Великобритания, утратившая некоторые рычаги влияния, которые она имела в ЕС, теперь имеет больше гибкости для реагирования и возможность стать крупными глобальными игроками. Правительство ожидает, что Британия станет более открытой, инклюзивной, свободной в торговле, будет защищать свои интересы и намерена укреплять свое международное положение и влияние [28, с. 19]. Современные изменения в балансе сил и международных отношениях требуют новых подходов к внешней политике в свете кризиса неолиберального миропорядка. Правительству Соединённого Королевства придется выработать новую линию в отношении России, стремясь сохранить свой статус открытой и прогрессивной державы. Для анализа действительной реализации этой стратегии в контексте этой статьи был проанализирован блок, связанный с отношениями Лондона с Москвой. В соответствии с концепцией, Британия остается озабоченной угрозами, которые исходят от России, но остается открытой к диалогу, чтобы снизить риски, обсудить разногласия и прояснить, что вмешательство в суверенные государства не приемлемо. В настоящее время каналы связи сужаются и диалог между странами происходит всё реже. Несмотря на жесткую антироссийскую политику Великобритании в последние годы, правительство предприняло попытки определить новую внешнюю политику, соответствующую изменениям в международной среде. Однако пандемия коро-

навируса и СВО изменили повестку международных отношений, и долгосрочные последствия для мировой политики пока остаются неопределенными. В свете этого изменения, правительство Соединенного Королевства должно пересмотреть свои политические и экономические стратегии в отношении России и других стран, которые являются ключевыми игроками на мировой арене. Тот факт, что Соединённое Королевство буквально вынуждено формировать новый образ себя в международных отношениях и новую модель поведения, позволяет с большой долей уверенности говорить о сохранении общего курса внешнеполитических действий вне зависимости от партийной принадлежности правительств. Несмотря на некоторые потенциальные вызовы, Великобритания должна продолжать искать возможности для улучшения отношений с Россией и другими странами, чтобы достичь стабильности и безопасности на мировой арене. Кроме того, любое правительство должно продолжать стремиться к укреплению своей экономической и политической позиции в мировом сообществе.

Е. Ананьева, однако замечает, что русофобия политических кругов Британии «носит скорее политический характер» [29, с. 458]. Так, по мнению эксперта, Лондон будет прагматично выстраивать цепь союзов, препятствуя формированию коалиций на континенте, особенно с участием России, однако «в условиях сближения с США Британия не может быть самостоятельной» в вопросах взаимоотношений с Россией [29, с. 458]. Также эта зависимость будет укрепляться от того, что амбиции, заявленные в стратегии, не соответствуют реальным ресурсам. Но эта же нехватка ресурсов, по мнению С. Шеина, «скорее, показатель, что консервативная внешнеполитическая мысль после Brexit не стоит на месте, но отнюдь не руководство к действию по превращению концепции «глобальной Британии» в жизнь» [30].

Таким образом, вне зависимости от проведения внеочередных выборов характер российско-британских отношений будет оставаться практически неизменным. Интенсификация же торгово-экономического взаимодействия будет зависеть от продолжения санкционной политики СК и степени необходимости тех или иных товаров для стран, а значит значительного увеличения темпов роста товарооборота ожидать не следует.

Библиография

1. How well is Keir Starmer doing as Labour leader? [website] / YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/keir-starmer-approval-rating> — 04.11.2022.
2. Громыко, А. А. Модернизация партийной системы Великобритании / А. А. Громыко. — 1. — Москва: «Весь Мир», 2007. — 344 с.
3. 07.11.19., 11.02.19. UK Polling Report. UK Polling Report. URL: <http://ukpollingreport.co.uk/blog/archives/date/2019/02-12.01.2023>.
4. Get Brexit Done Unleash Britain's Potential. Conservative Party Manifesto 2019. Conservative Party. URL: <https://www.conservatives.com/our-plan/conservative-party-manifesto-2019-10.01.2023>.
5. It Is Time For Real Change. Labour Party Manifesto 2019. Labour Party. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2019/11/Real-Change-Labour-Manifesto-2019.pdf> — 10.01.2023.
6. STRONGER FOR SCOTLAND. SNP Manifesto. Scottish National Party. URL: https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/www.snp.org/uploads/2019/11/11_27-SNP-Manifesto-2019-for-download.pdf — 10.01.2023.
7. 10. Stop Brexit. Build a brighter future. Manifesto 2019. Liberal Democrats. URL: <https://www.libdems.org.uk/policy/2019-liberal-democrat-manifesto> — 10.01.2023
8. Сунак воспринимает вторжение РФ в Украину так же серьезно, как Трасс и Джонсон — посол Британии. Interfax. URL: <https://ru.interfax.com.ua/news/political/870520.html> — 12.02.2023.
9. GDP growth (annual %) — United Kingdom. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=GB> — 12.01.2023
10. United Kingdom Public Sector Net Debt to GDP. Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/united-kingdom/government-debt-to-gdp> — 10.01.2023.
11. Великобритания стремится на периферию Европы: чем королевству грозит обострение проблем в экономике. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/05/943901-velikobritaniya-stremitsya-na-periferiyu-evropi> — 12.01.2023.
12. UK support for Russia sanctions could be eroded by further energy price rises, poll shows. The national news. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/2022/10/31/uk-support-for-russia-sanctions-could-be-eroded-by-further-energy-price-rises-poll-shows/> — 10.01.2023.
13. Охошин О. В. Стратегия энергетической безопасности Великобритании // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 97–105. DOI: 10.15211/vestnikieran6202297105

14. Public support in UK against Russia sanctions start to dwindle: Survey. The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/public-support-in-uk-against-russia-sanctions-start-to-dwindle-survey/articleshow/90898951.cms?from=mdr> — 10.01.2023.
15. Public continues to support Britain's role in Ukraine conflict. Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/en-uk/public-continues-support-britains-role-ukraine-conflict> — 10.01.2023.
16. Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. / UK Parliament. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9477/> — 10.01.2023.
17. Глава государства встретился с лидером Лейбористской партии Великобритании. Президент Украины Владимир Зеленский. Официальное интернет-представительство. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/glava-derzhavi-zustrivsyaz-liderom-lejboristskoyi-partiyi-v-81029-12.02.2023>.
18. Британская оппозиция заявила, что продолжит поддерживать Киев в случае прихода к власти. Тасс. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15889291-15.02.2023>.
19. Британская оппозиция призвала Сунака объявить досрочные парламентские выборы. Тасс. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16142351-12.02.2023>.
20. Большинство британцев поддерживают досрочные выборы в стране, показал опрос. Риа новости. — URL: <https://ria.ru/20221025/vybory-1826784499.html> — 12.02.2023.
21. A brief guide to the public finances. Office for Budget Responsibility. URL: <https://obr.uk/forecasts-in-depth/brief-guides-and-explainers/public-finances/#:~:text=In 2022-23, we expect public spending to amount to, many different types of spending> — 10.01.2023.
22. Ударить сверх возможностей. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/udarit-sverkh-vozmozhnostey/> — 12.02.2023.
23. Внешняя торговля. Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya# — 10.03.2023.
24. Товарооборот между Россией и Британией упал до рекордно низкого уровня. Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3678265.html> — 10.03.2023-10.03.2023.
25. Foreign Secretary's speech at the United States Institute for Peace. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-speech-at-the-unitedstates-institute-for-peace> — 05.03.2023.

26. Written Evidence — Foreign and Commonwealth Office (FPW0027). / Parliament.UK. URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/international-relations-committee/foreign-policy-in-changed-world-conditions/written/79900.html> — attended: 24.03.2023.
27. Appendix: Memorandum from the Foreign and Commonwealth Office. Parliament.UK. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaif/780/78008.htm#_idTextAnchor035—24.03.2023.
28. *отв. ред. К. А. Годованюк* [монография] Глобальная Британия в преддверии брекзита. К. А. Годованюк. — 1. — Москва: Ин-т Европы РАН, 2020. — 160 с.
29. *Ананьева, Е. В.* Россия в стратегии национальной безопасности Великобритании // Вестник Удмуртского университета. 2021. № 4. С. 453–458. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459
30. *Шейн, С.* Фоторобот Глобальной Британии // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fotorobot-globalnoy-britanii/> — 24.03.2023.

Субботин Илья Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

**«Политика ценностей» и «политика интересов»
как элементы внешнеполитического курса ФРГ
по отношению к России на современном этапе
(2005–2023 гг.)**

“Value policy” and “interest policy” as constituents of the
German foreign policy towards Russia at the present stage
(2005–2023)

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить роль «политики ценностей» и «политики интересов» во внешнеполитическом курсе ФРГ на российском направлении в 2005–2023 гг. Для достижения поставленной цели формулируется значение дискурсивных понятий «политика ценностей» и «политика интересов». Затем определяется степень соответствия российской политики ФРГ ключевым чертам «политики ценностей» и «политики интересов»; выделяются тенденции и закономерности, присущие германскому курсу по отношению к России, а также его факторы. Наконец, выдвигаются предположения о перспективах российской политики ФРГ.

Ключевые слова: российско-германские отношения, внешняя политика ФРГ, ценности, интересы, политика безопасности ФРГ, Украинский кризис.

Abstract. This article aims at identifying the role of “value policy” and “interest policy” in German foreign policy towards Russia in 2005–2023. To achieve that, the meaning of the discourse concepts “value policy” and “interest policy” is deduced. Then, the degree of compliance of the German foreign policy towards Russia with the key features of the “value policy” and “interest policy” is defined; the trends and patterns inherent in it, as well as its main determinants are highlighted. At the last, assumptions are made about the prospects of the German foreign policy towards Russia.

Keywords: Germany-Russia relations, foreign policy of Germany, values, interests, German security policy, Ukrainian crisis.

Введение

В германском политическом дискурсе укоренилось восприятие внешней политики ФРГ как комбинации двух элементов — «политики ценностей» и «политики интересов». Вопрос об их относительной роли приобретает особое значение в контексте отношений ФРГ с «проблемными» странами, в которых германская система ценностей ставится под вопрос, притом что потенциальная выгода от взаимодействия с такими государствами также велика. К этим государствам на протяжении длительного времени относится и Россия. Внутренняя противоречивость российской политики ФРГ и, соответственно, особенности «балансирования» германского руководства между «политикой ценностей» и «политикой интересов» на современном этапе представляют особый интерес в рамках нашего исследования. К тому же, данные особенности редко рассматриваются в исследовательской литературе комплексно.

Цель настоящего исследования: определить роль «политики ценностей» и «политики интересов» во внешнеполитическом курсе ФРГ по отношению к России на современном этапе (2005–2023 гг.).

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- сформулировать значение понятий «политика ценностей» и «политика интересов» как элементов политического дискурса в контексте внешней политики ФРГ;
- проанализировать содержание и эволюцию российской политики ФРГ в период с 2005 г. по настоящее время;
- категоризировать российскую политику ФРГ в рамках понятий «политика ценностей» и «политика интересов».

Под «современным этапом» внешней политики ФРГ нами понимается период 2005–2023 гг., что обусловлено большим значением внешнеполитического «наследия» А. Меркель, которое некорректно игнорировать при рассмотрении курса О. Шольца в настоящее время.

«Политика ценностей» и «политика интересов» как категории в германском политическом дискурсе

Наибольший интерес представляет в первую очередь «неофициальная» сторона дискурса, отраженная в парламентских дебатах, поскольку прежде всего в бундестаге и формируется исследуемая дихотомия. Посредством качественного контент-анализа протоколов заседаний бундестага был выявлен смысл, вкладываемый в устойчивые понятия «политика ценностей» и «политика интересов».

Выборка документов ограничена периодом 1998–2023 гг.: в таком случае объем подходящих эмпирических материалов оптимален и позволяет сформулировать убедительные выводы. Выборка проводилась с помощью поискового онлайн-ресурса бундестага [1] по словам-маркерам «Wertepolitik», «Interessenpolitik» и синонимичным немецким выражениям, встречающимся в доступных документах.

Так, «политика ценностей» связывается в первую очередь с критикой на высшем уровне нарушений прав человека [2, S. 815], будь то урезание личных свобод, политические убийства или общее давление на гражданское общество. Особенно интенсивно эти аспекты обсуждались в контексте германо-российских отношений [3, S. 21921], а также политики по отношению к Китаю, Турции и ряду других стран. В целом, политика прав человека считается «ключевым политическим инструментом» при реализации политики ценностей [4. S. 29].

В то же время, «политика ценностей» нередко связывается с противодействием таким внешнеполитическим акциям государств, которые нарушают нормы международного права. В случае реакции на Украинские кризисы, например, подразумевались санкционная политика в отношении РФ, усиление рубежей НАТО и поставки вооружений Украине. Эти меры противопоставлялись «политике отсутствия последствий» [3, S. 21921]. Как итог, «политика ценностей» предполагает ограничение сотрудничества областях со странами, которые не соответствуют ценностным стандартам.

«Политика интересов» же ассоциируется с максимизацией кратко- и среднесрочной выгоды. При этом преобладает именно

экономический контекст, что исходит, например, из дебатов об энергетическом партнерстве с Россией [3, S. 21910] и экономическом сотрудничестве с Китаем [5, S. 14993]. Внешнеэкономическая политика — «ключевой политический инструмент» при реализации «политики интересов» [4, S. 29]. В то же время, преследование политической выгоды тоже имеет значение: в контексте германо-турецких отношений «политика интересов» связывалась с сотрудничеством по вопросу потоков беженцев из кризисных областей Ближнего Востока [6, S. 5419]. В целом, понятие «политика интересов» имеет сутобо прагматический окрас.

Примечательна и коннотация двух понятий. «Политика ценностей» воспринимается как своего рода правильная политика, мотивированная строгими идеалами и моральными нормами. «Политика интересов», наоборот ассоциируется с преследованием «низких мотивов» во внешней политике [7, S. 6], воспринимается преимущественно негативно.

Конечные выводы о дискурсивном значении понятий «политика ценностей» и «политика интересов» представлены в таблице 1. Речь идет о своего рода «идеальных типах» двух категорий, основываясь на которых будет проанализирована российская политика ФРГ.

Таблица 1. Категории «политика ценностей» и «политика интересов» в германском политическом дискурсе

	Политика ценностей	Политика интересов
Содержание	Критика нарушений прав человека и международного права, санкционное и военно-политическое воздействие	Максимизация непосредственной экономической и / или политической выгоды
Основной политический инструмент	Политика прав человека	Внешнеэкономическая политика
Фактор развития сотрудничества	Уровень ценностной совместимости	Потенциальная выгода
Коннотация	Позитивная	Негативная
Мотивы	Идеалистические	Прагматические

Политика ФРГ по отношению к России в 2005–2011 гг.

Внешнеполитический курс ФРГ по отношению к России в 2005–2011 гг. можно условно разделить на два «подпериода»: 2005–2008 и 2008–2011 гг.

В 2005–2008 гг. Ангела Меркель, в отличие от своего предшественника Г. Шрёдера, на переговорах с российским руководством активно вела т.н. «критический диалог»: нередко были критические высказывания в адрес внутренней и внешней политики России, например, по вопросу нарушения прав человека в Чечне и общей жестокости в обращении с оппозицией. Бундесканцлерин даже демонстративно встречалась с оппозиционно настроенными представителями правозащитных организаций. В то же время, подобная «открытая позиция» не оказывала негативное влияние на реальное экономическое сотрудничество: в течение данного промежутка объемы двусторонней торговли выросли с 39,6 млрд. евро до 69,4 млрд. евро — более чем в 1,5 раза [8]. При содействии германского правительства активно велась реализация крупных частных и государственных проектов (прежде всего — «Северного потока — 1»). Таким образом, в это время существовал своего рода баланс между «политикой ценностей» и «политикой интересов».

В 2008 г. ситуация меняется. Вероятно, ключевое значение имели два фактора: к власти в России приходит Д. Медведев, воспринимавшийся в Германии как подающий надежды «реформатор» российских реалий; кроме того, разразился мировой финансовый кризис. Как следствие, градус критики российского руководства существенно снижается. Наряду с этим, происходит интенсификация экономического сотрудничества двух стран — прежде всего внимание уделяется совместной борьбе с негативными последствиями кризиса, при государственном содействии подписываются многомиллиардные соглашения. Показательны темпы послекризисного восстановления двусторонних экономических отношений: если в 2008–2009 гг. объемы двусторонней торговли упали до 45,8 млрд. евро, то в последующие два года они увеличились более чем в полтора раза, превысив докризисные показатели на 8,5%. [8]. В конце концов, в 2011 г. был введен в эксплуатацию

трубопровод «Северный поток — 1». Как итог, в 2008–2011 г. «политика интересов» начинает преобладать в российской политике ФРГ. События в Южной Осетии 2008 г. воспринимались германским руководством — пусть и негативно — как «единичный случай» [9. С. 308] и не повлекли за собой какого-либо сокращения сотрудничества двух стран.

Говоря в целом, период 2005–2011 характеризуется отсутствием факторов, которые нарушали бы сотрудничество двух стран «на деле»: «критический диалог» на высшем уровне не являлся существенным препятствием для этого. Фактически, с незначительными оговорками, германское руководство восприняло «прагматическое» внешнеполитическое наследие Г. Шрёдера, и характер германской политики определялся скорее потенциальной выгодой, которую можно было бы извлечь из сотрудничества с Россией. Г. Пёрцген применительно к энергетическому партнерству двух стран справедливо отмечает, что внешнеполитический подход СДПГ (Шрёдера) «молчание и газ» был лишь сменен подходом ХДС/ХСС (Меркель) «обсуждение и газ» [10, S. 7].

Баланс между «политикой ценностей» и «политикой интересов» в 2005–2011 гг. отражен на рисунке 1. Слова «ценности» и «интересы» равнозначны этим понятиям.

Рисунок 1. «Политика ценностей» и «политика интересов» в российской политике ФРГ в 2005–2008 и 2008–2011 гг.

Политика ФРГ по отношению к России в 2012 — начале 2022 гг.

Что касается общих черт российской политики ФРГ в 2012–2022 гг. роль «политики ценностей» возросла по сравнению с периодом 2005–2011 гг. О доминировании «политики интересов» в это время уже не могло идти речи. В то же время, существовал ряд колебаний.

В 2012–2015 гг. разразился существенный кризис, связанный с проблемами внутри- и внешнеполитического курса России. В двусторонних отношениях происходит сначала охлаждение, а затем и отчуждение — роль «политики ценностей» возрастает. В частности, в 2012 — начале 2014 гг. устанавливается равновесие между «политикой ценностей» и «политикой интересов», что было обусловлено возвращением В. Путина на пост президента и одновременным ужесточением законодательства РФ о митингах. Это было очень болезненно воспринято германской политической элитой, и разногласия с Россией по вопросам прав человека обострились; была приостановлена работа ряда двусторонних площадок. В то же время, ФРГ не отказывалась от экономического сотрудничества, и в 2012–2013 гг. объемы двусторонней торговли достигли рекордных значений — более 77 млрд. евро [8].

В 2014–2015 гг., по причине Украинского кризиса, «политика ценностей» начинает уже доминировать, сотрудничество с Россией резко сворачивается. «Очевидное» нарушение Россией норм международного права (якобы разжигание военного конфликта в Европе) требовало использования новых внешнеполитических инструментов, которые могли бы действительно повлиять на российский курс. ФРГ выступила мотором европейской санкционной политики и приняла действенное участие в усилении восточных рубежей НАТО [11, С. 188]. Германское правительство также оказало давление на немецкие деловые круги, что повлекло значительное сокращение объемов двусторонней торговли (более чем на 30%) [8]. Соотношение «политики ценностей» и «политики интересов» в кризисный период 2012–2015 гг. представлено на рисунке 2.

Рисунок 2. «Политика ценностей» и «политика интересов» в российской политике ФРГ в 2012–2015 гг.

В 2015–2022 гг., после стабилизации обстановки на Украине, происходит некоторая нормализация, «балансировка» германской внешней политики в новых структурных условиях, и равновесие между «политикой ценностей» и «политикой интересов» в общих чертах восстанавливается (рис. 3). В российской политике ФРГ сформировался своего рода «двойной подход»: с одной стороны — военное сдерживание, экономические санкции и твердая, «открытая» позиция на переговорах, а с другой — готовность к плодотворному диалогу и кооперации настолько, насколько это позволительно в сложившихся условиях.

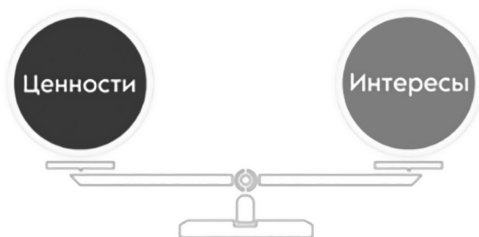

Рисунок 3. «Политика ценностей» и «политика интересов» в российской политике ФРГ в конце 2015 — начале 2022 гг.

Важно отметить, что формирование «двойного подхода» в это время было во многом обусловлено многолетней приверженностью германской внешней политики концепции «изменение через сближение» (*Wandel durch Annäherung*), предусматривавшей, что экономическое сотрудничество с «проблемной страной» может оказать позитивное влияние на ее политическое развитие. То есть экономические связи напрямую увязывались с нужным воздействием в ценностном направлении. В конце концов, экономическая значимость России для Германии была велика.

Конкретным выражением «двойного подхода», с одной стороны, являлось восстановление межведомственного диалога, нарушенного в 2014–2015 гг. (в первую очередь в экономической сфере), строительство трубопровода «Северный поток — 2», на-

чатое в 2018 г. и завершенное в 2021 г., а также эпизодическая кооперация в международно-политической области. Показательно сближение ФРГ и РФ в 2018 г. по вопросу послевоенного восстановления Сирии. Интерес Германии заключался в хотя бы частичном решении проблемы беженцев, путь к которому лежал через диалог с российским руководством. Как итог, А. Меркель в 2018 г. несколько раз встретила с В. Путиным (такие встречи после 2014 г. стали редкостью), а также, что примечательно, провела в своей резиденции тайные переговоры с начальником Генштаба ВС РФ В. Герасимовым, уже на тот момент внесенным в санкционные списки ЕС.

С другой же стороны, в военно-политической сфере ФРГ последовательно прилагала усилия по сдерживанию России, участвуя в учениях НАТО и расширяя свое участие в программах Альянса. «Критический диалог» с российским руководством также не прекращался, и был даже усилен по сравнению с периодом 2005–2011 гг. Особое значение он приобрел в 2020–2021 гг.: события вокруг А. Навального не были оставлены без внимания Ангелой Меркель. Бундесканцлерин посетила «отравленного» Навального в клинике «Шарите», и на всех последующих встречах с российским руководством выносила этот вопрос на повестку дня. Это негативно сказывалось на общей атмосфере двусторонних отношений.

В целом же, в конце 2015 — начале 2022 г. имелись колебания в сторону как «политики интересов» так и «политики ценностей». Однако, в целом, сохранялось равновесие между двумя категориями.

Политика ФРГ по отношению к России в условиях Украинского кризиса 2022 г.

События февраля 2022 г. привели к очередному переосмыслению германской внешней политики. «Двойной подход» (и в целом концепт «изменения через сближение») перестал быть актуален: германский расчет на позитивное (сдерживающее) влияние экономической взаимосвязанности двух стран не оправдался.

Реакция Германии, подобно Украинскому кризису 2014 г., состояла в трех основных компонентах: во-первых, в последовательной публичной критике действий российского руководства, во-вторых, в сворачивании экономического и политического сотрудничества с Россией, а в-третьих, в активизации политики безопасности. Последнее включало не только новые усилия по укреплению обороноспособности восточного фланга НАТО, но и, что было новшеством для германской политики, поставку вооружений в зону текущего военного конфликта между двумя независимыми государствами.

О. Шольц сразу после начала конфликта обвинил В. Путина в «империализме» и ведении «захватнической войны», одновременно прямо назвав российский режим «репрессивным» и выразив поддержку российской оппозиции [12]. Впоследствии эти тезисы не раз повторялись. Со временем канцлер также стал тематизировать нарушения прав человека на территории Украины. На Мюнхенской конференции 2023 г. Шольц потребовал расследования «военных преступлений», которые «русские совершают в Украине» [13]. В целом, официальная риторика германского правительства отличается жесткостью.

Германское руководство заняло жесткую позицию и в вопросе санкционной политики. Во-первых, Германия сыграла лидирующую роль [14, С. 38] в принятии всех санкционных пакетов Европейского Союза, предусматривавших кардинальное ограничение сотрудничества с Россией.

Во-вторых, федеральное правительство оказало беспрецедентное давление на немецкий бизнес. Так, министерство экономики ФРГ приостановило действие программы страхования «Hermes» на российском направлении. В условиях общей неопределенности и нарушения логистических цепочек такое решение серьезно сказалось на позиции немецких деловых кругов, которые радикально пересмотрели перспективы российского рынка. Как итог, немецкий экспорт в РФ сократился на 45,2% в 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом в 2021 г. [15].

В-третьих, наконец, германское руководство поставило крест на проекте «Северный поток — 2». Помимо остановки процесса сертификации газопровода, над компанией Gazprom Germania

было установлено внешнее управление, а спустя несколько месяцев, уже переименованная в «Securing Energy for Europe», она была национализирована по решению федерального правительства [14, С. 38]. Диверсии на нитках СП-1 и СП-2 в сентябре 2022 г. подвели логическую черту под сворачиванием энергетического сотрудничества.

В рамках «Zeitenwende» германское руководство сделало новые шаги по усилению оборонных способностей НАТО. Было расширено участие ФРГ в ряде программ Альянса, также бундесвер последовательно принимает участие в крупных военных учениях. В конце концов, предпринимаются шаги по ускоренной модернизации бундесвера.

Среди стран континентальной Европы Германия на момент 24.02.2023 занимала первое место по денежным объемам помощи Украине — 7,4 млрд. евро [16]. В абсолютном рейтинге ФРГ уступает только Великобритании и — с огромным отрывом — США. Около половины этой суммы занимает помощь военного характера.

В частности, несмотря на критику в нерешительности при поставках вооружений, Германия стабильно поставляла разные виды техники, причем чем дольше шел конфликт, тем более тяжелое вооружение — с недавнего времени и танки — поставлялось. На момент 24.04.2023, согласно официальным данным правительства, Германия непосредственно поставила Украине вооружений на сумму 2,75 млрд. евро [17]. При этом в феврале 2023 О. Шольц подчеркнул, что Германия будет поддерживать Украину «так обширно и долго, как это необходимо» [13]. Все эти факты говорят о том, что германское руководство сделало ставку на долгосрочное, системное противостояние с Россией, что исключает восстановление отношений в кратко- и среднесрочной перспективе.

Как итог, на данный момент можно говорить о том, что в российской политике ФРГ однозначно доминирует «политика ценностей» (рис. 4). Некоторая осторожность германских властей, опасаящихся прямого вовлечения в конфликт и нарушения «красных линий», является малозначительной оговоркой. Теперь весь спектр двусторонних отношений определяется тем фактом, что РФ нарушает в глазах ФРГ и права человека, и международное право. Речи о «деполитизированной» кооперации в экономике вовсе не идет.

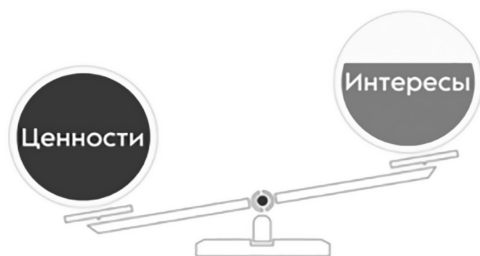

Рисунок 4. «*Политика ценностей*» и «*политика интересов*» в российской политике ФРГ в настоящее время

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период в рамках внешнеполитического курса ФРГ по отношению к РФ присутствовали составляющие как «политики ценностей», так и «политики интересов». При этом общая тенденция заключалась в постепенном усилении роли «политики ценностей», несмотря на ряд колебаний в 2008–2011 и 2015–2022 гг.

Вместе с этим, можно выделить своего рода «переломные моменты» российской политики ФРГ в контексте балансирования между «политикой ценностей» и «политикой интересов»: 1) смена руководства ФРГ в 2005 г., 2) комплекс кризисов 2012–2015 гг. и 3) проведение Россией СВО. В первом случае речь идет о смене внешнеполитических подходов германского руководства. Кризисы 2012–2015 гг. привели к возникновению ряда ограничительных факторов в отношениях, но в то же время в курсе по отношению к России оформился «двойной подход». Проведение Россией СВО поставило крест и на «двойном подходе» — ценностные противоречия теперь имеют первостепенное значение и вышли на качественно новый уровень.

Наконец, можно также выделить основные детерминанты российской политики ФРГ: во-первых, германская система ценностей, предполагающая ожидания касательно внутренней

и внешней политики России; во-вторых, сама действительность политики России, во многом противоречащая германским ожиданиям; в-третьих, общие интересы двух стран в экономической и международно-политической плоскости. Если первые два фактора обуславливали ценностную ориентацию российской политики ФРГ в новых (кризисных) условиях, то третий отчасти объясняет проходившую после этого «нормализацию», пусть и в более стесненных рамках.

В кратко- и среднесрочной перспективе, вероятно, в германском курсе сохранится доминирование «политики ценностей». Относительное восстановление значения «политики интересов» можно допустить с рядом принципиальных условий. Думается, размораживание отношений возможно в случае либо кардинального переосмысления Берлином ценностных основ немецкой внешней политики, либо же смены политического режима в России наряду с прекращением военных действий на территории Украины и выводом российских вооруженных сил как минимум на рубежи, существовавшие до начала СВО. О вероятности подобных изменений в условиях общей неопределенности трудно судить.

Список источников и литературы

1. Suche // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/services/suche> (accessed: 19.03.2023).
2. Plenarprotokoll 14/14 // Deutscher Bundestag. 1998. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/14/14014.pdf> (accessed: 18.03.2023).
3. Plenarprotokoll 19/174 // Deutscher Bundestag. 2020. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19174.pdf> (accessed: 18.03.2023).
4. Huang Y. Die Chinapolitik der Bundesrepublik Deutschland nach der Wiedervereinigung. Ein Balanceakt zwischen Werten und Interessen. Wiesbaden: Springer VS, 2019. 327 S.
5. Plenarprotokoll 19/121 // Deutscher Bundestag. 2019. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19121.pdf> (accessed: 18.03.2023).
6. Plenarprotokoll 19/52 // Deutscher Bundestag. 2018. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19052.pdf> (accessed: 18.03.2023).
7. *Schmierer J.* Werte und Interessen in den internationalen Beziehungen — eine Dimension deutscher und europäischer Außenpolitik. Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2008. 22 S.

8. Fakten zum Außenhandel mit Russland // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2022/02/PD22_N010_51.html (accessed: 18.03.2023).
9. Павлов Н. В. Эра Ангелы Меркель. М.: Аспект Пресс, 2023. 431 с.
10. Pörzgen G. Auf der Suche nach der verlorenen Kompetenz. Russlandpolitik im deutschen Bundestag // Osteuropa. 2009. Vol. 59, № 9. S. 3–25.
11. Власов Н. А. Россия в политике безопасности ФРГ на современном этапе // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2018. Т. 11, № 2. С. 184–199.
12. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022 // Die Bundesregierung. 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (accessed: 01.04.2023).
13. Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich der Munich Security Conference am 17. Februar 2023 in München // Die Bundesregierung. 2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-der-munich-security-conference-am-17-februar-2023-in-muenchen-2166452> (accessed: 01.04.2023).
14. Белов В. Б., Котов А. В. Антироссийская санкционная политика ФРГ: промежуточные итоги и ответные меры // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Вып. 4, № 27. С. 37–42.
15. Exporte nach Russland im Jahr 2022 um 45,2% niedriger als im Vorjahr // Statistisches Bundesamt. 2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/02/PD23_054_51.html (accessed: 01.04.2023).
16. Ukraine Support Tracker // IFW Kiel. 2023. URL: <https://www.ifw-kiel.de/de/themendossiers/krieg-gegen-die-ukraine/ukraine-support-tracker> (accessed: 01.05.2023).
17. Liste der militärischen Unterstützungsleistungen // Die Bundesregierung. 2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (accessed: 01.05.2023).

Чепурнаева Ольга Юрьевна,

Смирнова Анастасия Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

Российско-австрийские отношения как фактор внешнеполитической стратегии Австрии

Russian-Austrian relations as a factor of Austria's foreign policy strategy

Аннотация. В настоящей статье анализируются особенности внешнеполитической стратегии малых европейских стран и ее корректировки с учетом статуса страны по отношению к интеграционным структурам и общей динамики международных отношений в регионе на примере российско-австрийских отношений после Второй мировой войны и до сегодняшнего дня. Рассматриваются отношения с Москвой в период холодной войны, развитие в постбиполярную эпоху, особое внимание уделено периоду нахождения у власти Себастьяна Курца, а также современному состоянию. Проводится анализ двусторонних отношений как фактора внешнеполитической стратегии Вены, ориентированной на использование возможностей нейтрального статуса для достижения политических и экономических целей.

Ключевые слова: российско-австрийские отношения, нейтралитет, энергетическая безопасность, санкции, политика активного нейтралитета

Abstract. The article analyses the features of the foreign policy strategy of a small European country and its adaptation in view of the country's status in relation to the integration structures and the general dynamics of the international relations in the region on the example of the Russian-Austrian relations from the end of the World War II to this day. The paper studies the relations with Moscow during the Cold War, its development in the post-bipolar epoch with particular attention to the period of Sebastian Kurz being in power as well as to the modern state. There is also an analysis of the bilateral relations as

a factor of Wien's foreign policy strategy oriented towards the use of neutral status possibilities to achieve political and economic goals.

Keywords: Russian-Austrian relations, neutrality, energy security, sanctions, engaged neutrality policy

Введение

Во второй половине XX — начале XXI вв. в исследованиях международных отношений популярность получило изучение малых стран, чья роль в международных отношениях серьезно возросла. Особый интерес на этом направлении традиционно представляет опыт европейских нейтралов времен холодной войны, их модели отношений с СССР в условиях блокового противостояния, место в биполярной системе, роль в международных организациях и объединениях и опыт посредничества. В этой связи Австрийская республика исторически является примером конструктивного сотрудничества с Москвой, что в рамках политики «активного нейтралитета» предоставляет богатый эмпирический материал для исследования малых стран и их стратегий поведения в условиях глобального противостояния.

В то же время представляется, что австрийский кейс может быть актуален не только в ретроспективе — напротив, современная эволюция внешней политики Вены в условиях меняющейся международной обстановки в Европе и в мире представляет собой интересный объект анализа. Со времен холодной войны многое изменилось — Австрия вступила в Евросоюз, и в современном противостоянии по условной линии Россия-Запад ее принадлежность к западному блоку не вызывает сомнений. Тем интереснее рассмотреть динамику российско-австрийских отношений в историческом контексте и до сегодняшнего состояния на фоне общей динамики российско-европейских отношений и, в частности, нарастания противоречий между Россией и Европой, поскольку Вена является одним из немногих примеров малой европейской страны, которая не находится в ситуации «выбора пути», а уже в рамках «европейского пути» пытается следовать внешне-

политической стратегии, ориентированной на национальные интересы — часть которой является российское направление.

Таким образом, на примере российско-австрийских отношений ставится вопрос о возможности малой страны проводить автономную внешнюю политику и сохранять нейтралитет, в условиях нарастания международной напряженности и сужающегося пространства для маневра.

Теоретические аспекты изучения малых стран

Теоретико-методологическую базу исследования составляют наработки в рамках теории малых стран. К их изучению можно подходить с точки зрения теорий реализма или либерализма. Неореалисты, такие как К. Уолтц, предполагают, что внешняя политика малых стран определяется, в первую очередь, внешней средой и конфигурацией системы международных отношений, либералы указывают на важность внутренних факторов формирования внешней политики [1]. Данное исследование исходит из того, что реалистическая парадигма является более подходящей для изучения австрийской внешней политики и конкретно российского ее направления, поскольку ее динамика непосредственно связана с коренными изменениями международной обстановки.

В то же время подходы классического реализма, восходящие к учению Г. Моргантау, определяют национальные интересы государства через концепцию безопасности, понимаемой в военном смысле. Именно вопрос фактического «выживания» малого государства определяет его выбор между двумя ключевыми стратегиями внешней политики — балансированием, которое, в частности, может выражаться в политике нейтралитета, и примыканием к сильному. В рамках нашего исследования мы, однако, опираемся на более современные подходы, которые указывают на рост значения после окончания холодной войны не-военных факторов, прежде всего, экономических, и выделяют их в качестве определяющих именно для малых стран, поскольку их физическая безопасность на самом деле уже достаточно обеспечена — особенно в Европе.

В частности, из этой предпосылки исходит концепция т.н. «интеграционного примыкания», которую предложил российский исследователь А. Скриба в своей работе «Балансирование малых и средних государств» [2]. Она предполагает, что политика малых государств в интеграционных объединениях определяется, в первую очередь, их экономическими интересами и включает в себя и балансирование, и примыкание, причем соотношение данных элементов может меняться со временем в зависимости от различных факторов. Данная концепция лежит в основе нашего исследования, т.к. помогает объяснить динамику российско-австрийских отношений в различные периоды с учетом членства Австрии в Евросоюзе.

Российский элемент как фактор становления нейтралитета Австрии

Российско-австрийские отношения имеют богатую историю, которая в большой степени оказала непосредственное влияние на становление внешней политики Австрии в таком виде, в котором она известна сейчас.

Сотрудничество двух стран берёт начало после Второй мировой войны. В 1945 году Австрия была разделена США, Советским Союзом, Великобританией и Францией на 4 оккупационные зоны. Благодаря усилиям Красной армии, удалось освободить Австрию от нацистской угрозы. На этом основании СССР продолжил участвовать в формировании австрийского государства после Второй мировой войны и стал гарантом исполнения позиций Государственного договора 1955 года, который полностью исключал повторение аншлюса для Австрии. Вывод оккупационных войск с территории Австрии — это важное событие в истории государства, за которое австрийцы были действительно благодарны Советскому союзу, что сказалось на дальнейшем потеплении и развитии сотрудничества.

Нейтральное государство в центре Европы, на которое имелись рычаги воздействия, было серьёзным преимуществом для советской власти в период масштабного противостояния с западным миром, так как сферы влияния играли одну из ключевых ролей в данный исторический период. Советско-австрийские от-

ношения были выгодным и самим государствам, и системе международных отношений в Европе, которая стала более стабильной. В частности, следует отметить роль Вены в качестве площадки международных переговоров между блоками — здесь проходила и знаменитая встреча Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди в 1961 г., и подписание договора ОСВ-II [3].

Налаживание связей со странами социалистического лагеря стало одним из важнейших направлений политики активного нейтралитета, связанной с именем сначала министра иностранных дел, а потом и канцлера республики Бруно Крайского. Важнейшим элементом этого сотрудничества для Австрии стали поставки газа советской стороной, которые берут свое начало в 1968 году, когда был подписан договор между Советской ассоциацией «Союзнефтеэкспорт» и Австрийской нефтяной администрацией (ÖMV). Так, Австрия стала первым европейским государством, заключившим газовый контракт с СССР [4].

Таким образом, в период биполярной конфронтации Австрия умело использовала возможности своего нейтрального статуса, проводя политику балансирования и поддерживая конструктивные отношения с СССР и социалистическим блоком. Это, во-первых, повышало спрос на австрийскую дипломатию на международной арене, а во-вторых — было экономически выгодно для австрийской республики.

Австрия как «мост» между Востоком и Западом в XXI в.

После окончания холодной войны перед Австрией открывались перспективы дальнейшей активизации внешней политики, в том числе на российском направлении — этому способствовало географическое положение в центре Европы, экономические связи и нейтральный статус. Однако после вступления страны в ЕС в 1995 г. во внешней политике Вены наступил длительный период «затишья». Такое положение сказалось, в том числе, и на российско-австрийских отношениях. Они поддерживались на стандартном уровне, и сохранялись позитивные тенденции — на протяжении 2000-х гг. имели место регулярные частные и официальные визиты глав государств, делегаций бизнесменов [5],

а товарооборот достиг рекордного уровня — более трёх миллиардов евро [6]. Однако все контакты в этот период касались в основном экономического и энергетического сотрудничества, и качественного взлета в двусторонних отношениях не происходило.

Ситуация начала меняться, когда в австрийский МИД, а позже на пост канцлера, приходит молодой амбициозный политик Себастьян Курц — и потому период его нахождения во власти представляет для нашего исследования особый интерес, в частности, на фоне общего ухудшения российско-европейских отношений после 2014 г. В двусторонних отношениях в этот период наблюдался качественный рост — и в политическом, и в экономическом отношении, что во многом противоречило общеевропейскому мейнстриму.

Позицию Австрии по российскому вопросу еще в 2014 г. обозначил президент республики Х. Фишер: несмотря на разногласия и напряжение в Европе, мирное урегулирование без России невозможно, а Австрия, оставаясь лояльным членом ЕС, видит прямую необходимость установления и поддержания диалога с российской стороной, что отвечает главной идее Европейского союза, как «проекту мира» [7]. Такой курс активно поддерживался и С. Курцом — в предвыборной программе его партии (АНП) 2017 г. российскому направлению внешней политики было уделено особое внимание, делался акцент на необходимости сотрудничества с Москвой [8], а свой первый визит в качестве канцлера он нанес именно в Россию, что сигнализировало о желании вывести сотрудничество на новый уровень. В 2018 г. Австрия стала ротационным председателем ЕС, что позволило Вене заявить о своей позиции на общеевропейском уровне. Так, в программе «Европа, которая защищает» подчеркивалось, что Россия играет ключевую роль для безопасности и стабильности Европы и всего мира [9], а в своих интервью С. Курц заявлял, что считает Россию сверхдержавой и настаивает на необходимости ее участия в разрешении конфликтов на Украине, в Сирии и др [10]. Таким образом, новый австрийский лидер всячески подчеркивал, что ориентируется на неизбежную нормализацию российско-европейских отношений в долгосрочной перспективе — и Австрии в этом отводилась не последняя роль.

Одним из самых ярких моментов в истории личных контактов стал частный визит В. В. Путина в 2018 году по приглашению бывшей главы МИД Австрии К. Кнайсль на её бракосочетание. Событие активно освещалось в СМИ (в особенности танец В. Путина с К. Кнайсль) преимущественно с позитивной точки зрения, в очередной раз подчёркивая дружественные отношения между политическими элитами двух стран даже на частном уровне [11]. Это также имело большое символическое значение — Австрия продемонстрировала, во-первых, сохранение довольно эксклюзивный для европейского истеблишмента в этот период канал сообщения с Кремлем, а во-вторых — свою «особую позицию» в ЕС и неготовность слепо следовать указаниям Брюсселя. Здесь можно вспомнить и отказ Вены выслать российских дипломатов в связи с «делом Скрипалей». Подобные демарши показывают ориентацию Австрии в этот период на сохранение нормальных отношений с Россией, что позволяло стране продемонстрировать внешнеполитическую автономию и повысить свой удельный вес в европейской и мировой политике.

Однако, кроме политических аспектов, нельзя забывать и об экономической заинтересованности в сотрудничестве — в первую очередь, в торговой и энергетической сферах. К концу 2010-х гг. Россия являлась вторым по объему инвестором в Австрии, а в РФ действовало около 500 австрийских компаний [12]. Россия также была важным рынком для австрийского высокотехнологичного экспорта. Важность поддержания и интенсификации экономических связей осознавали и в Москве, и в Вене, и на этом направлении двусторонних отношений удалось достичь значительных успехов. Так, с приходом Курца на пост канцлера начал резко расти стагнировавший с 2014 г. торговый оборот, а лидерами двух стран был подписан ряд соглашений в торгово-экономической сфере — например, об отмене двойного налогообложения сделок и др.

Отдельно необходимо отметить сотрудничество в области энергетики, которое напрямую связано с энергетической безопасностью Австрии, поскольку 70% газа она на тот момент получала из России [13], а также являлась транзитной страной для стран Южной и Юго-Восточной Европы за счет Центрально-европейского газового хаба в Баумгартене. Всего за период

с 1968 по 2017 год объем поставок газа вырос более чем в 64 раза, что составило рекордные 9,1 миллиард кубометров [14]. Системообразующим фактором было многолетнее сотрудничество австрийской компании OMV и Газпрома, которые в 2018 г. продлили соглашение о поставках российского газа до 2040 г. В целях обеспечения собственной энергетической безопасности, Вена также вместе с Берлином поддерживала Северный поток-2 — OMV выступала одним из партнеров со стороны европейских консорциумов.

Экономическая целесообразность и общая ориентация внешнеполитической стратегии Курца на нормализацию российско-европейских отношений обусловили отношение Австрии в этот период к антироссийским санкциям. Они были явно невыгодны австрийской экономике — о чем сам С. Курц заявлял в своем Twitter: «Американские санкции против России обременяют и предприятия Евросоюза. У Австрии есть явные сомнения относительно данного шага» [15]. Поэтому Курц с самого начала занимал позицию, согласно которой по мере урегулирования украинского конфликта и выполнения Минских соглашений санкции в конечном итоге должны быть сняты.

Подводя итоги российско-австрийских отношений в этот период, можно сделать вывод, что австрийским властям в целом в этот период удавалось сохранить определенную степень внешнеполитической автономии. Говоря в терминах концепции «интегрального примыкания», можно говорить о преобладании во внешней политике Австрии при С. Курце балансирования по сравнению с примыканием, скорее характерным для начала века. В то же время необходимо отметить, что вовлеченность Австрии в западные интеграционные структуры накладывала определенные ограничения, что особенно проявилось в вопросе санкций, поэтому говорить о «втором издании» политики времен холодной войны не приходится.

Российско-австрийские отношения на современном этапе

Еще больше ограничений для внешнеполитического маневра накладывает на малую страну текущая международная обста-

новка в Европе. В свете украинского кризиса 2022 года, Австрия, как страна-член Европейского союза, поддержала санкции против России и разрешила транспортировку вооружений через свою территорию (на что не имела права согласно по закону о постоянном нейтралитете), отказавшись при этом от финансирования поставок оружия Украине. Вена оказывает поддержку лишь гражданскому населению, согласно официальным заявлениям, выделяя средства для восстановления украинской энергетической инфраструктуры, подвергшейся обстрелу вооруженными силами РФ [16]. Австрия серьёзно подрывает нейтралитет своими действиями, но, несмотря на это, продолжает в самом процессе принятия внешнеполитического решения руководствоваться принципами нейтралитета.

В то же время даже в таких сложных обстоятельствах Вена пытается продолжать предыдущий внешнеполитический курс — примером является встреча австрийского канцлера с президентом РФ в апреле 2022 года, сделавшая Нехаммера первым главой государства, посетившим Россию после начала вооруженного конфликта на Украине 24 февраля. Однако федеральный канцлер назвал встречу «не дружеским визитом» и заявил, что не остался «морально нейтральным» во время переговоров, и призвал российского лидера как можно скорее начать международное расследование военных преступлений [17].

Необходимо подчеркнуть, что Вена оказалась под серьезным давлением со стороны своего интеграционного блока из-за своих попыток отойти от общеевропейского мейнстрима. Так, ЕС серьезно критиковал Австрию в связи со встречей стран ОБСЕ в Вене 23–24 февраля 2023 года, на которую должна была прибыть российская делегация. Страны-участницы заседания (Франция, Великобритания, Польша, Канада, Украины и др.) направили австрийскому канцлеру К. Нехаммеру письмо, в котором потребовали не допустить российскую делегацию на заседание [18]. Несмотря на это, министерство иностранных дел Австрии разрешило въезд российским дипломатам, политическим деятелям и журналистам, находящимся под санкциями ЕС [19]. Подобное решение вызвало недовольство стран Восточной Европы (Украины в первую очередь) и Прибалтики,

но Австрия, в отличие от Польши и Великобритании, которые не выдали визы российским делегатам на предшествующих заседаниях ОБСЕ, осталась верной ключевой миссии нейтральной державы — обеспечить переговорную площадку конфликтующим сторонам [20].

Кроме того, 22 марта было сделано заявление главы МИДа, в котором отмечалась важность роли России для Европы, которая является перманентным фактором. Несмотря на то, что глава МИД А. Шалленберг добавил о планируемом ослаблении связей с российской стороной, он также отметил, что 91% западных компаний остались в России и продолжают работу наряду с многими европейскими финансовыми организациями; от введения новых санкций Австрия пока предлагает воздержаться, так как уже введенные «огромные пакеты санкций» нуждаются во времени, чтобы заработать [21].

Наконец, важно напомнить, что, по состоянию на апрель 2022 г., согласно заявлению министра энергетики республики Л. Гевесслер, Австрия зависела от импорта российского газа на 80%, что объясняется отсутствием у страны выхода к морю и доступа к собственному сжиженному природному газу (СПГ) [4]. Несмотря на декларируемое политиками стремление к снижению этого показателя, данные на начало 2023 г. показывают, что фактически он остается больше 50% — и кажется, на деле австрийские власти не очень хотят что-то менять [22].

Таким образом, на современном этапе Австрия предприняла шаги для установления диалога с Россией, руководствуясь приверженностью политике нейтралитета. С учётом всей важности поставок газа в Австрию из России — это ещё и экономически необходимая мера. Однако приходится признать, что Вена оказалась очень ограничена в своих действиях, а эффективность ее усилий на данный момент, к сожалению, практически отсутствует. Можно констатировать, что сегодня, при всех попытках продолжения балансирования, на деле во внешней политике Вены преобладает стратегия примыкания, выражающаяся, в первую очередь, в присоединении к антироссийским санкциям и принятии мер по однозначной поддержке Украины в текущем конфликте.

Выводы

Изучив эволюцию российско-австрийских отношений на протяжении второй половины XX — начала XXI вв., мы пришли к выводу, что исторически для Австрии более выгодной внешнеполитической стратегией является балансирование — которое подразумевает, в том числе, конструктивное сотрудничество с Москвой. Именно состояние российско-австрийских отношений можно считать индикатором степени внешнеполитической автономии страны. Возможности для балансирования действительно сократились — во-первых, в связи с активной интеграцией Вены в западные структуры по сравнению с периодом холодной войны, когда стране удавалось проводить политику «активного нейтралитета», и пространство для маневра было шире. Дальнейшее его сужение наблюдается на современном этапе в связи с нарастающей поляризацией международной системы — в частности, на европейском континенте, где малые страны все больше вынуждены примыкать к «интеграционному ядру», что больше всего проявляется именно на примере отношений с Россией, точнее их деградации. В то же время австрийский пример показывает, что некоторые возможности для балансирования сохраняются даже в таких условиях, чему особенно способствует нейтральный статус страны, который обеспечивает сохранность австрийских внешнеполитических интересов в политических, социальных и экономических сферах. Исходя из целого ряда преимуществ выбранного курса внешней политики, в ближайшее время представляется крайне маловероятным реальный отказ Вены от нейтралитета.

Библиография

1. *Новикова И. Н.* Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Т. 15. № 3. 2022, с. 219–241
2. *Скриба А.* Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. Т. 12. № 4. 2014, с. 88–100
3. 50 Jahre zuverlässige russische Gaslieferungen nach Österreich // Gazprom. 01.06.2018. URL: <https://www.gazprom.de/press/news/2018/june/article433146/> — 29.03.2023

4. *Белинский А.* Казнить нельзя, помиловать! Австрийский нейтралитет на весах истории // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. № 64(81). 2022, с. 11–16
5. Визиты австрийских президентов в Россию с 2000 года. Досье // ТАСС. 05.04.2016. URL: <https://tass.ru/info/3177180>–29.03.2023
6. Товарооборот между Россией и Австрией может достичь рекордного уровня // РИА Новости. 02.12.2005. URL: <https://ria.ru/20051202/42288780.html> — 29.03.2023
7. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-австрийских переговоров // Официальные сетевые ресурсы Президента России. 24.06.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46060>–29.03.2023
8. Der neue Weg. Das Programm der Liste Sebastian Kurz — die neue Volkspartei zur Nationalratswahl 201
9. Programme of the Austrian Presidency // Presidency of the Council of the European Union 1 July — 31 December 2018 — Vienne, June 2018
10. *Свечникова С. В.* Россия во взглядах немецких крайне правых политических сил: перспективы для российской внешней политики // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов VII Всероссийской конференции. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 166–173
11. Ein Jahr Krieg — Beziehungen Wien-Moskau stark abgekühlt // Wiener Zeitung. 05.02.2023. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2177364-Ein-Jahr-Krieg-Beziehungen-Wien-Moskau-stark-abgekuehlt.html> — 29.03.2023
12. *Корнеев В. А.* «Шпионский скандал» в Австрии в контексте развития российско-австрийских отношений // Казанский вестник молодых ученых. Т. 3. № 4. 2019, с. 126–134
13. Зависимость стран Европы от российского газа // РИА Новости. 26.04.2018. URL: <https://ria.ru/20180426/1519454083.html> — 23.04.2023
14. Австрия хочет сократить зависимость от российского газа // РИА Новости. 04.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220404/avstriya-1781743098.html> — 29.03.2023
15. Растворцева А. Отношение к самому молодому канцлеру Австрии Себастьяну Курцу в Германии и в России // Материалы международной научно-практической конференции МЦНС «Наука и просвещение». С. 230–232
16. Австрия выделит Украине средства для ремонта энергетической инфраструктуры // РИА Новости. 16.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221216/ukraina-1839304669.html> — 25.02.2023
17. Nehammer bei Putin — Treffen war “direkt, offen und hart” // Wiener Zeitung. 11.04.2022. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/>

- politik/welt/2143738-Nehammer-bei-Putin-Kanzler-Sehr-hartes-und-offenes-Gespraech.html — 25.02.2023
18. Австрию призвали не пускать российских депутатов на заседание ОБСЕ в Вене // РБК. 12.02.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/02/2023/63e91afb9a7947cf768add10-25.02.2023>
 19. Österreich droht Eklat wegen Visa für Russen auf EU-Sanktionsliste // Der Standard. 31.01.2023. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000143074561/oesterreich-droht-eklat-wegen-visa-fuer-russen-auf-eu-sanktionsliste> — 28.02.2023
 20. Proteste gegen Russland bei der OSZE // Tagesschau. 28.03.2023. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/osze-treffen-wien-101.html> — 28.03.2023
 21. Австрийский министр заявил, что Россия всегда будет важна для Европы // РИА Новости. 22.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230322/rossiya-1859814372.html> — 28.03.2023
 22. Васильева М. «Доля российского газа в Австрии до сих пор оценивается почти в 50%» // Известия. 07.02.2023. URL: <https://iz.ru/1466093/mariia-vasileva/dolia-rossiiskogo-gaza-v-avstrii-do-sikh-por-otceniwaetsia-pochti-v-50> (20.05.2023)

Vilchinskii Anton Sergeevich

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
Expert of the Institute for Contemporary International Studies
Ph. D. Student

Russia — EU sanctions war: impact on Spanish political process

Abstract. The paper focuses on the analysis of the impact the ongoing geopolitical conflict between Russia and the European Union had on Spanish domestic politics in the context of the 2023 parliamentary elections. The article compares the territorial structures of Spain and Ukraine. The author reviews the response of Madrid to the conflict and its actions in economic and military fields. The research also assesses the risks to Spanish political stability. Attention is paid to the relations within the PSOE — Unidas Podemos coalition government and the viewpoints each party has on the conflict. Additionally, the paper analyses the speech Spanish Prime Minister Pedro Sanchez made in spring 2022. The author made a conclusion that a mixture of protracted socio-economic issues along with the unresolved Catalan problem gave the upper-hand to the opposition forces, namely the conservative People's Party in the run-up to the 2023 parliamentary vote.

Keywords: Russia, Spain, EU, sanctions, domestic politics, parties, government.

Introduction

The start of the special military operation of the Russian armed forces in Ukraine on 24 February 2022 caused an extremely negative reaction from the Western states. The US, Great Britain and the European Union (EU) resorted to unprecedented measures of pressure on Moscow. The sanctions policy, which began back in 2014, became considerably tougher and resulted in ten packages of restrictions as of May 2023. Numerous political, economic, financial, cultural and technological sanctions had a negative impact on certain EU countries as well. They faced rising electricity prices, a deteriorating socio-economic situation and public discontent. Such a situation gave the upper-hand to the oppo-

sition forces in the internal political processes of many European states and in Spain in particular.

The topicality of the research is set by a mixture of changing political and economic factors that influence the position of the Spanish coalition government prior to the general elections that are expected to take place in late 2023. It is worth distinguishing whether the parties and political leaders who are less supportive of Ukraine would be able to strengthen their positions and improve relations with Russia.

The goal of the research is to assess the geopolitical impact of the hybrid conflict between the EU and Russia on the run-up to the electoral campaign in Spain and to figure out whether the elections in the Kingdom could lead to a policy change towards Moscow.

To reach the goal the following tasks were set:

1. Compare and contrast the features of the territorial organization of Spain and Ukraine to distinguish the causes of the Ukrainian conflict.
2. Characterize economic influence the Russia — EU sanctions war had on Spain.
3. Review the Spanish response to the Ukrainian crisis in terms of economic assistance to Kiev.
4. To assess the political impact of the ongoing confrontation on the relations within the Spanish Socialist Workers' Party (PSOE) — Unidas Podemos (UP) coalition government.

The research relied on the systematic approach. The author applied the factor analysis to consider the impact of external (geopolitical competition, anti-Russia sanctions, support of Ukraine) and domestic factors (recovery from COVID-19, protracted socio-economic problems, Catalan crisis, the Basque issue) on the position of the PSOE — UP coalition government at the national level. Speech analysis was also used. As for the novelty of the research, the article considers the role of the regions, namely Catalonia and the Basque Country in the run-up to the general elections amid the EU — Russia crisis.

Spain and Ukraine: unitary states with different features

The Ukrainian crisis, the essence of which lies in the ideological intolerance of the center towards the Russian-speaking regions located

in the east of the country, has something in common with the relations between the Spanish authorities and Catalonia. Both Spain and Ukraine are unitary states with several ethnic groups that have different languages and histories. However, the country of the Iberian Peninsula has a more developed system of autonomies. It prevents the emergence of break-away regions [1].

After Francisco Franco's dictatorship during 1939–1975, when any attempts of the Spanish regions to defend their identity were suppressed by harsh repressions, the state carried out a democratic transition, granting the regions the status of autonomies. Catalonia and the Basque Country, in particular, were given fairly broad powers of self-government. This decision significantly reduced the risks of disintegration and gave the regions necessary tools to preserve their identity [2].

In Spain a region is able to engage in an ongoing dialogue with the center about expanding its autonomous powers, while in Ukraine the emphasis is on excessive centralization. Russian-speaking regions view it as a desire to limit their rights.

Intent-analysis of the speech made by Pedro Sanchez in March 2022

The core of the Prime Minister's strategy in the face of geopolitical challenges became evident during his speech on March 13, 2022 at the Conference of Heads of 17 Autonomous Communities of the Kingdom [3]. The review of his first public appearance since the start of the conflict helps understand the course chosen by the government that shaped Spanish response to the situation.

P. Sanchez devoted a considerable amount of time in his speech to describing the current external challenges and problems facing the country. He used the "task setting" type of sentences 11 times throughout his speech and 20 sentences were aimed at characterizing the ongoing situation. These numbers show that the politician emphasized the existing difficulties, and then he set the goals of the Kingdom, which could be achieved only through "interparty unity".

Additionally, P. Sanchez's speech was full of intentions, hence it had a manipulative character. Much of the suggestions were focused on opportunities, setting goals and giving promises of progress if all parties became united around the government. The Prime Minister often made

assumptions, indicated risks and showed the importance of cooperation in finding ways to minimize them.

The head of PSOE avoided excessive aggravation of the situation. All negative sentences were used only to blame Russia in connection with the Ukrainian crisis and to describe the difficulties that arose [3]. The speaker wanted to show that positive results can only be achieved through the unity of all political forces and overcoming inter-party competition.

Meanwhile, the PM neglected key domestic issues. For instance, he did not mention any plans to develop a dialogue with Catalonia or to continue talks with the Basque Country regarding the transfer of self-governing competences [3]. This was yet another indication of Sanchez's desire to bypass uncomfortable issues on the Spanish agenda in order to focus on calls for inter-party unity during the Ukrainian crisis.

Spanish contribution to the European response to the Ukrainian conflict

The EU economic response to the conflict in Ukraine had two main forms. On the one hand, every effort has been made to provide Kiev with the economic assistance necessary to sustain its economy and prevent the collapse of its public administrations. On the other hand, a wide range of economic sanctions have been adopted against entities and individuals of Russian nationality, possibly the toughest ever adopted against a third country to date.

In terms of Spanish assistance, in April 2022, Madrid allocated 31 million euros in military aid to Ukraine. Later in December 2022 the EU approved 18 billion euros to enable Kiev to meet its economic needs in 2023. This was in addition to the macro-financial assistance program promoted by the European Commission during the second half of 2022, through which 9 billion euros in highly concessional loans were granted, to which Spain contributed with guarantees worth 320.8 million euros [4].

It is also worth highlighting that Spain contributed 100 million euros to the aid package announced by the World Bank. It is the first of three projects that this institution is launching to respond to the most urgent tasks of repairing and recovering essential services damaged by the conflict. More specifically, these projects, which emerged from the Rapid

Damage and Needs Assessment jointly prepared by the Ukrainian government, the European Commission and the World Bank in September 2022, will focus on health, energy and transport [4].

If one compares the cost of the military, economic and humanitarian aid provided by Madrid to Ukraine from February 2022 to February 2023 — which represents 0.40% of Spain's GDP — with that of other neighbouring countries, in relative terms Spain's effort is greater than that of France, Italy and the United Kingdom, among others. Measuring aid as a percentage of national GDP significantly benefits small countries to the detriment of large ones, while the opposite is true in absolute terms. Despite this, Spain is still ahead of smaller countries with high GDP per capita, such as Luxembourg, Belgium, Ireland, Switzerland and Norway [5].

Military assistance of Spain to Ukraine

Moving on to the military response of Spain to the Ukrainian conflict it is crucial to underscore that Madrid acted in the framework of the strategy shaped by Brussels and Washington. The Kingdom is not among the most active senders of military hardware but it has to fulfill its obligations within the principle of “European solidarity”.

Pedro Sanchez visited Ukraine in April 2022 and announced that Madrid would send weapons and train Ukrainian soldiers [6]. In particular, in winter 2023 the government approved the first shipment of “offensive military material”, which consisted, according to Defense Minister Margarita Robles, of 700 000 rifle and machine gun cartridges, 1 370 grenade launchers, four Hawk missile launchers and the anti-aircraft missile system [6].

However, this type of arms assistance was not approved in any case by the second member of the coalition government — Unidas Podemos. This was the first conflict of viewpoints within the governing block that came to light. UP's senior leaders repeatedly expressed their rejection of the arms shipment. In spring 2023 Minister for Social Rights and Agenda 2030 Ione Belarra, asked the PSOE to reconsider its position on the war in Ukraine [7]. Such a problem revealed that Spain did not reach an internal political consensus regarding military aid to Ukraine. The latest chapter of confrontation on this matter was over Leopard

tanks. Spain confirmed that it would send ten of these tanks to Ukraine in summer 2023. The initiative was opposed by Unidas Podemos as such a step, according to their position, would only contribute to the escalation of the crisis.

As of February 2023, the country also supplied 77 000 winter equipment, 2 000 tons of diesel fuel, 5 000 ballistic helmets, 1 500 winter jackets, 1 764 bulletproof vests, 1 300 gowns, 800 NBC suits and detectors, and a deployable control centre for cyber defense [7].

In terms of vehicles of all types, Spain gave 20 armoured vehicles known as Tracked Armoured Transport, eight towed howitzers, four light ambulances, one armoured vehicle, ten light vehicles and another ten heavy vehicles. Ten Leopard 2 A4 tanks are expected to be delivered in summer. In addition, according to media, an unspecified number of ammunitions for artillery and 105 and 155 millimetre tanks, Mistral anti-aircraft missiles and anti-ship missiles will be delivered to Ukraine in summer 2023 as well [7].

Economic influence of the Ukrainian conflict on Spain

Ten packages of anti-Russian sanctions adopted by the EU over 12 months since the start of the conflict had an impact on Spain as well. The Kingdom is not so dependent on Russian energy resources, but the emergence of pan-European challenges has complicated the already difficult domestic political process in the state itself. It is worth starting with the economic area, where it is possible to distinguish three main directions of the impact the Ukrainian crisis had on Spain.

Firstly, the difficulties that the country continues to struggle with after the global financial crisis of 2008 have worsened. In particular, in June 2022 the inflation rate in the Kingdom reached 10.8%, the highest point since September 1984. However, the government took measures to combat negative effect of the rising prices.

For instance, in December 2022, Madrid approved the third package of measures to deal with the consequences of the conflict and to alleviate the effects of inflation on the consumer basket. The most important decisions were the elimination of value added tax on basic foodstuffs, the 200-euro cheque and the extension of rental prices. Alongside these measures the government elaborated the energy saving plan that included

adjusting thermostats in administrative buildings, commercial and cultural spaces, train and bus stations and airports. In particular, the plan established a minimum temperature of 27 degrees in the summer months and a maximum of 19 degrees in winter, among other obligations. The Prime Minister justified its imposition with the aim of reducing the energy bill to help “lower dependence on the aggressor and bend the inflation curve” [8].

Secondly, pressure from the EU and NATO, especially in the context of the adoption of the alliance’s new Strategic Concept at the Madrid summit in late June, is forcing Spain to show “solidarity” with its partners. For example, Prime Minister Pedro Sanchez announced his intention to increase defense spending to 2% of GDP by 2029. This goal seems extremely ambitious, since the country will have to nearly double its defense budget. Last year Spain spent 12.2 billion euros on this, i.e. slightly more than 1%. [5] Such a decision may cause public discontent since the country has not yet fully eliminated the damage caused by the coronavirus and remains one of the largest recipients of funds from the European Fund for Reconstruction from COVID-19.

Thirdly, the conflict raised food security concerns. Ukraine is the leading exporter of cereal to Europe and the blockade in Ukrainian ports initially raised fears about the production of some products and whether this would lead to shortages in markets and supermarkets. Specifically, in Spain, there was a concern about problems derived from the import of maize (22% come from Ukraine). In response, the Ministry of Agriculture, Fisheries and Food signed contracts to bring in raw materials from Argentina and the United States [8].

More worrying was the situation with sunflower oil. Spain used to buy half a million tons from Ukraine annually. Some industries, such as the confectionery and canning, warned that they were running out of stock and supermarkets had to ration the purchase of bottles of this oil to avoid shortages in the face of compulsive purchases by some consumers. In fact, during the first year of the conflict Spain did not face other food security problems besides the mentioned ones.

Political influence of the Ukrainian conflict on Spain

Moving on to the political area, it is worth paying attention to the following areas of influence the Ukrainian crisis had on the Kingdom.

Firstly, the solution of the Catalan issue has become more difficult. Meetings between representatives of the central authorities and Catalonia, scheduled for spring 2022, did not take place. Madrid attributed this to a lack of resources for effective interaction with the region. The first talks between Prime Minister Pedro Sanchez and the head of Catalonia Pere Aragonés in ten months took place only on July 15, but did not lead to any progress. The autonomy still expects to hold a referendum on its status, but Madrid remains against it [9].

Secondly, the position of PM P. Sanchez is under threat. This is due to the growing popularity of the far-right VOX party, which came third in the November 10, 2019 parliamentary elections [10]. The autonomous elections in Andalusia in summer 2022, which were won by the center-right People's Party, demonstrated that Sanchez's position in the regions was weakening against the backdrop of the Ukrainian crisis. This could also have an impact on the results of the 2023 parliamentary elections.

Thirdly, it is also important to mention the impact of the refugee crisis. According to a report presented by Minister for Inclusion, Social Security and Migration Jose Luis Escriva, Spain is the fifth country in the European Union in terms of the number of Ukrainian refugees that came to the Kingdom — 168 000 [7].

Since February 2022 the flow of Ukrainians has stabilised, but has not ceased. Compared to the 8 000 arrivals a week in the first few months, there are now around 1 000 a week arriving at the four reception centres in Spain: in Alicante, Barcelona, Madrid and Malaga. The centres are placed in the order of their popularity among the refugees [7].

Fourthly, the Ukrainian conflict provoked tensions within the PSOE-UP coalition government. The agreement signed by the two parties in January 2020 for setting the governing coalition put foreign and defense policy in the hands of the socialists. This separation of areas helped avoid problems in decision making despite the differences between the positions of the two forces. However, it did not rule out criticism from Unidas Podemos and rising internal disputes [11]. Two main spheres of disagreement should be underscored.

The first one is NATO and military spending. Unidas Podemos opposed the decision of P. Sanchez to hold the Alliance summit in Madrid in June 2022. Furthermore, the party was against the increase in military spending and negatively assessed the role the Alliance is playing

in the conflict in Ukraine. UP is against the shipment of weapons to the Ukrainian army, which P. Sanchez supports and promotes. At the same time vice-president Ione Belarra (member of UP) stressed that the current strategy of Madrid had no real value and only contributed to sustaining the conflict for a longer period of time [5].

The second stumbling block is the domestic response to the consequences of the conflict. Unidas Podemos defended the intervention of the food market, mortgages and housing rents to counteract the negative effects. However, PSOE had concerns about the first measure, which they considered incompatible with the rules of the free market that govern the European Union.

Concluding remarks

The Ukrainian crisis allowed the Spanish government to shift attention from unresolved political and socio-economic problems to the turbulent geopolitical situation. Before the 2023 general elections it is crucial for the governing coalition to maintain the trust of the electorate and be able to unite the polarized political forces in order to promote the agenda. However, Spain had to express its European solidarity and allocate financial and military resources to support Kiev. Even though total amounts of aid given by Spain were less than those of other big Western states, Madrid's assistance to Ukraine had a bigger share in Kingdom's GDP than in that of France or Italy.

Furthermore, Spain faced a mixture of political and economic consequences provoked by ten packages of anti-Russian sanctions. On the economic level, the cost of living went up. The rejection of Russian energy sources has led to an increase in the electricity prices. Thousands of homes across the country were affected. Shortages of fertilizers and chemical products from Russia, amid record heat waves and droughts in 2022, made it difficult for farmers to operate. All these factors provoked discontent in the society.

Meanwhile the Prime Minister tried to postpone dealing with unresolved internal political and economic issues in order to focus on preparing the electoral campaign and aiding Ukraine in order to get support of Brussels. In the run-up to the 2023 parliamentary elections P. Sanchez does not want to lose his electorate and bypasses the areas that

may provoke public discontent. One of them is the Catalan issue. Any concessions to the region may strengthen the positions of the conservative forces. At the same time, tough stance may result in losing the votes of the Catalan parties in parliament which are essential to the governing coalition that does not have a majority.

Bibliography

1. Хенкин С. М. Партийно-политическая система Испании: время испытаний // *Полития*. 2020. № 2. С. 182-191.
2. Орлов А. А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // *Современная Европа*. 2022. № 2. С. 117-131.
3. Comparecencia del presidente del Gobierno en la XXVI Conferencia de Presidentes en La Palma, domingo 13 de marzo de 2022. Gobierno de España. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/Paginas/2022/prsp13032022.aspx> — 15.05.2023.
4. Civieta O. Armas, dinero, formación: la contribución de España a la guerra en Ucrania. *La Marea*. URL: <https://www.lamarea.com/2023/04/11/armas-dinero-formacion-contribucion-de-espana-guerra-en-ucrania/> — 12.05.2023.
5. Powell C., García Encina C. Respuestas españolas a la invasión rusa de Ucrania. Real Instituto Elcano. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/respuestas-espanolas-a-la-invasion-rusa-de-ucrania/> — 07.05.2023.
6. López M. P. España envía a Ucrania su mayor remesa de ayuda militar en lo que va de Guerra. *La Vanguardia*. URL: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20220501/8235007/espana-envia-ucrania-mayor-remesa-ayuda-militar-guerra.amp.html> — 18.05.2023.
7. Muñoz M. Cómo ha afectado la guerra en Ucrania a España. *Onda Cero*. URL: https://www.ondacero.es/noticias/mundo/como-afectado-guerra-ucrania-espana_2023022463f7c669b3856000015ce8ce.html — 11.05.2023.
8. Varela F. Un año de la guerra de Ucrania: las 13 consecuencias para España que marcan el final de la legislature. *Info Libre*. URL: https://www.infolibre.es/politica/ano-guerra-ucrania-13-consecuencias-espana-marcan-final-legislatura_1_1429953.html — 12.05.2023.
9. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Переверзева О. В. «Мягкая сила» в условиях сепаратистского конфликта: примеры Каталонии и Шотландии // *Современная Европа*. 2022. № 1. С. 99-112.
10. Elecciones generales 2019 10N. *El País*. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/generales.html> — 15.05.2023.

11. Гаврилова С. М., Вильчинский А. С. Трансформации испанского партийно-политического ландшафта: внутренний и внешний векторы // Дипломатическая служба. 2021. № 2 (95). С. 128–141.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА»

Акимочкин Дмитрий Сергеевич

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
Факультет международных отношений и политических исследований
Бакалавриат

Особенности сотрудничества России и Фарерских островов после 2014 года

Specifics of Cooperation between Russia and the Faroe Islands
after 2014

Аннотация. В статье рассматривается сотрудничество России и Фарерских островов на современном этапе. В условиях санкционной политики западных стран, Фарерские острова стали для РФ одним из крупнейших импортеров рыболовной продукции, однако это значительным образом осложняет отношения Фарер с Данией, поскольку архипелаг является автономной территорией в составе Датского Содружества. В статье анализируется характер и особенности российско-фарерского сотрудничества на современном этапе и раскрываются дальнейшие перспективы двусторонних связей.

Ключевые слова: Фарерские острова, Дания, Россия, автономия, парадипломатия, экономическое сотрудничество

Abstract. The paper discusses the cooperation between Russia and the Faroe Islands at the present stage. Under the sanctions policy of Western countries, the Faroe Islands have become one of the largest importers of fishing products for Russia, but this significantly complicates the relations between the Faroe Islands and Denmark, since the archipelago is an autonomous territory within the Danish

Realm. The paper analyzes the nature and specifics of Russian-Faroese cooperation at the present stage and reveals further prospects for bilateral relations.

Keywords: Faroe Islands, Denmark, Russia, autonomy, paradiplomacy, economic cooperation

Введение

Датское Содружество состоит из трёх частей: материковой Дании и автономных территорий — Фарерских островов и Гренландии. В зависимом положении территории оказались по итогам Кильского договора 1814 г. Однако после Второй мировой войны на автономных территориях значительно увеличилось желание получения большей независимости, в особенности это стало заметно на Фарерских островах, которые в период войны находились под оккупацией Великобритании. В 1948 г. был принят Закон о самоуправлении, по которому Фарерские острова получили автономию внутри Датского королевства. Именно благодаря этому архипелаг получил право выбора по вопросу вхождения в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, с 1993 г. — ЕС), и поэтому в интересах сферы рыболовства не стал его частью.

Со второй половины XX в. вопрос независимого развития от датской короны все чаще рассматривается фарерцами как единственный выход для полной реализации собственных интересов [1, р. 5–6]. В том числе, фарерское правительство без оглядки на метрополию хочет развивать свою внешнюю политику. В особенности остро стоит вопрос развития сотрудничества с Россией — после введения в 2014 г. антироссийских санкций ЕС Фарерские острова напротив, расширили двусторонние контакты и заметно увеличили экономическое сотрудничество.

Актуальность работы заключается в том, что в связи с введенными Европейским союзом антироссийскими санкциями в 2014 и 2022 гг., архипелаг старается проводить независимую политику по вопросу связей с Россией, поэтому двустороннее российско-фарерское сотрудничество имеет свои характерные черты.

В особенности интересна к рассмотрению позиция автономии относительно продолжения двустороннего сотрудничества с Россией после 2022 г. Несмотря на увеличение и углубление антироссийских санкций со стороны западных стран, Фарерские острова, в отличие от Гренландии, не стали полностью разрывать экономические связи с Россией.

Цель работы — выявить особенности российско-фарерского сотрудничества после 2014 года.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические рамки автономности Фарерских островов;
2. Охарактеризовать современное состояние связей России с Фарерами и выделить ключевые особенности двустороннего сотрудничества.
3. Определить перспективы дальнейшего российско-фарерского сотрудничества с учетом геополитической обстановки в регионе и в мире.

Методологией исследования стала теория малых стран, рассматривающая в том числе несuverенные территории и особенности их деятельности на международной арене [4, р. 362]. В отличие от крупных держав, малые страны имеют меньше ресурсов для достижения необходимых задач, поэтому они сильнее подвержены изменениям внешнеполитического климата и больше зависят от международной кооперации, а также стараются вести *business as usual* со всеми заинтересованными партнерами, несмотря на возможные внутренне- и внешнеполитические кризисы.

Методами исследования выступили общенаучные методы. Для рассмотрения двустороннего сотрудничества Фарерских островов и России и выделения особенностей этих связей был использован системный подход. При рассмотрении официальных документов и материалов СМИ был использован описательный анализ и контент-анализ, а для подробного рассмотрения внешнеэкономической активности Фарерских островов был использован статистический анализ на основе данных Статистической службы Фарерских островов.

Рамки полномочий Фарерских островов в области международных отношений

Теория малых стран является относительно новой теорией международных отношений, и в настоящее время в исследовательских кругах не существует консенсуса в определении того, какие страны, собственно, являются малыми. Несмотря на то, что не существует единого мнения по этому вопросу, различными исследователями были сделаны попытки по выявлению единого определения, по которому можно было бы говорить, что та или иная страна является малой — например, И. Н. Новикова определяет «малую страну» в Европе как «государство, имеющее небольшую территорию и численность населения менее 15–16 млн. чел» [3, р. 227].

Особую сложность в теоретическом определении представляют полу- и несuverенные государства и территориальные образования, к которым можно отнести в том числе автономные территории Дании — Фарерские острова и Гренландию. Исследователь Д. Принсен выделяет следующие характеристики субнационального территориального образования в сфере международных отношений — наличие собственного флага; наличие представительств за рубежом; возможность подписания международных соглашений; наличие соглашений с метрополией, подразумевающих особое положение такой территории [4, р. 366–367]. При этом, число подобных территориальных образований автором насчитывается около 120, и практически у всех из них есть потенциальное желание получения полного суверенитета [4, р. 365]. Фареры не являются исключением, и при этом соответствуют всем перечисленным исследователям характеристикам.

Для Фарерских островов также играет важную роль дискурс постколониализма и постимпериализма, поскольку архипелаг до сих пор является зависимой территорией Датского Королевства. В связи с этим, датскими исследователями Р. Адлер-Ниссен и У. П. Гадом был разработан специальный термин «postimperial sovereignty games» (постимперские игры суверенитета) для описания взаимоотношений в регионе Северной Европы между метрополиями и автономиями [2, р. 14]. Исследователи отмечают, что в отношениях между Данией и Фарерами Копенгаген выступает в «патерналистской роли

постколониального защитника» [2, р. 22]. Однако местные власти все чаще выступают против сложившейся модели покровительства со стороны метрополии и отстаивают возможность принимать самостоятельные решения по важнейшим для территорий вопросам.

Собственно автономность Фарерских островов в области международных отношений обеспечивается тремя документами — Законом о самоуправлении (1948 г.), Законом о принятии вопросов и сфер ответственности уполномоченными органами Фарерских островов (2005 г.) и Законом о полномочиях Фарерских островов в области внешней политики (2005 г.).

Фарерские острова получили по-настоящему широкую автономию в области международных отношений только в 2005 г., когда был принят Закон о полномочиях Фарерских островов в области внешней политики. По нему автономная территория стала обладать правом на «ведение переговоров и заключение соглашений в соответствии с международным правом с иностранными государствами и международными организациями, включая административные соглашения, которые касаются вопросов, находящихся под юрисдикцией властей Фарерских островов» [5].

В том же году позднее по Закону о принятии вопросов и сфер ответственности уполномоченными органами Фарерских островов юрисдикция островных властей была определена пятью основными сферами — здравоохранение, налогообложение, образование, экономика и сельскохозяйственная деятельность, таким образом фарерское правительство получило возможности вести переговоры с иностранными государствами в этих сферах. Метрополия в свою очередь сохранила за собой полномочия в следующих областях — конституция, гражданство, высшая судебная инстанция, валютная политика, внешняя политика, а также безопасность и оборона [6].

В связи с увеличением полномочий в области внешней политики в 2008 г было принято решение о создании собственного Министерства иностранных дел Фарерских островов [7, р. 2].

К тому же, у Фарерских островов в настоящее время действует ряд представительств — в Брюсселе, Лондоне, Москве, Рейкьявике и Тель-Авиве. На территории Фарерских островов действуют 10 почетных консулов различных стран (в том числе РФ) и три генеральных консульства (Исландии, Норвегии и Швеции).

Фарерские острова участвуют и в некоторых региональных международных организациях — в Северном совете, в Совете Западных стран Северной Европы, но и также фарерская делегация участвует в работе Арктического совета. Как ассоциированный участник, Фареры входят в такие специализированные органы ООН как ЮНЕСКО, ВОЗ, ИМО.

Архипелаг также имеет особые отношения с Европейским союзом. Несмотря на то, что острова являются частью Дании, они не являются частью ЕС еще с момента вхождения Дании в ЕЭС в 1973 г. В связи с этим, все переговоры с ЕС фарерское правительство ведёт самостоятельно ввиду того, что датские представители не могут участвовать в них сразу с двух сторон [7, р. 3]. В настоящее время Фарерские острова не являются ни членом Европейской экономической зоны, ни заморской территорией, аффилированной с ЕС, и выступают третьей стороной, и связи регулируются Соглашением о свободной торговле (1996 г.), Протоколом о доступе на рынок (1998 г.) и Соглашением о рыболовстве (2014 г.).

Особенности российско-фарерского сотрудничества

Важной причиной активизации двустороннего сотрудничества между островами и Российской Федерацией стала европейская политика санкций, причем как в отношении России, так и в отношении Фарерских островов.

В августе 2013 г. ЕС ввел санкции в отношении Фарерских островов в связи со спором в Комиссии по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана по квотам на вылов сельди и скумбрии, когда в итоге Фарерские острова в одностороннем порядке увеличили их на 10–15% [8]. Запрет значительно сказался на двусторонних экономических связях, что привело к значительному падению показателей экспорта в ЕС сельди и скумбрии [9], к тому же фарерским судам было запрещено заходить в порты стран ЕС, в том числе, и в датские [8]. Поэтому Фарерские острова стали искать альтернативных покупателей рыбы, среди которых оказалась в том числе Россия.

Примерно в это же время после 2014 г. Россия была вынуждена искать новых поставщиков рыбной продукции. Введенные

в 2014 г. ЕС и западными странами санкции не запрещали экспорт рыбной продукции в Россию, однако это сделало торговое эмбарго, принятое российским правительством как ответная мера в начале августа 2014 г. В результате с российского рынка ушли крупнейшие поставщики рыбы — Норвегия, ЕС и Исландия, которые в 2013 г. занимали. И одним из альтернативных поставщиков были практически сразу названы Фарерские острова — уже в конце августа 2014 г. глава Росрыболовства Илья Шестаков сделал заявление о том, что «у Фарерских островов есть возможность по доставке в Россию охлажденной семги», но отметил, что «это будет не в таких объемах, как мы потребляли из Норвегии» [10].

И если конца 2013 г. Фареры уже смогли нарастить объем экспорта в Россию в связи с торговым эмбарго ЕС, наложенным на автономию, то 2014 г. подарил островной территории возможность стать крупнейшим экспортером рыбы в Россию. Поэтому уже в сентябре 2014 г. премьер-министр Фарерских островов приехал с официальным визитом в Москву для переговоров по развитию двустороннего партнерства.

В связи с активизацией двусторонних связей, Фарерские острова увидели необходимость в открытии собственного представительства на территории России, что удалось сделать автономии в марте 2015 г., при этом представительство имеет часть дипломатических функций, поскольку создано совместно с дипломатической миссией Дании в Москве [11].

Однако сотрудничество России и Фарерских островов началось задолго до этого. Ещё в 1977 г., между Фарерскими островами и Советским Союзом было подписано Соглашение о взаимных отношениях в области рыболовства, которое в дальнейшем стало отправной точкой взаимодействия архипелага с РФ. Поэтому уже в период современной России, в 2001 г., на территории Фарерских островов был создан пост почетного консула РФ.

В настоящее время важнейшими документами в развитии двустороннего сотрудничества являются Соглашение о торговле между Российской Федерацией и Фарерскими островами товарами, происходящими с таможенной территории Российской Федерации и таможенной территории Фарерских островов (2006 г.), которое возобновляется автоматический каждый год,

и Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Фарерских островов (2018 г.)

Если Соглашение 2006 г. по своей сути похоже на соглашение, заключенное еще в советский период, и касается только сфер торговли рыбой и морепродуктами [12], то Меморандум в особенности интересен тем, что таким образом Фарерские острова показывают заинтересованность в рынке стран ЕАЭС и Евразии в целом, а также в возможностях по развитию двустороннего сотрудничества в сферах энергетической промышленности, информационных технологий и др. [13].

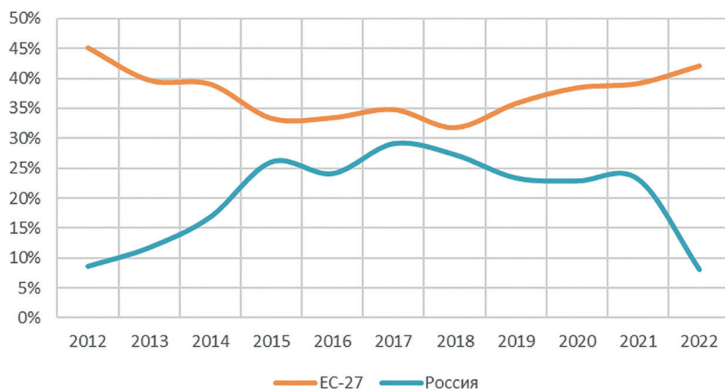

Схема 1. «Доли РФ и ЕС-27 в экспорте товаров Фарерских островов» [9]

Основой двустороннего сотрудничества у России и Фарерских островов является экономика. На 2022 г. 92% экспорта архипелага — рыбная продукция [9], при этом Россия с 2013 по 2021 гг. являлась крупнейшей страной-партнёром Фарерских островов по экспорту, обгоняя при этом и саму датскую метрополию, а также Великобританию и США. Доля России в общем экспорте продукции Фарерских островов за период с 2012 г. колеблется от минимального показателя в 8,5% (2012 г.) до максимального

показателя 29,1% (2017 г.) (см. Схему 1). В России одним из важнейших потребителей продукции архипелага является Санкт-Петербург, доля которого во внешнеторговом обороте с Фарерами начиная с 2013 г. значительно возросла [14, р. 57].

Основной фарерского экспорта в Россию является рыболовная продукция, где основными позициями на 2021 г. был лосось (38,3%), скумбрия (22,3%) и сельдь (20,1%) [9].

Российский же импорт занимает незначительную долю в двустороннем товарообороте и в общем импорте товаров Фарерских островов, и за период с 2012 г. по 2022 г. существенно не изменялся, находясь на пиковом значении в 2021 г. в 132,5 млн. датских крон (см. Схему 2).

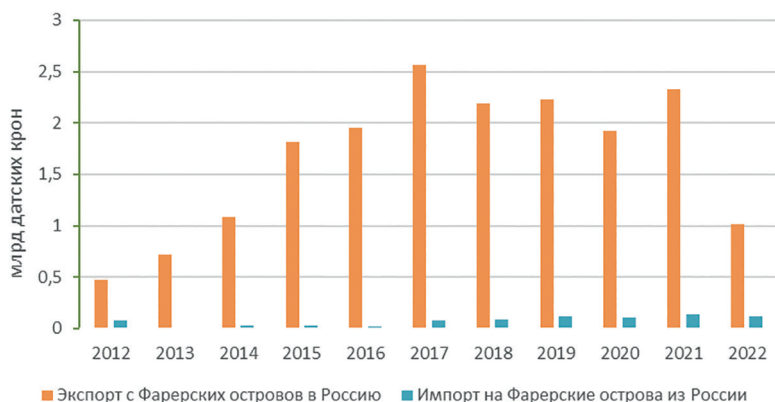

Схема 2. «Товарооборот Фарерских островов и России (2012–2022 гг.)» [9]

Помимо этого, Фарерские острова и некоторые российские регионы, входящие в Арктическую зону Российской Федерации с 2014 г. начали развитие двусторонних связей. Таким образом, в 2018 г. были проведены двусторонние переговоры с Архангельской областью по вопросу совместных экономических проектов, где глава Представительства Фарерских островов в России Хакун Йогвансоном Дьурхуус отметил, что Фарерские острова «настро-

ены договариваться о поставках напрямую с интересующими нас регионами и странами», без посредничества метрополии [15].

В 2019 г. представители Фарерских островов были в составе датской делегации на V Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога» [14, р. 59], помимо этого традиционной площадкой двустороннего диалога является Международный рыбопромышленный форум в Санкт-Петербурге, где в 2021 г. принял участие министр рыболовства Фарерских островов Якоб Вестергорд [16].

Помимо экономического взаимодействия, в последнее время расширились российско-фарерские культурные связи. В начале 2020 г. между Пушкинским районом Санкт-Петербурга и фарерским городом Клаксвик был подписан Протокол о намерениях по развитию двустороннего сотрудничества и побратимских отношений [17], что, таким образом, расширило дружественные контакты между Россией и Фарерскими островами.

Если сравнивать с другой автономной территорией Дании, Гренландией, то Фарерские острова больше преуспели в развитии двусторонних связей с Россией. По данным на 2021 г. Фарерские острова заняли первое место в рейтинге российских импортеров рыбы, тогда как Гренландия заняла второе место (15,13 и 5,29 тонн соответственно) [18]. Это связано как с географической удаленностью Гренландии от России и, в связи с этим, с осложнениями по доставке рыбной продукции в РФ, так и с более серьезным политико-экономическим присутствием на острове США, которые также, как и Дания, выступают против развития российско-гренландских связей [19]. К тому же, на гренландскую экономику значительно больше, чем на фарерскую, влияют дотационные поступления от метрополии, что усложняет возможность маневров гренландского правительства в отношении ведения сотрудничества России.

Все изменил 2022 г., когда случился общеевропейский кризис доверия к Российской Федерации, что сказалось и на экономическом сотрудничестве Фарерских островов с Россией. Поэтому за 2022 г. экспорт товаров в Россию по сравнению с 2021 г. упал 43%, составив около 1 млрд. датских крон (см. Схема 3). Это стало самым низким показателем фарерского экспорта в Россию с 2014 г.

По Схеме 3 также заметно, что экономике архипелага оперативно удалось перенаправить свою продукцию на рынок стран ЕС, тем самым показатель экспорта в ЕС в 2022 г. увеличился на 35%, составив около 5 млрд. датских крон. К тому же, возрос фарерский экспорт и на рынки США, Великобритании и Китая.

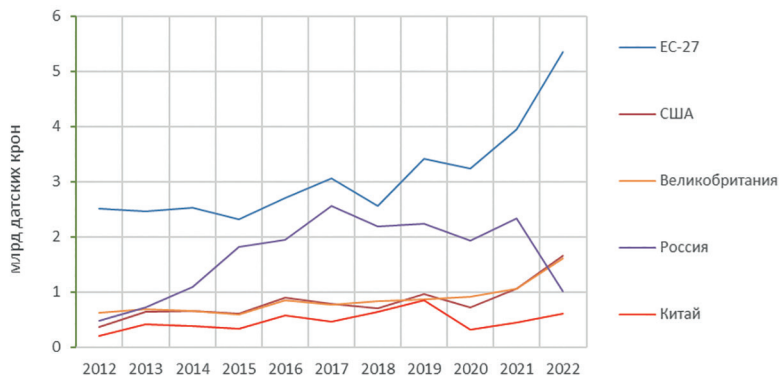

Схема 3. «Крупнейшие партнёры Фарерских островов по экспорту товаров на 2022 год» [9]

Изменился и дискурс островных властей по отношению к России. Если раньше представители власти Фарерских островов выступали с оптимистичной позиции, называя русских буквально своими «друзьями» [20, р. 6], то в феврале 2022 г. премьер-министр Фарерских островов Боардур Стайг Нильсен выступил с заявлением о том, что «Фарерские острова являются частью Запада и будут соблюдать действия и санкции, инициированные западными союзниками» [21], таким образом, высказавшись за сужение возможностей дальнейшего взаимодействия России и Фарер.

Несмотря на это, фарерским правительством в 2022 г. были введены точечные санкции, которые слабо затронули ключевую отрасль хозяйства островов — рыболовство и не ввели ограничения на экспорт в Россию. К тому же, в отличие от Гренландии, Торсхавн в конце 2022 г. продлил российско-фарерское соглаше-

ние о рыболовстве, даже несмотря на раскол политических элит по этому вопросу [22]. В результате Фарерские острова получили квоту на вылов 20 000 тонн трески и пикши в российской части Баренцева моря, а Россия получила квоту в 100 000 тонн на вылов путассу, сельди и скумбрии в акватории Фарерских островов [22]. Несмотря на это, еще весной 2022 г. с Россией отказались сотрудничать крупнейшие фарерские рыболовные компании, например, Vakkafrøst [23].

В 2022 г. министр рыболовства Фарерских островов Деннис Холм, комментируя возникшую ситуацию, выступил со следующим заявлением: «В течение 45 лет, что у нас было соглашение с Россией, 35 лет Россия участвовала в конфликтах» [22]. Таким образом, он подчеркнул, что несмотря на кризисную ситуацию на территории Украины, Фарерские острова считают важным поддерживать старые договоренности и продолжать совместную работу с российским правительством. С похожей позиции выступает нынешний премьер-министр Фарерских островов, Аксель Йоханнесен, говоря о том, что рыболовство является основой существования Фарерских островов [23], поэтому российско-фарерские связи являются важными для устойчивого экономического развития архипелага.

Заключение

С 2014 г. двумя сторонами были предприняты попытки диверсификации российско-фарерских связей, которые не были ограничены только экономической составляющей. За этот период впервые было заключено соглашение о побратимских отношениях между фарерским и российским городом, фарерские делегаты принимали активное участие на российских форумных площадках, и, наконец, в этот период было открыто представительство Фарерских островов в Москве.

Поэтому, дальнейшее укрепление российско-фарерских связей может способствовать экономическому развитию острова. К тому же, для России Фарерские острова являются возможностью диверсификации экономических связей в период международной нестабильности. Однако Фарерские острова продолжают

находится в неустойчивом положении — с одной стороны, датские и европейские власти оказывают давление на местное правительство по вопросу присоединения к санкциям против России. С другой стороны, для островной экономики экспорт товаров в Россию с середины 2010-х гг. являлся одной из важных статей дохода.

Фарерские острова как автономная единица внутри Датского Содружества не могут проводить полностью независимую от метрополии внешнюю политику как в связи с ограничениями правовыми рамками, так и в связи с давлением на правительство автономии других акторов — Дании, ЕС, Великобритании и США. Несмотря на то, что период с 2014 года дал фарерскому правительству возможность интенсифицировать свои связи с Россией, в дальнейшем предвидится медленное угасание взаимных контактов и увеличение ограничений в области торгового сотрудничества в связи с увеличением санкционного давления со стороны западных стран на РФ.

Библиография

1. *Adler-Nissen R.* The Faroe Islands: Independence dreams, globalist separatism and the Europeanization of postcolonial home rule // *Cooperation and Conflict*. 2014. Vol. 49. No. 1. P. 55–79.
2. *Adler-Nissen R, Gad U. P.* Introduction: Postimperial sovereignty games in the Nordic region // *Cooperation and Conflict*. 2014. Vol. 49. No. 1. P. 3–32.
3. *Новикова И. Н.* Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2022. № 15 (3). С. 219–242.
4. *Prinsen G.* Small, Subnational Jurisdictions. In B. Godfrey & A. Wivel eds., *Handbook on the Politics of Small States*. // Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 362–378.
5. *Foreign Policy Act of the Faroe Islands* // *Government of the Faroe Islands*. 2023. URL: <https://clck.ru/34i7E8>–10.04.2023.
6. *Assumption Act of the Faroe Islands* // *Government of the Faroe Islands*. 2023. URL: <https://clck.ru/34i7Dh> — 10.04.2023.
7. *West H.* The Faroese Sub-State Unit's Response to Arctic Political Development // *Arctic Yearbook*. 2021. P. 2–7.
8. *Herring dispute* // *European Commission*. 2014. URL: <https://clck.ru/34i7D8>–18.04.2023.
9. *Statistics Faroe Islands*. 2023. URL: <https://hagstova.fo/en> — 10.04.2023.

10. Норвежская семганебудет поставляться в РФ через Швейцарию и Тунис // ТАСС. 2014. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1387501>—19.04.2023
11. Amid Booming Fish Trade, Faroe Islands Launch Representative Office in Moscow // The Moscow Times. 2015. URL: <https://clck.ru/34i7BA> — 14.04.2023
12. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Дания и местным Правительством Фарерских островов // Официальный интернет-портал правовой информации. 2023. URL: <https://clck.ru/34i7AQ> — 10.05.2023.
13. Меморандум о взаимопонимании между ЕАЭС и Правительством Фарерских островов // ЕАЭС. 2018. URL: <https://clck.ru/34i79t> — 25.04.2023.
14. Новикова И. Н, Попов Д. И. Внешнеэкономическое сотрудничество Санкт-Петербурга с Данией в XXI веке: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. № 14(1). Р. 41–70.
15. Лес, рыба и транспорт // RBG. 2018. URL: <https://www.rbgmedia.ru/post.php?id=5417>—20.04.2023
16. Эксперты заявили о сокращении мирового спроса на свежую рыбу // ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12346773>—29.04.2023.
17. Пушкин и Клаксвик подписали соглашение о сотрудничестве // Администрация Санкт-Петербурга. 2020. URL: <https://clck.ru/34i787>—25.04.2023.
18. Fish imports in Russia in September 2021, by territory // Statista. 2021. URL: <https://clck.ru/34i77j> — 29.04.2023.
19. US to boost aid to Greenland in bid to counter Russia, China // AP. 2020. URL: <https://clck.ru/34i77G> — 10.04.2023.
20. Dali B. To Russia With Fish // Institut For Statskundskab København Universitet. 2015. URL: <https://clck.ru/34i76z> — 29.04.2023.
21. Færøerne støtter sanktioner mod Rusland // KNR. 2022. URL: <https://clck.ru/34i75c> — 29.04.2023.
22. Faroe Islands extends fisheries agreement with Russia // The Fishing Daily. 2022. URL: <https://clck.ru/34i756>—29.04.2023.
23. Белухин Н. Больше не «рыбное место»? // РСМД. 2022. URL: <https://clck.ru/34i74P> — 15.05.2023.

Давыдов Денис Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Экономические отношения Российской Федерации и датской автономии Фарерские острова в 2014–2022 гг.

**Economic Relationships between the Russian Federation and
Danish autonomy of the Faroe Islands in 2014–2022.**

Аннотация. Данная статья создана для выявления особенностей развития экономических отношений России и Фарерских островов в период с 2014 по 2022 г. Актуальность темы определяется действиями правительства датской автономии по поиску нового формата отношений о дальнейших отношениях с Россией в период глубочайшего кризиса со странами Запада и российской специальной военной операции на Украине и Донбассе. На основе анализа предпринятых шагах по сближению в указанный период, а также статистической информации, сделаны выводы о дальнейшем сотрудничестве России и Фарерских островов.

Ключевые слова: Фарерские острова, Россия, Дания, секьюритизация, малые страны, внешняя торговля.

Abstract. This article was created to identify the features of the development of economic relations between Russia and the Faroe Islands in the period from 2014 to 2022. The relevance of the topic is determined by the actions of the government of the Danish autonomy to find a new format of relations on further relations with Russia during the period of the deepest crisis with Western countries and the Russian special military operation in Ukraine and Donbass region. Based on the analysis of the steps taken for rapprochement during the specified period, as well as statistical information, conclusions were drawn about further cooperation between Russia and the Faroe Islands.

Keywords: Faroe Islands, Russia, Denmark, securitization, small states, external trade.

Введение

После введения экономических санкций Европейского Союза и Соединённых Штатов Америки в 2014 г., торговые связи России и Фарерских островов получили серьёзный импульс к развитию. Вплоть до начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г., экспорт автономии в Россию стабильно рос, за исключением 2019–2020 гг., в эти годы произошло ослабление по причине пандемии COVID-19.

В данный момент, будущее российско-фарерских связей в сфере экономики, торговли и рыболовства находится под серьёзным вопросом. Хотя юридически, действующий санкционный режим ЕС не запрещает экспорт фарерских морепродуктов в Россию, для Фарерских островов особо остро стоит вопрос сохранения выгодного для них экономического сотрудничества с Россией.

Актуальность темы данной статьи обусловлена ростом значимости торгово-экономических отношений между Россией и Фарерскими островами. Подтверждением данного тезиса является статистика официального статистического агентства автономии *Statistics Faroe Islands*, согласно которому в 2014–2018 гг. рост товарооборота составил 268% [1]. При этом, международная обстановка вносила серьёзные препятствия для дальнейшего развития связей. Конечно же, это санкции ЕС и США, которые были введены после воссоединения Крыма и Севастополя с Россией. На этом фоне, для Москвы существовала особая значимость в расширении выгодных отношений, в том числе и торгово-экономических, с теми игроками, кто не присоединился к санкционному режиму. Для Торсхавна же торговые связи с Россией были крайне важны в собственных интересах — от развития социальной сферы до вопроса достижения собственного суверенитета.

Целью данного исследования является определение потенциальных вариантов развития экономических отношений России и Фарерских островов. Для достижения данной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) Проанализировать эволюцию экономических взаимоотношений Фарерских островов с Россией в 2014 по 2022 гг., найти этапы развития эк отношений;

- 2) Использовать теории секьюритизации и малых государств для отображения датско-фарерских разногласий по вопросу торговли с Россией;
- 3) Изучить позиции основных фарерских политических партий, а также крупного бизнеса автономии, по вопросу торговли с Россией в 2022 г.

Эволюция российско-фарерских отношений в 2014–2022 гг.

После резкой эскалации т.н. «украинского кризиса» в 2013–2014 гг., вылившейся в «Евромайдан» и «Революцию достоинства», случаются два события, ставшие своеобразным Рубиконом в отношениях России и Запада — воссоединение Крыма и Севастополя с Россией в марте 2014 г. и начавшийся в апреле того же года вооруженный конфликт на Донбассе. В результате, все государства-члены Европейского Союза (включая Данию) и США вводят политико-экономические санкции против России. Однако, ни под меры Брюсселя и Вашингтона, ни под ответные действия Москвы не попали как Фарерские острова, так и другая автономия Дании — Гренландия. Причиной этого является тот факт, что Фарерские острова отказались входить в ЕЭС в 1973 г. по причине нежелания передавать рыболовную политику в руки Брюсселя, схожую позицию занимает и Гренландия [2].

Введение санкций, как ни странно, оказало крайне положительное влияние на связи России и Фарерских островов. С 2014 по 2018 гг. экспорт фарерских товаров вырос в Россию на 268% — с 1,087 млрд. датских крон в 2014 г. до 2,919 млрд. датских крон в 2018 г [1]. Более того, наметился определенный интерес к сближению к возглавляемому Россией Евразийскому экономическому союзу, состоящий из 5 стран — Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Армения. Так, руководящий орган ЕАЭС и Фарерские острова подписали Меморандум о взаимопонимании 24 августа 2018 г [3].

В ходе нашего исследования было выявлены основные причины, по которым Правительство Фарерских островов пошло на расширение торговли с Москвой:

1. Т.н. «сельдевые войны» Фарерских островов с Евросоюзом. В 2013 г., Европейский парламент ввёл эмбарго на импорт отдельных пунктов фарерского рыболовства, в основном — сельдь и скумбрия, а также, ограничив доступ рыболовных траулеров под фарерским флагом в порты государств-членов ЕС [16]. Безусловно, подобное отношение главного торгового партнёра не могло не заставить фарерцев обратить внимание на перспективное сотрудничество с Россией.
2. Положительные тенденции в социально-экономической сфере Фарерских островов после начала бурной торговли с Москвой. Так, за 8 лет население архипелага прибавило почти 8 тыс. человек (в 2014 г. — 48153, в 2022 г. — 54072). Учитывая, что до 2014 г. Фарерские острова испытывали стагнацию, а иногда и депопуляцию, выглядит логичным считать рост торговли с Россией одним из положительных факторов [17].
3. Рост одного из важнейших показателей экономики как ВВП на душу населения. По данным Всемирного банка, показатель Фарерских островов составлял \$69010, в то время как Дания недобрала почти тысячу долларов — \$68008 [18]. Невозможно игнорировать российский фактор в достижении такого рекордного для архипелага показателя, который ещё и превышает датский.

Учитывая эти причины можно предполагать, что Фарерским островам в целом было выгодно торговать с Россией, имея веские причины поддерживать крепкие связи, а не следовать воле Копенгагена.

Нынешний этап развития российско-фарерских связей начался в 2022 г., с которого видны уже не положительные, а довольно отрицательные тенденции. 24 февраля 2022 г. премьер-министр автономии Боардур а Стайг Нильсен в официальном заявлении осудил начало российской военной операции на Украине, заявив, что «это атака не только на Украину, но и на мир в Европе» [4]. Более того, крупнейшая рыболовная компания автономии, Vakkafrøst, объявила о полном прекращении экспорта в Россию с 28 февраля 2022 г. [5]

Датско-фарерское взаимодействие по поводу торговли с Россией

Как было сказано ранее, Фарерские острова имеют независимую от Брюсселя политику, но также правительство автономии, согласно Акту о самоуправлении от 23 марта 1948 г., имеет право на ведение независимой уже от Копенгагена торговой политики с другими государствами [6]. Несмотря на такую степень автономии, следует обратить внимание на попытки датского руководства или отвлечь, или помешать Фарерским островам торговать с Россией. В связи с этим, мы будем использовать две теории — секьюритизация и теория малых государств.

Секьюритизация в международных отношениях — процесс превращения государственными акторами обычных политических вопросов в вопросы «безопасности», что позволяет использовать экстраординарные средства во имя обеспечения стабильности и порядка в государстве [9, р. 25]. Вопросы, которые подпадают под процесс секьюритизации, необязательно являются такими, которые могут представлять реальную угрозы общенациональной безопасности, а скорее представляют из себя кем-то искусственно созданные и/или преувеличенные проблемы [10, р. 197–209].

Процесс секьюритизации всегда начинается с речи, касающаяся конкретной угрозы, со стороны какого-либо авторитетного национального лидера, государственного учреждения (органы законодательной и исполнительной власти государственного и регионального уровней) или партии. Данная речь ставит перед собой попытку перевести угрозу из сферы обыкновенной политики в разряд безопасности, тем самым, узаконивая чрезвычайные меры по сдерживанию этой угрозы. После этого, процесс секьюритизации должен быть принят той аудиторией, на которую была рассчитана речь об угрозах, причем реальность этой угрозы не является важным фактором [11, р. 171–201].

В случае российского влияния как на Фарерские острова, так и на Гренландию, теория секьюритизации не только может, но и должна быть применена, поскольку после воссоединения

Крыма и Севастополя с Россией весной 2014 г., российский фактор может восприниматься Данией как угроза национальной безопасности.

Кейс секьюритизации может быть рассмотрен на примере визита главы МИД Дании Ларса Лёкке Расмуссена на Фарерские острова и в Гренландию в феврале 2023 г. Расмуссен провел встречи со своими коллегами из двух автономий — главой фарерского МИДа Хёгни Хойдалом и главой гренландского МИДа Вивиан Мотцфельдт [7].

В своем пресс-релизе, распространённом среди СМИ Дании и её автономий, Расмуссен отмечает, что центральной темой переговоров как с фарерским, так и с гренландским коллегами, стали безопасность и внешняя политика; причиной такого выбора стали «события в Европе». Более того, министр подчеркивает необходимость большей работы ЕС в Арктике, поскольку «в противном случае, добровольцами будут другие». Его фарерский коллега в целом поддержал идеи Расмуссена [8].

Таким образом, в данном заявлении полностью видно применение теории секьюритизации:

1. Есть актор секьюритизации в лице Ларса Лёкке Расмуссена, главы МИД Дании;
2. Есть угроза в виде «событий в Европе», что подразумевается, как фактор России, чье влияние потенциально угрожает как Фарерским островам, так и Гренландии;
3. Есть объект секьюритизации — Фарерские острова и Гренландия, — которые нуждаются в защите со стороны Дании;
4. Есть аудитория — жители двух автономий, Фарерских островов и Гренландии, — которых министр Расмуссен пытается убедить в угрозе России.

Перейдем к следующей рассматриваемой теории — теория малых государств. Теория малых государств, или «small state diplomasy», пытается разработать стратегии для небольших государств, чтобы они могли эффективно действовать в глобальной политике и максимизировать свои интересы, учитывая ограниченные ресурсы и возможности, которыми они располагают [12, стр. 219–242]. Учитывая небольшой размер Фарерских островов,

данная теория имеет большую вероятность применения, но требует доказательной базы.

В случае с Фарерскими островами теория малых государств может быть использована благодаря рыболовству, которое крайне развито у данной автономии. Фарерские острова участвуют в работе Организации по рыболовству в Северо-Западной Атлантике (англ. *Northwest Atlantic Fisheries Organization — NAFO*), Комиссии по рыболовству в Северо-Восточной Атлантике (англ. *North-East Atlantic Fisheries Commission — NEAFC*), Организации по сохранению североатлантического лосося (англ. *North Atlantic Salmon Conservation Organization — NASCO*) и Комиссии по морским млекопитающим Северной Атлантики (англ. *North Atlantic Marine Mammal Commission — NAMMCO*) [13]. Более того, Фарерские острова были приняты как ассоциированный член в две организации, входящие в «семью ООН» — Продовольственную и сельскохозяйственную организацию (ФАО, англ. *Food and Agricultural Organization — FAO*) и Международную морскую организацию (ИМО, англ. *International Maritime Organization — IMO*) [14], что подчеркивает важность их рыболовной политики для международного сообщества.

В апреле 2023 г. фарерское издание *Kringvarp Føroya* выпустило статью о видении Данией российско-фарерских отношений. Так, были приведены слова ранее упомянутого главы датского МИД Ларса Лёкке Расмуссена, который подтверждает, что «Дания не будет стоять на пути, если Фарерские острова захотят продолжить торговлю с Россией, но есть определенные соображения, которые не были учтены должным образом» [15]. Подобная позиция Дании, выраженная в лице министра иностранных дел, может говорить только об одном — государство уважает право своей автономии на торговлю,

Подводя итог, можно точно утверждать, что Фарерские острова проводят относительно независимую внешнеэкономическую и торговую политику от Дании, хотя заметны противоречивые попытки Копенгагена как уважать право Фарерских островов на торговлю с Россией, так и не допускать слишком активное развитие отношений Москвы и Торсхавна.

Позиции политических партий Фарерских островов по вопросу торговли с Россией в 2022 г.

Фарерские острова имеют свой собственный законодательный орган, известный как Лёгтинг (фар. *Løgting*, дат. *Lagtinget*), в котором представлены шесть партий — входящие в правящую коалицию Социал-демократическая партия, «Республика» и «Прогресс»; оппозиционные Партия Союза, Народная партия и Партия Центра.

Начало российской СВО стало поводом для отказа отношений с Россией, но, по мнению гренландского издания *Sermitsiaq*, предпосылкой можно считать и начало в конце сентября 2022 г. частичной мобилизации в России. Так, издание приводит позиции политиков Фарерских островов, так и шести ранее упомянутых партий.

Глава Партии Центра Йенис ав Рана, бывший главой МИД автономии, выступил за прекращение всех контактов с Россией. Лидер социал-демократов, Аксель Йоханнсен, поддерживает позицию остановки сотрудничества с Москвой — партия считает аморальным саму мысль о продлении российско-фарерских рыболовных квот. Партия «Республика», выступающая за независимость архипелага, имеет примерно сходную позицию, как и другие партии, хотя считает необходимым солидарность всего Североатлантического региона в этом вопросе. Партия Союза в лице бывшего до декабря 2022 г. премьер-министра Боардура а Стайг Нильсена призвала все партии Лёгтинга собраться вместе для обсуждения вопроса по торговле с Россией

В качестве общего мнения всех партий, приведенного в статье, можно выделить требования рассчитать потенциальный ущерб экономике Фарерских островов в случае прекращения связей с Россией [19].

Несмотря на такую общую позицию партий, которые согласились на сокращение торговли с Россией, в конце ноября 2022 г. Правительство Фарерских островов сообщило о продлении двухсторонних квот по рыболовству. В официальном заявлении указано, что «соглашение на 2023 год включает необходимые корректировки соглашения на 2022 год с учетом сокращения общего допустимого улова трески в Баренцевом море, что приведет к со-

кращению квот с обеих сторон». Также, в данном заявлении, правительство Фарерских островов подчёркивает, что его решение о продлении квот никак не повлияет на позицию по отношению к российской военной операции на Украине и продолжит «принимать необходимые меры по обеспечению эффективных санкций против России» [20].

Вывод

Всесторонне изучив как политико-экономическую составляющую, так и исторические тенденции развития отношений, мы пришли к выводу, что Фарерские острова, безусловно, будут менять подход к торговле с Россией. На данный момент, мы можем предположить наличие трёх вариантов развития российско-фарерских связей: полная остановка двухсторонней торговли, что может привести к сильнейшему удару по фарерской экономике; сохранение связей, что неминуемо вызовет давление со стороны Дании, Европейского Союза и США, и ограничение и минимизация связей с Россией, что приведёт к сокращению бюджета. С большой вероятностью, правительству автономии придется выбирать «наименьшее из зол» для Фарерских островов, а именно сокращать торговые отношения с Россией, но не отказываться от них полностью. При исследовании темы были использованы теории секьюритизации и малых государств, что доказало значимую роль Фарерских островов и отобразило попытки Дании «оберегать» свою автономию, не учитывая её интересы. Таким образом, было доказано, что российско-фарерские отношения, набравшие хороший темп роста в 2014–2021 гг., с большой вероятностью не смогут восстановиться в связи с общим ухудшением отношений России и Запада.

Библиография

1. UH01060 Exports of goods by country of final destination (1988–2022). // Statistics Faroe Islands. URL: https://statbank.hagstova.fo/pxweb/en/H2/H2__UH__UH01/uh_utlond.px/table/tableViewLayout2/?rxid=84e5f2ec-f7f8-454d-87cc-452a5cad5ae7-09/04/2023.

2. Lawrence C. Hamilton, Chris R. Colocousis, Sámal T. F. Johansen. Migration from Resource Depletion: The Case of the Faroe Islands. *Society & Natural Resources*. 17 (5): 443–453. <https://doi.org/10.1080%2F08941920490430232>
3. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Фарерских островов. // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01518740/ms_06092018-10.04.2023.
4. The Faroese government condemns the Russian attack on Ukraine. // The Government of the Faroe Islands. URL: <https://www.government.fo/en/news/news/the-faroese-government-condemns-the-russian-attack-on-ukraine/> — 10.04.2023
5. Jørgen Rudbeck. Bakkafrost stopper eksport til Rusland. // Føderewatch. URL: https://fodevarewatch.dk/Landbrug_Fiskeri/article13779981.ece — 21.04.2023
6. Home Rule Act of the Faroe Islands. // The Government of the Faroe Islands. URL: <https://www.government.fo/en/the-government/the-home-rule-act/> — 30.04.2023
7. Astri Edvardsen. Denmark Wants to Strengthen Foreign and Security Policy Cooperation With Greenland and the Faroe Islands. // High North News. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/denmark-wants-strengthen-foreign-and-security-policy-cooperation-greenland-and-faroe-islands> — 30.04.2023
8. Lars Løkke Rasmussen på første besøg til Grønland som udenrigsminister. // Danmarks Udenrigsministeriet. URL: <https://via.ritzau.dk/embedded/release/lars-lokke-rasmussen-pa-forste-besog-til-gronland-som-udenrigsminister?publisherId=2012662&releaseId=13670249&lang=da> — 30.04.2023
9. Barry Buzan, Ole Wæver, Jaap de Wilde. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. Стр. 25.
10. Giovanni Arcudi. La sécurité entre permanence et changement. // *Relationes Internationales*. 125 (1). 2006. Стр. 97–109.
11. Thierry Balzacq. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*. 11(2). 2005. Стр. 171–201. URL: <https://doi.org/10.1177%2F1354066105052960-30.04.2023>
12. Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 219–242. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301-30.04.2023>
13. International Cooperation. // *Faroese Sea Food*. URL: <https://www.faroese seafood.com/fishery-aquaculture/international-cooperation/> — 30.04.2023
14. Oceans, Fisheries and Maritime Affairs. // The Government of the Faroe Islands. URL: <https://www.government.fo/en/foreign-relations/oceans-fisheries-and-maritime-affairs/> — 30.04.2023

15. Krista Johnsdóttir Kreutzmann. Denmark's view on Faroese trade with Russia. // Kringvarp Føroya, URL: <https://kvf.fo/greinar/2023/04/14/denmarks-view-faroese-trade-russia> — 30.04.2023
16. Faroe Islands condemn EU ban on herring and mackerel exports. // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2013/aug/21/faroe-islands-eu-ban-herring-mackerel> — 01.05.2023
17. Population. // Statistics Faroe Islands. URL: <https://hagstova.fo/en/population/population/population> — 28.04.2023
18. GDP per capita (current US\$). // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true — 28.04.2023
19. Kaj Joensen. Færøske partier presser på for at afbryde fiskerisamarbejdet med Rusland. // Sermitsiaq. URL: <https://sermitsiaq.ag/faeroeske-partier-presser-afbryde-fiskerisamarbejdet-rusland> — 05.05.2023
20. *The Faroe Islands and Russia have renewed the bilateral fisheries agreement for 2023.* // *The Government of the Faroe Islands.* URL: <https://www.government.fo/en/news/news/the-faroe-islands-and-russia-have-renewed-the-bilateral-fisheries-agreement-for-2023/> — 05.05.2023

Карпушева Виктория Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

Фактор России в финско-шведском сотрудничестве в области безопасности в 2014–2023 гг.

The Russian factor in Finnish-Swedish security cooperation
in 2014–2023

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка определить значение фактора Российской Федерации на финско-шведское сотрудничество в области безопасности после 2014 года. Для достижения данной цели были рассмотрены предпосылки сотрудничества Хельсинки и Стокгольма, основные документы и события, характеризующие данный период, и роль секьюритизации России в данном сотрудничестве. В ходе исследования было установлено, что Россия является движущей силой, которая мотивировала зарождение данного сотрудничества и качественно его изменяла с течением времени, а также были выделены характерные черты двух основных этапов данного сотрудничества.

Ключевые слова: финско-шведское сотрудничество, политика безопасности, секьюритизация, Россия, НАТО

Abstract. This article aims at defining the influence of the Russian Federation on Finnish-Swedish security cooperation after 2014. To achieve this goal, the background of Helsinki and Stockholm cooperation, the main documents and events characterizing this period, and Russia's securitization role in this cooperation were examined. The study identified Russia as the driving force that motivated the emergence of this cooperation and changed it qualitatively over time, and highlighted the characteristics of the two main phases of this cooperation.

Keywords: Finnish-Swedish cooperation, security policy, securitization, Russia, NATO

Введение

Меняющаяся внешнеполитическая обстановка вынуждает государства искать новые пути обеспечения безопасности как на национальном, так и на региональном и мировом уровнях. Украинский кризис, разразившийся в 2014 году, сыграл главенствующую роль в дестабилизации обстановки в Европе и пересмотре государствами своей политики безопасности. Не стали исключением и страны Северной Европы, традиционно придерживавшиеся политики нейтралитета и неприсоединения, — Финляндия и Швеция. События 2014 года подвели черту в намечавшемся разладе в отношениях России с данными странами, что привело к укреплению межправительственного сотрудничества между Хельсинки и Стокгольмом в области обеспечения безопасности. Нельзя не отметить, что билатеральное сотрудничество является лишь одним из множества способов поддержания безопасности наряду с многосторонними соглашениями, вступлением в оборонные организации и др. Однако статус нейтральной страны накладывает определенные ограничения на военную деятельность подобного государства, если оно желает сохранить за собой этот статус. Швеция и Финляндия неоднократно сталкивались с определенной дилеммой — выбором между принятием необходимых мер по обеспечению безопасности и сохранением внеблокового статуса государства. Непрерывающиеся дебаты по данной теме, тем не менее, говорят о несостоятельности попытки удержаться в обоих положениях равноценно. Действия России на мировой арене лишь обострили данную тему в общественном поле Швеции и Финляндии, запустив процесс поиска альтернатив.

Исходя из этого, изучение фактора России в сотрудничестве Финляндии и Швеции по вопросам безопасности в 2014–2023 гг. является актуальным с точки зрения понимания оснований внешнеполитических решений Финляндии и Швеции в отношении России и их собственных политик безопасности. Более того, актуальность темы обусловлена непосредственным изменением ландшафта безопасности как в регионе Балтийского моря, так и на глобальном уровне. В контексте новизны исследования необходимо отметить вклад зарубежных ученых, например, Ульрики

Мёллер [1], Анны Висландер [2/12] и Дугласа Броммессона [3/17], исследовавших шведскую политику безопасности и взаимоотношения страны с Россией и Финляндией. В российской науке о международных отношениях вопросу влияния России на оборонное сотрудничество Финляндии и Швеции, несмотря на разработанность темы политики безопасности данных стран, не уделено достаточно внимания, особенно в контексте секьюритизации присутствия России в регионе.

Таким образом, целью данного исследования является определение влияния фактора Российской Федерации на финско-шведское сотрудничество в рамках безопасности с 2014 по 2023 гг. Для достижения данной цели необходимо: 1) определить предпосылки сотрудничества, сложившиеся до 2014 года; 2) обозначить основные соглашения и действия, предпринятые Хельсинки и Стокгольмом для укрепления сотрудничества и обеспечения безопасности; 3) оценить влияние России на финско-шведское сотрудничество в области безопасности в указанном периоде через призму секьюритизации.

Предпосылки сотрудничества в области безопасности

Швеция и Финляндия имели и до сих пор имеют тесные связи в различных сферах, начиная от культуры и заканчивая безопасностью. Говоря о сотрудничестве этих стран в области безопасности, необходимо отметить, что наращивание сотрудничества с 2014 по 2023 гг. не было спровоцировано импульсивным решением обоих правительств, в основе его лежал последовательный диалог. Но почему из всех стран Северной Европы наиболее продуктивную коммуникацию по данному вопросу смогли выстроить именно Финляндия и Швеция? Совместная адаптация рассматриваемых стран к изменениям в расстановке сил в регионе имела под собой несколько обоснований.

Во-первых, в период Холодной войны Норвегия, Исландия и Дания присоединились к НАТО с момента создания альянса в 1949 году, в то время как Финляндия и Швеция не являлись членами военных объединений и номинально удерживались в рамках внеблокового курса, несмотря на склонение в пользу одного

или другого полюса. Тем не менее, после окончания Холодной войны обе страны должны были переосмыслить свое положение в мире, что запустило постепенную трансформацию на данном треке. Так, У. Мёллер отмечает, что для Хельсинки дебаты о вступлении в НАТО до 2008 года были вопросом национальной безопасности и потенциальной реакции Москвы, в то время как в Стокгольме речь шла о «нормативном» измерении — трактовке неприсоединения как политической пассивности или выражения независимости Швеции как нации [1]. Однако НАТО не выступало как панацея для решения вопроса безопасности по сути своей, так как было слишком радикальным решением для имевшихся условий. Именно поэтому в обеих странах сложилось стремление развивать двусторонние и многосторонние соглашения.

Во-вторых, на момент 2014 года в Хельсинки и Стокгольме уже назвали опасения в отношении внешнеполитического курса РФ. Например, события в Грузии в 2008 году вызвали примечательный для этих стран рост заинтересованности вступления в НАТО. Опросы за 2008 год показали 24% поддерживающих в Швеции и 31% — в Финляндии соответственно [1], что в среднем почти вдвое больше, чем в прошлые годы. Также кризис в отношениях Грузии и России (а соответственно и рост настороженности в отношении России) стал одной из предпосылок для формирования в 2009 году организации Северного оборонного сотрудничества — NORDEFCO, которое было призвано повысить национальную безопасность Северных стран и обеспечить повышение уровня качества и совместимости в ряде военных структур этих стран. Еще одно примечательное событие — военные учения российских ВВС в марте 2013. Шведской стороной отмечается, что 29 марта 2013 года российские самолеты подошли вплотную к границе Швеции с целью отработки возможных ударов по Стокгольму [4]. В рамках учений были задействованы два ракетно-бомбардировщика — Ту-22М3, способные транспортировать ядерные боеголовки, что вызвало крайнюю обеспокоенность Швеции и было воспринято как акт запугивания. В 2016 году, в свою очередь, Йенс Столтенберг в своем ежегодном докладе НАТО подтвердил происшествие и отметил, что темпы военных учений России стали интенсивнее, чем в период Холодной

войны [5]. Это демонстрирует рост политической напряженности в регионе, что стимулирует Швецию и Финляндию активно искать выходы из сложившейся ситуации.

В-третьих, из всех стран Северной Европы географическое положение Финляндии и Швеции — наиболее близкое к России, что без сомнения актуализирует для обеих стран угрозы и вызовы в отношениях с Москвой и требует непосредственного диалога для урегулирования вопросов безопасности в регионе Балтийского моря. Стокгольм и Хельсинки солидаризируются по вопросу безопасности, в контексте сотрудничества Швеция выступает скорее «старшим партнером», так как Финляндия обладает меньшим военно-промышленным комплексом и более близким расположением к России, чем Швеция, что делает ее более уязвимой, поэтому для Швеции открывается окно возможностей с точки зрения оказания поддержки Финляндии и укрепления собственного положения в регионе.

Предполагается, что перечисленные выше предпосылки сотрудничества не носят исчерпывающий характер, но являются основой как в сугубо практическом, так и в ценностном смысле для построения дальнейшей политики безопасности обеих стран в указанный период.

Основные вехи сотрудничества Швеции и Финляндии

Обращаясь непосредственно к документам, регулирующим сотрудничество Хельсинки и Стокгольма в области безопасности, нужно отметить, что даже в отчетах финского Правительства Швеция позиционируется как «ближайший двусторонний партнер» [6], что говорит о серьезности всех намерений выстроить качественное сотрудничество в чувствительной сфере. Присоединение Крыма к России в марте 2014 было не признано и осуждено обеими странами и, более того, вызвало незамедлительную ответную реакцию. Уже 6 мая 2014 года Швеция и Финляндия подписали план действий по углублению сотрудничества в области обороны. Предполагалось, что «акцент следует делать на долгосрочной перспективе и на областях сотрудничества с потенциалом существенного увеличения взаимного опера-

ционного эффекта» [7]. Исходя из этого, можно предположить, что оба Правительства не ожидали снижения общей напряженности в потенциальном будущем, что простимулировало попытку обеспечить превентивную защиту в случае прямой угрозы со стороны России. Вслед за Планом действий в 2015 году был выпущен совместный отчет Сил обороны Швеции и Финляндии, представлявший идеи совместного использования военно-морских баз, взаимной поддержки и частичной интеграции военно-воздушных сил, а также разработки объединенной структуры финско-шведских бригад [8]. Однако важно учитывать и трудности, которые влекут за собой подобные амбициозные проекты: необходим должный уровень сочетаемости правовых механизмов, организации военных структур и их подготовленности, не говоря уже о разнице в объеме материальных и человеческих ресурсов. Также необходимо отметить, что объединенные подразделения, например, The Swedish-Finnish Naval Task Group, должны были использоваться для участия в международных операциях кризисного регулирования, совместных учений и, в случае упомянутого SFNTG, осуществления морского наблюдения. Учитывая готовность Швеции и Финляндии предоставлять свои подразделения Силам быстрого реагирования НАТО [8], встает закономерный вопрос — противодействие каким в таком случае потенциальным силам хотели продемонстрировать Швеция и Финляндия? Принимая во внимание контекст подписания и разработки данного Плана, становится очевидно, что речь шла не об общей безопасности обоих государств в контексте неприсоединения, а об усилении противоречий с Россией и продолжающимся смещением маятника Хельсинки и Стокгольма в сторону НАТО.

С того момента Швеция и Финляндия неоднократно подписывали новые соглашения по вопросам безопасности, среди которых Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области обороны (2018 г.), Меморандум о взаимопонимании относительно предоставления поддержки принимающей страной военной деятельности (2022 г.). Обращаясь к Меморандуму 2018 года, необходимо отметить, что число сфер сотрудничества было значительно расширено по сравнению с Отчетом 2015 года, а также в дискурсе появляются «общие геостратегические интересы» [9]

обеих стран, которые заключаются в необходимости обеспечить стабильность в Европе и регионе Балтийского моря. В июне 2022 был подписан Меморандум, фактически определявший отношения между принимающей стороной и стороной, размещающей военные силы на ее территории. Во многом данный документ отсылается на подобное соглашение между НАТО и членами программы «Партнерство во имя мира». Предполагается, что представленное соглашение могло быть мотивировано значительным ухудшением отношений с Россией в результате начала СВО в феврале 2022 года, которое стимулировало Швецию и Финляндию институционализировать окончательно возможность использования сил в случае угрозы.

Одним из центральных событий сотрудничества Швеции и Финляндии стала совместная заявка о вступлении в НАТО в мае 2022 года. Однако совместное вступление обеих стран в Североатлантический альянс встретило серьезные препятствия, значительную роль в этом сыграли разногласия Швеции и Турции по вопросам Рабочей партии Курдистана и религиозных провокаций, имевших место в Швеции в январе 2023 года [10].

Примечательно, что изначально Финляндия строго придерживалась курса по поддержке Швеции по разрешению вопросов с Турцией, что подтверждалось публичными выступлениями финского руководства. Так, например, Президент Финляндии Саули Ниинистё в июне 2022 года заявил: «Я говорю, что шведское дело — наше. Это означает, что мы будем идти вперед рука об руку» [11]. К февралю 2023 года позиция Финляндии значительно смягчается, и Ниинистё уже значительно скромнее заявляет, что «Финляндия хочет вступить в НАТО рука об руку со Швецией» [12], однако становилось очевидно, что подобный вариант все более сложен для осуществления. Затянувшееся вступление в НАТО вызвало сдвиг в общественном мнении, которое склонилось в пользу безотлагательного самостоятельного вхождения в Альянс без Швеции [10]. Таким образом, трудности, возникшие с момента подачи заявки, внесли существенные изменения во внешнюю идилию сотрудничества Швеции и Финляндии по вопросам безопасности, и в апреле 2023 года Финляндия в одиночном порядке стала 31-м членом НАТО.

Следом за вступлением Финляндии в НАТО, в апреле-мае 2023 года состоялись шведские оборонительные учения *Auroga 23*, в которых приняли участия представители ряда стран, в том числе Финляндии. Данные учения стали крупнейшими в Швеции более чем за 30 лет, проводившимися в воздухе, на земле и на море, а также задействовали все виды войск [13]. Несмотря на то, что после вступления в НАТО Финляндии, Швеция оказалась окружена странами Альянса, и это могло бы в некоторой степени сбавить градус напряжения в стране в контексте угроз безопасности, на практике опасения Стокгольма не исчезли. Во многом данные учения можно расценивать как показательную демонстрацию силы и подготовленности шведских войск как для мирового сообщества, так и для шведского населения. Финские подразделения в составе около тысячи человек суммарно от всех родов войск также активно принимали участие. Говоря о совместных действиях в рамках *Auroga 23*, необходимо отметить, что это первый раз, когда финские подразделения противовоздушной обороны принимали участие в учениях на территории Швеции [14]. Как Стокгольм, так и Хельсинки рассматривали *Auroga 23* как возможность более точно отработать и улучшить кооперацию военных сил обеих стран, а также подготовить почву для будущих учений [15]. Увеличивающийся масштаб и число проводимых и последующих учений в регионе говорят о не снижающемся напряжении, и, вероятно, в ближайшей перспективе говорить об разрядении обстановки не придется.

Секьюритизация России в контексте безопасности

Согласно Копенгагенской школе и ее теории секьюритизации [16], можно выделить определенные характерные черты в том, как Россия влияла и влияет на сотрудничество Швеции и Финляндии по вопросам безопасности.

Во-первых, объектом секьюритизации будет выступать национальная безопасность Финляндии и Швеции как независимых государств, понимание которых в отношении России трансформировалось от «трудного партнера» к «главной угрозе безопасности» с 2014 года [2]. Во многом данное изменение вызвано внеш-

неполитическим курсом России, который не нашел поддержки в политических кругах заявленных стран.

Во-вторых, Россия секьюритизируется этими странами как угроза стабильности в регионе, что прослеживается в высказываниях как на государственном, так и на общественном уровне. Одним из самых скандальных высказываний против России в данном периоде стал ответ С. Ниинистё в мае 2022 года на вопрос о потенциальной подаче заявки в НАТО: «Мой ответ [России] — вы сами это вызвали, посмотрите в зеркало» [17]. Нужно отметить, что и в Швеции, и в Финляндии соотношение ощущения стабильности от действий России и стремления вступить в НАТО обратно пропорциональны, что значит, что, чем меньше уверенности в России, тем больше в общественной сознании фигурирует мысль о вступлении в НАТО. При сравнении данных опросов о потенциальном присоединении к Альянсу за 2014 и 2022 гг. можно отметить рост поддерживающих вступление почти в два раза: в Швеции с 28% в 2014 году до 58% в мае 2022 [17], и в Финляндии — около 25% и 60% соответственно [19]. Данная статистика сигнализирует о том, что в представлении общественности и политических элит Швеции и Финляндии закрепился нарратив об угрозе со стороны России. Совместное Заявление о намерениях Швеции и Финляндии от января 2023 года, в котором Россия открыто обвиняется в «неспровоцированной агрессии» [20], также является примечательным, так как из упомянутых ранее документов этот — первый, который в рамках соглашений Хельсинки и Стокгольма открыто упоминает Россию и ее внешнеполитический курс и имеет открыто негативную коннотацию.

В-третьих, меры, принимаемые Финляндией и Швецией для обеспечения стабильности и безопасности и снижения угрозы, трансформировались с 2014 по 2022 гг. Если в начале указанного периода обе страны выбирают «третий путь» [3], который представлен альтернативой вступлению в НАТО и политике неприсоединения и представляет собой особые партнерские отношения по обеспечению национальной и региональной безопасности, то в 2022 году данная риторика себя исчерпывает и позиция обеих стран перемещается в русло вступления в НАТО. Трудности, возникшие в результате рассмотрения заявки на вступление обеих

стран в НАТО, также вызывают интерес, так как ценностный аспект партнерских взаимоотношений Финляндии и Швеции утратил свою первоначальную силу. Сотрудничество и партнерство оказались менее прочными в момент кризиса: предполагаемая угроза со стороны России стала для Финляндии более сильным фактором, чем предыдущие соглашения со Швецией, чем может объясняться отказ Финляндии от совместного вступления в Альянс, чтобы ускорить единоличное присоединение.

Заключение

В результате исследования было определено, что Российская Федерация оказывает прямое влияние на формирование политик безопасности Финляндии и Швеции и их сотрудничества по данному вопросу, и, более того, секьюритизируется представленными странами. Начиная с 2014 года, Москва рассматривается ими как «главная проблема безопасности», требующая совместных усилий и укрепления сотрудничества.

Говоря о трансформации кооперации и роли России в данном вопросе, необходимо отметить два качественно разных этапа сотрудничества в периоде 2014–2023 гг. Первый этап с 2014 по февраль 2022 года характеризовался озабоченностью по большей мере политических элит, чем общественности, а также на протяжении этого времени страны придерживались внеблокового курса осуществления политики безопасности путем укрепления двусторонних и многосторонних соглашений как реакции на угрозу, при этом поддерживая отношения с Россией с целью «усмирения» восточного соседа.

Второй этап начался в феврале 2022 и продолжается и сейчас. Россия стала катализатором открытого изменения внешнеполитического курса Швеции и Финляндии, которые отказались от идей неприсоединения и подали совместную заявку на вступление в Североатлантический альянс. Более того, в рамках данного этапа Хельсинки и Стокгольм уже не готовы к конструктивному диалогу с Россией и стремительно радикализируются в отношении нее. Однако, разногласия, возникшие с Турцией по вопросу вступления обеих стран в НАТО, внесли изменения в единство

стран в отношении политики безопасности. Если солидарность и сотрудничество раньше играли первостепенную роль, то теперь можно сделать вывод о том, что приоритетом для Финляндии является противодействие угрозе и скорейшее вступление в Альянс, а не содействие своему партнеру. Видимая Финляндией угроза со стороны России представляется важнее предыдущих соглашений.

В целом, можно сделать общий вывод, что меры, используемые Финляндией и Швецией для противодействия «угрозе России», сменились от неприсоединения в целях сохранения стабильности в отношениях со своим восточным соседом к радикальной смене курса в пользу вступления в НАТО, что говорит о ключевом значении действий России как движущей силы изменений политики безопасности обеих стран в представленный период.

Библиография

1. *Möller U., Bjereld U.* From Nordic neutrals to post-neutral Europeans: Differences in Finnish and Swedish policy transformation // *Cooperation and Conflict*. 2010. Vol.45. No. 4. P. 363–386.
2. *Wieslander A.* “The Hultqvist doctrine” — Swedish security and defence policy after the Russian annexation of Crimea // *Defence Studies*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 35–59.
3. *Sweden’s Foreign and Security Policy in a Time of Flux* // The Swedish Institute of International Affairs. 2022. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2022/ui-brief-no.-7-2022.pdf> — 18.03.23
4. *The Local: Шведские BBC проспали удар русских по Стокгольму* // RT на русском. 2013. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2013-04-22/The-Local-SHvedskie-VVS-prospali> — 20.05.23
5. *Secretary General’s Annual Report 2015* // NATO. 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_127529.htm — 20.05.23
6. *Government report on changes in the security environment* // Finnish Government. 2022. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/164002/VN_2022_20.pdf — 20.05.23
7. *Action plan for deepened defence cooperation between Sweden and Finland* // Ministry of Defence. 2014. URL: https://www.defmin.fi/files/2833/ACTION_PLAN_FOR_DEEPENED_DEFENCE_COOPERATION_BETWEEN_SWEDEN_AND_FINLAND.pdf — 21.05.23
8. *Final reports on deepened defence cooperation between Finland and Sweden* // Ministry of Defence. 2015. URL: <https://www.defmin.fi/>

- files/3074/Final_reports_on_deepened_defence_cooperation_between_Finland_and_Sweden.pdf — 21.05.23
9. Memorandum of Understanding between Finland and Sweden on Defence Cooperation // Ministry of Defence. 2018. URL: https://www.defmin.fi/files/4314/FISE_MoU_FINAL.pdf — 21.05.23
 10. Плевако Н. С. Безопасность Швеции и НАТО: дорога с препятствиями // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 1. С. 26–35.
 11. Финляндия исключила членство в НАТО без Швеции // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/06/2022/62a600f89a79472584e23d62>—21.05.23
 12. Ниинисте подтвердил желание Финляндии вступить в НАТО вместе со Швецией // РИА Новости. 2023. URL: <https://ria.ru/20230222/nato-1853835112.html> — 21.05.23
 13. DEFENCE EXERCISE AURORA 23 // Swedish Armed Forces. 2023. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/aurora-23/> — 12.06.23
 14. First joint exercise with the Finnish air defence in years // Swedish Armed Forces. 2023. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/news/2023/05/first-joint-exercise-with-the-finnish-air-defence-in-years/> — 12.06.23
 15. Exercise Aurora 23 Preparedness to Defend the Baltic Sea Region // Defence-Aerospace. 2023. URL: <https://www.defense-aerospace.com/exercise-aurora-23-tested-preparedness-to-defend-baltic-sea-region/> — 12.06.23
 16. *Buzan B. Wæver*, O. Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
 17. “Look in the mirror”, Niinistö tells Russia as Finland and UK make joint security declaration // Yle. 2022. URL: <https://yle.fi/a/3-12441348>— 21.05.23
 18. Do you think Sweden should join the military alliance NATO? // Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/660842/survey-on-perception-of-nato-membership-in-sweden/> — 21.05.23
 19. *Haavisto I.* At NATO’s Door // EVA Analysis. 2022. No. 104
 20. Statement of Intent between Finland and Sweden on support for Ukraine // Ministry of Defence. 2023. URL: https://www.defmin.fi/files/5623/FISE_SOI_20_01_23.pdf — 20.05.23

Козлова Кристина Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Роль языковой политики как части интеграционной политики Королевства Швеция и Российской Федерации

The role of language policy as part of integration policy of the Kingdom of Sweden and the Russian Federation

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка установить роль языковой политики как составной части интеграционной политики Королевства Швеция и Российской Федерации. Статья направлена на изучение инициатив, проводимых обеими государствами в рамках осуществления языковой политики, для дальнейшего сравнения подходов и определения перспектив развития. В ходе исследования были выявлены недостатки и преимущества языковых политик Швеции и России. Полученные данные позволили сделать вывод, что многие эффективные шведские практики могли бы быть успешно интегрированы в российскую интеграционную политику, а также разработать некоторые рекомендации по улучшению и углублению интеграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционный кризис, интеграционная политика, языковая политика, политика Российской Федерации, политика Королевства Швеция.

Abstract. This article attempts to establish the role of language policy as an integral part of the integration policies of the Kingdom of Sweden and the Russian Federation. The article aims at examining the initiatives undertaken by both states in the implementation of language policy in order to further compare approaches and identify perspectives for development. The study reveals that language integration is a priority for Swedish policy, which is not the case for the role of language policy in Russian integration policy. The findings led to the conclusion that many effective Swedish practices could be successfully integrated into Russian integration policies.

Keywords: migration policy, migration crisis, integration policy, language policy, Russian Federation policy, Kingdom of Sweden policy.

Введение

В условиях современных глобализационных и миграционных процессов в Европе проблема интеграции мигрантов в общество принимающей страны приобретает первостепенное значение. Одним из ключевых аспектов осуществления интеграционной политики является обучение мигрантов «второму языку», то есть национальному языку принимающей страны, который не является родным для мигранта. Выбор государств, заявленных в теме, не является случайным. Последствиями проведения недостаточно эффективной интеграционной языковой политики становится рост ксенофобских настроений со стороны местного населения принимающей страны из-за незнания мигрантами второго языка, что также наблюдается и в Швеции, и в России. В настоящее время обе страны ежегодно сталкиваются с большим числом новых политических и экономических мигрантов, а это означает, что отрицание значимости и важности языковой интеграционной политики не представляется возможным.

Швеция долгое время выстраивала вокруг себя образ «государства всеобщего благосостояния», выступала в роли «moral power» («моральная сила»), что и являлось первопричиной проводимой правительством либеральной миграционной политики. Миграционную политику современной Швеции нельзя назвать либеральной, так как с приходом к власти Умеренной коалиционной партии был взят курс на ее ужесточение, намечена тенденция на введение более строгих требований к изучению шведского языка для мигрантов, так как для нынешнего правительства шведский язык выступает в роли ключа к успешной интеграции в общество, а также возможности создать лучшую жизнь в его рамках».

В последние годы риторика российского правительства по вопросу интеграции мигрантов в общество претерпевает изменения. Согласно официальным источникам, правительство на-

целено на углубление интеграции и расширению перечня инициатив по языковой интеграции мигрантов, что также считается одним из приоритетных направлений. На данный момент в России существует небольшое число инициатив, направленных на обучение мигрантов русскому языку, большая часть которых не финансируется государством. Должно быть, дополнения президента РФ к Концепции миграционной политики России, о которых стало известно в мае 2023 года, поспособствуют разработке государственных образовательных программ, как это принято в Швеции, для дальнейшего укрепления статуса национального языка.

Это указывает на то, что Российская Федерация, помимо осуществления собственной политики и следования своему индивидуальному курсу, может позаимствовать ряд шведских практик для выработки совершенно новой модели интеграции. Шведские политики утверждают, что политика интеграции в их стране провалилась [1], однако автор убежден, что шведский подход к интеграции мигрантов в общество является более эффективным нежели российский.

Для выявления роли языковой политики в интеграционной политике Швеции и России были поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть языковую интеграционную политику в России и Швеции;
2. сравнить опыт обеих стран для выявления наиболее эффективных практик проведения данной политики;
3. определить перспективы развития и заимствования эффективных инициатив.

Основным критерием сравнения языковых политик обеих стран является существование и проведение государственных образовательных программ по изучению шведского языка, а также существование частных инициатив, направленных на преодоление лингвистической проблемы. По мнению автора, данный критерий является ключевым для определения значимости языковой политики в том или ином государстве. В данном контексте особый интерес представляют именно государственные образовательные программы. О действительной эффективности такой программы может говорить ее обязательный характер прохождения для всех мигрантов, государственное финансирование, бесплатное обучение и проч.

Теоретическая рамка исследования

На современном этапе существует множество вариантов трактовки понятия «интеграция», употребляемых в контексте проведения миграционной политики. В сборнике «Адаптация и интеграция мигрантов», выпущенном в Санкт-Петербурге в 2018 году БФ «ПСП-Фонд» [2], дается точное определение интеграции: интеграция — это процесс включения иностранного гражданина или лица без гражданства в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве его полноправного и постоянного члена.

Для решения поставленных задач автор опирается на теорию социальной адаптации и культурной интеграции, которая рассматривает интеграцию как «ролевую концепцию» (процесс вхождения человека в социальную роль), «гуманитарную концепцию» (комплексное взаимодействие человека и социальной среды) и «бихевиоризм» (ответные реакции человека на стимулирующее воздействие среды). Социокультурная адаптация — комплексное явление, включающее в себя не только создание для мигрантов располагающей атмосферы для сохранения позитивного эмоционального состояния в новом обществе, но и приобретение социокультурных знаний и навыков для успешной интеграции в социальную жизнь.

Исследователь Дж. Берри выделяет несколько возможных вариантов, которые могут стать итогом социокультурной адаптации [3]. Одним из таких вариантов является интеграция, подразумевающая под собой сохранение идентичности и культуры у одной из сторон взаимодействия, но при этом принятие культуры принимающего общества и установление тесных контактов. Адаптация мигранта может считаться успешной, если уровень интеграции в общество соответствует уровню интеграции в общество в родной для мигранта стране. С. Бочнер выдвигает похожую теорию, но при этом уточняет, что итогом интеграции является создание единого метакультурного общества на новых основаниях, например по результатам проведения европейской политики, направленной на укрепление мультикультурализма и толерантности в обществе [4]. И в том, и в другом случае иссле-

дователи убеждены, что еще одним важнейшим итогом успешной адаптации является полное освоение мигрантом языка принимающей страны.

Знание языка страны пребывания — ключ к успешной интеграции. Знание языка открывает доступ к трудоустройству и к получению легальной работы, к профессиональному образованию и, что самое главное, позволяет избежать возникновения ксенофобских настроений и предвзятого отношения со стороны местного населения, возникшего на почве неумения говорить на языке страны пребывания. По мнению автора, уровень интеграции индивида в принимающее общество лишь с небольшой вероятностью будет соответствовать уровню интеграции на родине. Однако политика адаптации и интеграции может быть успешной и может способствовать максимальной возможной интеграции мигранта, но для этого необходимо непосредственное участие государства и создание им соответствующих условий, в первую очередь — языковых образовательных программ.

Шведская модель проведения языковой политики

Шведское правительство предлагает прибывшим учить язык посредством прохождения национального бесплатного курса шведского языка, предлагаемого большинству категорий мигрантов. Данные курсы носят название «Svenskundervisning för invandrare» («Уроки шведского языка для мигрантов»), которые проводятся и финансируются системой Komvux, направленной на обучение взрослых для получения полного среднего образования, и являются подотчетными Министерству образования Швеции.

Для прохождения SFI необходимо соответствовать критериям в виде возрастного ограничения (не моложе 20 лет), наличия законченного среднего образования, действующего вида на жительство или же гражданства в одной из стран Европейского союза, а также регистрации и персонального идентификационного номера. Главной целью SFI провозглашают то, что «в результате прохождения курсов учащийся должен понимать и быть понятым в различных бытовых ситуациях, иметь базовые знания о швед-

ском обществе, трудовой жизни и культуре» [5]. По прохождении SFI школа предоставляет обучающемуся сертификат после сдачи итогового теста. Наличие сертификата предоставляет возможность поступления в шведские университеты, а также способствует успешному трудоустройству.

В конце апреля 2023 года Министерство образования Швеции опубликовало отчет [6], в котором содержится информация о национальном проекте *Kombinationsutbildning sfi* [7], который осуществлялся с декабря 2020 года по апрель 2023 года. Данный проект был реализован Министерством образования и получал финансирование от Европейского социального фонда, позволил обобщить опыт, полученный в ходе реализации комбинированных программ. Под комбинированной программой подразумевается сочетание получения профессионального образования в Шведском центре образования или обучения на старшей ступени средней школы с изучением шведского языка в рамках SFI или в рамках курсов от Стокгольмского университета *Svenska som andraspråk* [8] на базовом уровне, соответствующему уровню языка, получаемого в результате обучения в школе. Большой потенциал комбинированных программ заключается в том, что они способствуют интегрированному обучению в промежутке между фактическим уровнем языка учеником и уровнем, необходимым для получения среднего профессионального образования в Швеции. Для улучшения этой системы в первую очередь необходимо установить официальный статус таких программ как ступени образования, необходима разработка руководства по реализации комбинированных программ, например, в отношении требований к преподаванию языка и организации обучения.

В роли аналога SFI выступает программа «*Svenska som andraspråk*» («Шведский как второй язык»), о которой уже было упомянуто ранее в рамках обсуждения комбинированных программ. Ее прохождение, как и прохождение SFI, не требует дополнительных вложений со стороны обучающегося, она проводится муниципалитетами в рамках образовательной системы *Komvux*. Основное отличие от курсов SFI — программа требует наличие базовых знаний шведского языка, так как она нацелена на более взрослых мигрантов, является более интенсивной и короткой. Запись на курсы

осуществляется после прохождения SFI. Кроме того, ряд категорий учащихся может претендовать на стипендию. Помимо наличия базовых знаний, мигрант должен иметь вид на жительство, быть не моложе 20 лет и иметь официальную регистрацию.

Очередной возможностью получения знаний шведского языка в Швеции является программа «Svenska dag för dag» («Шведский день за днем») — образовательная программа по обучению шведскому языку, целью которой является предоставление недавно прибывшим в страну мигрантам возможности выучить шведский язык в период получения статуса беженца или получения вида на жительство, а также получить базовое представление о шведском обществе и шведской культуре, установить контакт с местными жителями [9]. Данная программа проводится на добровольной основе средними школами и студенческими организациями, и, в отличие от курсов SFI, не финансируется государством. Другим ключевым отличием, помимо финансирования, является то, что «Svenska dag för dag» не подразумевает изучения языка с преподавателем, так как программа нацелена на самостоятельное освоение материала. На сайте перечислен ряд учебников, которые также используются в рамках преподавания программы SFI; обучающийся может приобрести учебники и заниматься по общему плану, который прописан на главной странице сайта программы.

Таким образом, правительство предлагает мигрантам ряд альтернативных программ, освоение которых является одной из важнейших составляющих успешной интеграции в шведское общество и, в дальнейшем, в шведский рынок труда. Важно отметить, что большая часть языковых программ для мигрантов имеют государственное финансирование, исключение составляет Svenska dag för dag. Это означает, что изучение шведского языка является доступным для приезжих, несмотря на наличие требований и критериев для допуска к курсам. Однако, можно выделить и ряд недостатков шведской языковой политики, одним из которых является добровольный характер прохождения программы SFI, из-за чего недавно прибывшие в Швецию мигранты выбирают английский язык для коммуникации. Именно этот вопрос стоит на повестке дня у таких партий, как Умеренная коалиционная партия, Шведские демократы, Христианские демократы и др.

Российская модель проведения языковой политики

В 2021 году российским правительством было утверждено постановление «Об утверждении требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» [10]. Помимо прочего, на официальном портале правовой информации был опубликован указ президента РФ от 12 мая 2023 года [11] об изменениях Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы, где одним из приоритетных направлений российской интеграционной политики была выделена языковая политика. «Основными направлениями миграционной политики в области содействия адаптации иностранных граждан являются создание <...> условий, способствующих успешному освоению ими русского языка, усвоению ими общепризнанных в российском обществе норм поведения (правил общежития) с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают», — указано в документе.

Российская языковая политика состоит из: государственных целевых программ, программ, не финансируемых государством, а также президентских грантов.

Государственные целевые программы опубликованы на сайте Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН). Примером могут выступить рекомендации для органов государственной власти в субъектах РФ, направленные на социокультурную интеграцию [12]. В рекомендациях ФАДН говорится о необходимости содействия обучению иностранных граждан, прибывших в Россию для постоянного проживания, русскому языку, поощряется создание консультативно-информационных сетей по предоставлению услуг по обучению русскому языку и проч. При этом в рекомендациях делается пометка о том, что они желательны к исполнению властями субъектов и, к тому же, что органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими деятельности по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Из этого следует, что данные рекомендации не явля-

ются обязательными к исполнению, а значит уровень их реализации крайне мал. К тому же, финансирование данных программ не всегда является государственным, работа может вестись посредством частных вложений. Однако, в документе содержатся примеры успешной реализации рекомендаций, например разработка и внедрение системы образовательных программ, направленных на языковую и социальную интеграцию, тюменской областной общественной организацией «Центр развития лидерских и проектных компетенций».

Программы, не финансируемые государством, чаще всего проводятся силами университетов. Например, в большом количестве ВУЗов существуют курсы русского языка как иностранного, которые могут быть как платными, так и бесплатными для разных категорий мигрантов. Для иностранных студентов доступно бесплатное прохождение курсов по освоению русского языка (прим. СПбГУ), в то время как взрослым мигрантам, не являющимся обучающимися того или иного университета, где есть возможность освоения русского языка как иностранного, необходимо внести плату за свое обучение. Например, в Университете ИТМО возможно пройти летнюю школу русского языка и русской культуры, стоимость обучения в которой составляет 10000 рублей в неделю (курс рассчитан на обучение в течение 1–4 недель) [13]. МГУ предлагает курс «Русский язык и культура», направленный на иностранных граждан как не имеющих знаний русского языка, так и на тех, кто имеет начальный и выше уровни языка [14]. Стоимость варьируется от длительности курса, периода обучения и обменного курса валют в Центробанке: например, обучение в весеннем семестре стоит 3400 долларов, а полная программа вне осеннего и осеннего семестров — 170 долларов в неделю.

Президентские гранты являются отличной возможностью реализации инициатив, направленных на языковую интеграцию мигрантов в российское общество. В 2022 году в конкурсе грантов для СОНКО Костромской области на проекты по гармонизации межэтнических, межконфессиональных отношений, этнокультурному развитию победу одержал проект «Правовая адаптация мигрантов», предложенный «Мусульманским религиозным объединением г. Костромы». Проект нацелен на проведение ком-

плекса мер по адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Например, создание для мигрантов центра изучения русского языка для решения повседневных задач, свободного разговора в общественных местах, а также для успешной сдачи различных экзаменов для оформления документов. Однако, участие в этой инициативе, как заявлено организаторами, предусмотрено только для 20 человек, что говорит о местном характере проекта. Согласно постановлению администрации Костромской области от 01.08.2022 «Об утверждении государственной программы Костромской области «Гармонизация межэтнических, межконфессиональных отношений и этнокультурное развитие народов в Костромской области»» [15], сроки реализации были перенесены на 2023–2025 годы.

В 2018 году в конкурсе президентских грантов победителем стал проект «Миграция и межнациональные отношения: государственно-общественное партнерство по адаптации и интеграции мигрантов в регионах России» [16]. В отличие от инициативы, описанной ранее, данный проект не подразумевает практическое проведение мероприятий по интеграции мигрантов; главной целью проекта является оценка возможности совместных действий муниципалитетов и общественных организаций в сфере социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов и разработка рекомендаций по улучшению государственно-общественного партнерства по адаптации и интеграции мигрантов. Таким образом, в 2019 году Институтом этнологии и антропологии РАН был выпущен сборник с рекомендациями, написанный под редакцией академика В. А. Тишкова. В результате исследования был сделан вывод, что мероприятия по целенаправленной интеграции в российском обществе должны стать действенным инструментом государственной миграционной политики. В первую очередь необходимо создание системы языковой помощи и предоставление иностранным гражданам доступа к квалифицированному переводчику. Несмотря на рекомендательный характер сборника, советы представляются весьма полезными, но для определения действительной эффективности подобных мер правительству РФ необходимо выработать свои рекомендации и свои программы, обязательные для реализации.

Российские интеграционные программы, прежде всего языковые, нельзя назвать доступными. Чаще всего их прохождение требует денежных вложений, что выступает в роли препятствия, удерживающего приезжих от языковой интеграции. Безусловно, эти программы могут иметь результат, и весьма успешный, однако необходимо учитывать факт того, что они не являются всеобщими и направлены на ограниченную целевую аудиторию, что уже во многом перекрывает успехи рассмотренных инициатив.

Выводы

Сравнивая модели проведения интеграционной политики в исследуемых странах, можно убедиться в том, что в Швеции языковая политика играет более значимую роль, чем в России. В первую очередь это связано со сменой политического курса шведского правительства и большим числом государственных инициатив, направленных на разрешение лингвистической проблемы. Государственные инициативы способствуют повышению доступности изучения языка принимающей страны. Однако, нельзя говорить о безусловной эффективности шведских мер по преодолению языкового и культурного барьера местного населения и мигрантов. В данном случае речь идет о необязательном прохождении курсов SFI для мигрантов, что снижает уровень мотивации для интеграции в шведское общество. Правительство Швеции заинтересовано в проведении мероприятий по углублению интеграции, в особенности языковой, и готово вносить правки в законодательство. По итогам одного из апрельских заседаний Риксдага было принято решение о введении моратория на получение гражданства до тех пор, пока не будет принято новое законодательство, в которое будут включены предложения по введению обязательного тестирования для определения уровня шведского языка. Представляется вероятным, что правительство модератов в ближайшей перспективе примет необходимые меры по усовершенствованию интеграционной политики, которые благоприятно скажутся на процессе языковой интеграции.

Для разрешения последствий интеграционного кризиса российскому правительству необходимо принять меры по разра-

ботке собственной модели интеграции, которая будет поддерживаться финансово государством, а также иметь поддержку со стороны общественности. Необходимо поощрять участие в конкурсах президентских грантов и осуществлять контроль за их реализацией посредством ведения официальной документации. Заимствуя опыт Швеции, российскому правительству стоит разработать бесплатные всероссийские курсы по обучению иностранных граждан русскому языку, при этом учитывая необходимость введения обязательного характера данных курсов. Таким образом, инициативы шведского правительства с учетом некоторых корректив могли бы быть успешно интегрированы в российскую интеграционную политику.

Библиография

4. Varför viftar du bort klanvåldet, Stenevi? // Aftonbladet. 2021. URL: <https://goo.su/MDMTG> — 05.05.2023.
5. Адаптация и интеграция мигрантов: сборник эффективных практик. // под ред. Якимова А. Н., Панича Б. Л. СПб: БФ «ПСП-фонд», 2018. 72 с.
6. Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 556 с.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
8. SFI — Utbildning i svenska för invandrare // Stenungsund kommun. URL: <https://goo.su/ajC985>—05.05.2023.
9. Kartläggning av kombinationsutbildningar // Skolverket. URL: <https://goo.su/6yTzHr> — 05.05.2023
10. Skolverkets projekt Kombinationsutbildning sfi // Skolverket. URL: <https://goo.su/PgtH> — 06.06.2023.
11. Om ämnet svenska som andraspråk // Stockholms Universitet. URL: <https://goo.su/Ud0WzI> — 06.06.2023.
12. Svenska dag för dag — Allt-i-ett-böcker för sfi av Jan Zara // Svenska dag för dag. URL: <https://goo.su/UJ7Wznp> — 06.06.2023.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2021 г. № 840 // Правительство России. 2021. URL: <https://goo.su/vxqCu> — 08.05.2023.
14. Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики

- Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2023. URL: <https://goo.su/rNKIwwE> — 10.05.2023.
15. Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» // Федеральное агентство по делам национальностей. 2020. URL: <https://goo.su/V25T> — 10.05.2023.
 16. Летняя школа русского языка и русской культуры // Университет ИТМО. URL: <https://goo.su/BLwWp> — 11.05.2023.
 17. Русский язык и культура // Институт русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://goo.su/FDvOvg> — 11.05.2023.
 18. Конкурс грантов для СО НКО Костромской области на проекты по гармонизации межэтнических, межконфессиональных отношений и этнокультурному развитию народов — 2022–2 // Гранты.рф. URL: <https://goo.su/qbP80>—11.05.2023.
 19. Миграция и межнациональные отношения: государственно-общественное партнерство по адаптации и интеграции мигрантов в регионах России // Фонд президентских грантов. URL: <https://goo.su/WFPJWBn> — 11.05.2023.

Морозова Дарья Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

Бакалавриат

Перспективы обеспечения энергетической безопасности Германии. Способна ли Норвегия заменить Россию?

Germany's Energy Security Outlook. Can Norway replace Russia?

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить, возможна ли замена российских поставок норвежскими в контексте выбранного Германией курса на обеспечение энергетической безопасности. Для осуществления поставленной цели автором были рассмотрены последствия для германо-норвежского энергетического сотрудничества, когда Германии приходится заменять значительную часть своих запасов ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии ввиду реализации энергетического перехода. Изучив три стороны, задействованные в этом процессе и осуществив референтное сопоставление характеристик их энергетической политики, автор отвечает на вопрос, будет ли продолжаться взаимодействие, или страны переживают переломный этап, когда спрос Норвегии на осуществление экспорта нефти и газа идет вразрез с целями немецкого энергетического перехода по значительному сокращению выбросов углекислого газа.

Ключевые слова: энергетическая политика; энергоэффективность; регенеративная энергетика; энергетический переход; улавливание и хранение углерода; возобновляемые источники энергии; ядерная энергетика

Abstract. This article attempts to determine whether Russian supplies can be replaced by Norwegian supplies in the context of Germany's chosen energy security policy. To achieve this, the author considered the implications for German-Norwegian energy cooperation when Germany has to replace a large part of its fossil fuel reserves with renewable energy because of the energy transition. Having studied

the three parties involved in this process and made a comparative analysis of the characteristics of their energy policies, the author answers the question of whether the interaction will continue or what consequences are expected if the countries are at a critical stage when Norwegian demand for oil and gas exports runs counter to the German energy transition objectives of significantly reducing carbon dioxide emissions.

Keywords: energy policy; energy efficiency; regenerative energy; energy transition; carbon capture and storage; renewable energy sources; nuclear energy

Введение

Исследование посвящено прогнозу относительно того, каковы шансы Германии на обеспечение энергетической безопасности и возможно ли заменить поставки энергоресурсов из России Норвегией. Германия более сорока лет импортирует значительные объемы нефти и газа из обеих арктических стран, поддерживает тесное сотрудничество как с Осло, так и с Москвой. Для обеих стран Берлин в настоящее время является самым важным партнером.

Политические разногласия между Берлином и Москвой относительно кризиса на Украине привели к охлаждению двусторонних отношений между двумя государствами. Несмотря на «энергетический переход», начатый в Германии в 2010 году, который предусматривает расширение использования возобновляемых источников энергии, для экономики Германии по-прежнему требуются большие объемы ископаемых видов топлива. В связи с начавшимся энергетическим кризисом актуальным становится вопрос, удастся ли Германии поддерживать импорт ископаемых ресурсов на достаточном для обеспечения стабильности энергоснабжения уровне.

Норвегия является вторым по значимости поставщиком нефти и газа в Германию и обеспечивает одну пятую часть природного газа, потребляемого в ЕС [1], который поступает в основном с производственных объектов в Северном море и Балтийском море.

Степень научной разработанности темы. Изучению германо-норвежских отношений и немецко-российских отношений в энергетической сфере уделено внимание в ряде отечественных и зарубежных исследований. Непосредственно взаимодействию Германии и Норвегии посвящено большое количество западных исследований.

Можно привести в качестве примера работы Энн Терезы Гуллберг, которая написала несколько статей о переходе к возобновляемым источникам энергии и о роли Норвегии в сотрудничестве с Германией и Европой [2], Э. Ховланда [3], Раукэнам [4], Штайнбахера и Рёркастена [5], которые считают, что немецкая энергетическая политика сосредоточена главным образом на соответствии международному статусу и поэтому не обязательно выбирает наиболее эффективные методы сокращения выбросов CO₂.

Что касается вопроса энергетической безопасности Германии, им занимаются российские исследователи К. Е. Лещенко [6], Н. Н. Морозова [7], В. А. Ачкасова [8]. Среди западных исследований по немецкой энергетической тематике можно выделить Вестфала [9] и Кунгля [10].

В целом, несмотря на наличие отдельных публикаций по общим и частным вопросам энергетической политики трёх стран, невозможно говорить о полном и комплексном анализе изменения в сфере энергетической безопасности в контексте обострения украинского и энергетического кризисов.

Цель и задачи исследования.

Цель работы — выявить, в какой степени Норвегия сможет заменить российские поставки энергоносителей. Для достижения цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Оценить текущий объем поставок энергоносителей из России в Германию и зависимость Германии от этих поставок.
2. Определить, какие технологии производства возобновляемых источников энергии существуют в Норвегии (ветроэнергетика, гидроэнергетика и водород/CCS) и возможно ли экспортировать их.

3. Оценить политический и технические факторы, которые могут повлиять на спрос и предложение норвежских энергоносителей в Германии.

Гипотеза исследования

Согласно гипотезе исследования, полная замена Норвегией российских поставок невозможна, однако германо-норвежское сотрудничество будет укрепляться.

Энергетическая политика ФРГ сегодня и проблема возобновляемых источников энергии (ВИЭ)

Согласно политико-правовой трилемме «На глобальном энергетическом рынке выделяются три основные группы стран, каждая из которых имеет свои интересы: производители (нетто-экспортеры), потребители (нетто-импортеры) и страны-транзитеры.» [11]. Германия является страной транзита газа, а производство электроэнергии внутри страны может покрывать лишь 30% общего внутреннего потребления энергии, поэтому после начала энергетического кризиса в ФРГ обострилась проблема обеспечения безопасности энергоснабжения. Доля российского газа в структуре потребления в Германии сократилась в 2022 году до примерно 20%, в 2021 году она составляла 55%, согласно данным энергетической группы BDEW. [12] Экспорт нефти и газа из России в ФРГ упал на 99,8 процента — с 2,2 миллиарда евро в феврале 2022 года до 4,2 миллиона евро в 2023 году», — согласно данным Федерального статистического ведомства ФРГ (Destatis) [13].

Норвегия максимально нарастила объем поставок в Германию, чтобы помочь стране справиться с энергетическим кризисом. Согласно последним данным норвежского статистического управления SSB, на ископаемые виды топлива, прежде всего газ, приходится самая большая доля норвежского экспорта в Германию: около 62 миллиардов евро приходится на газ, нефть и конденсат; только на газ приходится 58 миллиардов евро. В 2022 году Норвегия увеличила добычу газа на целых десять процентов, а Германии удалось покрыть более трети своего спроса на газ за счет поставок

из Норвегии. [14] В своих выступлениях Олаф Шольц подчеркивает, что Норвегия сыграла большую роль: «Мы обеспечили себе независимость от поставок газа, угля и нефти из России. Год назад никто не ожидал, что мы легко в экономическом отношении переживем ситуацию, при которой больше нет поставок газа из России в Германию и во многие части Европы». [15]

Однако если говорить о полноценной замене российских поставок, то у Норвегии таких возможностей нет, что подтверждается заявлениями старшего вице-президента норвежской нефтегазовой компании Equinor Айрика Варнесса: «Мы на треть удовлетворяем потребности Германии в газе, но наши трубопроводы уже работают на полную мощность. У нас нет резервов, которыми мы могли бы восполнить дефицит» [16], — сказал политик, отвечая на вопрос сможет ли Норвегия полностью обеспечить ФРГ газом в случае срыва поставок из России. Основная проблема касается того, что построенные трубопроводы перегружены, а терминалов СПГ недостаточно. Еще одним препятствием с поставками норвежского газа является логистика, для увеличения добычи газа необходимо построить дополнительные трубопроводы, однако в краткосрочной перспективе этого добиться не удастся. Кроме того, норвежский газ может быть дороже, чем российский газ, из-за высоких затрат на его добычу и транспортировку. Это может повысить цены на газ для потребителей в Германии.

Энергетический кризис в ФРГ усиливается еще тем фактом, что немцы приняли решение не только отказаться от атомной энергетики, но также и о поэтапном отказе от использования угля. В Норвегии ситуация намного проще, благодаря развитой гидроэнергетике. Норвегия сегодня почти самодостаточна благодаря возобновляемой электроэнергии, и, в частности, большой доле гидроэнергетики. В Германии же возобновляемые источники энергии компенсируют только то, что ядерные реакторы были выведены из сети, однако если добавить отказ от угольной энергетики, кризис может лишь усилиться.

Если рассматривать сферы сотрудничества Германии и Норвегии, то нефть и природный газ занимают центральное значение для торговли энергоресурсами. Однако, несмотря на это, будущее должно основываться на альтернативах, не содержащих

CO₂. В статье дается краткий обзор источников энергии, с которыми связаны самые высокие ожидания: ветроэнергетика, гидроэнергетика и водород/CCS.

Солнечная энергия и биомасса в определенной степени являются частью нынешнего и будущего энергетического баланса, но не охватываются в статье, поскольку они не являются частью немецко-норвежского энергетического сотрудничества. До сих пор наука не нашла эффективного способа хранения солнечной и ветровой энергии. Поэтому необходимо также планировать доступ к электроэнергии в случае их нехватки.

Ветроэнергетика

Что касается сфер сотрудничества Норвегии и Германии, то нельзя не выделить ветроэнергетику, которая является одним из важнейших столпов энергетического перехода в ФРГ и превратилась из дорогостоящего вида производства электроэнергии в более конкурентоспособный с точки зрения ценовой политики. Норвегия является одним из лидеров в области развития ветроэнергетики и имеет большой опыт в строительстве и эксплуатации ветряных электростанций. Германия, в свою очередь, является крупнейшим потребителем ветроэнергетики. В прошлом году производство электроэнергии на ветровых электростанциях увеличилось на 9,4%. Несмотря на то, что установка новых ветрогенераторов замедлилась, доля ветроэнергетики выросла с 21,6% до 24,1%. [17].

Норвежские компании уже активно работают на немецком рынке ветроэнергетики, например, компания Equinor участвует в строительстве ветропарков в Северном море. Кроме того, Норвегия может предоставлять Германии опыт и технологии в области хранения энергии, которая является одной из ключевых проблем при использовании ВИЭ.

Доступ к ветроэнергетике не ограничен, а эффективность определяется скоростью ветра и размером лопастей ротора ветротурбины. Недостатки ветроэнергетики в первую очередь связаны с воздействием ветровых турбин на диких животных, и они воспринимаются как вызывающие беспокойство как визуально, так и с точки зрения шума, с чем связано большое количество

протестов в Германии. В то же время приходится прекращать производство ветровой энергии в Северной Германии, так как в сети нет мощности для подачи электроэнергии в регионы. По данным исследования Кантара [18], проведенного в августе 2019 года, 89% населения Германии поддерживает развитие возобновляемых источников энергии, но новые проекты часто сталкиваются с большим сопротивлением. Жители хотят, чтобы электроэнергия производилась с помощью ВИЭ, но никто не хочет ее в непосредственной близости от домохозяйств.

Возможное решение проблемы состоит в том, чтобы ветроустановки размещались за пределами Германии, например в Норвегии. Однако в норвежских СМИ время от времени появляются заголовки, такие как: «Мы несём ответственность за последствия, а Германия сохраняет добрую совесть.» [19]. Это свидетельствует о том, что расширение использования ветроэнергетики в Норвегии также не будет проходить гладко и могут возникнуть препятствия для сотрудничества двух стран.

Таким образом, сотрудничество Норвегии и Германии в области ветроэнергетики может стать важным фактором для энергетической безопасности Германии и помочь стране достичь своих целей по снижению выбросов парниковых газов.

Гидроэнергетика

Также, еще одна сфера для сотрудничества стран — гидроэнергетика. В отличие от ветроэнергетики, гидроэнергетика обладает тем преимуществом, что при необходимости вода может храниться и использоваться для выработки электроэнергии. Как и ветроэнергетика, гидроэнергетика является возобновляемым источником энергии, который сам по себе не требует затрат.

Гидроэнергия может вырабатываться только в определенных топографических и погодных условиях, поскольку необходимы как осадки, так и способность хранить воду на высоте. Накопительные электростанции в Норвегии распространены гораздо шире, чем в Германии. На гидроэнергетику приходится 93% общего объема производства энергии в Норвегии, и около 75% гидроэнергии регулируется, а это означает, что накопительные элек-

тростанции распространены гораздо шире, чем в Германии. Это обеспечивает Норвегии большую гибкость в производстве возобновляемой энергии. [20]

В то же время гидроэнергетика остается незначительным игроком в энергетическом секторе Германии, ее доля составляет всего 3,2%. Более того, в прошлом году из-за особо засушливого лета выработка электроэнергии на немецких ГЭС сократилась на 12%. В Германии вода как источник энергии уступает даже биогазу, доля которого составляет 5,8%. [21]

Таким образом, благодаря тому что электростанции в Норвегии более распространены, чем в Германии, развивая сотрудничество в этой области с Норвегией, можно увеличить долю гидроэнергетики в Германии, путем строительства новых гидроэлектростанций и, как следствие, повышения энергетической независимости обеих стран.

Улавливание и хранение углерода (CCS)

Модель социального обеспечения Норвегии по-прежнему сильно зависит от доходов нефтяного сектора, и в стране ещё есть достаточные запасы нефти и газа. Природный газ по-прежнему находится под морским дном, и это дает Норвегии стимул для поиска новых путей его использования. В результате, норвежское государство инвестирует большие суммы в исследования для разработки CCS (улавливание и хранение углерода (CCS) — это технология, которая отделяет CO₂ от выбросов в результате производства энергии или промышленного производства, с тем чтобы он не попадал в атмосферу и не способствовал глобальному потеплению) в качестве интересной альтернативы, в то время как некоторые утверждают, что эти средства могли бы быть использованы для создания более устойчивых отраслей.

Немецкие политики относятся к CCS с опаской. Хотя федеральный канцлер и другие политики заявили, что они рассматривают CCS как часть решения для достижения глобальных климатических целей. Хотя Германия внесла существенные изменения, которые приведут к значительному сокращению выбросов CO₂ в стране, решение имеет ограниченное значение до его осущест-

вления. Министр охраны окружающей среды Свенья Шулце отмечает, что Германия является первой промышленно развитой страной в мире, которая приняла решение о поэтапном отказе как от угля, так и от ядерной энергии [23]. Вопрос заключается в том, не ухудшится ли в какой-то момент ситуация до такой степени, что Германия будет вынуждена изменить свое отношение к вопросу о CO₂. В этом случае она могла бы открыть двери как для CCS, так и для более широкого использования природного газа в энергетике. Если Германия не достигнет своих целей или не изменит их, это будет означать большую потерю международного престижа.

Между Норвегией и Германией существует глобальная разница на политическом уровне, которая может сильно осложнить сотрудничество, так как у стран разные цели и методы их достижения. В сегодняшней ситуации CCS — это область, в которой ожидания Германии и Норвегии не совпадают, что может повлечь за собой конфликт интересов, вызванный политическим препятствием со стороны Норвегии. Этот конфликт является гораздо более проблематичным для Норвегии, чем для Германии, поскольку на карту поставлена важная часть будущей норвежской экономики. В нынешней ситуации существует большой разрыв между ожиданиями Германии и Норвегии.

Выводы

Германия и Норвегия находятся в одном и том же уголке мира, имеют большую часть общего культурного наследия и имеют давнюю общую историю. На этом фоне можно было бы ожидать, что обе страны совместимы в культурном отношении и что совместная работа не будет сопряжена с какими-либо трудностями.

Тем не менее существуют некоторые препятствия, такие, как формулировки, нормы и неписанные правила, которые могут привести к непониманию и конфликтам вплоть до невозможности сотрудничества.

В 2021 году доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Германии составляла 42,3%. Однако, в 2022 году она выросла до 46,3%, если учесть все виды ВИЭ, что свидетельствует о про-

должающемся активном развитии ВИЭ и снижении зависимости от ископаемых источников энергии. [24]

Для достижения целей по борьбе с изменением климата Германия нуждается в дополнительных усилиях. Сотрудничество с Норвегией в вышеперечисленных сферах может увеличить долю ВИЭ.

Если делать вывод по областям, то значение гидроэнергетики предсказать трудно, её роль в ФРГ невелика, однако при развитии сотрудничества с Норвегией и развитии технологий накопления воды и впоследствии дальнейшего использования для производства электроэнергии, если не хватит энергии, полученной с помощью силы ветра, можно говорить о увеличении экспорта гидроэлектроэнергии через кабель NordLink, что будет способствовать повышению стабильности немецкого энергоснабжения.

Ветроэнергетика играет все более важную роль, как немецкими инвесторами, участвующими в развитии ветроэнергетики Норвегии. Норвежский экспорт газа в Германию, скорее всего, будет оставаться стабильным до тех пор, пока Норвегия сможет поддерживать уровень добычи.

Природный газ является наиболее важным отдельным продуктом в экспорте Норвегии в Германию. Норвежские власти и Equinor надеются, что в будущем CCS станет крупнейшим экспортным продуктом, однако остается открытым вопрос, что будет с CCS. Смогут ли Equinor и OED убедить Германию и Европу в том, что именно эта технология будет способствовать обеспечению безопасности энергоснабжения? Это, на мой взгляд, самый важный вопрос, когда речь заходит о будущем энергетическом сотрудничестве между Германией и Норвегией.

Подводя итог, норвежский газ вряд ли полностью сможет заменить поставки из России в краткосрочной перспективе. Прежде всего, ощущается нехватка транспортных средств, а существующие трубопроводы уже работают на полную мощность. В отличие от российского газа, который покрывал около 40–50% потребностей страны. Германии справиться с острой фазой кризиса помогло значительное сокращение потребления газа, по данным Федерального сетевого агентства, «по сравнению со средним потреблением за последние четыре года потребление природного газа в 2022 году сократилось на 14%. Промышленность сократила

потребление на 15%, частные домохозяйства и коммерческие предприятия сэкономят 12%. В месяцы с октября по декабрь промышленное потребление было даже на 23 процента ниже, чем в предыдущие годы, а потребление частных потребителей и трейдеров было на 21 процент ниже. » [25]. Кроме того, в условиях роста цен на нефть компаниям выгоднее добывать нефть, а не газ. Долгосрочное решение может быть достигнуто путем строительства терминалов для сжиженного природного газа. Однако правительства обеих стран смотрят дальше острой фазы кризиса: Норвегия может стать важным партнером даже тогда, когда эпоха нефти и газа закончится, став поставщиком зеленого водорода, если странам не помешает противоречие в политической сфере относительно технологии улавливания и хранения газа.

Для полной замены России в поставках газа у Норвегии нет достаточных технических возможностей, которые есть у Российской Федерации, а также есть политические разногласия и разные взгляды на технологическую сферу (CCS), что подтверждается заявлениями немецких политиков «У ФРГ уйдет не менее 3 лет для получения тех же объемов газа, что поступали из РФ в 2021 г. ФРГ, занимающаяся поисками новых путей получения газа, к 2030 году, вероятно, сможет обеспечивать себя в год 76,5 млн. кубических метров: это примерно 80% от общего объема газа, потребленного Германией в 2021 году, — заявил Bloomberg депутат от «Левой партии» Кристиан Лей»

Однако развитие двустороннего сотрудничества в энергетической сфере, в частности, замена России в совместной разработке технологий «зеленого водорода», расширение сотрудничества с Норвегией в условиях декарбонизации в краткосрочной перспективе вероятны.

Библиография

1. Norwegen wichtigster Gaslieferant für Deutschland URL: <https://www.energate-messenger.de/news/229565/2022-norwegen-wichtigster-gaslieferant-fuer-deutschland>
2. Gullberg A. T., Ohlhorst D., Schreurs M. Towards a low carbon energy future—Renewable energy cooperation between Germany and Norway // Renewable Energy. — 2014. — Т. 68. — С. 216–222.

3. Moe E., Hansen S. T., Kjær E. H. Why Norway as a green battery for Europe is still to happen, and probably will not //New challenges and solutions for renewable energy: Japan, East Asia and Northern Europe. — 2021. — С. 281–317.
4. Rauken K. A. Die Rolle Norwegens bei der deutschen Energiewende-Eine Analyse der deutsch-norwegischen Energiekooperation: дис. — 2020.
5. Steinbacher K., Röhrkasten S. An outlook on Germany's international energy transition policy in the years to come: Solid foundations and new challenges //Energy Research & Social Science. — 2019. — Т. 49. — С. 204–208.
6. Лещенко К. Е. Обеспечение национальной и международной энергетической безопасности в рамках экономического сотрудничества России и Германии: дис. — Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2013.
7. Морозова Н. Н. Опыт Германии в вопросах энергетической безопасности. — 2014.
8. Ачкасов В. А. Процесс принятия внешнеполитических решений в Федеративной Республике Германия.
9. Westphal K. Strategische Souveränität in Energiefragen // Überlegungen zur Handlungs- und Gestaltungsfähigkeit Deutschlands in der EU. SWP-Aktuell. — 2020. — № . Juni 2020. — С. 8.
10. Kungl G. Die deutsche Energiewende: alte Konflikte in neuem Gewand? //Politikum. — 2020. — Т. 6. — № . 2. — С. 54–63.
11. Варушкин Н. А. Политико-правовая трилемма в энергетической сфере. — 2013.
12. Germany Cuts Russian Share in Gas Use by More Than Half in 2022: URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-20/germany-cuts-russian-share-in-gas-use-by-more-than-half-in-2022-28.05.2023>.
13. ImporteausrusslandimFebruar2023um91,0%nieidrigeralsimVorjahresmonat https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/04/PD23_146_51.html— 13.06.2023.
14. Utenrikshandel med varer, hovedtall, etter land/handelsområde/ verdensdel URL: <https://www.ssb.no/statbank/table/08803/> — 13.06.2023.
15. Scholz erwartet komplette Unabhängigkeit von russischem Gas Ende 2023 URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-09/energiekrise-olaf-scholz-gas-russland-arbeitgebertag?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F — 18.05.2023.
16. В Equinor оценили возможность Норвегии заместить Россию на энергорынке ЕС URL: <https://ria.ru/20230306/equinor-1856251051.html> — 16.05.23.
17. Stromerzeugung 2022: Ein Drittel aus Kohle, ein Viertel aus Windkraft URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/03/PD23_090_43312.html — 13.06.2023.

18. Greenpeace Energy: Neue Umfrage zur Akzeptanz für Windkraft URL: <https://www.zfk.de/energie/strom/greenpeace-energy-neue-umfrage-zur-akzeptanz-fuer-windkraft> — 16.05.2023.
19. Vindmølleparker i Norge er et krafttak for Tyskland. Aftenposten. URL: <https://www.aftenposten.no/a-magasinet/i/qL6edz/vindmoelleparkeren-i-norge-er-et-krafttak-for-tyskland> — 13.05.2023.
20. Nutzung von Flüssen: Wasserkraft URL: <https://www.umweltbundesamt.de/themen/wasser/fluesse/nutzung-belastungen/nutzung-von-fluessen-wasserkraftanlagen-in-deutschland> — 16.05.23.
21. Erneuerbare Energien in Zahlen URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/erneuerbare-energien-in-zahlen-2019.pdf?__blob=publicationFile&v=6—14.05.2023.
22. Deutschland gehört bald offiziell zu den Kohleausstiegsländern URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2019-09/svenja-schulze-kohleausstieg-umweltschutz-klimawandel> — 16.05.23.
23. Erneuerbare Energien in Zahlen URL: <https://www.umweltbundesamt.de/themen/klima-energie/erneuerbare-energien/erneuerbare-energien-in-zahlen> — 14.06.2023.
24. Wie viel brauchen wir noch und was kommt dann? URL: https://www.iwkoeln.de/fileadmin/user_upload/Studien/policy_papers/PDF/2023/IW-Policy-Paper_2023-Zukunft-Erdgas.pdf — 14.06.2023.
25. Rückblick: Gasversorgung im Jahr 2022 URL: https://www.bundesnetzagentur.de/DE/Gasversorgung/aktuelle_gasversorgung/Rueckblick/start.html — 14.06.2023.
26. «У ФРГ уйдет не менее 3 лет для получения тех же объемов газа, что поступали из РФ в 2021 г.» <https://www.interfax.ru/business/881886>—14.06.2023.

Simonova Valeriia

National Research University «Higher School of Economics»,
Faculty of World Economy and International Affairs,
Master's student

Popov Dmitrii

National Research University «Higher School of Economics»,
Faculty of Humanities,
Master's student

Perception of the Nordic Brand beyond the Norden: the Case of Scandinavia Club

Восприятие североευропейского бренда за пределами
Северной Европы: пример «Scandinavia Club»

Аннотация. Настоящая статья посвящена восприятию Северной Европы за его пределами на примере российского сообщества «Scandinavia Club». Целью исследования является определение особенностей рецепции североευропейского бренда жителями России с помощью выявления подхода выбранной группы по конструированию региона, для чего авторы провели интервью с основателем сообщества и проанализировали публикации в социальной сети «ВКонтакте». В качестве методологической основы работы выбраны концепции национального брендинга и «мягкой силы». В результате исследования было определено, что представление Северной Европы в группе основано на образах культуры и историях жителей данных стран, поданные в позитивном ключе, но через них раскрываются политические процессы и социальные проблемы.

Ключевые слова: Северная Европа, национальный бренд, Scandinavia Club, дискурс-анализ, мягкая сила

Abstract. This article deals with the perception of Northern Europe beyond the region on the case of the Russian community «Scandinavia Club». The objective of the study is to determine the features of the reception of the Nordic brand by residents of Russia through identifying the approach of the public for the construction of the region,

for which the authors conducted an interview with the founder of the community and analyzed posts in the social network “VKontakte”. The concepts of national branding and “soft power” were chosen as the methodological basis of the work. As a result of the research, it was determined that the representation of Northern Europe in the community is based on the images of culture and stories of the inhabitants of these countries, presented in a positive way, but through them political processes and social problems are revealed.

Keywords: The Norden, National Brand, Scandinavia Club, Discourse Analysis, Soft Power

Introduction

The research deals with the perception of the brand of Nordic countries outside the Norden on the example of Scandinavia Club from Russia. As part of the study of the Nordic image, which they are trying to form and spread in the world, it is important to take into account whether the goals set by their governments are being achieved and whether they are really perceived in the desired way in the world. We can recognize this by determining how the brand of these countries is accepted by other communities.

The perception of the Nordic brand by Russia and Russian public organizations focused on Northern Europe, is particularly interesting to consider due to the country’s special position in close proximity to the region. The close interaction of Russia with the states of Northern Europe over a long history and the popularity of the “Nordic model” as a successful variant of socialism in the USSR [1, p. 12] still persist and contribute to the fact that interest in neighboring countries with a higher standard of living and a striking image can often manifest itself on the part of Russian citizens. In addition, the North-West of Russia with St. Petersburg as its geographical and cultural center can be defined as part of Northern Europe and the Baltic region [2], which makes the appeal to North European identity even more significant, including the desire to emphasize belonging to the region. The circumstances of 2022, the escalation of the conflict in Ukraine and Russia’s relations with Western countries, as well as the formal classification of the

Nordic countries as “unfriendly states” [3], could affect the perception of the Northern European brand. This is exactly what we are considering using the example of the Scandinavia Club.

Scandinavia Club is a Russian community of fans of Northern Europe, which publishes articles about life and culture in this region on its website and social networks, organizes educational online courses and produces souvenirs [4]. Thanks to the online platform, the club attracts residents of different Russian cities, so it can be considered as one of the successful examples of not only a large community of interests, but also the reception of the Nordic brand in Russia.

So, the objective of our research is to consider the peculiarities of the perception of the Nordic brand in Russia on the example of Scandinavia Club. To do this, we study which images of Northern Europe are primarily used in the club’s materials, which topics are addressed by the club’s leaders and the authors of articles, identifying the features of the content throughout 2022 before and after military offensive. We determine this, firstly, by interviewing the club’s leaders about their policies, results and plans, as well as conducting a discourse analysis of publications in the VKontakte group as the most popular platform (it has more than 74 thousand subscribers) [5].

The study is based on the concept of a national brand, which, according to K. Dinnie, is “the unique, multidimensional blend of elements that provide the nation with culturally grounded differentiation and relevance for all of its target audiences” [6, p. 5], in accordance with which it is interaction with a potential audience and perception of the image of the country that plays a key role in the effectiveness of positioning the state on the international arena. It is worth mentioning the special importance of branding for the Nordic countries, which, as small European states, are striving to increase their role on the world stage precisely by their “moral diplomacy” and in a vivid way, which, according to the concept of “soft power”, by Joseph Nye is possible, since the attractiveness of a country, based on its culture and political values, can help to solve foreign policy problems [7]. Finally, the analysis of publications in social media is accomplished using the method of N. Fairclough (critical discourse analysis), which consists in considering the direct text, key phrases, and intertext, including articles in the context of other texts and social practices [8]. So, we

determine not only the content of the posts, the mention of specific countries and stories that can be divided into thematic groups and reveal their emotional coloring, but also build a network of similar publications and fit into the existing social context, largely determined by the Ukrainian conflict.

Our research is embedded in a broader context of works dealing with the study of the national images and the brand phenomenon in general, as well as a multidimensional consideration of the Norden, the Nordic model and their exclusivity. The Nordic brand can be recognized as a topic that has been widely developed in English-language literature (works by J. Magnus [9], J. Marjanen [10], C. S. Browning [11]) and even its perception in other countries is considered, for example, in the article by J. Rubin on the adoption of the brand of Northern Europe by American society [12]. At the same time, the role of the Nordic brand for Russia has been covered much less in scientific research (as, indeed, the image of Russia in Northern Europe, where one can give an example of studying the image of St. Petersburg in the Danish media [13]), so our study can become the basis for further consideration of the image of the Norden in Russian society.

Interview

In order to better understand the concept of Scandinavia club, we decided to conduct an interview with its creator — Andrey Hegai [14]. First of all, according to him, Northern Europe is a region shrouded in many mysteries and charm. For many people, it is associated with Vikings, fjords and the comfort of Huggle. However, Andrey Hegai in his project strives to show the region from a new angle — through living stories of people, interesting facts and ridiculous news.

Northern Europe holds significant meaning for Andrey Hegai. He finds inspiration in this region, constantly exploring its culture and creativity. Based on his passion for Scandinavian indie music and cinema, he began his journey into this exciting world by accident. The simplicity and modesty characteristic of local artists and musicians struck him. It seemed amazing how people created works for years without striving for fame, and suddenly became famous without losing their spontaneity [14].

Initially, Andrey started sharing his discoveries through a blog in LiveJournal, where he published music selections and recorded podcasts about the Scandinavian indie scene. In 2011, his idea to organize a series of film screenings in Moscow became a reality. He bought the rights to several films and regularly showed current Scandinavian films. It was at that time that Scandinavia Club was born, a name that has survived to this day.

Starting with a small team of 2–3 people, Andrey and his comrades developed the idea of Scandinavia Club by holding lectures, courses, parties and concerts in Moscow. Their central loft has become a meeting place for like-minded people and fans of Northern Europe. However, since 2019, Andrey has preferred to do the project on his own, developing a public and a blog on the site, creating a design for merch and sometimes conducting online courses [4].

The news published by Scandinavia Club is shaped through a specific process. Andrey adheres to the principle of selecting unusual and amazing stories. He pays attention to funny and unusual news that can cause a smile or shock with its surprise. It is important that this news reflect absurd situations, curiosities and non-standard initiatives from Scandinavia. Andrey is happy to share these stories with his readers, lifting their spirits and giving them a portion of fun.

Andrey strives to represent Northern Europe beyond patterns and stereotypes. Its purpose is to reveal living stories about people and animals, as well as to share the cultural peculiarities of the region through linguistic nuances, rare films, books and music. For example, in his public, we can find the heading “word of the day”, where he shares words and expressions from Scandinavian languages that are difficult to translate into Russian in one word. Another category is “films”, where he offers unusual and unobvious pictures aimed not only at the domestic market, but also at a wider audience. Recently, Andrey has fallen in love with sketches from old TV shows, which he translates and publishes under the heading “humor” [14].

Andrey Hegai and his Scandinavia Club continue to explore and show us the exciting world of Northern Europe. He contributes to the popularization of little-known and interesting aspects of this region, expanding our horizons and bringing joy to his readers.

As a result, we can see that the author of the public did not set out to create any specific image of Scandinavia for his readers. He only sought to share with them interesting and relevant for himself from a fresh non-trivial angle. This is the secret of the popularity of Scandinavia Club. Meanwhile, these unconscious actions, separately snatched images of Northern Europe may be built for readers into a coherent narrative, which can be identified by content and discourse analysis of posts in the public.

Analysis of the posts

Thus, in the framework of the research a total of 101 publications in December 2022 and 107 publications in January 2022 were analyzed. It is essential to compare these two periods before and after the aggravation of the Ukrainian crisis, but we notice that the number of posts remained approximately the same, on average 3–4 posts a day were published.

Despite the fact that the club is dedicated to the image of all Scandinavian countries, their mention in the posts is clearly diverse (see Figure 1). The largest number of publications dealt with Sweden as a central and largest state. It was mentioned 79 times, i.e. more than a third of the posts are about this Nordic country. This is especially noticeable in January, where almost half of the publications discussed Sweden. The number of Norwegian publications (60) is comparable to Swedish one (in December 2022 Norway was mentioned even more frequently than Sweden) but Denmark and Iceland received noticeably less attention — 30 and 34 articles, although it is not obvious that Denmark is less significant than Norway from historical, economic or political perspective. At the same time, the Danish autonomies, Greenland and the Faroe Islands, were practically not noted. There are no posts on the Faroes during these two months, and Greenland was mentioned only twice, in the context of its political representation in the Folketing that described the whole political system of Denmark as well as natural history (a curious fact that the climate of Greenland was warmer earlier). Finally, the fifth Nordic country, Finland, is mentioned only 9 times, which shows the ambiguity of its correlation with the Scandinavian countries (the identity of Finland is characterized as not Scandinavian, but Nordic one) [5].

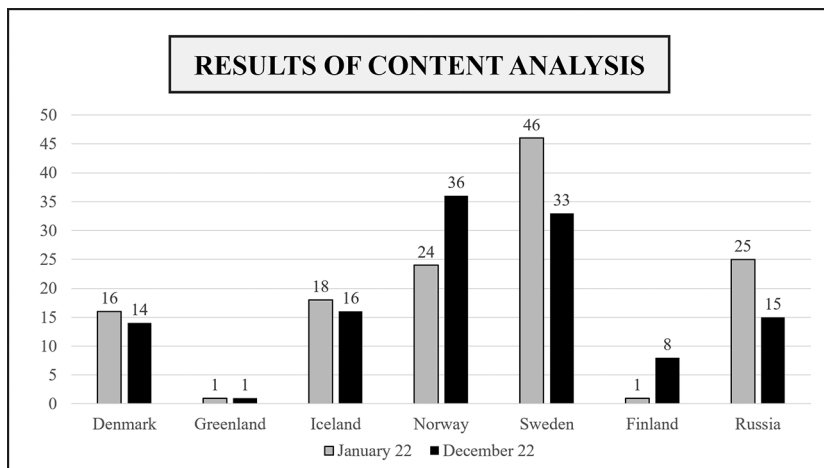

Figure 1. Distribution of Posts by the Countries

Source: developed by the authors based on data from the VKontakte group [5]

At the same time, part of the posts (about one fifth) concerns Russia. However, the Russian Federation or its regions are not seen as Nordic or Scandinavian, there are only some ties of the Norden with Russia. For example, we can see some Russian allusions for better understanding some Nordic images (Mikhail Krug’s songs in the context of mentioning Danish prison songs, Dovlatov’s quote about the Northern European winter) or direct contacts between the countries (the story of Brodsky in Sweden). Then from these posts we find out the reception of Nordic brand in Russia through lectures and other events organized in Moscow and other cities as well as the sale of merch about Northern Europe (which was dedicated to either the image of Northern Europe, or even connected with Russian culture, for example, Russian memes but framed in Nordic style or combinations of jokes from both culture). Meanwhile, there are references to other countries such as the USA, Britain or Estonia in the context of cultural and historical contacts that includes the Norden in the global context and shows its significance [5].

The public presents a variety of publications’ topics marked with hashtags, from “animals” to “travel” and “merch”, but generally they re-

late to cultural aspects (see Figure 2). The most popular topic of posts was “cool story” in January (more than a quarter), however, in December we can see the increase of the humor section that is comparable with the previous one [5]. Posts about animals, cats and dogs are also frequent, but they are not only attractive for people but are presented in a Nordic context that builds the connection of these pretty images with the whole image of the Norden that is therefore perceived through this positive sense. Special attention is also paid to food, Christmas as a reflection of traditions and similar clearly positive images.

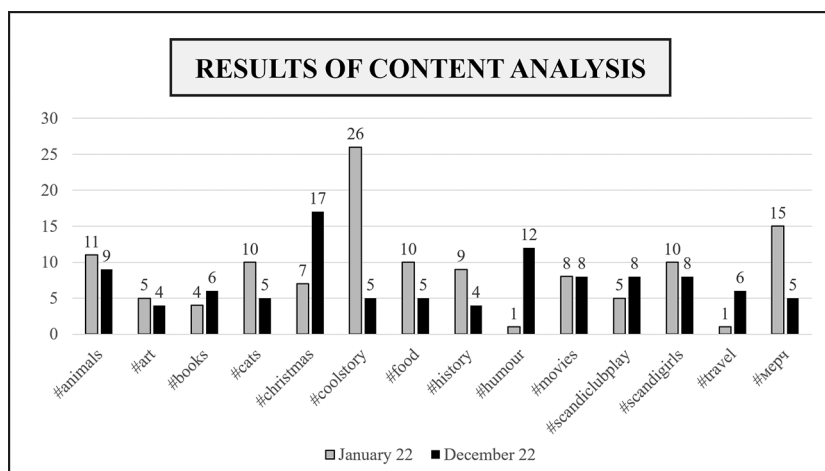

Figure 2. Distribution of Posts by the Topics

Source: developed by the authors based on data from the VKontakte group [5]

In addition to the above-mentioned topics, subscribers can read posts about other cultural features: architecture, books, art, history, particular Nordic brands such as IKEA. Moreover, we see articles related to nature and ecology that become the pillar of the Nordic brand in the public. Politics is also mentioned in the publications but only in the context of other topics (culture, environmental questions), not in the course of ideological battles. It is hard to note that there is a clear connection between the topic and the particular Nordic country but

we can mention that posts about Sweden and Norway seem to be more diversified, for Finland the music was more considerable and for Denmark it was more publications about books (see Figure 3).

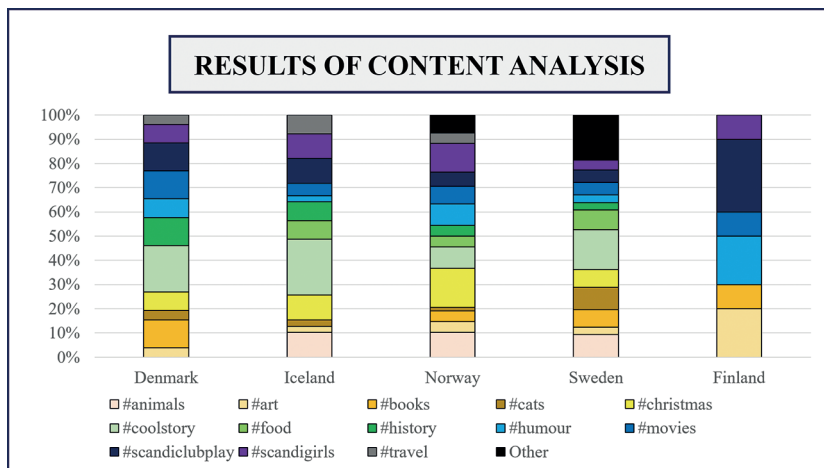

Figure 3. Distribution of Posts by the Countries and the Topics
 Source: developed by the authors based on data from the VKontakte group [5]

It is possible to highlight the most popular posts by the number of likes and views: among them we see articles on Christmas tradition, Nordic nature and interesting facts. The similar trends are noticed when we find posts with the largest number of reposts — it is also funny stories and jokes. But the discussion is rising on controversial topics, such as the environmental agenda or unusual traditions, which means a critical understanding of these images from the Norden.

Finally, it is worth analyzing the content of posts on various topics. Publications about Nordic politics are concentrated around peaceful plots and cool stories, the connections of politicians such as Mette Frederiksen or Magdalena Andersson with the life of their citizens (for instance, the politicians’ cats and dogs). Sometimes there is an appeal to environmental initiatives or Pirate parties as a reflection of Scandinavian political trends, but it is not an example of political agitation or the pro-

motion of Nordic political structure or ideology. Nevertheless, the image of Scandinavia as a “red-green” region because of paying attention to Social Democratic leaders and ecological issues is still being consolidated. At the same time, the royal family is also significant for the representation of Northern Europe: the Queen Margrethe of Denmark is a quite frequent image of the Danish posts, and the Swedish king and queen also appeared [5].

Nordic art, music and movies are also presented widely. We can mention old masters such as Munch, Sibelius or Bergman, Christmas songs as well as contemporary singers, artists and films. The Danish actor Mads Mikkelsen appears very often in different posts connected with not only films but cool stories and merch that build a comprehensive image of Norden based on its culture and particularly film industry [6]. At the same time there are some posts such as paintings of a little boy from Sweden that tell subscribers about Nordic society, its various problems.

History of Nordic countries is presented by varied periods but we can especially notice ancient times and the XX century. It is not a complete narrative, but particular images or interesting facts. Meanwhile, from the posts of January and December 2022 we can not read about the dark sides of history, such as colonialism or racism, but readers also do not observe the promotion of the ideas of great Sweden or Denmark.

Summing up the results of the analysis, it is worth saying that all the above-mentioned images are rather attractive, and if there are some negative aspects such as accidents or death, they are promoted with a positive tone. However, criminal reports or the problem of alcoholism that rarely appear in the public seem to be clearly negative, which allows subscribers to consider the Nordic society from another perspective.

Conclusion and Discussions

As a result of the study, we have determined how Scandinavia Club actively broadcasts images of Nordic Europe that make this region attractive for living. From the interview we found out that Andrey Hegai, the founder of the Scandinavia Club, draws inspiration from the simplicity and modesty of Northern Europe, which he believes can serve as a source of motivation. His passion for Scandinavian indie music

and cinema led to the establishment of the club, expanding to encompass lectures, courses, parties, and concerts. Presently, the club's public page shares daily news that aligns with the author's personal criteria of evoking a smile, avoiding stereotypes, and highlighting captivating stories about people, animals, language, rare films, books, and music. The positive perception of Northern Europe in Hegai's mind is shaped by his genuine interest and affection for the region, while resonating with a broad audience.

At the same time, we can mention the consistent narrative built by various images which are connected with the sphere of culture while issues of high politics and economics remain outside of this imagined region which was constructed by the club. But these stories about Nordic citizens or traditions could also tell subscribers about different trends in the region. The Norden is presented by all states including Finland that is not always considered as Scandinavian country but especially Sweden and Norway as the region's center appears more often. Finally, there are some posts showing problems of Nordic societies but the positive and attractive image dominates in the public.

However, in conditions of restrictions for Russian citizens to visit these countries, it is the image in social networks that plays an increasingly considerable role in the perception of Northern Europe and contributes to people's acceptance of the Nordic brand, which, however, cannot affect interstate relations at this stage.

Bibliography

1. *Дерябин Ю. С., Антюшина Н. М.* Северная Европа. Регион нового развития. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 512 с.
2. *Новикова И. Н., Попов Д. И.* Внешнеэкономическое сотрудничество Санкт-Петербурга с Данией в XXI веке: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. № 1. С. 41–70.
3. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ — 12.03.2023.
4. Scandinavia Club. URL: <https://www.scandinaviacub.ru/> — 12.03.2023.

5. Scandinavia Club: Всё о Скандинавии // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/scandinaviacub> — 12.03.2023.
6. *Dinnie K.* Nation Branding. Concepts, Issues, Practices. London, New York: Routledge, 2016. 306 p.
7. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 208 p.
8. *Fairclough N.* Analysing Discourse. Textual analysis for social research. London: Routledge, 2003. 270 p.
9. *Magnus J.* International branding of the Nordic region // Place branding and public diplomacy. 2016. Vol. 12. No. 2–3. P. 195–200.
10. *Marjanen J., Strang J., Hilson M.* Contesting Nordicness. From Scandinavianism to the Nordic Brand. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2021. 252 p.
11. *Browning C. S.* Branding Nordicity: Models, identity and the decline of exceptionalism // Cooperation and conflict. 2007. Vol. 42. No. 1. P. 27–51.
12. *Rubin J., Schultz M., Hatch M. J.* Coming to America: can Nordic brand values engage American stakeholders? // Journal of Brand Management. 2008. Vol. 16. P. 30–39.
13. *Попов Д. И.* Образ Санкт-Петербурга в современных датских СМИ // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2022. № 23. С. 170–178.
14. *Hegai A.* Interview // Archive of V. Simonova. 02.04.2023.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»

Саликова Айша Бауыржановна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Проблемы сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в сфере высшего образования

Higher education cooperation issues in the relations of the
Republic of Kazakhstan and the Russian Federation

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить, какие факторы и проблемы препятствуют развитию двустороннего образовательного сотрудничества России и Казахстана. Для осуществления обозначенной цели автором были изучены официальные документы правительств и посольств двух государств, выделены примеры успешных и не реализованных совместных проектов. Изучив правовую базу, материалы профильных ведомств и осуществив сравнительный анализ по ряду пунктов, автор делает выводы о том, какие обстоятельства могут препятствовать усилению кооперации между Российской Федерацией и Республикой Казахстан по вопросам высшего образования, и предлагает свои рекомендации по возможному повышению эффективности российско-казахстанского сотрудничества в этой области.

Ключевые слова: высшее образование; образовательное сотрудничество; Республика Казахстан; Российская Федерация; асимметрия

Abstract. This article attempts to identify the factors and problems that hinder the development of bilateral educational cooperation between Russia and Kazakhstan. To achieve this goal, the author has studied the official documents of the governments and embassies of the two countries, highlighting examples of successful and unsuccessful joint projects. Having studied the legal framework, the materials of relevant agencies and carried out a comparative analysis on a number of points, the author draws conclusions about what circumstances may curb the strengthening of cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on higher education, and offers recommendations on possible improvements in the effectiveness of Russian-Kazakh cooperation in this area.

Keywords: higher education; educational cooperation; the Republic of Kazakhstan; the Russian Federation; asymmetry

Введение

1992 г. положил формальное начало тесному сотрудничеству двух сопредельных государств — Казахстана и России — в самых разных сферах, были установлены дипломатические отношения, был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Однако, взаимодействие Российской Федерации (РФ) и Республики Казахстан (РК) в области высшего образования приобретает особую актуальность именно сейчас, в свете изменяющейся геополитической обстановки и выхода России из Болонского процесса.

В этой работе автору обращается к недостаточно, по его мнению, освещённому вопросу проблем двустороннего сотрудничества двух государств постсоветского пространства в сфере высшего образования. Эти проблемы являются препятствиями на пути углубления и расширения академических, научно-технических связей России и Казахстана.

В работе использованы такие методы, как сравнительный и аналитический. Приводятся и результаты анкетирования иностранных студентов Санкт-Петербургского государственного университета, полученные при помощи метода интервью.

Цель настоящего исследования — выявление основных проблем и факторов, которые препятствуют усилению сотрудниче-

ства двух стран в области высшего образования. Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Обосновать актуальность изучения заявленного кейса в российско-казахстанских отношениях;
2. Охарактеризовать образовательное сотрудничество Казахстана и России с точки зрения правовой базы, исторически сложившегося сотрудничества и примеров успешно реализованных проектов;
3. Изучить официальные документы и материалы посольств двух государств и профильных органов власти;
4. Показать, каким образом те или иные факторы мешают в развитии российско-казахстанского образовательного сотрудничества.

Высшее образование как инструмент мягкой силы в современных мирополитических условиях

Необходимость выстраивания внешней политики в соответствии с концепцией «мягкой силы» как способности добиваться поставленных целей и привлекать иностранные сообщества мирными методами [1] сегодня очевидна. Образование — один из основных инструментов наращивания ресурса мягкой силы, поэтому оно также подлежит всестороннему исследованию [2, с. 85]. Кроме того, в современном обществе идет процесс складывания «экономики знаний» — в ней возрастает роль университетов как основных источников не только образования, но и знания и, соответственно, ресурсов для потенциального развития экономики. Как следствие, вопросы конкуренции и кооперации высших учебных заведений приобретают еще более важную роль, чем раньше. Всем этим и обуславливается повышенный интерес представителей научного сообщества, в том числе автора, к проблематике.

Россия-Казахстан: успехи образовательного сотрудничества.

С чего все начиналось?

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., одним из «приоритетных направлений» явля-

ется «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества» с государствами, входящими в состав Содружества Независимых Государств (СНГ). [3] В том же документе указывается на необходимость установления добрососедских отношений с сопредельными государствами, к которым относится Республика Казахстан, в том числе. «Популяризация отечественных достижений» в сфере образования так же выделяется как одна из важных составляющих долгосрочного внешнеполитического курса.

Научные, технические и академические связи между историческими соседями начали складываться намного раньше уже упомянутого 1992 г. Так, например, еще в XIX веке некоторые из представителей казахской молодежи обучались в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. А на обучение в училищах Омска выделялись стипендиальные квоты для казахо-акмолинцев и казахов-семипалатинцев. [4]

Тем не менее, формальное сотрудничество независимых после распада Советского Союза государств началось в 1992 году, и продолжилось после, например, подписанием в 1994 г. Соглашения между правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования; заключением межправительственных договоренностей. Согласно этим договоренностям, граждане Республики Казахстан могут получить образовательный грант в Российской Федерации через агентство «Россотрудничество», по линии МИД РФ, в рамках Сетевого университета Содружества Независимых Государств, Университета ШОС.

Часть грантов обеспечивается в результате подписания двусторонних соглашений между регионами и высшими учебными заведениями. В 2016 г. Кызылординская область Казахстана направила 178 студентов на обучение в Москву в Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева. По завершении обучения в планы исполнительных властей входило трудоустройство молодых специалистов по специальности и их задействование в развитии регионального промышленного сектора. [5]

В рамках российско-казахстанских соглашений сохраняется для студентов обоих государств возможность самостоятельно сдать необходимые экзамены и получить грант на обучение напрямую от вуза.

Естественно, созданные условия способствуют появлению успешных кейсов в двустороннем образовательном сотрудничестве. К примеру, региональные вузы, включая крупнейший вуз Северо-Кавказского федерального округа (СКФУ), укрепляют партнерство с Казахстаном. СКФУ сотрудничает с пятью университетами в Казахстане для продвижения русского языка, проводит «недели русского языка». В 2021 году правительства поддержали 6 научных проектов с участием России и Казахстана, в том числе проект «Интенсификация процесса биовыщелачивания ценных металлов с уменьшением техногенной нагрузки на территории». [6] В случае успешной реализации он позволит уменьшить использование серной кислоты в производстве, следовательно, уменьшить техногенную нагрузку на территории Российской Федерации и Республики Казахстан. Эти факты свидетельствуют о том, что активная работа по заключению межгосударственных и межвузовских соглашений приносит свои плоды, позволяет двум странам продвигать свои национальные интересы и улучшать качество производства.

Асимметрия как основная проблема двусторонних отношений

Переходя к основной части работы, автор выделяет следующие проблемы двустороннего образовательного сотрудничества России и Казахстана:

1. Если обратиться к данным Статистического ежегодника Евразийского экономического союза (ЕАЭС), то в количественном измерении российско-казахстанских двусторонних отношений можно отследить заметную асимметрию. В ежегоднике отмечается, что на 2021–22 учебный год в России обучалось 61040 студентов из Казахстана (0,32% от всего населения РК или 18,8% от числа всех иностранных студентов в государстве), в Казахстане — 1342 студента из России (0,0009% от населения РФ или 4,6% от числа всех иностранных студентов в государстве). [7] При этом, по данным посольства Республики Казахстан в Российской Федерации студенты из Казахстана чаще всего выбирают поступать на гуманитарные специаль-

ности, чуть реже — инженерно-технические специальности и меньше всего казахстанских студентов получает образование, связанное с естественными науками. [4] Найти подобную статистику, которая отразила бы структуру академических интересов студентов из России в Казахстане автору не удалось, чему виной, скорее всего, сравнительно небольшая численность этой группы и ее неоднородность, и, как следствие, отсутствие интереса к сбору количественных данных со стороны статистических служб или органов власти двух стран;

2. Продолжая предыдущий пункт, автор отмечает: различается структура институтов, занимающихся привлечением иностранных студентов в университеты двух государств: здесь преимущество на стороне России, создавшей агентство «Россотрудничество», Казахстан похожей по направленности структуры не имеет. Нет у казахстанских вузов и филиалов в России, в то время как в Астане, например, студенты обучаются в филиале Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в костанайском филиале Челябинского государственного университета. [8].

Периодически наблюдаются трудности в процессе совместного институционального строительства: так, по Плану совместных действий двумя правительствами в 2019–2021 гг. предпринималась попытка создания Российско-Казахстанского университета, о чем можно прочесть в материалах Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. [6] Тем не менее, в мае 2023 г. популярный поисковик «Google» по запросу «Российско-Казахстанский университет» не выдает релевантных ссылок, что позволяет сделать вывод о том, что амбициозный проект так и не был реализован.

Такова ситуация на сегодняшний день, однако, 24 февраля 2023 г. на сайте Министерства высшего образования и науки Российской Федерации была опубликована новость о заключении «Соглашения о создании и функционировании филиалов российских вузов в Республике Казахстан и филиалов казахстанских вузов в Российской Федерации». [9] Срок его действия — пять лет,

соглашение подразумевает возможность продления. В документе не приводится точный список учебных заведений, готовящихся открыть свои филиалы в соседних государствах. Говорится лишь о таком желании со стороны Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина, Новосибирского государственного университета (хотя, по данным казахстанских СМИ, филиалы первых двух вузов должны были зачислить первых казахстанских студентов еще осенью 2022 г. [10]). По состоянию на май 2023 г. список оглашен не был. Автор выражает надежду на то, что сотрудничество будет более успешным и плодотворным, чем некоторые из предыдущих попыток, и позволит хотя бы частично сгладить асимметрию в двусторонних соглашениях;

3. Сильно различается и количество вузов в двух государствах: на 2020 год их было 724 в России и 120 в Казахстане. Причина, вероятно, кроется в разной численности населения (19 миллионов человек в РК против 147 миллионов в РФ) и, соответственно, в неравнозначном спросе на получение образования в высших учебных заведениях;
4. Есть смысл рассмотреть также позиции и численность университетов двух стран в международных образовательных рейтингах на примере рейтинга QS World University Rankings 2022. [11] МГУ первым из российских вузов появляется в рейтинге, на 78 месте, всего же в списке находятся 48 образовательных учреждений из РФ. Положение университетов Казахстана более скромное — 175 место у Казахского национального университета имени Аль-Фараби и 14 казахстанских вузов в общей сложности. Если соотнести эти данные с общим числом высших учебных заведений, получим, что в рейтинг QS 2022 года вошли около 7% университетов России и примерно 12% университетов Казахстана;

Рассмотрение подобных рейтингов представляется автору крайне важным, потому как позиции вузов разных стран в рейтингах — один из критериев, который используют иностранные абитуриенты, выбирая место обучения за границей. Для них важны позиции в рейтинге — количественное измерение и сам

факт нахождения университета в списке — качественное измерение. Об этом свидетельствуют результаты проведенного автором небольшого исследования: опроса иностранных обучающихся Санкт-Петербургского государственного университета на платформе Google Forms. В нем приняли участие 27 студентов из ближнего и дальнего зарубежья, 24 из них — русскоговорящие, трое — англоговорящие. 89% респондентов получают образование бакалавра, оставшиеся 11% — один специалист и один магистрант. На вопрос о важности для них использования образовательных рейтингов при поступлении в вуз — 85% студентов ответили, что изучали рейтинги, будучи абитуриентами, из них 13 человек — из интереса, другие 10 — «потому что это важно для них». Примечательно, что все три англоговорящих респондента выбрали последний вариант.

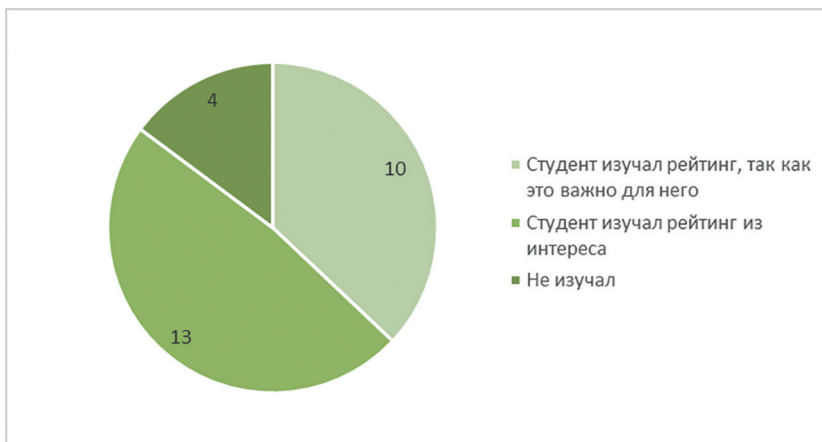

Рисунок 1. Структура ответов иностранных студентов СПбГУ на вопрос «Изучали ли вы образовательные рейтинги, выбирая вуз в процессе поступления?»

В ходе исследования была выделена ещё одна интересная тенденция. На вопрос об объективности международных рейтингов студенты отреагировали так: 48% студентов нашли их

необъективными, треть — объективными, почти треть — затруднились дать ответ. И вправду будет справедливо заметить: несмотря на то, что рейтинги имеют разработанную методологию расчета и позволяют получить первое представление о наличии у выбранного вуза преимуществ относительно аналогичных учебных заведений, они не являются единственным и самым верным способом оценки качества образования и привлекательности университета, потому как нередко составляются частными агентствами и допускают возможность субъективной оценки перспектив того или иного образовательного учреждения экспертами. По этой причине автор считает, что рейтинги важно изучать, но только в совокупности с другими, не только количественными, методами оценки привлекательности, эффективности и качества образования, которое можно получить в рассматриваемом университете.

Если вернуться к обработке результатов опроса, то рекомендации автора по наращиванию вузами привлекательности для иностранной аудитории были следующими: изучить какие факторы больше всего влияют на решения иностранцев об обучении в том или ином ВУЗе, сконцентрироваться на внедрении новаторских идей именно в этих сферах, разрушать стереотипы иностранных сообществ посредством создания медиа-, аудио-, образовательного контента, организации межгосударственных обменов; постепенно преобразовать систему высшего образования — решить общие структурные и менее значительные частные проблемы, которые несложно выявить в ходе подобного проведенного автором опроса, или прислушавшись к мнениям студентов и экспертного сообщества;

5. Наличие языкового барьера также может тормозить развитие академической мобильности студентов, особенно по направлению из России в Казахстан, где обучение ведётся не только на русском, но и на государственном, казахском языке (в соотношении $\frac{1}{2}$). Так, казахским языком в Казахстане владеет 80,1% населения, русским — около 89%. В России же, по данным переписи 2010 года, 99,4% респондентов владело русским, казахским — 0,29% опрошенных. Взглянув на эту статистику, несложно оце-

нить, что мобильность и образование в России более доступны гражданам Казахстана в силу того, что они владеют русским языком на намного более высоком уровне, чем россияне — казахским. Постепенный переход РК к латинице тоже может в перспективе осложнить процессы расширения образовательного сотрудничества.

Выводы

С опорой на приведенные выше данные, мы можем говорить о том, что несмотря на длительность и добрососедский характер сотрудничества России и Казахстана в области высшего образования (и не только), в двусторонних отношениях наблюдается «перекос» на сторону первой. В Российской Федерации учится в 60 раз больше казахстанских студентов, чем в Казахстане — россиян. Этому способствуют наличие у России более развитой сети институтов, занимающихся наращиванием российской мягкой силы (например, «Россотрудничество»), большее количество вузов на территории РФ и практически полное отсутствие языкового барьера для казахстанских студентов, желающих обучаться в России.

Тем не менее, перспективы развития двустороннего образовательного сотрудничества, по нашему мнению, сохраняются в силу выхода Российской Федерации из Болонской системы (что ограничивает возможности для преподавательской и студенческой мобильности и, как следствие, укрепления научно-технических связей с государствами мира) и приоритетности для России развития интеграционных отношений на пространстве СНГ и с пограничными странами. Казахстан, как государство с более молодыми образовательными традициями, с ещё окончательно не сформировавшейся вузовской системой, в равной степени заинтересован в сотрудничестве и в сокращении отставания от России по вышеупомянутым показателям. Концентрация на решении структурных проблем в образовательной сфере, более активное продвижение университетских брендов в медиапространстве и организация молодежных обменов могут этому поспособствовать.

Библиография

1. Joseph S. Nye. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York: Public Affairs, 2014.
2. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — Т. 4, № 25. — С. 85–93.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> — 21.05.2023
4. Ресейдегі Қазақтар: тарихи очерктер // Қазақстан Республикасының Ресей Федерациясындағы Елшілігі: сайт. — URL: https://kazembassy.ru/kaz/diaspora/kazahi_v_rossii/ — 21.05.2023
5. Ресейде оқитын қазақстандық жастардың студенттік өмірі жайлы // Қазақстан Республикасының Ресей Федерациясындағы Елшілігі: сайт. — URL: <https://kazembassy.ru/kaz/studenty/vuzy/> — 21.05.2023
6. Сотрудничество России и Казахстана: межвузовское партнерство, новые филиалы университетов, совместные научно-технические проекты // Министерство высшего образования и науки Российской Федерации: сайт. — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46685/> — 21.05.2023
7. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Статистика Евразийского экономического союза. 2022. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf
8. Филиалы российских вузов // Посольство Российской Федерации в Казахстане: сайт. — URL: http://www.rfembassy.kz/tm/russian_mission_in_kazakhstan/filialy_rossiiskih_vuzov/
9. Россия и Казахстан договорились о работе филиалов университетов // Министерство высшего образования и науки Российской Федерации: сайт. — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/47771/> — 21.05.2023
10. Филиалы двух российских вузов откроют в Казахстане // TengriNews: сайт. — URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/filialyi-dvuh-rossiyskih-vuzov-otkroyut-v-kazahstane-474707/ — 21.05.2023
11. QS World University Rankings 2022: сайт. — URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022> — 21.05.2023

Шегирбаев Ожет Амирбекович

Институт права и национальной безопасности РАНХиГС,

Аспирант 2го курса,

Магистр государственного управления, Магистр международных отношений

Влияние санкций на казахстанско-российские отношения в торгово-экономической сфере в 2022 году

The impact of sanctions on Kazakh-Russian relations in the
trade and economic sphere in 2022

Аннотация. Введение санкций, как правило ставит своей целью изменение заданного курса страны, и косвенным образом влияние на сотрудничество данной страны с другими странами-партнерами. В данной статье рассматривается торгово-экономическое сотрудничество между Казахстаном и Россией в 2022 году, когда Россия оказалась под беспрецедентным санкционным давлением стран Коллективного Запада. Основываясь на статистических данных, автор отмечает, что несмотря на незначительное сокращение количества крупных совместных предприятий, и снижения валового притока инвестиций из России в Казахстан, значительно увеличилось общее количество совместных компаний, а также увеличился уровень взаимной торговли между странами.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, торгово-экономическое сотрудничество, санкции.

Abstract. The imposition of sanctions aims to change the given course of the country, and indirectly influence the cooperation of this country with other partner countries. This article examines trade and economic cooperation between Kazakhstan and Russia in 2022, when Russia found itself under unprecedented sanction pressure from the countries of the Collective West. Based on statistical data, the author notes that despite a slight decrease in the number of large joint ventures, and a decrease in the gross inflow of investments from Russia to Kazakhstan, the total number of joint companies has significantly increased, as well as the level of mutual trade between countries.

Keywords: Kazakhstan, Russia, trade-economic cooperation, sanctions.

Введение

В свете российско-украинского военного конфликта, начавшегося в феврале 2022 года, страны Коллективного Запада наложили на Россию небывалое количество санкционных ограничений. Как отмечало Министерство экономического развития РФ под прямые запреты, связанные с санкциями, попала почти четверть российского экспорта и импорта, в целом же против России введено порядка 11 тысяч санкций [1]. При этом, эта информация поступала еще до введения 10го пакета санкционных ограничений со стороны Европейского Союза (ЕС). В настоящий момент, когда пишется данная работа на обсуждении введение 11го пакета санкций ЕС, вводятся дополнительные ограничения со стороны США, Великобритания ввела запрет на импорт российских алмазов.

При этом, одной из главных целей введения санкционных ограничений является смена заданного курса страны, в отношении которой вводятся санкции. Согласно труду Г.Хафбауэра и авторского коллектива «Новый анализ экономических санкций», санкции — это намеренные действия страны-инициатора, коалиции государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из торговых и финансовых отношений со страной, которая является целью санкций [2].

Кроме того, как отдельные отмечают авторы, помимо прямого влияния на внутреннюю политику страны, в отношении которой вводятся санкции, имеет также и косвенное влияние на сотрудничество данной страны с другими странами-партнерами [2, 3]. В этой связи, интерес для данной работы представляет то, какое влияние данные санкции оказывали на торгово-экономические отношения между Казахстаном и Россией в течении 2022 года.

С учетом того, Федеральная таможенная служба России на фоне введения западных санкций временно приостановила публикацию статистики по экспорту [4], в данной работе будут использованы статистические данные Республики Казахстан.

Казахстанско-российские отношения в свете санкций.

Казахстан, выступает одним из стран-партнеров России по Евразийскому экономическому союзу, Организации Договора о Коллективной Безопасности, имеет самую длинную протяженную государственную границу в мире.

На текущий момент сотрудничество между двумя странами построена на договорной базе из порядка 4000 документов. Из них, одним из первых подписанных документов, задавших тон взаимному сотрудничеству стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, ратифицированный Казахстаном 2го июля 1992 года [5].

Стоит также отметить и Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о добрососедстве и союзнничестве в XXI веке, совершенный в Екатеринбурге 11 ноября 2013 года. Данный документ был ратифицирован в Казахстане 7 ноября 2014 года [6].

Данные документы определяют широкий спектр отраслей и сфер взаимного сотрудничества и устанавливают основные ниши взаимодействия друг с другом как равноправные и суверенные государства на основе взаимного доверия, стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества.

Текущая же геополитическая ситуация привела к нарушению цепочек поставок, и определенному давлению не только на Россию, но и страны партнеры России в первую очередь в торгово-экономической сфере.

С политической точки зрения, Казахстан изначально заявил о своей позиции, которая заключается в соблюдении норм международного права, признанного международным большинством, однако, сохранение сложившихся торгово-экономических и иных связей с Россией, также является важным приоритетом для Казахстана. При этом, для разрешения имеющихся противоречий, необходимо использовать весь имеющийся дипломатический потенциал стран конфликта.

Из последних выступления официальных лиц Казахстана, можно привести интервью Заместителя министра иностранных дел Казахстана Р.Василенко, данное немецкому изданию Deutsche Welle: «Мы четко говорим, что мы не занимаем ни пророссийскую, ни проамериканскую, ни прокитайскую позицию. Наша позиция — проказахстанская, в основе нашей внешней политики лежат наши национальные интересы.

Казахстан четко определил свою позицию. Она заключается в необходимости уважения территориальной целостности всех государств, включая Украину, на основе Устава ООН. Для Казахстана с населением в 20 миллионов человек, среди которых — **3,5 миллиона русских, 250 тысяч этнических украинцев**, — это очень близкий конфликт, трагическая война. Поэтому Казахстан стремится всеми силами помочь прекратить кровопролитие и внести свой вклад в урегулирование конфликта» [7].

При этом, если рассматривать данную ситуацию исключительно с точки зрения торгово-экономических связей, то, необходимо отметить, что текущая ситуация подстегнула развитие торговых отношений между странами.

Так, например, согласно расчетам автора, основанным на открытых данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и развитию Казахстана (БНС АСПИР) по состоянию на 1 января 2023 года, в Казахстане было зарегистрировано 18 906 совместных с предприятий с РФ, из них действующих было 15 661 предприятие. Если говорить о размерности данных предприятий, то из 15 661 компании, 15 501 компаний являются малыми, 112 средними и 48 компаний крупными.

Если же сравнивать этот показатель с аналогичным периодом 2022 года, то налицо двукратный рост действующих малых совместных предприятий, а также небольшой рост средних, при незначительном уменьшении количества крупных совместных компаний что наглядно видно на Таблице 1.

Таблица 1. Количество зарегистрированных совместных предприятий с Россией на территории Казахстана.

	Всего	Малые	Средние	Крупные
2022 год	11 466	11 294	115	57
2023 год	18 906	18 741	117	48
Прирост	65%	66%	2%	-16%

Таблица 2. Количество действующих совместных предприятий с Россией на территории Казахстана.

	Всего	Малые	Средние	Крупные
2022 год	7 974	7 807	110	57
2023 год	15 661	15 501	112	48
Прирост	96%	99%	2%	-16%

Всего же, из 21й компании, которая реплицировалась на территорию Казахстана с территории РФ, 4 компании являются российскими, при этом компания InDriver, хоть и указана в официальном сообщении МИД РК, как компания США, фактически является российской [8].

Кроме того, значительно выросли денежные переводы из Российской Федерации в Казахстан, с 53млрд. тенге (~115 млн. долл.США) до 360 млрд. тенге (~783 млн.долл.США) [9], показав семикратный рост.

При этом, не во всех сферах просматривается рост взаимодействия. Так, согласно данным Национального Банка Казахстана, объемы валового притока прямых инвестиций из России в Казахстан в 2022 году сократились на 19,7% с 1,9 млрд. долл.США до 1,5 млрд.долл.США. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что 2021 год стал рекордным по притоку прямых инвестиций из России, и 1,5 млрд.долл.США в 2022 году, гораздо выше, чем этот же показатель за весь период с 2005 года, за исключением 2021 года, соответственно

График 1. Валовый приток ПИИ из РФ в РК, млрд.долл.США.

Если говорить о таком важном показателе, как торговля, то данный показатель показал рост на 6,1%, и составил 26,1 млрд. долл. США. Несмотря на то, что сальдо торговли остается отрицательным для Казахстана, казахстанский экспорт показал рост на 25,1% и составил 8,8 млрд. долл. США.

Рост экспорта в Россию обосновывается увеличением поставок таких товаров, как:

- уран — рост в 2 р. или на 485,2 млн. долл. США (с 473,4 до 958,5 млн. долл. США),
- телевизоры, мониторы и проекторы — рост в 553 р. или на 205,6 млн. долл. США (с 0,4 до 206,0 млн. долл. США),
- оксиды и гидроксиды алюминия — на 93,3% или на 162,7 млн. долл. США (с 174,3 до 337,0 млн. долл. США),
- электрооборудование для зажигания и пуска двигателей внутреннего сгорания — рост в 1099,3 р. или на 80,5 млн. долл. США (с 0,1 до 80,6 млн. долл. США),
- цинк необработанный — на 53,1% или на 79,1 млн. долл. США (с 148,9 до 228,0 млн. долл. США).

Основными товарами экспорта из Казахстана в Россию являются: уран — 958,5 млн. долл. США (с долей 10,9%), прокат плоский из нелегированной стали горячекатаный — 472,6 млн. долл. США (5,4%), руды и концентраты драгоценных металлов — 339,1 млн. долл. США (3,9%), оксиды и гидроксиды алюминия — 337 млн. долл. США (3,8%), прокат плоский из нелегированной стали плакированный — 302,6 млн. долл. США (3,4%), руды и концентраты железные — 255,8 млн. долл. США (2,9%), отходы и лом черных металлов — 247,3 млн. долл. США (2,8%), цинк необработанный — 228 млн. долл. США (2,6%), ферросплавы — 217,1 млн. долл. США (2,5%).

Импорт в Казахстан из России за 2022 год ожидаемо снизился на 1,5% и составил 17,3 млрд. долл. США. При этом, показатель по торговле, также выступает рекордным за последние 10 лет, что также наглядно видно на Графике 2.

График 2. Взаимная торговля между РК и РФ в течении 10 лет, млрд.долл.США.

Выводы

Исходя из данных, размещенных в открытом доступе казахстанской статистики, санкционное давление на Российскую

Федерацию, в практическом плане не оказало значительного влияния на развитие торговых отношений между странами, создания новых совместных предприятия на территории Казахстана. Открывается новое окно возможностей в части развития новых проектов промышленной кооперации и сотрудничества в новых отраслях взаимодействия.

При этом, необходимо отметить, небольшое снижение количества зарегистрированных и действующих совместных предприятий на территории Казахстана, а также значительное снижение притока российских инвестиций в Казахстана.

Литература:

1. Alta.ru: сайт. Москва, 2022. URL: https://www.alta.ru/external_news/93738/ (дата обращения: 28.09.2022).
2. Hufbauer G., Shott., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009, p. 755–764.
3. Тимофеев И. Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №4. С. 136–152
4. ФТС временно перестанет публиковать статистику по экспорту и импорту // РИА. URL: <https://ria.ru/20220421/statistika-1784790695.html>
5. О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией // Adilet. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B920005500_
6. О ратификации Договора между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о добрососедстве и союзничестве в XXI веке // Adilet. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000246>
7. МИД о позиции по Украине: Не пророссийская, не проамериканская, не прокитайская // Tengrinews. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mid-pozitsii-ukraine-ne-prorossiyskaya-ne-proamerikanskaya-495329/
8. Какие компании релоцировались в Казахстан. Список // Tengrinews. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kakie-kompanii-relotsirovalis-v-kazahstan-spisok-487232/?fbclid=IwAR3P2cz_-5nLbNtStDj3CHXQ3TkeAKvzuGSYsOY0ZZlslJLQHvI0poRRO3g
9. Денежные переводы из России в Казахстан выросли почти в семь раз в 2022 году // Форбс Казахстан. URL: <https://forbes.kz/actual/stats/>

denejnyie_perevodyi_iz_rossii_v_kazahstan_vyirosli_pochti_v_sem_raz_v_2022_godu/

Информация об авторе:

Ожет Амирбекович ШЕГИРБАЕВ, Магистр международных отношений, Магистр государственного управления, Аспирант Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, Директор департамента аналитики мировых рынков АО QazTrade, e-mail: Ojetov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7414-4689

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»

Алексеева Елена Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
4 курс бакалавриата

Российская мягкая сила глазами китайских ученых

Russia's soft power through the lens of Chinese academic
discourse

Аннотация. В данной статье представлены результаты анализа восприятия научным сообществом Китая мягкой силы РФ на примере публикаций китайских исследователей, входящих в электронную базу данных CNKI. Для выявления интереса ученых КНР к заявленной проблематике был также проведен сравнительный обзор работ за 1991–2023 гг., посвященных мягкой силе других государств. Анализ статей, докторских и магистерских диссертаций, вышедших в период 2006- апрель 2023 гг., позволил выделить основные тематические группы исследований, а также изучить процесс трансформации, проблемы и перспективы мягкой силы РФ с точки зрения китайской концепции «мягкой силы».

Ключевые слова: мягкая сила; мягкая сила РФ; китайская концепция «мягкой силы»; научный дискурс КНР; CNKI

Abstract. This article presents an analysis of the Chinese academic community's perception of Russia's soft power based on publications by Chinese researchers included in the CNKI database. In order to determine the relevance of the subject matter in question, a com-

parative review of academic publications from 1991 to 2023 on soft power of other countries was conducted. Based on the analysis of research papers, theses and dissertations between 2006 and April 2023, major thematic areas were identified, the evolution process, problems and prospects of Russia's soft power were examined from the perspective of Chinese soft power concept.

Keywords: soft power; Russia's soft power; Chinese concept of soft power; Chinese academic discourse; CNKI

Во второй половине XX в. в условиях холодной войны усилилось информационно-пропагандистское, идеологическое и культурное противостояние, апофеозом которого стало формирование однополярного мира с центром — США. Данному успеху способствовали информационные технологии, которые к концу 80-х гг. прошлого века активно продвигали имиджевое превосходство Запада: экономической модели, базирующейся на частной собственности, и либеральной идеологии, в основу которой положена индивидуальная свобода. Опыт использования США мягкой силы в борьбе со своими политическими противниками в период холодной войны, положил начало более чем 30-летнему обсуждению проблематики «мягкой силы» в КНР. В результате активных научных дискуссий, простимулированных политическим дискурсом, сформировалась китайская теоретическая концепция «мягкой силы», характеризующаяся прагматизмом, культуроцентричностью, сочетанием задач консолидации общества, обеспечения национальной безопасности и имиджевого позиционирования страны за рубежом.

В условиях острого информационного и идеологического противостояния, в котором РФ и КНР вынужденно находятся по другую сторону западного дискурса, очевидна необходимость анализа беспристрастной экспертной оценки отечественной мягкой силы, выполненной учеными страны с устойчивым теоретическим подходом к восприятию концепции и большим опытом ее практической реализации. Таким образом, было проведено исследование восприятия российской мягкой силы в китайском научном дискурсе.

Для оценки актуальности данной проблематики для китайского научного сообщества был произведен количественный анализ работ китайских исследований, опубликованных в КНР

на китайском языке, посвященных оценке мягкой силы иностранных государств, вышедших в период от 1991 г., когда была опубликована первая статья по мягкой силе США, до настоящего времени.. Ежегодно в КНР выходит множество исследований по проблематике мягкой силы, существенная часть которых посвящена реализации данной концепции в других странах. Критерии отбора стран для поиска в базе, помимо Российской Федерации — это лидирующие позиции в международном рейтинге Global Soft Power Index и наличие более 5 публикаций в базе CNKI [1].

Результаты анализа представлены в таблице 1.1. Поскольку китайские ученые преимущественно руководствуются собственной теоретической школой мягкой силы, тематическое и страновое распределение исследований не связано с традиционным восприятием концепции, отраженном в международных рейтингах мягких сил стран мира. Таким образом, не наблюдается корреляции между местом государства в рейтинге Global Soft Power Index [2] и количеством исследований, посвященным его мягкой силе. Очевидно, что ученые КНР прежде всего заинтересованы в анализе опыта реализации мягкой силы государств, находящихся в регионе базирования КНР, являющихся ее основными конкурентами в рамках Юго-Восточной Азии, особенно — Японии и Республики Корея, а также США как страны, где впервые была сформулирована концепция. При этом Российская Федерация занимает второе место по количеству публикаций после США среди стран, не относящихся к региону ЮВА, а по общему количеству диссертаций даже опережает Соединенные штаты.

Таблица 1.1. Публикации по мягкой силе стран с высокими позициями в рейтинге Global Soft Power Index 2022.

Страна	Статьи	Магистерские диссертации	Докторские диссертации	Общее количество	Место в Global Soft Power Index 2022
США	161	20	4	185	1

Страна	Статьи	Магистерские диссертации	Докторские диссертации	Общее количество	Место в Global Soft Power Index 2022
Великобритания	32	8	5	45	2
Германия	15	3	1	19	3
Франция	35	7	4	46	6
Япония	140	54	6	200	5
Южная Корея	71	37	2	110	12
РФ	65	26	4	95	13

Различия по странам проявляются в том числе в проблематике исследований: для исследователей мягкой силы государств регионального позиционирования КНР — Южной Кореи и Японии, с точки зрения проблематики, главный интерес представляет медиаиндустрия, особенно анимация, дорамы и поп-группы — ключевой предмет конкуренции в сфере культуры данных стран и КНР. В контексте популярной культуры Японии, во многих исследованиях рассматривается инициатива «Cool Jарап» (крутая Япония), направленной на развитие креативного сектора экономики. Ряд публикаций посвящен мягкой силе крупнейших городов, в контексте перспектив развития привлекательности мегаполисов (Токио, Сеула), установления отношений с городами-побратимами. Некоторые работы представляют оценку привлекательности традиционной культуры Японии и Республики Корея.

Рассматривая мягкую силу США, значительная часть работ носит общий характер: историческую перспективу «взлета и падения» мягкой силы США и общетеоретический обзор с позиций концепции Дж. Ная. Ряд подобных публикаций описывают отдельный отрезок в истории США — администрации некоторых президентов (Трамп, Обама), рубеж 19 и 20 веков. Китайские исследователи уделяют пристальное внимание брэнду Голливуда как инструмента мягкой силы, для формирования собственной конкурентноспособной киноиндустрии, способной транслировать ценности и идеологические уста-

новки, альтернативные американским, внутри самой КНР и за рубежом. Большой пласт исследований посвящен мягкой силе образования США, как страны-лидера по количеству иностранных студентов.

Проблематика студенческих обменов также присуща исследованиям мягкой силы государств Европы. Причем залогом привлекательности программ обмена в сфере высшего образования представляется политика по продвижению собственного языка за рубежом. Учитывая, что распространение Институтов и классов Конфуция в мире является приоритетом для КНР, существует политический запрос на изучение иностранного опыта соответствующего направления политики других стран. Так, большинство исследований мягкой силы Великобритании, Франции и Германии представляют собой анализ деятельности Британского Совета, Французского института и Гете-института соответственно.

Для анализа взгляда китайских ученых на российскую мягкую силу в результате поиска по темам, по ключевым словам, по названиям и внутритекстового поиска были отобраны 95 публикаций: 65 статей, 26 магистерских и 4 докторские диссертации.

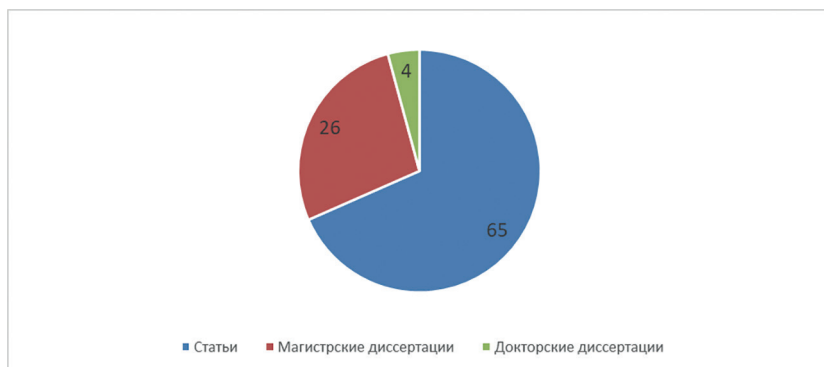

Рис. 1.1. Количество исследований мягкой силы РФ по типу публикаций

Первые публикации, посвященные проблематике, представлены преимущественно работами в научной периодике, но по мере актуализации мягкой силы как внешнеполитического инструмента КНР и политического запроса на исследования в данной области, мягкая сила России стала центром внимания магистерских и докторских диссертаций. С 2012 г., когда мягкая сила была официально закреплена в политическом дискурсе РФ, наряду с научными статьями, ежегодно выходят магистерские диссертации со средним значением в 2 публикации в год.

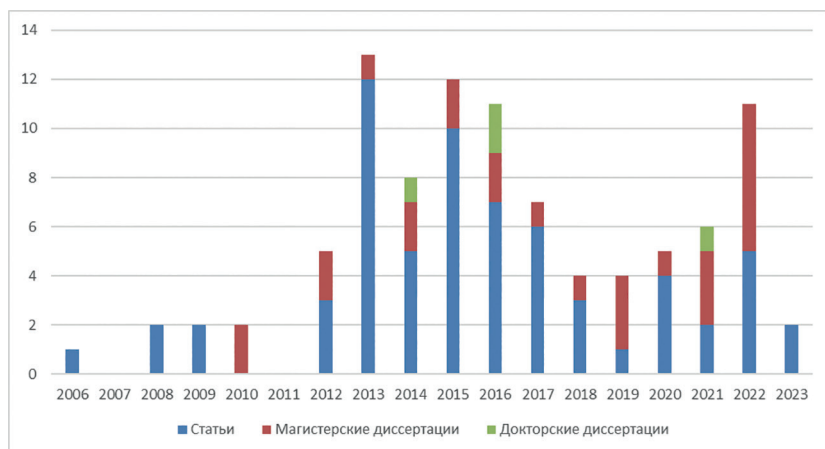

Рис. 1.2. Структура исследований по типам публикаций за период 2006–23 гг.

Первое исследование датируется 2006 г., последние публикации относятся к началу 2023 г. 2012 г., когда термин «мягкая сила» вошел в официальный политический дискурс РФ, а в КНР академические дискуссии мягкой силы были простимулированы новым руководством, характеризуется количественным ростом исследований, расширением рассматриваемых аспектов. Спад в количестве публикаций 2017–2019 гг. относится в том числе к исследованиям, посвященным мягкой силе стран Запада, и связан с пе-

реориентацией внимания китайских ученых на собственную мягкую силу в условиях разворачивающейся конфронтации с США, ужесточившегося информационного противостояния в связи с принятием поправок в Конституцию КНР от 2018 г., а также начала пандемии Ковид.

С точки зрения объекта исследования, данные материалы могут быть тематически разбиты на 12 категорий, представленных на графике 1.3.

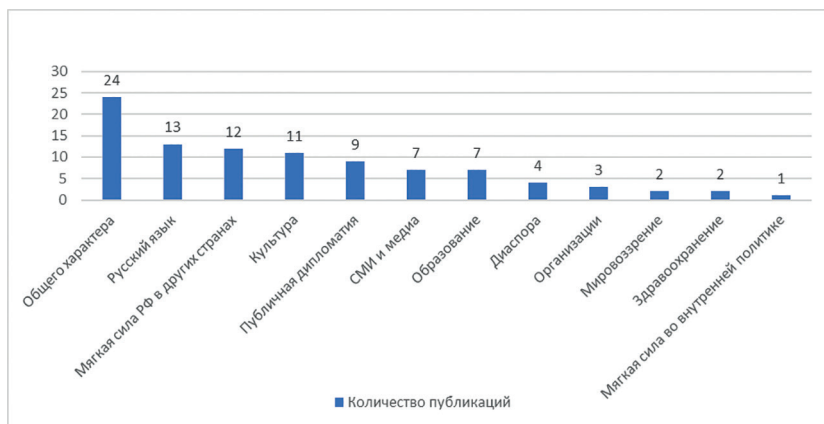

Рис. 1.3. Количество публикаций по темам

Подавляющее большинство исследований носят общий характер, где анализируется либо большой спектр инструментов российской мягкой силы в определенный период времени, либо хронология трансформации концепции в РФ. Среди составляющих элементов российской мягкой силы китайские исследователи придают наибольшее значение политике РФ, направленной на распространение русского языка за рубежом, в качестве ценного опыта для выработки языковой политики КНР. Подобный интерес, с одной стороны, соответствует политическому запросу на исследования зарубежной практики продвижения языка, в том числе посвященные специализированным организациям: Французскому институту, Британскому совету, Гете-институту,

где представлен сравнительный анализ их деятельности и практики Института Конфуция, и, с другой стороны, свидетельствует о важности для КНР регионального измерения языковой политики. Призыв использовать опыт РФ по обеспечению статуса русского языка как лингва-франка на постсоветском пространстве в стратегии целевого продвижения китайского языка в рамках отдельных регионов и особенно ЮВА и Средней Азии, подтверждает последний тезис.

Имеется большое количество исследований в области имплементации российской мягкой силы на постсоветском пространстве, причем рассматриваются как отдельные страны (Украина, Киргизия, Казахстан), так и регионы: Центральная Азия, пространство СНГ. Региональное присутствие российской мягкой силы рассматривается как фактор, который необходимо учитывать КНР при проведении собственной политики мягкой силы в соответствующем регионе или, в случае Украины — в контексте разворачивающегося конфликта с Западом.

Большое число публикаций, посвященных культуре, отражает присущий китайской теории мягкой силы акцент на культурный компонент концепции. Другие часто встречающиеся темы исследований — услуги в сфере высшего образования, публичная дипломатия, медиа платформы и СМИ как инструменты российской мягкой силы. Необходимо уточнить, что в категорию публичная дипломатия входит и так называемая «форумная» дипломатия, рассматриваемая и как самостоятельный феномен, и на примере отдельных мероприятий — Международного дискуссионного клуба «Валдай». В рамках публичной дипломатии рассматривалось в том числе положительное развитие отношений РФ и КНР в результате Зимних Олимпийских Игр 2014 г. в Сочи [3]. Также важно заметить, что медиакоммуникации РФ как категория исследований возникла в связи с обострением отношений РФ и стран запада на фоне украинского конфликта, когда важным элементом конфронтации стала полемика российского иновещания и западных СМИ.

Периодически встречаются работы, посвященные российской диаспоре и организациям-проводникам мягкой силы РФ за рубежом: федеральному агентству Россотрудничество

и фонду «Русский мир», который в последние годы стал объектом исследования не только академической периодики, но и магистерских диссертаций. Другая относительно новая проблематика — проецирование Россией мягкой силы через международное сотрудничество в области здравоохранения и оказание гуманитарной помощи в период пандемии Ковид-19. Совершенно иной ракурс подхода к анализу российской мягкой силы представлен 2 исследованиями, в которых устанавливается связь некоторых мировоззренческих концепций, посвященным исторической роли России (концепция «неоевразийства» [4], «русская идея» [5]) и собственного имиджевого позиционирования РФ за рубежом.

Работа, наглядно демонстрирующая специфику китайского восприятия мягкой силы, а именно ее позиционирования как инструмента прежде всего внутренней политики, направленной на сплочение общества — статья от 2013 г. [6], в которой объектом исследования стало непосредственно российское общество и его восприятие образа собственного государства.

Интерес китайских исследователей к российской мягкой силе обусловлен рядом факторов. Во-первых, представляется важным анализ недостатков российской мягкой силы как преемника советской, чье идеологическое поражение видится основной предпосылкой распада государства. Во-вторых, очевидна необходимость сопоставления современного инструментария российской и китайской мягких сил, поскольку обе направлены на создание дискурсивного пространства, альтернативного западному. Перспективам взаимного обмена опытом также способствует близость подходов двух стран к мягкой силе: ее признание в качестве политического инструмента с акцентом на языковую политику и широкий инструментарий ее реализации. На региональном уровне КНР заинтересована в оценке конкурентоспособности российской мягкой силы как потенциального соперника.

Отраженная на графике 1.4. трансформация тематики публикаций, посвященных российской мягкой силе, соответствует периодизации развития научного и политического дискурса о мягкой силе в КНР.

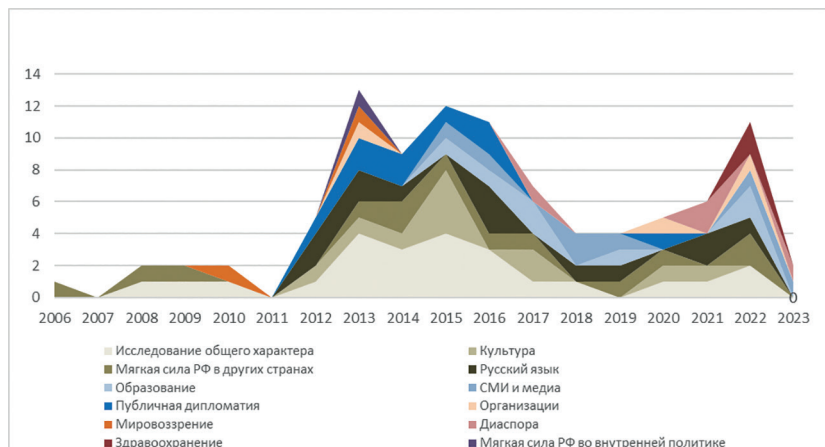

Рис. 1.4. Структура публикаций по темам за период 2006–23 гг.

Первые публикации представлены преимущественно работами общего характера и исследованиями реализации мягкой силы России на региональном или страновом уровнях. Новизна проблематики, не до конца оформившийся собственный теоретический подход к анализу, неопределенность места мягкой силы во внешнеполитической повестке РФ выступали основными факторами, ограничивающими возможность появления более тематически разнообразных и узконаправленных исследований. С 2012 г, когда китайская теория мягкой силы получила качественный толчок с включением термина в доктрину национальной безопасности, а также его первым появлением в официальном дискурсе руководства РФ, набор рассматриваемых тем дополнился языковой политикой, культурой и публичной дипломатией. После 2014 г, ознаменовавшегося началом острого информационного противостояния РФ и стран Запада, в научный оборот была введена проблематика внешней коммуникации России. Впоследствии список тем дополнился следующими аспектами: экспорт российского образования, организации-проводники мягкой силы РФ, политика РФ в отношении диаспоры и соотечественников за рубежом. Пандемия ковид-19 актуализировала вопросы международного сотрудниче-

ства России в области здравоохранения как элемента собственного имиджевого позиционирования.

Большинство исследований общего характера пытаются объяснить феномен роста позиций РФ в международных рейтингах мягкой силы несмотря на то, что еще в начале 2000-х актив российской мягкой силы, не подкрепленный экономической мощью, фактически, отсутствовал. Китайские ученые, оставаясь приверженными собственной теоретической школе, которая рассматривает концепцию скорее в реалистической, нежели либеральной парадигме с акцентом на культурный компонент, убеждены, что успехи РФ — результат прежде всего долгосрочного планирования в рамках национальной стратегии развития государства, реализуемой с момента прихода В. В. Путина к власти. Несмотря на то, что термин «мягкая сила» не использовался в заявлениях российского руководства и официальных документах до 2012 г., за точку отсчета последовательного внедрения мягкой силы принята новая Концепция внешней политики 2000 г. [7, с. 38], в общих положениях которой содержатся цели формирования положительного имиджа России в мире, продвижения русского языка и культуры за рубежом.

Более того, многие китайские исследователи проводят параллели с советским опытом публичной дипломатии, или народной дипломатии, как это принято в российском академическом дискурсе, межличностной коммуникации, направленных на продвижение образа технологически и культурно-передового государства в странах Азии, Африки и Латинской Америки [8, с. 2]. Причем в отношении вопроса применения мягкой силы СССР, пристальное внимание уделяется деятельности СНГ, в рамках которого руководство РФ стремится предотвратить центробежные тенденции на постсоветском пространстве, апеллируя к историческим и культурным связям, общности традиционных ценностей. Выделяя региональный и глобальный уровень проекции российской мягкой силы, китайские ученые рассуждают в категориях «лидерства», в частности, оценивая факт членства и степени инициативности в региональных и международных организациях соответственно. Причем особенно высоко оценивается эффективность российской мягкой силы в региональном масштабе.

Несмотря на успехи публичной дипломатии, с которой фактически отождествляется советская мягкая сила, китайские исследователи видят причиной распада СССР и главным недостатком имиджевого позиционирования современной России неспособность противостоять западному дискурсу, основанному на пропаганде превосходства либерализма в медийном пространстве через четкую артикуляцию собственной идеологии и ценностного ряда. Работа по устранению данного пробела была стимулирована волной цветных революций, которые характеризуются в работах китайских исследователей как трансляция «наступательной» мягкой силы Запада (西方的软实力攻势) [8, с. 2].

Тем не менее, сохраняется проблема «дисбаланса» жесткой и мягкой силы РФ, что стало очевидно в ходе конфликта на Украине: в отличие от отражающих потенциал жесткой силы экономики и ВПК, продемонстрировавших устойчивость в условиях санкционного давления, инструменты несилового воздействия, обеспечивающие представительство официальной позиции РФ в медийном пространстве Запада, за исключением немногочисленных информационных каналов (материалы RT, публикуемые на альтернативных Youtube-каналах), были заблокированы. Ограниченность дискурсивного пространства, пренебрежение новыми медиaplatformами [9] представляются ключевыми проблемными точками мягкой силы российских СМИ и медиа. Языковая политика РФ, как другой важный инструмент мягкой силы, также сталкивается с определенными трудностями: перспективы политики «русификации» СНГ ограничены, а восстановление статуса русского языка как «лингва франка» на постсоветском пространстве маловероятно [10]. Существенным недостатком, в целом свойственным всем проявлениям российской мягкой силе — отсутствие идеологии, отсутствие универсального подхода к имиджевому позиционированию, институциональные ограничения [11]. Более того, в отсутствие политического запроса отмечается недостаток научных исследований, посвященных проблематике, и, тем более, специализированных исследовательских центров в России.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что мягкая сила РФ обладает значительным ресурсом, в том числе с учетом советского опыта публичной дипломатии, и широким инстру-

ментарием. Тем не менее, для большей эффективности его реализации необходима политическая инициатива, способствующая росту практических исследований, появлению специализированных научных центров — для формирования собственной теоретической базы и обобщения иностранного опыта в области применения мягкой силы. Сформулированная на уровне политического руководства «дорожная карта» развития внешнего дискурса мягкой силы РФ также позволила бы обеспечить преемственность имиджевого позиционирования страны за рубежом. Более того, в условиях информационного противостояния, представляется необходимым использование новых каналов коммуникации собственной позиции и ценностного ряда.

Библиография

1. 中国知网 [China National Knowledge Infrastructure: офиц. сайт]. — URL: <https://cnki.net/> — 05.04.2023.
2. Global Soft Power Index. — Текст: электронный // Brand Finance. — URL: <https://brandirectory.com/softpower/> — 05.04.2023.
3. 刘盼盼. 习近平主席索契冬奥会之行看体育与外交的相互融合/盼盼刘、纯献刘、祥华冉// 北京体育大学学报 [Лю Паньпань. Посещение Председателем Си Цзиньпином Зимних Олимпийских игр в Сочи сопровождался интеграцией спорта и дипломатии / Паньпань Лю, Чуньсянт Лю, Сянхуа Жань // ИВестник Пекинского спортивного университета]. — 2014. — № 12. — С. 1–6.
4. 张艳杰. 践行新欧亚主义思想: 俄罗斯外交新走向/艳杰张、翠竹李// 学术交流 [Чжан Яньцзе. Реализуя идею неоевразийства: новое направление российской дипломатии / Яньцзе Чжан, Цуйджу Ли // Научный обмен]. — 2013. — № 1. — С. 72–75.
5. 刘佳. “新俄罗斯思想” : 俄罗斯软权力的根本性资源: 硕士论文; 上海师范大学. — 上海 [Лю Цзя. («Новая русская идея»: основополагающий ресурс российской мягкой силы: магистерская диссертация; Шанхайский педагогический университет. — Шанхай], 2010. — 46 с.
6. 许华. 俄罗斯人眼中的国家形象/华许 // 俄罗斯学刊 [Сюй Хуа. Национальный имидж глазами россиян / Хуа Сюй // Исследования России]. — 2013. — № 2. — С. 60–66.
7. 许华. 俄罗斯人眼中的国家形象/华许 // 俄罗斯学刊 [Сюй Хуа. Национальный имидж глазами россиян / Хуа Сюй // Исследования России]. — 2013. — № 2. — С. 60–66.

8. 郭金峰. 俄罗斯软实力建设: 理论、工具及绩效/金峰郭 // 俄罗斯东欧中亚研究 [Го Цзиньфэн. Строительство российской мягкой силы: теория, инструменты и результаты / Цзиньфэн Го // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии]. — 2020. — № 5. — С. 37–55.
9. 李敏. 俄罗斯媒体外交实践论析: 硕士论文; 上海外国语大学. — 上海 [Ли Минь. Обзор практики медийной дипломатии России: магистерская диссертация; Шанхайский университет иностранных языков. — Шанхай], 2019. — 67 с.
10. 周朝虹. 当代俄罗斯语言政策研究 (1991–2015): 博士论文; 北京外国语大学. — 北京 [Чжоу Чаохун. Исследование современной языковой политики России (1991–2015): докторская диссертация; Пекинский университет иностранных языков. — Пекин], 2016. — 123 с.
11. 赵中野. 俄罗斯对乌克兰的软实力政策过程分析 (2004–2014): 硕士论文; 华东师范大学. — 上海 [Чжао Чжунь. Анализ политики мягкой силы России в отношении Украины с точки зрения процессного подхода (2004–2014 гг.): магистерская диссертация; Восточно-китайский педагогический университет. — Шанхай], 2019. — 105 с.

Бирюков Никита Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

1 курс магистратуры

Внешняя культурная политика России и Японии: различия в подходах и перспективы сотрудничества в сфере массовой культуры

Foreign cultural policy of Russia and Japan: differences
in approaches and prospects for cooperation in the field of mass
culture

Аннотация. В данной статье приводится сравнительный анализ российского и японского подходов ко внешней культурной политике, рассматриваются механизмы распространения культуры и ключевые документы в законодательстве. Кроме того, анализируется возможность сотрудничества между странами на почве массовой культуры, как наиболее перспективной сферы взаимодействия. Изучив вышеназванные моменты, проведя социологическое исследование и проанализировав уже имевшие место быть кейсы русско-японского взаимодействия в сфере массовой культуры, автор делает вывод о том, может ли Россия не только сотрудничать с Японией, но и перенять её опыт для создания своих собственных проектов.

Abstract. This article provides a comparative analysis of Russian and Japanese approaches to foreign cultural policy, examines the mechanisms of cultural dissemination and key documents in legislation. In addition, the possibility of cooperation between the countries on the basis of mass culture is analyzed as the most promising area of interaction. Having studied the above-mentioned points, conducted a sociological study and analyzed the cases of Russian-Japanese interaction in the field of mass culture that have already taken place, the author concludes whether Russia can not only cooperate with Japan, but also adopt its experience to create its own projects.

Ключевые слова: Россия, Япония, внешняя культурная политика, массовая культура, культурная дипломатия, «Мягкая сила».

Keywords: Russia, Japan, foreign cultural policy, mass culture, cultural diplomacy, “Soft power”.

Введение

В 21 веке методы агрессивного воздействия отходят на второй план. Использование «Hard power», политики принуждения и угрозы военной силы становится неэффективным, в связи с набирающей обороты взаимосвязью и взаимозависимостью. Она уступает место экономическому успеху, убедительности идеологии, а также демонстрации своего культурного достояния. Культурный диалог служит одним из важнейших факторов в формировании отношений между сторонами внешнеполитического процесса, ведь внешняя культурная политика позволяет создать необходимый имидж отдельной страны за ее пределами и сформировать взаимодействия стран в долгосрочной перспективе.

Несмотря на разногласия в академической среде касательно определения терминов «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия», специалисты единогласно считают ключевым понятием в данном вопросе «soft power», определению, выработанному американском политологом Джозефом Наем. «Мягкая сила» возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами [1].

Один из наиболее ярких и успешных примеров реализации своего культурного потенциала демонстрирует Япония, что отмечал в своей монографии упомянутый выше Джозеф Най [11]. Страна, некогда объявленная виновником кровопролитной войны и ответственная за миллионные жертвы, в настоящая время сумела создать себе крайне благоприятный имидж в глазах большого количества людей. В первую очередь — прогрессивной молодежи, включая российскую. Более того, интерес многих россиян к Японии не угасает даже в период напряженности и геополитического противостояния. Стоит также отметить тот факт, что у России с Японией существует не решенный территориальный вопрос, который, при отсутствии политического диалога, вполне может быть сглажен культурным взаимодействием.

Именно по этой причине изучение культурной дипломатии данной страны в сравнительном с Россией контексте является актуальной темой в рамках исследования. К тому же, в российской историографии основная масса работ, посвященных Японии, затрагивает лишь общие моменты. Потенциал сотрудничества с Россией остается малоизученным.

В ходе исследования были проанализированы работы, посвященные внешней культурной политике, монография Дж. Ная, посвященная «мягкой силе» и статьи, посвященные японской культурной дипломатии. Основными методами стали контент-анализ, сравнительный метод, а также социологический метод.

Культурная Политика Российской Федерации

Сначала стоит раскрыть основные моменты принципы внешней культурной политики обоих государств. С 1991 года у Российской Федерации наблюдались две значительные проблемы в законодательстве данной области. Первая из них — отсутствие единого документа, где была бы четко прописана стратегия выстраивания внешнеполитических отношений в сфере культуры [3]. Эти моменты эпизодически появляются лишь в Концепции внешней политики всех редакций, а также упоминаются в ряде устаревших документов. Например — тезисы «Внешняя культурная политика России год 2000» или же «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами».

Однако вышеописанная проблема была ликвидирована с принятием «Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [7] в сентябре 2022 года. Ключевым аспектом нового документа являются четко прописанные интересы и задачи России в сфере культурной политики за рубежом. Среди них можно выделить:

1. формирование и укрепление объективного восприятия РФ в мире;
2. Поддержка и продвижение русского языка в качестве языка международного общения за рубежом;

3. содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре,
4. расширение контактов между людьми.

Основой для продвижения Российской культуры по-прежнему остается подготовка и реализация различных проектов в рамках «перекрестных» годов Российской Федерации с другими государствами и международного проекта «Русские сезоны». Отмечается, также, возможность максимально широко представлять за рубежом выдающиеся образцы музыкального, театрального (в том числе оперного, балетного и драматического), циркового и эстрадного искусства, а также песенного и танцевального творчества народов России. Это называется главным преимуществом России в культурной сфере. Кроме того, для «усиления присутствия» Российской Федерации в мировом кинематографе предлагается выпускать на зарубежные рынки лучшие отечественные кинофильмы, содействовать проведению за рубежом фестивалей российского кино, участию российских кинематографистов в международных кинофестивалях, совместному кинопроизводству и сотрудничеству в иных формах [4].

Исходя из этого, можно констатировать, что РФ «экспортирует» культуру исключительно элитарного характера. Это четко прописано как в официальной документации, так и в различных программах культурного обмена и фестивалей.

Такой подход можно охарактеризовать как крайне консервативный. Впрочем, в недавно принятой «Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» среди прочих инструментов распространения российской культуры значатся соцсети. Однако они остаются вторичным инструментом, выступая в качестве «сопровождения различных мероприятий». Молодежное сотрудничество предлагается развивать исключительно в таких сферах, как образование, спорт, волонтерство, а также в бизнес-проектах. А между тем, в 21 веке это видится значительным упущением. Государственные вложения и курирование проектов массового характера могло бы значительно повысить не только авторитет РФ, но и привлечь интерес к культуре России на международном уровне.

Культурная дипломатия Японии

Основную роль во внешней культурной политике Японии играют два министерства. Первое из них — безусловно Министерство иностранных дел (MOFA) [10]. С 1957 года данное министерство выпускает так называемые «Синие книги по дипломатии», где подробно отражена позиция японского МИДа по различным вопросам дипломатической сферы, включая внешнюю культурную политику [8]. В частности, данный сборник гласит, что эффективность внешней политики во многом зависит именно от заинтересованности других стран в сотрудничестве с Японией. Для этого необходимо формировать положительный образ данной страны не только для руководящего аппарата, но и для простых граждан. Этому отлично способствует укрепление взаимодействия между людьми «на общественном уровне».

Второй важной организацией для японской культурной дипломатии является Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (MEXT) [12]. Внутри него существует также агентство по делам культуры (Agency for Cultural Affairs). Именно оно берет на себя ответственность за разработку планов и реализацию соответствующих культурных задач.

Руководство Японии в наши дни постоянно улучшает уровень своей внешней культурной политики, адаптируя её к современным реалиям. Ярким примером этого является принятый в 2017 году комплекс поправок к Основному закону по продвижению культуры и искусства [14]. Таким образом, закон был дополнен несколькими статьями, которые подробно описывали процессы культурного обмена. Наиболее яркой из них является статья под номером 7, которая подразумевает, что каждые 5 лет будет разрабатываться «Основной план продвижения культуры и искусства».

Такая система пришла на смену Основной политике по продвижению культуры и искусства [13]. Новый вариант документа также предполагал учреждение Совета по продвижению культуры и искусства. Его членами являются представители нескольких министерств Японии, включая MOFA, MEXT и нескольких «экономических» министерств.

Японское видение внешней культурной дипломатии в ряде моментов соответствует российскому. Первый план по продвижению культуры и искусства был принят в 2018 году [4] и продолжает действовать сейчас. Из его текста можно выделить следующие основные моменты внешней культурной политики Японии:

1. Трансляция продуктов медиа, куда входит радио, кино и телевидение;
2. Популяризация национальной кухни;
3. Поддержка и развитие индустрии туризма;
4. Создание за рубежом центров изучения культуры Японии;
5. Участие в национальных обменах.

Однако, помимо этого, присутствует пункт под названием «развитие и выход на мировой рынок индустрии развлечений и поп-культуры Японии». То есть, японское правительство на законодательном уровне оказывает поддержку проектам, распространяющим массовую культуру. Начиная с 2004 года японцы утверждают, что вершины культурного лидерства стоит достигать через развитие поп-культуры, а не сложной для восприятия элитарной.

Ключевой стала мысль о том, что вершины культурного лидерства стоит достигать не через пропаганду своей элитарной традиционной культуры, которая достаточно сложна для полного восприятия, а через развитие массовой. Это объясняется как тем, что общество по большей части склонно к потреблению, так и бурным развитием всевозможных технологий. По этой причине, в сфере поп-культуры задействовано значительное количество проектов, наиболее яркий из которых носит название Cool Japan. Инициатива Cool Japan относится к тем аспектам японской культуры, которые не японцы воспринимают как «крутые». Цель Cool Japan охватывает все: от игр, манги, аниме и других форм контента, моды, коммерческих продуктов, японской кухни и традиционной культуры до роботов, экологически чистых технологий и других высокотехнологичных промышленных продуктов. Для столь масштабной инициативы существует целый ряд платформ, ключевой из которых является «Японский Фонд», который имеет 25 зарубежных отделений в 24 странах мира. Его деятельность обеспечивается значительными денежными вложениями со

стороны государства. Необходимо отметить, что для распространения поп-культуры Япония применяет не только через стандартные, например — поддержку проектов по переводу манги и аниме, но и весьма необычные. Например, в марте 2008 года был выпущен указ о назначении на должность «аниме посла» kota Дораэмона из популярной одноименной франшизы [9]. Другим инструментом для популяризации Японии в мире является косплей (костюмированное перевоплощение в персонажа). На Всемирном саммите косплея, крупнейшем ежегодном косплей-мероприятии в Японии, начиная с 2007 года вручается специальный приз, который присуждается представителями МИДа.

Культурное взаимодействие между странами

Отношения между вышеназванными странами, несмотря на геополитическую напряженность, активно продолжались на культурном поле до февраля 2022 года. В 2018–2019 году прошли мероприятия в рамках перекрёстных годов России и Японии, а 2020–2022 гг. стали «Годами региональных культурных обменов». На них РФ представляла исключительно высокую культуру (балет, кино, конкурсы русского языка, классическую музыку) и спорт (фигурное катание, парусные регаты). Япония же, в свою очередь, знакомила русского зрителя с оригами, чайной церемонией, боевыми искусствами и, конечно же, аниме, мангой и косплеем.

Как уже было сказано в начале работы, именно последние пункты имеют наибольшие успехи у потребителей. Например, опрос, проведенный в феврале 2023 года среди различных групп населения. России демонстрирует, что из 205 опрошенных почти 84 процента начали интересоваться Японией после знакомства с теми или иными произведениями массовой культуры.

Исходя из этого, достаточно перспективным выглядит сотрудничество между странами как раз на почве массовой культуры, особенно если принять во внимание тот факт, что подобное уже несколько раз происходило. В 1975 году именитый японский режиссёр Акира Курогава снял оscarоносный фильм «Дерсу Узала» с советскими актерами. Примечательно, что кино вышло в период Холодной Войны, продемонстрировав, что культурное взаимо-

действие может продолжаться даже в условиях геополитического противостояния. В 1986 году вышел красочный советско-японский мультфильм «Приключения пингвинёнка Лоло», до сих пор любимый многими зрителями, в 2010 году Макото Накамура создал мультфильм «Чебурашка» при содействии российских мультипликаторов. А до него, в 2009 году вышел самый грандиозный, хоть и весьма спорный русско-японский проект под названием «Первый Отряд», аниме про Великую Отечественную войну за авторством Ёсихару Асино. Он вызвал бурную дискуссию в обществе, но, тем не менее, взял ряд призов на российских кинофестивалях [5].

Несмотря на то, что в данный момент государственное сотрудничество между Россией и Японией фактически прекращено в связи с началом с СВО, существует масса возможностей продолжать взаимодействие в частном секторе. Время, когда аниме считалось элитарным явлением, закончилось в связи с распространением интернета и студий лицензированного перевода [6]. Теперь, аниме и манга доступна широкому кругу людей, что открывает значительный потенциал для культурных обменов. Например, в Петербурге регулярно проходит фестиваль фанатов аниме и манги под названием Anicon. В 2015 году его длительность составляла три дня. Фестиваль посетили гости из Японии, такие как музыкальная группа Lin-Q, а также знаменитая актриса озвучки Сумирэ Уэсака, известная на родине поклонница русской культуры и особый гость при МИДе Японии.

Проанализированные выше кейсы демонстрируют успешность российско-японского сотрудничества. Несмотря на практически полное прекращение государственного взаимодействия в сфере культуры, существует огромный простор для творчества в частном секторе.

Уникальный, узнаваемый японский подход, привлекающий ореолом экзотики и демонстрацией поистине универсальных мировых ценностей в сочетании с талантом современных российских режиссеров, сценаристов и аниматоров не только органично сочетаются, но и порождают крайне успешные проекты, интересные для зрителей. По этой причине сотрудничество между Россией и Японией именно в сфере массовой культуры выглядит наиболее перспективным. В рамках взаимодействия с япон-

скими коллегами российские специалисты могут найти для себя не только новые подходы к созданию мультипликации и видео-игр, но также понять механизмы распространения и коммерческого успеха тех или иных продуктов.

В дальнейшем успешный японский подход может быть полностью перенесен на российскую почву, что позволит развить совершенно новый инструмент популяризации русской культуры за рубежом.

Выводы

Изучив основные аспекты внешней культурной политики Японии и культурной дипломатии России, можно сделать вывод, что Японское законодательство, при ряде схожих моментов с российским законодательством, является более гибким. Соответствующие структуры обновляют план по продвижению культуры раз в пять лет, подстраиваясь под изменяющуюся картину общества, а также активно продвигают поп-культуру на мировой рынок, понимая, что процент ознакомившихся с ней людей будет, несомненно, больше, нежели тех, кто решит погрузиться в сложную японскую традиционную культуру.

Россия же относительно недавно ликвидировала проблему с устаревшей документацией, не содержащей четкую стратегию развития межкультурных отношений, создав «Концепцию гуманитарной политики». Однако проблема консервативно подхода, подразумевающего «экспорт» исключительно таких вещей, как язык, балет и театр, остается нерешенной, несмотря на значительный потенциал страны в данной области.

Что касается потенциального взаимодействия между РФ и Японией, то наиболее перспективным выглядит сотрудничество в сфере массовой культуры, по ряду причин. России необходимо закрывать пробел в данной области, чтобы более успешно проводить внешнюю культурную политику. Кроме того, именно поп-культура привлекает публику в наибольшей степени. Наконец, массовая культура — наиболее оптимальный формат для взаимодействия в «частном секторе», поскольку государственные контакты находятся в замороженном состоянии после СВО.

Библиография

1. *Банщикова, Н. В.* Внешняя культурная политика и дипломатия: концептуализация // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. 2013. — С. 121–122
2. *Виноградов, А. Д.* // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях: материалы научных конференций. СПб.: ПОЛИТЕХПРЕСС, 2019. С 240–259.
3. Государственная программа Российской Федерации «Внешинополитическая деятельность». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782. — 30.01.2022
4. *Закрытый показ—Первый отряд*(режиссер Ёсихару Асино/09.07.2010). URL: https://www.youtube.com/watch?v=qK_2wCODbyE — 16.01.2022
5. *Катасонова, Е. Л.* Япония: поп-дипломатия и поп-культура. // *Мировая экономика и международные отношения* –2009. — № 2. — С. 56–63
6. Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. N 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1564370/> — 20.01.2022.
7. *Diplomatic Bluebook 2018* // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page25e_000237.html — 09.11.2022
8. *Inauguration Ceremony of Anime Ambassador*. URL: <http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2008/3/0319-3.html>. — 19.04.2023
9. *Ministry of Foreign Affairs of Japan. Pop-Culture Diplomacy* — March 8, 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/exchange/pop/index.html>
10. *Nye Joseph S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph S.Nye. Cambridge, Perseus Books, 2004–206 p.
11. *Overview of Foreign Policy*. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5664/contents.do — 16.07.2022
12. *Promotion of the motion pictures and video products act*. URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=57088–20.01.2022.
13. *The Outline of the “Basic Plan on the Promotion of Culture and the Arts”*. URL: http://www.bunka.go.jp/english/policy/foundations/pdf/r1396744_01.pdf. — 19.09.2021

Блажевич Артем Валерьевич,

Сорокоумов Даниил Владимирович

Дальневосточный федеральный университет
ВИ-ШРМИ, Кафедра международных отношений

Бакалавриат

Сотрудничество России и Мьянмы в вопросах обороны и атомной энергетики в контексте актуальных позиций России в Юго-Восточной Азии

Cooperation between Russia and Myanmar on defense and
nuclear energy in the context of Russia's current positions in
Southeast Asia

Аннотация. В работе анализируются тенденции сотрудничества России и Мьянмы в области обороны и ядерной энергетики, при этом уделяется особое внимание их региональной роли. Авторы рассматривают причины, которые стимулировали интенсификацию этого сотрудничества, а также описывают совместные проекты и их значение в сохранении и укреплении российских позиций в Юго-Восточной Азии. Для осуществления поставленных целей авторами был рассмотрен ряд ограничительных факторов и перспектив партнерства двух государств. Авторы сделали выводы относительно нынешнего состояния двусторонней кооперации и предложили прогноз о возможностях ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: Россия, Мьянма, атомная энергетика, военнотехническое сотрудничество, Юго-Восточная Азия, Росатом.

Abstract: The paper analyzes trends in Russian-Myanmar defense and nuclear energy cooperation, focusing on their regional role. The authors examine the reasons that have stimulated the intensification of this cooperation and describe joint projects and their significance in maintaining and strengthening Russia's position in Southeast Asia. In order to achieve their objectives, the authors have considered a number of constraints and prospects for the partnership between the two states. The authors drew conclusions on the current state of bilateral cooperation and offered a forecast for its further development.

Key words. Russia, Myanmar, nuclear energy, military-technical cooperation, Southeast Asia, Rosatom.

Введение

В новых геополитических реалиях все большую актуальность приобретает концепция «поворота на Восток», подразумевающая переориентацию Российской внешнеэкономической деятельности на страны Индо-Тихоокеанского региона, в частности, Юго-Восточной Азии, с которыми РФ, согласно концепции внешней политики от 31 марта 2023 года стремится к «наращиванию сотрудничества в сферах экономики, безопасности, гуманитарной и иных сферах». Традиционно ключевыми сферами взаимодействия России и стран Юго-Восточной Азии являлись военнотехническое (ВТС) и энергетическое сотрудничество, в частности, в отрасли ядерной энергетики. Авторы прослеживают актуальные тенденции в этих областях, придавая особое внимание сотрудничеству с Республикой Союз Мьянма, как перспективному партнеру. В связи со схожим геополитическим положением России и Мьянмы, обусловленным введенными против них многовекторными санкциями со стороны США и ЕС, прослеживается интенсификация их кооперации.

Для понимания контекста двустороннего сотрудничества представляется необходимым рассмотреть, в каком положении на сегодняшний день оказалось руководство Нейпйидо.

Обострение политической ситуации в стране началось в 2020 году, когда на парламентских выборах Мьянмы партия «Национальная лига за демократию» (НЛД) одержала уверенную победу, получив 396 мест в обеих палатах парламента, что серьезно больше 322 мест, необходимых для парламентского большинства [1]. Партия «Союз солидарности и развития» (ПССР), поддерживаемая военными во главе с генералом Мин Аун Хлайном, потерпела поражение, заняв всего 33 места. Военные отвергли результаты выборов, заявив о мошенничестве при подсчете голосов и нелегитимности результатов, а также потребовали назначения новых выборов, на что получили отказ от правительства.

Воспользовавшись положениями конституции № 417 и № 418, 1 февраля 2021 года военные объявили о введении чрезвычайного положения в стране и передаче контроля над исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти главнокомандующему вооруженными силами — Мин Аун Хлайну. Было арестовано высшее руководство страны и НЛД, включая президента страны У Вин Мьинта и главу НЛД Аун Сан Су Чжи.

Эти действия были широко осуждены мировым сообществом: США, Великобритания и ЕС ввели как секторальные, так и адресные санкции [2]. В стране развернулось широкое сопротивление смене власти, были сформированы вооруженные повстанческие соединения, действующие на всей ее территории. До сих пор в Мьянме не прекращаются политический и гуманитарный кризисы.

Россия стала одной из немногих стран, признавших новое правительство Мьянмы, а Мьянма в свою очередь поддержала специальную военную операцию и одобрила «роль Москвы в балансировании глобальной власти». Это дало толчок к расширению сотрудничества в ряде областей, в особенности, ядерной энергетике и ВТС.

Военно-техническое сотрудничество

Военно-техническое сотрудничество является одной из ключевых сфер кооперации России с государствами Юго-Восточной Азии. В 2018 году, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), Россия вышла на первое место по экспорту вооружений в регион, в совокупности поставив странам продукции ВПК на 10,7 млрд. долларов за период с 1999 по 2018 год. При этом среди главных импортеров находятся Вьетнам (\$6,5 млрд.), Мьянма (\$1,6 млрд.), Малайзия (\$1,3 млрд.), Индонезия (\$1,1 млрд.) [3].

Стоит отметить, что в настоящее время в регионе наблюдается тенденция снижения импорта российских вооружений. В первую очередь, она объясняется сокращением поставок во Вьетнам. Причиной тому является стремление Ханоя диверсифицировать сотрудничество в этой области. О будущем сокращении импорта

вооружений из России высказываются ведущие мировые аналитические издания, в частности, RAND Corporation и Yusof Ishak Institute [4]. Эксперты предполагают, что Россия не сможет заключить новые контракты из-за ограничений на экспорт не производимых в РФ технологий в сфере микроэлектроники и полупроводников, используемых в производстве передовых вооружений.

Стремление к диверсификации также подтверждают подписание в 2022 году «Совместного видения об оборонном сотрудничестве между Вьетнамом и Индией до 2030 года», а также заключение в 2021 году вьетнамо-японского соглашения о передаче оборонных технологий и оборудования; ранее с этими странами сотрудничество в военно-технической сфере не осуществлялось [5] [6].

Кроме того, российский экспорт вооружений в регион осложняется принятым в августе 2017 года американским законом «О противостоянии противникам Америки посредством санкций», который привел к отмене соглашений на поставку в 2021 году 11 российских истребителей СУ-35 в Индонезию и в 2022 году — 16 военно-транспортных вертолетов Ми-17 на Филиппины [7].

В данном контексте Мьянма представляется выгодным партнером. В дополнение к схожему подсанкционному положению обе страны объединяет обширная история военно-технического сотрудничества. Активная российско-мьянманская кооперация в данной сфере началась еще в 2001 году, когда страны подписали соглашение о ВТС, одним из пунктов которого стала поставка 10 истребителей МИГ-29.

По данным СИПРИ, с 2001 по 2021 год Мьянма закупила у России вооружений на 1,7 млрд. долл., что примерно равно стоимости оборонной продукции, предоставленной Китаем за тот же период. Стоит отметить, что эти две страны занимают около 90% всего импорта вооружения Мьянмы.

Преимущественно российские поставки состояли из военной авиации и зенитно-ракетных комплексов. Так, за указанный период времени мьянманская сторона закупила 30 истребителей МИГ-29, 60 вертолетов МИ-24, 12 самолетов Як-130, 8 зенитно-ракетных комплексов «Печора-2М». В 2019 году предыдущее правительство Мьянмы заказало шесть истребителей Су-30, а в январе 2021 года стороны подписали контракты на системы противовоздушной обо-

роны «Панцирь-С1» и беспилотники «Орлан-10Е» [8]. Важным представляется тот факт, что после смены политического режима российская сторона продолжила исполнять ранее заключенные контракты.

Учитывая, что Мьянма увеличила оборонный бюджет на 2023 год на 51% (до \$2,7 млрд.), и то, что она ограничена в возможностях импорта вследствие введенных санкций США и ЕС, можно сказать, что Нейпидо стремится нарастить оснащенность своих вооруженных сил, при этом имея возможность обратиться только к Москве и Пекину [9].

Однако в Мьянме имеется ряд опасений, связанных с действиями КНР. Так, в 2020 году заместитель премьер-министра предыдущего правительства страны обвинил Китай во вмешательстве в процесс мирного урегулирования кризиса Рохинджа путем установления контроля над «Федеральным политическим комитетом по переговорам и консультациям» — объединением двух самых крупных повстанческих формирований. Он заявил, что «Китай ведет игру с Мьянмой, оказывая влияние на повстанческие группы, такие как UWSA» (Объединенная армия государства Ва — крупнейшая национальная вооруженная группировка, базирующаяся на границе Мьянмы и Китая) [10]. Также, согласно сообщениям местных СМИ, Мин Аун Хлайн относится с недоверием к китайской стороне, потому как та была замечена в поставках 107-мм ракет класса «земля-земля» и «земля-воздух» повстанческим армиям, против которых вооруженные силы Мьянмы ведут борьбу вдоль восточных границ [11]. Все это указывает на то, что несмотря на оказываемую нынешнему правительству поддержку со стороны КНР, Нейпидо опасается китайских геополитических стремлений в стране, вследствие чего пытается уравновесить его влияние за счет углубления сотрудничества с Россией, не имеющей подобных амбиций.

Так, с момента смены власти в феврале 2021 стороны неоднократно подчеркивали заинтересованность в расширении сотрудничества в сфере обороны. В 2021 году Мин Аун Хлайн посетил Казань и предприятия Татарстана, включая «КАМАЗ» и ПАО «Казанский вертолетный завод», намереваясь дать дальнейший импульс двусторонним отношениям в сфере военно-технического сотрудничества [12].

Годом позже, в июле 2022 года руководство минобороны РФ и премьер-министр Мин Аун Хлайн в ходе встречи в Москве подтвердили стремление углублять сотрудничество в области обороны. Во время визита стороны обсудили поставку новых вооружений, в том числе бронетехники, что говорит о предполагаемом расширении номенклатуры поставок [13].

В начале апреля 2023 года Мьянму посетила российская делегация представителей ПАО «ОАК», АО «Рособоронэкспорт» и АО «НАСК» во главе с заместителем министра обороны РФ Александром Фоминим. Стороны обсудили ход реализации двустороннего сотрудничества и наметили шаги по его развитию [14].

Можно заключить, что увеличившаяся частота контактов свидетельствует о взаимном намерении расширить ВТС. В контексте общего снижения российского присутствия на рынках вооружений стран ЮВА, близость дипломатических позиций и отсутствие опасений касательно введения вторичных санкций создают благоприятную почву для укрепления российско-мьянманского партнерства. Однако стоит понимать, что положительная динамика наблюдается за счет того, что ввиду санкционных ограничений и опасений насчет китайского влияния у Мьянмы не остается особого выбора, поэтому обращение к России представляется разумным решением.

Совокупность этих факторов позволяет сделать предположение, что в скором времени между Москвой и Нейпидо будут заключены новые оборонные контракты. Это даст возможность России частично компенсировать потери в регионе и закрепить за собой перспективный рынок сбыта вооружений в ближайшей и среднесрочной перспективах.

Сотрудничество в атомной энергетике

На протяжении двух последних десятилетий Россия стремится продвигать сотрудничество со странами Юго-восточной Азии в сфере атомной энергетике.

В данном контексте целесообразно в первую очередь проанализировать опыт реализации российско-вьетнамского проекта, имевшего в середине 2010-х годов значительные перспективы на успех.

В 2000 годы темпы ежегодного роста вьетнамской экономики составляли около 7%, за эти десять лет население страны увеличилось на 8,5 миллионов человек, вместе с этим наблюдался стремительный рост потребления электроэнергии, в среднем на 15% в год [15]. На этом фоне во Вьетнаме было принято решение о включении атомной энергетики в структуру энергопотребления. Так, правительство Вьетнама объявило о планах на строительство в провинции Ниньтхуан двух реакторов мощностью 2 ГВт. В 2010 году было заключено межправительственное соглашение России и Вьетнама, согласно которому «Росатом» должен был построить два энергоблока мощностью 2,4 ГВт по проекту «Ниньтхуан-1», оценивавшегося в 8 млрд. долларов и на 85% финансируемого за счет российского кредитования [16]. Проект «Ниньтхуан-2» должна была реализовывать японская сторона.

Российско-Вьетнамский проект должен был стать первой российской АЭС не только во Вьетнаме, но и во всей Юго-Восточной Азии. Глава «Росатома» Сергей Кириенко отмечал, что вьетнамская атомная программа должна была использоваться «как платформа и точка опоры развития использования мирной атомной энергии в АТР» [17]. Однако, по решению вьетнамской стороны в 2016 году оба проекта были отложены на неопределенный срок. Официальными причинами данного решения были объявлены снижение темпов роста электропотребления в стране, рост стоимости электроэнергии с АЭС и опасения касательно превышения установленного потолка госдолга в 65% ВВП страны [18].

Тем не менее, принимая во внимание то, что Вьетнам взял на себя обязательства по сокращению выбросов метана на 30% к 2030 году, достижению углеродной нейтральности к 2050 году, а также общий рост цен на ископаемое топливо, которое сегодня занимает около 70% энергобаланса страны, существует высокая доля вероятности, что Вьетнам вернется к идее мирного атома в скором будущем, рассматривая Россию в качестве приоритетного партнера [19].

Параллельно с этим Россия ведет активные переговоры о совместном строительстве АЭС с Индонезией, Филиппинами, Малайзией и другими странами АСЕАН. Однако переговоры затягиваются, а заключение полноценных соглашений осложняется опасениями стран относительно потенциальных угроз безо-

пасности. После аварии 2011 года на АЭС Фукусима-1 в Японии, вызванной мощным землетрясением и последовавшим за ним цунами, страны Юго-Восточной Азии, также являющейся сейсмически активным регионом, опасаются повторения подобной трагедии и на своей территории. Россия обладает уникальной технологией строительства плавучей АЭС, способной нивелировать данную угрозу. Россия и Индонезия уже рассматривают проект строительства подобной АЭС на острове Калимантан и новой столице Нусантаре [20]. Однако для нормального функционирования нового плавучего сооружения необходимо создать инфраструктуру как береговой охраны, так охраны объекта с моря, что серьезно осложняет реализацию проекта.

На фоне описанных процессов наибольший прогресс в продвижении российской атомной энергетики наблюдается в Мьянме. Сегодня она остро нуждается в привлечении любого рода инвестиций в свой энергетический сектор. После событий февраля 2021 года из-за атак на энергосистему страны были выведены из строя три гидроэлектростанции в регионе Танинтари, остановилась работа ряда китайских заводов по добыче сжиженного природного газа и произошли обрывы линий электропередач [21]. Также из-за невозможности обеспечения надлежащей безопасности на неподконтрольных территориях страны были остановлены работы по реализации Китайско-Мьянманского проекта по добыче СПГ стоимостью \$2,5 млрд., сооружение четырех плотин в регионе Танинтари, а тендер на строительство 18 солнечных станций привлек лишь две заявки, в то время как аналогичный тендер 2020 года — 50 заявок [22].

К тому же французская государственная компания «Electricite de France» приостановила свое участие в гидроэнергетическом проекте «Shweli-3» стоимостью \$1,5 млрд. в связи с экономическими санкциями, принимаемыми на уровне ЕС [23]. Данная тенденция с высокой вероятностью продолжится, ведь уже на сегодняшний день количество регистраций новых компаний в МИС (комиссия Мьянмы, отвечающая за проверку и утверждение инвестиционных предложений) сократилось на 80%.

По оценкам бывшего советника при министерстве электроэнергетики Мьянмы Гийом де Ланга страна потеряла

28% от прогнозируемой к 2022 году совокупной мощности производства электроэнергии, то есть приблизительно 2000 МВт из почти 7000 МВт [24].

На этом фоне резко активизировался интерес Нейпидо в реализации совместных проектов с Россией. Заинтересованность в этом Мин Аун Хлайн подтвердил во время пленарной сессии на Восточном экономическом форуме 2022 года, призвав участников активно инвестировать в нефтегазовый и энергетический сектор Мьянмы [25].

На ВЭФ-2022 Россия и Мьянма также подписали дорожную карту о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях на 2022–2023 годы. В рамках ее выполнения 6 февраля 2023 года в Янгоне представители «Росатома» и Министерства науки и технологий Мьянмы подписали одноименное соглашение, договорившись о строительстве атомной станции малой мощности на территории страны. В этот же день генеральный директор «Росатома» Алексей Лихачев в эфире телеканала «Россия-24» заявил, что корпорация не исключает возможности в дальнейшем построить в Мьянме АЭС большой мощности [26]. Он также добавил, что в корпорации «давно не видели такой, как в Мьянме, скорости и эффективности принятия решений на разгонном этапе любого атомного проекта», а также отметил, что «ядерные технологии дадут толчок к развитию целой экосистемы российско-мьянманских проектов».

Уже сегодня позитивный опыт результативных переговоров по подписанию соглашения о строительстве АЭС ММ способствует появлению других энергетических проектов. Так, 30 марта 2023 дочерняя компания «Росатома» АО «Новавинд» подписала соглашение с инвестиционной энергетической компанией Мьянмы «Primus Advanced Technologies» (PAT) о строительстве комплекса ветропарков общей мощностью 172 МВт. Управляющий директор PAT заявил, что такое сотрудничество «принесет социально-экономическую пользу Мьянме, национальной энергосистеме и населению региона» [27].

Тем не менее, существенным ограничением потенциала сотрудничества является вопрос финансового обеспечения. На фоне эпидемии COVID-19 и политических потрясений ВВП

Мьянмы снизился на 18% в 2021 году, восстановившись лишь на 3% в 2022 году, дефицит бюджета в 2020, 2021, 2022 гг. составил 5,6%, 7,8% и 5,2% соответственно, значительно превышая показатели предыдущих лет [28]. В таких условиях реализация крупных проектов неизбежно сталкивается с затруднениями, которые в какой-то степени могут быть нивелированы за счет российского государственного экспортного кредитования, подобного финансированию проекта «Ниньтхуан-1».

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что, несмотря на некоторые ограничения, участие России имеет перспективы и напрямую отвечает национальным интересам Мьянмы. Развитие сотрудничества имеет потенциал создания комплексной экосистемы совместных энергетических проектов. Она в свою очередь стала бы весомым фактором в решении энергетического кризиса в стране за счет восстановления мощностей данного сектора.

Успешное и оперативное строительство АЭС ММ на территории страны также создало бы прецедент появления российского мирного атома в регионе и поспособствовало бы реализации уже существующих проектов за счет подтверждения надежности технологий «Росатома» и безопасности эксплуатации его объектов. Это может дать конкурентное преимущество «Росатому» над японскими, китайскими и американскими компаниями. Учитывая, что по некоторым расчетам энергопотребление стран АСЕАН может увеличиться вдвое к 2050 году, а также то, что «план действий АСЕАН по сотрудничеству в энергетике на период 2016–2025 гг.» предполагает «повышение энергетической устойчивости за счет продвижения возобновляемых источников энергии и гражданской ядерной энергетики», можно сказать, что российские стремления по экспорту «мирного атома» в ЮВА будут отвечать потребностям регионального рынка [29].

Вывод

События последовавшие после смены власти в Мьянме 1 февраля 2021 года оказали разрушительное воздействие на социально-экономическое и политическое состояние страны. В этом контек-

сте сотрудничество с РФ в оборонном и энергетическом секторах имеет потенциал стабилизации кризисного положения в Мьянме, а также закладывает основу для формирования в лице Мьянмы нового постоянного партнера в регионе, подобного Вьетнаму.

Одновременно с этим укрепление двустороннего партнерства несет выгоды и российской стороне в реализации ее стратегических интересов в регионе, так как благодаря развитию сотрудничества в сферах оборонной промышленности и энергетики Россия получает возможность частично компенсировать свои потери в экспорте вооружений, а также создать практическую базу для расширения сотрудничества в сфере ядерной энергетики со странами Юго-Восточной Азии.

Библиография

1. Walker, N. Myanmar: 2020 parliamentary election // House of the Commons — 2021 — С 13.
2. Burma Sanctions // Сайт госдепартамента США URL: <https://www.state.gov/burma-sanctions/> — 21.05.2023.
3. Siemon, T. *Wezeman Arms Flow to South East Asia* — SIPRI — 2019–61С
4. Grossman, D. Why Vietnam Might Want to Reconsider its Russia Policy // ISEAS Yusof Ishak Institute — 2022 — № 50 — С1–9.
5. India, Vietnam sign joint vision on defense partnership as Rajnath Singh holds bilateral talks on three-day tour // indianexpress.com URL: <https://indianexpress.com/article/india/india-vietnam-defence-partnership-rajnath-singh-7958663/> — 20.05.2023
6. Japan, Vietnam sign defense transfer deal amid China worries // AP news URL: <https://apnews.com/article/technology-china-japan-tokyo-kamala-harris-9bf99b9422489050fcb0dde811741714-21.05.2023>.
7. Колдунова, Е. В. Россия — АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22-21.05.2023>.
8. Симония, А. А. К 75 летию установления дипломатических отношений между Россией(СССР) и Мьянмой (Бирманским союзом) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития — 2022 — Т3 № 3. — С 125–147
9. Myanmar Junta Increases Military Budget to US \$2.7 Billion // The Irrawaddy URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/myanmar-junta-increases-military-budget-to-us2-7-billion.html> — 21.05.2023.

10. Myanmar wary of China's Belt and Road investments // Anadolu Ajansi URL: <https://clck.ru/34UJ5N> — 21.05.2023.
11. Myanmar embraces Russian arms to offset China's influence // Nikkey Asia URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-embraces-Russian-arms-to-offset-China-s-influence> — 21.05.2023.
12. Рустам Минниханов встретился с, Верховным главнокомандующим ВС Мьянмы Аунг Хлайном // Официальный Татарстан URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/1989058.htm> — 20.05.2023.
13. Россия и Мьянма обсудили поставки нового оружия // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20220817/postavki-1810143691.html> — 21.05.2023.
14. Замминистра обороны РФ и премьер-министр Мьянмы обсудили перспективы ВТС // ТАСС URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/17436635>—21.05.2023.
15. Vietnam Population 1950–2023 // Macrotrends URL: <https://www.macrotrends.net/countries/VNM/vietnam/population> — 21.05.2023.
16. «Соглашение между Правительством РФ и Правительством СРВ о предоставлении государственного экспортного кредита для финансирования сооружения АЭС на территории СРВ» от 24.02.2012 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/902331521>—21.05.2023.
17. Россия будет способствовать развитию Вьетнама // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/russia/162994>—21.05.2023.
18. Почему во Вьетнаме не будет российской АЭС // Московский центр Карнеги URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/68575>—21.05.2023.
19. *Вершинина, В. В.* Россия и Вьетнам в поисках новых точек пересечения // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/russia-vietnam-riac-07-22-21.05.2023>.
20. Плавающие атомные тепловыделяющие элементы // Сайт РОСАТОМ URL: <https://clck.ru/NMqhq> — 21.05.2023.
21. Myanmar energy crisis deepens as power plant investors balk // Nikkey Asia URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-energy-crisis-deepens-as-power-plant-investors-balk> — 21.05.2023.
22. The military is the main obstacle to Myanmar's energy security // Frontier Myanmar URL: <https://www.frontiermyanmar.net/en/the-military-is-the-main-obstacle-to-myanmars-energy-security/> — 21.05.2023.
23. France's EDF halts hydropower project in Myanmar after junta coup // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/myanmar-politics-edf-idUSL1N2LH1T5>—21.05.2023
24. Myanmar energy crisis deepens as power plant investors balk // Nikkey Asia URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-energy-crisis-deepens-as-power-plant-investors-balk> — 21.05.2023.

25. Лидер Мьянмы заявил о готовности закупать удобрения и топливо в России // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20220907/мианма-1815044153.html/> — 12.03.2023.
26. Росатом допускает возможность строительства в Мьянме крупных энергоблоков ВВЭР-1000 и ВВЭР-1200 // Атомная Энергия URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2023/02/09/132640>—21.05.2023.
27. АО «НоваВинд» и Primus Advanced Technologies Ltd. (Мьянма) подписали соглашение о сотрудничестве в сфере ветроэнергетики // Сайт НоваВинд URL: https://www.novawind.ru/press/news/news_item.php?page=579—21.05.2023.
28. Myanmar Government Budget // Trading Economics URL: <https://tradingeconomics.com/myanmar/government-budget> — 21.05.2023.
29. Who in ASEAN is ready for nuclear power? // Energy for growth hub URL: <https://tradingeconomics.com/myanmar/government-budget> — 21.05.2023.

Зайцев Владислав Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

1 курс магистратуры

Историческая память в отношениях Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации

Historical memory in relations between the Socialist Republic
of Vietnam and the Russian Federation

Аннотация. В данной работе автор сделал попытку проанализировать трансформацию исторической памяти в современном Вьетнаме на примере экспертного сообщества Вьетнама. В ходе написания статьи автором были задействованы материалы в журналах, аффилированных с Министерством иностранных дел Вьетнама и датированные зимой-весной 2023 года. По итогам контент-анализа публикаций автором был сделан вывод о том, какое место в российско-вьетнамских отношениях может занимать историческая память.

Ключевые слова: социальные рамки памяти; коллективная память; Парижские соглашения; Морис Хальбвакс; российско-вьетнамские отношения.

Abstract. In this paper, the author tried to analyze the formation of historical memory in modern Vietnam using the example of the Vietnamese expert community. In the course of writing the article, the author used materials in journals affiliated with the Ministry of Foreign Affairs of Vietnam and dated winter-spring 2023. Based on the results of the content analysis of publications, the author came to the conclusion about the impact that historical memory can have on Russian-Vietnamese relations.

Keywords: social framework of memory; collective memory; Paris Agreements; Maurice Halbwachs; Russian-Vietnamese relations.

Актуальность работы обусловлена тем, что сегодня в условиях роста турбулентности существующей системы международ-

ных отношений Россия и Вьетнам продолжают оставаться друг для друга важными стратегическими партнёрами. Одним из важных аспектов стратегического партнёрства остается историческая память, корни которой уходят ещё в середину XX века, во времена Второй Индокитайской войны. В сложившихся условиях изучение эволюции исторической памяти Вьетнама занимает особый интерес, позволяет сделать определённые прогнозы по поводу того, а что будет, если произойдёт её стирание (искусственное или в силу естественных причин), как в таком случае будут развиваться отношения между двумя странами.

Новизна данной работы заключается в том, что в научной литературе не рассматривалась эволюция исторической памяти Вьетнама. Основой для изучения исторической памяти служат заявления, сделанные на уровне экспертного сообщества и непосредственных участников войны. Одним из нововведений, сделанных автором, стал анализ разных нарративов, которые продвигаются на уровне официальных вьетнамских властей с одной стороны, и на уровне вьетнамского экспертного сообщества с другой.

Методология и источниковая база. Теоретическим базисом статьи послужили работы классиков теории исторической памяти Мориса Хальбвакса («Коллективная и историческая память» [1], «Социальные рамки памяти» [2]), Яна Ассмана («Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах» [3]), Алейды Ассман («Длинные тени прошлого: мемориальная культура и историческая политика» [4]), а также работы российских учёных, среди которых можно выделить работу Е.В. Романовской «Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти» [5]. Работу Мориса Хальбвакса стоит рассмотреть особо, поскольку он был одним из последователей дюргеймовской школы социологии, который одним из первых стал рассматривать человеческую память не только, как индивидуальное понятие, но и как понятие социокультурное, которое складывается из взаимодействий в обществе и которое является одним из образующих элементов национальной идентичности. Важным аспектом его исследований стало и использование понятия «социальные рамки» (было введено в оборот Эмилем Дюркгеймом). Немецкий египто-

лог Ассман в 1990-е годы унаследовал идеи Хальбвакса и ввел в научный оборот понятия культурной и коммуникативной памяти. Историческая память в работе будет рассматриваться, как одно из измерений коллективной памяти (сам Хальбвакс основывался на концепте дихотомии память/история, а потому считал некорректным использование термина «историческая память»).

Говоря о методах, следует сказать, что в работе наряду с общенаучными методами были применены методы контент- и ивент-анализа.

Как уже отмечалось выше, одной из главных скреп в отношениях между Вьетнамом и Россией выступает общее прошлое. В 1960–1970-х годах Советский Союз оказывал Вьетнаму значительную экономическую и военную помощь в войне против режима Южного Вьетнама, поддерживаемом США (впоследствии и в военном конфликте против Китая). И несмотря на то, что после дезинтеграционных процессов на территории Советского Союза, уровень отношений между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией снизился, с приходом к власти в России В. В. Путина стала наблюдаться положительная динамика. В 2001 году В. В. Путин посетил Вьетнам с официальным визитом, где подписал Декларацию о стратегическом партнёрстве с Вьетнамом, а в 2012 году уровень отношений был поднят до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства [6]. В том же 2012 году Президентом России был подписан Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации, в котором Вьетнам наряду с Индией и Китаем был обозначен как один из ключевых внешнеполитических партнёров России в Азии [7].

На уровне официального диалога всё формально обстоит довольно хорошо, но так ли хорошо всё обстоит с исторической памятью, сложившейся сегодня во Вьетнаме?

В данной работе выдвигается тезис о том, что историческая память Вьетнама за последние 20 лет подверглась очень большим изменениям, поскольку основана она была, в первую очередь, на героическом прошлом двух стран. Однако данный нарратив об общности двух стран сегодня перестаёт быть основополагающим, происходит изменение культурно-ценностного восприятия, влияющего на историческую память.

Объекты культуры и памятники, свидетельствующие об общем героическом прошлом Вьетнама и Советского Союза, сохранились в очень небольшом количестве, следовательно, говорить о её существенном вкладе в поддержание исторической (в данном случае культурной) памяти не приходится. Из того, что сейчас есть, следует назвать памятник Ленину, который располагается в одноимённом парке в Ханое [8], памятник погибшим российским и советским гражданам, открытым в Камрани в 2009 году, а также остров в бухте Халонг, носящий имя второго космонавта Земли Германа Титова [9].

Вьетнам и Россия активно участвуют и в проведении совместных культурных мероприятий. Так, в 2018 году в рамках официального визита Генерального секретаря Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонга между двумя странами была подписана «Программа культурного сотрудничества между Министерством культуры, спорта и туризма Вьетнама и Министерством культуры Российской Федерации на период 2019–2021 годов» [10]. А в июле 2019 года во Вьетнаме прошёл вьетнамо-российский молодёжный форум [11]. Однако при всем при этом стоит отметить, что данные инициативы имеют мало общего в деле поддержания исторической памяти, поскольку никак не связаны с советским наследием.

В данном исследовании особое место при исследовании исторической памяти было отведено публикациям во вьетнамских журналах по международно-политической тематике, а также опубликованным за последнее время воспоминаниям вьетнамских участников войны.

В журнале «*Thế giới & Việt Nam*», который аффилирован с Министерством иностранных дел Вьетнама по случаю празднования 50-летнего юбилея со дня подписания Парижских соглашений о выводе американских войск из Вьетнама вышло несколько памятных публикаций о причинах и последствиях данного соглашения в деле объединения Северного и Южного Вьетнама. Одной из них стала статья Чан Чанга Хиеу под названием «Ханой- Дьенбьенфу в воздухе», в которой были описаны события, предшествующие заключению Парижских соглашений. Статья повествует о 12-дневных авиаударах по Ханюю и другим городам Северного Вьетнама, имевших целью ослабить позицию

Демократической Республики Вьетнам на мирных переговорах. Однако в ходе жесточайших боёв американские ВВС потеряли порядка 81 самолёта, среди них 34 B52, 5 F111, 21 F4C-E. Операция «Лайнбэкер II» стала стратегическим провалом США и только усилила позицию Северного Вьетнама на последовавших после этого переговорах [12].

Тем не менее, в данной статье хотелось бы отметить другой момент. При анализе причин победы Вьетнама и дальнейшем успехе в деле объединения Северного и Южного Вьетнама мало внимания уделяется советской и китайской военной и финансовой помощи, которая в определённой степени способствовала вьетнамской победе. «Победа Вьетнама во время переговоров в Париже явилась прямым результатом умелого и эффективного сочетания трёх фронтов борьбы: военной, политической и дипломатической».

В ещё одной публикации от 28 января 2023 года Хо Сонг Дай, директор Юго-Восточного исследовательского института Тху Дау опубликовал статью о тех событиях, которые разворачивались во Вьетнаме уже после подписания Парижских соглашений. В статье описываются стратегические просчеты президента Республики Вьетнам Нгуена Ван Тхиеу, который не смог ничего противопоставить Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама. Плохая координация войск на восточном и южном направлениях боевых действий привела к тому, что всего лишь спустя два года силы Народной армии Вьетнама и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама штурмом взяли Сайгон. В статье причиной итоговой победы стали идеологическая подкованность, политическая воля, способность сохранить контроль над ситуацией. Вьетнам победил благодаря мобилизации и напряжению всех сил общества [13].

Здесь же стоит отметить и программную статью министра иностранных дел Вьетнама, члена Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Буй Тхань Шона, в которой Парижское соглашение 1973 года определяется как веха блестящей дипломатии Вьетнама. Самим переговорам предшествовал долгий процесс, растянувшийся на целых 5 лет. Именно в это время проявили себя наиболее успешные дипломаты революционного

Вьетнама, такие как Ле Дык Тхо и Нгуен Зуи Чинь. Тем не менее, в статье упоминается и о роли стран социалистического блока. («Мы всегда помним и искренне благодарим социалистические страны, интернациональных друзей за их поддержку и помощь нашего народу на протяжении всей борьбы за национальное освобождение и воссоединение») [14]. Однако при контент-анализе текста можно заметить, что основные причины победы Вьетнама лежат не в этом. В конце статьи автором приводятся 6 важных выводов по войне во Вьетнаме. Во-первых, уверенность в своих силах и самостоятельность вьетнамского народа стали ключом к победе во Вьетнаме. Во-вторых, победа стала возможной благодаря правильным установкам, заданным Коммунистической партией Вьетнама, объединении всего народа на патриотических началах. В-третьих, к победе привело и последовательное отстаивание принципов и целей, основанных на национальном суверенитете и территориальной целостности. В-четвёртых, победа стала возможной и благодаря политическому гению Хо Ши Мина, поиску баланса между странами глобального юга и глобального севера, а также силе народной дипломатии. В-пятых, важной составляющей стали и дипломатические усилия на переговорах. За годы войны во Вьетнаме увеличилось число карьерных дипломатов, что было бы невозможно без грамотной кадровой политики. Ну и, наконец, в-шестых, ключевую роль сыграло единение партии с народом, что в совокупности с грамотно использованными ресурсами привело страну к победе.

Теперь же для более полной картины следует рассмотреть непосредственно воспоминания самих участников войны во Вьетнаме.

В январе 2023 года были опубликованы воспоминания Ву Нам Биня, представителя Временной революционной армии, которая занималась непосредственной реализацией Парижских соглашений 1973 года. Воспоминания повествуют о сложившейся к 1974 году возможности нанести удар по армии Южного Вьетнама и окончательно объединить страну. Ву Нам Бинь был среди тех, кто планировал само наступление. Вот, что он пишет: «Базовый стратегический план начал реализовываться. Атака 10 марта 1975 года в городе Буонматхуот оказалась успешной, и прорыв был открыт менее чем за неделю, к 18 марта было освобождено Центральное

нагорье. В результате второго стратегического удара 26 марта 1975 года были освобождены Чи Тхиен и Хюэ и наконец 29 марта 1975 года был освобожден Дананг» [15]. В конце статьи автор использует тот же самый нарратив, что используют и авторы выше. Победа в войне была одержана благодаря правильному курсу, выбранному партией, опоре на собственные силы, сопротивлении США в борьбе за национальную независимость и территориальную целостность. О роли Советского Союза и Китая в воспоминаниях не говорится ни слова.

В начале марта 2023 года в Ханое Комитет по связи Ассоциации ветеранов Вьетнамской войны провел заседание, приуроченное к 50-летию со дня заключения Парижских соглашений. На данном заседании присутствовало порядка 50 человек. Дао Чи Конг, руководитель отдела по работе с общественностью Ассоциации ветеранов на открытии сказал следующее: «В условиях стремления США и марионеточного правительства Южного Вьетнама саботировать выполнение Парижских соглашений, две военные делегации нашей страны боролись за победу военными средствами и путём привлечения на свою сторону общественного мнения, превращая Сайгон в пограничное поле битвы».

Также на заседании выступил Фан Дык Тханг, бывший офицер-переводчик, член делегации Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам: «Положение на юге после подписания Парижских соглашений было подобно играм на поле противника... В ожесточенной борьбе за принуждение противника к выполнению военных положений, были получены результаты, имеющие большое значение. Это поспособствовало выводу американских войск и союзных войск» [15]. Также Фан Дык Тханг заявил о том, что достигнутые результаты обусловлены правильным, мудрым и стратегическим направлением Коммунистической партии Вьетнама, в том числе курсом на открытие дипломатического фронта».

На заседании выступил и руководитель отдела информационных технологий, инженер, который занимался материально-техническим обеспечением наступления фронта национального освобождения Южного Вьетнама Чьонг Вьет Куонг, который рассказал о том, что отряду солдат Национальной гвардии при-

ходилось специально выезжать в разные пункты для наблюдения за возвращением пленных, заниматься борьбой с диверсионно-штурмовыми отрядами противника, а в дни общего наступления специально минировать окопы и тоннели».

Саму встречу резюмировал Нгуен Ван Кха, бывший заместитель начальника отдела безопасности Главного управления Вьетнамской народной армии, бывший глава Комитета безопасности, заместитель председателя Комитета по возвращению военнопленных Военной делегации Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. По его мнению, тот стратегический успех, который был достигнут во Вьетнаме, стал результатом сочетания трех составляющих: военной борьбы, политической борьбы, а также борьбы дипломатической.

Ну и, наконец, нельзя не упомянуть воспоминания представителя Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Тхи Бинь, которая участвовала в переговорах в Париже. В своей статье она непосредственно описывает процесс принятия политических решений, предшествовавший Парижским соглашениям, а также оценивает политику США, направленную на «вьетнамизацию» войны и описывает причины её провала [16]. Однако здесь в отличие от воспоминаний других участников войны успех Вьетнама напрямую был связан с военными успехами. Активные действия фронта Южного Вьетнама в Чи Тхиен и дельте Меконга привели к тому, что Соединённые Штаты и Демократическая Республика Вьетнам стали вступать в секретные переговоры по проекту предполагаемого соглашения. В конце статьи она приводит вывод о том, что успех войны был связан с единством партии и вьетнамского народа, однако этот успех был основан на широкой международной солидарности и последовавшей за этим поддержкой, хотя здесь прямо не упоминаются страны, в неё вовлеченные.

Как видно из анализа данных воспоминаний участников войны во Вьетнаме, здесь присутствует вполне устоявшийся и сформировавшийся нарратив о причинах победы во Вьетнаме. Вьетнамская позиция здесь отлична от российской. Победа Северного Вьетнама стала возможной не из-за активной советской и китайской помощи, а благодаря беспрецедентному напряжению сил самого вьетнамского народа и мужеству вьетнамских

солдат. В свою очередь российская позиция по данному вопросу наиболее полно была выражена в статье министра иностранных дел России Сергея Лаврова, посвященная одной из юбилейных дат российско-вьетнамских отношений. «Мы были вместе в тяжёлые годы борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость, отражения иностранной агрессии, послевоенного мирного строительства» [17]. Отсюда можно сделать вывод о том, что успехи Демократической Республики Вьетнам в годы войны связаны с солидной советской поддержкой.

В заключении хочется сделать вывод о том, что в данной статье была проанализирована только лишь эволюция исторической памяти с точки зрения накопленного исторического багажа. В статье не был затронут вопрос корреляции между социально-экономическим развитием Вьетнама и его влиянием на историческую память. Под процессами социально-экономического развития здесь понимаются не только развитие глобализации и связанных с нею процессов трансрегионализма и интеграции, но ещё и такие узкие темы, как рост уровня образования во Вьетнаме, увеличение поездок вьетнамских студентов за рубеж на обучение и то, как это влияет на восприятие исторического прошлого [18].

Отдельного рассмотрения требует и изучение изменения внешнеполитической стратегии Вьетнама на мировой арене, переоценка своего положения и роли в мире, отношения с другими странами. Один из серьёзных сдвигов произошёл и в отношениях между Вьетнамом и США, с которыми Вьетнам отошел от клишированного образа врага.

В целом же, основываясь на идеях Хальбвакса, можно сказать, что сегодняшняя эволюция исторической памяти во Вьетнаме основана на изменении «социальных рамок». На смену старому поколению, которое помнило ужасы войны 70-х годов пришло молодое поколение, родившееся в мирное время. Поколение, помнившее ту помощь, которую оказал Советский Союз Вьетнаму в годы войны, уходит в прошлое. Данный вывод полностью соответствует тезису Хальбвакса о том, что память - очень хрупкий канал передачи реальности прошлого. Тем не менее, на наш взгляд проблема здесь лежит в несколько иной плоскости. На уровне официальных властей Вьетнама (особенно в ходе встреч с российскими коллегами)

объединение страны не было бы возможно без помощи Советского Союза и Китая. Но с точки зрения нарратива, который направлен непосредственно на вьетнамскую аудиторию, Вьетнам победой обязан исключительно мобилизации собственных ресурсов.

Какие импликации это имеет для России? России следует отходить от данной стратегии в отношениях с Вьетнамом, поскольку Россия до сих пор мыслит категориями прошлого в отношениях с ним. Живя прошлыми образами, сложно построить процветающее будущее. России требуется поиск новых точек притяжения с Вьетнамом, иначе существует риск того, что особое место России во внешней политике Вьетнама будет занято другими странами.

Библиография

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Ассман А. Длинные тени: прошлого мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10. № 3. С. 12–27.
6. Фёдоров, Н. В. Отражение истории сотрудничества СССР и Вьетнама в риторике современных российско-вьетнамских отношений // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-istorii-sotrudnichestva-sssr-i-vietnama-v-ritorike-sovremennyh-rossiysko-vietnamskih-otnosheniy> — 05.05.2023.
7. Указ Президента Российской Федерации «о мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». 2012. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201205070025.pdf> — 10.05.2023.
8. Наследие советского Ханоя. URL: <https://www.svoiludi.ru/vietnam/nasledie-sovetskogo-hanoia.html> — 11.05.2023.
9. Самый «русский» остров во Вьетнаме носит имя Германа Титова. ТАСС. URL: <https://tass.ru/arhiv/639086> — 01.05.2023.

10. Việt Nam và Nga ký chương trình hợp tác văn hóa. Россия и Вьетнам подписали программу культурного сотрудничества. URL: <http://www.icd.gov.vn/details/dic/358/tin-su-kien/viet-nam-va-nga-ky-chuong-trinh-hop-tac-van-hoa/10.icd> — 12.04.2023.
11. III Российско-Вьетнамский молодёжный форум продолжил традицию двусторонних встреч. Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/news/52000/> — 02.05.2023.
12. «Hà Nội — Điện Biên Phủ trên không» — Chiến thắng quyết định cho thắng lợi của Hiệp định Paris. Tạp chí “Thế giới & Việt Nam” «Ханой-Дьенбьенфу в воздухе»- победа Парижского соглашения. Журнал «Мир & Вьетнам». 27.01.2023. URL: <https://baoquocte.vn/ha-noi-dien-bien-phu-tren-khong-chien-thang-quyet-dinh-cho-thang-loi-cua-hiep-dinh-paris-214556.html> — 14.05.2023.
13. Đấu tranh quân sự ở Nam Bộ sau Hiệp định Paris. Tạp chí “Thế giới & Việt Nam”. Военная борьба на Юге после заключения Парижского мирного договора. Журнал «Мир & Вьетнам». 28.01.2023. URL: <https://baoquocte.vn/dau-tranh-quan-su-o-nam-bo-sau-hiep-dinh-paris-213851.html> — 15.05.2023.
14. Hiệp định Paris năm 1973: Mốc son chói lọi của Ngoại giao cách mạng Việt Nam. Tạp chí “Thế giới & Việt Nam”. Парижский мирный договор 1973 года: Яркая веха дипломатической революции во Вьетнаме. Журнал «Мир & Вьетнам». 08.03.2023. URL: <https://baoquocte.vn/hiep-dinh-paris-nam-1973-moc-son-choi-loi-cua-ngoai-giao-cach-mang-viet-nam-213271.html> — 17.05.2023.
15. Xúc động cuộc gặp mặt hội cựu chiến binh ban liên hợp quân sự. Tạp chí “Thế giới & Việt Nam”. Встреча общества ветеранов войны. Журнал «Мир & Вьетнам». 08.03.2023. URL: <https://baoquocte.vn/xuc-dong-cuoc-gap-mat-hoi-cuu-chien-binh-ban-lien-hop-quan-su-trai-davis-218859.html> — 20.05.2023.
16. Hiệp định Paris dẫn đến hòa bình và thống nhất đất nước. Tạp chí “Thế giới & Việt Nam”. Парижское соглашение привело к миру и объединению страны. Журнал «Мир & Вьетнам». 27.01.2023. URL: <https://baoquocte.vn/hiep-dinh-paris-dan-den-hoa-binh-va-thong-nhat-dat-nuoc-213267.html> — 21.05.2023.
17. Лавров, С. В. Россия и Вьетнам: дружба, прошедшая сквозь десятилетия. // Российский Совет по международным делам. 30.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-vietnam-druzhiba-proshedschaya-skvoz-desyatiletija/> — 22.05.2023.
18. Соколов, А. А. Современная образовательная миграция из Вьетнама: возможности и вызовы // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2017. № 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-obrazovatel'naya-migratsiya-iz-vietnama-vozmozhnosti-i-vyzovy> — 19.05.2023.

Кислицина Вероника Михайловна

Дальневосточный федеральный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Атомная энергетика как перспективная сфера сотрудничества России и Индонезии

**Nuclear power as a high potential area for cooperation between
Russia and Indonesia**

Аннотация. Индонезия сегодня испытывает недостаток в производстве первичной энергии на фоне истощения нефтяных и газовых месторождений, также страна взяла на себя климатические обязательства по снижению выбросов, что превращает поиск альтернативных источников энергии в стратегически важную задачу, от решения которой зависит достижение социально-экономического развития государства. Россия в новой геополитической реальности нуждается в надежных и дружественных странах и новых рынках. Таким образом, наращивание сотрудничества в сфере атомной энергетики видится целесообразным для обеих стран.

Ключевые слова: сотрудничество России и Индонезии, мирный атом, Росатом, климатическая повестка, АЭС, АСЕАН.

Abstract. Indonesia faces a shortage of primary energy production as its oil and gas fields are depleted, while the country has committed itself to reducing emissions, which makes the search for alternative energy sources a strategically important issue, on the solution of which depends on the achievement of socio-economic development of the state. Russia in the new geopolitical reality needs reliable and friendly countries and new markets. Therefore, enhancing cooperation in nuclear energy is beneficial for both countries.

Key words: cooperation between Russia and Indonesia, peaceful atom, Rosatom, climate agenda, NPP, ASEAN.

Введение

На современном этапе российско-индонезийские отношения развиваются по целому ряду направлений. Согласно статистике, по итогам 2022 года товарооборот между странами вырос на 40% [1]. Реализуются совместные крупные проекты в сфере образования и туризма. Имеется сотрудничество в военной сфере. На регулярной основе проводятся контакты политического руководства. В рамках последней очной встречи в Москве стороны обсудили перспективы наращивания двустороннего сотрудничества, затронули вопросы, связанные с продовольственной и энергетической безопасностью [2].

«Нынешний мировой кризис дает возможность Индонезии и России построить новые деловые, промышленные, технологические и энергетические системы, которые могут приумножить взаимную выгоду обеих стран. Мы рассматриваем Индонезию в качестве одного из ключевых партнеров в Юго-Восточной Азии», — заявила Людмила Воробьева, посол Российской Федерации в Республике Индонезии, на форуме «Мировая экономика после российско-украинского конфликта на пути к многополярности» [3]. В новой Концепции внешней политики России уделено особое значение укреплению отношений с мусульманскими странами: «Россия считает исламскую цивилизацию дружественной, будет укреплять всеобъемлющее взаимовыгодное сотрудничество с ней» [4]. А Индонезия — крупнейшая мусульманская страна.

В связи с возросшей необходимостью переориентации на Восток Россия стремится укрепить диалог со странами АСЕАН. Индонезия — один из ключевых партнёров в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Учитывая, что приоритет индонезийского председательства — это обеспечение устойчивого роста в Юго-Восточной Азии, который невозможен без стабильной энергетики, Индонезия может стать драйвером налаживания сотрудничества со странами ЮВА в том числе по энергетическому треку.

Потребность Индонезии в развитии атомной энергетики

Внедрение атомной энергетики является сферой национального интереса страны. Для роста экономики и уровня жизни

граждан необходимо развивать отрасли промышленности и сферы услуг, что нереализуемо без увеличения производства электроэнергии. Замедление темпов роста могут привести к социальной нестабильности и радикализации религиозных настроений. Показатели производства электроэнергии на душу населения или единицу ВВП уже значительно отстают от среднемировых значений. Прогнозируется, что спрос на энергию в стране увеличится более чем в пять раз и достигнет 731,058 млн. т н.э. к 2050 году [5].

Индонезия, бывший член ОПЕК, страна сократила добычу нефти и сегодня является одним из крупнейших ее импортеров. В ноябре 2020 г. министр энергетики и минеральных полезных ископаемых Индонезии Арифин Тасриф заявил, что нефтяные ресурсы в Индонезии закончатся через 7 лет, газовые — через 22 года. Индонезия обладает значительными запасами угля, который она пока что экспортирует и может использовать для наращивания мощностей [6]. Но общемировой тренд на зеленую экономику и достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН сподвигло правительство Индонезии отказаться от использования угля. Страна установила цель по увеличению доли ВИЭ до 23% к 2025 г. [7]. В связи с этим, ряд политиков и экспертов видят ключ к решению экономических проблем и вклада в ЦУР ООН в развитии атомной энергетики, однако на 2023 год в стране нет ни одной АЭС. Таким образом, поиск альтернативных источников энергии является долгосрочной стратегической задачей Индонезии, от которой зависит решение проблем социально-экономического характера.

Введение АЭС снизит зависимость страны от импорта нефти, а валютного курса от цен на нефть и позволит направить валюту на развитие передовых отраслей промышленности и модернизацию сельского хозяйства [6]. Появятся возможности для увеличения уровня жизни граждан. Кроме того, Индонезия сможет укрепить престиж и свое экономическое влияние среди стран АСЕАН с помощью продвижения атомных технологий, что означает, что помимо экспорта сырья Индонезия может передавать свой опыт раннего внедрения. Еще одним преимуществом строительства АЭС можно считать укрепление региональной энергетической безопасности в ЮВА. По итогам Совещания в Минэнерго

по энергетическому сотрудничеству России и АСЕАН в мае 2023 года, было отмечено, что одним из приоритетных направлений энергетического развития региона является именно ядерная энергетика [8].

Согласно Президентскому указу № 22 2017 года, касающемуся общего национального энергетического планирования Индонезии, ядерная энергия упоминается как последний вариант удовлетворения будущих энергетических потребностей. Она будет использована в качестве опции, если целевой показатель 23% ВИЭ в энергобалансе не будет достигнут к 2025 году [9]. Однако в среднем, с 2012 года установленная мощность ВИЭ в Индонезии росла всего на 4% в год. Это значительно меньше чем в Малайзии, Сингапуре, Вьетнаме, Индии и Таиланде, которые достигли более 10% в год [10]. В 2020 году доля возобновляемых источников энергии в Индонезии составила лишь 11,2%, что позволяет сделать вывод, что достижение 23% к 2025 г. будет невозможно без внедрения атомных электростанций.

Тем более, атомные станции работают с гораздо более высоким коэффициентом мощности по сравнению с другими ВИЭ и ископаемым топливом. АЭС производит электроэнергию бесперебойно, в отличие от солнечных и ветряных станций, зависящих от погодных условий. И не менее важным является тот факт, что для ядерной энергетике используется меньше территории по сравнению с другими экологически чистыми источниками энергии, как указано Центром энергетике АСЕАН в информационном бюллетене по гражданской ядерной энергии [11]. Например, для производства из солнечных панелей 1 МВт энергии нужно 8 соток земли, а для 1 ГВт нужно целых 800 гектаров. Дополнительные издержки связаны с отсутствием инфраструктуры и проблемами логистики, которые важно учитывать для Индонезии как островного государства.

Перспективы сотрудничества России и Индонезии в атомной сфере

Диалог России и Индонезии в сфере мирного атома развивается с 2015 года, когда «Росатом» и Национальное агент-

ство по ядерной энергетике Индонезии (BATAN) подписали меморандум о взаимопонимании по проектам сооружения в Индонезии АЭС большой мощности и плавучих АЭС. Ключевой площадкой взаимодействия является Совместный координационный комитет по сотрудничеству в области атомной энергетике. Одним из важных результатов деятельности комитета является меморандум о сотрудничестве между Технической академией «Росатома» и Политехническим институтом ядерной технологии Индонезии от 2020 г., в результате за последние 7 лет в Технической академии «Росатома» прошли обучение более 350 представителей ядерной отрасли Республики Индонезии: специалисты, руководители, операторы ядерных исследовательских установок, преподаватели вузов и студенты [12]. В рамках меморандума проводятся различные тренинги, онлайн-лекции и полноценные учебные курсы. Также индонезийские студенты проходят обучение в российских ВУЗах по программам подготовки специалистов атомной энергетике. Учитывая, что основной объем поставок оборудования для реализации проектов «Росатома» приходится на российские предприятия, впоследствии индонезийские студенты могут без труда привлекаться к участию в эксплуатации АЭС. Все вышеперечисленное позволяет решить задачу подготовки кадров для работы на станциях.

Для Индонезии, как и для большинства стран ЮВА критически важно продемонстрировать общественности безопасность и перспективность атомной энергии. «Среди проблем, стоящих перед странами Юго-Восточной Азии, стоит устранение неверных представлений, чтобы укрепить общественное признание и социальную лицензию на надежный, безопасный, низкоуглеродный источник энергии», — сказал Бени Сурьяди, менеджер по политическим исследованиям и аналитике Центра энергетике АСЕАН [11]. Достаточно вспомнить АЭС на полуострове Батан в Республике Филиппины, которая была построена, но так и не введена в эксплуатацию. Так, и в Индонезии уже планировалось строительство АЭС на острове Ява в 2013 году, однако население, обеспокоенное последствиями аварий в Чернобыле и на Фукусиме, выступило против, и проект не ре-

ализовали. Именно поэтому с 2011 по 2019 гг. Национальное агентство по ядерной энергии Индонезии (BATAN) совместно с «Росатомом» провели ряд образовательных кампаний, доказывающих преимущества и безопасность ядерной энергетики. В результате, согласно ежегодному общенациональному опросу Национального агентства по атомной энергии (BATAN), общественное признание ядерной энергетики в Индонезии постепенно увеличивалось с 2012 по 2016 год [6]. Как указано в последнем опубликованном опросе, принятие достигло значительно более высокого уровня в 2016 году — 77,5%, и ожидается, что положительное общественное мнение убедит правительство в принятии решений по строительству, что обеспечит стабильное электроснабжение, низкие цены на электроэнергию, рабочие места, отсутствие загрязнения воздуха. «Строительство атомной станции в Республике Индонезии окажет позитивное влияние на развитие экономики и научного потенциала нашей страны, — считает Амир Росидин, директор региона Центральная Ява индонезийской государственной корпорации по распределению электроэнергии PLN, — однако в Индонезии есть как сторонники, так и противники использования атомной энергии. Мы надеемся, что с помощью Росатома нам удастся убедить общественность в эффективности и безопасности атомных станций» [13].

Россия может гарантировать благополучие экологической обстановки своих АЭС, что важно для сохранения биоразнообразия и уникальной флоры и фауны Республики Индонезия. Например, Смоленская АЭС признана экологически чистым предприятием в рамках исследования «Сохранение природного биоразнообразия» [14].

Важен и фактор безопасности. АЭС Российской Федерации эксплуатируются надежно и безопасно, что подтверждается результатами регулярных проверок как независимых органов (Ростехнадзора), так и международных организаций (ВАО АЭС² и др.). С 1998 года на российских АЭС не зафиксировано ни одного нарушения безопасности, классифицируемого выше первого

² ВАО АЭС — всемирная ассоциация организаций, эксплуатирующих атомные электростанции.

уровня по Международной шкале ядерных событий (INES) [15]. Важно упомянуть, что АЭС «Аккую» в Турции, глава МАГАТЭ Рафаэль Гросси назвал самой безопасной в мире [16].

Одно из препятствий строительства — это повышенная сейсмическая активность страны. Индонезия является частью Тихоокеанского огненного кольца (мощного тектонического разлома). Ежегодно сейсмологи регистрируют здесь 6–7 тысяч землетрясений магнитудой выше 4,0. Повышенная сейсмическая активность, цунами и другие природные катаклизмы серьезно ограничивают возможность развития атомной энергетики. Россия в свою очередь может предложить Индонезии плавучие атомные теплоэлектростанции, которые предназначены для эксплуатации в открытом море. Транспортные энергоблоки могут быть перемещены в безопасное место в случае возникновения чрезвычайной ситуации, что делает их наиболее безопасным вариантом для строительства. По заявлению замгендиректора госкорпорации «Росатом» Кирилла Комарова на брифинге в рамках форума «Атомэкспо-2022»: «Мы работаем с нашими индонезийскими коллегами, и там найдены места, где даже со всей сейсмикой, со всей необходимостью защититься от возможных цунами, есть места, где ученые посчитали возможным построить атомную станцию даже большой мощности» [17]. В свою очередь, индонезийский посол в Москве Хосе Антонио Морато Таварес заявил, что проект плавучей атомной электростанции, предложенный «Росатомом», подходит для Индонезии, поскольку эта технология очень надежна в плане сейсмической устойчивости [18].

Таким образом, Россия, как один из основных игроков на мировом атомном рынке, обоснованно рассчитывает принять участие в тендере на строительство АЭС в Индонезии, которое рано или поздно будет запущено, тем более что индонезийская сторона уже не первый год ведет переговоры с Россией. В сентябре 2021 г. стороны провели детальные обсуждения строительства АЭС на острове Калимантане. Этот регион не входит сейсмоактивную зону и располагает значительными запасами урана, что делает строительство безопасным, а эксплуатацию АЭС автономной за счет местного сырья. Также Индонезия планирует запуск легководных реакторов на густонаселённых островах Бали,

Ява, Мадуро и Суматра с 2027 г. и развёртывание небольших ПАЭС (до 100 МВт) на Калимантане, Сулавеси и других островах для подачи электроэнергии и тепла в промышленных целях [19]. В октябре 2022 года посол России в Индонезии Людмила Воробьева заявила, что РФ готова построить АЭС в новой столице Индонезии Нусантаре [20].

Проекты «Росатома» дешевле и выполняются «под ключ», что позволяет избежать задержек строительства и иных проблем. Например, по словам, Сергея Кондратьева, заведующего сектором экономического департамента фонда Института энергетики и финансов, «Росатом» может построить атомную электростанцию за 3–3,5 тыс. евро за киловатт установленной мощности. Американская и европейские компании могут предложить минимум 5 тыс. евро за киловатт установленной мощности [21]. Также «Росатом» предоставляет кредиты, например кредит Венгрии покрыл более 80% от всей стоимости. Конкуренты российской компании безнадежно отстают: Французская компания Areva (ныне Orano) за последние десять лет начала строительство только двух станций — в Финляндии и Китае (строительство обеих задерживается и превышает бюджет). KERSCO, энергетическая компания Южной Кореи, столкнулась с серией скандалов, в ходе которых на атомных станциях были обнаружены тысячи контрафактных деталей с поддельной документацией, а американская компания Westinghouse только в 2018 году начала выходить из банкротства, ее технологии недостаточно апробированы и надежны [22]. Достаточно вспомнить, чем закончилось строительство восьми энергоблоков в Китае американской компанией Westinghouse в 2008 году. Вместо восьми энергоблоков на базе реактора AP-1000 к 2019 году удалось достроить только четыре, опоздание составило четыре года при двукратном превышении начальной сметы. Отказ от совершенно неоправданного риска при наличии такого отрицательного опыта был бы совершенно разумным для правительства Республики Индонезия. Единственным реальным конкурентом является Китай, однако на сегодняшний день все реакторы в стране некийтайского производства и в основном строятся совместно с «Росатомом». Кроме того, Китай является геополити-

ческим противником Индонезии в ЮВА, поэтому одна из важнейших задач экономической дипломатии Индонезии — не допустить роста зависимости от Китая и его лидерства в регионе.

У России есть возможность предложить более рентабельный проект. Тем более, большим преимуществом является наличие атомных станций малой мощности (АСММ) или малых модульных реакторов (ММР), в которых заинтересована Индонезия. Такой реактор способен работать автономно и поэтому подходит для регионов без подключения к энергосетям и территорий с нестабильной работой сети [23]. Считается, что они намного безопаснее и меньше, поэтому существует экономия за счет масштаба. Индонезия и другие страны ЮВА могут выбрать АСММ, а не строить крупные реакторы, требующие больших финансовых вливаний и времени на строительство. Только в России уже эксплуатируется плавучая АЭС «Академик Ломоносов» и идет строительство первой в мире наземной АСММ в Якутии, что повышает конкурентоспособность «Росатома» по сравнению с другими странами [24].

Юго-Восточная Азия и российская атомная энергетика

Экспорт энергоносителей — важная часть дохода российского бюджета и основа внешней политики страны. Причем атомный сектор считается наиболее прибыльным, так как включает в себя не только поставки сырья, но и набор услуг (предоставление топлива, обслуживание, подготовка кадров и др.). Атомная энергетика — стратегическая отрасль, которая усиливает влияние России в мире. Каждая станция представляет собой многомиллиардный проект, на который не влияют колебания цен на сырьевые товары, а главное он связывает клиентов с Россией отношениями на долгие годы [25].

После начала специальной военной операции страны Прибалтики и Польша предложили ввести санкции против «Росатома», и хоть ЕС не намерены вводить ограничения в рамках 11-го пакета [26], ряд европейских стран уже перешли на американское топливо, отказавшись от российского, например, шведская АЭС «Рингхальс» и чешская АЭС «Темелин». И тренд вполне

может продолжиться, так как советские реакторы ВВЭР-1000 могут работать на американском топливе.

О строительстве новых скорее всего придется забыть, учитывая, что два года назад под влиянием политических факторов «Росатом» уже не допустили к участию в тендере на строительство в Чехии нового энергоблока на АЭС «Дукованы». А после СВО финская компания расторгла контракт на строительство АЭС «Ханхикиви» [27]. Не стоит забывать о «вторичных санкциях» со стороны США, немногие страны пойдут на такой риск.

Как уже было упомянуто ранее, АСЕАН стремится обеспечить энергетическую безопасность региона, и использование мирного атома может способствовать достижению этой цели. Страны ЮВА рассматривают Россию в качестве партнера в энергетической сфере, регулярно проводятся совместные совещания и встречи. На сегодняшний день известно о переговорах с Индонезией, Вьетнамом, Камбоджой, Таиландом и Мьянмой. Первый положительный опыт функционирования АЭС в одной из стран организации откроет новый рынок для «Росатома» во всем регионе.

Вывод

Таким образом, Россия, являясь лидером в сфере атомной энергетики, может использовать ее для улучшения как двусторонних отношений с Индонезией, так и со странами АСЕАН. Строительство хотя бы одного энергоблока АЭС в Индонезии усилит влияние России в ЮВА, а также решит социально экономические проблемы Индонезии и в перспективе всего региона.

Библиография

1. Товарооборот России и Индонезии вырос по итогам 2022 года // Таможенный портал для участников ВЭД Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/external_news/97236/ — 20.05.2023.
2. Воробьева Л. Г. Российско-индонезийские отношения в контексте современности // Журнал «Дипломатическая служба и практика». 2022. № 3 (7) С. 46–52.

3. В Индонезии активно обсуждают речь посла России об украинском кризисе // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230126/rech-1847555380.html?ysclid=lhu6u3j836314070750>—20.05.2023.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт МИД России. 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> — 20.05.2023.
5. Green Fiscal Stimulus in Indonesia and Vietnam: A Reality Check of Two Emerging Economies // ASEAN Centre for Energy. 2023. URL: <https://aseanenergy.org/green-fiscal-stimulus-in-indonesia-and-vietnam-a-reality-check-of-two-emerging-economies/> — 20.05.2023.
6. Хряпин Д. А., Калашников Д. Б. Развитие атомной энергетики как задача экономической дипломатии Индонезии // Издание МГИМО МИД России — Мировое и национальное хозяйство. 2022. № 1(58). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-01/development-nuclear-energy-indonesia-economic-diplomacy> — 20.05.2023.
7. Indonesia renewable energy market size & share analysis — growth trends & forecasts (2023–2028) // Mordor Intelligence. 2023. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/indonesia-renewable-energy-market> — 20.05.2023.
8. Совещание в Минэнерго по энергетическому сотрудничеству России и АСЕАН // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 2023. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2023/minenergo-02-23-20.05.2023>.
9. Indonesia: National Energy General Plan (RUEN) (Presidential Regulation No. 22/2017 of 2017) // Climate Change Laws of the World. 2017. URL: https://climate-laws.org/documents/presidential-regulation-no-22-2017-on-national-energy-general-plan_711f — 20.05.2023.
10. A Turning Point for Renewable Energy in Indonesia? // The Diplomat. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/10/a-turning-point-for-renewable-energy-in-indonesia/> — 20.05.2023.
11. Nuclear Energy In A Post-Pandemic ASEAN // ASEAN Centre for Energy. 2021. URL: <https://aseanenergy.org/nuclear-energy-in-a-post-pandemic-asean/> — 20.05.2023.
12. Представители Технической академии Росатома и Политехнического института ядерных технологий Индонезии обсудили вопросы сотрудничества // Пресс-служба Технической академии Росатома. 2022. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/predstaviteli-tekhnicheskoy-akademii-rosatoma-i-politekhnicheskogo-instituta-yadernykh-tekhnologiy-i/> — 20.05.2023.
13. Представители Республики Индонезия посетили инновационный энергоблок поколения «3+» Нововоронежской АЭС // Управление ин-

- формации и общественных связей Нововоронежской АЭС 2018. URL: <https://www.rosenergoatom.ru/zhurnalistam/news/28738/> — 20.05.2023.
14. Эксперты подтвердили статус Смоленской АЭС как экологически чистого предприятия // Управление информации и общественных связей Смоленской АЭС. 2023. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/eksperty-podtvrdili-status-smolenskoy-aes-kak-ekologicheskii-chistogo-predpriyatiya/> — 20.05.2023.
 15. Безопасность российских АЭС // Официальный сайт госкорпорации «Росатом». URL: <https://www.rosatom.ru/about-nuclear-industry/safety-russian-npp/> — 20.05.2023.
 16. Гросси заявил, что АЭС «Аккую» — одна из самых безопаснейших в мире // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17628833?ysclid=lhu6qbbq2nv570751455> — 20.05.2023.
 17. «Росатом» может предложить Индонезии проект плавучей АЭС // РИА Новости. 2022. URL: <https://ria.ru/20221122/aes-1833389279.html?ysclid=lhrhzppgjj301883778> — 20.05.2023.
 18. Проект плавучей АЭС от «Росатома» подходит Индонезии, заявил посол // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. 2023. URL: <https://nangs.org/news/renewables/nuclear/proekt-plavuchej-aes-ot-rosatoma-podkhodit-indonezii-zayavil-posol> — 20.05.2023.
 19. Золотухин И. Н., Цзя Су Ян, Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-yadernoy-energetiki-v-yugo-vostochnoy-azii-istoriya-tendentsii-perspektivy?ysclid=lhrrpky01c100907330> — 20.05.2023.
 20. Посол России заявила о готовности Москвы построить АЭС в Индонезии // ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16657281> — 20.05.2023.
 21. Отказ от Росатома бьет по карману самой Чехии // Взгляд. 2021. URL: <https://vz.ru/economy/2021/4/20/1095400.html> — 20.05.2023.
 22. Russia leads the world at nuclear-reactor exports // The Economist. 2018. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/08/07/russia-leads-the-world-at-nuclear-reactor-exports> — 20.05.2023.
 23. Малые модульные реакторы: глобальные перспективы // Атомный эксперт. 2019. URL: https://atomicexpert.com/small_modular_reactors — 20.05.2023.
 24. Плавучий энергетический блок «Академик Ломоносов» (ПЭБ «Академик Ломоносов») // Официальный сайт госкорпорации «Росатом». URL: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/saytpates/ — 20.05.2023.

25. The world relies on Russia to build its nuclear power plants // The Economist. 2018. URL: <https://www.economist.com/europe/2018/08/02/the-world-relies-on-russia-to-build-its-nuclear-power-plants> — 20.05.2023.
26. CNN: ЕС не планирует вводить санкции против «Росатома» // Коммерсантъ. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5988368?ysclid=lhuks0e36t145254353>—20.05.2023.
27. Финляндия отказалась от контракта с «Росатомом» на строительство АЭС // РИА Новости. 2022. URL: <https://ria.ru/20220502/aes-1786521515.html?ysclid=lhunmp3mmv158583522>—20.05.2023.

Николаева Алиса Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Факультет международных отношений,

1 курс бакалавриата

**«Тенденции российско — китайского сотрудничества
в IT — секторе в 2022–2023 гг. в контексте
санкционной политики Запада».**

Trends in cooperation between Russia and China in the IT —
sector in 2022–2023 in the context of Western sanctions policy

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать процессы внедрения китайского высокотехнологичного оборудования и гаджетов в российскую IT — отрасль в 2022 году и спрогнозировать дальнейшие перспективы российско — китайского сотрудничества в этой сфере. При рассмотрении данного вопроса особое внимание уделяется определению влияния антироссийских санкций на сотрудничество между КНР и РФ. На основании полученных данных автор выделяет потенциальные проблемы и перспективы российского информационного сектора в будущем с учетом влияния российско — китайского сотрудничества.

Ключевые слова: IT — сектор, технологии, РФ, КНР, санкции, полупроводники, гаджеты.

Abstract. This article aims at analyzing the processes of introduction of Chinese high-tech equipment and gadgets into the Russian IT industry in 2022 and predicting the future prospects of cooperation between Russia and China in this area. When considering this issue, special attention is paid to determining the impact of anti-Russian sanctions on cooperation between the PRC and the Russian Federation. Based on the data obtained, the author identifies potential problems and prospects of the Russian information sector in the future, taking into account the impact of cooperation between Russia and China.

Keywords: IT — sector, technologies, Russia, China, sanctions, semiconductors, gadgets.

Введение

Российский информационный сектор сегодня переживает не лучшие времена. В связи с началом СВО страны Северной Америки и ЕС наложили ряд санкций на российских разработчиков микроэлектроники и вычислительной техники. Страны Восточной и Юго — Восточной Азии выразили готовность частично восполнить дефицит высокотехнологичного оборудования на российском рынке. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в сложившихся обстоятельствах расширение и укрепление сотрудничества между РФ и КНР в области технологий может стать единственным выходом из возникшего в 2022 году «технологического кризиса».

Новизна данного исследования состоит в том, что акцент сделан именно на отрасли IT технологий как одной из наиболее уязвимых и импортозависимых отраслей российской экономики, требующей особой финансовой и материальной поддержки ввиду ее большого стратегического значения. Эмпирическим материалом исследования служат новостные сообщения и аналитические статьи.

Цель настоящего исследования заключается в определении перспектив дальнейшего развития российского информационного сектора и российско — китайского сотрудничества после 2022 года.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) Проанализировать процессы внедрения китайского высокотехнологичного оборудования и гаджетов в российскую IT — отрасль в 2022 году;
- 2) Определить влияние фактора антироссийских санкций на торгово — экономическое и научно — технологическое сотрудничество РФ и КНР в сфере IT;
- 3) Выделить потенциальные проблемы и перспективы развития информационного сектора РФ с учетом влияния на него российско — китайского сотрудничества.

Экспорт полупроводников из КНР в Россию

В условиях российской технологической изоляции и отказа крупнейших разработчиков микропроцессоров (Intel, AMD)

от поставок в Россию экспорт полупроводниковой продукции из КНР является важнейшим направлением российско — китайского технологического сотрудничества.

В июне 2022 года министр торговли США Джина Раймондо заявила, что мировой экспорт полупроводников в Россию упал на 90%, после того, как США и их союзники ввели санкции в отношении России. После незначительного падения китайские поставки интегральных микросхем и другой полупроводниковой продукции резко выросли почти на 220% с апреля 2022 года, составив 50 млн. долларов [1]. При этом стоимость экспорта показала ошеломляющий рост: уход иностранных производителей с российского рынка и, как следствие, сокращение конкуренции позволило китайским производителям повысить цены на фоне общей инфляции и роста цен на рынке полупроводников.

Необходимо отметить, что китайские компании — производители полупроводников, напрямую зависящие от американского оборудования или ПО, предпочли действовать довольно осторожно, в то время как более мелкие фирмы, которые переупаковывают чипы и не работают в США и ЕС, приняли эстафету по насыщению российского рынка полупроводниками. Следует указать на то, что замещение микросхем американских поставщиков компаний Intel и AMD китайскими микропроцессорами той же конструкции не прошло безболезненно. Российские производители материнских плат вынуждены были перейти на линейку чипов китайской компании Zhaoxin. Их линейка имеет оптимизированную для персональных компьютеров микроархитектуру x86, производящуюся с использованием 16 — нанометрового производственного процесса Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC). Описанная микроархитектура уступает последним продуктам Intel и AMD в скорости и имеет большее энергопотребление, но характеристика микроархитектуры все же позволяет осуществлять работу устройств с низким и средним энергопотреблением [2]. Она имеет отличные технические характеристики, значительно превосходящие собственно российский технологический уровень. Российская компания «Микрон» смогла освоить локальное производство полупроводников со 180 — нанометровыми схемами и 90 — нанометровыми схемами. [3]

Несмотря на видимые результаты в замещении западных полупроводников китайскими, китайский экспорт не покрывает потребности России, особенно в военно — промышленном комплексе, который сильно зависит от импорта микрочипов и электронных компонентов, авиационных двигателей и композитов нового поколения, необходимых для военной техники [4]. Многие из импортируемых технологий на практике оказывается довольно трудно заместить китайскими, так как Китай испытывает недостаток «сборочных линий», обеспечивающих самостоятельное производство. Китайские компании повсеместно используют американское оборудование или ПО при изготовлении микрочипов и другой микроэлектронной продукции. К тому же не стоит забывать о том, что крупные китайские компании — экспортеры полупроводников, например, SMIC, рискуют попасть под санкции. Подобные прецеденты уже имели место быть: в июле 2022 года администрация Джо Байдена добавила пять китайских компаний в торговый блэклист на основании предположения о том, что они поддерживают российский военно — промышленный комплекс. Вашингтон заявил, что будет внимательно следить за соблюдением санкций, хотя Китай в целом соблюдает ограничения.

Таким образом, российский бизнес сталкивается с необходимостью модифицировать свою продукцию для размещения чипов китайского производства. Российские компании оказываются вынуждены изготавливать продукцию более низкого технологического уровня или вовсе отказываться от производства.

В этом году с серьёзными проблемами в области телекоммуникационного оборудования столкнулись и российские сотовые операторы. Два крупнейших иностранных поставщика телеком — оборудования Ericsson и Nokia официально ушли с российского рынка. Третьим по масштабу поставщиком телеком — оборудования российским оператором связи была китайская компания Huawei, которая в декабре 2022 года приняла решение закрыть свое российское подразделение Enterprise Business Group. Оно прекратило свою работу на территории России с 01.03.2023 г. [5]. Вероятнее всего, Huawei стремится закрыть свой российский офис с целью защиты от вторичных санкций, ведь техника компа-

нии может использоваться, например, в российском госсекторе. Стоит отметить, что потребительский сегмент российского бизнеса Huawei (гаджеты и мобильные сервисы) пока что продолжает функционировать, так же, как и центры исследований и разработок. В настоящее время операторы связи планируют перейти на оборудование российского производства. Однако перспектива импортозамещения в данной отрасли остаётся довольно туманной, поскольку самостоятельного производства телекоммуникационного оборудования в России пока не существует. В этих обстоятельствах в декабре 2022 года российским оператором связи разрешили закупать иностранное оборудование в обход требований об импортозамещении при условии обязательного заключения с производителями отечественного телеком-оборудования форвардных контрактов.

Экспорт смартфонов и других гаджетов из КНР в Россию

Наиболее безболезненно к уходу западных компаний смог приспособиться российский рынок смартфонов и гаджетов. Вероятно, это связано с тем, что доля западных компаний на этом рынке не была преобладающей. По данным исследовательского агентства Counterpoint Research, в 2022 году на российском рынке смартфонов произошли серьезные структурные изменения. В декабре 2021 года Samsung и Apple вместе удерживали 53% российского рынка смартфонов, а в конце 2022 года на их долю приходилось 3%. До 24 февраля 2022 года китайские производители составляли примерно 40% рынка смартфонов, а к концу 2022 года они захватили уже 95% рынка [6].

В сравнительной таблице, представленной на рисунке 1, содержатся данные об изменениях доли рынка смартфонов в России по брендам. Четыре лидера российского рынка смартфонов сравниваются друг с другом по показателю доли рынка, занимаемой им в конце 2021 и в конце 2022 года. При сравнении представленных данных можно отметить следующие изменения: доля компании Apple уменьшилась на 17%, а компании Samsung — на 33%. В свою очередь доля китайской компании Xiaomi увеличилась более чем вдвое, а доля компании Realme — на 21%.

Период:	Apple	Samsung	Xiaomi	Realme
Декабрь 2021	18%	35%	25%	6%
Декабрь 2022	1%	2%	53%	27%

Рис. 1. Сравнительная таблица, содержащая данные об изменениях доли рынка смартфонов в России по брендам.

На основании представленных данных мы можем сделать вывод о том, что китайские компании почти полностью заместили собой брешь, образовавшуюся на российском рынке смартфонов после ухода Apple и Samsung.

Влияние санкций на российско — китайское сотрудничество

Как было отмечено выше, антироссийские санкций оказывают большое влияние на российско — китайское сотрудничество, создавая препятствия для его осуществления. Однако не стоит переоценивать эффективность санкций и значение их последствий для сотрудничества двух государств.

Несмотря на то, что главной целью санкций является ограничение доступа России к технологиям, которые могут быть использованы непосредственно для поддержки военно — промышленного комплекса, а также к так называемым компонентам «двойного назначения», на практике оказывается довольно затруднительно обеспечить усиление экспортного контроля и полное соблюдение санкций.

Отмечается, что вопреки введению санкций, на территорию РФ окольными путями продолжает попадать продукция американских технологических компаний. С 24 февраля 2022 года по 31 декабря 2022 года в России было оформлено 3292 транзакции, связанные с поставками полупроводниковой продукции. 70% из них составили продукты Intel, AMD, Texas Instruments и т.д. При этом, около 75% были отправлены из материкового Китая или Гонконга. [8]. Многие из грузоотправителей были малыми или средними компаниями, некоторые из которых были созданы уже после начала СВО. Проанализировав структуру покупок, можно прийти к выводу, что в основном необходимые

России чипы представляют собой продвинутое дорогостоящие микросхемы с высокой вычислительной мощностью, используемые для управления ракетами и оборонными системами.

Особую роль в российско — китайской торговле полупроводниками стал играть Гонконг. После начала СВО Гонконг удвоил экспорт интегральных микросхем до \$400 млн. в 2022 году [7]. Гонконг стал важнейшим «перевалочным пунктом» для отправки компонентов микроэлектроники российским компаниям, так как он является одним из наиболее загруженных узлов судоходства в мире. Стоит отметить, что возросший уровень торговли Гонконга и России объясняется не только благоприятной экономической конъюнктурой, но и укреплением лояльности Гонконга по отношению к Китаю в последние годы. Проявив презрение к западным санкциям, Гонконг подтвердил свою приверженность сотрудничеству в рамках геополитической оси Россия — Китай.

Следует обратить внимание на то, что многие из таких сделок нарушают правила экспортного контроля США против России. Несколько физических и юридических лиц, действующих из Гонконга — EMC Sud Limited, King-Pai Technology HK Co Ltd, Sinno Electronics Co Ltd и World Jetta (HK) Logistics Limited — были подвергнуты санкциям со стороны США, однако это не привело к существенному снижению объема внешнеторговых операций.

Таким образом, на основании представленных данных можно сделать вывод о том, что на данный момент для Китая вторичные выгоды от аккуратного обхода западных санкций превышают потенциальные риски. В то же время неизбежное ужесточение санкционного режима, призванное повысить его эффективность в условиях неприсоединения к нему некоторых стран Глобального Юга, в будущем может создать неблагоприятную обстановку для сотрудничества РФ и КНР. Излишнее давление западных стран может негативно отразиться на экономической заинтересованности Китая в сотрудничестве с Россией. В мае 2023 года, по сообщениям Bloomberg, страны ЕС начали обсуждение нового санкционного механизма, направленного на подавление торговых каналов стран, которые сотрудничают с Россией. В случае, если инструмент окажется неэффективным, страны ЕС могут ввести

санкции в отношении Казахстана, ОАЭ, Турции и Китая, которые поставляют в РФ полупроводники и интегральные микросхемы [9]. В случае, если эти меры будут предприняты в ближайшем будущем, дальнейшее сотрудничество РФ и КНР может оказаться на грани разрыва.

Перспективы российского ИТ — сектора после 2022 года

Ввиду большой импортозависимости российского информационного сектора фактор технологического сотрудничества РФ и КНР имеет большое значение при прогнозировании дальнейшего развития ИТ — сектора в нашей стране.

Есть основания полагать, что «технологическая изоляция» 2022 года приведет к усилению зависимости России от импорта китайских технологий. Так, в связи с присоединением крупнейшего производителя полупроводниковой продукции TSMC к международным санкциям против России изготовление микрочипов, разработанных российскими компаниями «Байкал электроникс» и МЦСТ и производимых на технологическом процессе TSMC, оказалось невозможным. Надежду на возобновление производства российским компаниям подарила китайская SMIC, которая скопировала 7 — нанометровую технологию выпуска микросхем у TSMC [10]. Это свидетельствует о том, что SMIC ведет массовое производство данных микросхем, но вероятнее всего, находится пока что на раннем этапе освоения 7 — нанометрового техпроцесса, который в дальнейшем будет модифицирован и отлажен. В таких условиях российские вендоры могли бы передать SMIC те заказы, от которых отказалась TSMC.

С введением санкций российский информационный сектор также столкнулся с дефицитом сервисного оборудования. После того как США и ЕС ввели санкции против России свою деятельность приостановили крупные поставщики серверного оборудования — Dell, Hewlett Packard Enterprise IBM и Cisco. Ключевые компоненты российских серверов не производятся в России, поэтому заместить их локальными продуктами в ближайшее время не получится [11].

Тем не менее, в российском ИТ — секторе есть отрасли, в которых в ближайшем будущем, скорее всего, получится справиться

с импортозависимостью и почти полностью перейти на отечественные аналоги. В 2022 аналитики компании J'son & Partners Consulting представили результаты исследования российского рынка офисного программного обеспечения. Они предполагают, что под влиянием наблюдаемых макроэкономических факторов, динамики спроса в 2022 году и требований госрегулирования доля относительно развитого рынка российского офисного ПО к 2027 году увеличится с текущих 12% до 82%. Еще 10% придется на свободный софт, а 8% — на зарубежные продукты [12].

В сложившейся ситуации активизация импортозамещения, целью которого является в том числе и достижение «технологического суверенитета» России, кажется необходимым политическим решением. Однако следует понимать, что в условиях санкций процесс изготовления микрочипов на своей территории может занять десятилетия. Не меньше времени потребуется для создания конкурентоспособного и уверенного рынка серверного или телекоммуникационного оборудования. При этом, перспективы развития российского ИТ — сектора будут напрямую зависеть от уровня интенсификации технологических связей с Китаем, поскольку в сложившихся обстоятельствах только серый импорт оборудования и комплектующих сможет заложить основу для создания более совершенных отечественных производственных мощностей.

Выводы

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что российский информационный сектор в 2022 году столкнулся с очень серьезными вызовами.

Уход западных поставщиков чипов и другой полупроводниковой продукции, введение ограничений против китайских экспортеров микросхем поставили под удар несколько отраслей российской экономики: прежде всего микроэлектронику, производство телекоммуникационного оборудования. Однако не меньший удар был нанесён и по ВПК, гражданской авиации, космической промышленности и т.д. Российский рынок смартфонов смог наиболее безболезненно подстроиться под «турбулентность», заместив Apple и Samsung. Однако до сих пор нерешенными остаются

проблемы с поставками телекоммуникационного оборудования, необходимого для работы смартфонов и другой цифровой потребительской продукции.

Режим нарастающего санкционного давления может весьма негативно сказаться на будущем отношений сотрудничества между РФ и КНР в ИТ — сфере и еще сильнее подорвать позиции российского информационного сектора, в том числе в отраслях особой стратегической важности. Реакция китайской стороны на дальнейшую санкционную политику Запада будет иметь определяющее значение для информационно — коммуникационного развития России.

Российский информационный сектор сохраняет сильную зависимость от иностранного оборудования и комплектующих, которую будет достаточно сложно преодолеть в среднесрочной перспективе. В связи с этим наиболее вероятным исходом будет рост серых поставок, необходимых для обеспечения минимальных потребностей России, и отказ от развития цифровизации и телекоммуникаций в ближайшем будущем.

Библиография

1. Chimits F., Hmaid A. China Moves to Fill The Void Left By Russia Sanctions — On Its Own Terms// The Diplomat. 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/china-moves-to-fill-the-void-left-by-russia-sanctions-on-its-own-terms/> — 18.03.2023.
2. Zafar R. Intel, AMD Ban Sees Russia Turn To Chinese Chips// Wccftch. 2022. URL: <https://wccftch.com/intel-amd-ban-sees-russia-turn-to-chinese-chips/> — 18.03.2023.
3. Shagina M., Kilcrease E. Can Russia Rebuild its Tech Sector with China's Help? // War on the Rocks. 2022. URL: <https://warontherocks.com/2022/06/can-russia-rebuild-its-tech-sector-with-chinas-help/> — 20.05.2023.
4. Russia Is Stripping US — Made Microchips, Semiconductors from Dishwashers for their Weapons// Sofrep. 2022. URL: <https://sofrep.com/news/russia-is-using-us-made-microchips-semiconductors-and-dishwasherps-for-their-weapons/> — 18.03.2023.
5. Huawei закрывает бизнес — подразделение в России и увольняет тысячи сотрудников// CNews. 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-12-19_huawei_zakryvaet_biznes-podrazdelenie — 18.03.2023.

6. Chinese Brands have replaced iPhones and Hyundai in Russia's war economy//CNN Business. 2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/25/business/russia-chinese-brands-sales-surge-ukraine-war-intl-hnk/index.html> — 18.03.2023.
7. Kot B. Hong Kong's Technology Lifeline to Russia// Carnegie Endowment for International Peace. 2023. URL: <https://carnegieendowment.org/2023/05/17/hong-kong-s-technology-lifeline-to-russia-pub-89775-20.05.2023>.
8. Riho Nagao et al., "Special Report: How U. S.-made Chips Are Flowing into Russia," Nikkei Asia. 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Tech/Semiconductors/Special-report-How-U.S.-made-chips-are-flowing-into-Russia> — 20.05.2023.
9. Bloomberg: ЕС обсуждает меры против стран, помогающих России обходить санкции// Коммерсантъ. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5968030?tg> — 21.05.2023.
10. Российским процессорам дали новую надежду. Китай клонировал технологии выпуска микросхем TSMC// CNews. 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-07-25_rossijskim_protssessoram_dali?ysclid=lhw2z9qk9d391754583-21.05.2023.
11. Россия может столкнуться с дефицитом серверного оборудования в ближайшие месяцы// Forbes. 2022. URL: <https://forbes-ru.turbopages.org/forbes.ru/s/tekhnologii/459003-rossia-mozet-stolknutsa-s-deficitom-servernogo-oborudovania-v-blizajsie-mesacy> — 20.05.2023.
12. Доля рынка российского офисного ПО может вырасти с 12 до 82% к 2027 году// Ведомости. 2022. URL: <https://vedomosti-ru.turbopages.org/vedomosti.ru/s/realty/articles/2022/08/15/936137-dolya-rossiiskogo-ofisnogo-virasti> — 21.05.2023.

Турцева Анна Владимировна,

Погорелая Екатерина Владимировна

МГИМО (У) МИД России

Факультет международных отношений

Магистратура

Влияние создания оборонного альянса AUKUS на внешнюю политику России

The impact of the creation of the AUKUS defense alliance on
Russian foreign policy

Аннотация. В данной статье предпринята попытка изучить как создание оборонного альянса может сказаться на внешнюю политику Российской Федерации. Для осуществления этой цели авторами была поставлена цель изучить причины создания AUKUS, а также выяснить обладает ли Россия преимуществами в данных условиях и несет ли создание нового оборонного альянса угрозу для безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: AUKUS, китайско-американские отношения, российско-китайские отношения, внешняя политика России, потенциальная угроза безопасности.

Abstract. This article attempts to study how the creation of a defense alliance can affect the foreign policy of the Russian Federation. To achieve this goal, the author set a goal to study the reasons for the creation of AUKUS, as well as to find out whether Russia has advantages in these conditions and whether the creation of a new defense alliance poses a threat to the security of the Russian Federation.

Keywords: AUKUS, Sino-US relations, Sino-Russian relations, Russian foreign policy, potential security threat.

15 сентября 2021 года был создан AUKUS (А - Австралия, UK — Соединённое Королевство, US — США) — трехсторонний военный альянс между Соединенными Штатами Америки, Соединенного Королевства и Австралии. Партнерство сосредоточивается в Индо-Тихоокеанском регионе [1]. О создании

AUKUS было объявлено на виртуальной конференции премьер-министром Австралии — Скоттом Моррисоном, президентом США — Джо Байденом и премьер-министром Великобритании — Борисом Джонсоном [2]. Создание нового блока безусловно может сказаться на внешней политике России и в статье ставится цель выявить определённые последствия от создания AUKUS для России.

Для начала следует выявить основные причины создания альянса AUKUS. Существует официальная версия создания AUKUS — лидеры трех стран заявили, что этот блок создан для того, чтобы «защитить общие ценности и содействовать безопасности и процветанию в Индо-Тихоокеанском регионе». Достичь этого планируется за счет развития кибернетики, искусственного интеллекта и создания новых подводных лодок для Австралии. Австралия позиционирует себя как страна, имеющая выход к трем морям, поэтому она стремится использовать передовые подводные технологии, которые были приобретены у США и Соединенного Королевства. Оговаривалось, что поставка восьми атомных подводных лодок (АПЛ) для Австралии не означает, что она планирует приобретать ядерное оружие, а австралийские многоцелевые атомные подводные лодки будут вооружены крылатыми ракетами с обычной головной частью, так как Австралия намерена соблюдать режим ядерного нераспространения. Правительство Австралии также планирует приобрести дополнительное ударное оружие радиуса дальнего действия [3][4].

Однако все мировое сообщество понимает, что AUKUS был создан для сдерживания Китая в Тихоокеанском регионе. Это связано с борьбой за лидерство на мировой арене и нестабильными отношениями между странами на современном этапе. Что касается китайско-австралийских отношений, то они находятся на низком уровне. По мнению экспертов, обострение отношений вызвано требованиями Австралии провести международное расследование причин распространения коронавирусной инфекции в Ухане в 2020 г. После этого начался ряд санкций со стороны Китая по отношению к Австралии [5].

Еще в 2017 году, в период президентства Д. Трампа, началась конфронтация США в отношениях с Китаем, что отразилось

и в Стратегии национальной безопасности США того же года. Для США Китай позиционируется в качестве угрозы для экономики, безопасности, ценностей и лидерства. Америка убеждена, что Китай стремится к глобальному лидерству с помощью продвижения своей модели, основанной на марксизме-ленинизме, национализме, однопартийной диктатуре, директивной экономике, а также подавлении прав человека, оппозиции и цензуры. Китай в условиях уникальных темпов роста экономики превратился в крупную военную державу с большим ядерным потенциалом и стал мощным игроком в информационно-цифровом пространстве. Поэтому США стремятся удержать и расширить свое влияние с помощью укрепления взаимоотношений с союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе. Д. Трамп видел возможность достичь этого за счет целенаправленных торговых, санкционных, идеологических и военно-политических мер. В качестве примера можно указать внесение Министерством торговли США в чёрный список компании Huawei, а в августе 2020 года этот список пополнился китайским мессенджером WeChat и видеосервисом TikTok [6].

Что касается Великобритании, то, несмотря на попытки обеих стран выстроить продуктивные отношения, с момента встречи Си Цзиньпина с Дэвидом Кэмероном осенью 2015 году в Лондоне и наступления этапа отношений, называемого «золотой эрой» взаимоотношения между странами постепенно ухудшались [7]. В первую очередь это связано со статусом Гонконга, который был британской колонией с 1842 по 1997 годы. В 1997 году Гонконг перешел под суверенитет Пекина, обрел особый статус вплоть до 2047 года, как специальный административный регион, наделенный исполнительной, законодательной и независимой судебной властью. В декларации зафиксировано, что до 2047 года права, свободы и «образ жизни» граждан Гонконга останутся неизменными и Великобритания ведет мониторинг выполнения этой декларации, стремясь проконтролировать процесс обеспечения демократических прав и свобод около 300 тыс. британским гражданам, проживающим в Гонконге. Основная причина конфликта между странами заключаются в различных интерпретации формулы «Одна страна — две системы». Комитет по международным делам Палаты общин в Великобритании высказал опа-

сения, что КНР не намерен выполнять правила совместной декларации и выполняет свои обязанности частично. Летом в 2019 г. в Гонконге начались демонстрации против предложенного местным правительством законопроекта об экстрадиции, позволяющего властям задерживать и выдавать лиц, находящихся в розыске на территориях, с которыми полуостров ранее не заключал соглашений о выдаче преступников, включая материковый Китай. По мнению Лондона, данный нормативный акт унифицирует правовое поле Китая и Гонконга [8].

Объективно Российская Федерация с момента решения о создании AUKUS видит в нем серьезные глобальные и региональные угрозы. Поскольку ответом Китая на его деятельность неизбежно станет активное наращивание военной мощи в ИТР [9]. Москву беспокоит повышенный уровень секретности в отношении этого проекта и увеличение вероятности опасных инцидентов в регионе. [10] Особенно резко выросла напряженность в начале марта 2023 года, когда советник президента США по нацбезопасности Джейк Салливан заявил, что США, Великобритания и Австралия готовы создать подводную лодку с ядерной силовой установкой [11].

Россия сразу негативно отреагировала на появление нового оборонного альянса. По мнению секретаря Совета безопасности РФ Н. Патрушева, создание альянса поставило под вопрос соблюдение Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Договора Раротонга о безъядерной зоне в южной части Тихого океана [12]. В свою очередь, директор департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД В. Ермаков заметил, что участие Австралии в альянсе негативно сказывается в процессе осуществления гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), несмотря о готовности Австралии сотрудничать с МАГАТЭ в течение следующих 18 месяцев [13]. Во-вторых, существование AUKUS ставит под угрозу всю систему безопасности в Азии [12]. Необходимо отметить, что многие представители политических кругов данного региона пришли к выводу, что они также желают обладать собственными АПЛ для обеспечения национальной обороны [14].

Создание альянса в целом усложнило характер международных отношений во многих направлениях. В частности, в разви-

тии российско-французских отношений из-за отказа Австралии от сделки на \$66 млрд. с французским производителем подводных лодок Naval Group, некоторые российские эксперты даже прогнозировали сближение Франции с ФРГ и возможность построения новых отношений с Россией и Китаем [15], хотя другие выражали мнение о неготовности Франции расстаться с антироссийскими концепциями, господствующими в Европе [16]. В любом случае, для РФ создание AUKUS в целом не способствовало выходу из состояния конфронтации времен «холодной войны» хотя бы с рядом стран Европы, а с началом СВО на Украине стало очевидно, что этот альянс стал рассматриваться западными странами в целом только как дополнительная демонстрация могущества и влияния США.

Также AUKUS повлиял на развитие отношений России с Европейским Союзом. Страны ЕС поддержали Францию, так как их самих беспокоит то, что если Америка, Британия и Австралия поступили так с Францией, то следующими могут любые другие члены Евросоюза.

Следует сказать и о неоднозначном отношении большинства союзников к созданию уже второго союза в АТР по инициативе США. Первый — четверка QUAD, созданная также для сдерживания Китая. В него входят США, Австралия, Индия и Япония. С появлением AUKUS напряжение в регионе выросло еще больше, а некоторые исследователи даже считали, что AUKUS в будущем мог стать причиной разлада в НАТО [17], и, более того, создание этих двух военных альянсов могло даже вызвать «прекращение деятельности НАТО в ее нынешнем формате, ставшим явной обузой для Вашингтона и QUAD» и повлиять на создание в Европе армии Евросоюза [15]. Глава Минобороны Франции Флоранс Парли сообщила на заседании сената, о том, что партнеры по НАТО были готовы пересмотреть стратегию альянса после создания договора AUKUS и разрыва контракта на покупку атомных подводных лодок между Австралией и Францией.

Негативное отношение Европы к альянсу проявилось в требовании пересмотра концепции AUKUS со стороны Германии и Франции с целью укрепления обороны Европы и прояснения отношений между союзниками к саммиту НАТО в Мадриде

в 2022 году. Здесь важно помнить, что Франция по-прежнему сохраняет позиции глобального игрока, сохраняя некоторый политический и экономический контроль бывшими африканскими колониями и владея территориями в регионах Атлантического, Индийского, Тихого и Южного океанов. Париж все еще стремится нарастить здесь влияние как противовес США и КНР одновременно.

В России с созданием нового военного альянса произошло осознание необходимости внимания к балансу сил в Тихом океане, так как наш Тихоокеанский флот уступал (без учета стратегических ядерных сил) «не только ВМС США и ВМС НОАК, но также морским силам самообороны Японии и ВМС Южной Кореи», а с реализацией нового проекта, о готовности которого заявили весной 2023 года, и Австралия станет серьезным конкурентом российскому флоту в регионе. И именно этот дисбаланс существенно снижает способность РФ отстаивать свои интересы и позицию в важнейшем регионе мира, заручившись четкой поддержкой всех возможных на сегодня потенциальных партнеров и союзников [18].

Как и ожидалось, Китай, в свою очередь, резко негативно отреагировал на создание AUKUS, что отразилось в словах Представителя посольства Китая в Вашингтоне. Лю Пэньюй заявил, что государствам не следует создавать исключительные блоки с целью нанесения ущерба третьим государствам и назвал создание AUKUS отголосками старого мышления периода Холодной войны [19].

На фоне вышеупомянутых факторов, дополненных стремительным развитием российско-украинского конфликта, произошло заметное развитие российско-китайских отношений, расширение контактов в ключевых сферах международных двусторонних и многосторонних отношений. В целом сложившаяся ситуация создала дополнительные возможности для России использовать для ускорения диалога с Китаем в рамках ШОС и это связано с тем, что страны, которые входят в ШОС не хотят превращать ШОС в блок, направленный против кого-то, а желают обеспечить стабильность и безопасность в Евразии, а также создание условий для более тесной экономической интеграции [20], в том

числе в военно-технической сфере поскольку создание AUKUS и борьба США за глобальное лидерство неизбежно подталкивает Китай к усилению собственного военного потенциала и более тесному партнёрству с РФ [21]. И именно в ответ на создание AUKUS в Японском море были проведены российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие-2021». Есть мнение, что инициатива США по созданию в АТР нового блока связана с их стремлением «перекрыть» заметное отставание в темпах модернизации своего атомного подводного флота, используя Австралию. Это важный аспект противостояния с КНР по Тайваню, напряжение вокруг которого с тех пор постоянно нарастает [22].

Начало Россией СВО на Украине очевидно подтолкнуло AUKUS к заявлению в апреле 2022 года о существенном расширении сотрудничества в создании новейших технологий — создание гиперзвукового оружия, защиты от подобного вооружения (здесь совершенно очевидно имеются в виду достижения России), современных средств радиоэлектронной борьбы, усиление позиций в киберпространстве, использование искусственного интеллекта, а также квантовых и новейших подводных технологий. И уже в конце сентября 2022 года, к годовщине подписания соглашения о создании AUKUS руководство стран-участниц опубликовало совместное заявление, отметив «значительные успехи в трёхстороннем сотрудничестве», главной целью которого стала передача технологий и создание в Австралии нового флота АПЛ. Особо хотим подчеркнуть, что по мере достижения прогресса в ключевых областях сотрудничества, альянс намерен вовлекать в него других союзников и партнеров [23]. Напомним здесь, что 13 апреля 2022 года США, Великобритания и Австралия уже неофициально предложили правительству Японии стать членом альянса AUKUS. Япония привлекает членов AUKUS своими разработками в области гиперзвукового оружия, так как Япония имеет преимущество над остальными странами в его производстве [24].

Россия, учитывая намерения участников AUKUS интенсивно расширять обмен информацией и технологиями, усилению их взаимозависимости в военной промышленности и выстраивании цепочек поставок, также заинтересована в ускорении перехода

к инновационному этапу развития оборонной промышленности. Расширение сотрудничества в этом направлении с другими государствами, помимо КНР и Белоруссии, на современном этапе осложнено широким давлением на международное сообщество со стороны стран Запада и необходимостью продолжать проведение СВО до достижения поставленных целей. Однако, с учетом того, что в марте 2023 года лидеры США, Великобритании и Австралии объявили план поэтапной реализации главной цели соглашения и в заявлении Белого дома подчеркнули, что реализация целей альянса подтолкнет развитие промышленности и качественно повысит возможности подводных флотов его участников для сдерживания и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе, которому, как и всему миру, угрожают Китай, Северная Корея и Россия [25]. Таким образом растет вовлечение РФ в этот вопрос.

Окончательное решение и план реализации целей было намечено принять в марте 2023 года, что и выполнено. Австралийские моряки с 2023 года будут обучаться в США и Великобритании и проходить стажировку их лодках и базах. А с 2027 года на западе Австралии будет постоянное базироваться американо-английская группировки SRF-West, чьи лодки будут использоваться в обучении австралийских моряков и совершать регулярные походы [26].

Таким образом, РФ на современном этапе проявляет готовность принимать вызовы и давать на них ответы, соответствующие не только своим собственным интересам, но и интересам партнеров.

Заключение

На данном этапе AUKUS имеет косвенное влияние на внешнюю политику России. На момент образования альянса было очевидно, что все действия России скорее всего будут рассматриваться Вашингтоном в контексте американо-китайского противостояния, хотя она безусловно готова и намерена развивать сотрудничество со странами, не имеющими отношение к этому противостоянию. А любая форма кооперации России и КНР в военно-морской сфере всегда может и, скорее всего, будет служить причиной для новых санкций в отношении обеих стран.

Ситуация для России изменилась кардинально после начала Спецоперации на Украине 24 февраля 2022 г. Надежды России о новом витке сотрудничестве со странами ЕС исчезли ввиду введения нескольких пакетов санкций по отношению к России. Россию стали рассматривать как основную угрозу мировой безопасности, что может привлечь некоторые страны к получению членства в AUKUS. Подчеркнем, что именно восприятие РФ как второго противника в регионе после Китая, может подтолкнуть AUKUS к расширению.

Вполне понятно, что на данный момент НАТО играет большую роль, чем AUKUS, так как все его члены считают военный блок единственной гарантией безопасности от «агрессии». Присоединение Японии к AUKUS может стать для России негативным моментом, так как развитие членами альянсом гиперзвукового оружия несет за собой прямую угрозу национальной безопасности России. Появление AUKUS скорее всего в ближайшем будущем не приведет к снижению роли НАТО. Новый альянс не сможет быстро сформировать достаточную силу и перетянуть на себя все внимание сообщества и ресурсы. И все же деятельность AUKUS в любом случае неизбежно умножает политические риски и дестабилизацию в мире. А если в будущем австралийские подводные лодки окажутся у побережья Сахалина и Камчатки или пройдут через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан, то это будет означать угрозу для российского Северного флота.

В свою очередь, для России после начала СВО, на новом этапе противостояния в глобальном масштабе с США и ЕС, важна была выгодность и устойчивость сотрудничества с Китаем. И хотя организация российско-китайских военно-морских учений для США и AUKUS всегда будет выглядеть как стремление России занять выгодные позиции в эпицентре грядущего американо-китайского противостояния, тем не менее, Москва не ставит перед собой именно такой цели.

Усиление внимания США к проблемам АТР могло бы позволить России надеяться на улучшение взаимодействий с Европейским союзом и Францией, в частности, но только до тех пор, пока в центре Европы не разгорелся российско-украинский конфликт.

Сложность ситуации в регионе и в мировом сообществе в целом серьезно изменила направления развития международных связей России. В АТР основным надежным партнером на сегодня выступает Китай и потому в этом направлении делаются основные усилия. В конце мая 2023 года в рамках проведения российско-китайского семинара «Вызовы режиму ядерного нераспространения в условиях трансформации мирового порядка» была дана оценка перспектив появления ядерного оружия у Австралии в контексте необходимости обеспечения расширенного ядерного сдерживания. Представители РФ и КНР обсудили вопросы интеграции ядерных и неядерных потенциалов и пути сдерживания роста ядерной опасности в региональном и глобальном масштабе [27].

Очевидно, что России необходимо предпринимать все усилия, чтобы быть готовой к тому моменту, когда ее со всех сторон окружают военно-политические структуры [28]. Необходимо постоянно учитывать в формировании внешнеполитической стратегии на современном этапе, что дисбаланс сил в Тихом океане для России потенциально опасен и его необходимо как можно скорее устранить с учетом реальной возможности доведения усилиями США ситуации в этом взрывоопасном регионе до локального конфликта [18].

Библиографический список

1. Чем AUKUS аукнется Австралии. URL: ПОЛИТИКА | Чем AUKUS аукнется Австралии (russtrat.ru). —13.10.2021.
2. Новости на «России 24». Байден: AUKUS создан для расширения нашего превосходства. URL: Новости на «России 24». Байден: AUKUS создан для расширения нашего превосходства // Смотрим (smotrim.ru) —13.10.2021.
3. Australia to pursue nuclear-powered submarines through new trilateral enhanced security partnership. URL: Australia to pursue nuclear-powered submarines through new trilateral enhanced security partnership | Prime Minister of Australia (pm.gov.au) —13.10.2021.
4. UK, US AND Australia launch new security partnership. URL: UK, US AND Australia launch new security partnership — GOV.UK (www.gov.uk) —14.10.2021.
5. Как поссорились Китай и Австралия. URL: Как поссорились Китай и Австралия — ТАСС (tass.ru) —15.10.2021.

6. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? URL: РСМД:: Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? (russiancouncil.ru) — 15.10.2021.
7. Конец недолгой «золотой эры» китайско-британских отношений. URL: Конец недолгой «золотой эры» китайско-британских отношений — РИА Новости, 17.07.2020 (ria.ru) — 16.10.2021.
8. Британия, Гонконг и споры с Поднебесной. URL: РСМД:: Британия, Гонконг и споры с Поднебесной (russiancouncil.ru) — 16.10.2021.
9. Зачем США, Австралия и Великобритания создали новое оборонное сотрудничество AUKUS? <https://www.imemo.ru/news/events/text/zachem-ssha-avstraliya-i-velikobritaniya-sozdali-novoe-oboronnnoe-sotrudnichestvo-aucus> — 01.06.2023.
10. Россия призвала AUKUS отказаться от проекта по атомным подлодкам. URL: <https://expert.ru/2021/11/27/rossiya-prizvala-aukus-otkazatsya-ot-proyekt-a-po-atomnym-podlodkam/> — 02.06.2023.
11. Салливан: США, Британия и Австралия в рамках AUKUS создадут подлодку с ядерной силовой установкой. URL: <https://www.belta.by/world/view/sullivan-ssha-britanija-i-avstralija-v-ramkah-aukus-sozdadut-podlodku-s-jadernoj-silovoj-ustanovkoj-555183-2023/> — 01.06.2023.
12. Патрушев заявил об угрозе распространения ядерного оружия из-за AUKUS. URL: Патрушев заявил об угрозе распространения ядерного оружия из-за AUKUS — РИА Новости, 13.10.2021 (ria.ru) — 14.10.2021.
13. В МИД России раскрыли исходящие от AUKUS угрозы. URL: В МИД России раскрыли исходящие от AUKUS угрозы: Политика: Мир: [Lenta.ru](http://lenta.ru) — 14.10.2021.
14. Australia to acquire nuclear-powered submarines in historic security pact with US and UK. URL: AUKUS: Australia to acquire nuclear-powered submarines in historic security pact with US and UK (9news.com.au) — 15.10.2021.
15. Тройственный союз англосаксов толкает Францию в объятия России и Китая. URL: Тройственный союз англосаксов толкает Францию в объятия России и Китая (riafan.ru) — 15.10.2021.
16. Политолог оценил возможность сближения России и Франции из-за альянса AUKUS. URL: https://news.rambler.ru/science/47302159/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink — 14.10.2021.
17. Обиженная Франция и разгневанный Китай: как создание нового альянса AUKUS накалило обстановку в мире. URL: Обиженная Франция и разгневанный Китай: как создание нового альянса AUKUS накалило обстановку в мире — ТРК Звезда Новости, 26.09.2021 (tvzvezda.ru)

18. Крамник И. Австралия и все-все-все. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avstraliya-i-vse-vse-vse/> —04.06.2023.
19. США, Британия и Австралия заключили соглашение об оборонном партнерстве. URL: США, Британия и Австралия заключили соглашение об оборонном партнерстве: Политика: Мир: Lenta.ru —15.10.2021.
20. Востоковед Карнеев: Союз России и Китая даст достойный ответ «новому НАТО в Тихом океане». URL: Востоковед Карнеев: Союз России и Китая даст достойный ответ «новому НАТО в Тихом океане» (ukraina.ru) —16.10.2021.
21. «Ситуация сильно деградирует»: почему Китай считает безответственным создание альянса AUKUS. URL: «Ситуация сильно деградирует»: почему Китай считает безответственным создание альянса AUKUS — РТ на русском (rt.com) —16.10.2021.
22. Россия и Китай ответили учениями военному союзу AUKUS. URL: Россия и Китай ответили учениями военному союзу AUKUS — МК (mk.ru) —15.07.2021.
23. Гамза Л. А. Куда плывет AUKUS. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/where-aukus-sails> —02.06.2023.
24. НАТО всходит на Востоке. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5978455> —01.06.2023.
25. Гамза Л. А. Дорожная карта движения к атомной цели AUKUS. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/aukus-atomic-target-roadmap> —01.06.2023.
26. Ермаков А. Долгая дорога в море. Развитие и перспективы союза AUKUS. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dolgaya-doroga-v-more-razvitie-i-perspektivy-soyuza-aukus/> —03.06.2023.
27. Российско-китайский семинар «Вызовы режиму ядерного нераспространения в условиях трансформации мирового порядка». URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rossiysko-kitayskiy-seminar-vizovi-rezhimu-yadernogo-nerasprostraneniya-v-usloviyah-transformatsii-mirovogo-poryadka> —03.06.2023.
28. Зарница далекой грозы. Что означает для России новый союз США, Австралии и Британии. URL: РСМД:: Зарница далекой грозы. Что означает для России новый союз США, Австралии и Британии (russiancouncil.ru) —16.10.2021.

Фокин Ярослав Павлович

Юрова Маргарита Александровна

МГИМО (У) МИД России

Факультет международных отношений

1 курс магистратуры

Концепции Индо-Тихоокеанского региона Японии и Индии: сравнительный анализ и импликация для России

Japan's and India's concepts of Indo-Pacific: comparative analysis and implications for Russia

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ японской и индийской версий Индо-Тихоокеанской стратегии. Выявляются характерные особенности и ключевые мотивы принятия двух стратегий. Авторы приходят к выводу о значительной схожести концепций, однако делают оговорку о разном отношении к статус-кво в регионе: Токио стремится сохранить существующий статус-кво, а Нью-Дели — изменить в свою пользу. На основании выводов по итогам сравнения анализируются ключевые риски стратегий для российской внешней политики, а также приводятся некоторые рекомендации относительно корректировки российской внешней политики на данном направлении.

Ключевые слова: «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», политика «Действовать на Восток», Япония, Индия, вызовы для внешней политики России

Abstract. The article provides a comparative analysis of the Japanese and Indian versions of the Indo-Pacific strategy. The characteristic features and key motives for adopting the two strategies are revealed. The authors conclude that there is a significant similarity of concepts, but make a reservation about different attitudes towards the status quo in the region: Tokyo seeks to maintain the existing status quo, while New Delhi seeks to change it in its favor. Based on the results of the comparison, the key risks of the strategies for Russian foreign policy are analyzed, and some recommendations are made regarding the adjustment of Russian foreign policy.

Keywords: “free and open Indo-Pacific”, “Act East” policy, Japan, India, challenges for Russian foreign policy.

Введение

В последние годы в дискуссиях, посвященных состоянию международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, все чаще стала фигурировать концепция «Индо-Тихоокеанского региона». Данный регион включает в себя пространства Тихого и Индийского океанов, а также страны, расположенные по их берегам. Во многом распространение термина является результатом роста влияния Индии в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также роста экономического и военно-политического влияния Китая. С данными факторами связано активное в последние годы продвижение концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» рядом стран региона, среди которых выделяется Япония. Похожую по своему содержанию концепцию выдвигает и Индия. Можно сделать вывод, что данные концепции будут оказывать значительное влияние на структурирование международных отношений в регионе, в связи с чем актуальной темой для исследований является их изучение.

Таким образом, сравнительный анализ Индо-Тихоокеанских стратегий Японии и Индии, а также определение на его основе возможных импликаций реализации данных стратегий для внешней политики России составляет цель настоящего исследования. Для достижения данной цели авторами ставится ряд задач:

- 1) Выявление отличительных особенностей Индо-Тихоокеанской стратегии Японии;
- 2) Выявление отличительных особенностей Индо-Тихоокеанской стратегии Индии;
- 3) Выявление сходств и различий между японской и индийской версиями стратегий;
- 4) Определение ключевых вызовов в связи с имплементацией стратегий для внешней политики России и приведение рекомендации относительно ответа на эти вызовы.

В данной работе авторами используется достаточно широкий спектр междисциплинарных методов, которые включают системный подход, метод изучения документов и заявлений, исторический метод, проблемно-хронологический подход, метод изучения статистических данных.

Японская концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»

Впервые в своей начальной форме концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в официальном японском политическом дискурсе проявилась во время первого срока Синдзо Абэ в качестве премьер-министра. В августе 2007 г. он выступил в парламенте Индии с речью «Слияние двух океанов», в которой отмечалось, что две страны являются «одинаково мыслящими демократическими морскими государствами» и призвал к сотрудничеству в деле превращения «более широкой Азии», включающей Австралию и США, в огромную «открытую и прозрачную сеть», позволяющую свободно перемещаться людям, товарам, капиталу и знаниям, содействовать свободе и процветанию в регионе [3]. В том же году была реализована японская инициатива создания неформальной площадки для стратегической координации в составе Японии, США, Австралии и Индии, получившей название Четырехстороннего диалога по безопасности, деятельность которой вскоре сошла на нет.

Сразу после прихода к власти второго правительства С. Абэ в 2012 г. японский премьер-министр опубликовал статью «Демократический ромб (бриллиант) безопасности Азии», в которой вновь было заявлено о взаимозависимости «мира, стабильности и свободы судоходства» в Индийском и Тихом океанах. Одновременно данный документ содержит более ярко выраженную антикитайскую риторику, ранее отсутствовавшую. Так выражается обеспокоенность тем фактом, что связывающее два океана Южно-Китайское море превращается в «пекинское озеро», которое может стать для Китая местом базирования ударных атомных подводных лодок и в котором вскоре авианосцы ВМФ НОАК «станут обычным зрелищем», чему С. Абэ предлагает противодействовать совместными с Австралией, Индией и США усилиями [8].

Впервые в качестве официальной доктрины «Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» была представлена премьер-министром С. Абэ в августе 2016 г. на Шестом саммите Токийской международной конференции по вопросам развития Африки (TICAD) в Найроби. В своей речи С. Абэ заявил об ответственности Японии за слияние Индийского и Тихого океанов, Азии и Африки во «взаимосвязанное» пространство, где ценится свобода, демократия, верховенство права и рыночная экономика, свободная от силы и принуждения. В речи отмечалось, что объединение двух свободных и открытых океанов и двух континентов даст мощный стимул для мирового развития и приведет к стабильности и процветанию. Кроме того, были предложены меры по содействию индустриализации, устойчивости систем здравоохранения и социальной стабильности [1].

Более детально основные аспекты рассматриваемой стратегии освещаются в Синих книгах по дипломатии Японии, где стратегия присутствует непрерывно, начиная с редакции 2017 г. Общими положениями, которые прослеживаются по походу эволюции стратегии, можно назвать необходимость поддержания верховенства международного права, прежде всего отрасли морского права, при регулировании международных отношений в регионе, неприятие силы и принуждения в качестве механизмов решения международных споров, необходимость поддержания режима свободы судоходства, являющегося «основой процветания региона». Важное место необходимости противостояния угрозам безопасности региона, среди которых во всех редакциях концепции называются пиратство, терроризм, киберпреступления и стихийные бедствия. В экономическом плане во всех редакциях уделяется внимание развитию внутренней связанности региона и продвижению основанных на свободной торговле правил взаимоотношений. Кроме того, общим местом всех редакций является отсутствие прямой антикитайской риторики. При этом за прошедший период концепция претерпела некоторую трансформацию. Так, в официальном дискурсе снизился акцент на военных аспектах и аспектах безопасности, наглядным свидетельством чему является отход от использования термина «стратегия» (“vision”) [5].

Появление первоначального варианта стратегии было связано с тревогой Японии относительно роста влияния Китая в регионе и была направлена на его балансирование. Эволюция стратегии в 2012–2014 гг., расширение в ней критики по отношению к Китаю связаны с общим кризисом японо-китайских отношений из-за обострения территориального спора вокруг островов Сенкаку и интенсификацией проникновений китайских судов в японские территориальные воды и прилегающую зону близ спорных островов. Так, согласно заявлениям японской стороны, только с сентября по декабрь 2012 г. китайские правительственные суда, общее количество которых составляет 62, вторгались в японские территориальные воды 18 раз [7]. При этом, с 2014 г. сторонами был взят курс на развитие сотрудничества и снижение конфронтационности отношений. Появление концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» связано, во-первых, с продолжающимся ростом китайского влияния в регионе и его напористой политикой и желанием Японии модерировать поведение Китая и балансировать рост его региональной влияния; во-вторых, с желанием Токио в условиях активно эволюционирующего регионального порядка обеспечить существование в регионе «правил игры», отвечающих японским интересам; и, в-третьих, с желанием Японии интенсифицировать развитие экономики, установив наиболее выгодные для нее экономические правила и режимы.

Индийская политика «Действовать на Восток»

С концептуальной точки зрения Индо-Тихоокеанская стратегия Индии представлена политикой «Действовать на Восток». Политика «Действовать на Востоке», представленная правительством Н. Моди в 2014 году, стала расширением начатой в 1991 году стратегии «Смотреть на Восток», которая подразумевала расширение сотрудничества Индии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в сферах экономики и гуманитарного взаимодействия. Основной фокус стратегии приходился на страны Юго-Восточной Азии, но с течением времени стал включать и другие страны региона. В рамках политики «Смотреть на Восток» были реализо-

ваны такие проекты, как Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК), Сотрудничество Меконг-Ганг, создание зоны свободной торговли между Индией и АСЕАН и другие проекты [2]. Целями обновленной версии политики провозглашалось укрепление политических связей, расширение экономической кооперации и стратегического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, Японией и Австралией, а также укрепление региональной безопасности [4]. Отличительной чертой политики «Действовать на Востоке» является больший упор на геополитическое измерение: в ней значительное место отводится развитию стратегических отношений с такими странами, как Япония, Австралия, США, Вьетнам, Филиппины и Малайзия, направленному фактически на создание противовеса китайскому региональному влиянию [2].

В качестве основных причин принятия стратегии «Действовать на Востоке» специалистами назывались индийская стратегия балансирования роста влияния Китая в регионе, а также рост экономического и политического влияния и амбиций самой Индии и ее желание играть более существенную стратегическую роль [4]. Стратегия балансирования влияния Китая и сдерживания его «морской и экономической экспансии» стала ответом на стратегию, названную «жемчужным ожирением», которую, с точки зрения, некоторых исследователей и политических деятелей, в том числе индийских, проводит Пекин [11]. Данная стратегия заключается в создании опорных пунктов посредством развития морских портов в Пакистане и на Шри-Ланке. Данные опорные пункты, в которые часто заходят китайские военноморские силы, фактически окружают Индию [11]. Кроме того, в 2017 году начала функционировать первая военная база Китая за рубежом, расположенная в Джибути.

Кроме того, между Индией и Китаем существует ряд территориальных споров. Фактически большая часть китайско-индийской границы является спорной. Китай претендует на территорию штата Аруначал-Прадеш, находящуюся под контролем Индии. В свою очередь, Нью-Дели претендует на территорию Аксайчин, которая находится под контролем Пекина. На спорных

границах периодически происходят столкновения между военными двух сторон. Так, в июне 2020 г. произошло столкновение на линии разграничения в области Ладакх, в результате которого погибли десятки индийских военных [6]. Данный фактор также является источником опасений индийского правительства относительно безопасности. Восприятие китайской стороны в качестве угрозы толкает индийское правительство искать механизмы для предотвращения доминирования Китая в регионе, что в значимой степени соответствует целям Индо-Тихоокеанской стратегии Японии и толкает страны к более тесной кооперации. Другими общими интересами являются противодействие пиратству, так как безопасность морских путей крайне важна для экономической безопасности обеих стран.

Сравнение двух стратегий: сходства и различия

Сравнительный анализ японской и индийской Индо-Тихоокеанской стратегий показывает их значительное совпадение как с точки зрения их целей, так и содержания. Обе стратегии заключаются в развитии экономической взаимосвязанности регионов Индийского и Тихого океанов, а также военно-политических отношений между странами. Кроме того, обе стратегии вызваны стремлением двух стран к внешнему балансированию роста регионального и глобального влияния Китая, который воспринимается ими как угроза безопасности по сходным причинам, среди которых выделяются территориальные разногласия и историческое конфронтационное наследие. В связи с этим, обе стратегии стремятся ограничить вовлеченность Китая в дела региона и являются эксклюзивными по отношению к нему. Также стратегии как Индии, так и Японии рассматривают друг друга в качестве основных партнеров в рамках своей реализации, а также предполагают сотрудничество с США, АСЕАН и Австралией.

Значимым свидетельством сходства стратегий представляется тот факт, что в 2016 г. премьер-министры Японии и Индии Синдзо Абэ и Нарендра Моди провозгласили «новую эпоху» в отношениях стран, основанную на синергии японской концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»

и индийской политики «Действовать на Востоке». Реализация обеих стратегий сфокусирована на сотрудничестве в рамках «Четырехстороннего диалога по безопасности», функционирование которого было возобновлено в 2017 г. В 2019 г. состоялась первая встреча диалога на уровне министров иностранных дел, а начиная с 2021 г. формат диалога был повышен до уровня ежегодных саммитов. Активное взаимодействие между странами в рамках диалога выражается в совместных военных учениях. Так, в ноябре 2020 г. впервые за двенадцать лет все четыре страны приняли участие в Малабарских военно-морских учениях, когда Австралия впервые с 2007 г. присоединилась к военной игре [9]. Помимо четырехстороннего диалога существуют также трехсторонние форматы сотрудничества, в которых принимают участие как Япония, так и Индия. Так, в 2018 г. состоялся первый трехсторонний саммит в рамках существующего с 2011 г. диалога Япония — США — Индия. Встреча, продлившаяся около 15 минут, имела скорее символический характер и, по словам японского премьер-министра, показала, что стороны разделяют фундаментальные ценности и стратегические интересы [10]. Существует также диалог Япония — Индия — Австралия, первая встреча которого состоялась в 2015 г., а в 2018 г. уровень диалога был поднят до министерского. На данных площадках, в основном, обсуждаются вопросы морской безопасности, борьбы с терроризмом, повышения взаимосвязанности в регионе [10]. Необходимо отметить также двухстороннее военно-техническое сотрудничество, примером чего являются японо-индийские военные учения «Джаймекс» и «Дхарма Гардиан» [10], существование консультации на уровне заместителей министров обороны и иностранных дел с Японией в режиме «два плюс два» [1].

Существует, однако, определенные различия в стратегиях Японии и Индии. Во-первых, японская стратегия носит в большей степени охранительный характер. Она фактически направлена на сдерживание роста влияния Китая и сохранение существующего международного порядка в регионе, одну из основополагающих ролей в котором играют США. Япония является бенефициаром данного порядка, и от него зависит ее экономическая безопасность. В свою очередь, важную часть индийской стратегии

составляет не только сдерживание Китая, но и расширение своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Нью-Дели, таким образом, стремится к преобразованию существующего порядка в более многополярный, но на своих условиях, подразумевающих меньшую роль Китая. Другим отличием можно считать тот факт, что рост Китая для Японии является более экзистенциально опасным, чем для Индии, так как от положения дел в Южно-Китайском море напрямую зависит энергетическая и экономическая безопасность страны, что делает Индо-Тихоокеанскую проблематику центральной для внешней политики Токио.

Импlications для внешней политики России

Важность Индо-Тихоокеанских концепций для национальных интересов России обусловлена тем фактом, что импульсом для их создания является желание стран региона противодействовать росту Китая, которой в свою очередь является важным стратегическим партнером России. Более того, с точки зрения официального российского дискурса, Индо-Тихоокеанская стратегия рассматривается как эксклюзивная не только по отношению к Китаю, но и по отношению к России, что потенциально может сделать ее инструментом противодействия интересам Москвы [12]. Одновременно, данные концепции продвигаются в большинстве своем странами, поддерживающими союзнические отношения с США, являющимися соперником Москвы. Данные факторы предопределяют негативное отношение на уровне официального дискурса к данной стратегии, аналогичное официальному китайскому отношению.

Тем не менее, значимую сложность для России представляет тот факт, что одной из стран, разделяющих видение Индо-Тихоокеанского региона является Индия, один из важных партнеров Москвы. Важность обусловлена тем, что Москва рассматривает Индию в качестве одного из центров развивающегося мира, на который опирается Россия в противостоянии с западными странами. Так, Россия высокое значение придает сотрудничеству с Индией в рамках БРИКС. При этом можно утверждать, что формирование региона, объединяющего Индийский и Тихий

океаны является объективным процессом, связанным не только и не столько с активным политическим продвижением данной концепции Японией и Соединенными Штатами, но со все большим включением Индии в дела наиболее динамично развивающегося региона мира — АТР, обусловленным ростом политического и экономического влияния и амбиций Нью-Дели. В связи с этим, негативное отношение Москвы к Индо-Тихоокеанскому региону как концепту может восприниматься Индией как попытки ограничить рост ее влияния, что не отвечает долгосрочным интересам России. Кроме того, некоторыми исследователями отмечается односторонность восприятия Россией международных реалий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на то, что Россия позиционирует себя в рамках политики «поворота на Восток», вопросы АТР воспринимаются Москвой исключительно через призму противостояния с Западом, то есть западный вектор политики доминирует. Данные обстоятельства лишают политическую линию на восточном направлении необходимой гибкости, что также может нанести урон отношениям Москвы и незападных стран [13].

В данной связи России стоит проявить более активную структурирующую роль и развивать собственную, альтернативную западной концепцию Индо-Тихоокеанского региона, которая должна отвечать двум требованиям. Во-первых, она не должна быть фактически исключаящей Китай и направленной на его сдерживание. Во-вторых, она должна включать Индию и отводить ей значимую роль в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, что послужит основой для легитимации политических амбиций Нью-Дели. Тем самым Москва может попробовать отделить в индийской внешней политике линию по расширению влияния в АТР от линии противостояния Китаю, создав условия для реализации первой и снизив остроту восприятия второй, взяв на себя при этом роль нейтрального арбитра в отношениях двух партнеров. Создание такого рода инклюзивной концепции будет одновременно отвечать растущим стремлениям Индии и не будет восприниматься в Пекине в качестве угрозы безопасности, что будет способствовать сближению позиций и конвергенции интересов двух важных для России партнеров.

Выводы

Таким образом, сравнительный анализ Индо-Тихоокеанских концепций Японии и Индии показал, что они имеют значительное количество схожих черт. Так, обе стратегии вызваны стремлением к внешнему балансированию роста регионального и глобального влияния Китая, который воспринимается Японией и Индией как угроза. Содержание обеих концепций заключается в развитии взаимосвязанности регионов Индийского и Тихого океанов в области экономики и безопасности. Тем не менее, если японская стратегия направлена сугубо на сохранение статус-кво в регионе и предотвращение изменения его в пользу Китая, индийская стратегия направлена в том числе на изменение существующего порядка в свою пользу, что мотивировано растущими амбициями Нью-Дели.

В свою очередь, Россия рассматривает концепцию Индо-Тихоокеанского региона как сугубо негативный феномен, основной движущей силой которого является Запад. Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что такого рода отношение может производить негативное впечатление в Индии как направленное на сдерживание ее амбиций. В связи с этим, Москве стоит развивать собственную более инклюзивную Индо-Тихоокеанскую концепцию, которая будет включать как Китай, так и Индию, что, с одной стороны, исключит восприятие ее Пекином в качестве антикитайской, а, с другой стороны, предоставит Нью-Дели возможность для легитимации его амбициям по участию в делах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Библиография

1. Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of TICAD VI. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html — 21.05.2023.
2. Banerjee, A. Comparing India's Look East and Act East Policies. JK Policy Institute. URL: <https://www.jkpi.org/comparing-indias-look-east-and-act-east-policies/> — 21.05.2023.
3. "Confluence of the Two Seas". Speech by H. E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. Ministry of

- Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> — 21.05.2023.
4. Rajendram, D. India's new Asia-Pacific strategy: Modi acts East. Lowy Institute for International Policy. URL: <https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf> — 21.05.2023.
 5. Diplomatic Bluebook 2020 (PDF). Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000932.html — 21.05.2023.
 6. India-China clash: 20 Indian troops killed in Ladakh fighting. BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-53061476> — 21.05.2023.
 7. Position Paper: Japan-China Relations Surrounding the Situation of the Senkaku Islands. In response to China's Airspace Incursion. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/position_paper2_en.html — 21.05.2023.
 8. Abe S. Asia's Democratic Security Diamond. Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe> — 21.05.2023.
 9. The "Quad": Security Cooperation Among the United States, Japan, India, and Australia. Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11678> — 21.05.2023.
 10. Добринская, О. А. Индия во внешней политике С. Абэ // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 25–55.
 11. Кистанов, В. О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32–43.
 12. Лавров: концепция Индо-Тихоокеанского региона не предполагает открытости и равноправия. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/11050135> — 21.05.2023.
 13. Капур, Н. Индийская дилемма России. Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indijskaya-dilemma-rossii/> — 21.05.2023.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»

Кровицкая Анастасия Витальевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук,
Магистратура

Холокост и другие геноциды в медийном дискурсе России и Германии

Holocaust and other genocides in Russian and German media
discourse

Аннотация. В данной статье рассматривается освещение темы Холокоста и других геноцидов в современных российских и немецких СМИ. Теоретической базой исследования стали новаторские концепты в области изучения Холокоста и других геноцидов, предлагающие новый взгляд на процессы конструирования исторических и медийных дискурсов. Чтобы исследовать этот вопрос, мы проводим критический дискурс-анализ (КДА) и дальнейший сравнительный анализ. Результаты исследования резюмируют медийные и политические дискурсы о практиках геноцида в дискурсивной связке с Холокостом.

Ключевые слова: Холокост; геноцид; дискурс-анализ; российские СМИ; немецкие СМИ.

Abstract. The article analyzes the coverage of the Holocaust and other genocides in modern Russian and German media. Based on the most recent theoretical approaches, it is a relevant work offering new insight in the processes of covering the Holocaust and other genocides. In order to examine this phenomenon, we perform

a critical discourse analysis (CDA) and a further comparative analysis. The outcomes of this study present how journalists and politicians exploit the pre-existing knowledge and ideologies of the Holocaust experience to describe other genocide practices.

Keywords: Holocaust; genocide; discourse analysis; Russian media; German media.

Введение

После принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide) репрезентация травматического опыта в языке и роль памяти в формировании индивидуальной и культурной идентичности становятся центральными проблемами, которые во многом определяют социальную и культурную сферы современного мирового сообщества [1]. Конвенция представляет собой кульминацию многолетней работы польского юриста еврейского происхождения Рафаэля Лемкина. Почти вся семья Лемкина погибла в Холокост, однако термин «геноцид» был концептуализирован им на примере геноцида армян в Османской империи, о котором он узнал, ещё будучи студентом.

Ввиду того, что история Холокоста представлена на основе широкого круга источников и литературы, политика нацистской Германии, её союзников и пособников по преследованию и уничтожению евреев в 1933–1945 годы воспринимается как универсальный пример геноцида [2, с. 4]. Более того, о недостаточном внимании к геноциду армян, который хронологически произошёл раньше и, по мнению многих исследователей, послужил «предвестником Холокоста», впервые, сопоставив геноцид армян и Холокост, заговорил израильский историк Йегуда Бауэр [3, р. 57–58]. Таким образом, в историографии Холокост стал отправной точкой для построения дискурсов о других практиках геноцида. Эта тенденция сохранилась и по сей день — используя опыт изучения и мемориализации Холокоста, во многих странах мира стали конструировать дискурсы о своих национальных трагедиях.

Последние несколько лет ознаменованы признанием целого ряда геноцидов. Так, например, в апреле 2021 года Джозеф Байден **первым из президентов США за последние 40 лет признал** массовые убийства армян в Османской империи с 1915 по 1923 год *геноцидом* [4]. В мае того же года правительство ФРГ официально признало геноцид племён гереро и нама в Намибии [5]. В России в октябре 2020 года Солецкий районный суд признал геноцидом массовые убийства нацистами мирных жителей деревни Жестяная Горка в Новгородской области, которые происходили в 1942 году [6]. Следствием этих политических решений стала популярность медийных дискурсов о геноцидах. Однако термин «Холокост» и частые отсылки к истории геноцида еврейского народа в связке с новыми дискурсами о геноцидах также стали частым явлением, сделавшими Холокост медиатизированным событием. Тем не менее, если взаимосвязь между Холокостом и другими геноцидами была изучена целым рядом американских и европейских учёных в контексте историографических исследований, то медийные дискурсы остались в стороне. Более того, российская практика обращения к дискурсу о Холокосте для построения дискурсов о других геноцидах — предмет совсем неизученный.

Взаимосвязь Холокоста и других геноцидов в академическом дискурсе

Основополагающим концептом в исследованиях связи Холокоста и других геноцидов является связь между Холокостом и колониализмом. Пионерами в этом вопросе были послевоенные мыслители, такие как Ханна Арендт [7], Эме Сезер [8], Жан-Поль Сартр [9] и другие. Однако именно «эффект бумеранга», авторство которого принадлежит Ханне Арендт, стал самым influential в контексте данного исследовательского направления. Это идея о том, что, опробовав колониальные методы управления и практик геноцида в своих заморских колониях, европейцы вернулись на континент и осуществили геноцид в гораздо более смертоносной и разрушительной форме в случае Холокоста.

Ряд современных исследователей также активно работает с постколониальной критикой. В этой плеяде Майкл Ротберг,

который ввёл концепт «разнонаправленной памяти», представляющей собой симбиоз практик кросс-культурных воспоминаний на примере «продолжающихся процессов деколонизации и движений за гражданские права в Карибском бассейне, Африке, Европе, США и других странах, которые неожиданно оживили память о Холокосте и наоборот» [10]. Также в этом ключе интересны исторические, политические и культурные пересечения Холокоста и Накбы, которые исследуют Башир Башир и Амос Голдберг, в то время как в публичном дискурсе они чаще всего обсуждаются отдельно и в отрыве от определяющих исторических и глобальных контекстов национализма и колониализма [11].

Описанные выше академические исследования связи колониальных практик геноцида и Холокоста в большинстве своём написаны европейскими и американскими учёными, в то время как связка «колониализм-Холокост» не кажется актуальной в российской историографии. Однако работа корейского исследователя Лим Джихёна отсылает к потенциальным исследованиям дискурсов жертв Холокоста и сталинского террора в едином контексте [12]. В российском академическом дискурсе эта связка не приобрела особой популярности, хотя есть авторы, которые занимаются этим вопросом. Например, Е. В. Миськова исследует травму сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов, используя опросник Я. Даниэли для изучения травмы Холокоста [13]. Тем не менее, Миськова заранее обозначила ограничения данной методологии, связанные с особенностями различия социокультурного контекста и типологического различия коллективных травм.

Анализ материалов российских и немецких СМИ

Проведя теоретический анализ взаимосвязей между дискурсом о Холокосте и дискурсами о других геноцидах, мы определили, что исследования геноцидов через методологическую призму историографии Холокоста популярны в американских и европейских академических кругах, однако не получили широкого распространения в России. Более того, медийные дискурсы о геноцидах, для которых свойственны отсылки к Холокосту, стали

набирать популярность в российском медийном поле сравнительно недавно, очевидно взяв пример с европейской и американской практики репрезентации травматических событий. Поэтому в первую очередь ограничения русскоязычной выборки связаны с количеством и качеством информации. В ходе случайного отбора по ключевым словам «геноцид», «Холокост» нами были найдены 10 релевантных статей в российском медийном поле, которым характерно разное тематическое наполнение дискурсивных связей. Исходя из этого, по ключевым словам «Völkermord», «Genozid» и «Holocaust» мы выбрали равное количество статей на немецком языке, в которых также первым компонентом дискурсивной связки является дискурс о Холокосте, а вторым — 10 разных дискурсов о геноцидах, которые стихийно формируются в нынешнем немецком социуме и отражаются в СМИ.

В русскоязычную выборку попали статьи из следующих СМИ: «Независимая газета», «Газете.ru», «Московский комсомолец», «Степные вести» «Кавказский узел»³, русскоязычный еврейский информационный портал STMEGI, научно-популярный журнал «Naked Science», портал информационного агентства «Eurasia Daily», информационно-новостная платформа гражданской журналистики «Голос ислама».

Немецкоязычная выборка представляет собой статьи из следующих СМИ: портал немецкой службы национальных и международных новостей «Tagesschau», «Deutsche Welle»*, «Neues Deutschland», «Islamische Zeitung», «Deutschlandfunk Kultur», «Die Welt»*, «RedaktionsNetzwerk Deutschland», «Der Tagesspiegel», «Die Tageszeitung».

Анализ языковой репрезентации Холокоста в российских и немецких СМИ показал, что концепт наделён рядом эксплицитных смыслов: «катастрофа», «эталон страданий», «преступление против человечности». Будучи координирующим дискурсом, в большинстве проанализированных кейсах дискурс о Холокосте легитимирует другие дискурсы о геноцидах, но в некоторых случаях расценивается как гегемоничный, доминирующий, затме-

³ Здесь и далее (в соответствии с действующим законодательством) юридические лица, признанные Минюстом выполняющими функцию СМИ-иногента, отмечаются в тексте нашей работы с помощью знака *.

вающий, приводящий к коммуникативному умалчиванию и порождающий конкуренцию нарративов — «войн памяти». Стоит отметить, что второе актуально только для медийного дискурса Германии в рамках следующих дискурсивных связей: «Холокост-Накба» [14], «Холокост-геноцид нама и гереро» [15], «Холокост-геноцид армян» [16]. Примечательно, что последняя дискурсивная связка является единственной, которая встречается и в российском, и в немецком контексте. Мы полагаем, что это связано с тем, что российские и немецкие армянские общины многочисленны и имеют долгую историю проживания в обеих странах, а значит неразрывны с историческим и культурным контекстом России и Германии. Тем не менее, дискурсивная связка «Холокост-геноцид армян» в российских и немецких СМИ имеет разный характер. Лейтмотивом статьи из российского СМИ под заголовком «Геноцид армян: Холокост Востока» является тезис о том, что колониальная политика Германии и Османской империи была предтечей Холокоста и геноцида армян, а геноцидальные практики в обоих случаях имели один и тот же характер [17]. В статье также имела место легитимация геноцида армян через дискурс о Холокосте. В немецкой статье под заголовком «Большие пробелы в исследованиях» (нем. «Große Forschungslücken») обрисовывались различия геноцидальных практик в рамках Холокоста и массового уничтожения армянского населения в Османской империи. Они, по мнению эксперта, не позволяют изучать геноцид армян через призму Holocaust Studies, которая долгое время была устоявшейся методологической традицией [16].

Репрезентация дискурса о Холокосте как набора геноцидальных практик характерна как для российских, так и для немецких СМИ. Более того, именно через геноцидальные практики строится или отрицается дискурсивная связь между Холокостом и другими геноцидами. Например, в российских СМИ через практики систематических и массовых показательных расстрелов, а также содержания в концентрационных лагерях выстраивается дискурсивная связка «Холокост-советские репрессии» [18], через практики экспроприации и расхищения имущества выстраивается дискурсивная связка «Холокост-геноцид армян» [17], через практики расстрела, казней и принудительных абортов

конструируется дискурсивная связка «Холокост-геноцид уйгуров» [19], через практику депортации демонстрируется дискурсивная связка «Холокост-геноцид чеченского и ингушского народов» [20]. В немецких СМИ имеет место контрриторика, которая отрицает дискурсивную связку посредством апелляции к разным геноцидальным практикам Холокоста и других геноцидов. Например, колониальные практики характеризуются как подавление сопротивления местного населения, которое не было намеренным уничтожением этноса по религиозному, расовому и этническому признаку, что было характерно для практик Холокоста [21]. В случае с армянским геноцидом, он был сформирован джихадистской традицией и включал в себя убийства мужчин, похищения и порабощения женщин и детей [16]. Здесь эксперты наблюдают нестыковку с геноцидальными практиками Холокоста, в которых происходило беспорядочное уничтожение всех представителей еврейского народа независимо от гендера, возраста и социального положения. Тем самым, через различия практик демонстрируется неадекватность дискурсивной связки.

В российских и в немецких СМИ через дискурс о Холокосте легитимируются не только геноциды, имеющие отношение к истории (геноцид армян, геноцид гереро и нама), но и актуальные на сегодняшний день геноциды (геноцид езидов, геноцид уйгуров), также через призму Холокоста происходит легитимация актуальных социальных проблем. Так, например, немецкое антиковидное движение активно использует дискурс о Холокосте для легитимации антиковидных демонстраций [22], а Русская православная церковь — для легитимации запрета абортов [23]. В случае с немецким антиковидным движением ограничительные меры против коронавируса интерпретируются как злоупотребление властью, а прививки приравниваются к геноцидальной практике. В контексте данного кейса дискурсивной стратегией является риторика неразумности, когда в большинстве других материалов российских и немецких СМИ популярностью пользуется риторика бедствия [24].

Риторика бедствия в немецких СМИ используется для того, чтобы дискурсы о геноциде, сравниваемые с Холокостом, трансформировались в политические дискурсы — реализуемые в пар-

тийных программах политиков и правительственных документах [25]. Таким образом, на сегодняшний день в Германии, помимо Холокоста, политическими дискурсами о геноцидах являются геноцид армян [26], геноцид нама и гереро [27], а также геноцид езидов [28]. Анализируемый в рамках данного исследования текст о геноциде езидов *интересен с точки зрения акторов дискурса — еврейская организация, как платформа дискурса о Холокосте, предоставляет свою платформу езидам для конструирования дискурса о геноциде, тем самым наделяя группу властью* [29].

Акторами дискурсов о Холокосте и других геноцидах в российских и немецких СМИ часто выступают представители властных институтов (политики, общественные деятели, журналисты, академики). В немецких кейсах в большей степени продемонстрирована связка координирующего (дискурса политических элит) и коммуникативного (между политическими элитами и представителями общественности) дискурсов, которые объединяются в основной дискурс — последовательную политическую программу [30]. Немецкие СМИ представляют собой поле, в рамках которого осуществляется коммуникативный дискурс как практика коммуникации политических элит и широких кругов общества: представителей народов, пострадавших от геноцида, журналистов, историков. Обсуждения о требованиях выплат репараций со стороны активистов соседствуют с комментариями представителей политических элит, а журналисты и историки активно рефлексировать на тему политики памяти в современной Германии.

В российских СМИ продемонстрированы частные попытки конструирования дискурсов о Холокосте и геноцидах, которые потенциально могли бы стать частью национальной политики памяти. Их можно проследить в дискурсивных связках «Холокост-сталинские репрессии» [18], «Холокост-депортация калмыцкого народа» [31], «Холокост-депортация чеченского и ингушского народа» [20], «Холокост-Беслан» [32]. Однако препятствием к формированию из них последовательной политической программы является тот факт, что они не являются частью ни координирующего дискурса, ни широкого коммуникативного дискурса. Единственный властный институт, представленный в кейсах как активно конструирующий дискурсы о социальных пробле-

мах нынешнего российского общества и коллективных травмах — Русская православная церковь. Но попытки представителей церкви, направленные на построение политики памяти посредством дискурсивных связок Холокоста и других геноцидов, слишком ситуативны и субъективны для того, чтобы стать полноценной политической программой.

Заключение

В результате исследования было установлено, что российские и немецкие медийные дискурсы о геноцидах конструируются посредством отсылок к Холокосту. Также было выявлено, что, несмотря на общую тенденцию обращения к истории Холокоста для построения новых дискурсов о геноцидах, дискурсивные практики российских и немецких СМИ отличаются по ряду признаков:

- 1) Российским дискурсам о Холокосте и других геноцидах не характерны «войны памяти», тогда как для немецких дискурсов свойственна конкуренция нарративов;
- 2) Если для российского медийного дискурса практика репрезентации других геноцидов через оптику Холокоста — тенденция новаторская, в силу того что академическая традиция исследований Холокоста в России долгое время отставала от европейской и американской. Немецкой медийной повестке свойственно переосмысление репрезентаций геноцидов через призму Холокоста как нерелевантной установки;
- 3) Актуальные для немецкой повестки дискурсы о других геноцидах, выступающие в дискурсивной связке с координирующим дискурсом о Холокосте, нерелевантны в российском контексте (за исключением дискурса о геноциде армян). Это является следствием различий в политической, культурной, социальной и медийной повестке;
- 4) Большинство немецких дискурсов о геноцидах являются частью последовательной политической повестки ФРГ (закреплены законодательно) или ее критикой. Российским дискурсам о Холокосте и других геноцидах

свойственна ситуативная риторика, акторами которых в большинстве случаев являются представители общест-венности, а не политические институции.

Библиография

1. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml — 21.05.2023.
2. *Альтман И. А.* История Холокоста и геноцидов. XX век. М.: МИК, 2022. 176. с.
3. *Bauer Y. A* History of the Holocaust. New York: F. Watsls, 1982. 398 p.
4. Байден признал геноцид армян // Интерфакс. 24.04.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/763121>—21.05.2023.
5. Namibia: Deutschland erkennt Völkermord an // Tagesschau. 28.05.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/afrika/deutschland-kolonialverbrechen-namibia-101.html> — 21.05.2023.
6. Суд впервые признал геноцид советского народа нацистами в Жестяной Горке // Известия. 27.10.2020. URL: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-vpervye-priznal-genotcid-sovetskogo-naroda-natcistami-v-zhestianoj-gorke> — 21.05.2023.
7. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1979. 507 p.
8. *Césaire A.* Discourse on Colonialism. New York: Monthly Review Press, 2000. 101 p.
9. *Sartre J. P.* On Genocide: And a Summary of the Evidence and the Judgments of the International War Crimes Tribunal. Boston: Beacon Press, 1968. 100 p.
10. *Rothberg M.* Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford: Stanford University Press, 2009. 379 p.
11. *Bashir, B., Goldberg, A.* The Holocaust and the Nakba: New Grammar of Trauma and History // Central European History. 2021. No. 54 (1). P. 112–179.
12. *Lim J-H.* Triple Victimhood: On the Mnemonic Confluence of the Holocaust, Stalinist Crime, and Colonial Genocide // Journal of Genocide Research. 2021. No. 23 (1). P. 105–126.
13. *Миськова Е. В.* Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 4. С. 31–49.
14. Utopie oder Zukunft? // Islamische Zeitung. 01.07.2020. URL: <https://islamische-zeitung.de/utopie-oder-zukunft/> — 21.05.2023.

15. Namibia genocide: German reparations unlikely // Deutsche Welle* (признано СМИ-иногентом в РФ). 30.07.2018. URL: <https://amp.dw.com/en/genocide-in-namibia-germany-remains-at-odds-with-its-colonial-legacy/a-44887592-21.05.2023>.
16. Große Forschungslücken // Die Tageszeitung. 24.04.2021. URL: <https://taz.de/Voelkermord-an-den-Armeniern/!5762505/> — 21.05.2023.
17. Геноцид армян: Холокост Востока // Naked Science. 24.04.2014. URL: <https://naked-science.ru/article/history/armenian-genocide> — 21.05.2023.
18. Русский холокост // Газета.ru. 30.10.2018. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/10/30_e_12040675.shtml — 21.05.2023.
19. Невидимый Холокост // Голос ислама. 22.12.2011. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=3966-21.05.2023>.
20. «Чеченский комитет национального спасения»: чеченский холокост, начавшийся в 60 лет назад, продолжается по сей день» // Кавказский узел* (признано СМИ-иногентом в РФ). 23.02.2004. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/53113/> — 21.05.2023.
21. Der Holocaust war singular. Das bestreiten inzwischen nicht nur Rechtsradikale // Die Welt* (признано СМИ-иногентом в РФ). 26.02.2021. URL: <https://schmid.welt.de/2021/02/26/der-holocaust-war-singulaer-das-bestreiten-inzwischen-nicht-nur-rechtsradikale/> — 21.05.2023.
22. Schlimmer als der Holocaust»: Neue Ermittlungen gegen Ärztin und Corona-Leugnerin // RedaktionsNetzwerk Deutschland. 18.02.2022. URL: <https://www.rnd.de/panorama/duderstadt-neue-ermittlungen-gegen-aerztin-und-corona-leugnerin-carola-javid-kistel-TGW6OPCD55THTCFSPX7YU2NXAE.html> — 21.05.2023.
23. Председатель патриаршей комиссии: Русские аборты страшнее Холокоста // Независимая газета. 28.02.2019, URL: https://www.ng.ru/faith/2019-02-28/100_smirnov280219.html — 21.05.2023.
24. Ibarra P. R., Kitsuse J. I. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by G. Miller, J. A. Holstein. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 2003. P. 17–50.
25. Дейк Т. А. ван Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
26. Antrag zum Völkermord an Armeniern beschlossen // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2016/kw22-de-armenier-423826-21.05.2023>.
27. Zur völkerrechtlichen Zulässigkeit von freiwilligen Entschädigungszahlungen an Herero und Nama in Namibia // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/868674/e1e537a1e84079ffdfbda1995dee0ad/WD-2-067-21-pdf-data.pdf> — 21.05.2023.

28. Bundestag erkennt IS*-Verbrechen (Запрещённая в России террористическая организация) an Jesiden als Völkermord an // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw03-de-jesiden-927032>—21.05.2023.
29. Der ignorierte Völkermord des IS* (Запрещённая в России террористическая организация) an den Jesiden // Tagesspiegel. 04.08.2016. URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/duenzen-tekkal-und-deidreberger-im-gespraech-der-ignorierte-voelkermord-des-is-an-den-jesiden/13956032.html> — 21.05.2023.
30. *Smidt V. A.* Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*, 2008. V. 11. P. 303–326.
31. В мировой истории есть холокост. И есть горчайшая калмыцкая страница // *Степные вести*. 28.12.2020. URL: <https://tegrk.ru/archives/102051>—21.05.2023.
32. По ком звенит Холокост // *Московский комсомолец*. 29.09.2020. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/09/29/po-kom-zvonit-kholokost.html> — 21.05.2023.

Мифтахов Тимур Джалилеви

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

**Преодоление коллективной культурной травмы:
на примере суда над А. Эйхманом
(опыт для осмысления советского прошлого)**

**Coping with collective cultural trauma: on the example
of the trial of A. Eichmann
(experience for understanding the Soviet past)**

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу двух культурных травм, нанесённых израильскому и российскому обществу памятью о геноциде евреев и о массовых репрессиях в СССР, соответственно. Рассматривается влияние суда над А. Эйхманом на коллективную память жителей Израиля о Холокосте. Используя в качестве инструментов анализа теоретические положения исследований Дж. Александра, П. Штомпки, Р. Айермана, автор предпринимает попытку проследить развитие культурных травм израильского и российского общества и стратегий по их преодолению.

Ключевые слова: культурная травма; травмирующее событие; коллективная память; отреагирование; Холокост; массовые репрессии.

Abstract: the article is devoted to a comparative analysis of two cultural traumas inflicted on Israeli and Russian society by the memory of the genocide of Jews and mass repressions in the USSR, respectively. The influence of the trial of A. Eichmann on the collective memory of the inhabitants of Israel about the Holocaust. Using theoretical excerpts from the studies of Alexander, Sztompka, Eyerman as analysis tools, the author attempts to trace the development of cultural traumas of Israeli and Russian society and strategies for overcoming them.

Keywords: cultural trauma; traumatic event; collective memory; abreaction; Holocaust; mass repressions.

Актуальность. Кажется, что примеров добровольного переосмысления исторического прошлого много. Но суд над А. Эйхманом — «архитектором Холокоста» — уникальное явление, аналог которому непросто найти в истории. Во многом благодаря процессу Израилю удалось справиться с культурной травмой. Позволяет ли это надеяться на то, что подобный опыт можно использовать для анализа других социально-политических явлений, например, памяти о массовых репрессиях в советской России, отреагированию [1] и осознанию этих травматических событий? Страдания огромного количества людей, прошедших через исправительно-трудовые лагеря, стали причиной культурной травмы российского общества, так же, как и Холокост для евреев. Непростое прошлое СССР до сих пор преодолевается в России, что порождает неопределённость в её исторической политике и, как следствие, различное восприятие обществом.

Степень разработанности и новизна. Немало российских учёных [2–3] изучают историческую память о советском терроре, не рассматривая историческую политику других стран в качестве объекта для сравнительного анализа. Исключение — книга Н. Эппле «Неудобное прошлое» [4], посвященная сравнению отечественной проработки прошлого с опытом других стран.

Цель данного исследования — определить, применим ли опыт Израиля для преодоления культурной травмы, нанесённой российскому обществу массовыми репрессиями. Для этого мы проведем анализ израильской и российской коллективной памяти о травмирующих событиях, посмотрим на историческую политику России в отношении массовых репрессий через призму суда над Эйхманом.

Теоретической основой исследования стали научные разработки Дж. Александра [5], П. Штомпки [6], Р. Айермана [7]. Дж. Александер дает определение культурной травмы, выделяет её основные характеристики. Она «...имеет место, когда члены некоего сообщества **чувствуют** (выделено *авт.*), что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [5, с. 6]. Александер де-

монстрирует два важных свойства культурной травмы: влияние на идентичность сообщества и субъективный характер. События сами по себе не ведут к образованию культурной травмы, «не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества. <...> По сути, иногда глубоко травмирующие события могут и вообще не происходить в действительности; тем не менее, такие воображаемые события могут быть столь же травмирующими, сколь и те, что на самом деле имели место» [5, с. 16].

Польский социолог П. Штомпка рассматривает культурную травму как «разновидность» социальных травм и определяет последовательность развития травм: «структурное и культурное прошлое; травматические ситуации; особые способы определения, интерпретации или толкования травматических событий посредством фонда унаследованных культурных ресурсов; травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений; посттравматическая адаптация; преодоление травмы» [6, с. 8].

Когда общество теряет стабильность, в его социальной структуре или культуре образуется раскол. Травматическим станет событие, которое отличает быстрота, которое сотрясает сами основы общества, «нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее», но при этом внешнее по отношению к нему, не имеющее в нем истоков [6, с. 8]. К таким событиям относятся революции, геноциды, проигранные войны. Члены общества должны распознать и интерпретировать травму, используя некоторый набор знаний и символов, заложенный в их культуре. В зависимости от области воздействия травмы (демографический уровень, уровень социальных структур, культурный) появляется специфический набор признаков изменений, происходящих в обществе. Автор приводит две концепции для описания стратегий по преодолению травмы. Мы опираемся на модифицированную Штомпкой концепцию Мёртона: стратегия «бунта» — попытка полной трансформации культуры; «инновации» — частичное изменение культуры; «ритуализма» — культивирование неустановленных традиций и привычек с целью укрыться от воздействия травмы; «ретриатизма» — игнорирование травмы. Если пройти

последовательно все этапы стратегий, можно преодолеть травму. В противном случае, придется вернуться на новую травматическую последовательность.

Р. Айерман анализирует влияние рабства на сознание американского народа. Рабство рассматривается как «культурная/коллективная травма, отраженная в коллективной памяти...». Автор определяет коллективную память как «воспоминания об общем прошлом», «разделяемые членами большой или малой группы, которая это пережила». Она необходима обществу, т.к. задаёт каждому его члену «когнитивную сетку координат, которая определяет его текущее поведение» и позволяет заново проживать его культурную травму через воспоминания о ней. Особое значение приобретают способы её репрезентации, они определяют, как будут представлены травматические события [7].

Термин «отреагирование» в психологии означает совокупность реакций, посредством которых человек даёт выход накопившемуся психологическому напряжению [1]. В нашем исследовании под отреагированием подразумевается рефлексия обществом её культурной травмы, которая ведёт к частичному или полному пересмотру её культуры. Отреагирование может отражать такие модели преодоления травмы, как «бунт» или «инновация».

При изучении влияния суда над Эйхманом на историческую память мы опирались на труд Х. Арендт «Банальность зла» [8], при анализе российской исторической памяти о массовых репрессиях на работы Н. Эппле [4] и О. Ю. Малиновой [9], а также на данные социологических опросов [10–11].

Культурная травма израильского общества

Структурное и культурное прошлое. Отсутствие собственного государства являлось основной причиной раздробленности еврейского народа, рассредоточенного по разным частям света и имеющего низкую степень самоорганизации. Вторая Мировая война добавила еще одну разделительную линию внутри еврейского народа: прошедшие и не прошедшие нацистские концлагеря, а выжившие в них — заключённые и нацистские пособники — «капо».

Можно утверждать, что Холокост отвечает всем требованиям *травматического события*. Он был неожиданным для всего мира, по своим масштабам — беспрецедентным событием, коренным образом изменившим мировоззрение многих народов, воспринявших его как величайшую трагедию в истории человечества. Для евреев это была внешняя угроза, исходившая от иного государства.

Холокост стал причиной нового явления — синдрома «вины жертвы» [12, р. 10–11]. Суть его сводится к тому, что выжившие во время Холокоста, испытывали чувство вины из-за того, что не оказали активного сопротивления нацистам и гибели людей, которых казалось можно спасти, приложив большие усилия. Стыд испытывали и евреи Палестины, считавшие «покорное» поведение позорным.

Культурные рамки травмы. На момент создания государства Израиль в 1948 г. и в первые годы его существования среди ишува было распространено поверхностное восприятие Холокоста [12, р. 7] Попытки юденратов (органы еврейского самоуправления в гетто) договориться с нацистами с целью спасти себя и других заключенных концлагерей расценивались ишувом в 1940-х гг. как проявление слабости. А вооружённое сопротивление подполья нацистам — как единственно приемлемая модель поведения в период Холокоста. Сам Холокост рассматривался не как катастрофа, а как обоснование борьбы за создание государства. В подобном видении не было места выражению личного страдания выживших, которое не укладывалось в систему существовавших тогда норм и представлений.

У подобного восприятия было много причин, главными из которых мы считаем следующие: все ресурсы вкладывались в построение государства, на другие проблемы не было физических возможностей; преступления против евреев детально не рассматривались даже на Нюрнбергском процессе, они буквально «терялись» на фоне других злодеяний Второй Мировой войны; члены ишува, потерявшие близких, пытались психологически подавить память о Холокосте. Да и некому было «стимулировать» память — в первые годы существования нового государства в нем проживало небольшое число выживших в годы войны. В первое деся-

тилетие в Израиль прибыло 400 тыс. жертв Холокоста [12, р. 9]. Выжившие по-прежнему не могли поделить переживаниями, большая часть общества не способна была их понять.

Травматические симптомы. Культурная травма проявилась в «замалчивании» памяти о Холокосте. Многие выжившие предпочитали не делиться, чтобы избежать болезненного столкновения личного опыта с культурой общества. Тема Холокоста слабо освещалась в СМИ, почти ни одна из израильских газет не писала о проходивших судах над капо, а в статьях о Нюрнбергском процессе, хотя и детально описывался его ход, оценок геноциду не давалось, термин «холокост» не употреблялся [12, р. 7].

Наиболее ярко подавление рефлексии Холокоста проявилось в творческой среде: произведения израильских писателей после 1948 г. воспевали идеалы, которые должны были сформировать процветающее общество, игнорируя при этом описание и анализ переживаний жертв. Как писал израильский писатель А. Апельфельд, «представители моего поколения... писали хроники, поверхностные мемуары, немного исторической прозы и немного полемики. Но внутреннего письма, письма, содержащего решение какой-то дилеммы, учитывающей наследие, которое доминировало в годы до Холокоста — такого письма вы не найдёте. Каждый, кто приехал сюда [в Израиль], запер свой внутренний мир и старался быть как все...» [13, р. 22]. В результате такого замалчивания общество оказалось разделённым по линии разного представления о прошлом.

Посттравматическая адаптация и преодоление травмы. В 1960 г. из Аргентины израильскими спецслужбами был экстрадирован А. Эйхман. Как впоследствии объяснил первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион, было три причины похищения [8, с. 23–24]: показать миру трагедию Холокоста, раскрыть его причины и историческое значение; продемонстрировать евреям диаспоры необходимость создания еврейского государства, позволяющего народу защищаться; найти других нацистов и выявить их связи с арабскими правителями. По приговору суда 1 июня 1962 г. Эйхман был казнен.

Суд во многом определил развитие исторической памяти о жертвах нацистов. Он позволил превозмочь одномерное воспри-

ятие Холокоста, которое доминировало в Израиле. Свидетельства выживших дали возможность обществу прочувствовать, через какие страдания прошел еврейский народ. Показания капо позволили по-новому взглянуть на их роль в Холокосте: стало ясно, что они многое делали для облегчения участи и для спасения евреев [16]. Это разрушило стереотип о том, что любые контакты евреев с нацистами были лишь проявлениями слабости и эгоистичного желания спастись самим.

Суд «стимулировал» развитие памяти о Холокосте. В прессе стали появляться статьи, посвящённые героизму евреев, которым удалось сохранить человечность в условиях концлагерей, и призывы просить прощения «у бесчисленного множества выживших за то, что осудили их в наших сердцах, мы, которые были вне их кругов» (слова поэта Хайма Гури) [12, р. 17].

Появились художественные произведения, к примеру, пьеса Бен-Циона Томера «Yaldei ha'Tzel» («Дети тени») о проблеме идентичности главного героя, преследуемого памятью о Холокосте, сборник рассказов Аппельфельда «Ashan» («Дым»), в котором раскрывается влияние прошлого выживших на их характер и поведение [13, р. 23].

Процесс служит примером эффективного излечения общества от культурной травмы. За счёт большого количества свидетельских показаний и их последующего обсуждения народ Израиля не просто получил более полное представление о Холокосте, но ещё и сплотился, теперь у него было общее прошлое. Такому эффекту способствовали три фактора:

- *символичность суда*. Многие воспринимали процесс как осуждение не человека, а всего исторического события [8, с. 37–38]. Однако, это затруднило объективную оценку роли нацистов, и Эйхмана, в частности, в ликвидации евреев. Но в то же время, такой способ представления Холокоста позволил израильскому обществу отреагировать его культурную травму и испытать национальную гордость;
- *присутствие в стране довольно большого количества выживших*, обеспечивших становление памяти о Холокосте [12, р. 9–10];

- *плодотворное взаимодействие государства и гражданского общества.* Суд стал возможен благодаря усилиям израильского правительства и полным показаниям выживших.

При этом нельзя утверждать, что данный суд позволил израильскому обществу полностью отреагировать его травму. Даже после суда оставалось множество выживших, которые смогли поделиться опытом спустя несколько десятилетий. Нельзя и однозначно утверждать, что только процесс повлиял на восстановление памяти о Холокосте: он ещё служил индикатором таких изменений в обществе, как увеличение числа выживших и самостоятельное преодоление некоторых из них шокового состояния, вызванного геноцидом евреев. Вдобавок, Суд своей символически осложнил объективную оценку Холокоста жителями Израиля, для достижения которой потребовались потом долгие годы [12, р. 16]. Поэтому есть смысл рассматривать суд как важный, но всё же один из шагов на пути полного преодоления культурной травмы.

На наш взгляд, книга «Банальность зла» представляет собой пример более глубокого отреагирования. Арендт удалось абстрагироваться от негативного эмоционального восприятия Эйхмана, и допустить мысль, что он — обычный чиновник, выполнявший приказы начальства. «Банальность зла» демонстрирует нам, что стремление преодолеть эмоциональную оценку травмирующего опыта, позволяет увидеть его скрытые стороны, добиться новой оценки — интеллектуальной.

Культурная травма российского общества

Структурное и культурное прошлое. Неспособность царской власти справиться с оппозиционными силами, просчёты в отношении крестьянства и рабочих, затягивающаяся война, истощающая силы народа, раскололи общество под конец существования Российской империи [4, с. 17]. Раскол не исчез с приходом к власти большевиков и породил Гражданскую войну. Массовые репрессии в 1920–1930-е гг. стали способом подавить оппозиционные выступления против власти.

Репрессии отвечают почти всем характеристикам *травматических событий*: неожиданность, скоротечность, масштабность. И, наконец, российское общество воспринимает репрессивные меры как нечто негативное и отталкивающее. Лишь один признак — экзогенный характер — не может быть уверенно отнесен данному событию, потому что репрессии осуществлялись государством по отношению к своему населению, жертвами становились даже лица, участвовавшие в репрессировании масс, то есть провести грань между «жертвами» и «палачами» крайне сложно [2, p. 141].

Массовые репрессии разделили общество на тех, кто прошел трудовые лагеря и тех, кто в репрессии не верил. Но несмотря на то, что советская власть мало способствовала работе с коллективной памятью, в «хрущёвскую оттепель» было реабилитировано более 700 тыс. человек, опубликованы произведения «Не хлебом единым» Дудинцева и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына.

В то же время подобные меры были в основном направлены на укрепление власти сменившегося руководства страны, из-за чего многие меры по отношению к репрессиям были непоследовательными и выборочными, и в дальнейшем руководство не допускало развития коллективной памяти, борясь с диссидентскими движениями. Только под конец существования СССР возобновило работу с памятью о репрессиях: была издана декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», благодаря которой было реабилитировано около 800 тыс. человек, вышли ранее запрещённые к публикации произведения («Доктор Живаго» Пастернака, «Крутой маршрут» Гинзбург). Таким образом, на момент создания Российской Федерации среди российского общества отсутствовала общая память о массовых репрессиях [3, с. 5].

Культурные рамки травмы. Особая система символов, влияющая на восприятие обществом массовых репрессий сегодня, — непроработанная коллективная память о них. В связи с тем, что память подавлялась, у жителей современной России остались смутные представления и домыслы о репрессиях, кото-

рые в определённых условиях выражаются в резких подъёмах интереса к прошлому — «бумах памяти».

Травматические симптомы. По данным ВЦИОМ за 2017 г., 43% респондентов согласны с мнением, что без репрессий не было бы порядка; 57% не согласны [11]. По данным ФОМ за 2014 г., на вопрос «можно ли оправдать массовые политические репрессии?» 17% респондентов отвечает положительно, 53% — отрицательно, 6% считает, что массовых политических репрессий не было, 23% затрудняется ответить [10, 17]. Вывод: общество разделено вопросом отношения к репрессиям.

Посттравматическая адаптация. Государственные власти предприняли шаги по коммеморации памяти о репрессиях: изданы соответствующие законодательные акты, проводится реабилитация незаконно репрессированных, открываются экспозиции и памятники. В 2015 г. принята Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, программу которой планировалось выполнить до 2019 г. [18]. В то же время, политика государства всё ещё далека от успешного завершения, о чём свидетельствует продление реализации Концепции до 2024 г. Многие архивы, содержащие документы о репрессиях, до сих пор остаются закрытыми не только для исследователей, но и для родственников репрессированных, неизвестно точное число репрессированных, не раскрыты все места захоронения заключённых трудовых лагерей. К тому же, данные меры не способствуют рефлексии обществом его культурной травмы: они лишь констатируют факт, что массовые репрессии имели место в истории. При этом не было предпринято активных шагов к организации диалога в обществе, который позволил бы ему прояснить отдельные представления о репрессиях и сформировать о них мнение [4, с. 46]. Можно сказать, что российское государство придерживается стратегии ритуализма: укрепляя устоявшиеся представления о репрессиях, оно не рискует трансформировать культуру, связанную с ними.

Российское гражданское общество также участвует в работе с коллективной памятью о репрессиях. Наиболее яркая гражданская инициатива — акция «Возвращение имён», в рамках которой горожане в заранее определённое время поочерёдно зачитывают

имена невинно расстрелянных людей в СССР [19]. Стоит упомянуть и проект «Последний адрес» [20]. Эти и другие инициативы гражданского общества позволяют больше узнавать о неправомерно осуждённых советских гражданах, участникам мероприятий — внести свою лепту в увековечивание памяти о массовых репрессиях, что приводит к постепенному отреагированию культурной травмы. К сожалению, подобные акции, как правило, остаются без государственной поддержки, что замедляет преодоление влияния непростого прошлого СССР [4, с. 46].

Выводы

При сравнении российского и израильского опытов можно выделить немало различий.

Инструментально. Нужно понимать, что практика суда нами рассматривается не в юридической плоскости, судебная практика как источник права дискуссионная тема в российском праве. Судебные решения официально не признаются источником права [16]. Но мы рассматриваем различные инструменты отреагирования и операциональные возможности с точки зрения социологии и психологии для других кейсов.

Содержательно. Во время суда над Эйхманом свидетелями были люди, выжившие во время Холокоста, в то время как в России со времён массовых репрессий сменилось уже несколько поколений. Кроме того, израильское правительство активно участвовало в отреагировании культурной травмы народа, хотя причина суда была другой. Российская историческая политика не направлена на рефлексию репрессий, часто эта задача реализуется гражданскими инициативами. Основная идея суда в Иерусалиме заключалась в наказании Эйхмана за его преступления против еврейского народа. Очевидно, что такой способ преодоления культурной травмы невозможен в российских условиях. На основании данных различий можно сделать вывод, что инструменты, которые были использованы правительством Израиля, не подходят российскому обществу для преодоления его культурной травмы.

В то же время нельзя считать, что опыт суда над Эйхманом совсем не применим к исторической памяти России. Израильский

опыт демонстрирует важность сотрудничества государства и гражданского общества, что необходимо российскому обществу. Культурные травмы, нанесённые Холокостом и массовыми репрессиями, имеют схожие черты. Каждая из них повлияла на большую часть населения стран, в которых они произошли. Они обе спровоцировали раскол в обществе. В Израиле это проявилось как появление ложных представлений о Холокосте, так как многие выжившие не желали вспоминать и рассказывать о нём, а в России — как отсутствие у общества единого отношения к репрессиям. Именно сам путь отреагирования культурной травмы, по которому пошёл Израиль, может быть полезен России. На наш взгляд, российское общество благодаря рефлексии могло бы обрести общее прошлое, укрепив свою идентичность.

Библиография

1. Фрейд З. Очерки об истерии. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-psychology/558316-freyd-zigmund-ocherki-ob-isterii.html#book> — 08.03.23.
2. *Klimenko E. V.* The Politics of Oblivion and the Practices of Remembrance: Repression, Collective Memory and Nation-Building in Post-Soviet Russia // Historical Memory of Central and East-European Communism. New York: Routledge, 2018. P. 141–162.
3. *Миськова Е. В.* Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 4. С. 31–49.
4. *Эппле Н.* Неудобное прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 574 с.
5. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
6. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
7. *Айерман Р.* Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. Т. 1. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> — 16.04.23.
8. *Арендт Х.* Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 437 с.
9. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

10. Массовые репрессии в СССР // ФОМ. 29.10.2014. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11786-07.03.23>.
11. Сталинские репрессии: преступление или наказание? // ВЦИОМ. 05.07.2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analticheskiy-obzor/stalinskie-repressii-prestuplenie-ili-nakazanie-> — 07.03.23.
12. *Yablonka H., Tlamim M.* The Development of Holocaust Consciousness in Israel: The Nuremberg, Kapos, Kastner, and Eichmann Trials // *Israel Studies*. 2003. Vol. 8. No. 3. P. 1–24.
13. *Weitz Y.* The Holocaust on Trial: The Impact of the Kasztner and Eichmann Trials on Israeli Society // *Israel Studies*. 1996. Vol. 1. No. 2. P. 1–26.
14. *Porat D.* How Israel's Justice System Dealt With Alleged Jewish Collaborators in Concentration Camps — And Why That Still Matters Today // Yahoo! News. 25.10.2019. URL: <https://news.yahoo.com/israel-justice-system-dealt-alleged-203055788.html> — 25.04.23.
15. Survivors Speak about their Lives after the Holocaust // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/articles/interviews/road-ahead.html> — 25.04.23.
16. *Ермолина М. А., Немчинова Т. С.* Судебная практика как источник права (о степени теоретической разработанности проблемы в гражданском процессуальном праве) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3 (94). С. 171–177.
17. Граждане РФ готовы сидеть и сажать // Коммерсантъ. 29.10.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2600222-21.05.23>.
18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/normative_initiatives/kontseptsiya_gosudarstvennoy_politiki_po_uvekovecheniyu_pamyati_zhertv_politicheskikh_repressiy/ — 07.03.23.
19. Возвращение имён. URL: <https://october29.ru/about/> — 26.04.23.
20. Последний адрес. URL: <https://www.poslednyadres.ru/> — 26.04.23.

Скидан Ольга Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

Трофимова Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

Эволюция представлений о роли СССР во Второй мировой войне в западноевропейском обществе XXI века на примере Германии и Италии

Evolution of perceptions of the role of the USSR in World War II in Western European society of the 21st century on the example of Germany and Italy

Аннотация. Статья посвящена вопросам исторической памяти о Второй мировой войне в Германии и Италии и, в частности, представлениям европейских политиков, публицистов и рядовых граждан о роли Советского Союза в ходе и разрешении конфликта. Анализируется актуальность «комплекса вины» за преступления нацизма и фашизма для современного немецкого и итальянского общества. Авторы статьи уделяют особое внимание тому, каким образом на отношение к СССР и России в вышеуказанных странах повлияла официальная позиция НАТО по украинскому кризису 2022 года.

Ключевые слова: Германия; ФРГ; Италия; Вторая мировая война; СССР; историческая память.

Abstract. The article is devoted to the issues of historical memory of World War II in Germany and Italy and, in particular, the ideas of European politicians, publicists and ordinary citizens about the role of the Soviet Union in the course and resolution of the conflict. The relevance of the “guilt complex” for the crimes of Nazism and Fascism for modern German and Italian society is analyzed. The authors of the article pay special attention to the way in which NATO’s

official position on the Ukrainian crisis of 2022 influenced attitudes toward the USSR and Russia in the aforementioned countries.

Keywords: Germany; West Germany; Italy; World War II; USSR; historical memory.

Введение

Актуальность работы обусловлена тем, что по прошествии около восьми десятков лет с момента окончания Второй мировой войны вокруг её причин и итогов разворачивается дискуссия на высшем политическом уровне (например, споры вызвала резолюция Европарламента, принятая в 2019 году, в которой ответственность за развязывание конфликта возлагается не только на Германию, но и на Советский Союз [1]). Проблема «переписывания истории» со стороны западных государств, по выражению президента Российской Федерации В. В. Путина [2], возрастает в последнее десятилетие. Более того, начиная с 2022 года в печатной прессе стран Западной Европы и США муссируется связь между специальной военной операцией на Украине (СВО) и Великой Отечественной войной в различных вариантах.

В статье исследуются взгляды, доминирующие в двух европейских государствах, входивших в нацистский блок и потерпевших поражение во Второй мировой войне (Германии и Италии), относительно роли Советского Союза в начале конфликта, победы над странами «оси», а также справедливости установленной странами-победительницами системы международных отношений и положения в ней Российской Федерации как правопреемницы СССР.

Научная новизна заключается в исследовании раскола между позициями России и НАТО в вопросе сохранения исторической памяти о Второй мировой войне, образовавшегося в связи с изменениями в международной конъюнктуре, вызванными СВО.

Цель работы: определение особенностей отношения ко Второй мировой войне в Италии и Германии.

При написании статьи используются такие методы исследования, как аналитический подход с элементами герменевтики,

сравнительный анализ (выявление сходств и различий в интерпретации немецкими и итальянскими СМИ роли СССР во Второй мировой войне), дискурс-анализ (анализ заявлений лидеров государств и произведений публицистики), социологические методы (анализ вторичных социологических данных), системный подход.

Изменения в восприятии истории Второй мировой войны в современной Германии

В XXI веке на новом ветке истории, полном неопределенности и нестабильности, в «тумане латентных гибридных войн» формируется плюрализм исторической памяти в западноевропейском обществе.

В Германии вопросы исторического дискурса по проблематике Второй мировой войны носят довольно серьезный характер. Далее приведем некоторые аргументы, подтверждающие данный тезис.

ФРГ признает свою ответственность за причинение вреда во время войны, поэтому она активно участвует в процессе создания памятников и мемориалов, направленных на сохранение памяти о жертвах войны и борьбе против нацизма.

Рассмотрение данной темы следует начать с того, что в соответствии с заключением Нюрнбергского процесса, Германия признает за собой преступления против мира, против человечности, нарушение законов войны и заговор с целью совершения данных преступлений. И именно Нюрнбергский процесс положил начало развития международного уголовного права. Принципы, которые нашли свое отражения в Уставе Трибунала, практически сразу были подтверждены решением Генеральной Ассамблеи ООН в статусе, общепризнанных международным правом [3].

На данный момент в ФРГ принимаются меры по профилактике экстремизма в любых формах его проявления и поддержке демократии:

- Общий закон о равном обращении (Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz «AGG») [4];
- «Национальный план действий против расизма» [5];
- Федеральная программа «Демократия жизни» (Demokratie leben) [6].

Адресной аудиторией последней являются дети, подростки и молодые люди. В качестве консультационного механизма и диалоговой площадки Федеральной программы на постоянной основе проводится форум против расизма, поддерживаемый федеральным правительством. Более того, люди, пережившие дискриминацию этнического происхождения, религии, мировоззрения, половой идентичности, ввиду возраста, пола или инвалидности имеют право обратиться в Федеральный центр по дискриминации [6].

Тема Второй Мировой войны занимает особое место в немецкой публицистике. Так, Р. Д. Мюллер в работе «Враг находится на Востоке» (*Der Feind steht im Osten. Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahre 1939*. Berlin, 2011) опровергает тезис о превентивном характере агрессии Германии в отношении СССР, подтверждая нарратив, что Гитлер и его окружение начали подготовку к войне против союза сразу же после прихода к власти. Автор делает вывод о том, что «русophobia» Гитлера не была связана с антикоммунизмом напрямую, она в большей мере опиралась на стремлении захвата жизненного пространства и ресурсов [7]. На протяжении всей книги красной нитью проходит идея недопустимости любых попыток ревизии итогов и истории Второй мировой войны. Помимо Р. Д. Мюллера о глобальных вопросах Второй Мировой войны в своих научных работах рассуждали такие авторы как: Х. Хартман («Вермахт в войне на Востоке: фронт и тыл, 1941–1942 гг.»), Д. Блатман («Марш смерти 1944/1945. Последняя глава национал-социалистических массовых убийств»), К. Рейхельт («Латвия под немецкой оккупацией с 1941 по 1944. Латвийская доля Холокоста»), В. Бенц («Голодный план в операции “Барбаросса”») и др. [7].

Неоднозначная дискуссия разворачивается с известным трудом А. Гитлера «*Mein Kampf*». До 2015 г. Бавария обладала авторскими правами на его публикации. Планировалось, что сочинение А. Гитлера с научными комментариями будет передано в библиотеки, школы и институты. Это решение было одобрено историками, однако возмутило Всемирный еврейский конгресс. Его вице-президент Ш. Кноблех пообещала предпринять все возможные юридические меры, чтобы помешать выходу новых изданий. В результате, в 2014 г. текст книги был объявлен экстремистским

[7, 8]. Однако одновременно с этим в стране нет официального запрета на владение книгой или ее продажу, например, в букинистических магазинах в научном издании. Мы можем сделать вывод, что шаг ФРГ в пользу продажи данной книги является оправданным, т.к. книга снабжена подробными критическими комментариями и примечаниями немецких историков, которые опровергают тезисы автора, разоблачают его ложь, разъясняют исторический контекст, что, предположительно, приведет к переосмыслению исторического прошлого для минимизации ошибок будущего [9].

Напомним, что в России «Mein Kampf» отнесена к экстремистским материалам и не подлежит публикации и распространению, поэтому в 2016 г. Российский МИД озвучил жесткую позицию, что переиздание книги — это «странный способ борьбы с растущими неонацистскими тенденциями в Европе» [8, 10].

Несмотря на то, что в целом немецкое общество не стремится пересмотреть итоги Второй мировой войны, представители ультраправых партий периодически делают заявления, идущие вразрез с общепринятыми взглядами. А. Гауланд, лидер партии «Альтернатива для Германии», в 2018 году назвал период Второй мировой незначительным с точки зрения общей истории государства и призвал гордиться солдатами Вермахта. Его коллега Б. Хёке много раз замечал, что стране необходимо перестать искупать преступления нацистов прошлого. Но формат высказываний представителей парламента не встретил большой поддержки в немецком обществе. В знак протеста местные жители специально воздвигли мемориал жертвам Холокоста рядом с домом Б. Хёке, чтобы напомнить ему об ужасах нацизма [6].

Далее приведем социологические опросы, которые показывают СССР в роли освободителя от нацизма. В 2015 г. в журнале Stern, были опубликованы результаты социологического исследования Института Форса, которые указывают, что большинство немцев продолжают воспринимать СССР как страну-освободительницу, и только для 9% немцев победа СССР и его союзников — поражение Германии [10].

При этом 42% опрошенных заметили, что хотели бы перестать до такой степени жить воспоминаниями о зверствах наци-

стов и постоянно искупать эти преступления. Стоит отметить, что на западе Германии в 2000 г. процент придерживавшихся аналогичной точки зрения был выше: 48%. А на востоке — 39%. Большинство немцев не хотят, чтобы их страна играла более ведущую роль на мировой арене, и только 16% считают, что Германия должна играть более активную роль [10].

После февраля 2022 г. мнение о роли СССР скорректировалось в лице канцлера Германии. Он заявлял, что 8 мая — день победы над нацизмом, когда по вине немцев были убиты миллионы людей, однако при этом не упоминая СССР как страну-освободительницу. По мнению немецкого политика, действия РФ, направленные по борьбе с национал-социализмом, является варварством и фальсификацией истории. Речь президента Германии, в частности, подтверждает позицию ФРГ о нарушении суверенитета Украины Россией [6, 8].

Однако стоит обратиться и к мнениям простого немецкого народа, который придерживается своей линии. Институт Форса провел исследование об отношении немцев к конфликту в Украине. В опросе приняли участие 2072 человека. По его данным, 51% респондентов заявили, что поставки оружия Киеву делают Берлин участником конфликта. При этом 37% опрошенных высказали противоположную точку зрения. Интересно, что социологи провели дополнительное исследование, которое показало: 40% немцев считают, что из Германии на Украину поставлено слишком много оружия, и лишь 22% отметили, что военная поддержка Киева со стороны Берлина слишком мала, 23% назвали ее достаточной. Стоит отметить, что поставка немецких танков Leopard 2 Украине в основном не поддерживается среди населения [11].

В разговоре о представлениях роли СССР во Второй мировой войне нельзя обходить стороной организацию «Офицеры России в Германии», которая ведет активную работу с немецким населением по вопросам исторической памяти. 2022 г. не стал исключением для данной организации, т.к. в городах ФРГ был проведен опрос, приуроченный к 80-летию Сталинградской битвы. Было выявлено, что многие немцы понимают смысл происходящего на Украине и поддерживают действия России. Важно, что на тер-

ритории Германии распространяются брошюры, в которых описана история конфликта в Донбассе, т.е. в них есть объективная информация.

Параллельно с этим данная организация вела другой проект, транслирующийся на российских телеканалах Russia Today и «Звезда». У Бранденбургских ворот спрашивали о сегодняшней ситуации и, в частности, об отношении к русским. Результат опроса — ровное и спокойное отношение. Это еще раз подтвердило, что настроение населения Германии отличается от общеполитической ситуации.

Организация отмечает, что в 2022 и 2023 гг. они столкнулись с некоторыми трудностями в проведении мероприятий ко Дню Победы из-за обилия беженцев из Украины. Однако это не помешало почтить память предков [6,7,10].

Подводя итог, подчеркиваем, что современное немецкое общество:

- считает себя скорее освобожденным, чем проигравшим;
- признает, что в ходе Нюрнбергского процесса нацисты понесли справедливое наказание за преступления;
- соглашается в необходимости искупления вины, однако сейчас воспринимает события прошлого столетия как ошибку прошлого, и, учитывая ее, готово минимизировать подобное в будущем.

Особенности исторической памяти о Второй мировой войне и роли СССР в Италии XXI века

Для итальянских публикаций о ходе Второй мировой войны не характерно преуменьшение роли СССР. Гражданам Италии широко известны обстоятельства Сталинградской битвы, поскольку именно в этом сражении армия Муссолини понесла самые значительные потери. Распространено в Италии и представление о том, что победа в Великой Отечественной войне является одним из столпов современной российской идентичности (это доказывается, например, массовостью участия россиян в акции «Бессмертный полк»). В числе стран-победительниц во Второй мировой войне в современных итальянских учебниках истории

фигурируют Советский Союз, США, Великобритания и Франция, причем не отдается явного предпочтения англосаксонским державам. Хотя американские авторы всегда с гордостью описывают высадку на Сицилии, в самой Италии отношение к этой операции крайне противоречивое, на Юге даже скорее негативное [12].

Уважительное отношение к роли СССР в победе над нацизмом поддерживалось в XX веке в том числе благодаря усилиям Итальянской коммунистической партии, тесно связанной с КПСС. В итальянской историографии даже закрепилось понятие «Великая Отечественная война» в отношении боевых действий, разворачивавшихся на восточном фронте. Интересно, что некоторые итальянские деятели марксистского толка, как например Луиджи Феррари Браво, служивший судьей Международного суда ООН, открыто критиковали действия США, которые «использовали Вторую мировую войну как повод стать самым богатым государством в мире» [13].

В XXI веке заслуги советского военного и политического руководства в установлении нового мирового порядка так же отстаиваются в итальянском обществе преимущественно представителями неомарксистской парадигмы. Хотя и на высшем политическом уровне еще в 2005 году Италия отмечала памятные даты, связанные со Второй мировой войной, совместно с Россией: так, председатель Совета министров Италии Сильвио Берлускони был в числе мировых лидеров, посетивших Парад Победы на Красной площади, причем этот факт нельзя списать только лишь на его личную дружбу с президентом В. В. Путиным. В последующее десятилетие отношения глав итальянского правительства с российской стороной продолжали оставаться благоприятными: так, в 2020 году председатель Совета министров Джузеппе Конте поздравил В. В. Путина с Днем Победы [14]. После начала СВО, однако, важный для российского общества праздник был проигнорирован высшим политическим руководством Италии: в 2022 году председатель Совета министров Италии Марио Драги, как приверженец внешнеполитической линии НАТО, получил приглашение на «День памяти и примирения» 8 мая 2022 года от президента Украины В. А. Зеленского и отказался от диалога с В. В. Путиным.

Стоит отметить, что празднование 8 или 9 мая в связи с победой над нацистской Германией и ее союзниками в Италии не практикуется, поскольку 9 мая — это прежде всего День памяти жертв терроризма (в эту дату в 1978 году был убит председатель Христианско-Демократической партии Альдо Моро). В Италии большое значение имеет 25 апреля — День освобождения от фашизма и немецкой оккупации, причем свержение режима Муссолини явилось результатом гражданской войны, продолжавшейся с 1943 по 1945 гг., а не действий антигитлеровской коалиции. Несмотря на это, частные инициативы граждан, решивших почтить память своих предков, сражавшихся на стороне СССР, участием в акции «Бессмертный полк», не встретили сопротивления со стороны итальянских властей. Шествия, пусть и немногочисленные, в которых приняли участие выходцы из стран СНГ и сочувствующие итальянцы, прошли 8 и 9 мая 2022 года в Риме, Милане, Генуе, Болонье, Палермо и других городах [15]. Почетное консульство Российской Федерации в Неаполе вместе с несколькими российско-итальянскими объединениями организовало «Телемост Победы — 2022». Участники селекторного совещания из разных стран мира рассказали, какую роль сыграла война в судьбах семей, отдельных лиц и целых государств.

В итальянской публицистике XXI века, затрагивающей тему Второй мировой войны, наблюдаются разнонаправленные тенденции: в произведениях авторов либерального толка делается акцент на недостатки военной кампании СССР; некоторые итальянские писатели рассуждают об «одержимости» российского общества победой в Великой Отечественной войне, которая подпитывает воинственность россиян по отношению к Украине в рамках СВО, и из которой произрастает «положительное отношение россиян к милитаризации» [16]. С другой стороны, существует и многочисленная оппозиция в лице итальянских экспертов, выступающих против «демонизации СССР» в изучении Второй мировой войны, и зачастую более лояльно относящихся к действиям Российской Федерации на мировой арене.

Если рассматривать вопрос об отношении к СВО, большинство итальянцев выступают против активного участия своего государства в конфликте. В опросе, проведенном Национальным

исследовательским институтом общественного мнения Demopolis в марте 2022 года, 55% респондентов высказались против поставок оружия на Украину. Поддержали такие меры 33% высказавшихся [17]. В мае 2022 года пользователей крупного делового портала Money.it попросили выбрать из двух вариантов, одобряют ли они решение Марио Драги о поставках тяжелого вооружения на Украину, и с премьер-министром в данном вопросе согласны всего лишь около четверти пользователей [18].

Части итальянского общества, не разделяющей официальную позицию властей, современный киевский режим представляется нацистским, и он угрожает безопасности не только России, но и Европы, по словам автора независимого издания *Faro di Roma* Владимира Вольчича [19]. Однако, если мы обратим внимание на публикации главной качественной газеты Италии, *Corriere della Sera*, мы увидим, что все акторы, отстаивающие интересы Украины, автоматически становятся «храбрыми защитниками»: это касается и батальона «Азов», который, хоть и назван «ультранационалистским», предстаёт как образец самоотверженности [20]. Официальную позицию государства подтверждает и тот факт, что Италия, как и Германия, в декабре 2022 года проголосовала против российской резолюции в Генассамблее ООН о борьбе с героизацией нацизма и неонацизмом.

Подытоживая анализ отношения итальянского общества к событиям Второй мировой войны, отметим, что:

- Память о Второй мировой войне в Италии во многом связана с сюжетами гражданской войны и преодоления наследия фашизма, хотя итальянское общество не обременено такой большой виной, как немецкое, и итальянцы не считают, что должны искупать свою вину;
- Роль СССР как страны-победительницы по-прежнему признается историческим фактом, хотя это не подчеркивается политическими деятелями;
- В рамках современной конъюнктуры в Италии существует большое разнообразие мнений о внешней политике Советского Союза и России, причем, по сравнению с Германией, одобрительные оценки можно высказывать более свободно;

- Во избежание повторения ошибок фашизма большая часть итальянцев хотела бы, чтобы их государство дистанцировалось от участия в международных конфликтах.

Выводы

Изучив современные источники на немецком и итальянском языках, касающиеся памяти о Второй мировой войне, мы пришли к выводу о том, что властями Германии ведется более активная просветительская деятельность, направленная на предотвращение повторения ошибок прошлого. Тем не менее, значительная часть немцев придерживается идеи о том, что вина за преступления предыдущих поколений была искуплена сполна. В Италии же вопрос отношения к Второй мировой войне не является настолько противоречивым: доминирующей точкой зрения остается осуждение фашистского режима и признание заслуг СССР как страны-победительницы. Несмотря на неприятие действий России на официальном уровне после 2022 года, отдельными изданиями и независимыми публицистами продолжает подчеркиваться исключительная роль СССР в разрешении Второй мировой войны, а в городах Германии и Италии проходят памятные мероприятия по типу «Бессмертного полка». В отношении современных геополитических вызовов в Германии и Италии наблюдается схожая ситуация: хотя 30–40% граждан выступают за всеобъемлющую помощь Украине, более половины граждан настроены миролюбиво и не хотят видеть свои страны участницами нового большого конфликта.

Библиография

1. Motion for a resolution on the 80th anniversary of the start of the Second World War and the importance of European remembrance for the future of Europe — B9-0098/2019 // European Parliament. 17.09.2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0098_EN.html — 15.05.2023.
2. Попытки переписать нашу историю без ответа не останутся: президент о правде и о долге перед великим поколением побе-

- дителей // Первый канал. 20.05.2021. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-05-20/406819-popytki_perepisat_nashu_istoriyu_bez_otveta_ne_ostanutsya_prezident_o_pravde_i_o_dolge_pered_velikim_pokoleniem_pobediteley — 15.05.2023.
3. *Weinke A.* Nürnberger Prozesse // Das Historische Lexikon Bayerns. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/N%C3%BCrnberger_Prozesse — 15.05.2023.
 4. Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz vom 14. August 2006 // Antidiskriminierungsstelle des Bundes. URL: https://www.antidiskriminierungsstelle.de/SharedDocs/downloads/DE/publikationen/AGG/agg_gleichbehandlungsgesetz.pdf?__blob=publicationFile — 15.05.2023.
 5. Nationaler Aktionsplan gegen Rassismus der Bundesregierung // Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. URL: <https://www.demokratie-leben.de/das-programm/hintergrund/nationaler-aktionsplan-gegen-rassismus-der-bundesregierung> — 15.05.2023.
 6. Das Protokoll // Deutscher Bundestag. 17. Wahlperiode. URL: <http://www.bundestag.de/dokumente/parlamentsarchiv> — 15.05.2023.
 7. *Хришкевич Т. Г.* Вторая мировая война в восприятии современных немцев: поражение или освобождение // *Метаморфозы истории*. 2015. № 6. С. 10–20.
 8. Eröffnung des NS-Dokumentationszentrums München. URL: <http://www.ns-dokumentationszentrum-muenchen.de/centre> — 15.05.2023.
 9. *Bernhard H., Watzke M.* Die Sache mit der Neuauflage // Deutschlandfunk. 03.09.2015. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/hitlers-mein-kampf-die-sache-mit-der-neuauflage-100.html> — 15.05.2023.
 10. *Зборовский Г. Е.* Эмпирическая социология. Сургут: РИО СурГПУ, 2016. 313 с.
 11. Более 50% опрошенных немцев считают, что поставки Украине делают ФРГ стороной конфликта // ТАСС. 25.02.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17140311> — 15.05.2023.
 12. *Baris T.* La memoria della Seconda guerra mondiale nel Mezzogiorno d'Italia // Treccani. 2015. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/la-memoria-della-seconda-guerra-mondiale-nel-mezzogiorno-d-italia_%28L%27Italia-e-le-sue-Regioni%29/ — 15.05.2023.
 13. *Giacché V.* Perché la guerra fa bene all'economia (I) // Proteo. URL: http://www.proteo.rdbcub.it/article.php3?id_article=159 — 15.05.2023.
 14. ВМосквиз-зарубежаприходятпоздравленияДнемПобеды//Вести. 09.05.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/2407858> — 15.05.2023.
 15. *De Simone G.* L'azione "Reggimento Immortale" si è svolta nelle città d'Italia // Planet 360 Info. 11.03.2022. URL: <https://www.planet360.info/lazione-reggimento-immortale-si-e-svolta-nelle-citta-ditalia/> — 15.05.2023.

16. *Mauri P.* Il significato delle celebrazioni del 9 Maggio a Mosca // Inside Over. 09.05.2022. URL: <https://it.insideover.com/politica/il-significato-delle-celebrazioni-del-9-maggio-a-mosca.html> — 15.05.2023.
17. Sondaggi, armi all'Ucraina dall'Italia? Il 55% è contrario. E il 62% boccia l'ipotesi di entrata in guerra della Nato contro la Russia // Il Fatto Quotidiano. 17.03.2022. URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2022/03/17/sondaggi-armi-allucraina-dallitalia-il-55-e-contrario-e-il-62-boccia-lipotesi-di-entrata-in-guerra-della-nato-contro-la-russia/6528698/> — 15.05.2023.
18. *Cipolla A.* L'Italia non deve inviare armi pesanti all'Ucraina: i risultati del sondaggio di Money.it // Money.it. 16.05.2022. URL: <https://www.money.it/Italia-non-deve-inviare-armi-pesanti-Ucraina-risultati-sondaggio> — 15.05.2023.
19. *Volcic V.* 9 maggio 1945. La sconfitta del nazismo grazie al sacrificio del popolo russo // Faro di Roma. 09.05.2022. URL: <https://www.farodiroma.it/9-maggio-1945-la-confitta-del-nazismo-grazie-al-sacrificio-del-popolo-russo-vladimir-volcic/> — 15.05.2023.
20. *Nicastro A.* Il capo del battaglione Azov: "A Mariupol fino all'ultimo" // Corriere della Sera. 28.03.2022. Anno 61, № 13. P. 8.

Fayzeeva Milana

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Creative Industries,
Bachelor student

Popov Dmitrii

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities,
Master’s student

Memory of the USSR in the Contemporary Estonian Cinema: the Case Study of the Movie “The Little Comrade” (2018)

Память об СССР в современном эстонском кинематографе:
пример фильма «Товарищ ребёнок» (2018)

Аннотация. Настоящая статья посвящена памяти об СССР в современном эстонском кинематографе на примере фильма «Товарищ ребёнок» (2018) Мооники Сийметс. Целью исследования является определение особенностей фреймирования советского прошлого в данной картине. Авторы рассматривают, как образы, связанные с СССР, встраиваются в сюжет фильма, проявляются в диалогах героев и визуальном сопровождении. Методологическая база работы основана на концепции «мест памяти» (П. Нора, Р. Траба) и фрейм-анализе Р. Энтмана, который впервые применён авторами при исследовании фильмов. В результате исследования авторы выделяют шесть фреймов СССР в эстонском фильме, которые отражают сложность памяти о советской эпохе в современной Эстонии, возможные противоречия её политики памяти и потенциал для поиска общей российско-эстонской памяти.

Ключевые слова: Эстония; СССР; «места памяти»; фрейм-анализ; Роберт Энтман; политика памяти; Другой.

Abstract. This article deals with the memory of the USSR in a contemporary Estonian cinema in the case of the film “The Little Comrade” (2018) directed by Moonika Siimets. To determine the features of

the framing Soviet past in this movie, the authors consider how images associated with the USSR are embedded in the plot of the film and noticed in the dialogues of the characters and visuals. The work is based on the concept of “lieux de mémoire” (P. Nora, R. Traba) and the frame analysis (R. Entman), which is uniquely implemented by the authors in the field of Film studies. As a result of the research, the authors identify six frames of the USSR in the Estonian movie that reflect the complexity of memory of the Soviet era in contemporary Estonia, the possible contradictions of its memory policy and the potential for a common Russian-Estonian memory.

Keywords: Estonia; the USSR; “Lieux de Mémoire”; Frame analysis; Robert Entman; Memory Policy; Otherness.

Introduction

Memory of the Soviet era is a significant factor in the interaction between Russia and the former USSR countries, especially the Baltic States and particularly Estonia, whose identity is largely based on the denial of the Soviet experience [1]. Its relationship with Moscow is often determined by the memory of a common communist past that could lead to various contradictions. While the appeal to the history of the Soviet Union and the Second World War is becoming increasingly meaningful in the Russian Federation, as a reaction to this, the authorities of the Republic of Estonia are strengthening the promotion of their discourse through the adoption of memorial laws, rethinking the significance of monuments, as well as their culture and film production. It is worth paying attention to forming the memory of the Soviet era in an Estonian culture, whether there are contradictions with the policy of Russian Federation in the interpretation of the Soviet past or it represents a composite “lieu de mémoire” and it is possible to find common points that could become the basis for reconciliation on this issue.

To date, there is already a set of works considering the peculiarities of memory politics in the cases of Estonia and its Russian community. For instance, there is a research by F. Martínez on the discussions around Soviet monuments in Tallinn [2], articles of S. Kattago [3] and E. Nikiforova [4] on war memorials in Narva, the study of T. Vihalemm on the images of the past in Russian-language newspapers [5] or study

of M. Wulf on the Estonian historical policy at the turn of the XX–XXI centuries [6] and especially his book “Shadowlands: Memory and History in Post-Soviet Estonia” [7] that deals with the material embodiment of memory, such as monuments, which are discussed in Estonia both in 2007 and today on the example of the dismantling of the Narva tank. However, the Estonian memory of the Soviet period was not studied on the cases of any movies: it was considered only by the example of the film “1944” (2015) about the events of the Second World War [8], but it is worth analyzing the reflection in the cinema of other periods where the image of the USSR could be presented not so unambiguously. Thus, there is a need to complement the overall picture of the memory policy in Estonia and its reflection in cinema by the case study of a film, such as “The Little Comrade” which determines the novelty of the research.

The research objective is to identify the features of the memory of the USSR in contemporary Estonian cinema on the example of the movie “The Little Comrade”. We find out how the image of the USSR is framed in this film, what parts it consists of, and what narratives it is embedded in. To achieve this goal, we should do several tasks: firstly, to consider how the image of the USSR is included in the plot of the movie, secondly, to analyze how is the USSR described through the text of the film by paying attention to the artistic features of the film, which reveal its ideas. The source of the research, therefore, is the movie “The Little Comrade”, as well as related information — posters, description, advertising about the movie. According to the hypothesis of the study, the image of the USSR is significant for determining the current Estonian identity, which is understood through this image of Other, but this Other for Estonia may also be different and complex with various images which are critical for understanding the contemporary Republic of Estonia.

The methodological basis of the research is the media frame analysis of Robert Entman. In accordance with his approach, stable frames, constructing consistent narratives, determine exactly how people perceive certain particular events, which allows them to form communities based on common frames. R. Entman suggests frame analysis by identifying its four parts: problem definition, moral evaluation, causal interpretation and/or treatment recommendation [9]. Although this

method is most often applied to the analysis of texts of media publications that are really set by frames (for instance, the researcher from HSE University Irina Dushakova considered framing the personality of Josef Stalin in the Russian media that shows interest in the frames about the Soviet past in the post-Soviet space [10]), this approach can also be used in the study of any other texts in the broad sense of the word. These texts include works of the film industry, in which the director presents certain ideas that can also be read in the form of certain frames, but this is practically not used in research. Thus, in this study, we consider how the memory of the USSR is framed in Estonian cinema, reflecting the views of Estonian society, using the example of the film “The Little Comrade”.

In addition, the work is based on Memory Studies approaches, primarily the concept of the “*lieux de mémoire*”, introduced by the French historian Pierre Nora for his project on the memory of the French, based on individual images of the past. He defines “*lieux de mémoire*” as “any meaningful unity of material or ideal order, which the will of people or the work of time has turned into a symbolic element of the heritage of a certain community” [11]. At the same time, considering the monument as a “*lieu de mémoire*” for different social groups leads us to rethink the approach of P. Nora, for example, by the Polish memory researcher Robert Traba, who introduced the concept of “common *lieux de mémoire*”, suggesting the inclusion of the same images of the past in different historical narratives on the example of two national histories of Poland and Germany, which have many common sites, but interpreted in varied ways [12]. In this case, the whole historical epoch, the USSR as a single image can also be presented as a “*lieu de mémoire*” that is common to different states — both Russia and Estonia, and at the same time consist of separate images about Soviet Estonia itself, repression, Russian immigration, etc. It is these different frames based on the same USSR that we identify in our study.

Finally, in accordance with the hypothesis, when we refer to the USSR, it is essential to turn to the concept of Othering, introduced in particular by Edward Said about Orientalism that means understanding community’s own identification through addressing other communities, in this case colonies of European empires [13], and developed by the Norwegian scholar Iver Neumann. The latter paid special attention

to the perception of Russia by Western communities, which include Estonia, and emphasized that Russia could be interpreted in two images — the barbarian at the gate or the eternal learner [14, p. 107]. Such different frames can become the starting point of this research as they show that the appeal to the Other at various historical stages may have different dimensions. Thus, through this prism that it is often possible to see the attitude of contemporary Estonia to the Soviet image, which they seek to describe as the Other in the past for themselves in order to better understand and formulate their own identity.

The Movie “The Little Comrade” as an Example of the USSR Commemoration

First of all, it should be considered why this Estonian film, the debut of director Moonik Siimets, is characterised not as a historical but as a drama for family watching. In accordance with our opinion, it may reflect the current trends of the memory policy of the Republic of Estonia. Firstly, the release of the movie fits with the 100 years of the creation of the Estonian independent state: it became one of the five films in the EV100 program which is aimed at remembering this historical date [15]. Thus, the movie was a part of the broad practice of commemoration of the country’s founding, and therefore received, among other things, state financial support [16]. Secondly, “The Little Comrade” was a part of the activities of the Estonian Institute of Historical Memory, held at the Battery Prison Museum [17], which is the remarkable instrument of the state memory policy. Thirdly, the film is based on autobiographical material, i.e. these events seem to be real ones. Despite the fact that the movie is not presented as a history documentary, it is possible to assume that it was created for a wide audience focusing on the fate of individual people (for instance, the characters, not historical images are depicted on the posters of the film [18]) and therefore historical issues could be broadcast even more successfully with entertainment.

Finally, the movie is a product of Estonian cinema, it starred Estonian actors, but both Estonians and Russian-speaking Estonians, with the exception of one Russian actress Yulia Aug, who also lived in the country and had Estonian citizenship [15]. Thus, it reflects the

diversity of Estonian society and can be accepted by its various parts. Nevertheless, the movie also received international recognition, in particular the main prize of the Western Gate International Film Festival in Pskov within the framework of the XXXIX International Hanseatic Days of New Time, where it was presented as an opportunity to build a common Russian-Estonian memory [19].

Although the plot of the film is based on the life of Leelo, a little girl in Estonia in the early 1950s, the historical background plays an essential role. The development of the storyline begins with the arrest of the girl's mother by NKVD officers. Certain images associated with the USSR constantly flash, through which it is possible to understand exactly how this contradictory era is remembered in Estonian society and framed in the movie.

Frame 1. The USSR as Communism

First of all, the movie contains a variety of the Soviet symbols which are close to all residents of the post-Soviet countries, and in this regard, it is not so substantial in which region the actions take place. Red flags and posters, portraits and statues of Lenin, black cars are constantly presented on the screen, as well as marches, May 1st holiday, pioneers. The Pioneer is one of the most remarkable features of the USSR framing in the film, but it is difficult to say that it is shown with a negative connotation. On the one hand, pioneers are associated with military discipline, they sing patriotic songs, but at the same time they are not enemies for Leelo. On the contrary, till the end of the film, the girl would have liked to become a pioneer, because, in her opinion, they “do good things”. At the same time, the movie also highlights the positive aspects of the Soviet system — for example, free travel for children.

The word “comrade” should also be noted. This word appeared when Leelo was firstly called “comrade” in the bus, and after that she called herself “comrade child”. Leelo's father symbolically explains the meaning of the word “comrade”: “A comrade is such a respected person, just as gentlemen used to be” [20]. This highlights the communist idea as opposition of the old system that is the Other for new Soviet Estonia but at the same time is closer to the contemporary national Estonian state. However, the “comrades”, representatives of the Soviet

system, became the new beau monde of the country, the best people. In the movie, this phenomenon of the new elite was explained by the relocation of the main characters from a rich apartment to a poor one, the settlement of representatives of the Soviet government in their former rooms. But it is not obvious that this way was typical only for Estonia, such changes took place wherever Soviet power was established.

Frame 2. The USSR as Repression

This frame is close to the previous one that was formulated about the USSR as the communist ideal. This idea is described in the dedication: the movie is dedicated to “**all** families affected by Stalin’s repressions”. On the one hand, there is no clarification of families’ nationality, and, on the other hand, the repressions are called Stalinist, not Russian. Moreover, the representatives of Soviet power are faceless NKVD officers, whom the girl calls “black uncles”. Describing the Estonian national specifics are not so considerable for them, they reflect exactly the system. They are often called “communists” and “NKVD agents” [20].

Siberia is also an obvious symbol of Soviet repression in this context. Repressed Estonians find themselves there, it is often noticed during conversations when the characters want to scare each other. Nevertheless, Siberia is an image of the fate of not only repressed Estonians, but also citizens of other regions.

At the same time, it is worth saying that the entire Soviet system is not only a repressive apparatus. For example, one of the Estonian women exclaims in response to the actions of the fraudster that “there (in the Soviet government), not everyone is such a crook like you” [20] and the Soviet government can rightly punish.

Frame 3. The USSR as Stalin

Josef Stalin is probably the most frequent and personalized image reflecting the memory of the USSR in the movie. He accurately shows the historical period of the film, the first post-war years. For the first time, a portrait of Stalin appears in the apartment of the new head of school, then in the school’s hall. Characters hear about Stalin from the radio, sing songs with the mentions of Stalin, the repressions are called

“Stalin’s”, and it is Stalin’s death that essentially determines the happy end, the return of Leelo’s mother from Siberia. In this context Stalin himself can be seen as a “*lieu de mémoire*” like Jeanne d’Arc [11] that is common for Estonians and Russians but in the movie his image can strengthen framing the USSR as a dictatorship and totalitarian system.

Frame 4. The USSR as Russia

Nevertheless, in the movie Estonians associate Russia and Russians with the Soviet government that correlates with Neumann’s highlighted image of Russia as a barbarian and a threat for Europeans [14, p. 102]. “Russians” are synonymous with “communists” (we can cite a number of phrases: the mother was arrested by “brave Russian guys”, “damn communists — damn Russians”, “let them go to their homeland”, in a patriotic song it is sung that “Estonia will not submit to Russian Van’kas” [20]). Inscriptions in Russian also appear on posters throughout the movie.

Soviet officials are often Russian, with Russian names (Lyudmila, Valery) and speak pure Russian, even without an accent, that can be clearly read by Estonian viewers. But the Russians, however, are different in the movie. They are often somehow connected with the Soviet system — the new head of school Lyudmila Danilova as a direct reflection of the new Soviet power and this has determined her image as strict and severe. However, she does not seem to be completely defined as the villain of the film and the enemy of Leelo’s family. She tries to speak Estonian and gives the girl’s father a good characterization. The Russian officer threatens Estonians and is described as morally degraded, but protects the girl. Russian woman Makayeva, who brought Leelo’s uncle to Siberia, is clearly “bad”, but there is also an actress from Moscow, whom Estonians respect, who praises Estonian hairdressers and gives Leelo candy.

It should be noticed that the Soviet presence in the film is often reflected through Russian culture. Lyudmila Danilova has a samovar in her apartment, a Moscow actress gives Leelo the candy with an image of a Shishkin’s painting, opera Ivan Susanin sounds on the radio, and gypsy music plays in the barber shop — all of these objects are associated with Russia as a whole, but in the film it is served more as a reflection of Soviet power.

Frame 5. The USSR as the Estonian SSR

In the film the Soviet Union is associated not only with Russians, but also with Estonia itself. It should be noted that the pioneers sing in Estonian, numerous Soviet posters are mostly presented in Estonian, Russian names do not displace Estonian ones. And, what is the most noticeable, the main “bad guy” of the movie, who organized the arrest of Leelo’s mother and then persecuted the girl’s family is also a native Estonian. It is him, not faceless NKVD officers, who appears on one of the posters for the movie [20].

Nevertheless, the Estonian SSR is not presented as a part of its Estonian statehood, but rather as an occupation regime, with which some Estonians agreed. Therefore, the image of Soviet Estonia is needed to form this Other to understand contemporary Estonia’s features [13], so Estonian national statehood is determined by the opposition to this hostile image in the film.

Frame 6. The USSR as the Other for National Estonian

In the movie the most hostile to the Soviet government are the national symbols of Estonia — medals, flag, anthem, national songs, even sporting achievements. Estonians do not understand the Soviet policy of memory (the Soviet regime would like to remember the heroes of the war, whereas for Estonians it is a “bloody story” [20]). The action of the film, which takes place in autumn, can also evoke sad melancholic stories about the fate of a country that has already lived its spring and summer, but with a hint that spring will come after autumn and winter and Estonian statehood will be revived.

Conclusion and Discussions

As a result of the research, it is seen that in the film “The Little Comrade”, where the memory of the Soviet Union as a historical background is an essential factor, the image of the USSR turns out to be ambiguous and difficult to construct. As a “*lieu de mémoire*” it includes various elements for Estonians. These various views can be characterized in the form of at least six frames mentioned in the study that

confirmed our hypothesis about various images of the past serving the Other for contemporary Estonia. They can not only complement, but also contradict each other, because they are embedded in different historical narratives.

Nevertheless, the dominant frames in the movie are the connection of the USSR with the repressive communist ideology in general (it is presented as a problem and a threat of Estonia, so decommunization was its solution), and, on the other hand, a manifestation of the hostile policy of the Russian Federation towards Estonians, which can be overcome by the current confrontation with Moscow and building the comprehensive system of cooperation with Western countries. These two frames are in many ways opposite in the case of formation of a common Russian-Estonian memory. The former frame about the general hostility of the Soviet regime for all the peoples of the Union can be perceived in Russia, where the memory of Stalin's repressions is also noted (the project "The Immortal Barrack" [21]). However, the latter can hardly be accepted in Moscow, because of another attitude of Estonians to the history of World War II, the idea of the three occupations and the negative perception of the figure of Stalin [1]. For Russians the Soviet leader could be seen positively in some communities and the image of the Great Patriotic War plays a significant role in its historical narrative [22].

At the same time, the screening of the movie in Russia and its prize at the festival showed that in 2018–2019 it was the frame of repression that was perceived in Russia. This could become the basis for Russian-Estonian reconciliation in the field of memory, which hypothetically, therefore, is possible today although the international context and perception of Russian foreign policy in Tallinn correlates with framing the USSR past as contemporary Russian Federation in the movie.

Bibliography

1. *Andrejevs D.* Revisiting the social organisation of national memory: a look at the calendars of Lithuania, Latvia, and Estonia // *Memory Studies*. 2018. Vol. 13, No. 6. P. 1305–1320.
2. *Martínez F.* Memory, Don't Speak! Monumental neglect and memorial sacrifice in contemporary Estonia // *Cultural geographies*. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 63–81.

3. *Kattago S.* Commemorating liberation and occupation: War memorials along the road to Narva // *Journal of Baltic Studies*. 2008. Vol. 39. No. 4. P. 431–449.
4. *Nikiforova E.* On Victims and Heroes: (Re)Assembling World War II Memory in the Border City of Narva // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Cham: Springer, 2017. P. 429–463.
5. *Vihalemm T., Jakobson V.* Representations of the past in the Estonian Russian-language press: “own” or diaspora memory? // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39. No. 5. P. 705–731.
6. *Wulf M.* Politics of History in Estonia: Changing Memory Regimes 1987–2009 // *History of Communism in Europe*. 2010. Vol. 1. P. 245–267.
7. *Wulf M.* *Shadowlands: Memory and History in Post-Soviet Estonia*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2016. 258 p.
8. *Näripea E.* Shadows of Unforgotten Ancestors: Representations of Estonian Mass Deportations of the 1940s // *Journeys on Screen: Theory, Ethics, Aesthetics* / ed. by L. Bayman, N. Pinazza. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 103–117.
9. *Entman R. M.* Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of communication*. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 51–58.
10. *Душаклова И. С.* Фреймирование личности Иосифа Сталина в современных российских СМИ: контексты памяти и забвения // *Steps*. 2021. Т. 7. № 1. С. 83–98.
11. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // *Representations*. 1989. No. 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.
12. Od Krzyżaków do Bolka i Lolka, czyli co Polaków i Niemców łączy, a co dzieli // *Gazeta Wyborcza*. 09.02.2019. URL: <https://olsztyn.wyborcza.pl/olsztyn/7,48726,24439426,od-krzyzakow-po-bolka-i-lolka-czyli-co-polakow-i-niemcow-laczy.html> — 17.05.23.
13. *Said E.* *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. 368 p.
14. *Neumann I. B.* *Uses of the Other. The ‘East’ in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 281 p.
15. Первая картина программы фильмов ЭР100 «Товарищ ребенок» появится на киноэкранах // *Нарвская газета*. 23.03.2018. URL: <https://gazeta.ee/culture/pervaya-kartina-programmy-filmov-er100-tovarisch-rebenok-poyavitsya-na-kinoekranah/> — 17.05.23.
16. The Little Comrade // *Estonian Film Institute*. URL: <https://www.filmi.ee/en/movies/estonia-100/estonia-100-feature-films/the-little-comrade> — 17.05.23.
17. Patarei garaazikino ja eriekskursioon. Linastub „Seltsimees laps“ // *Patarei Vangla*. URL: <https://patareiprison.org/en/node/41-17.05.23>.

18. Seltsimees laps (2018) // IMDb. URL: https://www.imdb.com/title/tt6315438/?ref_=fn_al_tt_1–17.05.23.
19. Главный приз международного кинофестиваля «Западные ворота» достался фильму из Эстонии // Комсомольская правда. 01.07.2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/26996.5/4057780/> — 17.05.23.
20. Seltsimees Laps (2018) // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/seltsimees-laps-2018-17.05.23>.
21. Единая база данных жертв репрессий в СССР // Бессмертный барак. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/> — 17.05.23.
22. *Malinova O.* Political Uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus.* Cham: Springer, 2017. P. 43–70.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА»

Абахтимова Дарья Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Будущее развитие проекта «Северный поток» в эпоху газового перелома

Future development of the Nord Stream project in the era of the
gas crisis

Аннотация. События 2022 года поместили газопровод «Северный поток» на заголовки всех известных российских и зарубежных СМИ, а также привели к кульминации политизации и секьюритизации данного проекта. Диверсия 26 сентября 2022 года привела к нарушению функционирования газопровода и поставила вопрос о его будущем. Развитие проекта «Северный поток» стало предметом для широкой дискуссии среди политиков, экономистов и технических специалистов в мире. Анализ различных точек зрения относительно будущего данного газопровода позволил сформулировать два основных сценария развития: пессимистичный и оптимистичный. В обоих прогнозах первостепенную роль играет политическая составляющая, что является парадоксальным для экономически выгодной энергетической инфраструктуры.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, сжиженный природный газ, трубопроводный газ, секьюритизация, «Северный поток», диверсия

Abstract. The events of 2022 put the Nord Stream gas pipeline on the headlines of all well-known Russian and foreign media and led to the highest point of politicization and securitization of this project. The sabotage on September 26, 2022, led to the disruption of the functioning of the gas pipeline and raised the question of its future. The development of the Nord Stream project has become a subject for wide discussion among politicians, economists, and technical specialists in the world. The analysis of various points of view regarding the future of this gas pipeline allowed us to formulate two main development scenarios: pessimistic and optimistic. In both forecasts, the political component plays a primary role, which is paradoxical for an economically profitable energy infrastructure.

Keywords: energy security, liquefied natural gas, pipeline gas, securitization, Nord Stream, sabotage

Введение

Сегодня проект «Северный поток» стал инфоповодом для критики и демонизации России коллективным Западом, заголовки новостей и газет, посвященные этому газопроводу с июля 2022 года, притягивают взгляд как ученых, так и обывателей. Актуальность данной темы крайне высока: до сих пор на различных уровнях ведутся дискуссии о будущем газопровода. Кроме того, учеными и политологами обсуждается вопрос замены трубопроводного газа сжиженным природным газом и влияние данной тенденции на экономику России. Исследование этой темы вносит новизну в теоретико-методологической основе — применяется теория секьюритизации при составлении прогнозов, а также сравнительные методы двух точек зрения относительно будущего развития газопровода «Северный поток». Также в современном научном дискурсе данная тема рассмотрена только в статьях журналистов, которые носят описательный характер.

2022 год называют годом газового перелома в мире, особенно в Европе, причина этому — обострение конфликта на территории Украины. Однако при детальном анализе современного энергетического кризиса нами было отмечено, что газовый перелом в Европе начался еще раньше.

Позиция США относительно российских поставок энерго-ресурсов в Европу всегда была отрицательной. «Сланцевая революция» сделала США экспортёром газа, а развитие технологий сжиженного природного газа позволило осуществлять поставки в любые точки мира. Кроме того, американские компании стали курировать поставки СПГ из стран Ближнего Востока, будучи посредниками, осуществляющими непосредственную перевозку СПГ, например, компания ConocoPhillips. США планомерно увеличивали поставки энерго-ресурсов в Европу. По оценкам экспертов, в январе 2022 года «ввоз американского СПГ удвоился— до почти 10 млрд. кубов».

Секьюритизация проекта «Северный поток» на современном этапе

Главной причиной секьюритизации энергетических связей с Россией, и, в частности, проекта «Северный поток», стало проведение Россией специальной военной операции на Украине. Поставки природного газа из России стали восприниматься как рычаг давления России на Европу, страдающую энергетической зависимостью от поставщиков энергетических ресурсов. В ЕС была выработана концепция — «не полагаться на поставщика, угрожающего нам», при этом проведение специальной военной операции воспринималось как потенциальная военная угроза для ЕС [1]. В мае 2022 года был опубликован план REPowerEU, который предлагает ликвидировать поставки энерго-ресурсов в страны ЕС из России, дальше развивать возобновляемые источники энергии, внедрять энергосберегающие технологии и пересмотреть круг поставщиков энерго-ресурсов в Европу, преимущественно среди стран Ближнего Востока и Африки.

Кульминацией газового перелома можно считать события 26 сентября 2022 года: на трех нитках «Северного потока — 1» и «Северного потока — 2» было зафиксировано падение давления в магистрали. Факт взрыва можно расценивать как проявление последнего этапа секьюритизации: в целях уничтожения угрозы энергетической зависимости Европы от России были нарушены

нормы международного права и был нанесен физический ущерб источнику угрозы — нитям газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2».

В современных реалиях будущее газопровода «Северный поток» крайне туманно. Мировая общественность ожидает окончания расследования и принятия решения о том, нужно ли восстановление газопровода или же данный проект уже не актуален для энергетического рынка Европы. Для прогнозирования будущего газопровода «Северный поток» необходимо изучить технический и политический аспект его возможного ремонта и повторного ввода в эксплуатацию. Кроме того, стоит учитывать современные глобальные тенденции в энергетической сфере, и они не благосклонны к трубопроводам: современную эпоху называют временем сжиженного природного газа. Вопрос, могут ли поставки СПГ заменить полностью трубопроводный газ, остается дискуссионным среди политических лидеров, ученых и политологов.

Будущее газопровода с технической точки зрения

С технической точки зрения эксперты предоставляют разные данные о возможном ремонте и запуске трубопровода «Северный поток». Так, в результате обследования было установлено, что суммарно на нитках газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» обнаружено 4 отверстия, возникшие из-за взрывов и приведшие к утечке природного газа в Балтийское море. Немецкие службы безопасности опасаются, что трубопроводы подвергнутся коррозии из-за попадания соленой воды внутрь и будут непригодны для дальнейшей работы после ремонта. С данным мнением не согласен бывший генеральный директор турецкой нефтегазовой компании Botas Гекхан Ярдым. Согласно его экспертной оценке, воду из трубопроводов можно выкачать под давлением, и процесс ремонта займет примерно 1 год. Об аналогичных сроках заявил председатель комитета Государственной Думы по энергетике, президент Российского газового общества Павел Завальный. В то время, как вице-премьер Александр Новак в интервью ТАСС 26 дека-

бря 2022 года отметил, что специалисты допускают проведение ремонта газопроводов, «но это требует денег, времени» [2]. Глава немецкого энергетического концерна Uniper Клаус-Дитер Маубах также заявил, что «Северный поток» можно восстановить в течение года [3]. Согласно данным заявлениям, мы можем сделать вывод, что газопровод «Северный поток» с технической точки зрения возможно восстановить и возобновить прокачку природного газа по нему. Однако остается открытым вопрос о том, кто будет осуществлять и оплачивать дорогостоящий ремонт. Согласно статье американского издания New York's Times, компания Nord Stream AG ведет подсчеты ущерба и возможного ремонта. Оценочная стоимость составляет не менее \$500 млн.

Интересно также мнение главы ПАО «Газпром», А. Миллера, о будущем газопровода «Северный поток». Согласно А. Миллеру в современных условиях России нужно избавляться от зависимости в поставках комплектующих для энергетической отрасли промышленности, что будет способствовать исполнению долгосрочных контрактов по экспорту энергоресурсов без воздействия со стороны третьих стран в соответствии со стратегией энергетической безопасности Российской Федерации. Очевидно, что на данное заявление повлиял «турбинный кризис» с «Северным потоком» летом 2022 года, когда турбина газопровода «Северный поток» Siemens была отправлена на ремонт в Канаду и была там арестована как российская собственность ввиду санкций. В связи с данной концепцией независимости России в вопросах энергетической отрасли А. Миллер допускает, что для восстановления «Северного потока» нужно построить новую компрессорную станцию под российские турбины [4]. Кроме того, нужно завершить расследование, подвести окончательную оценку, решить ряд юридических и экономических вопросов, а самое главное принять во внимание политический аспект будущего реализации проекта «Северный поток». Таким образом, позиция и дискурс России в лице как представителей власти, А. Новак, так и представителей ПАО «Газпром» остается осторожной и зависит во многом от политической составляющей и развития секьюритизации связей России и Европы.

Будущее газопровода с политической точки зрения

С точки зрения политики можно наблюдать плюрализм общественного мнения в ФРГ относительно будущего газопровода «Северный поток». Правительство ФРГ и канцлер Германии, в духе плана ЕС REPowerEU, а также объявленной Олафом Шольцем политики «смены эпох» (Zeitenwende) и курса на энергетическую независимость, стремительно отказывается от поставок российского природного газа и ищет альтернативы в виде СПГ из Катара. Так, компания QatarEnergy заключила соглашение с американской фирмой ConocoPhillips о поставках СПГ в Германию в течение 15 лет начиная с 2026 года [5]. Однако население Германии выступает против данной меры и требует скорейшего ремонта трубопроводов. 8 октября 2022 года оппозиционная партия «Альтернатива для Германии» организовала мирную демонстрацию в Берлине: около 10 тысяч жителей Германии выступили за отмену санкций и ремонт газопровода «Северный поток» [6].

Дискуссии насчет будущего развития проекта «Северный поток» звучат и в среде политического истеблишмента ФРГ. Глава комитета по защите климата и энергетике бундестага ФРГ Клаус Эрнст, депутат от партии «Левые», высказался в одном из интервью о том, что российский газ всегда был надежным и дешевым для Германии [7]. Премьер-министр Саксонии, Михаэль Кречмер (ХДС), заявил о необходимости устранить повреждения на газопроводе «Северный поток», чтобы в будущем, при улучшении политической обстановки, Германия могла импортировать не только дорогой СПГ, но и более дешевый трубопроводный газ, обеспечив тем самым диверсификацию и укрепив свою энергетическую безопасность. «Нам нужны долгосрочные контракты на поставки сжиженного природного газа из США, Катара и других арабских стран. Кроме того, мы должны, наконец, начать добычу собственного природного газа в Северном море. И когда война закончится, мы должны снова использовать газ из России» — такое мнение выразил Михаэль Кречмер в интервью немецкой газете «Bild am Sonntag» [8]. Однако с мнением премьер-министра не согласно правительство Германии.

Федеральный министр здравоохранения Карл Лаутербах раскритиковал требование Михаэля Кречмера и заявил, что Германия не готова вернуться к «шантажу», то есть к использованию Россией поставок энергоресурсов в качестве политического оружия. Таким образом, мы можем наблюдать плюрализм мнений общественности и политиков Германии относительно будущего газопровода «Северный поток», однако перевешивает точка зрения правительства Германии и продолжается секьюритизация вопросов энергетических связей с Россией, жертвами которой становится прежде всего население Германии.

Сценарии развития проекта «Северный поток»

Приведенный выше анализ точек зрения относительно проекта «Северный поток» формирует два прогноза относительно его развития. Оптимистичный прогноз предполагает, что газопровод «Северный поток» может быть восстановлен и поставки природного газа по нему могут быть продолжены в краткие сроки, если будут объединены усилия заинтересованных сторон России и Германии. Как показывают оценки экспертов, технически восстановление газопровода возможно, но требует существенных материальных затрат, а также с российской стороны — новых технологических разработок (собственной турбины и новой компрессорной станции).

Кроме того, при оптимистичном прогнозе необходимо определить, кто будет заниматься ремонтными работами и самое главное финансировать их. Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента РФ, заявлял, что данными вопросами должны заниматься акционеры компании Nord Stream AG, однако в 2023 году европейские партнеры, вышли из компании, списав свои доли в проекте ввиду его дальнейшей неопределенности [9]. На данный момент единственным акционером остается ПАО «Газпром». Тем не менее, в политическом дискурсе России звучит мнение о необходимости взыскать компенсацию с виновных в диверсии, в то время как энергетические концерны Германии требуют компенсации от ПАО «Газпром» за недопоставку природного газа по долгосрочным контрактам.

Не стоит также забывать о санкционной обстановке и необходимости разрабатывать собственное оборудование в энергетической сфере, о чем заявил глава ПАО «Газпром» А. Миллер. При этом, для России крайне невыгодно финансировать ремонт газопроводов в одиночку, даже при выплате значительных компенсаций и страховых взносов, прежде всего потому, что этот проект предполагает международное сотрудничество и его бенефициары в большей степени — получатели дешевого природного газа, в первую очередь ФРГ. В дискурсе Германии звучит мнение о том, что Германия должна участвовать в ремонте и повторном запуске газопровода, о чем было упомянуто выше. Однако данное мнение не популярно в правительстве Германии и среди политического истеблишмента коллективного Запада. Однако немецкие акционеры Nord Stream AG рассматривают возможность сохранения трубопроводов, как запасного варианта для Германии, в случае улучшения отношений Германии и России. Кроме того, эксперты отмечают, что с правовой точки зрения будущее проекта «Северный поток» более оптимистично чем проекта «Северный поток-2», так как первый из упомянутых газопроводов уже сертифицирован и имел опыт успешной эксплуатации в течение более 10 лет.

В данной связи перед продолжением работы газопровода «Северный поток» необходимы следующие действия: завершение расследования, выплата компенсаций и страховых взносов, определение круга компаний, которые будут заниматься ремонтными работами, возможная разработка нового оборудования российской стороной, согласование плана ремонтных работ, согласование последующего контроля над трубопроводом и запуск. Несмотря на то, что по оценкам экспертов, технически ремонт займет не больше 1 года, правовые коллизии и воздействие политической среды могут существенно продлить процесс ремонта и повторного запуска газопровода. Первостепенным вопросом в рассуждении о будущем газопровода «Северный поток» остается выяснение актуальности и необходимости трубопроводного газа, поставляемого через Балтийское море, для европейских потребителей. Без спроса на энергоресурсы среди стран Европы видится бессмысленным дорогостоящий и сложный во многих аспектах

ремонт трубопровода. В данном случае необходимо уделить внимание и пессимистичному сценарию.

Пессимистический прогноз основывается на политических решениях правительства ФРГ и Европейского Союза и предполагает полный отказ Германии от поставок природного газа из России, что, следовательно, приведет к отсутствию необходимости ремонтировать и возобновлять работу газопровода «Северный поток». Олаф Шольц, канцлер ФРГ, проводит курс на энергетическую независимость страны и соблюдает стратегический план ЕС по ликвидации поставок энергоресурсов из России. Выступая в Бундестаге 16 марта 2023 года, канцлер заявил, что за 8 месяцев Германия стала полностью независима от российских нефти, газа и угля, при этом экономического спада и закрытия предприятий в Германии не наблюдалось [10]. Также в политическом дискурсе Германии звучит все чаще идея об использовании инфраструктуры газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» для развития индустрии СПГ. Однако не стоит забывать о недовольстве населения высокими ценами на энергоресурсы, а также широкими дискуссиями в Бундестаге и правительствах федеральных земель насчет санкционной политики ФРГ в отношении России. При сохранении негативного отношения к России, высокой политизации и секьюритизации вопросов энергетических связей с российскими компаниями развитие проекта «Северный поток», его ремонт и повторный запуск будут неактуальны, так как правительство Германии не позволит проявить спрос на российские энергоресурсы. При пессимистическом прогнозе энергетический рынок Европы будет основан на поставках СПГ при посредничестве США. Подтверждают вероятность данного сценария планы Германии к 2024 году открыть Балтийский СПГ-терминал, используя трубную инфраструктуру проекта «Северный поток». Такую идею обсуждали канцлер Олаф Шольц совместно с министром экономики Робертом Хабекком во время встречи за закрытыми дверями [11].

В целом, многие ученые, политологи и эксперты, отмечают, что наступила эпоха сжиженного природного газа. Парадоксально, но на месте, откуда раньше поставлялся при-

родный газ по газопроводу «Северный поток», на компрессорной станции «Портовая» в окрестностях Санкт-Петербурга 6 октября 2022 года был введен в эксплуатацию СПГ-комплекс. Однако, запущенный СПГ-завод не может заменить трубопроводные поставки в Германию. Мощность среднетоннажного завода «Портовая СПГ» составляет всего 2–2,5 млрд. м³, в то время как газопровод «Северный поток» обеспечивал европейские домохозяйства 55 млрд. м³ газа в год [12]. Как отмечают эксперты, Россия продолжит развивать поставки энергоресурсов по трубопроводам, но изменит их вектор на восток, преимущественно в Китай [13], а также будет сохранять позиции четвертого крупнейшего поставщика сжиженного газа в мире после Австралии, США и Катара.

Выводы

Таким образом, будущее развитие газопровода «Северный поток» предполагает два сценария: оптимистичный и пессимистичный. При оптимистичном сценарии газопровод может быть отремонтирован и введен повторно в эксплуатацию совместными усилиями России и Германии. Кроме того, экспертная оценка доказала, что с технической точки зрения ремонт возможен. Идея ремонта трубопровода поддерживается политическими лидерами России, представителями оппозиционных партий и федеральных земель Германии, а также частью населения Германии. Позитивное влияние на развитие проекта «Северный поток» оказывают выступления бывших акционеров проекта в пользу его восстановления.

Однако стоит учитывать и тот факт, что по официальным заявлениям Германия, следуя плану ЕС и своей инициативе энергетической независимости, за 8 месяцев полностью отказалась от российского природного газа, таким образом упал спрос на российские энергоресурсы. При пессимистичном сценарии газопровод «Северный поток» может стать неактуален для ФРГ, энергетический рынок которой будет переориентирован на СПГ. Кроме того, в Германии уже имеются планы использовать инфраструктуру газопровода для строительства

дополнительного СПГ-терминала. В эпоху газового перелома и тренда на развитие СПГ идеальным сценарием нам видится комбинация поставок трубопроводного и сжиженного природного газа за счет имеющейся и возможно отремонтированной в будущем инфраструктуры.

Библиография

23. Joint communication to the European parliament, the Council, the European economic and social committee, and the Committee of the regions EU external energy engagement in a changing world, Brussels, 18.05.2022, European Commission
24. Новак назвал ремонт «Северных потоков» технически возможным, 25.12.2022, ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/16683971>–09.02.2023
25. Paraskova T. The Nord Stream Pipeline Could Be Repaired Within A Year, 17.01.2023 URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/The-Nord-Stream-Pipeline-Could-Be-Repaired-Within-A-Year.html> — 09.02.2023
26. Для восстановления «Северного потока» может потребоваться строительство КС, 14.10.2022, РИА Новости, URL: <https://ria.ru/20221014/miller-1823874798.html> — 05.03.2023
27. Катар будет поставлять СПГ в Германию по долгосрочному контракту, 29 ноября 2022 URL: <https://www.bfm.ru/news/514008-27.11.2022>
28. В Германии требуют ремонта и запуска «Северного потока», 10.10.2022, NewsFront, URL: <https://news-front.info/2022/10/10/v-germanii-trebujut-remonta-i-zapuska-severnogo-potoka/> — 05.03.2023
29. Депутат ФРГ Эрнст высказался за введение в строй рабочей нитки «Северного потока — 2», 03.05.2023, Газета.ru URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/05/03/20350064.shtml> — 04.05.2023
30. Russisches Gas: Michael Kretschmer für Reparatur von Nord Stream 1, 15.01.2023, Berliner Zeitung, URL: <https://www.berliner-zeitung.de/news/russisches-gas-michael-kretschmer-fuer-reparatur-von-nord-stream-1-li.307261-05.03.2023>
31. Мингазов С. Иностранные участники «Северного потока» обесценили свои доли в проекте// Forbes, 09.03.2023 URL: <https://www.forbes.ru/biznes/485852-inostrannye-ucastniki-severnogo-potoka-obeschenili-svoi-doli-v-proektah> — 17.03.2023
32. Шольц заявил, что ФРГ за восемь месяцев стала независимой от поставок газа и нефти из РФ, ТАСС, 16.03.2023 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17281373-17.03.2023>

33. СМИ: ФРГ планирует открыть связанный с «Северным потоком» СПГ-терминал, Радио Спутник, РИА новости, 22.04.2023 URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20230422/spg-terminal-1867088902.html> — 04.05.2023
34. Самофалова О. Чем Россия заменит трубопроводные поставки газа в Европу//Взгляд, деловая газета 07.09.2022 URL: <https://vz.ru/economy/2022/9/7/1176249.html> — 05.03.2023
35. Тихонов С. Каким станет следующий год для нефтегазовой отрасли России, 11.10.2020 URL: <https://rg.ru/2022/10/11/sygraem-na-trube.html> — 09.02.2023

Глухова Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Отражение теории экономических циклов Кондратьева в современной политэкономической ситуации

Reflection of the theory of economic cycles of Kondratiev
in the modern political economic situation

Аннотация. В данной статье производится анализ текущей мировой обстановки с точки зрения теории экономических циклов Н. Д. Кондратьева. Для этого автором были выделены ключевые аспекты данной теории, а так же произведена оценка текущего положения дел на международной арене с точки зрения конца 5-го цикла и перехода к 6-му. Было выявлено, что при отсутствии глобальных внешних потрясений, эволюция экономик мировых держав движется примерно в одном и том же направлении, то есть подвержена одинаковым законам, имеет волновую структуру, что выражается в определенной периодичности этапов восстановления, роста, стагнации и кризиса. Именно о том, каким образом теория экономических циклов отражается на политэкономической ситуации в мире сегодня и пойдет речь в моей статье.

Ключевые слова: международные отношения, экономические циклы, теория экономических циклов Кондратьева, мировые кризисы, эволюция международных экономических отношений

Abstract. This article analyzes the current world situation from the point of view of the theory of Kondratyev's economic cycles. For this purpose, the author highlighted key aspects of this theory, as well as an assessment of the current state of affairs in the international arena from the point of view of the end of the 5th cycle and transition to the 6th. It was found that in the absence of global external shocks, the evolution of the world's economies moves in the same direction, as well as subject to the same laws, has a wave structure, which is expressed in a certain periodicity of recovery stages, growth, stagna-

tion and crisis. How the theory of economic cycles affects the relevant political economic will be discussed in my article.

Key words: international relations, economic cycles, Kondratiev's theory of economic cycles, world crises, the evolution of international economic relationships

Экономические циклы Н. Д. Кондратьева

В 1922 году советский экономист Николай Дмитриевич Кондратьев опубликовал свою теорию относительно повторяющихся экономических циклов длиной в 40–60 лет. Данная теория перекликается с «Циклами Жюгляра», «Циклами Кузнеца» и «Циклами Китчина», однако от всех них отличается своей наибольшей продолжительностью, кроме того, данная теория не исключает существование краткосрочных циклов подобно вышечисленным, а также включает их в себя и объясняет их взаимосвязь. Подробней теория экономических циклов Кондратьева описана в данной первой части статьи.

Теория «Циклов Кондратьева» основывается на том, что одной из основных закономерностей в развитии мировой экономической системы является ее цикличность, то есть повторяющиеся события, признаки и явления, происходящие внутри самой системы спустя определенный период времени, длиной в 40–60 лет. Данные циклы имеют следующие признаки:

1. Спусковым механизмом для начала каждого экономического цикла является какое-то событие, провоцирующее глубокие изменения в экономической жизни социума. Данными событиями могут послужить, например, вовлечение в мировую торговую систему новых акторов, технологические изобретения, которые стали широко использоваться, глобальные изменения в денежно-валютной структуре. Важно отметить, что технологические изобретения появляются не просто так, а из потребности общества. Н. Д. Кондратьев объяснял данной потребностью явления, когда одно и то же изобретение появлялось одновременно в разных частях планеты,

при этом независимо друг от друга. Кроме того, недостаточно просто изобрести что-то, важным условием провоцирования технологической инновацией изменений является широкое использование данной новой технологии в обществе.

2. Каждая волна длиной в 40–60 лет сопровождается средней волной в 7–11 лет и короткой волной в 2–4 лет. На восходящей волне длинного цикла короткие волны при падении носят краткосрочный характер, а при повышении более интенсивны, а на нисходящей наоборот.
3. Во время падения длинной волны, перед ее новым циклом наблюдаются масштабные войны, а также падение сельского хозяйства, его депрессия и упадок.

Учитывая вышеперечисленные признаки, не стоит забывать о таких текущих тенденциях, как рост населения и сопутствующий рост объема производства, развитие технологий, кроме того, постоянно происходят колебания уровня торговых цен, изменения процентных ставок, рынка финансов, а также уровня безработицы и норм прибыли в различных отраслях экономики. Если суммировать вышесказанное и попробовать дать определение экономическим циклам, то это — нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода.

Основная их причина лежит в механизме накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания новых производительных сил” [1, С. 400]. Цикл начинается с импульса, который дает экономике глобальные изменения в денежно-валютной системе, а также технологические новшества. Их разработка начинается в нисходящей фазе цикла именно с выявления потребности в обществе и появления ресурса для того, чтобы начать эффективные разработки этих технологий. Начало подъема начинается с того момента, когда капитал и ресурсы накапливаются до такой степени, что становится рентабельным и целесообразным без рисков и убытков вкладывать данные ресурсы в совершенствование основных производительных сил и переоборудования уже используемой техники. Последующее ускорение экономики, происходящее из-за наращивания экономического потенциала приводит к обострению проблем, связанных с со-

циальной сферой. Кризис в этой области, а также борьба за рынок, без должной готовности общества и государства выдержать данные кризисы, приводит к полномасштабным конфликтам, мировым кризисам. Последствия этих событий тянут за собой спад экономики, ее замедление, пока аккумулятивное накопление капитала не начнет новый цикл. Итак, существует 4 фазы длинного цикла: оживление, подъем, спад, депрессия.

Как уже было описано ранее, каждый длинный цикл содержит в себе около 5–7 средних циклов и 10–14 коротких циклов. Причины средних и коротких циклов можно объяснить подвижками в балансе между рыночной ситуацией и появлением принципиальных технологических новшеств. Эти новшества, как правило, появляются в конце предыдущей фазы. Данное явление, плюс изменения в кредитно-финансовой сфере создают импульс, стимулирующий экономические процессы. После, данный импульс, ввиду изначального насыщения рынка, неготовности последней принять и использовать новые технологии и высокой стоимостью последних, начинает затухать — короткий или средний цикл заканчивается. Понимая необходимость новой технологии, возникает потребность сформировать новые рынки и снова стимулировать производственно-научный комплекс. Мировая экономическая система начинает вовлекать новые рынки, что рождает новый импульс и начинается новый короткий или средний цикл. Возникшие новые рынки, в свою очередь, требуют новых технологий. На последнем коротком цикле восходящей длинной волны происходит насыщение старых и только появившихся новых рынков, а так же удешевление новых технологий. Это удешевление делает технологии более доступными и запускает их использование в широкие массы.

Датировку циклов можно обозначить следующими периодами времени:

- 1-й цикл — с 1803 до 1841–1843 годов
- 2-й цикл — с 1844–1851 до 1890–1896 годов;
- 3-й цикл — с 1891–1896 до 1945–1947 годов;
- 4-й цикл — с 1945–1947 до 1981–1983 годов;
- 5-й цикл — с 1981–1983 до ~2018 годов;
- 6-й цикл — с ~2018 до ~2060 [2]

Если говорить о технологических прорывах, стимулирующих каждый из циклов, то можно назвать следующие:

- 1-й цикл — создание текстильных фабрик, широкое использование каменного угля
- 2-й цикл — использование парового двигателя, а вместе с этим создание железной дороги, паровозов, развитие черной металлургии и расширение угледобычи
- 3-й цикл — создание и использование электрических двигателей, производство стал, развитие машиностроения, развитие производств в области неорганической химии
- 4-й цикл — производство и широкое распространение автомобилей и другой машинной техники, развитие химической промышленности, нефтепереработки, а также производство двигателя внутреннего сгорания
- 5-й цикл — производство вычислительной, телекоммуникационной и лазерной техники, а также робототехники и всевозможной электроники
- 6-й цикл — прогнозируется, что данный цикл начался с внедрения нано технологий, а также биотехнологий, когнитивных и информационных (НБИК — конвергенция)

Кроме баланса между рыночной ситуацией и появлением принципиальных технологических новшеств, можно также говорить о том, что причинами краткосрочных и среднесрочных циклов могут стать действия властей и существенные изменения в монетарном обращении, что также может контролироваться государством. Также влияния на краткосрочные и средние циклы могут производить внешние потрясения. Однако государство имеет достаточное количество бюджетно-фискальных и кредитно-денежных механизмов, чтобы препятствовать нежелательным краткосрочным колебаниям, вызванным внешними потрясениями.

Итак, экономические циклы Кондратьева — это инструмент, способный прогнозировать развитие мировой экономики на ближайшие короткие и средние циклы, а также составлять прогнозы относительно того, как тот или иной актер будет развиваться

в той или иной фазе цикла, учитывая его личные характеристики и перспективы, технологические инновации и место в мировой рыночной системе. О современном цикле и его отражении на международной политэкономической ситуации в следующей части статьи.

Конец 5-го экономического цикла — начало нового 6-го экономического цикла в условиях современной политэкономической ситуации

В XXI веке, а именно с конца 2018 года можно говорить о фазе депрессии 5 экономической волны, которая началась примерно в 2008, и о зарождении 6-го экономического цикла.

Как было сказано ранее, новый цикл начинается с технологических новшеств, запускающих процессы на рынке. Задолго до начала 5-го цикла произошли технологические прорывы и изменения в глобальной денежно-кредитной сфере таким образом, что до сих пор между экономистами идут споры, о том, что именно является импульсом для данных волн. В статье Л. Е. Гринина «О шестом технологическом укладе» данные прорывы были помещены в, так называемую, «кибернетическую революцию» [3]. Отмечается, что датой ее начала можно считать 1950–1990 годы, а на данный момент революция находится в своей средней фазе, которая перейдет в завершающую фазу — «фазу управляемых систем» примерно до 2040 года. Фаза управляемых систем основывается на том, что мы как раз сейчас и можем наблюдать — это широкое распространение удобных и простых в обращении средств связи и компьютеров, или в широком смысле модернизация инноваций, которые были сформированы на начальном этапе революции и получают широкое распространение сейчас. Кроме того эту революцию можно охарактеризовать, как формирование производств и услуг, которые преимущественно базируются на работе саморегулирующихся систем.

Выделяют несколько технологических глобальных и массовых изобретений, которые могли повлиять на стимулирование рынков и начало новой 5-й фазы:

1. В 1975 году выпуск компьютера Альтаир 8800 (микро-компьютер, или персональный компьютер)

Данное изобретение привело к тому, что уже к 1990-му году составные процессоры были окончательно вытеснены микропроцессорами. На их основе стали создаваться не только любые последующие компьютеры, но и любая бытовая и производственная техника, а также встраиваемая система управления различных устройств и механизмов, например автомобилей.

2. Активация и широкое распространение технологий интернет-расчетов

Это новшество позволяет быстрее и эффективнее производить расчеты и налаживать работу бизнес процессов. Кроме того, многие компании, которые используют данные способы обмена финансами, значительно повышают свой вес на международном и внутреннем рынках. Эти технологии значительно упрощают передачу информации и денежных средств на международном уровне, то также является стимулом, ускоряющим экономические процессы.

3. Востребованность и развитие генной инженерии в фармацевтике и медицине

Производство генно-инженерного инсулина, препаратов от СПИДА, онкологии, сердечно-сосудистых заболеваний, клонирование клеток — все это в настоящее время является несомненным стимулом в развитии медицинской сферы. Кроме того, генная инженерия помогает сельскохозяйственному производству выращивать растения и животных, устойчивых к вирусам и другим болезням. Также ведутся активные разработки в области применения генной инженерии в качестве терапии при сложных неизлечимых заболеваниях, в том числе для выращивания донорских органов и пересадки тканей. Еще в 1982 году была успешна проведена операция по пересадке постоянного искусственного сердца, с которым пожилой пациент (61 год) полноценно прожил 112 дня. Все это в перспективе может дать необходимый толчок к изменениям как на глобальном рынке фармацевтики, так и в медицине как науке в целом.

4. Появление квантовых компьютеров (как стимул 6-го цикла)

Данная технология позволяет производить сложные вычисления и операции благодаря работе не в битах, как в обычном компьютере, а в кубитах. В конце 2010 года впервые были произведены экспериментальные запуски подобных систем, которые производили фиксированные алгоритмы небольшой степени сложности. Самые первые идеи данного механизма были предложены еще в 1980-х годах Юрием Маниным и Полом Бениоффом. Однако данное изобретение лишь гипотетически ставится как стимулирующее будущий экономический импульс, так как на данный момент подобные компьютеры не используются в массах. А это условие, как уже было сказано выше, является главным для запуска нового экономического цикла разной длины.

Еще одно технологическое новшество должно быть упомянуто, как фактор стимулирующий подвижки в мировой экономике и определяющий переход к шестому циклу — это ориентированность экономик мира на новых «чистых» источниках энергии и усовершенствовании производств с учетом уменьшения экологического вреда. Трубопроводный газ уходит в прошлое. Сейчас странам более интересны прямые поставки нефти и газа. Однако так же текущие события показали, что зависимость от поставки энергоресурсов, особенно для российской экономики, ставит огромные проблемы и угрозы. Таким образом, прогнозируется ускорение создания технологий альтернативных источников энергии и развитие экологически чистых производств.

Как было отмечено К. В. Трemasовым в работе «Теория экономических колебаний»: «...конечная фаза понижательной волны характеризуется наиболее тяжёлым кризисом, каковых в течение столетия бывает не более двух». В течение 5-го цикла мировая общественность наблюдала несколько мировых кризисов и падений рынков: кризис дот-комов 2001 года, ипотечный кризис 2007 года, начавшийся в 2019 году кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, а также событиями, начавшимися в феврале 2022 года. Последний упомянутый кризис и является точкой завершения 5-го цикла и началом следующего 6-го. Он отличается от предыдущих степенью своей распространенности, затрагивает

не только финансовый сектор, но и все остальные сектора, является полномасштабным, то есть вовлекает все государства без исключения, а главное, вносит изменения на базовом микроуровне, что непосредственно повлияет на макроуровень. Кризисы понижательной фазы Кондратьевского цикла характеризуются своим затяжным характером, и стабильным ухудшением ситуации. Это связано с тем, что до этого экономические показатели итак скатывались вниз. Напротив, кризисы, которые происходили на повышении (а начале цикла), носят ярко выраженный характер. Кризис 2008 года как раз приходился на фазу повышения, и имел стихийный и импульсивный характер. Россия имела самые неприятные последствия — 7.8% уровня ВВП уменьшение внешнеэкономической торговли на 40%, а затраты на антикризисную программу составили рекордные 10,9% [4]. Тот кризис, который можно наблюдать сейчас, действительно, носит затяжной характер. Усложняет ситуацию небывалая санкционная политика Запада в отношении Российской Федерации. Данные подвижки заставляют многие страны переориентировать свои экономики, что перестраивает всю экономическую и политическую системы, а в силу неготовности многих стран к разворачивающимся событиям, приспособление к данным изменениям потребуют значительных ресурсов и времени на восстановление.

Одной из особенностей фазы депрессии в нисходящей фазе экономического цикла Н. Д. Кондратьев выделяет активизацию крупных военных столкновений. Политический кризис 2014-го года привел к резкому ухудшению отношений между Россией и Западом, что в данный момент отражается на ситуации в Украине. Конфликт в данном регионе, в отличие от других конфликтов, 21 века может считаться знаменующим окончание 5-го цикла, так как он имеет после себя далеко идущие последствия. Данный кризис международных отношений так или иначе затрагивает интересы всех стран, меняет расстановку политических сил, выдвигает новых лидеров и заставляет пересмотреть многие проблемные вопросы, ранее незначительно влияющие на повестку дня, например: зависимость экономики РФ от экспорта нефтегазовой продукции. После завершения активной фазы данного конфликта можно будет говорить о серьезном экономиче-

ском мировом кризисе, а после начале стадии восстановления и оживления экономики. Насколько долгими будут данные процессы, а также каким образом мировые экономики будут восстанавливаться и какие технологические прорывы спровоцируют последующее восстановление, покажет время.

По словам В.И. Пантина «...весьма вероятно обострение социально-политической ситуации не только во многих европейских странах, но и в США, России, Китае, Бразилии, Индии, а также в целом ряде развивающихся стран» [5]. Этот же автор довольно интересно прогнозирует ситуацию с положением США на мировой арене: «...возможны различные сценарии временного усиления или, напротив, ослабления США как мирового лидера. Более вероятным представляется сценарий постепенного ослабления гегемонии США в мире, периоды ослабления американской мощи будут чередоваться с периодами ее усиления.» То же самое можно сказать и про отношения между США и Россией. Прогнозируется нелинейное развитие, а волнообразное, с чередованием подъемов и спадов, то есть улучшения и ухудшения отношений. Учитывая соперничество Китая и США и попытки последней всеми силами нарастить свое влияние в мире, что сейчас и может наблюдать мировая общественность, слова упомянутого автора кажутся вполне осуществимым прогнозом. Исходя из данных МВФ — Последние прогнозы роста в докладе «Перспективы развития мировой экономики» — На данный момент процент годового измерения темпов роста экономики оценивается в США в 2.0%, а в Китае — 3.0% на 2022 г., США — 1.4%, Китай — 5.2% на 2023 г., США — 1.0%, Китай — 4.5% на 2024 г. [6]. Что касается России в данном списке, прогнозы выделяют падение темпов роста в 2022 г. на -2.2%, в 2023 г. процентный показатель 0,3%, в 2024 г. по прогнозам 2.1%. В докладе МВФ отмечается, что причинами сложившихся и прогнозируемых показателей являются — сохранение инфляции, которая связана преимущественно с более высокими, чем прогнозировалось ценами на нефть, газ и продовольственные товары, а также столь стремительным восстановлением темпов экономического роста Китая, геополитическая фрагментация — то есть, обострение отношений между существовавшими ранее экономическими блоками, а также усиление конфронтации

и торговых споров между США и Китаем, что в свою очередь вызывает новые ограничения трансграничного движения капитала, а также препятствия для многостороннего сотрудничества между странами и блоками.

Общие мировые тенденции, определяющие международные отношения начала шестого цикла — это высокий риск попадания России в зависимость от Китая; усиление позиций последней и создание угрозы как для России, так и для США; дестабилизация отношений на Ближнем и Среднем Востоке, а так же активизация террористической деятельности; обострение отношений в вопросе распространения оружия массового поражения и др.

В заключении стоит отметить, что наличие цикличности в мировой экономике объясняет многие процессы, происходящие на мировом рынке, а так же позволяют прогнозировать то, какие события и тенденции будут происходить в мировой политэкономической системе в ближайшие годы и десятилетия. Для составления данных прогнозов, первым делом стоит начинать с выяснения того, в какой стадии цикла находится экономика сейчас, какие глобальные события влияют на макроэкономику, какие технологические тенденции внедряются в общественное использование, а так же какие явления прошлого определяют ситуацию на рынках сейчас. Все это позволяет использовать теорию Н. Д. Кондратьева в научных целях и определяет ее актуальность во все времена.

Библиографический список

1. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М.: Экономика, 2002.
2. Акаев А. А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А. А. Акаев. — Текст: непосредственный // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие. — Москва: УРСС, 2009. — С. 141–162.
3. Гринин, Л. Е. О шестом технологическом укладе / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондарненко. — Текст: непосредственный // Н. Д. Кондратьев Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн, взгляд из современности. — Москва: Учитель, 2017. — С. 191–211.
4. Душечкин, А. В. Валовой внутренний продукт (в ценах 2008 г., млрд.руб.) / А. В. Душечкин. — Текст: электронный // Росстат:

- [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 05.04.2023).
5. Пантин В. И. Циклы Кондратьева и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, В. М. Бондаренко. — Текст: непосредственный // Н. Д. Кондратьев Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн, взгляд из современности. — Москва: Учитель, 2017. — С. 213–221.
 6. Перспективы развития мировой экономики. Бюллетень. — Текст: электронный // МВФ: [сайт]. — URL: <http://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2023/Update/January/Russian/textr.ashx> (дата обращения: 06.04.2023).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

Чепурнаева Ольга Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

Влияние современных международных конфликтов на политику нейтралитета некоторых европейских держав.

The influence of modern international conflicts on the policy of
neutrality of some European powers.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается современная политика нейтралитета малых держав на примере Австрии и Швейцарии. Для малых нейтральных государств международные конфликты создают возможность влияния на систему, так как они, используя свой статус, занимают позицию посредника при переговорах конфликтующих сторон. Статья раскрывает содержание политики нейтралитета, анализируя его с помощью основных теорий международных отношений: реализма, либерализма и конструктивизма. Автор анализирует изменения политики нейтралитета Австрии и Швейцарии на фоне украинского кризиса, выделяет ее наиболее показательные проявления. Исследование завершается выводом о том, что оба государства в полной мере не придерживаются политики нейтралитета. Однако Швейцария в большей мере привержена нейтральному статусу, чем Австрия, потому что страна не яв-

ляется членом Европейского союза и формирует свою внешнюю политику независимо от других государств.

Ключевые слова: нейтралитет, международные конфликты, Австрия, Швейцария

Abstract. This article examines the modern policy of neutrality of small powers on the example of Austria and Switzerland. For small neutral states, international conflicts create an opportunity to influence the system, since they, using their status, take the position of a mediator in the negotiations of the conflicting parties. The article reveals the content of the policy of neutrality, analyzing it with the help of the main theories of international relations: realism, liberalism and constructivism. The author analyzes the changes in the policy of neutrality of Austria and Switzerland against the background of the Ukrainian crisis, highlights its most revealing manifestations. The study concludes with the conclusion that both states do not fully adhere to the policy of neutrality. However, Switzerland is more committed to a neutral status than Austria, as the country is not a member of the European Union and forms its foreign policy independently of other states.

Keywords: neutrality, international conflicts, Austria, Switzerland

Современные конфликты вносят изменения в систему международных отношений. Во время столкновений между государствами или между государством и какой-либо организацией (например, террористической группировкой), политическая система государств дестабилизируется, усиливаются радикальные силы, в случае вооруженных конфликтов возникает проблема людских потерь. Тем не менее, конфликты позволяют разрешить острые противоречия и проблемы, которые не смогли быть предотвращены в мирное время. Поиск новых форм и механизмов взаимодействия, настройка баланса внутри политической системы — все это можно отнести к положительному влиянию конфликта, который, как можно убедиться, не является однозначно катастрофическим явлением. Исследователи рассматривают кризисы как «двигатель прогресса», стимул для выработки новых решений [1, с. 916]. Внешнеполитические условия современного мира сложились таким образом, что выросло количество региональных конфликтов, что подтверждает Стокгольмский международный

институт исследований проблем мира (СИПРИ) [2]. При этом, большая часть столкновений, вплоть до 2022 года, относилась к асимметричным конфликтам. Уникальным с этой точки зрения примером является Украинский кризис, который в 2022 году, после признания Россией и рядом других государств ЛНР и ДНР, стал симметричным. В начале конфликта, если принимать в качестве точки отсчета 2014 год, его можно было отнести к региональным. Однако на момент 2022 года, конфликт оказал существенное влияние на многие страны мира, которые непосредственно не принимают в нем участия. Отсюда прослеживается тенденция усиления влияния региональных конфликтов на международную систему, а также рост степени внутренней интенсивности конфликтов. Можно говорить о том, что линия противостояния между Россией и Западом прошла непосредственно на территории Европы, где подавляющее большинство государств — это маленькие державы, делающие внешнеполитический упор на политику «мягкой силы», то есть превалирование дипломатических методов над военными. Кризис — это возможность для таких стран, ведь вооруженный конфликт приводит к неизбежной проблеме, касающейся вопросов его урегулирования. Одной из стадий симметричного конфликта является максимальная поляризация сторон, что, в свою очередь, не позволяет государствам сесть за стол переговоров. Для преодоления этого неприятия сторон необходимы посредник и арбитр, чтобы противоборствующие стороны могли начать диалог. Арбитр может предлагать какие-то решения или давать одобрение на выработанные предложения. Если арбитр откровенно примет чью-то сторону, то переговоры не смогут достигнуть своей цели [3]. Соответственно, для решения поставленных задач, активно применяется политика нейтралитета — одного из самых старых институтов стратегии внешней политики, пользующийся спросом у малых держав [4]. Несмотря на это, его придерживаются не все малые державы. Например, прибалтийские страны имеют ярко выраженную позицию — приверженность европейскому курсу.

На фоне влияния украинского кризиса СМИ стали активно продвигать тезис о том, что нейтралитет стран, в том числе Австрии и Швейцарии, полностью исчерпал себя. Но действи-

тельно ли это так, или нейтральный статус еще обладает потенциалом для эффективного применения во внешней политике?

Теоретическое осмысление влияния малых держав на международную безопасность

В рамках основных парадигм международных отношений влияние внешней политики малых держав рассматривается по-разному. С точки зрения реалистов, существует только один актор международных отношений — государство. Интерес великих держав, выраженный в терминах силы, играет во внешней политике решающую роль. Согласно реализму, малые государства вынуждены примкнуть к альянсу или союзу, чтобы защитить свой суверенитет. Соответственно, альтернативных вариантов у подобных стран нет, ведь отсутствие внушительных военных и экономических ресурсов исключает возможность отстаивания своих интересов, выраженных в терминах силы [5, p. 688]. Либерализм по отношению к малым державам в целом более лоялен, так как признает наличие большего числа акторов, например, международные организации [6, p.291–310]. С помощью этого нового инструмента, сторонники либеральной теории видят участие в НПО, МПО и ТНК как рычаги воздействия небольших стран на международную среду. Тем не менее, вышеперечисленные теории дают недостаточную характеристику роли малых держав в международных отношениях, в том числе в сфере безопасности. Исходя из этого, самым эффективным вариантом представляется изучение взаимосвязи современных конфликтов и внешней политики европейских малых держав на основе конструктивистского подхода, в рамках которого идентичность государства формирует его внешнеполитический курс. Идентичность государства, согласно конструктивистам, формируется из двух составляющих: восприятия государством себя и восприятия его другими державами. Интересы, согласно конструктивизму, не статичны, а постоянно изменяются в зависимости от условий системы, политического и экономического состояния государства и т.п. Исходя из этого, взаимосвязь идентичности и интересов объясняет причины подстраивания статуса нейтрального

государства под сложившиеся условия системы международных отношений [7, с. 368].

Нейтралитет как внешнеполитический курс

Интересы малых держав и их идентичность напрямую взаимосвязаны. Конструктивистская теория утверждает, что оба этих понятия государства формирует на основе своего исторического опыта. Известно, что интересы малых держав вплоть до окончания Холодной войны не принимались всерьез. В биполярной системе международных отношений, когда две сверхдержавы, обеспеченные мощным военно-промышленным комплексом, делили сферы влияния между собой, у всех остальных акторов без военного потенциала не было возможности составить конкуренцию и позиционировать себя наравне с лидерами [8]. Тем не менее, первым шагом на пути включения малых государств во мировую политику стало создание ООН — организации, в которой все страны-участницы впервые сформировали диалог на равных условиях. Однако эволюция международной системы, постепенный распад биполярного устройства расширили возможности малых держав влиять на мировую политику, в том числе и в сфере безопасности. Проблема с отсутствием относительно крупной территории и ресурсной базы не исчезла, однако векторов внешнеполитического развития стало больше, например, «политика нейтралитета» [9, с 28–40]. Нейтралитет является эффективной дипломатической тактикой, позволяющей продвигать интересы государства, не принимая чью-либо сторону, и сохранять дружеские отношения и с соседними странами, со сверхдержавами и с транснациональными компаниями. В международных отношениях существуют два вида нейтралитета: «постоянный» и «военный» [10]. Под военным нейтралитетом подразумевается невмешательство государства в военные конфликты на стороне одной из конфликтующих стран. Постоянный нейтралитет, которого в настоящее время придерживаются Австрия и Швейцария, является скорее концепцией, при которой государство остается нейтральным и в военное, и в мирное время. При этом нет никаких четких определений прав и обязанностей постоянно нейтральной

державы. Такое противоречие, возникающее при определении рамок внешней политики нейтральных стран, решается тем, что сам принцип нейтралитета является гибким и изменяющимся в соответствии с трансформацией внешнеполитической среды, появлением новых вызовов и угроз. Фактически государство может самостоятельно определять внешнеполитический курс, подстраивая нейтралитет под свои интересы. По причине такой привлекательности нейтралитета, во время формирования многополярного мира (после окончания Холодной войны), многие европейские малые страны объявили себя нейтральными: Австрия, Ирландия, Лихтенштейн, Финляндия, Швейцария, Швеция. Со временем внешнеполитические приоритеты нейтральных государств адаптировались к международным реалиям, и многие предпочли отказаться от политики нейтралитета в пользу более тесного сотрудничества с государствами ЕС и членами НАТО. Можно выделить такие основания для отказа от постоянного нейтралитета как безопасность, экономическая выгода, стабильное развитие под защитой более сильного государства и т.д. При этом Австрия и Швейцария до сих пор являются самыми значимыми примерами нейтральных государств, так как нейтралитет стал их национальной идентичностью, которую они активно поддерживают как внутри государства, так и за его пределами. С помощью статуса нейтральной державы, Австрия и Швейцария признаются всем мировым сообществом как надежные партнеры, объективные посредники, к которым обращаются при урегулировании конфликтов [11].

Влияние современных конфликтов на политику нейтралитета Австрии и Швейцарии на примере украинского кризиса.

Обращаясь к истории, нейтралитет обеих стран был принят по одной причине — стремлению защитить границы, не допустить военного присутствия иностранных держав на своей территории, сохранить суверенитет [12, с. 115]. Швейцария поддерживает нейтральный статус более 200-х лет, в Австрии нейтралитет закреплён в конституции с 1955 года. Большинство исследователей выделяют правовую проблему нейтрального статуса,

а именно недостаточную четкость требований и границ такой политики. Это привело к тому, что, по сути, Австрия и Швейцария адаптируют значение нейтралитета самостоятельно, учитывая собственные выгоды [13]. Тем не менее, выбранный политический курс закрепился в качестве национальной идентичности швейцарцев и австрийцев, поэтому в официальных документах в ближайшем будущем маловероятен отказ от нейтралитета.

Одной из точек пересечения вооруженных конфликтов и малых держав являются миротворческие операции, которым правительства Австрии и Швейцарии с каждым годом уделяют все больше внимания. С 1965 года в силу вступил закон, который провозгласил основной задачей австрийских вооруженных сил участие в международных миссиях. Поворотным моментом стал 1995 год, в котором Австрия становится членом ЕС. Это привело к формированию совместной внешней политики в сфере безопасности альянса и Австрии. Государство ратифицирует предписания по Общей внешней политике и политики безопасности (ОВПБ), вступает в программу НАТО «Партнерство ради мира», в рамках которой было организовано разностороннее военное сотрудничество Вены с Альянсом. Швейцария же выступает в роли наблюдателя данной программы на Ближнем Востоке [14]. Также Австрия не в первый раз принимает косвенное участие в военных конфликтах (открытие воздушного пространства для военных самолетов во время войны в Персидском заливе в 1991 году и операции в Сербии в 1999 году), имеет четкую позицию по вопросам контроля вооружений (австрийские эксперты следили за процессом отказа Сербии от ядерного оружия; Австрия ратифицировала договор о нераспространении ядерного оружия). С 2016 года Академия национальной обороны Австрии проводит Венскую конференцию по стратегии, тем самым создавая международную дискуссионную платформу для развития теории и практики стратегии. Австрия, как член ЕС, также является частью Постоянного структурированного сотрудничества. Государство координирует проект, который предоставляет химический, биологический, радиологический и ядерный надзор как услугу. В рамках этого проекта планируется создать постоянную и распределенную пилотируемо-беспилотную сенсорную сеть, состоящую из беспил-

лотных воздушных систем и беспилотных наземных систем, которые будут совместимы с устаревшими системами для предоставления распознанного изображения в дополнение к существующим общим оперативным изображениям, используемым для миссий и операций ЕС) [15]. С одной стороны, Австрия поддерживала подготовку украинских солдат государствами-членами ЕС, но сама в этом не участвовала. Российско-австрийский общественный форум «Сочинский диалог» в настоящее время проходит Современный австрийский нейтралитет — это скорее политика военного неприсоединения, то есть отказ от формального вхождения в военный союз и недопущение размещения иностранного контингента на своей территории. Немного иная ситуация сложилась в Швейцарии, которая до сих пор не является членом ни НАТО, ни ЕС. Следует заметить, что по официальным документам министерства вооруженных сил Швейцарии, страна продолжает придерживаться политики нейтралитета, но, являясь страной-участницей ОБСЕ и ООН, она регулярно обменивается мнениями по вопросам международной и европейской безопасности со своими партнерами, а также проводит совместные военные учения [16]. Данные действия рассматриваются правительством как адекватный ответ на современные вызовы, в которых Швейцария должна прежде всего обеспечить свою безопасность и быть способной на своевременное предотвращение потенциальных угроз и конфликтов. В 2019 году расходы на швейцарские вооруженные силы сократились до 0,67% ВВП. Однако, в будущем курс взят на увеличение финансирования, и уже с 2023 года планируется поднять его не менее, чем до 1% [17].

Вполне вероятным представляется дальнейшее сближение Швейцарии с европейскими странами для обучения армии и кооперации в сфере разработки новых военных технологий (например, развитие производства систем противовоздушной обороны, радиолокационного оборудования и боеприпасов, которые разрабатываются в том числе и швейцарскими оборонными компаниями). С точки зрения сближения с ЕС, Швейцарии могло бы быть интересно сотрудничество в сфере безопасности с организацией постоянного структурированного сотрудничества (PESCO), так как государство объективно не заинтересовано в изоляции

от разрабатываемой европейской системы безопасности на полях PESCO, исключая саму Швейцарию. Украинский конфликт положил начало дебатам относительно вступления Австрии и Швейцарии в НАТО. В связи с этим в странах были проведены опросы, которые показали, что население государств выступило против присоединения к альянсу. 75% австрийцев и 67% швейцарцев проголосовали против [18]. Это свидетельствует о том, что даже во время вооруженного конфликта в самой Европе, нейтралитет продолжает оставаться запросом общественности [19]. Согласно обозначенным министерствами обеих стран направлениям внешней политики Австрии и Швейцарии на 2020–2023, страны в рамках политики нейтралитета усиливают свое влияние на международной арене, выступая в роли надежного и беспристрастного посредника при переговорах [20]. Вена и Женева периодически выступают в качестве переговорных площадок для конфликтующих сторон. В начале января 2022 года в Женеве прошли российско-американские переговоры по гарантиям безопасности. Также в январе 2022 года в Вене прошел очередной раунд межсирийских переговоров под эгидой ООН (предыдущие 8 встреч по этому же вопросу прошли в Женеве). Несмотря на то, что результаты переговоров были скорее неудовлетворительными, сам факт их проведения соответствовал интересам нейтральных держав. Им удается поддерживать свой образ надежных партнеров по переговорам и, тем самым, укреплять свой авторитет. Самым ярким примером успеха такой политики является избрание Швейцарии в Совет Безопасности ООН в качестве непостоянного члена на срок с 2023 по 2024, потому что именно на Швейцарию возлагаются надежды как на сторону, способную наладить переговорные мосты между странами [21]. Эта задача закреплена во внешнеполитических задачах Швейцарии на 2020–2023 год. По мере эскалации Украинского конфликта, Австрия и Швейцария встали на сторону Европейского союза, укрепляя отношения с европейскими партнерами для сохранения собственной безопасности. К примеру, Австрия поддержала тренировку украинских солдат странами-участницами ЕС, но сама отказалась принять в этом участие. По словам главы МИД Австрии А. Шалленберга, Австрия продолжит оказывать поддержку Киеву, но участвовать

в миссии для украинских военных не планирует. Глава министерства отметил, что участие Австрии в этой миссии на будущее исключать нельзя [22]. Российско-австрийский форум общественности «Сочинский диалог» сейчас приостановлен. Как выразился австрийский сопредседатель этого форума Кристоф Лейтль: «пока оружие говорит, диалог молчит». Российская сторона рассматривает ситуацию с Сочинским диалогом по-другому. По словам директора «Сочинского диалога» Марии Матвеевой: «диалог не может распасться», потому что за время его работы сформировались прямые контакты между представителями гражданского общества, а сейчас сотрудничество временно затруднено [23]. Швейцария также присоединилась к санкциям против России, однако в рамках нейтралитета заявила, что поставка оружия через свою территорию запрещена. В русскоязычных СМИ освещалась информация о том, что все же через Швейцарию разрешена поставка комплектующих для видов вооружений, которые потом могут быть поставлены на Украину. Ситуация изменилась в конце ноября 2022 года, когда Швейцария запретила экспорт оружия России и Украине по причинам приверженности политике нейтралитета [24]. На сайте министерства экономики Швейцарии появилось заявление, в котором было обозначено решение Федерального совета ввести эмбарго на военные траты в отношении России и частично Украины. Глава государства заявил, что поставки оружия на Украину или любое другое косвенное участие в вооруженных конфликтах Швейцария принимать не будет. Стоит упомянуть, что ранее Швейцария уже поставляла грузовики с гуманитарной помощью в Донбасс. Первые поставки состоялись в сентябре 2021 года [24].

Заключение

Согласно конструктивистской логике, начинает меняться и идентичность Австрии и Швейцарии, и нейтралитет, возможно, станет играть для них меньшую роль, чем раньше. Примечательным индикатором изменения дискурса Австрии служат слова министра иностранных дел о поддержке украинской стороны. У Австрии существуют внешние ограничения

в виде членства в ЕС, из-за которых страна вынуждена соотносить свой дискурс с общеевропейским. В Швейцарии же дискурс остается неизменным, государство по-прежнему формирует свою политику, опираясь на нейтралитет в первую очередь. Тем не менее, сказать, что Швейцария максимально строго придерживается политики нейтралитета тоже невозможно, потому что Берн все же присоединился к антироссийским санкциям. Нейтралитет XXI проходит через серьезные изменения, в особенности во времена конфликтов на территории Европы. Принимая в внимание такие факты, как зависимость интересов стран от политических и экономических факторов, и отсутствие определения концепции постоянного нейтралитета в каких-либо доктринах или документах, он все равно продолжает играть ключевую роль при принятии внешнеполитических решений. На примере Австрии и Швейцарии видно, что государства выстраивают свою политику таким образом, чтобы принцип нейтралитета работал на пользу интересов стран на мировой арене. Такая политика широкую поддержку со стороны граждан Австрии и Швейцарии, а значит необходимо разработать четкие права и обязанности государства с нейтральным статусом, чтобы сохранить и укрепить его в будущем.

Библиография

1. Deschaux-Dutard Delphine. Introduction à la sécurité internationale. // Presses universitaires de Grenoble « Politique en + ». — 2018.
2. Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность. — 2021–916 с. — (в пер.).
3. Asymmetric Warfare: Conflict of the Past, the Present, and the Future // Proceedings of the Conference in Budapest, Hungary. — 2016.
4. Корунова Е. В. Программа курса «дефиниция “нейтралитет” Теория и практика политики нейтралитета в системе международных отношений». — 2009.
5. Politics Among Nations: the struggle for power and peace / Hans J. Morgenthau, Kenneth W. Thompson. — 6th ed. — New York: Alfred A. Knopf, 1985. — 688 p.
6. Politics Among Nations: the struggle for power and peace / Hans J. Morgenthau, Kenneth W. Thompson. — 6th ed. — New York: Alfred A. Knopf, 1985. — 688 p.

7. Современные теории международных отношений: учебник / под ред. В. Н. Конышева, А. А. Сергунина. — Москва: РГ-Пресс, 2013. — 368 с.
8. Корунова Е. В. Программа курса «дефиниция “нейтралитет”. Теория и практика политики нейтралитета в системе международных отношений». — 2009.
9. Ковалев А. А. — Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. — 2021. — № 2. — С. 28–40.
10. Сета П. Нейтральность Швейцарии: миф или реальность? // Российский совет по международным делам. — 08.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/p-seta/> (дата обращения: 07.11.2022)
11. Скриба А. Балансирование малых и средних государств // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2022.
12. Швейцер В. Я. Политические проблемы современной Австрии. — Москва: ИЕ РАН, 2022. — С. 115.
13. Русанов М. С., Шарапова Н. В. Нейтралитет Австрии в контексте сотрудничества с международными организациями // Вестник Московского университета МВД России. — № 11. — 2015.
14. Фокина С. В. Основные этапы становления и развития нейтралитета в европейском пространстве (на примере Швейцарии и Австрии) // Манускрипт. — 2016. — № 3.
15. EDA to take forward PESCO project on CBRN surveillance // Permanent Structured Cooperation (PESCO). — 12.11.2019. URL: <https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2019/11/12/eda-to-take-forward-pesco-project-on-cbrn-surveillance> (дата обращения: 11.12.2022)
16. Switzerland's Foreign Policy Strategy 2020–23 // Schweizerische Eidgenossenschaft. — 26.01.2022. — URL: <https://www.fdfa.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/implementing-foreign-policy/aussenpolitischestrategie.html> (дата обращения: 27.09.2022)
17. Majority of Austrians reject joining NATO // The Local. — 06.05.2022. URL: <https://www.thelocal.at/20220506/majority-of-austrians-reject-joining-nato/> (дата обращения: 11.12.2022)
18. So denkt die Schweiz über Krieg und Neutralität. // Blick. — 17.04.2022. URL: <https://www.blick.ch/ausland/so-denkt-die-schweiz-ueber-krieg-und-neutralitaet-das-volk-will-aufruersten-id17412974.html> (дата обращения: 11.12.2022)
19. Foreign and European Policy Report // Federal Ministry Republic of Austria. — 2020. — URL: <https://www.bmeia.gv.at/en/the-ministry/foreign-and-european-policy-report/> (дата обращения: 27.09.2022), Département fédéral de la défense, de la protection de la population et des sports. URL: <https://www.vbs.admin.ch/fr/home.html> (дата обращения: 27.09.2022)

20. Switzerland on the UN Security Council // Federal Department of Foreign Affairs (FDFA). URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/international-organizations/un/switzerland-commitment/UNO-Sicherheitsrat.html> (дата обращения: 11.12.2022)
21. Австрия поддерживает миссию ЕС для украинских военных. // ТАСС. — 17.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16073651> (дата обращения: 11.12.2022)
22. Форум России и Австрии заявил, что «диалог не может распасться». // РБК. — 08.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/629f59c89a7947227e88a91a> (дата обращения 02.12.2022)
23. Швейцария ввела эмбарго на поставки России и Украине военных товаров. // РИА Новости. — 23.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221123/shveysariya-1833704220.html> (дата обращения 02.12.2022)
24. Швейцария отправила 130 грузовиков с гуманитарной помощью в Донбасс. // ТАСС. — 05.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12306273> (дата обращения 02.12.2022)

Юрова Маргарита Александровна,

Фокин Ярослав Павлович

МГИМО МИД РФ

Факультет международных отношений

магистратура

Основные черты сотрудничества России и БРИКС в рамках взаимодействия с латиноамериканскими странами в начале XXI века

The main aspects of cooperation between Russia and the BRICS
in framework of cooperation with Latin-American countries at
the beginning of the 21st century

Аннотация. международная роль БРИКС постоянно повышается, что означает продвижение многополярности, справедливости и взаимовыгодного диалога. Совместная работа стран-членов БРИКС способствует развитию экономик, развитию региональной и межрегиональной интеграции, формированию партнерства между Бразилией и Россией. За десятилетие роль БРИКС кардинально меняется и влияет на архитектуру международной системы. Россия и Бразилия являются ключевыми участниками БРИКС, формируя курс сотрудничества Юг-Юг.

Ключевые слова: сотрудничество, Россия, Бразилия, БРИКС, Латинская Америка

Abstract. The international role of BRICS is constantly increasing, which means promoting multipolarity, fairness and mutually beneficial dialogue. The joint work of the BRICS member countries contributes to the development of economies, the development of regional and interregional integration, and the formation of a partnership between Brazil and Russia. Over the past decade, the role of BRICS has changed dramatically and influenced the architecture of the international system. Russia and Brazil are key participants in BRICS, shaping the course of South-South cooperation.

Key words: cooperation, Russia, Brazil, BRICS, Latin America

Введение

Сегодня как никогда необходимо проводить анализ роли БРИКС, который играет далеко не последнюю роль в глобальном и региональном измерениях международных курсов РФ и Бразилии, а также латиноамериканского региона. БРИКС продолжает представлять особый интерес для стран-участниц, которые имеют общую цель — обрести большую политическую и экономическую самостоятельность, стать активными участниками и обрести вес на международной арене. Это неформальное объединение является хорошим стартом и возможностью для России и латиноамериканских государств, стремящихся к экономическому росту, устойчивому развитию и к тому, чтобы справляться с кризисами разного характера.

Развитие этого объединения подвержено влиянию не только международной повестки, но и региональной. Внутренние политические и социально-экономические события, происходящие в странах, имеют тенденцию воздействовать на формирование позиций правительств и способствовать кардинальным изменениям во взаимоотношениях между государствами-членами. Сегодня БРИКС является связующим мостом во взаимоотношениях между Российской Федерацией и латиноамериканскими странами.

Цель данного исследования — изучить роль отношений России и Бразилии в формировании деятельности БРИКС и его влияние на латиноамериканский континент.

Для достижения обозначенной цели этого исследования были поставлены следующие **задачи**:

- Выявить главные позитивные и отрицательные тренды развития БРИКС во взаимодействии России и Латинской Америки;
- Определить главные тенденции развития БРИКС в ближайшем будущем;
- Определить и сравнить уровни влияния России и Бразилии на процессы в рамках БРИКС.

Исследование основано на современных отечественных и зарубежных работах экспертов и специалистов, изучающих данную проблематику исследования или анализирующих отдельные по-

литические, экономические, социальные аспекты сотрудничества между Российской Федерацией и БРИКС в рамках сотрудничества с латиноамериканскими государствами, а также на базе источников, представленных официальными заявлениями стран-участниц БРИКС, статистическими данными, отражающими динамику торгово-экономического сотрудничества, а также доктринальными и стратегическими документами, предлагающими план развития рассматриваемого объединения.

В рамках настоящего анализа авторами был использован широкий спектр междисциплинарных методов. Во-первых, в работе используется системный подход: сотрудничество участников БРИКС представляется в качестве комплексной системы, состоящая из разрозненных, но взаимосвязанных элементов. В данной связи двусторонние связи, главным образом российско-бразильские отношения, внутри объединения выступают в качестве подсистем, в то время как отношения с внешними игроками (Аргентина, США, Турция, Саудовская Аравия) рассматриваются как взаимодействие системы и среды. Во-вторых, в работе используются элементы структурно-функционального анализа: выявляются конкретные интересы, стимулирующие рассматриваемые страны, такие как Россия, Бразилия, Аргентина и другие, к сотрудничеству в рамках БРИКС. В-третьих, в исследовании использовался метод изучения документов и заявлений. Его применение связано с анализом и интерпретацией основных официальных документов и заявлений официальных представителей стран по вопросам сотрудничества в рамках БРИКС, примером чего может служить Совместное Коммюнике министров экономики и внешней торговли стран БРИКС 2022 г. В-четвертых, в исследовании был использован метод изучения статистических данных, что было связано с рассмотрением некоторых показателей в сфере внешней торговли между участниками БРИКС, в первую очередь, между Россией и Бразилией.

БРИКС: новые возможности и старые вызовы в отношениях России и Латинской Америки

БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) — уникальная платформа, которая приобретает все большее значе-

ние в политической и экономической сферах на международной арене. Если рассматривать экономический аспект, то на первый семестр 2023 года доля БРИКС составляет 31,5% мирового ВВП, что по сравнению с долей G7 значительно увеличилось. На долю БРИКС приходится более трети мировых поставок продовольствия, в том числе более 40% мирового производства зерна, и есть потенциал для дальнейшего увеличения этого показателя.

Тем временем экономический и политический курс БРИКС позволяет развивающимся экономикам обрести альтернативу институтам, в которых доминируют западные страны (можно отметить деятельность Всемирного банка, МВФ, ВТО и ВОЗ). Курс, определенный БРИКС, нацелен на создание более справедливых условий для устойчивого развития и роста развивающихся стран, нуждающихся в дополнительных стимулах, инвестировании и возможностях. БРИКС охватывает такие важнейшие области взаимодействия, как экономика и торговля, наука, здравоохранение, сельское хозяйство, культура, аналитические центры [2].

Существует мнение, что БРИКС можно рассматривать с нескольких сторон: 1) как платформу, которая ставит своей целью изменить существующую международную систему для внесения преобразований и необходимых изменений и 2) как группу крупных развивающихся стран, стремящихся увеличить свои шансы на глобальном уровне. Сейчас БРИКС направлен на расширение сотрудничества и включение новых стран-членов для продвижения интересов развивающихся экономик на глобальном уровне. БРИКС имеет потенциал увеличивать свое влияние в преобразовании архитектуры глобального управления и в изменении существующих многосторонних институтов, ставя в приоритет инклюзивность и прозрачность [6], [7].

Россия и Бразилия являются ведущими региональными лидерами и членами значимых международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация и Группа 20 (G20). Бразильско-российские отношения переживали долгую историю как на двустороннем уровне, так и в рамках БРИКС и сотрудничества в формате Юг-Юг. Сотрудничество между Россией и Бразилией является важным элементом внешней политики обеих стран. Во время предыду-

щего президентства Лулы да Силвы, который участвовал в создании БРИКС, Россия и Бразилия смогли повысить свои отношения до уровня стратегических. Так, еще в 2014г. лидеры стран-членов БРИКС подчеркивали важность взаимодействия с Союзом южноамериканских наций (УНАСУР).

За последнее десятилетие страны БРИКС значительно увеличили свою финансовую и техническую помощь развивающимся странам и смогли создать особые пути сотрудничества Юг-Юг, особенно со странами с низким уровнем дохода. Такое сотрудничество способствует увеличению политического влияния стран БРИКС в мире.

Инициатива, над которой работали Россия и Бразилия, является созданием Нового банка развития (НБР) — многостороннего банка развития, направленного на финансирование проектов в сферах инфраструктуры и устойчивого развития. Их сотрудничество можно охарактеризовать как приверженность содействию экономическому развитию и решению глобальных насущных задач. На сегодняшний день Россия и Бразилия играют далеко не последнюю роль в формировании повестки дня этой группы. НБР в качестве финансового института для развивающихся стран способствует диверсификации связей с другими развивающимися странами и различными международными организациями. Фокус на таких областях развития как содействие передаче технологий и стимулирование инноваций, разрешение проблем продовольственной и энергетической безопасности позволяет расширять сферы взаимодействия и повышать уровень жизни в развивающихся странах. Банк поддерживает развитие отношений с другими многосторонними банками развития, такими как Всемирный банк, Африканский банк и другими национальными и глобальными организациями. В апреле 2023г. Новый банк развития посетил глава Бразилии Лула да Силва, также в 2023г. бывший президент Бразилии Дилма Руссефф заняла пост президента Нового банка развития и будет выполнять свои обязанности до июля 2025г. Дилма Руссефф подчеркнула приверженность Банка поддержке целей устойчивого развития и указала на важность президентского визита для укрепления сотрудничества между НБР и Бразилией. В то время как глава Бразилии упомянул

важность текущих и потенциальных проектов Банка в Бразилии в таких областях, как возобновляемые и чистые источники энергии, современная транспортная инфраструктура и городская мобильность, эффективность водоснабжения и санитарии. Обе стороны изучали перспективы и возможности дальнейшего сотрудничества, включая потенциал Банка в том, чтобы помогать Бразилии смягчать последствия изменения климата и продвигать зеленое финансирование.

Сейчас будучи членами группы БРИКС, страны работают над продвижением выгодной для развивающихся стран повестки и продвижением глобального экономического развития и сотрудничества. Взаимоотношения между двумя странами не только имеют влияние на двустороннем уровне, но и на глобальном. Бразилия стала лидирующим торговым партнером России в Латинской Америке, а также важным партнером в таких сферах как наука, политика. Россия со своей стороны является основным партнером Бразилии на постсоветском пространстве. Помимо этого, Бразилия рассчитывает на развитие сотрудничества в области космических исследований в рамках группы стран БРИКС.

Торговля между двумя странами также росла в последние годы. В 2018г. обе страны подписали соглашение о свободной торговле, которое ставит своей целью увеличить двустороннюю торговлю и поток инвестиций. Россия в основном экспортирует сельскохозяйственную продукцию, удобрения, железную руду, нефть. Не стоит забывать и тот факт, что Россия остается одним из крупнейших поставщиков минеральных удобрений для Бразилии, что важно для агропромышленного комплекса последней. В оборонном секторе Россия поставляет военное оборудование в Бразилию. Сейчас при президентстве Лулы да Силвы есть надежда, что двусторонние политические и экономические отношения улучшатся и перейдут на новый уровень.

Тот факт, что в Концепции внешней политики России Бразилии уделяется особое внимание и она упоминается не только как член МЕРКОСУР и БРИКС, показывает заинтересованность нашей страны в улучшении связей между двумя сторонами, особенно после избрания нового президента от левых. Сегодняшняя

политическая панорама показывает нам, что двусторонний диалог между Россией и Бразилией — это больше, чем торговые и экономические взаимоотношения. Этот диалог продолжается уже долгие годы и приобрел особое стратегическое значение для обеих стран в XXI в, имея позитивную динамику.

Бразилия — одна из крупных стран мира, которая имеет огромный потенциал [4], [5]. Сегодня Бразилия стремится стать не только региональным лидером на латиноамериканском континенте, но и обрести больший политический и экономический вес на международной арене. БРИКС представляет для Бразилии важную платформу, благодаря которой страна добивается многосторонности и плюрализма, имеет возможность реформировать международные валютно-финансовые институты. Однако отношение руководства Бразилии к БРИКС не всегда было однозначным. Так в первые годы правления Жаира Болсонару министр иностранных дел Эрнесто Араужу посчитал, что деятельность БРИКС можно поставить под сомнение. Жаир Болсонару сосредоточился на построении отношений с США, а к России подход больше с прагматической точки зрения. Скорее всего, Лула, как мы видим на сегодняшний день, также придерживается похожего курса по отношению к России.

Достаточно интересна позиция Бразилии, направленная на диверсификацию отношений с другими странами, а также на создание более независимого курса от США. Лула да Силва поддерживает создание альтернативной валюты БРИКС, которая сможет противостоять американскому доллару. Кроме того, возможность создания такой валюты также рассматривается на международном уровне между Бразилией и Аргентиной. Сама Аргентина также рассматривает членство в БРИКС в качестве полноценного участника. Однако пока неясно, как сама Бразилия в качестве регионального лидера и страны, претендующей на особое место на глобальном уровне, будет реагировать на присоединение Аргентины к БРИКС. Можно зафиксировать некоторые действия со стороны бразильского лидера. Лула да Силва заявил, что его страна активно помогает аргентинскому соседу в преодолении финансового кризиса (высокая инфляция, проблемы в двусторонней торговле). По его словам, Новый банк развития мо-

жет помочь справиться с этой задачей, в то время как политика Международного валютного фонда усугубляет ситуацию. заключив с Аргентиной соглашение на 44 млрд долл.

Укрепление и расширение блока, включающего другие развивающиеся страны, такие как Аргентина, Турция и Саудовская Аравия, может стать важным механизмом, с помощью которого Бразилия может претендовать на восстановление своих международных позиций [1]. Для Лулы БРИКС является одним из наиболее ярких достижений его прошлого президентства, и поэтому можно ожидать, что группа будет играть жизненно важную роль в его внешней политике в будущем, не только в плане укрепления традиционной многосторонней дипломатии Бразилии, но и как средство укрепления сотрудничества Юг-Юг между Бразилией, Индией и Южной Африкой, а также политических и экономических тесных связей страны с Китаем.

В любом случае присоединение Аргентины к БРИКС играет важную роль, поскольку это способствует усилению экономического и политического влияния Аргентины. Аргентина сможет получить доступ к новым рынкам и инвестиционным возможностям, а также площадку для выражения собственных интересов и высказываний по глобальным значимым вопросам. Кроме того, Аргентина сможет получить альтернативные источники финансирования проектов по инфраструктуре и реализации других инициатив.

Для России возможное присоединение Аргентины к БРИКС может сыграть положительную роль в расширении и углублении сотрудничества с латиноамериканскими странами. Развитие двусторонних отношений в рамках этой платформы может способствовать созданию совместных проектов в различных областях или построению более масштабной политики со стороны России по отношению к Латинской Америке. На сегодняшний момент Аргентина является одним из ключевых партнеров России в Латинской Америке. Например, уже сейчас на двустороннем уровне обсуждается сотрудничество в области охраны окружающей среды и сохранения биоразнообразия. Стороны намерены активизировать сотрудничество в области управления особо охраняемыми территориями. В других обла-

стях сотрудничества двух стран также можно заметить некоторый прогресс. В 2015г. Россия и Аргентина заключили ряд соглашений, среди них соглашение на 2 млрд долл о строительстве новой гидроэлектростанции в Аргентине и меморандум. В 2018г. был заключен меморандум о взаимопонимании 2018г. об участии России в разведке и добыче урана. Во время визита Маурисио Макри в Москву В.В. Путин также предложил строительство атомной электростанции. И уже в 2022г. во время визита следующего президента Аргентины Альберто Фернандеса стороны обсуждали углубление сотрудничества в борьбе с распространением коронавируса — так Аргентина стала первой страной среди других в Западном полушарии, которая зарегистрировала российскую вакцину “Спутник V” (российская сторона поставила Аргентине почти 15 млн. доз вакцины). Экономические связи также поддерживаются достаточно на высоком уровне, двусторонняя торговля выросла на 50%, а возможности развития связей в инвестиционной и деловой сферах также растут. В области электроэнергетики “Росатом” положительно рассматривает помощь Аргентине. Также рассматриваются перспективы сотрудничества между ЕАЭС и МЕРКОСУР. Кроме того, в феврале 2022г. Альберто Фернандес заявлял о том, что его стране следует отказаться от зависимости от США и от МВФ. Такое заявление может послужить базисом для того, чтобы развивать альтернативные институты в рамках БРИКС в случае вступления Аргентины [18].

На сегодняшний момент мы можем констатировать устойчивый рост сотрудничества между членами БРИКС по направлениям многосторонней дипломатии. Так, во время пандемии COVID-19 в 2022 году был запущен новый центр вакцин — Центр исследований и разработок БРИКС — совместный проект государств БРИКС. Кроме того, Банк развития выделил около 1 млрд. долл на финансирование борьбы правительства Бразилии с пандемией COVID-19. Такие совместные предприятия имеют большое значение, так как стимулируют исследования вакцин, накапливают знания и опыт в медицинской и научной сферах. Начнем с того, что бюрократические процессы и волокита оказывают негативное влияние на работу этой организации. Наконец, неэффективная регулирующая роль, отсутствие действий в начале

пандемии, когда от ВОЗ ожидали решительных действий против коронавируса, но она этого не сделала. Кроме того, российская вакцина “Спутник” не была признана организацией, несмотря на ее высокую эффективность. Поэтому создание альтернативных институтов может стать выходом для развивающихся стран, которые стремятся увеличить свое присутствие на международной арене.

Следует рассмотреть еще одну идею, выдвинутую странами БРИКС. Можно также упомянуть и проанализировать начатый странами БРИКС процесс дедолларизации международной торговли. Стремясь подорвать гегемонию доллара в мире, члены БРИКС, похоже, позитивно настроены на перестройку нынешнего глобального экономического порядка. Мы можем зафиксировать несколько тенденций, которые развиваются в настоящее время.

Во-первых, эксперты уже не могут отрицать экономический рост ведущих развивающихся стран (в данном случае Бразилия, Китай, Индия), которые приобретает значительную силу и вес в политическом плане, все больше расширяя сферу своего экономического и политического влияния. В рамках БРИКС обсуждается вопрос о двусторонней торговле в местных валютах, причем наибольшее внимание и признание со стороны остальных развивающихся стран получают юань и рупия. Расширение использования китайского юаня или индийской рупии, скорее всего, спровоцирует процесс вытеснения доллара из мирового экономического порядка, а азиатские экономики получат больше влияния на международной арене [14], [15].

Во-вторых, Бразилия во главе с Лулой да Силвой стремится не только к региональному, но и к глобальному лидерству, активно реализуя собственную повестку дня. Вопрос об отказе от доллара также рассматривается Бразилией, которая хочет добиться этого на двустороннем уровне с Аргентиной. Однако следует отметить, что это открывает новые возможности для взаимодействия между двумя латиноамериканскими странами, а также риски из-за асимметричности экономических потенциалов обеих стран. Поездка Лулы да Силвы в Китай означает особый поворот в партнерстве с глобальным Югом и подразумевает поддержку де-

долларизации международных экономических отношений. Такая позиция со стороны Бразилии, где в этом процессе заинтересованы и бразильские бизнес-секторы, может также означать шаг к построению и поддержке многостороннего мира.

Итак, дедолларизованная торговля — это уже не фантастика, а часть настоящего, которую ни в коем случае нельзя упускать из виду. Например, Новый банк развития (НБР), который является финансовым институтом БРИКС, как утверждается, будет осуществлять этот процесс дедолларизации и создания общей валюты, которая будет использоваться для того, чтобы положить конец доминированию доллара [16, 17].

С другой стороны, необходимо отметить, что существуют определенные проблемы и ограничения в масштабировании успехов кооперации России при помощи созданных в рамках БРИКС инструментов с такими странами, как Бразилия и Аргентина, на другие латиноамериканские страны. К примеру, проекты дедолларизации торговли России и других стран Латинской Америки в настоящее время далеки от реализации. Аналогичным образом не особенно влияют на российско-латиноамериканскую кооперацию НБР БРИКС. Данные проблемы во многом уходят корнями в ограниченность масштабов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и стран Латинской Америки. Так, в 2019 г. совокупный торговый оборот России и латиноамериканских стран составил примерно 14 млрд. долларов, что значительно меньше как торгового оборота России с Китаем, так и Латинской Америки с Китаем. При этом около 38,2% российско-латиноамериканской торговли приходится на Бразилию и Аргентину [19]. После 2019 г. пандемия и эскалация международной напряженности оказали негативное влияние на торговлю. Ситуация в сфере инвестиций описывается аналогичными трендами.

Среди причин, ограничивающих развитие торгово-инвестиционного партнерства России и Латинской Америки называются антироссийские санкции, введенные после 2014 г. и 2022 г., в особенности риски попадания под вторичные санкции; географическая удаленность, которая затрудняет логистику; высокие таможенные пошлины и отсутствие договоров о свободной торговле

между странами; высокая конкуренция на рынках Латинской Америки со стороны США и Китая [20]. Таким образом, можно заключить, что потенциал кооперации России и стран Латинской Америки реализуется не полностью, что предопределяет ограниченность результатов использования инструментов БРИКС в российско-латиноамериканском сотрудничестве. В данной связи России следует уделять большее внимание углублению и диверсификации связей со странами Латинской Америки.

Заключение

БРИКС играет значительную роль для Российской Федерации и латиноамериканских государств, которые заинтересованы в укреплении связей между государствами. Украинский вопрос резко поменял международную картину мира и поставил многие проблемы с точки зрения политики, экономики и безопасности во главу угла. Разрыв между РФ и западными странами привел к тому, что российское руководство в поисках альтернативы стало больше ориентироваться на другие континенты, в том числе на латиноамериканские государства. Усиление влияния РФ среди стран Латинской Америки через БРИКС поможет России обрести поддержку и укрепить партнерские отношения. На сегодняшний день России, как никогда, необходимо работать над улучшением имиджа и своей репутации за рубежом, а правильная и адекватная политика в рамках БРИКС может способствовать улучшению отношений между Россией и странами Западного полушария. БРИКС должен продолжать исполнять активную роль в происходящих процессах и выступать гарантом того, что он является частью нового перестроенного глобального порядка.

Сейчас Бразилия, как одна из стран-участниц БРИКС, находится на позициях нейтралитета и выступает за скорейшее разрешение украинского вопроса. Бразилия нацелена на дальнейший конструктивный диалог с Россией, а также на улучшение торгового обмена между двумя странами, прежде всего в сырьевом секторе, экспорте удобрений. На сегодняшний день Луис Инасио Лула да Силва, недавно вступивший в должность президент Бразилии и один из основателей БРИКС, активно выступает за укрепление

кооперации в рамках этого объединения, например, за поддержку независимых финансовых механизмов таких как международная платежная система BRICS Pay. Следует отметить, что цели такой политики у Бразилии скорее прагматические, чем идеологические. Тем не менее, как и Россия, Бразилия и другие страны-члены БРИКС стремятся к созданию полицентричного мирового порядка [3].

Подводя итог, можно сказать, что БРИКС по-прежнему будет представлять важный политический вектор для бразильской внешней политики в будущем, хотя и по разным причинам в зависимости от избранного кандидата. БРИКС может стать платформой для дальнейшего сближения Бразилии с Россией.

Для России диверсификация контактов с Латинской Америкой — один из ключей к политике России в отношении этого региона. С точки зрения взаимности, это шанс показать Вашингтону, что Москва взаимодействует с соседями США на своих условиях, и что попытки международной изоляции России не реализуются. Необходимо понимать, для России будет довольно сложно бороться за латиноамериканский регион, учитывая, что сейчас он находится под пристальным влиянием как стран ЕС, прежде всего Германии, пытающейся построить доверительные отношения, а также КНР, которая активно вкладывает свои инвестиции в главные сектора экономик латиноамериканских партнеров и держит свой фокус на этом регионе, продвигая свои масштабные проекты. Российская Федерация должна придать новый импульс отношениям в рамках БРИКС и, следовательно, отношениям с латиноамериканскими государствами, что позволит выйти из-под гнета западных санкций и преодолеть изолированность путем диалога и глубокого и даже возможно всеобъемлющего сотрудничества. Вероятно, новой задачей российского правительства станет выработка новой качественной стратегии по отношению к БРИКС для повышения роли этой организации и вывода партнерства с латиноамериканскими государствами на новый уровень.

Библиография

1. *Zharikov M. V.* The BRICS Mechanism as a Platform to Support Russian Interests in the Hostile Global Economic and Financial Environment / M. V. Zharikov // Review of Business and Economics Studies. 2022. Vol. 10, No. 3. P. 6–17..
2. *Sergunin A. A.* Russia's Strategies towards BRICS: Problems and Opportunities / A. A. Sergunin // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, No. 3. P. 534-542.
3. Окунева, Л. С. Президентские выборы 2022 г. в Бразилии: от “бури и натиска” Болсонару к трудному триумфу Лулы / Л. С. Окунева // Латинская Америка. — 2022. — № 12. — С. 6-26. — DOI10.31857/S0044748X0023418-8.
4. BRICS Joint Statistical Publication, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12879> (дата обращения: 15.06.2023)
5. BRICS Joint Statistical Publication, 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12879> (дата обращения: 15.06.2023)
6. Совместное Коммюнике министров экономики и внешней торговли стран БРИКС, 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cc14c1f6769be55144a37ff79324dca6/BRICS_Communique_2022.pdf (дата обращения: 15.06.2023)
7. *Lukyanov F.* BRICS Goes from Fantasy to Reality // Russia in Global Affairs. 2019. April [Electronic resource]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/BRICS-goes-from-fantasy-to-reality-15169>.
8. *Лухачев А.Е.* О торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве стран БРИКС // Материалы совещания “Объединение БРИКС: стратегия и перспективы развития”, 25 февраля 2014 г.
9. *Мартынов Б. Ф., Ивановский З.В., Симонова Л.Н., Окунева Л.С.* Ключевые интересы и целевые ориентиры Бразилии, как участницы формата БРИКС // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. 2013. С. 85–118.
10. *Махмутов А.Х.* БРИКС -новая модель глобальных отношений // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 6. С. 10–15.
11. Официальный сайт Всемирной торговой организации. URL: www.wto.ru/. (дата обращения: 15.06.2023)
12. Официальный сайт Группы Всемирного банка. URL: <http://www.worldbank.org/eca/russian/> (дата обращения: 15.06.2023)
13. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: www.economy.gov.ru (дата обращения: 15.06.2023)
14. БРИКС обзаведется своей SWIFT URL: <https://expert.ru/2015/06/8/briks-obzavedetsya-swift> (дата обращения: 13.04.2022).

15. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf?ysclid=11xvs vdpww> (дата обращения: 15.06.2023)
16. Россия и страны БРИКС: итоги 2020 URL: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/rossiya-i-strany-briks-itogi-2020> (дата обращения: 15.06.2023)
17. Баталина, М. Л., Бордачев, Т. В., & Бочкова, М. С. (2020). Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. 2020. — 194 с.
18. Russia and Argentina discussed cooperation in the fields of environmental protection and biodiversity conservation // АК&М Information Agency. URL: <https://www.akm.ru/eng/press/russia-and-argentina-discussed-cooperation-in-the-fields-of-environmental-protection-and-biodiversit/> (дата обращения: 15.06.2023)
19. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 3. С. 209–226.
20. Медина Гонсалес В.К., Торо Бельотт Р.Н. Внешнеэкономические отношения России с крупнейшими латиноамериканскими партнерами в условиях антироссийских санкций. *Ибероамериканские тетради*. 2022. № 10. С. 109–122.

Научное издание
**РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**
Сборник работ XI международной
студенческой научной конференции

Верстальщик *А. А. Лубина*

Подписано к публикации 10.11.2023.
Формат 60x90 1/16. Объем 38,25. Заказ № 15736.

Издательство «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н
тел. (812) 982-83-94